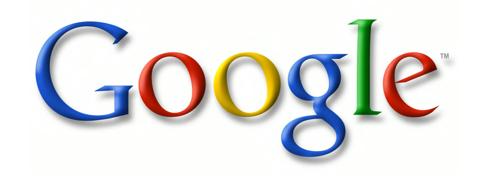
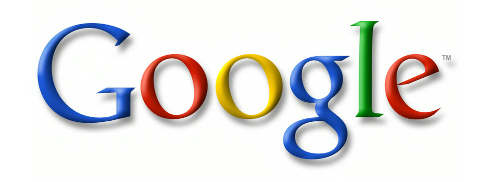
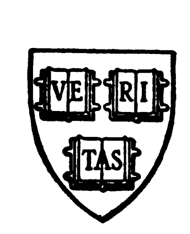






ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-п.-бургъ, 18 августа 1850.

Исправляющій должность Цензора *В. Лангеръ.*

СОЧИНЕНІЯ

Gavriil Romanovitch

ДЕРЖАВИНА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Изданіе Александра Смирдина.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЯКОВА ТРЕЯ.

1851.

34

Цѣна за два тома два рубля серебромъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

КЪ

СОЧИНЕНІЯМЪ ДЕРЖАВИНА.

Томъ I.

№ стр.

СОЧИНЕНІЯ ДЕРЖАВИНА.

I.

БОГЪ.

О, Ты, пространствомъ безконечный,
Живый въ движеньи вещества,
Теченьемъ времени превѣчный,
Безъ лицъ, въ трехъ лицахъ Божества! (1)
Духъ всюду сущій и единый,
Кому нѣтъ мѣста и причины,
Кого никто постичь не могъ,
Кто все Собою наполняетъ,
Объемлетъ, зиждетъ, сохраняетъ,
Кого мы называемъ — Богъ!

Измѣрить океанъ глубокій,
Сочесть пески, лучи планетъ,
Хотя и могъ бы умъ высокій, —
Тебѣ числа и мѣры нѣтъ!
Не могутъ духи просвѣщенны,
Отъ свѣта Твоего рожденны,
Изслѣдовать судебъ Твоихъ:
Лишь мысль къ Тебѣ взнестись дерзаетъ,
Въ Твоемъ величьѣ исчезаетъ,
Какъ въ вѣчности прошедшій мигъ.

Хаоса бытность довременну
Изъ безднъ Ты вѣчности воззвалъ,
А вѣчность прежде вѣкъ рожденну,
Въ Себѣ Самомъ Ты основалъ.
Себя Собою составляя,
Собою изъ себя сiяя,
Ты свѣтъ, откуда свѣтъ истекъ.
Создавый все единымъ словомъ,
Въ твореньѣ простираясь новомъ,
Ты былъ, Ты есь, Ты будешь ввѣкъ!

Ты цѣпь существъ въ Себѣ вмѣщаешь,
Ее содержишь и живишь;
Конецъ съ началомъ сопрягаешь,
И смертiю животъ даришь.
Какъ искры сыплются, стремятся,
Такъ солнцы отъ Тебя родятся;
Какъ въ мразный, ясный день, зимой,
Пылинки инея сверкаютъ, (2)
Вратятся, зыблются, сiяютъ,
Такъ звѣзды въ безднахъ подъ Тобой.

Свѣтилъ возженныхъ миллiоны
Въ неизмѣримости текутъ:
Твои они творятъ законы,
Лучи животворящи льютъ.
Но огненны сiи лампады,
Иль рдяныхъ кристалей громады,
Иль волнъ златыхъ кипящiй сонмъ,
Или горящiе эѳиры,
Иль вкупѣ всѣ свѣтящи мiры —
Передъ Тобой, какъ нощь предъ днемъ.

Какъ капля въ море опущенна,
Вся твердь передъ Тобой сія.
Но что мной зримая вселенна?
И что передъ Тобою я? —
Въ воздушномъ океанѣономъ,
Міры умножа милліономъ
Стократъ другихъ міровъ — и то,
Когда дерзну сравнить съ Тобою,
Лишь будетъ точкою одною:
А я передъ Тобой — ничто.

Ничто!... Но Ты во мнѣ сіяешь
Величествомъ Твоихъ добротъ;
Во мнѣ Себя изображаешь,
Какъ солнце въ малой каплѣ водъ.
Ничто!... Но жизнь я ощущаю,
Несытымъ нѣкакимъ летаю
Всегда пареньемъ въ высоты;
Тебя душа моя быть чаетъ,
Вникаетъ, мыслитъ, разсуждаетъ;
Я есмь — конечно есь и Ты!

Ты есь — Природы чинъ вѣщаетъ;
Гласитъ мое мнѣ сердце то;
Меня мой разумъ увѣряетъ:
Ты есь — и я ужъ не ничто!
Частица цѣлой я вселенной,
Поставленъ, мнится мнѣ, въ почтенной
Срединѣ естества я той,
Гдѣ кончилъ тварей Ты тѣлесныхъ,
Гдѣ началъ Ты духовъ небесныхъ,
И цѣпь существъ связалъ всѣхъ мной.

Я связь міровъ, повсюду сущихъ,
Я крайняя степень вещества;
Я средоточіе живущихъ,
Черта начальна Божества;
Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю;
Я царь — я рабъ; — я червь — я богъ!
Но, будучи я столь чудесенъ,
Отколѣ происшелъ? — безвѣстенъ;
А самъ собой я быть не могъ.

Твое созданье я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источникъ жизни, благъ Податель,
Душа души моей и Царь!
Твоей то правдѣ нужно было,
Чтобъ смертну бездну преходило
Мое безсмертно бытіе;
Чтобъ духъ мой въ смертность облачился,
И чтобъ чрезъ смерть я возвратился,
Отецъ! въ безсмертіе Твое.

Неизъяснимый, Непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображенія безсильны
И тѣни начертать Твоей!
Но если славословить должно,
То слабымъ смертнымъ не возможно
Тебя ни чѣмъ инымъ почтить,
Какъ имъ къ Тебѣ лишь возвышаться,
Въ безмѣрной разности теряться
И — благодарны слезы лить. (3)

(¹) Авторъ замѣтилъ, что кромѣ понятія о Святой Троицѣ онъ разумѣлъ здѣсь и то, что Богъ вмѣщаетъ въ Себѣ безконечное пространство, безпрерывную жизнь въ движеніи вещества, и неокончаемое теченіе времени, которыя Богъ въ Себѣ вмѣщаетъ.

(²) Эта великолѣпная картина бываетъ видима только обитателями Сѣвера въ ясный день, въ большіе морозы, по большей части въ Мартѣ, когда уже снѣгъ оледенѣетъ и пары, обратясь въ ледяныя частицы, носятся по воздуху и какъ искры сверкаютъ.

(³) Первое вдохновеніе или первую мысль написать сію оду почувствовалъ авторъ въ 1780 году, находясь во дворцѣ у всенощной на Свѣтлое Воскресенье и пріѣхавъ домой, тогда же написалъ первыя строки. Но отвлекаемый должностями и свѣтскимъ разсѣяніемъ, обдумывая и принимаясь нѣсколько разъ за эту оду, только что написалъ въ разныя времена нѣсколько куплетовъ. Въ 1781 году, получивъ увольненіе отъ службы, авторъ нѣсколько разъ снова принимался за сію оду, но безуспѣшно: городская жизнь мѣшала его поэзіи; при всемъ томъ внутреннее чувство высокаго предмета такъ занимало автора, что онъ рѣшился уединиться отъ всѣхъ и, сказавъ первой женѣ своей, что ѣдетъ смотрѣть свои Польскія деревни, вмѣсто того остановился въ городѣ Нарвѣ. Оставивъ повозку и людей на постояломъ дворѣ, нанялъ въ городѣ небольшую комнату, на хлѣбахъ у одной старушки Нѣмки и, запершись, сочинялъ оду сію нѣсколько дней сряду; но, не кончивъ послѣдняго куплета, уже за полночь уснулъ. Лежа на кровати и сомкнувъ глаза, увидѣлъ во снѣ, что чрезвычайный свѣтъ блещетъ въ глазахъ его, вдругъ проснулся. Ему показалось на яву, что вокругъ стѣнъ леталъ свѣтъ... При этомъ потоки слезъ полились изъ глазъ его. Онъ всталъ и при ночной лампадѣ написалъ послѣднюю строфу, окончивъ ее выраженіемъ чувства, наполнявшаго душу его, съ благодарными слезами, за дарованное ему вдохновеніе.

Замѣчательно еще событіе съ авторомъ въ младенчествѣ его, какъ будто указавшее его предназначеніе на прославленіе величія Божія. Онъ родился 1743 года Іюля 3 дня, а въ слѣдующемъ году, зимою, когда видна была комета и нянька держала его на рукахъ предъ окномъ, малютка Гавріилъ, показавъ пальцемъ на комету, выговорилъ первое слово: Богъ.

II.

БЕЗСМЕРТІЕ ДУШИ. (1)

Умолкни, чернь непросвѣщенна,
Слѣпые свѣта мудрецы! —
Небесна истина, священна!
Твою мнѣ тайну ты прорцы.
Вѣщай: я буду ли жить вѣчно?
Безсмертна ли душа моя?
Се слово мнѣ гремитъ предвѣчно:
Богъ живъ — жива душа твоя!

Жива душа моя! — и вѣчно
Она жить будетъ безъ конца;
Сіянья длится безпресѣчно,
Текуще свѣта отъ Отца.
Отъ лучезарной единицы,
Въ комъ всѣхъ существъ вратится кругъ,
Какія не текутъ частицы,
Всѣ живы, вѣчны: — вѣченъ духъ.

Духъ тонкій, мудрый, сильный, сущій
Въ единый мигъ и тамъ и здѣсь,

Быстрѣй молніи текущій
Всегда, вездѣ и вкупѣ весь,
Не осязаемый, не зримый,
Въ желаньѣ, въ памяти, въ умѣ
Непостижимо содержимый,
Живущій внутрь меня и внѣ;

Духъ чувствовать, внимать способный,
Все знать, судить и заключать,
Какъ легкій прахъ, такъ міръ огромный
Вкругъ мѣрить, вѣсить исчислять,
Ревущи отвращать перуны,
Чрезъ бездны преплывать морей,
Сквозь своды воздуха лазурны
Свѣтъ черпать солнечныхъ лучей;

Могущій время скоротечность,
Прошедшее съ будущимъ вязать,
Воображать блаженство, вѣчность,
И съ мертвыми совѣтъ держать,
Плѣняться истинъ красотою,
Надѣяться безсмертнымъ быть —
Сей духъ возможетъ ли косою
Пресѣчься смерти и не жить?

Какъ можно, чтобы Царь всемірный,
Господь стихій и вещества —
Сей духъ, сей умъ, сей огнь эѳирный,
Сей истый образъ Божества —
Являлся съ славою такою,
Чтобъ только мигъ въ семъ свѣтѣ жить,
Потомъ покрылся бъ вѣчной тьмою?
Нѣтъ, нѣтъ! сего не можетъ быть.

Не можетъ быть, чтобъ съ плотью тлѣнной
Не чувствуя нетлѣнныхъ силъ,
Противу смерти разъяренной
Въ сраженье воинъ выходилъ;
Чтобъ властью Царь не ослѣплялся,
Судья противъ даровъ стоялъ,
И человѣкъ съ страстьми сражался,
Когда бы духъ не укрѣплялъ.

Сей духъ въ Пророкахъ предвѣщаетъ,
Паритъ въ піитахъ въ высоту,
Въ витіяхъ сонмы убѣждаетъ,
Съ народовъ гонитъ слѣпоту;
Сей духъ и въ узахъ не боится
Тиранамъ правду говорить:
Чего безсмертному страшиться?
Онъ будетъ и за гробомъ жить.

Премудрость вѣчная и сила,
Во знаменье чудесъ своихъ,
Въ персть земну душу, духъ вложила,
И такъ во мнѣ связала ихъ,
Что сдѣлались они причастны
Другъ друга свойствъ и естества:
Въ сей водворился міръ прекрасный,
Безсмертный образъ Божества!

Безсмертенъ я! — и увѣряетъ
Меня въ томъ даже самый сонъ:
Мои онъ чувства усыпляетъ,
Но дѣйствуетъ душа и въ немъ;
Оставя неподвижно тѣло,

Лежащее въ моемъ одрѣ,
Она свой путь свершаетъ смѣло,
Въ стихійной пролетая прѣ.

Сравнимъ ли и прошедпіи годы
Съ исчезнувшимъ, минувшимъ сномъ:
Не всѣ ли виды намъ природы
Лишь бывшихъ мечтъ явятся сонмъ?
Когда жъ оспорить то не можно,
Чтобъ въ прошломъ времѣ не жилъ я:
По смертномъ снѣ такъ непреложно
Жить будетъ и душа моя.

Какъ тма есть свѣта отлученье:
Такъ отлученье жизни — смерть.
Но коль лучей, во удаленьѣ,
Умершими не льзя почесть,
Такъ и души, отшедшей тѣла:
Она жива, какъ живъ и свѣтъ;
Превыше тлѣннаго предѣла
Въ своемъ источникѣ живетъ.

Я здѣсь живу, — но въ цѣломъ мірѣ
Крылата мысль моя паритъ;
Я здѣсь умру, — но и въ эѳирѣ
Мой гласъ по смерти возгремитъ.
О! если бъ стихотворство знало
Брать краску солнечныхъ лучей,
Какъ ночью бъ луна, сіяло
Безсмертіе души моей.

Но если нѣтъ души безсмертной:
Почто жъ живу въ семъ свѣтѣ я?

Что въ добродѣтели мнѣ тщетной,
Когда умретъ душа моя?
Мнѣ лучше, лучше быть злодѣемъ,
Попрать законъ, низвергнуть власть,
Когда по смерти мы имѣемъ,
И злой, и добрый, равну часть.

Ахъ, нѣтъ! — коль плоть, разрушась, тлѣнна
Мертвила бъ нашъ и духъ съ собой,
Давно бы потряслась вселенна,
Земля покрылась кровью, мглой;
Упали бъ троны, царства, грады,
И все погибло бъ золъ въ борьбѣ;
Но духъ безсмертный ждетъ награды
Отъ правосудія себѣ.

Дѣла, и сами наши страсти —
Безсмертья знаки нашихъ душъ:
Богатствъ алкаемъ, славы, власти;
Но всѣ ихъ получа, мы въ ту жъ
Минуту вновь — и близъ могилы —
Не престаемъ еще желать;
Такъ мыслей простираемъ крилы,
Какъ будто бъ ввѣкъ не умирать.

Нашъ прахъ слезами оросится,
Гробъ скоро мохомъ заростетъ;
Но огнь отъ праха въ томъ родится,
Надгробну надпись кто прочтетъ:
Блеснетъ, — и вновь подъ небесами
Начнетъ свой фениксъ новый кругъ.
Все движется, живетъ дѣлами,
Душа безсмертна, мысль и духъ.

Какъ сѣрный паръ прикосновеньемъ
Вмигъ возгарается огня,
Подобно мысли сообщеньемъ
Возможно вдругъ возжечь меня;
Во слѣдъ же моему примѣру
Пойдетъ отважно и другой:
Такъ дѣлъ и мыслей атмосферу
Мы простираемъ за собой!

И всяко сѣмя роду сродно
Какъ своему приноситъ плодъ:
Такъ всяка мысль себѣ подобно
Дѣянье за собой ведетъ,
Благіе въ мірѣ духи, злые,
Суть вѣчны чады сихъ сѣменъ;
Отъ нихъ тѣ свѣтъ, а тму другіе
Въ себя пріемлютъ жизнь, иль тлѣнъ.

Бываю веселъ и спокоенъ,
Когда я сотворю добро;
Бываю скученъ и разстроенъ,
Когда содѣлаю я зло:
Отколь же разность чувствъ такая?
Отколь борьба и перевѣсъ?
Не то ль, что плоть есть персть земная,
А духъ — вліяніе небесъ?

Отколь и чувствъ по насыщеньѣ
Объемлетъ душу пустота?
Не отъ того ль, что наслажденье
Для ней благъ здѣшнихъ — суета;
Что есть для насъ другой міръ краше,
Есть вѣчныхъ радостей чертогъ?

Безсмертіе — стихія наша,
Покой и верхъ желаній — Богъ!

Болѣзнью изнуренна смертной
Зрю мужа праведна въ одрѣ,
Покрытаго ужъ тѣнью мертвой,
Но, при возблещущей зарѣ
Надъ нимъ прекрасной, вѣчной жизни,
Горѣ онъ взоръ возводитъ вдругъ;
Спѣша въ объятіе отчизны,
Съ улыбкой испускаетъ духъ.

Какъ червь, оставя паутину
И въ бабочкѣ взявъ новый видъ,
Въ лазурну воздуха равнину
На крыльяхъ блещущихъ летитъ,
Въ прекрасномъ веселясь убранствѣ,
Съ цвѣтовъ садится на цвѣты:
Такъ и душа, небесъ въ пространствѣ,
Не будешь ли безсмертна ты?

О, нѣтъ! безсмертіе прямое —
Въ единомъ Богѣ вѣчно жить,
Покой и счастіе святое
Въ Его блаженномъ свѣтѣ чтить.
О, радость! о, восторгъ любезный!
Сіяй надежда, лучъ лія,
Да на краю воскликну бездны:
Богъ живъ — жива душа моя!

---

(1) Начальные два куплета сочинены въ Петрозаводскѣ въ 1785 году, а остальные написаны чрезъ одиннадцать лѣтъ въ С.п.бургѣ. Панаевъ, отецъ извѣстнаго

писателя и одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ людей своего времени, помѣстилъ первые два куплета, въ видѣ эпиграфа, въ своей рѣчи о безсмертіи души.

III.

ВЕЛИЧЕСТВО БОЖІЕ (¹).

Благослови, душа моя,
Всесильнаго Творца и Бога!
Коль Онъ великъ! Коль мудрость многа
Въ твореньяхъ, Господи, твоя!

Ты свѣтомъ, славой, красотой,
Какъ будто ризой облачился;
И, какъ шатромъ, Ты осѣнился
Небесъ лазурной высотой.

Ты звѣздну твердь изъ водъ сложилъ
И по зарямъ ея ступаешь;
На крыльяхъ вѣтряныхъ летаешь
Во сонмѣ свѣтоносныхъ силъ.

Послами Ангеловъ творишь,
Повелѣваешь Ты духами;
Послушными Себѣ слугами
Огню и бурямъ быть велишь,

Поставилъ землю на зыбяхъ:
Вовѣкъ тверда она собою;
Объяты бездной, какъ пленою,
Стоятъ въ ней воды на горахъ.

Среди хранилища сего
Онѣ грозы твоей боятся;
Речешь — ревутъ, бѣгутъ, стремятся
Отъ гласа грома Твоего;

Какъ горы, всходятъ къ облакамъ;
Какъ долы, внизъ клонясь, ложатся;
Какъ степи, разліясь, струятся
Къ показаннымъ Тобой мѣстамъ.

Предѣлъ Ты начерталъ имъ Твой,
И изъ него онѣ не выйдутъ,
Не обратятся и не пріидутъ
Покрыть лице земли волной;

Велишь внутрь горъ ключемъ имъ бить;
Изъ дебрей рѣки проливаешь,
Звѣрямъ, онаграмъ посылаешь
Повсюду жажду утолить.

А тамъ, по синевѣ небесъ,
Віясь, пернатыя летаютъ,
Изъ облакъ гласы испускаютъ
И свищутъ на вѣтвяхъ древесъ.

Ты дождь съ превыспреннихъ стремишь;
Какъ перла, росы разсыпаешь;
Туманомъ холмы осребряешь
И плодоносными творишь;

Изъ нѣдръ земныхъ траву скотамъ
Произращаешь въ насыщенье;
На разное употребленье
Различный злакъ изводишь намъ:

На хлѣбъ — чтобъ укрѣплять сердца,
И на вино — чтобъ ободряться,
И на елей — чтобъ услаждаться
И умащать красу лица.

Твоя рука повсюду льетъ
Древамъ питательные соки;
Ливанскихъ кедровъ садъ высокій,
Тобою насажденъ, цвѣтетъ.

Ты мелкихъ птичекъ умудрилъ
Свои вить сокровенно гнѣзды,
Эродій же свое подъ звѣзды,
Чтобы на соснахъ возносилъ.

По высотамъ крутыхъ холмовъ
Ты прядать научилъ еленей;
А зайцамъ средь кустовъ и тѣней
Ты далъ защиту и покровъ.

И блѣдная луна Тобой
Своею чередой сіяетъ,
И лучезарно солнце знаетъ
Во благовремя западъ свой.

Какъ день Ты удалишь, и нощь
Покровъ свой разстилаетъ черный, —
Лѣсные звѣри и дубровны,
И скимнъ выходитъ яръ и тощъ:

Выходятъ, рыщутъ и рычатъ,
И отъ Тебя всѣ пищи просятъ;
Что Ты даруешь имъ — уносятъ,
И свой тѣмъ утоляютъ гладъ.

Но лишь прострет свой солнце взглядъ,
Они сбираются стадами,
И идутъ врозь между лѣсами,
И въ мрачныхъ логовищахъ спятъ.

Поутру человѣкъ встаетъ,
Идетъ на трудъ, на земледѣлье,
И солнечное захожденье
Ему спокойствіе даетъ.

Но коль дѣла Твои, Творецъ!
Безчисленны и неизмѣрны!
Премудрости Твоей суть бездны,
Полна земля Твоихъ чудесъ!

Сіи моря, сей полный сонмъ,
Обширны хляби и бездонны,
Большихъ и малыхъ тварей полны
И чудъ, безчисленныхъ числомъ.

Тамъ китъ, тамъ челнъ стремятъ свой бѣгъ,
И насмѣхаются надъ бездной;
И все сіе, о, Царь вселенной!
Себѣ Ты создалъ для утѣхъ.

Къ Тебѣ всѣхъ смертныхъ очи зрятъ,
И на Тебя всѣ уповаютъ;
Къ Тебѣ всѣ руки простираютъ
И милостей Твоихъ хотятъ.

Даруешь имъ — и соберутъ;
Развернешь длань — и разсыпаешь
Щедроту всѣмъ; Ты всѣхъ питаешь
И всѣ они Тобой живутъ.

Но если отвратишь Свой зракъ —
Ихъ всюду ужасы смущаютъ;
Отымешь душу — исчезаютъ
И превращаются во прахъ.

А если духъ пошлешь Ты Свой —
Мгновенно вновь все сотворится,
Лице земное обновится,
Изъ тмы возстанетъ свѣтъ другой.

И будетъ слава средь небесъ
Твоя, Создатель, продолжаться;
Ты вѣчно будешь утѣшаться
Твореніемъ Твоихъ чудесъ!

О, Ты, трясетъ Чей землю взглядъ!
Коснешься ли горамъ — дымятся;
Дохнешь ли на моря — холмятся;
Въ рукѣ держащій твердь и адъ!

Тебя, Всесильный мой Творецъ!
Я вѣчно славославить стану,
И пѣть Тебя я не престану
По самый дней моихъ конецъ.

Моя бесѣда предъ Тобой
И пѣснь угодны да явятся;
Тобой я буду восхищаться,
Дышать и жить, о, Боже мой!

Но грѣшныхъ племя и языкъ
Да истребитъ десница строга! —
Хвали, душа моя, ты Бога:
Сколь Онъ премудръ, и сколь великъ!

(¹) Извлеченіе изъ 103 псалма; сочинено въ 1783 году. Ломоносовъ также перелагалъ сей псаломъ, но переложеніе его не докончено. Державинъ, по примѣру его, желалъ испытать свои силы въ передачѣ красотъ Божественной Поэзіи вдохновеннаго Царя-пѣснопѣвца.

IV.

ПОМОЩЬ БОЖІЯ. (¹)

Возвелъ я мысленные взоры
Въ небесны, лучезарны горы, —
И помощь мнѣ оттоль пришла.
Я помощь сильную пріемлю
Отъ Сотворившаго всю землю
И въ небѣ звѣзды безъ числа.

Ноги моей въползновенье,
Ниже въ малѣйшее смятенье,
Онъ не допуститъ и хранитъ.
Хранитъ меня, и не воздремлетъ,
И всѣмъ моимъ Онъ нуждамъ внемлетъ.
И свыше на меня глядитъ.

Господь, Господь — мой Покровитель,
Помощникъ, Жезлъ и Подкрѣпитель,
И щитъ Онъ на груди моей:
Ни солнце въ день не опаляетъ,
Ни лунный свѣтъ не ужасаетъ
Меня въ тьмѣ блѣдностью своей.

Вездѣ со мною пребываетъ,
Сопутствуетъ, остерегаетъ

От всякаго меня Он зла:
Блюдет мой вход и исхожденье;
Предупреждает искушенье,
Чтоб злость вредить мнѣ не могла (²).

(¹) Из псалма 120; сочинено в С.п.бургѣ в 1798 году.
(²) Когда автор был Статс-Секретарем при Императрицѣ Екатеринѣ и, разсмотрѣв по Ея повелѣнію обширное и запутанное дѣло по доносам на бывшаго Сибирскаго Генерал-Губернатора Якобія, признал его невинным; тогда против Державина внушено было Императрицѣ сомнѣніе. Но по пересмотрѣ дѣла самою Государынею невинность Якобія и справедливость Державина обнаружились.

V.

ХРИСТОС.

Никто же пріидет ко Отцу, токмо мною.
Іоан. гл. 1, 4, ст. 6.

О, Сый (*), Котораго пером, [1]
Ни бренным зрѣніем, ни слухом, [2]
Ниже витійства языком
Не можно описать, — а духом [3]
И вѣрой пламенной молить!
Твоею благодатью плѣнный,
Как бы на Небо восхищенный, [4]
Тебя дерзаю я гласить. [5]

(*) Всегда, вездѣ пребывающій.

Тебя! — Но кто же сущій Ты,
Что человѣкомъ чтимъ и Богомъ?
Лице — какъ солнца красоты! [6]
Хитонъ — какъ снѣгъ во блескѣ многомъ!
Изъ ребръ нетлѣнныхъ — льется кровь! [7]
Лучи — всю плоть просіяваютъ!
Небесный взоръ, уста дыхаютъ
Сладчайшимъ благовѣстьемъ словъ!

Кто Ты, что къ намъ сходилъ съ небесъ
И паки въ нихъ вознесся въ славѣ, [8]
Вовѣкъ живый и тамъ, и здѣсь,
Несмѣтныхъ Царствъ Своихъ въ державѣ, [9]
Въ округѣ и срединѣ сѳеръ;
Хлѣбъ жизни и животъ струй вѣчныхъ; [10]
Самъ Святъ, безгрѣшенъ, а всѣхъ грѣшныхъ
Единая къ спасенью дверь? [11]

Кто ты, Кого изъ древнихъ лѣтъ
Сивиллы, Маги и Пророки [12]
Приходъ предвозвѣстили въ свѣтъ;
Полкъ горнихъ силъ сквозь блескъ далекій [13]
Дивился съ трепетомъ Кому,
Что Бога и Царя Небесна,
Безсмертна суща, безтѣлесна,
Сходяща видятъ смерти въ тьму?

Кто ты, въ Которомъ сквозь эѳиръ [14]
Съ горы ниспадшій зрѣлся камень;
Кѣмъ міра сокрушенъ кумиръ;
Тотъ лѣпый юноша, что пламень [15]
Внутрь пещи въ росу претворилъ,
И прежде, чѣмъ на свѣтъ явился,

Во тмѣ чудесъ преобразился,
И чаяньемъ языковъ былъ? [16]

Кто Ты, Котораго звѣзда [17]
Часъ возвѣстила въ міръ явленья,
Казала путь, къ Кому ведя,
Царямъ, Волхвамъ для поклоненья;
Чей тронъ не въ златѣ средь порфиръ,
Но въ вертѣ (*), въ ясляхъ былъ возвышенъ; [18]
Надъ Кѣмъ ликъ Ангеловъ былъ слышенъ:
Сошелъ во человѣки миръ!

Кто Ты, вспять Іорданъ бѣжалъ [19]
Кого омыть съ стремленьемъ шумнымъ,
Въ пустынѣ свѣтъ осіявалъ;
Глазъ Агнцемъ проповѣдалъ чуднымъ, [20]
Могущимъ всѣхъ грѣхи подъять,
Таинственнымъ страша всѣхъ слухомъ,
Что, не родясь водой и духомъ, [21]
Небесъ не можно достигать?

Кто Ты, что отверзалъ слухъ, взоръ,
Глухимъ, слѣпымъ — прикосновеньемъ; [22]
Кротилъ свирѣпость бурь и морь [23]
Единымъ перста мановеньемъ?
И не Тебѣ ль былъ сонмъ духовъ [24]
Послушнымъ, всякая стихія?
И гласъ не Твой ли изъ земныя
Взывалъ утробы мертвецовъ? [25]

Не Ты ль, величественный Мужъ,
Во славѣ, въ блескѣ несказанномъ, [26]

(*) Въ вертепѣ.

Между живыхъ и мертвыхъ душъ [27]
На холмѣ зрѣлся лучезарномъ,
Какъ нѣкій дивный Властелинъ
И днешня и грядуща міра?
Надъ Коимъ громъ гремѣлъ съ эмпира:
«Се Мой возлюбленнѣйшій Сынъ!» [28]

Какъ! Неба Сынъ Ты? — Ужасъ, мракъ
Мои всѣ пробѣгаютъ кости!
Ты Богъ! — Но Твой поруганъ зракъ
Отъ человѣческія злости!
Окровавлены красоты!
Съ злодѣями на древѣ крестномъ [29]
Висишь въ томленьѣ скорбномъ, смертномъ,
Блѣднъ, бездыханенъ, мертвъ! — Кто жъ Ты?

Кто Ты? — и какъ изобразить
Твое величье и ничтожность,
Нетлѣнье съ тлѣньемъ согласить,
Слить съ невозможностью возможность?
Ты Богъ; — но Ты страдалъ отъ мукъ! [30]
Ты человѣкъ; — но чуждъ былъ мести! [31]
Ты смертенъ; — но истнилъ скиптръ смерти! [32]
Ты вѣченъ; — но Твой издше духъ? [33]

О, тайнъ глубокихъ океанъ!
Пучина дивъ противоборныхъ!
Зачѣмъ сходилъ Ты съ звѣздныхъ странъ
И жилъ въ селеніяхъ юдольныхъ?
Творецъ Ты — могъ все съ высоты;
Ты тварь; — почто же трепетала [34]
Вся твердь, какъ жизнь Твоя увяла?
Открой, открой Себя мнѣ Ты!

Открой Себя, открой — молюсь!
И се — гласъ слышу сердца въ дверяхъ:
«Доколь воплю, доколь толкусь [35]
Воскреснуть въ хладныхъ маловѣрахъ?
О, свѣта сынъ! о, рабъ днесь тмы!
Свлеки съ себя покровъ твой бренной,
И мыслью, Вѣрой воскриленной,
Мой промыслъ о себѣ вонми:

«Премудрость, Сила и Любовь,
Богъ духъ, въ трехъ свѣтахъ Свѣтъ ввѣкъ живый [36]
Единствомъ тройчнымъ до вѣковъ,
Въ своемъ Совѣтѣ положивый
Свою въ тмѣ славу проявить,
Воззвать изъ безднъ созданье ново,
Послалъ единородно Слово, [37]
И — словомъ тма вселенной бысть. [38]

«Изобразилось естество,
Незримое всезримымъ стало,
И въ человѣкѣ Божество,
Какъ солнце въ морѣ, возсіяло!
Все покорилося ему, [39]
Что благъ былъ, кротокъ, чистъ, незлобенъ
И, во зерцалѣ какъ, подобенъ
Творцу безсмертну своему. [40]

«Но поелику созданъ онъ [41]
Съ свободною душей изъ персти,
То обаялъ мечтаній сонъ
Его и ухищренье лести: [42]
Онъ, въ красоту свою влюбясь,

Возмнилъ быть Богъ — и возгордился,
Отъ Единицы отклонился,
И отблескъ въ немъ Ея погасъ.

«Погасъ, палъ въ тму вселенной Царь,
Нетлѣнье превратилось въ тлѣнье; [43]
Ему совоздыхая, тварь [44]
До днесь страстей своихъ въ бореньѣ —
Вѣкъ будетъ въ прѣ — не утолитъ
Доколь гнѣвъ Отчь, сей низкой долей, [45]
Что волей палъ, и той же волей
Себя къ Нему не возвратитъ, —

«И плоти не отвергнетъ такъ. [46]
Ничто чтобъ духъ не отягчало,
Но палъ какъ въ толь глубокій мракъ,
Что силъ его возстать не стало, [47]
То тутъ Любовь, временъ въ исходъ, [48]
Сошла смирить страстей злыхъ ревы:
Сый возсіялъ отъ чистой Дѣвы,
Какъ солнца лучъ отъ чистыхъ водъ!

«Имъ пробудилось Божество,
Усвувше чувствъ отъ обольщенья,
Духовно свѣта существо,
Какъ искра камня отъ біенья,
Воспрянуло, — и явился Богъ,
Въ плоти Его страданьемъ Слова:
На свѣтъ Имъ Трисвятый зрѣть снова
Адамъ сподобиться возмогъ.

«Адамъ бы, падши не возсталъ,
Когда бъ въ Христѣ не воскресился, —

Не воскресясь, не возсіялъ, —
Не возсіявъ, не возродился
Въ блаженство первородно вновь.
Се, какъ смиреніемъ, терпѣньемъ,
Страданьемъ, скорбью, умерщвленьемъ
Возводитъ всѣхъ къ Себѣ Любовь!»

Такъ подлинно, безъ плоти духъ
Не могъ въ тлѣнъ пасть; безъ духа жъ силы
И плоть слаба духовъ втечь въ кругъ
Къ землѣ съ прикованными крылы:
То, по Совѣту Трисвяту,
Скудель въ санъ Серафимскъ возставить,
Безсмертьемъ смертнаго прославить
Предоставлялося Христу.

И Имъ со славой, съ торжествомъ
Явилась міру Божья сила:
Какъ западъ, насъ златымъ лучомъ [49]
Святая кровь Его покрыла,
И освѣтила благодать,
Давъ область въ чадъ Его вчиняться, [50]
Младенцевъ смысломъ умудряться [51]
И разумъ Вѣрѣ покорять.

Чтобы, надѣясь на Него,
Одну мы благость, милосердья
Могли искать себѣ того
Наслѣдна, прежня озаренья,
Имъ кое только можно зрѣть;
Святымъ внутрь Духомъ очищаясь,
Живясь, свѣтлѣясь, возвышаясь,
Любовью къ Божеству горѣть.

Се, что есть Сый, что есть Христосъ,
Что Бого-человѣкъ, что Слово:
Онъ Самый Тотъ, Который взнесъ
Духовно и тѣлесно въ ново
Тѣмъ бытіе, что, страждя Самъ,
Всѣмъ подалъ ясные примѣры, [52]
Какъ силой доблести и Вѣры
Входить возможно къ Небесамъ!

Такъ! Онъ Единъ, никто другой
Слѣпца привесть не можетъ къ свѣту
Потерянному чувствъ стезей.
Лишь словомъ устъ Его согрѣту,
Внутрь скрыться могутъ очеса.—
Поитъ струей Онъ вѣчной жизни,
И сладость древнія отчизны
На землю сводитъ Небеса.

Онъ — сшедши Истина съ Небесъ,
Онъ — Добродѣтель воплощенна,
Отерша токи смертныхъ слезъ.
Въ лицѣ подобострастна тлѣна
Сходилъ Онъ къ смертну естеству, [53]
Отъ узъ грѣховныхъ міръ избавить,
На прежней степени поставить
И уподобить Божеству:

Такъ! безъ Него никто къ Отцу [54]
Его приблизиться не можетъ;
Безъ Сына дверь наградъ къ вѣнцу
Таинственную не проторжетъ.
Живетъ въ Отцѣ, Отецъ же въ Немъ; [55]
Безднъ, неба и земли посредникъ.

Ходатай, Вождь, всѣхъ благъ Наслѣдникъ [56]
И Подвигоположникъ — Онъ.

Предвѣчной Правдѣ, Трисвятой
Противно бъ было безконечно,
Чтобъ смертный за проступокъ свой
Предъ Вѣчнымъ не былъ виненъ вѣчно.
Кто жъ Бога удовлетворитъ?
Лишь Сынъ Его, изъ милосердья.
Взявъ на Себя всѣхъ преступленья, [57]
Возмогъ міръ миромъ примирить. [58]

Се есть Христовыхъ цѣль заслугъ:
Да благость сблизитъ съ правосудьемъ,
Да воцаритъ надъ тѣломъ духъ, —
И сихъ великихъ дѣлъ орудьемъ
Онъ пребылъ Самъ, что Самъ страдалъ.
Онъ могъ призвать въ защиту громы;
Но, волею на казнь вѣдомый,
Своей онъ смертью смерть попралъ.

И чрезъ примѣръ явилъ сей Свой,
Что не мірскія наказанья
На лобномъ насъ мрачатъ хулой, [59]
Равно и не коронъ сіянья
Богоподобными творятъ;
Но Правда, Вѣра, Добродѣтель
Ввѣкъ провозвѣстникъ и свидѣтель
И блескъ не ложный Свѣта чадъ.

Се тако Іисусъ всѣхъ спасъ,
И познавъ Человѣко-Богомъ.
Что такъ ни чей покоитъ гласъ

И сладость въ насъ лишь въ бѣдствѣ строгомъ
Не силенъ, какъ Его единъ.
Бывъ выше всѣхъ, — училъ быть низшимъ, [60]
Любить враговъ, и сердцемъ чистымъ [61]
Молилъ за нихъ лишь Божій Сынъ.

Онъ Царь, Законодатель Тотъ,
Что устъ Своихъ однимъ глаголомъ
Ко благу общу всѣхъ ведетъ,
Равняетъ хижину съ Престоломъ:
«Просящему» речетъ Онъ «дай, [62]
«Болящаго призри въ больницѣ,
«Печальнаго утѣшь въ темницѣ,
»Голодна, жадна напитай!»

Первосвященникъ Онъ, Пророкъ, [63]
Кой вѣрющимъ въ Него любовью
Себя далъ вѣры ихъ въ залогъ,
Запечатлѣвъ завѣтъ Свой кровью; [64]
И такъ его тѣмъ утвердилъ,
Что имъ обѣщанный, небесный
Въ языкахъ огненныхъ чудесный [65]
Излилъ Свой Духъ и научилъ:

Былинки злобно не сломить; [66]
Но быть всѣмъ кроткимъ, всѣмъ радушнымъ,
Лишь по себѣ другихъ судить; [67]
И не чрезъ рать Себѣ послушнымъ
Быть міру, но чрезъ рыбъ–ловцовъ [68]
Простыхъ велѣлъ,—и Синагоги,
Ареопагъ, имъ палъ предъ ноги; [69]
Се силенъ какъ законъ Христовъ!

Христосъ — весь Благость, весь Любовь,
лескъ свойствамъ даже Трисвященнымъ!
есь кругъ бы безъ Него міровъ [70]
еполнымъ былъ, несовершеннымъ.
огъ Умъ—могъ все предначертать;
огъ Мощь — все сздать; Любви жъ безъ Бога
Могли ль премудрость, сила строга
Горѣ къ себѣ сердца воззвать?

Такъ! Богъ и дивенъ и великъ
Намъ паче воплощеньемъ Сына.
Могъ плоть и духъ создать Онъ въ мигъ;
Но связь сихъ краіностей едина
Всѣхъ удивительнѣй чудесъ!
Адамъ пусть волею палъ злою;
Но взнесся плотью Онъ святою
Въ Христѣ, превыше всѣхъ небесъ.

Отецъ, и Сынъ, и Духъ Святый,
Незримый Свѣтъ Тріѵпостасный;
Но въ плоти Сынъ пріявъ черты,
Какъ человѣкъ подобострастный,
Открылъ Себя и научилъ
Чтить Бога истиной и духомъ. [71]
Кумировъ свергъ Своимъ Онъ слухомъ,
Какъ силу ада сокрушилъ. [72]

Христосъ—насъ Искупитель всѣхъ [73]
Отъ первороднаго паденья;
Онъ—свѣтъ, тмой необъемлемъ ввѣкъ; [74]
Но тмится внутрь сердецъ невѣрья, [75]
Свѣтясь на лонѣ у Отца. [76]
Христа нашедши, все находимъ, [77]

Эдемъ свой за собою водимъ,
И храмъ Его — святы сердца. [78]

О, Всесвятый, Превѣчный, Сый!
Свѣтъ тихій Божескія славы!
Пролей Свои, Христе! красы
На духъ, на сердце и на нравы,
И жить во мнѣ не преставай;
А ежели и уклонюся
Съ очей Твоихъ, и затемнюся, —
Въ слезахъ моихъ вновь возсіяй! [79]

Услышь меня, о, Богъ любови?
Отецъ щедротъ и милосердья!
Не презрь преклоньшейся главы,
И сердца грѣшна дерзновенья! [80]
Мнѣ моего не ставь въ вину,
Что изъяснить Тебя я тщился,
У ногъ Твоихъ коль умилился
Ты, зря съ мастикою жену. [81]

VI.

ПРАВЕДНЫЙ СУДЬЯ. (¹)

—

Я милость воспою и судъ,
И возглашу хвалу я Богу;
Законы, поученье, трудъ,
Премудрость, добродѣтель строгу
И непорочность возлюблю.

Въ моемъ я домѣ буду жить
Въ согласьи, въ правдѣ, въ преподобьи;
Какъ чадъ, рабовъ моихъ любить,
И сердца моего въ незлобьи
Одни пороки истреблю.

И мысленнымъ очамъ моимъ
Не предложу я дѣлъ преступныхъ;
Ничѣмъ не пріобщуся къ злымъ;
Возненавижу я распутныхъ,
И отвращуся отъ льстецовъ.

Отъ своенравныхъ уклонюсь,
Не прилѣплюсь въ совѣтъ коварныхъ;
Отъ порицаній устранюсь,
Навѣтовъ, наущеній тайныхъ,
И изгоню клеветниковъ.

За столъ съ собою не пущу
Надменныхъ, злыхъ, неблагодарныхъ;
Моей трапезой угощу
Правдивыхъ, честныхъ, благонравныхъ;
Къ благимъ и добрымъ буду добръ.

И гдѣ со мною ни сойдутся
Лжецы, мздоимцы, гордецы, —
Отвсюду мною изженутся
Въ дальнѣйшіе земны концы,
Иль казнь повергнетъ ихъ во гробъ.

---

[1] Изъ псалма 100; сочинено въ 1789 году; въ первый разъ напечатано въ 1-й части въ 1798 году. Остолоповъ относитъ сіи стихи къ 1788 г., объясняя, что они написаны еще тогда, какъ сочинитель, по занимаемой имъ

должности Тамбовскаго Губернатора, вызванъ былъ въ Москву для отвѣтовъ, и по дачѣ ихъ оправдался. Готовясь вступить въ должность Статсъ-Секретаря при Императрицѣ, Державинъ здѣсь, въ подражаніи 100 псалму, самъ предписывалъ себѣ правила своихъ обязанностей.

VII.

ИСТИННОЕ СЧАСТІЕ. (1)

Блаженъ тотъ мужъ, кто ни въ совѣтъ,
Ни въ сонмъ губителей не сядетъ,
Ни грѣшниковъ на путь не станетъ,
Не пойдетъ нечестивымъ въ слѣдъ,

Но будетъ нощію и днемъ
Въ законѣ Божьемъ поучаться,
И всею волею стараться,
Чтобъ только поступать по немъ.

Какъ при потокѣ чистыхъ водъ
Въ долинѣ древо насажденно,
Цвѣтами всюду окруженно,
Дающее во время плодъ,

Котораго зеленый листъ
Не падаетъ и не желтѣетъ:
Подобно онъ во всемъ успѣетъ,
Когда и что не сотворитъ.

Но беззаконники не такъ:
Они съ лица земли стряхнутся,

Разв̀ются и разнесутся,
Какъ в̀тромъ возметенный прахъ.

Суда Всевидца не снесутъ
И не воскреснутъ нечестивы,
И гр̀шники въ сов̀тъ правдивый
Отнюдь явиться не дерзнутъ.

Господь съ превыспреннихъ Своихъ
Вс̀хъ нашихъ помышленій зритель;
Онъ праведниковъ покровитель,
Каратель и губитель злыхъ.

(¹) Изъ псалма 1; сочинено въ 1789 году. Многіе изъ Русскихъ поэтовъ перелагали сей псаломъ. Лучшее изъ переложеній было Ломоносова. Державинъ, им̀я въ виду Н̀мецкій переводъ псалмовъ Мендельсона, желалъ также им̀ть участіе въ перевод̀ начальнаго псалма Давидова, служащаго какъ бы преддверіемъ Псалтири.

VIII.

ПОБ̀ДИТЕЛЮ. (*)

Въ Всевышней помощи живущій,
Въ покров̀ Бога водворенъ,
Заступникомъ его зовущій,
Приб̀жищемъ своимъ, и въ Немъ
Надежду кто свою кладетъ въ свой в̀къ,
Великъ, великъ тотъ въ св̀т̀ челов̀къ!

Господь его отъ сокровенныхъ,
Отъ хитрыхъ сохранитъ с̀тей;

Спасетъ его отъ дерзновенныхъ
И отъ зломышленныхъ людей; (2)
Избавитъ отъ клеветъ, отъ лести злой,
Покроетъ твердою Своей броней,

Хоть полкъ предъ нимъ враговъ предъидетъ
И окружитъ отвсюду тма,
Оружіемъ его объидетъ
Небесна истина сама.
На крылахъ черныхъ тучъ пусть громъ летитъ,
Освѣтитъ лишь его и осѣнитъ.

Отъ стрѣлъ, какъ градъ съ высотъ шумящихъ
Отнюдь не устрашится онъ;
Отъ вихрей, съ жупломъ преходящихъ,
И все огнемъ ядущихъ волнъ
Не удалится прочь, — и за всегда
Какъ твердый Тавръ, душа его тверда.

Тамъ тысящи падутъ ошую,
Кровавая горитъ заря;
Тамъ милліоны одесную, —
Покрыты трупами моря.
Къ нему же съ роковой косою смерть
Не смѣетъ хищныхъ рукъ своихъ простерть.

Но ты смотри и виждь, о смертный!
И Божьи разумѣй дѣла:
Враговъ твоихъ полки несмѣтны
Однимъ смерть взмахомъ посѣкла!
Невѣрныхъ сокрушилъ ты гордый рогъ;
Но симъ лишь чрезъ тебя казнилъ ихъ Богъ.

Казнилъ ихъ Богъ; — а ты средь бою
Остался живъ! — И для чего?
Что возлюбилъ Его душою;
Что всю надежду на Него
Не усомнился ты предположить:
Тебя Онъ предъизбралъ Свой судъ свершить.

Тебя, — и зло къ тебѣ не придетъ,
Ни рана къ тѣлу твоему;
На сердцѣ здравіе почіетъ,
Веселье сердцу и уму
Пойдетъ со плесками тебѣ во слѣдъ:
По торжествамъ тебя познаетъ свѣтъ.

Подъ надзираніе ты преданъ
Невидимыхъ, безплотныхъ силъ,
И легіонамъ заповѣданъ
Всѣхъ Ангеловъ, чтобъ цѣлъ ты былъ:
Сафирныя они свои крыла
Расширя надъ тобой, блюдутъ отъ зла.

Блюдутъ тебя и сохраняютъ
Они во всѣхъ путяхъ твоихъ,
Повсюду вкругъ тебя летаютъ,
И носятъ на рукахъ своихъ,
И вѣтру на тебя претятъ порхнуть,
Въ пыли твоихъ о камень ногъ преткнуть.

На аспидовъ, на василисковъ,
На тигровъ, на ехиднъ, на львовъ,
Вдали рыкающихъ, и близко
На пресмыкающихъ гадовъ,

Шипящихъ вкругъ тебя ужей и змѣй,
Ты ступишь и — попрешь ногой твоей.

Надеждъ твоихъ и всѣхъ желаній
Ты никому не объявилъ.
На небо воздѣвая длани,
Ты втайнѣ Бога лишь молилъ;
Его превѣчное ты имя звалъ,
Его изъ устъ твоихъ не испускалъ.

Господь отъ звѣздъ тебя услышалъ,
Твою мольбу проразумѣлъ;
Изъ пренебесной бездны вышелъ,
Невидимую длань простеръ,
Отъ солнца какъ бѣжитъ нощь, тма и мгла
Такъ отъ тебя печаль, брань, смерть ушла.

Какъ въ зеркалѣ, въ тебѣ оставилъ
Сіянье Онъ Своихъ лучей;
Побѣдами тебя прославилъ,
Число твоихъ пробавилъ дней;
Спасеніе людямъ Своимъ явилъ,
Величіе Свое въ тебѣ открылъ.

Но кто ты, Вождь, кѣмъ стѣны пали, (3)
Кѣмъ твердь Очаковска взята?
Чья вѣра, чьи уста взывали
Намъ Бога въ помощь и Христа?
Чей духъ, чья грудь несла Монаршій ликъ?—
Потемкинъ ты!—Съ тобой, знать, Богъ великъ!

---

(1) Написано въ Москвѣ въ 1788 году, изъ 90 псалма переложено въ стихи, вскорѣ по взятіи Очакова, въ честь побѣдителю Князю Потемкину-Таврическому, который

покорилъ приступомъ сію знаменитую крѣпость 6 Декабря 1787 года, въ лютый морозъ.

(²) По неудачной первой аттакѣ Очакова придворные толковали о Потемкинѣ весьма невыгодно, такъ что едва не отказано ему было отъ команды. Державинъ отослалъ этотъ псаломъ Потемкину *отъ неизвѣстнаго*.

(³) Въ 1798 году Московская Цензура не пропустила сего куплета по неблаговоленію Императора Павла къ Князю Потемкину.

IX.

УПОВАЮЩЕМУ НА СВОЮ СИЛУ. (¹)

Хвалите Господа и пойте:
Коль сладко воспѣвать Его!
Ему единому вы стройте
Органы сердца своего.

Кѣмъ стѣны града вознесенны,
Не соберетъ ли тотъ гражданъ?
Кѣмъ скорби духа исцѣленны,
Плотскихъ не исцѣлитъ ли ранъ?

Создавый солнцы, круги звѣздны,
И имъ нарекшій имена,
Великъ Господь! великъ! и бездны
Его премудрости нѣтъ дна!

Онъ кроткихъ въ милость принимаетъ,
И праведнымъ даетъ покровъ;
Надменныхъ власть уничтожаетъ
И грѣшныхъ низвергаетъ въ ровъ.

Начните жъ Бога вы, начните,
О, горды! познавать умы
И въ похвалу Ему спѣшите
Устроить гусли и псалмы.

Онъ, небо мракомъ облекая,
Готовитъ въ тучахъ дождь браздамъ;
Росою горы проникая,
Изводитъ злакъ на службу намъ;

Даетъ звѣрямъ и птицамъ пищу,
И насѣкомымъ и червямъ:
Такъ рубище даруетъ пищу,
Какъ діадиму и Царямъ.

Не конскихъ крѣпкихъ мышцъ желаетъ,
Не къ мужеству благоволитъ;
Но на Него кто уповаетъ,
Онъ любящихъ его хранитъ.

---

(1) Изъ псалма 146; сочинено въ Петрозаводскѣ въ 1786 году. Державинъ тогда былъ Олонецкимъ Губернаторомъ и перенесъ много непріятностей отъ тамошняго Генералъ-Губернатора Тутолмина. Императрица, покровительствуя Державину, для прекращенія неудовольствій, назначила его на лучшее губернаторское мѣсто въ Тамбовъ.

X.

СЧАСТЛИВОЕ СЕМЕЙСТВО. (1)

Блаженъ, кто Господа боится
И по путямъ Его идетъ!

Своимъ достаткомъ насладится
И въ благоденствѣ поживетъ.

Въ дому его нѣтъ ссоръ, разврата,
Но миръ, покой и тишина:
Какъ маслина плодомъ богата,
Красой и нравами жена.

Какъ розы, кисти винограда
Румянцемъ веселятъ своимъ,
Его благословенны чада
Такъ милы вкругъ трапезы съ нимъ.

Такъ счастливъ, такъ благополученъ
И такъ блаженъ тотъ человѣкъ,
Кто съ честью, правдой неразлученъ,
И въ Божьемъ страхѣ велъ свой вѣкъ.

Благословится отъ Сіона,
Благая снидутъ вся тому,
Кто слезъ виновникомъ и стона
Въ сей жизни не былъ никому;

Кто не вредитъ и не обидитъ,
И зломъ не воздаетъ за зло:
Сыны сыновъ своихъ увидитъ
И въ жизни всякое добро.

Миръ въ жизни сей, и миръ въ дни оны,
Въ обители избранныхъ душъ,
Тебѣ, чувствительный, незлобный,
Благочестивый, добрый мужъ!

[1]) Изъ псалма 147; сочинено въ С.-Петербургѣ въ 17
году, а въ 1782 году было помѣщено въ Собесѣдникѣ.

Стихи сіи написаны по пріязни автора съ Алексѣе
Андреевичемъ Ржевскимъ и его семействомъ. Перв
жена автора изобразила все семейство Ржевскаго въ с
луэтахъ, а стихи написаны на оборотѣ рисунка.

Въ послѣдствіи одно происшествіе разстроило друж
Державина съ Алексѣемъ Андреевичемъ Ржевскимъ. Н
излишнимъ будетъ объяснить этотъ случай, показыва
щій и свойство души Державина.

Дмитріевъ, который въ послѣдствіи былъ Министро
Юстиціи, велъ споръ по завѣщанію дяди его съ Вс. Т
жущіеся рѣшились разобраться Совѣстнымъ Судомъ.

Дмитріевъ избралъ съ своей стороны посредником
Державина, а соперникъ его г-на В. пожалованнаго по-
томъ Графомъ. Алексѣй Андреевичъ Ржевскій былъ тог-
да Совѣстнымъ Судьею въ С.-Петербургѣ. Справедли-
вость была на сторонѣ Дмитріева; но какъ въ противникѣ
его принимали участіе люди значительные и близкіе ко
Двору, то и старалась его оправдать и, не заботясь о
примиреніи тяжущихся, написали опредѣленіе, кото-
рымъ обвиняли Дмитріева; и въ самый день бракосоче-
танія Великаго Князя Константина Павловича, когда въ
Судѣ не было никого, кромѣ сихъ особъ и секретаря, они
пригласили Державина къ выслушанію и подписанію рѣ-
шенія. Державинъ доказывалъ имъ, что опредѣленіе со-
ставлено несогласно съ учрежденіемъ Совѣстнаго Суда,
которому велѣно примирять тяжущихся, и, видя, что
споръ его безполезенъ, вышелъ изъ Суда. Ржевскій по-
далъ рапортъ Генералъ-Губернатору, а Генералъ-Губер-
наторъ донесъ Императрицѣ, будто бы Державинъ бро-
силъ Высочайшее Учрежденіе на полъ. Государыня,
оскорбясь такою дерзостью, приказала потребовать отъ
Державина отвѣтъ; Державинъ донесъ о всемъ происше-
ствіи подробно, ссылаясь на самое опредѣленіе, которое
состоялось не по закону.

Объясненіе Державина на записку Ржевскаго, поднесенную Ея Императорскому Величеству (Государынѣ Императрицѣ Екатеринѣ).

«Записка сія содержитъ нѣсколько правды, болѣе же несправедливость; а именно:

«1. Что онъ Г. Ржевскій одинъ не составляетъ Совѣстнаго Суда; это правда,—я говорилъ.

«2. Что будто указывалъ на него пальцемъ и говорилъ ему ты; это неправда.

«3. Болѣзнями ли отозвались засѣдатели отъ присутствія, я не знаю; но то правда, что они въ присутствіи не находились и что не было нужды приглашать меня не въ полное собраніе къ выслушанію мнѣній, когда оныя поданы были еще въ Ноябрѣ мѣсяцѣ и когда можно было прежде, или послѣ избрать для того присутственный удобнѣйшій день, а не торжественный, и на Масляницѣ.

«4. Что въ продолженіе чтенія тѣхъ мнѣній, оное было прервано моимъ и другимъ разговорами, это правда.

«5. Будто я говорилъ, что мнѣніе Совѣстнаго Суда была копія съ мнѣнія противной стороны посредниковъ, и писано однимъ перомъ—это неправда.

«6. Что Г. Ржевскій имѣетъ право согласиться съ мнѣніемъ котораго нибудь изъ посредниковъ, это не со всѣмъ справедливо; ибо онъ долженъ соглашаться съ ближайшимъ къ правиламъ Совѣстнаго Суда; но объ этомъ ни слова никѣмъ говорено не было.

«7. Что Совѣстный Судъ ни съ тѣмъ, ни съ другимъ мнѣніемъ посредниковъ согласенъ не былъ, — неправда. Самыя тѣ мнѣнія докажутъ, что Дмитріевъ обвиненъ.

«8. Что я вскочилъ со стула съ тѣлодвиженіемъ, это правда. Для того, что безъ тѣлодвиженія встать не можно.

«9. Что я, оборотясь къ нему, началъ кричать изъ всей силы съ укоризнами о непорядочномъ отправленіи его должности,—это неправда; о должности его ни слова говорено не было. А какъ онъ самъ въ своей запискѣ раз-

судилъ таковымъ себя представить, то оная, и сіе
объясненіе, утвердятъ истину.

«10. Что я просилъ учрежденія,—это правда; а что
вырвалъ я его изъ рукъ секретаря и, увидя мою оши
хлопнулъ онымъ,—это неправда.

«11. Что я говорилъ ему о доведеніи до слуха Ея И
раторскаго Величества о безпорядкѣ, это неправда; а ч
выѣхавъ изъ Совѣстнаго Суда, былъ я въ комнатѣ
Сіятельства Графа Платона Александровича и при
гихъ людяхъ говорилъ о притѣсненіи, учиненномъ Д
тріеву, и что я буду жаловаться Ея Величеству, —
правда.

«12. Что онъ Г. Ржевскій остановилъ меня и проси
дабы я сказалъ мое согласіе, или нѣтъ, на которое
мнѣніе; но я ему отвѣчалъ грубымъ тономъ, что тог
скажу оное, когда будетъ въ Совѣстномъ Судѣ засѣдате
Крокъ и другіе, а съ нимъ дѣла имѣть не хочу,—это не
правда и быть не могло; для того, что коль скоро я вы
шелъ изъ присутственной камеры, то, ни мало не оста
навливаясь, уѣхалъ.

«13. Что всему тому свидѣтели не токмо посредники Всеволожскаго, но и оба тяжущіеся и вся канцелярія — это правда; они могутъ быть свидѣтелями, хотя никого въ судейской камерѣ кромѣ секретаря и посредниковъ не было; но чтобъ были справедливыми, въ томъ на нихъ, какъ благопріятствующихъ Всеволожскому, положиться не могу. Равно и Г. Ржевскій, я думаю, не положится на Дмитріева; если онъ на него ссылается, то пусть его спросятъ. Дмитріевъ долженъ по присягѣ сказать, что былъ у насъ разговоръ съ господиномъ Ржевскимъ обоюдно горячій, но не непристойный или ему обидный, каковымъ онъ его въ жалобѣ своей представляетъ, *хотя впрочемъ не одинъ разъ имѣлъ я несчастіе, что въ подобныхъ случаяхъ противу меня согласившіеся тонкіе и хладнокровные люди старались обратить въ предосужденіе мнѣ правоту мою и горячую любовь къ истинѣ;* но и здѣсь въ томъ кажется не предъуспѣли, потому что,

основываясь на законахъ и истинѣ и защищая праваго, не вышелъ я нигдѣ изъ благопристойности. Множество чрезъ мои руки перешедшихъ совѣстныхъ разбирательствъ въ здѣшней и другихъ губерніяхъ, и даже по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ моему одному лицу и посредству ввѣренныхъ, и не въ такихъ важныхъ дѣлахъ, мною кончены были и никто изъ тяжущихся нигдѣ не приносилъ на меня жалобъ. Дѣлами свидѣтельствоваться я почитаю себѣ правиломъ, а слова употребить нахожу принужденнымъ въ особенное мое защищеніе; имѣя притомъ утѣшительное въ душѣ моей оправданіе собственнаго суда совѣсти моей, по которой, не рѣдко выбираемъ въ посредники, не отрекался никогда защищать невинность.

«Сказавъ такимъ образомъ по частямъ записки, что было и чего не было, смѣю представить для лучшей ясности всю совокупность сего происшествія.—26 числа минувшаго мѣсяца, повѣсткою приглашенный по дѣлу Всеволожскаго и Дмитріева, подлинно я былъ въ Совѣстномъ Судѣ. Нашелъ тамъ Г. Ржевскаго одного безъ засѣдателей, собесѣдующаго съ посредниками Всеволожскаго; тяжущимся приказалъ онъ изъ судейской камеры выйти. Тутъ предложены были мнѣнія посредниковъ и слушаны прежде мое, а потомъ Г. Васильева и Сушкова; въ продолженіе перваго Сушковъ, а втораго я, въ полголоса дѣлали наши примѣчанія на нѣкоторыя мѣста. По прочтеніи тѣхъ мнѣній, которыя оказались несогласными, надобно было изъяснить разсужденіями ихъ противорѣчія и избирать средства къ соглашенію тяжущихся на примиреніе, по точной силѣ Высочайшаго Учрежденія статьи 400-й; но я, видя, что никого нѣтъ изъ засѣдателей, кто бы могъ уважить мои мысли и примѣтя, что Г. Ржевскій на сторонѣ противной, спросилъ: гдѣ же господа присутствующіе? Тутъ Г. Ржевскій вспыхнулъ и сказалъ: какіе присутствующіе? Вотъ мнѣніе Совѣстнаго Суда, подписанное всѣми, которое мнѣ тогда и показалъ. Удивляяся, что безъ общаго разсужденія по

мнѣніямъ посредниковъ, изъ которыхъ противнаго мнѣ никогда не видалъ и не слыхалъ, предварительно заготовлено уже было опредѣленіе Совѣстнаго Суда, былъ любопытенъ выслушать оное; когда жъ увидѣлъ, что всѣ правости моей стороны или умолчены, или отвергнуты, а напротивъ того не токмо мысли, но цѣлыя фразы помѣщены противнаго мнѣ мнѣнія, то я, оборотясь къ Г. Васильеву, весьма учтиво сказалъ: это, кажется, ваши мысли.» Тутъ сей съ умѣренностію, а Г. Ржевскій съ досадою говорилъ, что онъ съ нимъ по дачѣ мнѣнія не видался и не стакался, и тому подобное, чѣмъ и прерываемо было чтеніе. Но какъ въ окончаніи онаго услышалъ я, что Дмитріевъ обвиняется въ томъ, о чемъ онъ Суду и объясненій не подавалъ; то, почувствовавъ сильнѣйшимъ образомъ несправедливость и угнетеніе Дмитріева, не могъ вытерпѣть, чтобъ не спросить Высочайшаго Учрежденія и хотѣлъ въ защиту угнетаемаго опереться на тѣ статьи, гдѣ въ правила Совѣстному Суду предписаны осторожность, милосердіе, чтобъ ни чью судьбу не отягощать, доставить каждому принадлежащее, примирять, а не обвинять тяжущихся; но Г. Ржевскій отказалъ-было мнѣ и въ томъ, а потомъ, когда по приказу его учрежденіе секретаремъ было подано и положено на концѣ стола, для чего я и всталъ со стула и хотѣлъ помянутыя статьи прочесть, но, вообразя, что всѣ мои представленія были бы безуспѣшны, для того, что другихъ присутствующихъ не было, а одинъ Совѣстный Судья по Высочайшему Учрежденію 396-й статьи Совѣстнаго Суда не составляетъ, и не кого было просить записать въ журналъ мною говореннаго; то я оставя отверстымъ учрежденіе, какъ оно было, удалился изъ Суда, не говоря ни одного слова, въ намѣреніи на безпорядокъ принести жалобу Ея Императорскому Величеству, а тѣмъ самымъ не допустить до угнетенія Дмитріева....

«Наконецъ, ежели по просьбѣ Дмитріева Г. Ржевскій не далъ ему и мнѣнія Совѣстнаго Суда, сказавъ, что сдѣлать ему того невозможно, послѣ того осмѣливаюсь во-

просить, гдѣ же по сему дѣлу былъ тотъ совѣстный, благотворный и святый Судъ, который установленъ премудрою нашею Законодательницею для защиты угнетаемаго человѣчества.»—

Дѣло сіе оставалось въ кабинетѣ Императрицы по Ея кончину; а при Императорѣ Павлѣ Петровичѣ, по уничтоженіи Совѣстныхъ Судовъ, препровождено было въ архивъ.

Въ бытность Державина Министромъ Юстиціи, Вс., чувствуя свою несправедливость, пріѣхалъ нарочно изъ Москвы и просилъ помирить его съ Дмитріевымъ, что и было исполнено, на томъ основаніи, какъ Державинъ полагалъ въ Совѣстномъ Судѣ, и обиженный получилъ свое удовлетвореніе.

XI.

УСПОКОЕННОЕ НЕВѢРІЕ. (1)

Когда то правда, человѣкъ,
Что цѣпь печалей весь твой вѣкъ:
Почто жъ намъ вѣкомъ долгимъ льститься?
На то ль, чтобъ плакать и крушиться,
И, мѣря жизнь свою тоской,
Не знать отрады никакой?

Кончать день золъ днемъ золъ другихъ,
Страшиться радостей своихъ,
На счастья блескъ не полагаться,
И каждый мигъ того бояться:
Вотъ грусть, вотъ скорбь, вотъ смерть придетъ!
Начала всѣ конецъ сѣчетъ.

Младенецъ лишь родится въ свѣтъ,
«Увы! увы!» онъ вопіетъ;
Ужъ чувствуетъ свое онъ горе;
Низверженъ въ треволненно море,
Волной несется чрезъ волну,
Песчинка въ вѣчну глубину.

Се нашей жизни образецъ!
Се нашихъ всѣхъ суетъ вѣнецъ!
Что жизнь? — Жизнь смерти тлѣнно сѣмя.
Что жить? — Жить мигъ летяща время, —
Едва почувствовать, познать,
Познать ничтожество, — страдать;

Страдать, — и скорбно чувство мукъ
Умѣть еще сносить безъ скукъ.
На то ли создалъ Ты отъ вѣка,
О, Боже! бренна человѣка?
Творецъ! Но на Тебя ль роптать?
Такъ что жъ осталося? — Страдать.

Такая жизнь — не жизнь, но ядъ;
Змѣя въ груди, геенна, адъ,
Живаго жретъ меня до гроба,
Ахъ! если самая та жъ злоба
По смерти мститъ намъ и въ гробахъ:
Кого жъ Творцемъ назвать? кто благъ?

Лишь Парки жизни нить прервутъ,
Ужъ въ срѣчу Фуріи бѣгутъ:
Отсель изъемлетъ скоротечность;
А тамъ, а тамъ разверста вѣчность!

Дрожу! — ліется въ жилахъ хладъ.
О, вѣчность, вѣчна мука, адъ!

Но что? Зрю молніи кругомъ!
Въ свирѣпой бурѣ слышу громъ!
Перунъ перуны прерываетъ,
Звучнѣй всѣхъ громовъ гласъ взываетъ:
«Богъ благъ, отецъ Онъ твари всей;
«Ты золъ, — и адъ въ душѣ твоей!» —

Божественный сей, крѣпкій гласъ
Кичливый духъ во мнѣ потрясъ;
Вострепетала совѣсть черна,
Исчезла мысль неимовѣрна,
Прошли отчаянья мечты:
Всесильный, помоги мнѣ Ты!

Уйми страстей моихъ Ты шумъ
И бурный обуздай мой умъ:
Чего понять онъ не возможетъ,
Да благость въ томъ Твоя поможетъ,
Чтобъ я средь золъ покоенъ былъ,
Терпя бѣды, Тебя любилъ!

Поборствуй руку лобызать,
Котора поднята карать;
Средь юности моей неспѣлой,
Средь зрѣлой жизни, престарѣлой,
Средь ярыхъ волнъ, мірскихъ суетъ,
Дай силъ сносить мнѣ иго бѣдъ!

Чтобъ меньше скорби ощущать,
Собою больше обладать,
Пошли, пошли, Творецъ вселенной,

Своей Ты твари бѣдной, бренной
Небесну помощь съ высоты:
Ты щедръ, щедротъ источникъ Ты!

Надъ безднами горящихъ тѣлъ,
Которыхъ лучъ не долетѣлъ
До насъ еще съ начала міра,
Отколь, среди зыбей эфира,
Всѣхъ звѣздъ, всѣхъ лунъ, всѣхъ солнцевъ видъ,
Какъ злачный червь, во тмѣ блеститъ —

Тамъ внемлетъ насѣкомымъ Богъ.
Достигъ мой вопль въ Его чертогъ.
Я зрю: избранна прежде вѣка
Грядетъ покоить человѣка;
Надежды вѣтвь въ рукѣ у ней: —
Ты Вѣра? — Миръ душѣ моей!

Ты мысли дерзкія плѣнишь,
Сердцамъ незлобіе даришь,
Терпѣньемъ души укрѣпляешь,
На подвигъ немощь ободряешь,
Ты кроткимъ свѣтъ и красота,
Ты гордымъ мракъ и суета!

Пристойно цѣль имѣть уму,
Куда паря летѣть ему,
Пусть все подвержено сомнѣнью;
Но безъ Творца какъ быть творенью?
Его ты, Вѣра, учишь знать,
Любить, молить, — не постигать.

Непостижимый сей Творецъ
Да будетъ мой покровъ, отецъ!

Онъ взоромъ волны укрощаетъ
Онъ всей природой мнѣ вѣщаетъ:
«Испытывать судьбы забудь,
«Надѣйся, вѣрь — и счастливъ будь.»

О вы, что мысли остротой,
Разврата славитесь мечтой?
Послѣдуя сему примѣру,
Прійдите, обнимите Вѣру:
Она одна спокоитъ васъ,
Утѣшитъ въ самый смертный часъ.

(¹) Сочинено въ 1771 году и напечатано тогда же въ С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ, а потомъ въ 1782 году въ Собесѣдникѣ.

Эта ода, одно изъ первыхъ стихотвореній Державина, пришла въ извѣстность, бывъ исправлена по совѣтамъ друзей его: Николая Александровича Львова, Василья Васильевича Капниста, Ивана Ивановича Дмитріева и Александра Семеновича Хвостова. Она сочинена по случаю чтенія разныхъ иностранныхъ сочиненій, колеблющихъ Вѣру. Вникнувъ въ нихъ, Державинъ призналъ, что они внушены гордостію, тщеславіемъ и отъемлютъ душевное спокойствіе, и потому отвергъ ихъ, рѣшась безъ суетнаго мудрованія покориться завѣту Божественной Вѣры.

«Онъ всей природой мнѣ вѣщаетъ,
Испытывать судьбы забудь,
Надѣйся, вѣрь, — и счастливъ будь!
Пріидите, обнимите Вѣру, —
Она одна спокоитъ васъ,
Утѣшитъ въ самый смертный часъ.

XII.

ИСТИНА.

Источникъ всѣхъ началъ! зерно
Понятій, мыслей, чувствъ высокихъ!
Среда и корень тайнъ глубокихъ,
Отколь и кѣмъ все создано!
Числъ содержательница счета
Сосѳеренняго въ твердь сію,
О, Истина! о, голосъ свѣта!
Тебя, безсмертная, пою.

Тебя! — Когда и червь, занявъ
Лучи отъ солнца, въ тмѣ блистаетъ!
Ко свѣту очи обращаетъ
Безъ словъ младенецъ, лепетавъ:
То я ль души моей пареньемъ
Не вознесуся въ Твой чертогъ?
Я ль не воскликну съ дерзновеньемъ:
Есть вѣчна истина, — есть Богъ!

Есть Богъ! — я чувствую Его
Какъ въ существѣ моемъ духовномъ,
Такъ въ чудномъ мірѣ семъ, огромномъ,
Быть не возмогшемъ безъ Него.
Есть Богъ! — я сердцемъ осязаю
Его присутствіе во мнѣ: —
Онъ въ Истинѣ, я увѣряю:
Онъ Совѣсть — внутрь, Онъ Правда — внѣ.

Такъ! Истина, сліясь изъ трехъ
Существъ, единства скрыта лономъ,

Средь тѣлъ и душъ и въ Духѣономъ,
Кто создалъ все, Кто держитъ всѣхъ.
Ея подобье въ солнцѣ зрится:
Лицемъ, и свѣтомъ, и тепломъ,
Живя всю тварь, оно не тмится:
Ключъ жизней всѣхъ, ихъ образъ въ немъ.

Сильнѣе Истина всѣхъ силъ;
Рожденна Ею добродѣтель. —
Чрезъ духъ Свой зрѣть Ее Содѣтель
Въ безмѣрности чудесъ открылъ;
Ея никто не обымаетъ,
Окромѣ Бога Самого:
Полкъ тщетно Ангеловъ взлетаетъ
Прозрѣть кивотъ судебъ Его.

О, Истина! трилучный свѣтъ
Сый: — бывый, сущій и грядущій!
Прости, что прахъ, едва ползущій,
Смѣлъ о Тебѣ вѣщать свой бредъ.
Но Ты, — коль солнцевъ всѣхъ лампада,
Міровъ начала и конецъ,
Отъ корней звѣздъ до корней ада
Объемлешь все, — всего Творецъ!

Творецъ всего, — и влилъ мнѣ духъ
Ты въ волѣ мудрой и въ желаньяхъ,
И неба и земли въ познаньяхъ
Парящій совершенства въ кругъ.
Такъ можно ль быть мнѣ въ томъ виновнымъ,
Что въ выспренность Твою лечу?
Блаженствомъ я Твоимъ верховнымъ, —
Тобой — насытиться хочу.

Тобой! — Ты перло думъ моихъ,
Отца наслѣдье, сота слаще.
Ахъ! скрытнѣй, далѣй чѣмъ, тѣмъ вящше
Я алчу зрѣть красотъ Твоихъ,
Младенцамъ лишь однимъ не тайныхъ.
Внемли жъ! — и мигъ хоть удостой
Мелькнуть сквозь тучъ Тебя вкругъ зарныхъ,
И отѣни мнѣ обликъ твой.

Нѣтъ! Буйство! какъ дерзну взирать
На Бога — облеченный въ брѣнья?
Томиться здѣсь, — тамъ наслажденья
Ждать — смертныхъ участь, и вздыхать,
О, такъ! и то уже высоко,
Непостижимаго любить!
Небесной истиною око
Умѣть земное пламенить!

Сліянный въ узелъ блескъ денницъ!
Божественная лучезарность!
Пространствъ совокупленная дальность!
Всѣхъ единица единицъ!
О, правость воль неколебимыхъ!
О, мѣра, вѣсъ, число всего!
О, красота красотъ всезримыхъ!
О, сердце сердца моего!

Думъ правило, умовъ законъ!
Свѣтило всѣхъ народовъ, вѣковъ!
Что бъ было съ родомъ человѣковъ,
Когда бы совѣсти не знали
Всѣхъ неумытнаго Судьи,

Давно въ звѣрями люди стали. —
Законы святы мнѣ Твои.

Пускай продерзскій мрака сынъ
Кощунствуетъ въ своей гордынѣ,
Что правда? — слабость въ властелинѣ;
Что руль правленій? — умъ одинъ;
Что златомъ тверды? — царства, грады;
Но, ахъ! сихъ правилъ тщетенъ блескъ:
Имперьи рушатся безъ правды....
Се внемлемъ мы престоловъ трескъ!

О, истина, душевна жизнь!
Престолъ въ сердцахъ Небесна Царства!
Когда духъ лжи, неправдъ, коварства,
Не внявъ разсудка укоризнъ,
Къ добру препятствъ мнѣ вержетъ камень:
Ты, гласомъ Божескимъ Твоимъ,
Взжигай въ душѣ моей Твой пламень,
И будь свѣтильникомъ моимъ!

Ты жезлъ мой будь и вождь всегда,
Да токмо за Тобой стремлюся,
Твоимъ сіяньемъ предвожуся,
Не совращаясь никогда
Съ путей, Тобой мнѣ освѣщенныхъ;
Любя Тебя, да всѣхъ люблю;
Но отъ совѣтовъ, мнѣ внушенныхъ
Тобой, нигдѣ не отступлю.

Да буду правозвѣстникъ, другъ,
Поборникъ Твой, вездѣ щитъ правды;
Всѣ міра прелести, награды

Да не истлятъ во мнѣ Твой духъ;
Да оправдаю я невинность;
Да соблюду присягу, честь;
Да зла не скрою ковъ, безчинность,
И обличу предъ всѣми лесть.

Да буду сподвижникъ твердъ
Всѣхъ добродѣтелей съ Тобою,
Ходя заповѣдей стезею
По правосудью милосердъ;
Да сущихъ посѣщу въ темницахъ,
Пить жаждущимъ, ѣсть гладнымъ дамъ,
Бальзамъ страдающимъ въ больницахъ
И отче лоно сиротамъ.

Да отвращу мой взоръ отъ тѣхъ,
Кто Твоего не любитъ свѣта,
Корысть и самолюбье мѣта
Единая чья дѣйствій всѣхъ;
Да отъ безвѣрныхъ удалюся,
Нейду съ лукавыми въ совѣтъ
И въ сонмъ льстецовъ, — а прилѣплюся
Къ друзьямъ Твоимъ, Твой чтущимъ свѣтъ.

И Ты, о Истина! мой Богъ!
Моей и вѣры упованье!
За все мое Тебя желанье,
За мой къ Тебѣ въ любви восторгъ,
Когда сей плоти совлекуся,
Хоть былъ бы чистъ, какъ блескъ огня,
Но какъ къ Тебѣ на Судъ явлюся,
Не отвратися отъ меня!

XIII.

ВЛАСТИТЕЛЯМЪ И СУДІЯМЪ. (*)

—

Возсталъ Всевышній Богъ, да судитъ
Земныхъ боговъ во сонмѣ ихъ.
«Доколѣ,» рекъ: «доколь вамъ будетъ
Щадить неправедныхъ и злыхъ?

«Вашъ долгъ есть: сохранять законы,
На лица сильныхъ не взирать,
Безъ помощи, безъ обороны
Сиротъ и вдовъ не оставлять.

«Вашъ долгъ спасать отъ бѣдъ невинныхъ,
Несчастливымъ подать покровъ;
Отъ сильныхъ защищать безсильныхъ,
Исторгнуть бѣдныхъ изъ оковъ.»

Не внемлютъ! — видятъ и не знаютъ!
Покрыты мздою очеса:
Злодѣйствы землю потрясаютъ,
Неправда зыблетъ небеса.

Цари! — я мнилъ: вы боги властны,
Никто надъ вами не судья;
Но вы, какъ я, подобно страстны,
И какъ же смертны, какъ и я.

И вы подобно такъ падете,
Какъ съ древъ увядшій листъ падетъ!
И вы подобно такъ умрете,
Какъ вашъ послѣдній рабъ умретъ!

Воскресни, Боже! Боже правыхъ!
И ихъ моленію внемли:
Прійди, суди, карай лукавыхъ,
И будь единъ Царемъ земли!

(¹) Мысль сего стихотворенія почерпнута изъ 81 пс[алма] Царя Давида. Ода эта въ первый разъ напечатана [въ] 1787 году въ періодическомъ изданіи Зеркало Свѣта.

Когда Державинъ поднесъ сочиненія свои лично И[м]ператрицѣ Екатеринѣ, Она благоволила принять и[хъ] милостиво и занялась чтеніемъ оныхъ. Въ слѣдующ[ее] воскресенье, по пріѣздѣ ко Двору, автору показало[сь,] что Государыня была на него гнѣвна, потому что в[сѣ] придворные отъ него отвращались. На второе воскресе[нье по]казалось ему тоже, на третіе онъ рѣшился спросить [о] причинѣ гнѣва Императрицы Графа Безбородко (бывша[]го послѣ Свѣтлѣйшимъ Княземъ). Графъ ничего ясна[го] ему не сказалъ; можетъ быть, не могъ или не хотѣлъ. Н[о] Графъ Мусинъ-Пушкинъ, бывшій тогда Оберъ-Проку[]роромъ Синода, пригласилъ Державина къ себѣ обѣдат[ь.] На этомъ обѣдѣ, Е. Булгаковъ, бывшій Посланникомъ в[ъ] Константинополѣ, знакомецъ автора, спросилъ у него: для чего онъ нынѣ пишетъ якобинскіе стихи? Авторъ н[е] могъ понять такого вопроса, но Булгаковъ объяснилъ, что онъ читалъ такого рода стихи въ его сочиненіяхъ, именно въ преложеніи Псалма 81. Державинъ отвѣчалъ, что никогда не держался якобинскихъ мыслей и не мо[]жетъ понять, почему относятъ это къ Псалму, написан[]ному Царемъ Давидомъ? «Однакожъ какъ бы ни было,» отвѣчалъ Булгаковъ: «такіе стихи не по времени» — и замолчалъ. Надобно замѣтить, что въ самое сіе время революція Французская была въ жесточайшемъ разгарѣ, и что Якобинцы (какъ авторъ узналъ гораздо послѣ) переложили Псаломъ сей и разсѣяли въ народѣ такимъ образомъ, Державинъ остался въ крайнемъ недоумѣніи послѣ словъ Булгакова и возвратился домой, не зная что подумать. Вечеромъ пріѣхалъ къ нему Дмитріевъ, бывшій

тогда гвардіи офицеромъ Семеновскаго полка; онъ самъ былъ поэтъ и добрый пріятель автору. «Что съ вами дѣлается?» спросилъ Дмитріевъ; «васъ велѣно спросить Г. Шишковскому, почему вы осмѣлились написать такіе дерзкіе стихи и поднесть ихъ Императрицѣ? — «Когда такъ, то я самъ спрошу,» отвѣчалъ авторъ: «почему ихъ такими разумѣютъ.» Объяснивъ, что «тотъ Псаломъ переложенъ былъ еще въ 1787 году, онъ отнесся къ Графу Безбородко, къ Статсъ-Секретарю Трощинскому, у котораго были сочиненія автора и гдѣ ихъ читалъ Г. Булгаковъ, и наконецъ къ бывшему тогда при Дворѣ Князю Зубову. Въ слѣдующее воскресенье Державинъ поѣхалъ во дворецъ узнать, что съ нимъ далѣе будетъ; но увидѣлъ уже Императрицу милостивою и господъ придворныхъ весьма вѣжливыхъ.

XIV.

НАДЕЖДА НА БОГА.

Богъ намъ прибѣжище и сила,
Помощникъ въ скорбѣхъ, средь враговъ!
Хотя бъ вселенная грозила
И горы двигшись съ береговъ,
Въ сердца морскія прелагались,
Не убоюсь — защитникъ Онъ!

Пусть громъ гремитъ, бурюютъ бури,
И до небесъ восходитъ понтъ,
Сверкаютъ молньи чрезъ лазури,
И рдѣетъ черный горизонтъ;
Но водъ кипящихъ устремленье
Увеселитъ лишь Божій градъ.

Богъ посреди — священны стѣны
Не двигнутся Его никѣмъ:
Со утромъ прійдутъ перемѣны;
Смятутся вражески тмы темъ;
Уклонятся престолы, царствы,
Дастъ Вышній гласъ — вздрогнетъ земля!

Господь помощникъ мой, спаситель —
Прійдите, зрите чудеса! —
Заступникъ, жезлъ и защититель,
Моя и слава, и краса.
Онъ хощетъ и враждебны сонмы
Оцѣпенѣютъ вкругъ меня!

Съ концемъ земныхъ сопхнутся брани,
Лукъ сокрушится, копіе;
Блаженныхъ, мирныхъ дней дѣяній
Исполнятъ наше житіе;
Мечи желѣзны переплавитъ
Въ плуги, серпы и косы Онъ,

И упразднится злоба ада.
Да разумѣетъ человѣкъ,
Что Небо тѣмъ покровъ, отрада,
Кто въ правѣ свой проводитъ вѣкъ.
Такъ! Богъ, Господь мой — мнѣ заступникъ
И на Него надѣюсь я!

XV.

НА ТЩЕТУ ЗЕМНОЙ СЛАВЫ. (¹)

—

Услышьте всѣ, живущи въ мірѣ,
Убогихъ и богатыхъ сонмъ,
Ходящи въ рубищѣ, въ порфирѣ,
Склонитеся ко мнѣ челомъ?
Языкъ мой истину вѣщаетъ,
Премудрость сердце говоритъ;
Что свыше Духъ Святый внушаетъ,
Моя то лира днесь звучитъ.

Не убоюсь во дни я злые,
Коль сильный гнать меня начнетъ,
Опершись на столпы златые,
Богатствъ пятой меня попретъ;
Въ день лютъ — братъ брату не спасенье,
Не замѣнитъ души душой:
У смерти тщетно искупленье:
Цѣны нѣтъ жизни никакой.

Пускай же князи процвѣтаютъ,
Не чая гибели своей;
Но коль и мудры умираютъ
И погребаются землей
Равно съ безумцами вседневно:
За гробомъ долженъ всякъ своимъ
Свой санъ, сокровище безцѣнно,
Оставить по себѣ другимъ.

Ахъ, тщетно смертны мнятъ въ надменьѣ,
Что вѣкъ ихъ зданья не падутъ,

Что титлъ и славы расширенье
Потомки въ надписяхъ почтутъ.
Увы! вся власть и честь земная
Минуетъ съ нами, будто тѣнь:
Затмитъ лишь солнце тма нощная.
Гдѣ звукъ? гдѣ блескъ? гдѣ свѣтлый день?

Гдѣ скиптръ, — коль только добродѣтель
Не освѣщала жизни путь,
И хвалъ тщеславье лишь содѣтель,
По насъ которыя поютъ?
Ахъ! глупому равны мы стаду,
Косой что гонитъ къ гробу смерть:
Въ ней праведникъ одинъ въ награду
Удобенъ утро жизни зрѣть.

Не вѣчно бездна духъ объиметъ,
Но онъ ее переживетъ.
Господь мою какъ душу пріиметъ
И облечетъ безсмертья въ свѣтъ:
Воззритъ она на долгоденство
Тогда, безъ зависти, того,
Кто честь, богатство, благоденство
Умножилъ дому своего.

По смерти не возьметъ съ собою
Никто вещей своихъ драгихъ;
Блаженный жизнью здѣсь святою,
Блажится межъ духовъ благихъ;
А если здѣсь не освятится
И въ злобѣ вѣкъ свой проведетъ
Между благими не вселится;
Его не облистаетъ свѣтъ.

Отъ нашей воли то зависитъ,
Чтобъ здѣсь и тамъ блаженнымъ быть,
Себя унизить иль возвысить,
Погребсть во тмѣ, иль освѣтить.
На высшей степени мы власти
Свою теряемъ высоту:
Въ порочныя упадшій страсти
Подобенъ человѣкъ скоту.

(¹) Почерпнуто изъ 18 псалма; сочинено въ С-Петербургѣ въ 1796 году.

XVI.

ЖЕЛАНІЕ ВЪ ГОРНЯЯ. (¹)

О, коль возлюбленно селенье
Твое мнѣ, Боже, Боже силъ!
Душа въ восторгѣ, въ умиленьѣ,
На пламенномъ пареньи крилъ
Къ Тебѣ моя летитъ, стремится,
И жаждетъ Твой узрѣть чертогъ;
А плоть и сердце веселится,
Что царствуетъ мой въ Небѣ Богъ!

Какъ голубь храмину находитъ,
И ласточка гнѣздо себѣ,
И въ немъ дѣтей своихъ выводитъ:
Такъ я найду покой въ Тебѣ.

Блаженъ въ дому Твоемъ живущій
И восхваляющій Тебя,
Защитникомъ Тебя имущій

Въ невинномъ сердцѣ у себя!
Долину можетъ онъ унылу
Въ луга и воды превратить
Ненастье въ ведро, — духомъ въ силу
Пришедъ, въ Сіонѣ опочить.

Услышь, услышь мое моленье,
О, Боже силъ! міровъ Господь!
Внуши сердечное прошенье,
И призри на меня съ высотъ.

Въ твоемъ мнѣ Домѣ день милѣе,
Чѣмъ тысячи въ дому другихъ;
У праха храма веселѣе,
Чѣмъ у вельможъ на пирѣ злыхъ.
Единъ даешь всѣ благи смертнымъ,
Великолѣпье, славу, Ты!
Не оставляешь непримѣтнымъ
Ты и меня въ моемъ пути.

Такъ Ты, Который управляетъ
Подсолнечной изъ вѣка въ вѣкъ!
Блаженъ, блаженъ, коль уповаетъ
На Бога токмо человѣкъ!

---

1) Почерпнуто изъ 83 псалма. Сочинено въ С.п.бургѣ въ 1796 году.

XVII.

УТѢШЕНІЕ ДОБРЫМЪ. (1)

Не ревнуй отнюдь лукавымъ,
Беззаконнымъ не завидь:

Скоро смерть серпомъ кровавымъ
Ихъ пріидетъ поразить:
Упадутъ — и въ мигъ увянутъ,
Какъ подкошенны цвѣты.

Положись во всемъ на Бога;
Землю насе́ля, трудись;
Добръ будь, не желая много,
Въ честь Господню насладись:
Онъ подастъ тебѣ что сердце
Пожелаетъ лишь твое.

Вышнему во всемъ повѣрься,
Будь во всемъ Ему открытъ,
Крѣпко на Него надѣйся, —
Въ пользу все твою свершитъ:
Вознесетъ, какъ солнце, правду,
И невинность, яко день.

Посвятясь Творцу, мужайся,
Будь въ Его законѣ твердъ;
Счастьемъ злыхъ не ослѣпляйся,
Гордымъ не ходи во слѣдъ;
Не ходи, не раболѣпствуй,
Смертныхъ Богомъ не твори.

Не печалься, не сердися,
Не злословь и злыхъ глупцовъ;
Паче въ доблестяхъ крѣпися,
Умудряйся средь трудовъ.
Ты увидишь: зло исчезнетъ,
Добродѣтель возлетитъ.

Подожди мигъ, и не будетъ
Самый вредъ тебѣ во вредъ;
Будто вѣтеръ, пепелъ сдунетъ,
Такъ исчезнетъ злобы слѣдъ:
Кротость же наслѣдитъ землю
И сладчайшій вкуситъ миръ.

Яры взоры грѣшникъ мещетъ
И надъ праведникомъ бдитъ;
Зубомъ на него скрежещетъ,
Втай вездѣ его слѣдитъ.
Но Господь врагу смѣется,
Близкій видя рокъ его.

Мечъ злодѣи извлекаютъ,
Лукъ натягиваютъ свой:
Низложить они алкаютъ
Правыхъ сердцемъ и душей;
Но ихъ луки сокрушатся,
Обратится мечъ имъ въ грудь.

Лучше малое стяжанье,
Нажитое все трудомъ,
Чѣмъ сокровищей собранье,
Скоро скопленно съ грѣхомъ:
Въ праведныхъ рукахъ все споро;
Грѣшниковъ скудѣетъ длань.

Добрыхъ Богъ благословляетъ:
Твердо ввѣкъ наслѣдство ихъ;
Въ люты глада дни питаетъ
Отъ щедротъ Онъ ихъ Своихъ;

Мытари жъ, какъ овны, жирны;
Но изсохнетъ весь ихъ тукъ.

Грѣшникъ, взявъ, не возвращаетъ;
Праведникъ всегда даетъ;
Сѣмена ль кому ссужаетъ,
То земля приноситъ плодъ:
На кого жъ положитъ клятву,
Плодъ тѣхъ вѣрно погубленъ.

Богомъ человѣкъ крѣпится,
Коль на добромъ онъ пути;
Хоть падетъ, не сокрушится:
Встанетъ паки, чтобъ идти:
Вышняго рука поддержитъ
Во всѣхъ случаяхъ его.

Былъ я младъ — и состарѣлся:
Добрыхъ въ крайности не зрѣлъ,
Чтобъ въ забвеньи родъ ихъ зрѣлся,
Чтобы хлѣба не имѣлъ:
Сами всѣхъ они снабжаютъ,
И въ довольствѣ чада ихъ.

Уклонись отъ злодѣяній,
Дѣлай благо, — Богъ съ тобой;
Онъ судья — и воздаяньи
Держитъ всѣ Своей рукой:
Сѣмя даже зла погибнетъ;
Добродѣтель расцвѣтетъ.

Льетъ всегда благочестивый
Токи мудрости изъ устъ;

Мужъ человѣколюбивый
Изрекаетъ правый судъ:
Въ сердцѣ чистомъ Богъ правитель;
Тверды истины стопы.

Ищетъ, ищетъ беззаконный,
Чтобъ невинность погубить;
Нѣтъ, онъ мнитъ, ей обороны,
А не видитъ: Богъ ей щитъ.
На судѣ ль ей быть случится,
Будетъ правою она.

Потерпи жъ еще немного,
Потерпи, храня законъ;
Какъ пріидетъ время строго,
И на злобу грянетъ громъ:,
Вознесешься — и получишь
Достояніе твое.

Видѣлъ, видѣлъ нечестивыхъ
Вознесенныхъ, яко кедръ;
Но по нѣкихъ дняхъ бурливыхъ
Я ихъ мѣста не обрѣлъ;
Вопрошалъ ходящихъ мимо,
И никто не отвѣчалъ.

Вѣдай! честность и невинность
Увѣнчаются вѣнцомъ;
Злость, нечестье, горделивость
Кончатся своимъ концемъ:
Богъ помощникъ людямъ добрымъ,
Воздаятель Онъ и злымъ.

(1) Сочинено въ С.-Петербургѣ въ 1804 году; почерпнуто изъ 36 Псалма.

XVIII.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ТВОРЧЕСКАГО БЫТІЯ.

(Изъ псалма 18.)

Небеса вѣщаютъ Божью славу;
Рукъ Его творенье твердь;
День за днемъ течетъ Его уставу,
Нощи нощь приноситъ вѣсть.

Не суть рѣчи то, иль гласы лиры,
Не доходитъ всѣмъ чей звонъ;
Но во всѣ звучитъ глаголъ ихъ міры,
Въ безднахъ раздается тонъ.

Се чертогъ горитъ въ зыбяхъ ѳѳира;
Солнце блещетъ какъ женихъ,
Какъ герой грядетъ къ побѣдамъ міра,
Мещетъ огнь очей своихъ;

Съ одного края небесъ лишь сходитъ,
Ужъ срѣтается въ другомъ:
Нѣтъ вертеповъ, онъ куда не вводитъ
Теплоты своимъ лучомъ.

Всѣмъ законъ Природы зримый, ясный
Можетъ смертнымъ доказать:
Безъ Творца столь стройный міръ, прекрасный
Сей не можетъ пребывать.

XIX.

УПОВАНІЕ НА ЗАЩИТУ БОЖІЮ.

—

Будь милостивъ ко мнѣ, мой Богъ!
Коль врагъ меня пожрать зіяетъ.
Всякъ день мнѣ бѣдства замышляетъ,
Всякъ день блюдетъ моихъ слѣдъ ногъ,
И злобно на меня враждуетъ.

Объемлетъ страхъ, — надежда Ты:
Тобой живу, Тобой хвалюся,
Ты щитъ, броня — и не боюся.
Мнѣ все, кромѣ Тебя, мечты, —
И что мнѣ человѣкъ возможетъ?

Пусть мыслятъ вредъ мнѣ всякій день,
Твердятъ слова мои съ гнушеньемъ,
Толпятся, ловятъ съ ухищреньемъ,
Мой слѣдъ стрегутъ и тѣнь;
Ихъ тщетенъ трудъ, — Тобой спасуся.

Твой, Боже! перстъ ихъ сломитъ рогъ;
Меня Ты скроешь милосердьемъ,
Слезъ сжалишься моихъ теченьемъ.
Тогда, никто какъ не помогъ,
Ты не забылъ Твоихъ обѣтовъ.

Убѣгнетъ врагъ, услышавъ то,
Что я Тобою защищаюсь,
Что на Тебя я полагаюсь,
Одинъ Тобой хвалюсь, — и что
Тогда злодѣйства мнѣ людскія?

Такъ, славлю я Тебя, Господь!
Лишь Ты отъ золъ меня избавилъ,
Стеръ слезный токъ, подъялъ, возставилъ,
И продлилъ мой еще животъ. —
Тебѣ ль не благоугождаю?

XX.

РАДОСТЬ О ПРАВОСУДІИ. (1)

—

Хвала Всевышнему Владыкѣ!
Великость Онъ явилъ Свою:
Вельможъ меня поставилъ въ ликѣ, (2)
Да чудеса Его пою.

Пришли, пришли тѣ дни святые,
Да правый судъ я покажу,
Колеблемы столпы земные
Закономъ Божьимъ утвержу.

Скажу я грѣшнымъ: «не грѣшите»;
Надменнымъ — «не вздымайте рогъ;
Въ безуміи не клевещите,
Несправедливъ что будто Богъ.

«Отъ Запада и отъ Востока,
Отъ горъ, пустыней и морей,
Нѣтъ человѣка безъ порока,
Безъ слабостей и безъ страстей.

«Но Богъ есть Судія единый,
Владыка и правитель всѣхъ;

Онъ сихъ возводитъ на вершины,
А понижаетъ долу тѣхъ.

«Вина багряна чаша цѣльна,
Изъ коей сладки перлы бьютъ,
Въ Его рукѣ всѣмъ растворенна;
Но дрожжи грѣшники піютъ.»

Отъ арфы радость да прольется
Въ хваленіе Тебѣ, мой Богъ!
Неправыхъ выя да согнется,
А правыхъ вознесется рогъ!

---

(1) Почерпнуто изъ псалма 74; сочинено въ С.п.бургѣ въ 1794 году.

(2) Авторъ тогда пожалованъ былъ въ Сенаторы.

XXI.

БРАТСКОЕ СОГЛАСІЕ. (1)

Коль красно зрѣлище, пріятно,
Гдѣ вкупѣ братія живетъ!
Благоуханье ароматно
Какъ на браду съ главы течетъ,
Браду почтенну Аарона,
Струяся на ометы ризъ;
Или Синая и Эрмона
Когда верхи, преклоньшись внизъ,
Багрянымъ серебромъ сверкаютъ,
И каплетъ на цвѣты роса:
Такъ ввѣкъ на домъ ихъ низливаютъ
Благословенье Небеса.

(¹) Сочинено въ Шкловѣ 1799 годи; почерпнуто изъ салма 132.

XXII.

МОЛИТВА. (¹)

О, Боже! душъ Творецъ безсмертныхъ
И всѣхъ, гдѣ существуетъ кто!
О, единица числъ несмѣтныхъ,
Безъ коей всѣ они ничто!
О, средоточіе! согласье!
Все содержащая любовь!
Источникъ жизни, блага, счастья,
И малыхъ и большихъ міровъ!

Коль ты лишь духомъ наполняешь
Своимъ цѣвницы твари всей, (²)
Органомъ симъ увеселяешь
Себя средь вѣчности Твоей,
И вкругъ отъ миріадовъ звѣздныхъ,
Піющихъ свѣтъ съ твоихъ очесъ,
Самъ черплешь блескъ лучей любезныхъ
И льешь ихъ въ океанъ небесъ;

И мнѣ, по плоти праху тлѣнну,
Когда на тотъ одинъ конецъ
Ты вдунулъ душу толь священну,
Чтобы въ гармонію, Творецъ,
И я вошелъ Твою святую:
О! низпошли жъ мнѣ столько силъ,

Чтобъ развращенну волю злую
Твоей я волѣ покорилъ,

И такъ бы сдѣлалъ душу чисту,
Какъ водный ключъ — сквозь блатъ гнилыхъ,
Какъ запахъ розъ — сквозь дебрь дымисту,
Какъ лучъ небесъ — сквозь бездвъ ночныхъ
Протекши, тѣми же бываютъ,
Что были въ существѣ своемъ,
Или свѣтлѣй еще сіяютъ,
Чѣмъ злато, жженое огнемъ.

Подаждь, чтобъ все мое желанье,
Вся мысль моя единъ былъ Ты,
И истинъ бы Твоихъ алканье
Пожрало міра суеты;
Чтобъ правды, совѣсти, закона,
Которы мнѣ Ты въ грудь вліялъ,
Изъ подлости, хотя бъ у трона,
Я ни на что не промѣнялъ;

Чтобъ, знавъ мое происхожденье,
Моихъ достоинствъ я не тмилъ;
Твоей лишь волѣ въ угожденье
Въ лицѣ Царя Твой образъ чтилъ;
Чтобы, трудясь я безвозмездно,
Творилъ самимъ врагамъ добро,
И какъ тебѣ добро любезно,
Такъ ненавидѣлъ бы я зло;

Несчастныхъ, утѣсненныхъ слезу
Чтобы спѣшилъ я отирать;
Сердца, подобныя желѣзу,

Моей горячностью смягчать;
Чтобъ не былъ я ни гордъ, ни злобенъ;
На лонѣ нѣгъ не воздремалъ;
Но былъ душой Тебѣ подобенъ
И всю ее съ Тобой сливалъ.

О, сладка мысль и дерзновенна —
Желать съ Творцемъ сліянну быть!
Когда придетъ неизреченна
Мнѣ радость та, чтобъ въ Богѣ жить?
Когда съ Тобой соединюся?
Любви моей, желаній край!
Гдѣ предъ лицемъ Твоимъ явлюся,
Тамъ мрачный адъ мнѣ будетъ рай!

---

(1) Сочинена въ С.п.бургѣ въ 1796 году и тогда же напечатана на особыхъ листкахъ.

(2) Цѣвницы значатъ здѣсь жизненные сосуды. Поэтъ примѣнилъ это слово къ чудесной связи органическаго устройства, замѣчаемаго и въ малѣйшемъ созданіи.

XXIII.

УТРО. (1)

Огнистый Сиріусъ сверкающія стрѣлы
Металъ еще съ небесъ въ подлунные предѣлы;
Лежала на холмахъ вкругъ нощь и тишина,
Вселенная была безмолвія полна;
А только вѣтровъ свистъ, лѣсовъ листы шептали;

Шумъ бьющихъ въ камни волнъ, со скалъ по-
токовъ ревъ,
И изрѣдка въ дали рычащій левъ
Молчанье прерывали.
Клеантъ, проснувшійся въ пещерѣ, всталъ
И свѣта дожидался;
Но говоръ птицъ едва помалу слышанъ сталъ,
Вкругъ по брегамъ раздался
И всклицкнулъ соловей;
Тумана, свѣта сѣть по небу распростерлась,
Сокрылся Сиріусъ за ней
И нощь бѣгущая чуть зрѣлась.
Мудрецъ восшелъ на вышній холмъ,
И тамъ, сѣдымъ склонясь челомъ,
Возсѣлъ на мшистый пень подъ дубомъ много-
лѣтнымъ.
И внизъ изъ-подъ вѣтвей пустилъ свой взоръ
На море, на лѣса, на сини цѣпи горъ
И зрѣлъ съ восторгомъ благолѣпнымъ
Отъ сна на возстающій міръ.
Какое зрѣлище! какой прекрасный пиръ
Открылся всей ему природы!
Онъ видѣлъ землю вдругъ, и небеса, и воды,
И блескъ планетъ,
Тонущій тихо въ юный, рдяный свѣтъ.
Онъ зрѣлъ: какъ солнцу путь заря уготовляла,
Лиловые ковры съ улыбкой разстилала,
Врата Востока отперла,
Крылатыхъ коней запрягла,
И звѣздъ Царя, сего вѣнчаннаго возницу,
Румяною рукой взвела на колесницу;

Какъ хоромъ утреннихъ часовъ окружена,
Подвигнулась въ свой путь она,
И восшумѣла въ слѣдъ съ колесъ ея волна;
Багряны вожжи напряглися
По конскимъ блещущимъ хребтамъ:
Летятъ, вверхъ пышутъ огнь, свѣтъ мещутъ по странамъ,
И мглы подъ ними улеглися;
Тумановъ рѣки разлилися,
Изъ коихъ зыблющихъ сѣдинъ,
Челомъ сверкая золотымъ,
Возстали горы изъ долинъ
И воскурился сверхъ ихъ тонкій дымъ.
Онъ зрѣлъ: какъ свѣта богъ съ морями лишь сравнялся,
То алый лучъ по нихъ восколебался;
Посыпались со скалъ
Рубины, яхонты, кристалъ,
И бисеры перловы
Зажглися на вѣтвяхъ;
Багряны тѣни, бирюзовы,
Слилися съ златомъ въ облакахъ;
И все — сіяніе покрыло!
Онъ видѣлъ: какъ сіе божественно свѣтило
На высоту небесъ вэнесло свое чело,
И пропастей лице лучами расцвѣло:
Открылося морей огнисто протяженье,
Тамъ съ холма внизъ глядитъ, навѣсясь, темный кедръ;
Тамъ съ шумомъ вержетъ китъ на воздухѣ рѣкъ стремленье;

Тамъ челнъ на парусахъ бѣжитъ средь водяныхъ
нѣдръ;
Тамъ, выплывъ изъ пучины,
Играютъ, рѣзвятся дельфины
И рыбъ стада сверкаютъ чешуей,
И блещутъ чуды чрева бѣлизной;
А тамъ среди лѣсовъ гора переступаетъ,
Подъемлетъ хоботъ слонъ и съ древъ плоды
снимаетъ;
Здѣсь вмѣстѣ два холма срослись
И на верблюдѣ поднялись;
Тамъ конь, пустя по вѣтру гриву,
Бѣжитъ и мнетъ волнисту ниву;
Здѣсь кроликъ подъ кустомъ лежитъ,
Глазами красными блеститъ;
Тамъ серны, прядая съ холма на холмъ стрѣлами,
Стоятъ на крутизнахъ, висятъ подъ облаками;
Тутъ взоры пламенны вверхъ устремляя къ
нимъ,
На лапахъ жилистыхъ сидитъ зубастый скинмъ;
Здѣсь пестрый, алчный тигръ въ лѣсъ крадется
дебристый
И ищетъ, гдѣ залегъ олень роговѣтвистый;
Тамъ къ плещущимъ ключамъ въ зеленый, мяг-
кій логъ
Стремится въ жаждѣ пить единорогъ;
А здѣсь по воздуху витаетъ
Пернатыхъ, насѣкомыхъ рой,
Лѣса, поля, моря и холмы населяетъ
Чудесной пестротой:

Тѣ въ златѣ, тѣ въ сребрѣ, тѣ въ розахъ, тѣ въ
багрянцахъ,
Тѣ въ свѣтлыхъ заревахъ, тѣ въ желтыхъ, си-
зыхъ глянцахъ,
Гуляютъ по цвѣтамъ вдоль рѣкъ и вкругъ озеръ;
Надъ ними въ высотѣ ширяется орелъ!
А тамъ съ пологихъ горъ, селъ кровы, башень
спицы,
Лучами отразясь, мелькаютъ на водахъ;
Тутъ слышенъ рогазовъ, тамъ эхо отъ цѣвницы,
Блѣянье, ржанье, ревъ и топотъ на лугахъ;
А здѣсь сквозь птичій хоръ и шумъ отъ водо-
пада
Несутся громы въ слухъ съ великолѣпна града
И изъявляютъ зодчихъ трудъ;
Тамъ поселяне плугъ влекутъ;
Здѣсь сѣти рыболовъ кидаетъ,
На удѣ блещетъ серебро;
Тамъ огнь съ оружья войскъ сверкаетъ. —
И все то благо, все добро!
Клеантъ, на все сіе взирая,
Былъ внѣ себя природы отъ чудесъ;
Верховный умъ Творца воображая,
Излилъ потоки сладкихъ слезъ. —
«Все дѣло рукъ Твоихъ» вскричалъ во умиленьѣ,
И арфу, въ восхищеньѣ
Пріявъ, благоговѣнья полнъ,
Въ Фригическій настроя тонъ,
Умолкъ. — Но лишь съ небесъ, сквозь дуба сводъ
лиственный
Проникнувъ, на него палъ свѣтъ багряный, —

Брада сребристая, чело
Зардѣвшися, какъ солнце, расцвѣло:
Ударилъ по струнамъ и—отъ холма съ вершины
Какъ искръ струи въ долъ быстро покатились;
Далеко звуки разгласились:
Воспѣлъ онъ Богу гимнъ.

1) Сочинено въ С.п.бургѣ въ 1800 году и тогда же напечатано и отдѣльно.

XXIV.

ГИМНЪ БОГУ. (¹)

«О, Ты, всесьй, многоимянный,
Но тотъ же и вездѣ Единъ!
Премудрый, вѣчный, несозданный,
Благій Творецъ и Властелинъ!
Что солнце подъ Собою трономъ,
Въ подножье звѣзды положилъ,
Единымъ правишь все закономъ
Своихъ неизмѣримыхъ силъ!

«Коль не возбранно тварямъ смертнымъ
Къ тебѣ взывать: Тебя пою!
Все, чтó ни вижу окомъ бреннымъ,
Все чтитъ Тебя въ вину свою.
Я самъ, я самъ Твое творенье,
Подобье слабое, Твой сынъ,
Души моей вседневно пѣнье,
Тебѣ сей посвящаю гимнъ.

«Сводъ неба, надъ моей главою
Чтò съ сонмомъ многихъ звѣздъ виситъ,
Вращаясь вкругъ земли, собою
Твое велѣніе творитъ;
Въ молчаньи движась, исполняетъ
Земля вся маніе Твое,
И всѣ Природа совершаетъ
Тобой теченіе свое.

«Перунъ, посолъ Твоихъ законовъ,
Въ Твоей всесильной длани спитъ:
Взгорясь безсмертной жизнью громовъ,
Страшитъ всю тварь, трясетъ, мертвитъ;
Но Ты жъ духъ жизни посылаешь
И всѣ онъ существа живитъ;
Все имъ содержишь, оживляешь;
Твоя же власть — Природы щитъ.

«Что въ небѣ, морѣ, сушѣ зрится,
Твое что бездна обняла,
Все зиждется и все родится
Лишь отъ Тебя, — окромѣ зла;
Оно одно, изъ душъ порочныхъ
Возникнувъ, возмущаетъ свѣтъ:
Не мышцей силъ Твоихъ всемощныхъ
Въ порядокъ паки все идетъ.

«Борьбу стихій и разногласье
Въ согласіе приводишь Ты;
Творишь изъ распрь покой и счастье,
Изъ зла и блага — красоты.
Міры Тобою пребываютъ,

Въ Тебѣ союзъ ихъ свѣта, тмы,
Который лишь разстроеваютъ
Одни порочные умы.

«О, бѣдные! найти мнѣ счастье,
Закона общаго не чтутъ,
Кой, просвѣтивъ, привелъ въ согласье
И къ счастью всѣмъ отверзъ бы путь.
Такъ, такъ, они его не знаютъ,
Бѣгутъ отъ правды, красоты;
Свое лишь благо почитаютъ,
А благо обще за мечты.

«Спѣшатъ, летятъ ко громкой славѣ,
Къ богатствамъ, власти и чинамъ,
Къ великолѣпію, забавѣ,
Всѣхъ низкихъ слабостей къ сластямъ,
Которы льстятъ ихъ, обаваютъ;
И въ сѣть обманами влекутъ;
Но лишь уловятъ, — исчезаютъ.
Оставя въ слѣдъ имъ скорбь и студъ.

«Но Ты, о Боже! благъ Содѣтель!
Богъ молній, грома, свѣта, тмы!
Вдохни въ ихъ душу добродѣтель;
Блесни и разжени ихъ мглы;
Возвысь ихъ умъ къ уму нетлѣнну,
Къ тому ихъ разуму взнеси,
Которымъ правишь Ты вселенну
И на земли, и въ небеси,

«Почтилъ Ты коимъ человѣка,
Чтобъ разумѣлъ Твои дѣла,

И чрезъ него отъ вѣкъ до вѣка
Гремѣла бы Твоя хвала:
Такъ должно праведно, прекрасно,
Творенію Творца хвалить;
Въ восклицновеніяхъ всечасно
Его Святое Имя чтить.

«Никто, никто изъ всѣхъ живущихъ
Среди земли, среди небесъ,
Не обрѣтетъ изъ тварей сущихъ
Столь удивительныхъ чудесъ,
Великихъ, славныхъ, непостижныхъ,
Каковъ великій разумъ тотъ,
Что въ маніяхъ своихъ обширныхъ
Природѣ всей законъ даетъ.» —

Онъ пѣлъ — и къ гласу столь священну,
Главу, казалось, вознесенну
Вкругъ холмы, горы и лѣса,
И сами вышни небеса
Съ благоговѣніемъ склонили;
Всѣ тщилися ему внимать;
Присутствіе Господне чтили:
Его могъ праведникъ призвать.

---

(1) Гимнъ сей сочиненъ на греческомъ языкѣ философомъ Клеантомъ, съ греческаго переведенъ на нѣмецкій, а съ нѣмецкаго переложенъ авторомъ въ 1800 году. Напечатанъ особенно.

XXV.

МОЛИТВА (1)

ПО ВЫСОЧАЙШЕМЪ ОТСУТСТВІИ ВЪ АРМІЮ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

1807 года марта 16 дня.

—

Господи! возсылаютъ
Къ Тебѣ свои мольбы, —
Взоръ, длани простираютъ
Смиренные рабы:
Взгляни сквозь страшны бездны
Съ высотъ Твоихъ святыхъ
На вздохи, токи слезны,
На огнь ѳимьямовъ ихъ;
Взгляни и виждь — Россія,
Тмой душъ, какъ звѣздъ, горя,
Средь тверди голубыя,
Гласитъ: спаси Царя!

Храни Его на брани,
Покой въ пути, паси;
Твои незримы длани
Вездѣ надъ Нимъ носи;
Будь твердый щитъ отъ злобы.
Ты зришь, сколь врагъ Его
Геройскихъ душъ свелъ въ гробы
Средь звѣрства своего:
Тамъ мать лишилась сына,
Тамъ братъ палъ смерти въ долъ,

Четы здѣсь половина —
И Ты, Творецъ! доколь....

Доколѣ токи крови
Велишь намъ, грѣшнымъ, лить?
Богъ благости, любови,
Жестокъ не можетъ быть:
Престани же отъ гнѣва,
Ревъ бури усмири;
Хлябь алчную Эрева
Перунами запри;
Ударъ! — и съ крылъ Зефира
Снесется тихій день:
Благоуханну мира
Дастъ Александръ намъ сѣнь.

([1]) Сочинена въ 1807 году; напечатана особымъ листкомъ; положена на ноты Г. Нейкомомъ и пѣта въ Филармоническомъ Обществѣ хоромъ Придворныхъ Пѣвчихъ.

XXVI.

ВВЕДЕНІЕ СОЛОМОНА ВЪ СУДИЛИЩЕ. ([1])

—

Восшелъ Давидъ въ сѣнь правды,
А съ нимъ и Соломонъ, —
Гдѣ казнь на злыхъ, благимъ награды,
Законы врѣзанны святымъ жезломъ
Въ скрижаль сапфирну, вкругъ златую,
Хранимы въ родъ и родъ,—восшелъ и сѣлъ на тронъ!

Велѣлъ съ собой возсѣсть и сыну одесную;
Старѣйшины предъ нимъ, склонившися челомъ,
По манію его возсѣли,
Въ молчаньи, на своихъ мѣстахъ.
Невидимо на высотахъ
Псалтири струны загремѣли:

«Боже! дай Царю Твой судъ
И Цареву сыну правду,
Да народу подадутъ
И защиту, и награду;

Да на горы миръ сойдетъ,
Правосудіе въ долины;
Бѣдныхъ да спасетъ отъ бѣдъ,
Плачущихъ отъ злой судьбины;

Да смиритъ клеветниковъ
И, какъ солнце, ввѣкъ сіяетъ
И луна межъ облаковъ,
Такъ блистать на тронѣ станетъ;

Такъ сойдетъ онъ въ низкій домъ
Съ высочайшаго престола,
Какъ снисходитъ дождь на холмъ
И роса на сушу дола;

Истинна во всѣхъ сердцахъ,
Правда въ людяхъ населится,
И въ его блаженныхъ дняхъ
Счастіе возобновится;

Падши, пыль полижутъ ногъ
Орды передъ нимъ Азійски,

И безцѣнности залогъ
Принесутъ Цари Ѳасійски.

Да помолятся уму
Въ немъ подсолнечной владыки;
Поработаютъ ему,
Подчинившися, языки,

И покажутъ, что онъ былъ
Щитъ отъ сильныхъ всѣмъ безсильнымъ,
Вдовъ и сирыхъ прокормилъ
Токомъ благости обильнымъ;

Подданныхъ жалѣлъ лить кровь,
Ограждалъ отъ лихвъ, неправды,
И къ себѣ ихъ чтилъ любовь
Выше всякія награды;

Долги будутъ дни ему,
Злато потечетъ рѣкою;
Дань легко дадутъ тому,
Кто любимъ отъ всѣхъ душою;

Нивы на вершинахъ горъ,
Садъ Ливанскій расплодится;
Градъ, поля восхитятъ взоръ,
Въ нихъ блаженство водворится;

Пальма, лавръ увьютъ чело,
Славою украсятъ вѣчной,
Чтобы имя процвѣло
Похвалой чистосердечной.»

Какъ лучъ, на верхъ Ерусалима
Снеслася благодать, — Израиль зрѣлъ.

«Да будетъ ввѣкъ,» въ восторгѣ пѣлъ:
Еговы длань благословима,
Пріосѣняющая насъ!» —
За симъ умолкъ псалтири гласъ.

(¹) Сочинено въ Гатчинѣ въ 1798 году; почерп[нуто]
изъ псалма 71, по случаю введенія Императоромъ [П]
ломъ Великаго Князя Александра Павловича [въ]
присутствіе Сената.

XXVII.

СѢТОВАНІЕ.

Услышь, Творецъ, моленье
И вопль моей души;
Сердечно сокрушенье,
Вздыханія внуши,
И слезъ моихъ отъ тока
Не отврати лица.

Но въ день, въ который стражду,
Зову Тебя, стеня,
Твоихъ щедротъ какъ жажду,
Воззри Ты на меня,
И съ высоты небесной
Скорѣй меня услышь.

Ты видишь, исчезаютъ
Всѣ дни мои — какъ дымъ;
Всѣ силы умираютъ;
Какъ злакъ подъ зноемъ злымъ

адетъ, блѣднѣетъ, вянетъ, —
зныло сердце такъ;

Сожженна грудь слезами;
лѣбъ, соль, забвенъ покой;
ютъ ссохлася съ костями, —
акъ остовъ образъ мой.
гласъ отъ воздыханій
ъ устахъ моихъ исчезъ.

Какъ птица въ мглѣ унывна,
ставленна на здѣ, (*)
ль схохленна, пустынна,
ѣдяща на гнѣздѣ,
ъ нощи, въ лѣсу, въ трущобѣ, —
ію стенаньемъ гулъ.

Друзья днесь уклонились,
раги меня тѣснятъ,
тѣ, что мной хвалились,
лянутъ меня, бранятъ
а то, что пища — пепелъ,
А слезы мнѣ — питье!

И все сіе отъ гнѣва,
Увы! Твоихъ очесъ,
Что Ты, Создатель Неба,
На высоту вознесъ,
И внизъ меня низвергнулъ, —
Увялъ, поблекъ мой цвѣтъ.

Воззри же на смиренну
Молитву Ты мою

(*) На кровлѣ.

И жертву воскуренну
Не уничтожь сію:
Да въ роды возвѣстится
Твое спасенье мнѣ!

XXVIII.

УМИЛЕНІЕ.

Не Богу ль повинится
Во всемъ душа моя?
Не отъ Него ль струится
Спасеніе ея?
Такъ! Онъ одинъ Хранитель,
Защитникъ, Покровитель,
Броня моя и шлемъ:
Не двигнуся я въ Немъ.

Доколѣ человѣки
Подобныхъ имъ гнетутъ,
Кровавыя льютъ рѣки,
Зорятъ жилища, жгутъ,
И стѣны хоть сотренны,
Ихъ кущи разрушенны,
Но въ сердцѣ звѣрску желчь
Несутъ, огонь и мечъ,

И цѣну совѣщаютъ,
Меня какъ свергнуть, чѣмъ;
Всѣ жаждутъ, всѣ алкаютъ
Знать о вредѣ моемъ;

Благословятъ устами,
Губятъ, клянутъ сердцами,
Измѣны строя ковъ;
Но Богъ мой Спасъ, покровъ!

Такъ, Онъ заступникъ, слава,
Краса моя, вѣнецъ,
Надежда и избава,
Владыка и Отецъ. —
О, смертные! внимайте:
Предъ Нимъ лишь преклоняйте
И духъ вашъ и главы;
Но суетны суть вы!

Вы любите хищеньи,
Надѣетесь на ложь,
Живете въ подкрѣпленьи
Неправедныхъ вельможъ;
Ко роскоши, къ богатству,
Корысти, святотатству
Летятъ духъ, умъ, сердца. —
Увы! — иль нѣтъ Творца?

Нѣтъ, есть! Его держава,
Въ вселенной всей, и судъ
Всѣмъ милость и управа
Его въ тотъ вѣкъ дадутъ
Намъ по дѣяньямъ долю. —
Блаженъ, Твою кто волю
Соблюсть въ сей жизни могъ,
О, мой Творецъ и Богъ!

XXIX.

ПРОПОВѢДЬ.

—

Благо проповѣдать Бога
И всегда вѣщать о Немъ,
Что премудрость, сила многа,
Истина и благость всѣмъ
Зрится во вселенной чудно!
Ночью славенъ Онъ и днемъ, —
И Ему отъ арфы сладкострунной
Мой да раздается громъ!

Возвеличилъ меня сильно
Во твореньяхъ Онъ Своихъ.
Въ краткій вѣкъ мой изобильно
Насладяся я благихъ,
Веселюся въ вечеръ лунной
Чудныхъ дѣлъ Его умомъ, —
И Ему отъ арфы сладкострунной
Мой да раздается громъ!

Мужъ безумный благъ не знаетъ,
Дивъ не разумѣетъ сихъ,
И, трава какъ, увядаетъ
Въ мрачныхъ помыслахъ своихъ;
Но я вѣрю въ Промыслъ чудный:
Былъ моимъ Онъ въ вѣкъ щитомъ, —
И Ему отъ арфы сладкострунной
Мой да раздается громъ!

Всѣ враги мои погибнутъ,
Господи! Твои враги.
Злы дѣла ихъ въ ровъ низринутъ,
Вознесутся же благи.
Въ старости маститой, мудрой,
Правда возблеститъ челомъ, —
И Тебѣ отъ арфы сладкострунной
Мой да раздается громъ!

Я взгляну презрѣннымъ окомъ
На противниковъ моихъ.
Какъ въ лукавствіи глубокомъ,
Во глумленьи скажутъ ихъ:
«Фениксъ, праведникъ подспудный,
Кедръ изъ праха взросшій холмъ,» —

И Тебѣ отъ арфы сладкострунной
Мой да раздается громъ!

Насажденны въ дому Бога
Доблести изъ тли взойдутъ:
Честность, мудрость, вѣра строга,
Въ царствѣ Россκомъ процвѣтутъ,
И промчится гласъ повсюдной:
Правъ Богъ! — нѣтъ неправды въ Немъ! —

И Тебѣ отъ арфы сладкострунной
Мой да раздается громъ!

———

XXX.

БЛАГОДАРНОСТЬ.

—

Исповѣмся я душою,
Сердцемъ всѣмъ Тебѣ моимъ:
Средь поющихъ Ангелъ строю
Цитрой благодарный гимнъ
Возбрячу, что Ты глаголу,
Господи! внялъ устъ моихъ.

Храму Твоему Святому
Въ умиленьи поклонюсь;
Богу кроткому, благому
Слезъ рѣками пролiюсь,
Что вознесъ меня отъ долу
На чреду высотъ Своихъ.

Богъ и впредь меня услышитъ,
Какъ Его я призову;
Умъ и сердце мнѣ возвыситъ,
Крѣпость дастъ подобну льву,
И своей мнѣ силой душу
Расширитъ, наполнитъ грудь.

И услышатъ, и познаютъ
Власти и Цари земны,
Что тѣ ввѣкъ не погибаютъ,
Кто Творцемъ охранены. —
Я всѣ ужасы разрушу;
Правды, славы въ путь пойду.

Издалече Богъ надменныхъ
Угнетаетъ бѣдъ ярмомъ,
А съ высотъ на униженныхъ
Призираетъ благъ лучомъ;
Тѣхъ низводитъ, сихъ возводитъ, —
Маніемъ весь правитъ свѣтъ.

О, Всесильный! если скорбью
Я и впредь сражусь, стеня,
Оживляй Твоей любовью,
Провождай въ слезахъ меня,
И, какъ громъ на злыхъ снизходитъ,
Духъ Тебя мой да поетъ.

XXXI.

ВОЦАРЕНІЕ ПРАВДЫ.

Господь воцарился!
Земля, веселись!
Мракъ тучъ разступися!
Холмъ, въ свѣтъ облекись!
Правда и судъ утвердились
Вкругъ трона Его.

Предъ Нимъ огнь предъидетъ:
Враговъ попалитъ,
Вселенную двигнетъ;
Громъ мракъ освѣтитъ;
Горы, какъ воскъ, въ мигъ растаютъ
Предъ Божьимъ лицемъ.

И небо всѣмъ правду
Его возвѣститъ;
Народъ въ немъ отраду,
Честь, славу узритъ;
Тѣ же, что чтили кумировъ,
Поникнутъ съ стыдомъ.

Услыша съ весельемъ
Взыграетъ Сіонъ;
Сонмъ дѣвъ съ восхищеньемъ
Воскликнетъ о Немъ,
И возгласитъ, что правдивы
Господни судьбы!

Творецъ, — что всѣхъ высшій,
Надъ всѣми есть Богъ,
Кой, взоромъ проникши,
Унизилъ злыхъ рогъ, —
Души храня преподобныхъ
Лучемъ осіялъ.

Ликуйте жъ о Богѣ,
О, добрые! днесь;
Хвалите въ восторгѣ
Царя вы небесъ!
Имя, и святость, и славу
Воспойте Его.

XXXII.

НА ПРЕОДОЛѢНІЕ ВРАГА.

—

Хоръ.

Воскликни Господу, вселенна!
Его Святое Имя пой!
И ты, о лира восхищенна!
Въ хвалу Ему твой гласъ настрой;
Рцы Богу, коль дѣла Его предивны:
Съ высокой палъ нашъ врагъ стремнины!
Весь міръ Творцу поетъ хвалебный ликъ:
Великъ! великъ! великъ!

Приди и обозри, о смертный!
Непостижимы чудеса:
На чемъ стоятъ столпы несмѣтны,
Держащи землю, небеса;
Зри, обращалъ какъ Богъ понтъ въ сушу,
Какъ хлябь разверзъ, простеръ въ ней путь,
И тамъ провелъ живую душу,
И вѣтръ не могъ никакъ гдѣ дуть!

Хоръ.

Воскликни Господу, вселенна!
Его Святое Имя пой!
И ты, о лира восхищенна!
Въ хвалу Ему твой гласъ настрой;
Рцы Богу, коль дѣла Его предивны:
Съ высокой палъ нашъ врагъ стремнины!

Весь міръ Творцу гласитъ хвалебный ликъ:
Великъ! великъ! великъ!

Его всевидящее око
Сквозь безднъ всѣхъ звѣздъ на міръ сей зритъ,
Что низко въ немъ и что высоко;
Надъ вражеской гордыней блитъ,
И насъ ведетъ къ блаженной жизни,
Стопы склоняя на добро;
Чрезъ брань, бѣды и укоризны
Такъ чиститъ насъ, какъ огнь сребро.

Хоръ.

Воскликни Господу, вселенна!
Его Святое Имя пой
И ты, о лира восхищенна!
Въ хвалу Ему твой гласъ настрой;
Рцы Богу, коль дѣла Его предивны:
Съ высокой палъ нашъ врагъ стремнины!
Весь міръ Творцу гласитъ хвалебный ликъ:
Великъ! великъ! великъ!

Хотя вводилъ Онъ насъ въ напасти
И посылалъ на насъ войны;
Но то Его былъ опытъ власти,
Чтобъ наши наказать вины. —
Благословите жъ всѣ языки
Днесь Бога нашего и вы,
Зря чудеса Его велики,
Хвалите, преклоня главы.

Хоръ.

Воскликни Господу, вселенна!
Его Святое Имя пой!
И ты, о лира восхищенна!
Въ хвалу Ему твой гласъ настрой;
Рцы Богу, коль дѣла Его предивны:
Съ высокой палъ нашъ врагъ стремнины!
Весь міръ Творцу гласитъ хвалебный ликъ:
Великъ! великъ! великъ!

Прійдите въ храмъ нашъ и внимайте
Душъ славословія трубу;
Но не на жертвы вы взирайте,
На искренню Творцу мольбу;
И ежели языкъ неправду
Какую нашъ въ сей часъ изрекъ,
Да удалитъ отъ насъ пощаду
И милость Онъ Свою навѣкъ.

Хоръ.

Воскликни Господу, вселенна!
Его Святое Имя пой!
И ты, о лира восхищенна!
Въ хвалу Ему твой гласъ настрой;
Рцы Богу, коль дѣла Его предивны:
Съ высокой палъ нашъ врагъ стремнины!
Весь міръ Творцу гласитъ хвалебный ликъ:
Великъ! великъ! великъ!

XXXIII.

СОСТРАДАНІЕ.

—

Блаженъ на нища и убога
Кто зритъ, и въ лютый, скорбный день,
Отъ зноя, жажды, глада строга
Спасетъ, — и кущъ своихъ подъ тѣнь
Его привесть не постыдится:
Онъ Господомъ вознаградится.

Господь Самъ съ неба назидаетъ
Его въ сей жизни и хранитъ;
Блаженствомъ всякимъ угобжаетъ,
Жатвъ изобиліемъ даритъ
И, избавляя бѣдъ и скуки,
Не предаетъ во вражьи руки.

Всегда ему воспомогаетъ,
Въ болѣзни даже, на одрѣ,
Когда вкругъ ложа ужъ сверкаетъ
Его серпъ смерти — и въ зарѣ
Онъ вѣчности, быть въ мглѣ ужъ мнится,
Но вдругъ воспрянувшимъ здравъ зрится.—

Такъ мнилъ, надѣясь я на Бога,
И сострадателенъ всѣмъ былъ;
На лица сира зрѣлъ убога,
И Богъ стократъ мнѣ заплатилъ:
Когда мнѣ врагъ ковалъ напасти —
Сіялъ я паче въ славѣ, въ счастьи.

———

XXXIV.

ПОКАЯНІЕ.

—

Помилуй мя, о Боже! по велицѣй
Мнѣ милости Твоей;
По множеству щедротъ, Твоей десницей
Сгладь грѣхъ съ души моей;
А паче тайныхъ беззаконій
Очисть: — ихъ знаю я.

Я знаю ихъ, — и зрю всѣхъ предъ собою
Моихъ пороковъ тму:
Се сокрушенной каюся душою
Тебѣ лишь одному;
Тебѣ, что быть дерзнулъ лукавымъ
И укрывалъ мой грѣхъ.

Но льзя ль кому передъ Тобой въ чемъ скрыться,
Коль все зришь, слышишь Ты?
Какъ можно на судѣ въ чемъ оправдиться
Предъ тѣмъ, Кто и мечты
Душъ нашихъ и сердецъ всѣхъ знаетъ?
Онъ вѣрно побѣдитъ.

Такъ! знаетъ, что я зачатъ въ беззаконьи,—
Въ грѣхахъ родила мать,
Что внутрь меня коварство, а внѣ козни
Неправдой правду тмятъ, —
Ту правду, искру ту премудру,
Что Онъ во мнѣ возжегъ.

Ахъ! окропи жь меня Ты звѣздъ vссопомъ,
Водъ благости Твоей
Омой, Творецъ! мнѣ грудь Ты слезъ потопомъ,
Внявъ вздохъ души моей:
Да сердцемъ уясняся чистымъ,
Бѣлъ буду я, какъ снѣгъ.

Даждь слуху моему веселье, радость,
Чтобы въ моихъ костяхъ
Смиренныхъ та вовѣкъ лилася сладость,
Пьютъ кою въ небесахъ.
Такъ, Боже! отврати взоръ грозный
Отъ слабостей моихъ.

Созиждь въ моей утробѣ сердце чисто;
Духъ правый обнови,
Который бы, какъ солнце въ мглѣ лучисто,
Сіялъ въ моей крови;
И лика Твоего Святаго
Съ меня не отврати.

Пошли мнѣ Твоего жаръ въ грудь спасенья,
И духомъ такъ Своимъ
Владычнимъ утверди путь для ученья
Заповѣдямъ твоимъ,
Чтобы къ Тебѣ и нечестивыхъ
Я обратить всѣхъ могъ.

Уста мои, о Творче! мнѣ отверзи
На похвалу Твою,
Да холмы слышатъ, рѣки и бездинъ брези,
Что я Тебя пою,

И никому не посвящаю
Я пѣснь, какъ Тебѣ.

Ахъ! жертвы бъ восхотѣлъ коль Ты какія,
Принесъ бы я давно;
Но не пріемлешь ты мольбы иныя,
Вздыханье какъ одно:
Храмъ Богу — сердце сокрушенно,
Смиренный духъ — олтарь.

XXXV.

ТОСКА ДУШИ.

«Что такъ смущаешься, волнуешь,
Безсмертная душа моя?
Отколѣ пламенны желанья?
Отколь тоска и грусть твоя?
Се холмы синіе мерцаньемъ,
Лугъ запахомъ — спокойство льютъ;
Но, ахъ! ничто не утоляетъ
Унынья томна твоего!

«Иль дѣлъ, иль подвиговъ вновь жаждешь,
Чтобъ имя прозвучать свое?
Возстань, опрепояшься, дѣйствуй:
Обширно поприще твое!
Иль жжетъ алчба ничтожна злата?
Прости! — не вѣдалъ я того,
Безсмертная, сему кумиру
Чтобъ била ты когда челомъ.

«Уже ли это тотъ избранный,
Снѣдаешься, крушишься кѣмъ,
Чѣмъ нощью спящія въ снѣ грезятъ
И грезятъ спящія чѣмъ днемъ?
Нѣтъ! слабо праха воспаленье
Наполнить пустоту твою. —
Но что жъ? Скажи скорѣй мнѣ средство,
Внутри чѣмъ жажду утолять?» —

Такъ вскликнувъ я, повергся долу:
Заглохнулъ стонъ болотна дна;
Замолкло лѣса бушеванье;
Затихла тише тишина.
Лежалъ простертъ я, чуть дыхая,
Въ цвѣтахъ на берегу ручья,
Надъ коимъ мѣсяцъ серпозлатый
Блисталъ, блѣднѣлъ, темнѣлъ, — исчезъ.

Ночная тма темнѣе стала;
Вкругъ въ гибкомъ камышѣ, въ кустахъ
Чуть слышимо погодъ шептанье
Въ меня вливало нѣкій страхъ.
Во слухъ мой доходили звуки
Такъ нѣжны, сладки, какъ свирѣль.
Отколь они ко мнѣ неслися? —
Но въ сердцѣ такъ вѣщали мнѣ:

«Не драгоцѣнностей алканье,
Не слава, не хвала людей
И не предметъ, тобой избранный,
Волнуютъ во груди твоей;
Но Тотъ... — Прочь отъ очей повязка!
Запона и отъ слуха прочь!

Воззри, о робкій, маловѣрный!
Вокругъ себя и въ небеса.

«Не зришь ли чернордяный пламень,
Зеленыхъ сумракъ средь лѣсовъ?
Не обоняешь ли цвѣтущихъ
Ты благовоніе цвѣтовъ?
Не внялъ ли кростелина треска,
И радостна въ травѣ, во мху
И въ воздухѣ жужжанья, шума
Большихъ и малыхъ жизней толпъ?

«О, мрачный и оглохлый смертный!
Не образованы ль рукой
Они одной, изъ той же глины,
Изъ косй и составъ весь твой?
Не облаченъ ли плащаницей
Непроницаемой ты вкругъ?
Сотри скорѣй плену отъ взора,
И съ слуха перепонку сбрось.

«Тотъ, сердцемъ Кто не познаваемъ
Твоимъ, но пламенно искомъ,
Вблизи тебя, неподалеку,
И можетъ быть легко найденъ,
Его душей кто прямо ищетъ.
Онъ носится вокругъ тебя
Въ заряхъ и раннихъ, и вечернихъ,
И на моряхъ, и на земли.

«Такъ! Имъ ты, Имъ щедротодарнымъ,
Вся всплamененна Имъ однимъ;
По Немъ твоя тоска, томленье:

Зовешь Его, грустишь ты Имъ;
Твой къ току своему духъ рвется,
Страданья небрежа земны
И наслажденья презирая,
Свое блаженство въ Немъ лишь чтитъ.

«Онъ жаждъ твоихъ всѣхъ утоленье,
Онъ чуденъ именемъ Своимъ:
Любовь и свѣтъ Его есть сущность;
Его *когда?* всегда есть съ Нимъ;
Его *гдѣ?* — здѣсь и повсемѣстно;
Его *подобіе* есть ты;
Его отсвѣтъ въ тебѣ блистаетъ:
Гордись, мой братъ, величьемъ симъ.» —

Такъ рекъ. — Завѣса и повязка
Съ меня ниспали. Я прозрѣлъ,
И видѣлъ вкругъ себя сіянье:
Трепещущи, чуть съ мѣста сшелъ,
И въ ужасѣ не смѣлъ быть дерзкимъ:
Еще разъ на Него взглянуть;
Но только гласъ Его я слышалъ
Въ вечернемъ вѣющъ вѣтеркѣ.

Склоня колѣна, въ слѣдъ молился
Ему и радостенъ я былъ;
Пылалъ восторгомъ несказаннымъ;
Дрожалъ, не познавалъ себя:
Вся млѣла кровь… — опомнясь, вскликнулъ;
Нашелъ, о чудный! я Тебя;
Нашелъ, — не выпущу изъ сердца.
Благослови меня съ высотъ!

XXXVI.

ИДОЛОПОКЛОНСТВО.

—

Азъ есмь Господь Богъ твой, да не будутъ тебѣ Бози иніи. . .

Творцу я покланяюсь міра;
Въ лицѣ Его служу Царю;
Нигдѣ, ни въ комъ себѣ кумира
И не творилъ, и не творю.
Почто жъ мнѣ, идолы безчестны,
Шумихой, мишурой прелестны,
Вкругъ ползать вашихъ олтарей?—
Почто? коль въ хижинѣ безвѣстной
Доволенъ, подъ Рукой Небесной,
Я долею моей.

Богатствъ, чиновъ, стяжатель власти,
Льстецъ, ищущій могущимъ быть,
Пусть лучшей достигаетъ части,
Стоитъ въ водѣ и — хочетъ пить;
Но пастырь добрый, вѣрный стаду,
Не перелазитъ чрезъ ограду,
За посохомъ нейдетъ безъ зва
И пастырства не вымоляетъ;
А, взявъ овецъ, ихъ соблюдаетъ
Отъ расхищенья льва;

Кладетъ за нихъ въ часъ лютый душу,
Не бѣгавъ, какъ наемникъ, прочь,
Но знавъ, что Тотъ, Кто море, сушу
И небо создалъ,—день и ночь

Такъ дланью бдитъ надъ нимъ Своею,
Какъ предначертанной стезею
Катитъ и міра колесо:
То полнъ сихъ чувствъ, и не крушится,
А подъ какимъ зубцомъ случится,
Смиренно сноситъ все.

И чтетъ терпѣнья въ добродѣтель,
Что смертнымъ нужно всѣмъ оно:
Что чрезъ него лишь насъ Содѣтель
Вчиняетъ звѣздъ Своимъ въ звѣно,
Что перстъ Его за правду Царства
Возноситъ, низитъ за коварства
До предназначенна конца;
Царямъ—Вельможъ здѣсь въ возвышенье,
А тамъ даетъ во униженье
Ихъ власти и вѣнца.

Такъ Вышній таинства сердечны
И мысль всѣхъ видитъ съ горнихъ мѣстъ,
Мракъ ада проницаетъ вѣчный
И солнечныхъ пучины гнѣздъ.
Въ Его — снѣжинка въ морѣ пѣнномъ,
И искра въ пламени вожженномъ,
И черна мравья путь во тмѣ,
И въ небѣ слѣдъ орла паряща,
И туча стрѣлъ съ луковъ летяща —
Различены въ умѣ.

Различены: — но нѣтъ изъятья.
Міръ въ общей колеѣ течетъ;
Хоть въ томъ звѣнѣ, хоть въ томъ—участье
Несчастьемъ тотъ, сей счастьемъ чтетъ.

Къ чему жъ гордыней надыматься,
Когда случится возвышаться?
Мы можемъ завтра внизъ упасть.
Но ползть почто и бѣдствъ въ юдолѣ?
Учиться лучше въ низкой долѣ:
Тщетна кумировъ власть.

Ахъ, нѣтъ! Кумиры сильны въ мірѣ:
Издревле имъ поклонникъ свѣтъ:
Здѣсь роскошь усыпляетъ въ пирѣ,
Тамъ красота ядъ въ сердце льетъ;
Здѣсь злато ослѣпляетъ блескомъ,
Тамъ слава оглушаетъ трескомъ,—
Все, все сочли за̀ Бога мы!
Безчисленны суть наши страсти;
Крамольники мы Вышней власти.
О, Россъ! бѣги сей тмы!

XXXVII.

НА БЕЗБОЖНИКОВЪ. (¹)

Царствуетъ, вижу, всюду развратъ:
Къ правдѣ сокрыты путь и дорога;
Глупые, злые въ сердцѣ ихъ мнятъ:
«Гдѣ добродѣтель?—вѣрно нѣтъ Бога:
Случай все, случай творитъ!»—

Нѣтъ, нѣтъ, злодѣи! есть Богъ и зритъ
Вашу съ высотъ глупость и дерзость;
Видитъ сквозь самый мрачный зенитъ

Гнусны дѣянья, совѣстей мерзость;
Грозно вамъ въ громѣ гремитъ:

«Я ли забвеннымъ вами могъ быть,
Всюду блистая въ дивныхъ твореньяхъ?
Въ солнцѣ ль Меня не хощете чтить?
Звѣздъ въ милліонахъ, въ тваряхъ, въ растені-
яхъ?
Вамъ ли Меня позабыть?

«Вы позабыли: зритъ ли тѣхъ свѣтъ,
Хлѣбъ Мой вкушая, кто бъ помнилъ Меня?
Страха бояться, страха гдѣ нѣтъ;
Тщетной надеждой духъ свой маня,
Тлѣнное вѣчнымъ всякъ чтитъ.»—

Сгибнутъ и кости съ тѣломъ душъ тѣхъ,
Кои безбожно рабствуютъ міру.
Духъ мой! кумировъ презри ты всѣхъ:
Звучну пріемлю Царскую лиру,
Бога Единаго пой!

(¹) Сочинено въ С.п.бургѣ въ 1804 году; почерпнуто изъ 55 псалма.

XXXVIII.

НАДЕЖДА.

Къ Ѳедору Петровичу Львову, у коего первая супруга была Надежда.

—

Лучъ, отъ Свѣта отдѣленный
Льющаго всѣмъ солнцамъ свѣтъ,

Прежде въ духъ мой впечатлѣнный,
Чѣмъ онъ прахомъ сталъ одѣтъ,
Безпрестанно въ выспрь парящій
И съ собой меня манящій
Къ Океану своему!
Хоть претитъ земли одежда,
Но несешь меня къ нему
Ты желаній на крылахъ,
О, безсмертная Надежда,
Обѣщательница благъ!

Глупые мечтаютъ смертны
О какихъ-то дняхъ златыхъ.
Суеты ихъ неисчетны:
Ищетъ цѣлей всякъ своихъ.
Я премѣны вижу свѣта:
Зрю зимы, весны дни, лѣта
И осеннихъ дней возвратъ:
Старѣютъ, юнѣютъ роды.
Зрю всему свой кругъ, свой рядъ;
Но довольнымъ не хощу
Быть теченьемъ симъ природы,—
Все чего-то вновь ищу.

Вѣкъ меня Надежда льстила:
Утѣшала дѣтски дни,
Храбрость мужеству дарила,
Умащала сѣдины,
И предъ близкой днесь могилой,
Укрѣпя своею силой
Сыплетъ предо мной цвѣты;
Вѣчности на прагѣ стоя,

Жизнь люблю и суеты;
Славы мню стяжать вѣнецъ;
Безпокоюсь средь покоя, —
И еще ль я не глупецъ?

Такъ кажусь пусть я безумнымъ,
Пусть Надежда бредъ глупцовъ;
Но какъ моремъ жизни шумнымъ
Утопаю средь валóвъ,
Чѣмъ-то духъ мой все бодрится; —
Должно, должно мнѣ родиться
Къ лучшему чему ни есть.
Ахъ! коль чувство что внушаетъ,
Умъ даетъ и сердце вѣсть, —
Истины то знакъ для насъ;
Духъ никакъ не облыгаетъ.
Гласъ Надежды — Божій гласъ.

Гласъ Надежды—сердца сладость,
Восхищеніе ума,
О добрѣ грядущемъ радость.
Хоть невидима сама,
Но вездѣ со мною ходитъ,
Время весело проводитъ
И въ забавахъ, и въ бѣдахъ. —
На нее зря улыбаться
Буду въ смертныхъ я часахъ,
И какъ хладъ польетъ въ крови,
Буду ризъ ея держаться
До объятія любви.

Такъ Надежды пресѣкаетъ
Лишь одна Любовь полетъ,

Какъ во солнцѣ утопаетъ
Лучезарномъ искры свѣтъ.
Съ Богомъ какъ соединимся,
Въ свѣтѣ вѣчномъ погрузимся
Пламенемъ любви своей.
Смертная спадетъ одежда:
Мы въ блистаніи лучей
Жизнью будемъ жить духовъ. —
Вѣрь, жива твоя Надежда,
Ты ее увидишь, Львовъ!

XXXIX.

ДОБРОДѢТЕЛЬ.

Орудье благости и силъ,
Господня дщерь, Его подобье,
Въ которой мудро совмѣстилъ
Онъ твердость, кротость, умъ, незлобье
И къ благу общему любовь,
О, доблесть смертныхъ, Добродѣтель!
О, соль земли! — хоть сонмъ духовъ
Разврату нравственну радѣтель
И смѣетъ звать тебя мечтой;
Но Богъ (я мню) ты воплощенный.

Такъ! ты намѣстница Творца,
Его зиждительница воли;
Въ Его селеньяхъ безъ конца,
И въ сей борения юдоли
Добра и зла ты вождь единъ.

Къ высокой той чредѣ ведущій,
Къ которой избранъ Свѣта сынъ. —
О, Ангелъ въ человѣкѣ сущій!
О, человѣкъ лицемъ, душой
На небеса взирать рожденный!

Ты, доблесть, мужества примѣръ,
Ты цѣломудрія зерцало,
Незыблема подпора вѣръ,
Несокрушимо странъ забрало;
Ты въ узахъ, въ бѣдствахъ присный другъ,
Клевретъ въ трудахъ, товарищъ въ бдѣньи;
Вождямъ и пастырямъ ты духъ
Даешь, ихъ паствъ и царствъ въ храненьи,
Плодъ ратаямъ, талантамъ блескъ,
Вѣнецъ—всѣхъ нуждъ превозможеньямъ.

Ты, Добродѣтель, образецъ
Благодѣяній всѣхъ возможныхъ,
Гармонія благихъ сердецъ,
Источникъ сладостей неложныхъ
Ты если царствуешь съ Царемъ,
Съ судомъ онъ милость сочетаетъ,
Зло облиставъ своимъ лицемъ,
Отъ сильныхъ слабыхъ защищаетъ;
Покровъ Наукъ и Музъ ты блескъ,
Мать сирыхъ, врачъ изнеможеньямъ.

Кто разъ узрѣлъ твои черты,
Твоей плѣнился красотою,
Вкусилъ священныхъ устъ соты,
И весь слился съ тобой душою,
Тому другихъ красотъ ужъ нѣтъ:

Прахъ — безъ тебя ему богатство,
Корона — въ терніяхъ цвѣтеть;
Но гдѣ узрить тебя — препятство
И смерть ему уже ничто:
Летитъ тобою насладиться.

Тогда ему и злой тиранъ
И всѣ его прещенья, муки,
Какъ будто знакъ къ побѣдѣ данъ;
Всѣ ужасы, торжествъ какъ звуки,
Манятъ на лобно мѣсто течь:
На пиръ, на бракъ, какъ бы съ невѣстой,
Съ улыбкою идетъ подъ мечь.
Такъ Михаилъ шелъ въ гробъ (*) отверзтой,
Чтя Ханску ярость ни во что,
Чтобъ идоламъ не поклониться.

Тогда, какъ страстны мы тобой,
Какихъ свойствъ милосердья чужды?
Смягчаемся сиротъ слезой,
Не сносимъ хладно нищихъ нужды,
Воспитывать дѣтей рачимъ,
Болѣзнь и старость облегчаемъ,
Цвѣтъ цѣломудрія хранимъ,
Умъ слѣпо Вѣрою плѣняемъ.
Скорѣй Царь бѣдность посѣтитъ,
Любя тебя, — чѣмъ домъ богатый.

Тогда въ судилищахъ и судъ
Даютъ бояре безпристрастно;

(*) Великій Князь Михаилъ не поклонился идоламъ Батыя и пострадалъ.

Отечество, Царя блюдутъ
И правду говорятъ безстрашно.
Тогда, о сладостный восторгъ!
Царицы — вѣрныхъ женъ примѣры:
Вершитъ свой Евпраксія рокъ! (*)
Лилеей ставъ Царевна Вѣры,
Сама дѣвъ сонму предсѣдитъ (**)
И въ души льетъ ихъ нравы святы!

Но льзя ль исчислить лѣпоты
Твои, о доблесть всеблаженна!
Ты все вчиняешь въ красоты,
Что тронетъ длань твоя священна;
Ты доблишь чувства, мысли, трудъ,
Какъ соль творитъ вкуснѣй всѣ яства;
Тобой геройствомъ храбрость чтутъ,
Щедротою — уронъ богатства;
Прощеньемъ ты караешь месть;
Ты ненавидима — а любишь.

И, добродѣтель, посему
Добротой Богу ты подобна,
Что, доброхотствуя всему,
Ты благородствомъ превосходна:
Твой правда трудъ; твой польза плодъ;
Ты не себѣ, но всѣмъ радѣешь;
Ко всѣмъ добра ты — для добротъ;
Просить награды — не умѣешь;

(*) Евпраксія, Великая Княгиня Рязанская, чтобъ не достаться въ руки влюбленнаго въ нее Батыя, бросилась съ башни.

(**) Дочь Ярослава.

Всему предпочитаешь — честь,
И о дѣлахъ своихъ не трубишь.

Величія и славы цвѣтъ
Небесъ, о безпорочна Дѣва!
Тобой стоитъ сей только свѣтъ
Среди страстей кипящихъ рева.
Коль не было бъ въ немъ чадъ твоихъ,
Орловъ, сквозь бурь летать рожденныхъ.
И голубицъ, отъ чреслъ святыхъ
Твоихъ на свѣтъ произведенныхъ,
Чтобъ зло кротить и побѣждать, —
Міръ палъ давно бы въ преисподню.

Цвѣти жъ сильнѣй, Едемскій кринъ!
Средь дебрь терновыхъ здѣшня міра,
Да благовоніемъ твоимъ
Моя всѣхъ услаждаетъ лира;
Или во мнѣ твоихъ добротъ
Лицемъ благоволи явиться:
Тогда и солнца отъ красотъ
Не усомнюся отвратиться,
Твою чтобъ только пальму взять
И къ лову принести Господню.

XL.

СЛАВА.

День дни отрыгаетъ глаголъ,
И нощь нощи возвѣщаетъ разумъ.

Еще ль, Цари! вамъ имя громко
Быть мнится славою прямой?

Еще ль, мудрецъ! ее ты только
Чтешь дыма блещущей струей;
Признайтесь, — ваша мысль неправа;
Увѣрьтесь Истины въ словахъ:
Безсмертная, прямая Слава
Есть цѣпь цвѣтущихъ вѣчно благъ.

Что жъ хвалишься во злобѣ, сильный,
Внутрь беззаконіемъ и внѣ?
Коль ты чрезъ слезы крокодильны,
Чрезъ токи крови на войнѣ,
Чрезъ вѣроломства, бунты, яды,
Чрезъ святотатну неба честь,
Повергъ престолы, храмы, грады
И могъ Царей всѣхъ выше сѣсть.

Положимъ край твоихъ желаній:
Въ водахъ, въ земляхъ, внутрь дикихъ мѣстъ
Распространя завоеванья,
Коснуться даже самыхъ звѣздъ. —
Се громъ и рѣкъ уже не стало;
Какъ вихрь, промчался на крылахъ,
И все передъ тобою пало;
Но что же славы въ томъ? — Ты прахъ!

Увы! — и каждую минуту
Питаючи въ себѣ змію,
Коль разжигаешь жажду люту
И жрешь самъ внутренность свою:
Почто явишь въ себѣ Тантала
И ловишь мнимой Славы тѣнь?
На то ль, чтобъ о тебѣ сказала
Словъ нѣсколько Аѳинска чернь?

Безумецъ! знай, когда въ надменьѣ
Ты Богъ мечтаешь быть въ себѣ,
Лишь тиграмъ ты идешь въ сравненье
И въ сердцѣ томъ, кто льститъ тебѣ.
На погребенны пепломъ грады,
На кровь, на слезы зря людей,
Какихъ ждешь жертвъ, похвалъ, пощады
Отъ нашихъ и грядущихъ дней?

Вираждь: тайно, мрачно днесь вздыханье
Въ слѣдъ ходитъ всюду за тобой;
А завтра клятвы, восклицанье,
На гробъ твой громъ повергнуть свой. —
Кто жъ замыслы исполнитъ страшны,
Чѣмъ міръ поработить мнилъ весь?
Гдѣ блескъ? гдѣ звукъ? гдѣ пышны брашны?
Ты былъ — и нѣтъ: твой слухъ исчезъ!

Се громка Слава сильныхъ міра!
Се образецъ геройскихъ дѣлъ!
Во слѣдъ кроваваго ихъ пира
Что видимъ мы? — не груды ль тѣлъ?
Не кости ль на поляхъ смердящи?
Не запустѣнье ль — нуждъ всѣхъ мать? —
Ахъ! можно ли столь злы губящи
Правдиво Славою назвать?

Но и хранящій строги нравы,
Угрюмый доблестію мужъ,
Не отрывай совсѣмъ чувствъ Славы
И ты отъ любочестныхъ душъ.
Всѣмъ смертнымъ славолюбье сродно,
Различенъ путь лишь и предметъ:

И въ бочкѣ Циникъ благородно
Велѣлъ Царю не тмить свой свѣтъ.

Тому мила чрезъ то извѣстность,
Тотъ мнитъ инымъ быть имянитъ;
Но пользъ творцу чрезъ кротость, честность,
Звучнѣй всѣхъ плескъ принадлежитъ,
Отецъ семействъ, законодатель,
Забрало отъ татей, коварствъ,
Сохи, серпа изобрѣтатель, —
Бича, славнѣй по правдѣ царствъ.

Возьмемъ же, въ противоположность
Тирану, добраго Царя,
Всю истощившаго возможность,
Блаженство подданныхъ творя.
Не зримъ ли генія въ немъ Неба,
Блестяща радуги лучомъ.
Въ томъ — мрачна демона Эреба?
Тотъ сыплетъ свѣтъ, — сей вержетъ громъ.

Гнусна убійцъ народовъ слава.
Я тихой дорожу молвой:
Той — мести нѣдрится отрава,
Сей — засѣвается покой.
Подрывъ и вражью съ трескомъ граду
Не радуетъ души моей:
Стихъ добрыхъ душъ одинъ въ награду
Жметъ сладки слезы изъ очей.

Какой восторгъ души блаженной!
Какая слава, вѣчна честь,
Какъ храмъ, для бѣдныхъ учрежденной,

Прійдешь, гдѣ воспитанье, зрѣть,
И въ скорбяхъ сущихъ врачеванье!
Тутъ Царь — отецъ, Царица — мать.
Умъ можетъ скиптровъ тамъ стяжанье,
Здѣсь будетъ сердце одобрять.

Но если больше обоженна
Гдѣ Слава долженствуетъ быть,
То въ образѣ щита священна,
Кто лавромъ могъ себя покрыть.
Во оборонѣ лишь отчизны
Вѣнчаетъ Славою война. —
Могилы въ жертвенники тризны
Преобращаетъ намъ она.

Такъ, доблесть токмо превосходна
Должна по правдѣ славной быть;
Благотворителя народна
Долгъ сердцемъ и устами чтить.
Се солнце Творческой державы
Вѣщаетъ силу безднъ сквозь тму:
«Богъ благъ, — одинъ Онъ Царь есть славы,
И вся поклонится Ему.»

XLI.

ЯВЛЕНІЕ.

Лежалъ я на травномъ коврѣ, зеленомъ,
На берегу шумящаго ручья,
Подъ тѣнносвѣсистымъ, лаплистымъ кленомъ;

Отъ зноя не пеклася грудь моя,
И мня о сихъ, о тѣхъ дѣлахъ отчизны,
Я въ сладостномъ унынiи дремалъ,
Припомня все, что претерпѣлъ въ сей жизни,
Хотя и правъ бывалъ.

И се, съ страны изъ рощи вылетаетъ
Жена мнѣ юна солнечной красы!
Какъ снѣгъ, тончица бѣла обвиваетъ
Ея орѣхокурчаты власы;
Съ очей ея блестяща отливалась
Эфира чистаго лазурна даль:
Среди ланитъ лилейныхъ расширялась
Заря, сквозясь въ кристаль;

Вкругъ устъ ея видна была червленыхъ
Усмѣшка, ласка искренней любви;
Блистали капли росъ съ рѣсницъ чуть смежныхъ!
Въ очахъ щедрота, тихiй нравъ въ крови,
Показывали мнѣ ее въ печали. —
Я зрѣлъ, иль мнилъ такъ быть въ мечтаньи сiй.
Но кто блаженнѣе, кого видали,
Какъ я мечтой былъ сей?

Возсталъ, — и къ ней объятья простираю;
Она же отъ меня уходитъ прочь!
Я блѣдность на лицѣ ея встрѣчаю;
Она померкла такъ, какъ лунна ночь;
Но съ чувствомъ на меня взглянувъ усердно,
Взоръ важный и глубокомудрый свой
Съ десницею взведя на небо звѣздно,
Исчезла предо мной!

«Гряди въ свой путь,» я рекъ: «небесъ явленье,
Гряди, — довольно я познал тебя,
И ясно все твое мнѣ мановенье!
Я понялъ, какъ впередъ вести себя:
Не стоитъ хвалъ, любви, но паче слезно
Само блестяще на землѣ житье;
Но тамъ, но тамъ съ тобой цвѣтетъ любезно
Отечество мое!»

XLII.

ПРЕДВѢСТІЕ.

О, вечеряюще свѣтило!
Любезный, но багровый лучъ!
Что, солнце, тихо такъ, уныло
Ты сходишь въ лоно темныхъ тучъ,
И мглистымъ, потускнѣлымъ златомъ
Наводишь мракъ на свѣтлый день,
Печальнѣйшимъ твоимъ закатомъ
Всѣмъ разстилаешь гроба тѣнь?

Вкругъ осѣнѣюща природа
Даетъ унылы мысли мнѣ:
Холодная съ кладбищъ погода
Разноситъ хладъ по всей странѣ;
Поля златыя опустѣли;
Вдаль птицы тянутся струей;
Древа пожелкли, покраснѣли,
И предвѣщаютъ рокъ всѣ злой.

Такъ жребій всѣхъ гражданъ вселенной
Есть тотъ, чтобъ цвѣсть и отцвѣтать,
И кровью тигръ ненасыщенной
Не можетъ ввѣкъ не умирать.
Родимся мы, растемъ и зрѣемъ;
Идемъ, идемъ, — куда, не знавъ;
Сѣдѣемъ, старѣемъ, дряхлѣемъ
И падаемъ въ ровъ тли стремглавъ.

Такъ, такъ! Кто вѣсть, что дубъ корнистый
Еще сей долго простоитъ?
Перунъ ли на него огнистый
Падетъ, иль вихрь его сразитъ?
Пусть всей земли онъ трепетанье
Принесъ, не нагибавъ чела;
Но рока злаго скрежетанье
Пріидетъ — и будетъ онъ земля.

Ахъ, такъ! — и розы молодыя,
Лилеи, что предъ мной цвѣтутъ,
Отъ зноя ли, иль стужи злыя,
Но свянутъ скоро, опадутъ;
Румянецъ, бѣлизна сотрется
И разнесутся ихъ листы;
Пріятпость, красота минется. —
Увы! въ семъ свѣтѣ все мечты.

Повѣренна моихъ печалей
И общница моихъ отрадъ!
Коль стали младости мы далѣй
И смерти намъ серпы грозятъ:
То крѣпче дружбой мы спряжемся,

И такъ скрѣпимъ свои сердца,
Что рушься міръ, — не ужаснемся,
Дождавшись нашихъ дней конца.

Конецъ ристалища блистаетъ
Сей жизни пальмою для тѣхъ,
Кого смиренье провождаетъ
Въ блаженну вѣчность для утѣхъ.
Рука мы объ руку съ тобою,
Христовой Вѣры подъ щитомъ,
Въ блестящихъ ризахъ бѣлизною
Въ невѣстникъ Ангеловъ войдемъ.

XLIII.

ПРОБЛЕСКЪ.

Хранителя меня ты Ангела крылами,
О, мысль безсмертія! пріосѣняй,
Да въ немъ, какъ въ зеркалѣ, души очами
Я будущихъ блаженствъ увижу рай;
Подобно путникъ какъ сверхъ водъ, сквозь лѣсъ,
въ мракъ нощи,
Зритъ проблескъ отъ луны.

Коль не былъ гордъ и подлъ, и лишь изъ само-
любья
Пронырствомъ не пролѣзъ вельможъ я въ
сонмъ,
Но съ малыхъ должностей всегда орудье
Былъ Бога и Царя, ихъ чтя законъ:

Се зрю, се зрю себя сѣдящимъ выше неба
Между князей духовъ!

Когда грустилъ, вздыхалъ и проливалъ слезъ рѣки,
Что нравовъ простота и Вѣры лучъ
Въ вселенной погасалъ, и человѣки
Творились злѣй звѣрей средь бранныхъ тучъ:
Утѣшеннымъ себя въ Едемскихъ вижу кущахъ
Средь праотцевъ моихъ!

Коль сердцемъ кротокъ, тихъ, благолюбивъ душею,
Не тягостенъ рабамъ, и добръ я былъ,
Доволенъ отческихъ полей землею,
И жатвой духъ мой не мутилъ:
Наслѣдіемъ себя взираю награжденна
Небеснаго Отца!

Когда не Царскія желалъ, искалъ награды,
И мзды чьей за труды, за подвигъ мой;
Но домогался лишь вездѣ единой правды,
Считая жребій всѣхъ за жребій свой:
Насыщеннымъ себя я вижу правосудьемъ
Отъ истины святой!

Коль милостивымъ всѣмъ былъ, щедрымъ, милосердымъ
И бѣднымъ завсегда желалъ помочь;
Стыдился къ страждущимъ глухимъ быть, твердымъ;
Сиротъ и вдовъ не гналъ отъ дома прочь:

О, диво! въ грозный день, въ судъ страшный,
неумытный,
Помилованнымъ зрюсь!

Когда былъ сердцемъ чистъ, чуждъ козней и
коварства,
Не ставилъ никому на ловъ сѣтей;
Но, искренней душой презря препятства,
Невинныхъ въ вредъ себѣ спасалъ людей:
О, восхищеніе! зрю Бога лучезарна
Къ себѣ лицемъ къ лицу!

Не изъ корысти коль себѣ хвалы и славы,
Но изъ желанія лишь всѣмъ добра
Смиреньемъ укрощавъ враждебны нравы,
Судилъ, мирилъ, на сильныхъ мощь не зря:
О, несказанна честь! — за миротворство Божьимъ
Я сыномъ нареченъ!

Коль обносимъ былъ и оклеветанъ лжами
За то, что истину и правду чтилъ;
Что Божьими блюдомъ, хранимъ судьбами
И ими весь мой вѣкъ поддержанъ былъ:
Весельемъ ангельскимъ, небеснымъ наслаж-
даюсь
Въ бесѣдѣ я Святыхъ!

О радость! о восторгъ! толико быть блаженнымъ,
Что удостоиться взирать творца,
И свѣтомъ окружась Его священнымъ,
Въ чертогѣ опочить всѣхъ благъ Отца,
Между своихъ друзей, родныхъ, поднесь что милы
Такъ сердцу моему!

Тогда-то тамъ, о тамъ! не здѣшне земнотлѣнье,
Не преходящи сны мірскихъ торжествъ,
Но съ ликомъ душъ вовѣкъ Творцу хваленье
На арфѣ возглашу въ кругу Божествъ,
И небо и земля, моря и преисподня
Послушаютъ меня!

Давидъ Іоасафъ тогда свои псалтиры
Мнѣ съ радостью дадутъ, — да въ нихъ брядавъ,
Во гармоничные созвучны лиры
Сольюся Ангеловъ, самъ Ангелъ ставъ;
Въ безсмертномъ превитать я буду озареньи,
Какъ ясный Божій лучъ!

Не оставляй же ввѣкъ, не оставляй любезна,
О, мысль безсмертія! меня всегда;
Будь стражъ средь поприща сего мятежна,
И не кидай меня ты никогда,
Но тѣшь меня, покой пріятнымъ воображеньемъ
Ты будущихъ блаженствъ.

Хотя болѣзнь когда, хоть смерть мнѣ приразится,
Не преставай елей свой въ грудь мнѣ лить,
И по послѣдній вздохъ въ умѣ твердиться,
Что въ гробъ иду не умирать, но жить;
Тѣхъ вѣчныхъ благъ вкушать, что въ небѣ приготовилъ
Богъ любящимъ Его.

XLIV.

НА ОСВЯЩЕНІЕ
КАМЕННООСТРОВСКАГО ИНВАЛИДНАГО ДОМА. (*)

—

Воскликни, вдохновенна Богомъ,
Воскликни громку пѣснь, псалтырь,
И я святымъ твоимъ восторгомъ
Да приведу въ восторгъ весь міръ,

И ревность разожжетъ духовна
Благочестивыя сердца;
Какъ дымъ съ кадила благовонна,
Молитва взыдетъ предъ Творца!

Передъ Творца! — и Ты съ святыя,
О Творче! высоты въ сей храмъ
Воззри: се Павелъ и Марія
Тебѣ приносятъ ѳиміамъ!

Въ угодну жертву не кассію,
Не смирну, не ливанъ прими,
Но щедрить и хранить Россію —
Обѣтъ ихъ чистыхъ душъ вонми.

Вонми, и виждь: се показали
Они сердецъ Ихъ благость намъ;
Покой служившимъ воямъ дали
И сей Тебѣ отверзли храмъ.

Колико вздоховъ, капель слезныхъ
Я вижу съ радостныхъ очей,

Продли Ты Имъ столь дней любезныхъ
Средь добродѣтели лучей!

Да Павлово одно воззрѣнье, (²)
Какъ огнь изъ тучъ, враговъ сразитъ;
Языковъ многихъ покоренье
Вселенной буря возвѣститъ;

А кроткою душей Марія,
Улыбкой нѣжною Своей,
Наложитъ цѣпи золотыя
На тмы подвластныхъ Ей людей,

И процвѣтетъ, какъ вѣтвь Эдема
Въ минувшій годъ она плодомъ;
Еще носителя дастъ шлема
И дщерьми Свой украситъ Домъ.

Рука Твоя на нихъ почіетъ;
Сойдетъ Твоя къ нимъ благодать;
Предъ ними счастіе предъидетъ,
И будетъ слава ихъ вѣнчать.

Посѣянны Петромъ сначала
Блистательны Россіи дни,
Екатерина что сбирала,
Положатъ въ житницу Они;

Положатъ, сохранятъ, прибавятъ
Ихъ свѣтлые плоды собой;
Потомству въ образецъ оставятъ
И Ихъ и Твой законъ святой.

А Ты, изъ свѣтлости подзвѣздной,
Отъ Нихъ Твой взоръ не отвращай;

Храни вовѣкъ Ихъ Домъ любезной;
Россію милуй и спасай!

(¹) Стихи сіи сочинены въ честь Павла I, когда Онъ еще былъ Великимъ Княземъ. Напечатаны въ первый разъ въ 1-й части, въ 1798 году. Въ сей одѣ примѣчательно нѣкоторое предсказаніе событій, въ послѣдствіи совершившихся.

(²) Здѣсь вдохновенный поэтъ какъ бы предвидѣлъ побѣды Суворова въ Италіи, а 8 и 9-й куплеты были предначертаніемъ благотворнаго пути Государыни Маріи Ѳеодоровны. Въ послѣдствіи Ею учреждены многія благодѣтельныя заведенія. Предвѣщая пріумноженіе Царскаго Дома послѣ рожденія Великаго Князя Александра Павловича, поэтъ говоритъ о Императрицѣ Маріи:

Еще носителя дастъ шлема
И дщерьми Свой украситъ домъ.

Предвѣстіе сбылось.

XLV.

НА ОСВЯЩЕНІЕ ХРАМА КАЗАНСКІЯ БОГОРОДИЦЫ ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

Ужъ не Ѳавора ль (*) я на рамѣ
По ребрамъ свѣтлыхъ тучъ хожу?
Иль Соломона въ дивномъ храмѣ
Вкругъ изумленный взоръ вожу
По злату, по мусій, порфирамъ,

(*) Гора.

И къ звонкимъ Сіонитъ (*) псалтирямъ
Клоню впёренны ушеса?
Восторгъ всѣ наполняетъ чувства:
Богатство, красоту искусства,
Отверсты вижу небеса!

Ни бурь, ни морь, ни громовъ рева
Не внемлетъ, благовѣя, міръ.
Что се? — Святыхъ въ Святая Дѣва
Восходитъ, въ слѣдъ струя эфиръ!
Глава увѣнчана звѣздами,
Луна блистаетъ подъ ногами;
Какъ солнце, ясенъ взглядъ и тихъ;
Одѣта неба омофоромъ,
Предстала предъ Всевидца взоромъ,
И — слышу, свыше Еввы ликъ:

«О, вѣчный, Трисвятый
И непостижный Сый!
Вселенну наполняяй
И обитаяй въ храмахъ
Тобой живыхъ сердецъ!
Воззри на оны сонмы,
На чистый ѳиміамъ,
Тебѣ отъ нихъ куримый,
И на Царя, колѣна
Преклонша предъ Тобой,
Который храмъ сей создалъ
Въ земну обитель мнѣ;
И будь благопріятенъ

(*) Синайскія, или духовныя музы.

Народу и Ему,
Какъ въ мирѣ, такъ и въ брани,
Чтобъ угождалъ Тебѣ.»

И се, въ подобьи голубинѣ,
Свѣтъ милый, радостный очамъ,
По синей низлетѣлъ равнинѣ,
Какъ алыхъ зарь отливъ, на храмъ!
Не Духъ ли то Святой съ горъ звѣздныхъ
Нисшелъ на домъ молитвы вѣрныхъ
Для проявленія чудесъ?
О, знаменіе непостижно!
Россія будетъ неподвижно
Подъ кровомъ цвѣсть благихъ небесъ?

Такъ, если силой теплой вѣры
Мы и невидимое зримъ:
Мой духъ сквозь недостижны сферы,
Какъ огнекрылый Серафимъ,
Паритъ въ обитель душъ блаженныхъ,
И въ чувствахъ тонкихъ, безмятежныхъ,
Молитвы слышитъ ихъ за насъ.
Передъ судебъ святыхъ ковчегомъ
Давидъ по струнамъ перстовъ бѣгомъ
Отъ гуслей льетъ сладчайшій гласъ:

«О, Боже! что есть тварь,
Какъ бренный человѣкъ?
Дни въ суетѣ проводитъ,
И, цвѣтъ какъ, увядаетъ:
Но помнишь Ты его,
И только отличаешь
Отъ Ангелъ мало тѣмъ,

Что мракъ земной онъ долженъ
Пройти стезею терньи,
И въ Твой одѣться свѣтъ. —
Пошли жъ на то Ты силы
Народу и Царю,
Кой въ храмѣ прибѣгаетъ
Семъ съ вѣрою къ Тебѣ:
Да благостію носитъ
Твой образъ на землѣ!»

XLVI.

НА ДОМОВУЮ ЦЕРКОВЬ КНЯЗЯ А. Н. ГОЛИЦЫНА.

—

Суетъ мірскихъ во удаленьи,
Во сумракѣ и тишинѣ,
Лишь солнца ярка въ озареньи
Молебный храмъ открылся мнѣ,
Ликъ ангельскій доходитъ слуху;
Небесну манну въ пищу духу
Мнѣ каплетъ съ высоты Сіонъ.
Что се! — не свѣтла ль сѣнь Ѳавора,
Иль храмина тѣхъ лицъ собора,
На челахъ чьихъ сіялъ огонь?

Иль первой Христіанъ то церкви
Укровъ благочестивыхъ душъ,
Гдѣ съ псалмами свершалъ втай жертвы
Носившій въ сердцѣ Бога мужъ? —

Ущелья, мраки подземельны
Ему казались рощи сельны,
И окресть бури — тишиной.
Голицынъ! Вѣра движетъ холмы,
Спасаетъ, отвращаетъ громы
Отъ царствъ единою слезой.

Блаженъ, кто можетъ въ ней
Свои утѣхи находить,
Быть здателемъ церквей
И души жизнію поить,
Сводя на землю небеса!
Се блескъ! се слава! се краса!

XLVII.

ЦѢЛЕНІЕ САУЛА.

Саулъ, Сіона Царь, сынъ Кисовъ, волю Бога,
Взгордясь, презрѣлъ: тѣмъ власть Его уничижилъ.
Господь, средь гнѣва яра, строга,
Блестящее лице съ Саула отвратилъ,
И рекъ: «Поди, злой духъ, круши его!»
Глаголомъ симъ вострепетали бездны;
Сквозь пропасти подземны,
Со огненна одра, покоя своего,
Возстала злая месть, и идетъ на Саула.
Пукъ лютыхъ стрѣлъ на ней за плечьми среди тула,

Вися, гремитъ, какъ громъ вдали, — и передъ ней
Отверзлись ржавыя со скрыпомъ ада двери,
Изъ коихъ зависти и злобы блѣдны дщери:
Боязнь, и грусть, и скорбь, и скука, и тоска,
Змѣистыхъ клочья власъ вкругъ ней, какъ облака,
Пустивъ на вѣтръ, летятъ въ призракахъ чернымъ роемъ:
Тѣ съ скрежетомъ зубовъ, тѣ съ хохотомъ, тѣ съ воемъ,
Какъ враны, волки какъ на трупъ съ лѣсовъ, степей
Стадами гладными на казнь бѣгутъ Цареву.
Средь крику ихъ и реву
Унынье дикое, безмолвно, тяжело,
Густой подобно мглѣ—на грудь, на очи, на чело,
На духъ преступника, на сердце налегло,
Огнемъ всю внутренность, тоской смертельно жгло,
И ночь, и день его, терзая, угнетало,
Мечтами ужасало.
Почувствовалъ, почулъ
Еговы гнѣвъ Саулъ.

Веселья отъ него повсюду удалились,
И утучняющій спорхнулъ отъ вѣждей сонъ;
По ссохшимся щекамъ потоки слезъ катились—
И былъ какъ тѣнь, какъ остовъ онъ.
Въ размученномъ такомъ, тревожномъ состояньи
Друзья вокругъ его во плачѣ, во стенаньи

Вѣщаютъ, что пастухъ, по имени Давидъ,
Болѣзни тяжкія бряцаньемъ струнъ цѣлитъ;
Что арфы громкіе и тихозвучны тоны
Волшебствомъ нѣкакимъ обворожаютъ слухъ,
Покоятъ, веселятъ, лелѣютъ, нѣжатъ духъ,
И прогоняютъ грусть, задумчивость и стоны,
И словомъ мочный, что гармоньи сладка власть
Удобна исцѣлять болѣзнь и всяку страсть.
Поспѣшно повелѣлъ звать сына Іессея.

Пѣвецъ пришелъ и хоръ съ нимъ предъ него,
И—зря, что на одрѣ Царь, взоромъ пламенѣя,
Лежитъ и день клянетъ рожденья своего, —
Со звучностію струнъ, касаясь чуть утесъ,
Двугласну тихо пѣснь вознесъ:

«О, Боже! поспѣши
Сердечный внять мой гласъ:
Скорбь Царску утиши,
Отри потоки съ глазъ,
И просвѣти Твое лице
На блещущемъ его вѣнцѣ.
«Виждь, стрѣлы, Судія,
Твои его разятъ;
Какъ лютая змія,
Ліютъ во сердце ядъ.
О, Боже! поспѣши,
Скорбь Царску утиши.» —

Внимаетъ пѣснь Монархъ; но сила звуковъ, словъ
Такъ отъ него скользитъ, какъ лучъ отъ холма льдяна;

Снѣдаетъ грусть его, мысль черная, печальна.
Пѣвецъ то зритъ — и, взявъ другихъ строй голосовъ,
Поетъ ужъ хоромъ всѣмъ, но сонно, полутонно,
Смятенью тартара, душѣ смятенной сходно:

«На пустыхъ высотахъ, на зыбяхъ Божій духъ
Искони до вѣковъ въ тихой тмѣ возносился,
Какъ орелъ надъ яйцомъ, надъ зародышемъ вкругъ
Тварей всѣхъ теплотой, такъ крылами гнѣздился.
Огнь, земля и вода, и весь воздухъ въ борьбѣ
Межъ собой, внутрь и внѣ, безпрестанно сражались,
И лишь жизнь тѣмъ они всѣмъ являли въ себѣ,
Что тамъ стукъ, а тамъ трескъ, а тамъ блескъ прорывались;
Громъ на громъ въ вышинѣ, гулъ на гулъ въ глубинѣ,
Какъ катясь, какъ вратясь, даль и близъ оглушали;
Бездны безднъ, хляби хлябь, колебавъ въ тишинѣ
Безъ устройствъ естество, ужасъ, мракъ представляли.» —

Подъ темной пѣснью сей Царя тягчайшій сонъ
Давилъ, что больше мертвъ, чѣмъ живъ казался онъ.
Былъ сходенъ хаосу, въ сонъ вѣчный погруженну,
Въ себѣ самомъ смятенну.

Но гласъ взгремѣлъ:
Стихіевъ бездны раздѣлилисъ;
Огнь съ воздухомъ на высоту взлетѣлъ,
Земля съ водою вниэъ спустилисъ:
Бысть свѣтъ!
Чертежъ, въ умѣ Творца предвѣчно изложенный,
Напечатлѣлся всей природы на росткахъ,
На скрытыхъ сѣменахъ.
Всѣхъ думъ Его отсвѣтъ,
Отъ слова образъ взявъ, сталъ видъ одушевлен-
ный,
И въ родѣ всяка тварь въ своемъ,
Къ чему назначенна, явилась точно тѣмъ.
Какъ искра, отъ кремня и изъ стали вспрянувъ,
Такъ солнце излилось изъ мрака, возблеснувъ.

«Прекрасное Свѣтило
Грядетъ среди небесъ!
Величіе открыло
Тмы Божескихъ чудесъ.
Въ слѣды его смотря,
Румянилась заря;
Въ безмолвномъ утра мракѣ
Сіяетъ Оріонъ,
Но звѣздъ Царя при зракѣ
Блѣднѣетъ, меркнетъ онъ.
На Сѣверѣ въ полнощи льетъ
Свой Арктусъ яркій свѣтъ.

«И ты, о милая лампада,
Луна!» такъ воспѣвалъ пастухъ:
«Средь звѣздъ въ дали блестяща стада

Свой тихо совершаешь кругъ.
Сумрачны тучи удивились
Задумчивой красѣ твоей,
Когда края ихъ посребрились
Отъ свѣтлости твоихъ лучей,
И ты царицей нощи стала —
Оспоривая день, блистала.

«Такъ тмы планетъ, въ молчаньи, путь
Проходятъ свой благоговѣйно
Стремяще неотложный трудъ
Къ мѣтѣ всеобщей, стройно, вѣрно.
О, коль сей дивенъ тихогромъ (*)
И льетъ гармонію какую!
Какъ свѣтлыхъ Серафимовъ сонмъ
Крылами пѣснь на немъ святую,
Порхавъ, по сферамъ издаютъ;
Созвучно всѣ Творца поютъ.
Воскликни хоръ, воскликни вдругъ,
И ты Творца, съ тмой звѣздъ согласно,
Пой съ Серафимы велегласно;
И ты, Его творенье рукъ,
Веселой, трепетной душой
Хвалу Его любовью пой!» —

Въ безчувствіи глухомъ лежащаго Владыку
Проникнулъ сладкій шумъ сего священна лику.
Оцѣпенѣлый взоръ вкругъ дико водитъ онъ,
И чудесамъ небесъ дивится, мыслей полнъ.
Но ново пѣніе возстало,
И вновь Царя слухъ обуяло:

(*) Фортепьяно.

Онъ слышитъ, Океанъ, возставъ, съ челъ звѣздъ потекъ,
Шумяще, въ свой предѣлъ, во глубины безмѣрны;
Возникли хоръ хребты мгновенно изъ средь бездны,
И межъ себя пути отверзли бѣгу рѣкъ;
А тамъ, нагнувшися, скалы круты, кремнисты
Низвергнули съ себя журчащій, чистый ключъ,
Который, какъ жемчугъ пересыпаясь чистый,
Катитъ по муравѣ потокъ свой въ понтъ зыбучъ.

«Виждь пестрѣетъ стадомъ холмъ:
Агнцы по лугамъ рѣзвятся;
Тонкимъ скрыты облачкомъ,
Пѣсни жавронковъ гласятся;
А какъ солнца лучъ багряный
Загорится средь ручья,
Отдаются рощи дальны
Свистомъ громкимъ соловья.
Съ неба Ангелы нисходятъ,
Пѣсни Ангельски поя,
И блаженство ихъ низводятъ
Въ тѣни злачныя Рая.
Миръ ликуетъ и спокойство,
Подъ смоковницей сидя,
Цвѣтъ вдругъ, запахъ и довольство
Къ ихъ желаніямъ ведя.
Непорочность и веселья
Рука объ руку идутъ;
Тамъ не знаютъ лицемѣрья,

А всѣ въ радости живутъ.
Будь, чета, благословенна!
Вѣкъ невинностью спряженна;
Ублажайся счастьемъ вновь,
Чистая сердецъ любовь!» —

Хоръ смолкъ. Монархъ челомъ своимъ съ одра склонился,
И, благовѣнья полнъ, во помыслахъ молился
Толикихъ множества Создателю чудесъ.
Но злобы духъ въ немъ вновь воскресъ,
И чернымъ жегъ огнемъ его съ сугубой силой
Царь бьетъ себя во грудь съ душѐй унылой:
Почто веселье и покой,
Рекъ, въ хижинахъ живутъ, а домъ забыли мой.
«Быстрые гласы, теките:
Духа печальна будите.
Коль не почувствуетъ самъ,
Грѣхъ что̀ его есть тиранъ.» —

Стени и жалуйся, о арфа! скорбнымъ тономъ,
Стени и наполняй весь свѣтъ его урономъ.
Несется, слышу, вопль, и стонъ, и плачь, и вой.
Какое зрѣлище я вижу предъ собо̀й!
Увы! напрасны суть твои ужъ слезъ потоки,
Преступная чета? ты пала въ грѣхъ жестокій.
Съ невинностью твоей веселость протекла,
Смерть косу на тебя, ярясь, занесла,
И херувима мечъ огнемъ вокругъ сверкаетъ;
Отчаянье въ очахъ вездѣ тебя пужаетъ:
Возненавиженна сама собою ставъ,
Куда сокроешься, себя собой терзавъ?

Несчастная чета, оставленная Богомъ!
Въ лѣсахъ ли будешь жить, съ звѣрьми подъ
листьевъ кровомъ?—
Но ты жалка, твое плачевное состоянье!
Подвиглись небеса, всѣ Ангели въ рыданьѣ;
Долъ плачетъ, плачетъ холмъ, гулъ вкругъ
твердитъ увы!
О, коль несчастливы, сердца порочны, вы!

«Быстрые гласы, теките:
Души преступны разите,
Правдъ не познаютъ коль сихъ,
Что грѣхъ мучитель есть ихъ.» —

Кичливу грудь Царя и страхъ, и стыдъ бунтуютъ;
Въ надменномъ гнѣвъ лицѣ и злость изобра-
зуютъ:
Кровавы, выпуклы глаза его свирѣпо зрятъ.
Но юноша хоть то и примѣчаетъ,
Безъ робости играетъ —
Ланиты правдою горятъ —
И смотритъ такъ на злость тирана онъ спокойно,
Какъ добродѣтели смотрѣть на злобу сродно.
Подъ взоромъ блещущимъ въ слѣдъ скачущимъ
перстамъ
По арфѣ огнь бѣжитъ, сверкая по струнамъ,
И, возбуждаючи высоки, страшны тоны,
Грѣхъ въ бѣдствіи поетъ, и казнь его, и стоны:

«Громы въ громы ударяютъ;
Гулъ за гулами реветъ;
Смерть и ужасы летаютъ;
Молнія вселенну жжетъ;

Бездны разверзаютъ зѣвы;
Богъ преступниковъ казнитъ.
Князь и Царь, рабы Царевы,
Кто отъ Бога убѣжитъ?
Родъ Іаковль? веси, грады,
Брось и кущи ты свои:
Ты умрешь — и нѣтъ пощады
За злодѣйствія твои.
Ты умрешь — и я ужъ внемлю
Шумъ вокругъ небесныхъ стрѣлъ;
Трупы смрадны кроютъ землю
И Солима пустъ предѣлъ.» —

Внемли! се крикъ и вопль изъ бездны вынисаетъ;
Се слабо до ушей доходитъ онъ моихъ;
Се тише отчасу, все тише, — исчезаетъ;
Погибли на всегда хулители Господни,
Землей поглощены, низверглись въ преисподни,
Пропалъ ихъ слѣдъ —
И слуху нѣтъ.
Но, ахъ! возмогутъ ли мои плачевны струны
Тѣ живо описать и молньи, и перуны,
Какіе праведный опредѣлилъ Судья
Въ казнь вѣчную злодѣямъ.—Увы! ужъ вижу я:

«Грядетъ, грядетъ свирѣпо мщенье
Вкругъ въ бурю, въ мракъ облечено.
Низвергнуло скалы трясенье;
Понтъ, небо въ кровь превращено;
Міръ дрогнетъ, вѣетъ знамя гнѣва.
Возстань, хлябь водъ, возстань —

Гласъ рекъ — и изъ твоихъ безднъ чрева
Потопомъ съ неба шумнымъ грянь,
И погреби въ волнахъ вселенну,
Нечестьемъ, злобой оскверненну:
Пусть знаетъ свѣтъ мой правый судъ,
Изъ сна грѣховъ себя вобудитъ.
Возстань! да воды не придутъ
Въ свой паки одръ почить покойно,
Но да стремятся всюду грозно,
Поколь заклепокъ не прорвутъ,
Сквозь горъ камнистыхъ не пройдутъ,
И сушей Океанъ не будетъ.

«Съ гласу Господня
Въ мигъ преисподня
И звѣздна хлябь водъ
На землю течетъ.
Море волнами,
Небо дождями
Шумитъ и реветъ,
Миръ топитъ и жретъ.»

Богъ правъ, и судъ Его есть правда,
И праха сынъ всегда зрѣть слабъ ея лучи.
Ненависть съ завистью покрыла ярыхъ волнъ громада;
Тамъ сластолюбіе, тамъ роскошь, мракъ пьючи,
Съ развратомъ, съ лѣностью погрязли безднъ въ стремленьи,
И тщетно о своемъ мнятъ смертные спасеньи.

«Скалъ прорванъ сводъ;
Всталъ къ небу понтъ;

Нѣтъ больше въ спорѣ
Съ брегами волнъ;
На морѣ море
Кидаетъ челнъ
По всей вселенной
Опустошенной.

«Но гласы пламенѣя,
Возвысьтеся пѣвцовъ!
Воскликни хоръ живѣе,
Спокойныхъ пастуховъ,
Чтобъ огненныя стрѣлы
Струнъ ихъ и пѣсней вдругъ
Пронзали онѣмѣлы
Цареву грудь и духъ,
И онъ бы, правды самъ ставъ зритель,
Позналъ, что грѣхъ его мучитель.»

Межъ тѣмъ, какъ пѣлъ Давидъ такъ пѣснь, восторга полнъ,
И сильный арфы гласъ чертожны двигалъ стѣны;
Саулъ въ отчаяньи, пуская дикій стонъ,
Зубами скрежеталъ, терзалъ власы смятенны
И рдѣлъ въ жару какъ угль, и мерзъ въ хладу какъ ледъ;
По блѣдному лицу катился градомъ потъ,
И съ пѣною изъ устъ клубилася желчь черна.
Въ неистовствѣ его, схвативъ руки кинжалъ,
Взнесла на грудь свою; но бывъ остановленна
Отъ сущихъ близь его, вдругъ острый сей металлъ
Повергла на Давида. — Давидъ отсторонился,

И дѣйствующій зря
Страхъ Божій на Царя,
И что спасенъ былъ самъ, восторгомъ оживился,
И сталъ пріятно съ струнъ, какъ вѣтерокъ дышать,
По малу духъ Царя къ спокойству пріучать;
Но тщетнымъ зря и то, что скорбь хотя тѣлесну
И рану облегчить возможно намъ извѣстну;
Но слабы всѣ бальзамы суть
Цѣлить и утолять душевную въ насъ грусть,
Сердечны скрыты раны,
Терзающія тайны, —
«Пріиди жъ, раскаянье,» онъ рекъ: «скорѣй съ небесъ,
О ты, что тусклый взоръ возводишь къ милосердью
И полно чувствъ живыхъ судебъ колеблешь твердью!
Пріиди, къ святынѣ вождь, въ лицѣ печали, слезъ,
И милость приведи Творца со умиленьемъ,
Чтобъ сердце Царское предъ нимъ съ благоговѣньемъ
Содѣлалось тобой способнымъ къ чувству благъ,
И отъ него бъ ушли уныніе и страхъ.

Раскаянье приходитъ:
Внемли его, Монархъ!
Оно покой приводитъ
И сладость во слезахъ;
Печаль имъ радостью бываетъ,

Коль все желанье обитаетъ
И мысль твоя на небесахъ;
Оно къ блаженству первый шагъ.
И се раскаянье уже прогнало ярость.

Царь смотритъ на кинжалъ, являя трепетъ, жалость,
И тихій на пѣвцовъ кидаетъ съ вздохомъ взглядъ.
Зѣницы, пламенно вращаясь, не горятъ,
Въ которыхъ передъ симъ отчаянность грозила:
Небесная печаль грусть ада заступила.

«О! какъ милость есть любезна!
Всѣхъ она славнѣй добротъ!
Плачетъ Царь — и струйка слезна
По ланитѣ его льетъ.
Ее Ангелъ принимаетъ,
Не спустя упасть во тму,
Милосердью посвящаетъ:
Жертвъ пріятнѣй всѣхъ ему.»

Еще, еще,—но, ахъ! болѣзнь приходитъ снова:
Біенье сердца, грусть видна въ очахъ Царя сурова.
Возвысьте, пастыри, вашъ выспреннѣе гласъ,
Покудова недугъ въ немъ въ корнѣ не погасъ,
Поколь обильный токъ съ очей не устремился,
И мукъ съ души его яремъ не низложился.

«Всемогущій! пріими
Вздохъ раскаянья Царева;
Искушенія изми,
И надежду среди гнѣва

Брось ему Твоимъ лучемъ,
Чтобъ онъ, сердца сокрушенье
Слезъ изливъ Тебѣ дождемъ,
Зрѣлъ въ Тебѣ свое цѣленье.»

Спустись теперь въ юдоль съ холмовъ, парящій хоръ
И къ пѣнью вышнему не напрягайтесь струны:
Тріумфъ явили свой гармоніи перуны;
Монархъ ихъ чувствуетъ, его свѣтлѣетъ взоръ,
Ланиты блѣдныя румянятся зарею, —
Блаженъ! ужъ отъ него бѣжитъ унынье прочь;
Не мучится уже онъ совѣстью своею.
Раскаянной душѣ спѣшитъ Самъ Богъ помочь,
И черна скорбь къ нему ужъ вспять не возвратится,
Пѣснь ваша, пастыри, ему да усладится,
И арфы тихія пріятный сердцу звукъ
Надеждою Небесъ его да тѣшатъ духъ:
Забавы сельскія, невинность и свобода!
Да обольститъ его вашъ пѣніемъ предѣлъ,
Чтобъ гордость позабылъ, чтобъ нравилась свобода,
И онъ богатству бы спокойство предпочелъ.

«Поля, лѣса, пустыни дики,
Сквозь дебрь журчащіе ручьи,
Пастушьи громки слышьте клики,
Поющи свѣтлы дни свои.
«Межъ скалъ отъ рѣзвыхъ стадъ брыканья
Хохочетъ эхо вкругъ его,

И онъ, священна полнъ вниманья,
То зритъ, другой не зритъ чего.
Подъ тихія вечерни сѣни,
Идетъ къ нему покой съ небесъ;
Любовь, невинность въ восхищеньи
Въ цвѣтахъ сидятъ съ нимъ межъ древесъ;
«Вокругъ чела его довольна
Звѣздъ зрится блескъ, льетъ съ ризы свѣтъ;
Вся жизнь его покрова пальмъ достойна,
Шалашъ его — покой даетъ.
«Да въ вѣкъ, о, Ангелъ! ощущаетъ
Твою бесѣду грудь моя;
Спѣсь, зависть при Дворахъ блистаетъ;
Пастушья — хижина твоя.» —

«Тише, о пѣсни, теперь вы звучите;
Скорбному духу дремоту внушите;
Лей на него свой ароматъ, сонъ, вкругъ;
Сладко спокойство, лелѣй его духъ!»

Слетайте на него, о, воины небесны!
Стрегущій Божій градъ, и маніемъ своимъ его
Владѣющіе сномъ, чѣмъ вы, мечты прелестны,
Грядуща время видъ являете того,
Гдѣ приготовлена душамъ благимъ награда,
А злобы извергамъ грозящи страхи ада,
Слетите, и его восхитя духъ съ собой,
Представя передъ нимъ небесный садъ, златой,
Къ превыспренности той взнесите свѣтлой, звѣздной,
Гдѣ о безсмертьи лишь звучитъ безсмертный хоръ;

Гдѣ, кромѣ радости, ничто не существуетъ,
И новой вѣчностью жизнь вѣчна торжествуетъ.

«Арфъ своихъ тономъ,
Божественнымъ звономъ
Стрясите съ него
Скорбь люту его;
Плачъ будетъ въ радость,
Стонъ его въ сладость.»

И се уже его гармонія живитъ:
Потомокъ сладкихъ слезъ кропитъ отрадный видъ;
Бѣжитъ уныніе, проходитъ безпокойство.
Согласье новое, яви твое устройство.

«Греми струнъ новый громъ
Созвучно съ голосами,
Подвигни небесами,
Кличь радость въ Царскій домъ.

Какая сильна помощь томитъ души волненье!
Какая возбуждать въ ней можетъ бурну страсть?
Твое, гармонія, волшебное велѣнье
И надъ природой всей твоя чудесна власть.
Ты, дщерь небесъ!
Вселенной зримой сей съ тѣхъ поръ извѣстна стала,
Какъ съ трона вѣчнаго Премудрость гласъ снизслала,
Который міръ вознесъ.
Явилась ты, — и твердь усѣялась звѣздами,
По звуку твоему потекъ сей красный, свѣтлый строй!

Полкъ Ангельскъ, поразясь согласіемъ его, красой,
«Великъ,» воспѣлъ: «великъ Творецъ нашъ чудесами!
И въ изумленіи съ тѣхъ поръ съ высотъ глядитъ
На сей лучистый сонмъ, въ его заряся токѣ,
И совокупно съ нимъ гласитъ
Пѣснь первую звѣзды, возникшей на Востокѣ,
Котору сферы всѣ и вблизь, и вдаль твердятъ
Едиными усты: «Осанна! святъ, святъ, святъ!»

XLVIII.

ПРАВОСУДІЕ. (¹)

И такъ стоишь ты твердо въ томъ,
Умершіе, что съ нами жили,
И въ жизни сей несытымъ ртомъ
Благъ чашу незаконно пили,
По смерти могутъ избѣжать,
Чтобы предъ Божій судъ не стать?

Нѣтъ! Знай, что Правосудья око,
Хоть бодрствуетъ межъ звѣздъ высоко,
Но отъ небесъ и въ бездны зритъ:
Тѣхъ милуетъ, а тѣхъ казнитъ,
И здѣсь, въ сей жизни скоротечной,
И тамъ, и тамъ, по смерти, въ вѣчной.

Двоякъ за мрачнымъ гробомъ путь,
Которымъ злые и благіе

Предъ Вседержителя идутъ.
О! вѣрно такъ. А если бъ злые
И добрые всѣ равну часть
Могли въ награду принимать,

И всѣхъ земное бъ заключало
Ихъ нѣдро въ равну, вѣчну тму:
Ахъ! чтобы, человѣкъ, мѣшало
Тогда злодѣйству твоему?
Грабь, разоряй, рѣжь, ставь правдивость
Въ ничто, и совѣсть, и стыдливость:

Ты можешь все, вся тварь твоя....
Нѣтъ, стой! Есть Богъ, есть Вседержитель,
Живыхъ и мертвыхъ есть Судья,
Есть нашихъ тайныхъ дѣлъ цѣнитель;
При имени Его одномъ
Трясетъ всю поднебесну громъ.

Боюся я Его прещенья;
Благоговѣю передъ нимъ:
Изъ одного долготерпѣнья
Онъ счастье, славу днямъ твоимъ
И продолженіе даруетъ.
Страшись, когда вознегодуетъ!

(¹) Подражаніе древнему греческому поэту Архилоху; переводъ съ нѣмецкаго.

XLIX.

НА СМЕРТЬ КН. МЕЩЕРСКАГО. (1)

—

Глаголъ временъ! металла звонъ!
Твой страшный гласъ меня смущаетъ;
Зоветъ меня, зоветъ твой стонъ,
Зоветъ.... и къ гробу приближаетъ.
Едва увидѣлъ я сей свѣтъ,
Уже зубами смерть скрежещетъ,
Какъ молніей косою блещетъ,
И дни мои, какъ злакъ, сѣчетъ.

Ничто отъ роковыхъ когтей,
Ни кая тварь не убѣгаетъ:
Монархъ и узникъ — снѣдь червей;
Гробницы злость стихій снѣдаетъ;
Зіяетъ время славу стерть:
Какъ въ морѣ льются быстры воды,
Такъ въ вѣчность льются дни и годы,
Глотаетъ царства алчна смерть.

Скользимъ мы бездны на краю,
Въ которую стремглавъ свалимся;
Пріемлемъ съ жизнью смерть свою;
На то, чтобъ умереть родимся;
Безъ жалости все смерть разитъ:
И звѣзды ею сокрушатся,
И солнцы ею потушатся,
И всѣмъ мірамъ она грозитъ.

Не мнитъ лишь смертный умирать
И быть себя онъ вѣчнымъ чаетъ;

Приходитъ смерть къ нему, какъ тать,
И жизнь внезапу похищаетъ.
Увы! гдѣ меньше страха намъ,
Тамъ можетъ смерть постичь скорѣе;
Ея и громы не быстрѣе
Слетаютъ къ гордымъ вышинамъ.

Сынъ роскоши, прохладъ и нѣгъ,
Куда, Мещерскій! ты сокрылся? (²)
Оставилъ ты сей жизни брегъ;
Къ брегамъ ты мертвыхъ удалился:
Здѣсь персть твоя, а духа нѣтъ;
Гдѣ жъ онъ? — онъ тамъ. — Гдѣ тамъ? — не знаемъ.
Мы только плачемъ и взываемъ:
«О, горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!»

Утѣхи, радость и любовь
Гдѣ купно съ здравіемъ блистали,
У всѣхъ тамъ цѣпенѣетъ кровь
И духъ мятется отъ печали;
Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ; (³)
Гдѣ пиршествъ раздавались лики,
Надгробные тамъ воютъ клики,
И блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ....

Глядитъ на всѣхъ, — и на Царей,
Кому въ державу тѣсны міры;
Глядитъ на пышныхъ богачей,
Что въ златѣ и сребрѣ кумиры;
Глядитъ на прелесть и красы,
Глядитъ на разумъ возвышенный,

Глядитъ на силы дерзновенны,
И.... точитъ лезвее косы.

Смерть, трепетъ естества и страхъ!
Мы — гордость, съ бѣдностью совмѣстна:
Сегодня Богъ, а завтра прахъ;
Сегодня льститъ надежда лестна,
А завтра — гдѣ ты, человѣкъ?
Едва часы протечь успѣли, —
Хаоса въ бездну улетѣли,
И весь, какъ сонъ, прошелъ твой вѣкъ.

Какъ сонъ, какъ сладкая мечта,
Исчезла и моя ужъ младость;
Не сильно нѣжитъ красота,
Не столько восхищаетъ радость,
Не столько легкомысленъ умъ,
Не столько я благополученъ;
Желаніемъ честей размученъ:
Зоветъ, я слышу, славы шумъ.

Но такъ и мужество пройдетъ,
И вмѣстѣ къ славѣ съ нимъ стремленье;
Богатствъ стяжаніе минетъ
И въ сердцѣ всѣхъ страстей волненье
Прейдетъ, прейдетъ въ чреду свою.
Подите, счастья, прочь, возможны!
Вы всѣ премѣнны здѣсь и ложны: —
Я въ дверяхъ вѣчности стою.

Сей день, иль завтра умереть,
Перфильевъ! должно намъ конечно: (4)
Почто жъ терзаться и скорбѣть,

Что смертный другъ твой жилъ не вѣчно?
Жизнь есть Небесъ мгновенный даръ;
Устрой ее себѣ къ покою,
И съ чистою твоей душою
Благословляй судебъ ударъ.

(¹) Сочинено въ С.п.бургѣ въ 1780 году; напечатано въ С.п.бургскомъ Вѣстникѣ, потомъ въ Собесѣдникѣ.

(²) Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ, Князь Александръ Ивановичъ Мещерскій, Главный Судья Таможенной Канцеляріи.

(³) Мещерскій былъ большой хлѣбосолъ и жилъ весьма роскошно.

(⁴) Генералъ-Маіоръ Степанъ Васильевичъ Перфильевъ, бывшій при воспитаніи Императора Павла кавалеромъ, искренній другъ Мещерскаго, всякій день былъ съ нимъ вмѣстѣ.

L.

ГИМНЪ КРОТОСТИ. (¹)

Сіянье радужныхъ небесъ!
Души частѣйшее спокойство!
Блескъ тихихъ водъ! Едемъ очесъ!
О, кротость! ангельское свойство!
Отливъ отъ Бога Самаго!
Тебѣ, тобою восхищенный,
Настроиваю вдохновенный,
Я струны сердца моего.

Когда среди усердна жара,
Другихъ піитовъ лирный звукъ

Царя земнаго полушара
Гремитъ — и онъ изъ щедрыхъ рукъ
Имъ сыплетъ бисеръ многоцѣнный,
Его наградъ я не прошу; (2)
Но послѣ всѣхъ, лептъ чувствій бренный, —
Тебѣ я, Кротость! приношу.

Тебѣ! и ты того достойна:
Ты ожерелье красоты,
Ты сану мудрости пристойна,
Все лучшимъ сотворяешь ты;
И добродѣтели святыя
Усовершаются тобой:
У зависти и стрѣлы злыя
Отъемлетъ милый образъ твой.

Подруга ль гдѣ ты дѣвъ прекрасныхъ? —
Ихъ скромный взглядъ — магнитъ сердецъ.
Наперсница ль въ любви женъ страстныхъ?
Въ семействахъ счастья ты вѣнецъ.
Идутъ ли за твоей рукою
Въ совѣтахъ мужи и въ бояхъ? —
Плѣняютъ и враговъ тобою
Въ ихъ самыхъ страшныхъ должностяхъ.

А если Царская порфира
И скиптръ украсятся тобой,
Монархъ тотъ благодѣтель міра.
Не солнцу ль равенъ онъ красой?
На высотѣ блистая трона,
Онъ освѣщаетъ и живитъ;
Въ предѣлахъ своего закона
Течетъ — и всѣмъ благотворитъ.

Не совмѣщаяся съ звѣздами,
Онъ саномъ выше всѣхъ своимъ;
Но равными для всѣхъ лучами
Онъ свѣтитъ праведнымъ и злымъ.
Проходитъ взоръ его сквозь бездны —
И чела узниковъ златитъ; (3)
Чертоги наполняя звѣздны,
Сіяньемъ въ хижины летитъ.

Куда свой путь ни обращаетъ,
Въ село, обитель, или градъ:
Народъ его волной встрѣчаетъ,
И дѣти на него такъ зрятъ,
Какъ бы на Бога лучезарна.
Преклоншись старцы на клюкахъ,
Движеньемъ сердца благодарна,
Сверкаютъ радостью въ очахъ.

Такъ, Кротость! такъ ты привлекаешь
Народныя къ себѣ сердца;
Всѣхъ паче качествъ составляешь
Въ Царѣ отечества отца.
Ты милосерда и снизходишь
Въ людскія страсти, суеты;
Надломленныя не преломишь
Былинки, по неправдѣ, ты.

Сквозь вратъ проходитъ сокровенныхъ
Всеобщая къ тебѣ любовь;
Въ странахъ ты слышишь отдаленныхъ (4)
Пролитую слезу и кровь;
И какъ елень въ жаръ къ току водну
Стремится жажду утолять,

Такъ человѣчества ты къ стону
Спѣшишь, чтобъ ихъ скорѣй унять.

Ты не тщеславна, не спѣсива,
Пріятельница тихихъ музъ,
Привѣтлива и молчалива;
Во всемъ умѣренность — твой вкусъ;
Языкъ и взглядъ твой не обидѣлъ
Нигдѣ, никакъ и никого:
О! если бъ я тебя не видѣлъ,
Не написалъ бы я сего. (5)

(1) Сочиненъ въ Москвѣ въ 1801 году, по случаю коронованія Императора Александра; напечатанъ тогда же особымъ листкомъ.

(2) Множество стиховъ были подносимы Императору Александру, по случаю коронаціи, и сочинителямъ были жалованы подарки: авторъ не писалъ тогда ничего, а нѣсколько времени послѣ написалъ сію оду и еще три стихотворенія на коронацію Александра I, желая тѣмъ показать, что онъ никакой награды не ожидаетъ. Онъ не получилъ подарка, но былъ приглашенъ къ Царскому обѣду.

(3) При восшествіи на престолъ Императора Александра многіе узники были освобождены, и Тайная Канцелярія была уничтожена.

(4) Императоръ узналъ, что въ Казани одинъ мѣщанинъ, по неосновательнымъ подозрѣніямъ въ зажигательствѣ города, замученъ былъ пыткою: для изслѣдованія сего происшествія посланъ былъ одинъ изъ Генералъ-Адъютантовъ Государевыхъ, и виновные въ незаконномъ изслѣдованіи были наказаны.

(5) Въ семъ куплетѣ передано изображеніе Императора Александра.

LI.

ГИМНЪ СОЛНЦУ. (¹)

—

Ліющее златыя рѣки
Съ неизмѣримой высоты,
Неизсякаемыя ввѣки
Непостижимы красоты,
О, солнце! о, душа вселенной!
О, точный обликъ Божества!
Позволь, да мыслью восхищенной,
О, благодѣтель вещества!
Дивящеся лучамъ твоимъ,
Пою тебѣ священный гимнъ.

Услышь меня, Свѣтило міру!
И пламеннымъ съ высотъ лицемъ,
Богъ свѣта! преклонись на лиру,
И озари твоимъ лучемъ,
Да гласы съ струнъ ея прольются;
Какъ протяженны съ звѣздъ лучи,
Мои вѣщанья раздадутся
Глубокой вѣчности въ ночи,
И повторятъ твои хвалы
Земля, и вѣтры, и валы.

Какъ въ первый разъ на тронъ вступило
Ты, тихія зари въ вѣнцѣ,
Блистаньемъ холмы озлатило, —
Земное расцвѣло лице,
Ушли и бури, и морозы,
Снеслись зефиръ и тишина,

Отверзлись благовонны розы,
И, улыбнувшися Весна,
Дохнула радость, торжество.
Всѣмъ благотворно Божество!

Носяся въ воздухѣ высоко,
Сквозь неизмѣрны бездны зришь;
Небесъ всевидящее око,
Собой все держишь и живишь;
Дѣлишь вселенну въ небосклоны,
Опредѣляешь времена;
Ты пишешь ей твои законы,
Кладешь предѣлы нощи, дня;
Льешь блескъ звѣздамъ, свѣтъ твари всей,
И учишь царствовать Царей.

Порфирою великолѣпной
Объявъ твоею шаръ земной,
Рукой даруешь непримѣтной
Обилье, жизнь, тепло, покой.
Орловъ лучами воскрыляешь,
На насѣкомыхъ въ тмѣ блестишь,
Со влагой огнь свой возвращаешь
И несгараемо горишь.
Предвѣчно бытіе твое;
Съ тобой, Царь міра! и мое.

Такъ, свѣта океанъ чудесный!
Кто истины не видитъ сей,
Того ума предѣлы тѣсны,
Не знаетъ сущности твоей;
Не зритъ, чѣмъ больше раздѣляешь
Себя ты на другихъ тѣлахъ,

Любезнѣе очамъ сіяешь
На холмахъ, радугахъ, моряхъ.
Ты образъ добраго Царя:
Край ризы твоея — заря.

Любезно, тихо, постоянно,
Не воспящаяся ни чѣмъ,
Блистательно и лучезарно
Вѣкъ шествуешь своимъ путемъ.
Надъ безднами и высотами
Безъ ужаса взнося свой зракъ,
Ты исполинскими шагами
Отвсюду прогоняешь мракъ;
Несовратимъ, непобѣдимъ
Природы сильный властелинъ!

Я истины ищу священной,
Блаженства, сердца чистоты,
Красы и доблести нетлѣнной: —
Мнѣ вкупѣ ихъ являешь ты.
Когда же ты благимъ и злобнымъ
Не престаешь вовѣкъ сіять,
Восторгомъ нѣкакимъ духовнымъ
Тебя стремлюсь я обожать:
Такъ, такъ! Кто больше благъ быть могъ?
Дивлюсь, едва ли ты не Богъ!

О, мудрыхъ цѣль ума и взора!
Монаршей власти образецъ!
Средь звѣздъ блистающаго хора,
Какъ Царь, иль вождь, или отецъ,
Сѣдящій на сапфирномъ тронѣ,
Свое сіяніе дѣлишь,

И самъ ходя въ твоемъ законѣ,
Кругъ мірозданія крѣпишь:
Тамъ блещетъ каждый свѣтъ другимъ,
А всѣ присутствіемъ твоимъ.

Величествъ и добротъ зерцало!
Безумію невѣждъ прости,
Тебя они коль знаютъ мало:
Твоимъ ихъ свѣтомъ просвѣти.
Наставь, чтобъ всякъ былъ меньше злобнымъ;
Въ твое подобье облачи;
Быть кроткимъ, свѣтлымъ, а не гордымъ,
Твоимъ примѣромъ научи:
Какъ ты, чтобъ жили для другихъ,
Не ради лишь себя однихъ.

(¹) Сочиненъ на Званкѣ въ 1802 году.

LII.

ОБЛАКО.

Изъ тонкой влаги и паровъ
Исшедъ невидимо, сгущенно,
По малу тихо вознесенно
Лучемъ надъ высотой холмовъ,
Отливомъ свѣта освѣтяся,
По безднѣ голубой носяся,
Гордится облако собой,
Блистая солнца красотой;

Или прозрачностью сквозясь
И въ разны виды премѣняясь,
Рубиномъ, златомъ испещряясь,
И багряницею стелясь,
Струясь, сбираясь въ сизы тучи,
И вдругъ схолмясь въ холмъ плавучій,
Застѣниваетъ солнца зракъ:
Забывъ свой долгъ и благодарность,
Его любезну свѣтозарность,
Сокрывъ отъ всѣхъ — наводитъ мракъ;

Или не долго временщикъ
На свѣтлой высотѣ бываетъ,
Но, вздувшись тукомъ, исчезаетъ
Скорѣй, чѣмъ сдѣлался великъ:
Подъ лучезнойной тяготою
Разорванъ молніи стрѣлою,
Обрушась каплями падетъ —
И ужъ его на небѣ нѣтъ!

Хотя жъ онъ въ чадахъ гдѣ своихъ
Во мглахъ, въ туманахъ возродится,
И къ выспренностямъ вновь стремится,
Но рѣдко достигаетъ ихъ:
Давленьемъ воздуха гнетомый
И влагой внизъ своей влекомый,
На блата, тундры опустясь,
Ложится въ нихъ, и зрится — грязь.

Не видимъ ли вельможъ, царей
Живаго здѣсь изображенья?
Одни — изъ праха, изъ презрѣнья

Пренизкихъ возводя людей
На степени первѣйшихъ сановъ,
Творятъ боговъ въ нихъ истукановъ,
Имъ ввѣря власть и скипетръ свой;
Не видя, ихъ что ослѣпляютъ,
Любезной доброты лишаютъ,
Темня своею чернотой;

Другіе—счастья бывъ рабы,
Его рукою вознесенны,
Сіяньемъ ложнымъ украшенны,
Страстей не выдержавъ борьбы,
И доблестей путь презря, правды,
Превѣсясь зломъ, какъ водопады,
Падутъ стремглавъ на низъ во мглахъ:
Бывъ идолы, бываютъ прахъ.

Но добродѣтель красотой
Своею собственной сіяетъ;
Пускай несчастье помрачаетъ, —
Свѣтла она сама собой.
Какъ Антонины на престолѣ,
Такъ Эпиктеты и въ неволѣ
Почтенны суть красой ихъ душъ. —
Пускай чей злобой блескъ затмится;
Но днесь, иль завтра прояснится
Безсмертной правды солнца лучъ.

О, вы, имѣющи боговъ
Въ рукахъ всю власть и всю возможность
Въ себѣ же смертнаго ничтожность,
Ввергающую бѣдствій въ ровъ,

Цари! отъ васъ вашъ тронъ зависитъ
Унизить зломъ, добромъ возвысить;
Имѣйте вкругъ себя людей
Незлобьемъ, мудростью младенцевъ;
Но бойтесь счастья возведенцевъ,
Ползущихъ пестрыхъ вкругъ васъ змѣй.

И вы, наперсники Царей,
Друзья цвѣтущи ихъ красою,
Ихъ пишущи жизнь, смерть рукою
Поверхъ земель, поверхъ морей!
Познайте: съ вашимъ всѣмъ соборомъ
Вы съ тѣмъ равны лишь метеоромъ,
Который блещетъ отъ зари
А сами по себѣ — пары.

И ты, кто потерялъ красу
Наружну мрачну клеветою!
Зри мудрой, твердою душою:
Подобенъ міръ сей колесу:
Се спица внизъ и вверхъ вратится,
Се капля мглой, иль тучей зрится;
Такъ что жъ снѣдаешься тоской?
Въ кругу твореній обращаясь;
Той внизъ, другою вверхъ вздымаясь,
Умѣй и въ прахѣ быть златой.

(¹) Сочинено въ С.п.бургѣ въ 1807 году.

LIII.

ГРОМЪ. (¹)

—

Въ тяжелой колесницѣ грома,
Гроза, на тмѣ воздушныхъ крылъ,
Какъ страшная гора несома,
Жметъ воздухъ подъ собой, — и пыль
И понтъ кипятъ, летятъ волнами,
Древа вверхъ вержутся корнями,
Ревутъ брега и воетъ лѣсъ;
Средь тучныхъ тучъ, раздранныхъ съ трескомъ,
Въ тмѣ, молніи, багрянымъ блескомъ,
Чертятъ гремящихъ слѣдъ колесъ.

И се, какъ ночь осення, темна,
Нахмурясь надо мной челомъ.
Хлябь пламенемъ разсѣлась черна,
Сверкнулъ, взревѣлъ, ударилъ громъ, —
И своды потряслися звѣздны:
Стократно отгласились бездны;
Гулъ восшумѣлъ, и дождь, и градъ;
Простерся синій дымъ полетомъ;
Дубъ вспыхнулъ, холмъ сталъ водометомъ, (²)
И капли радугой блестятъ.

Утихло дуновенье бурно:
Чуть слышанъ шумъ и сѣрный смрадъ;
Пространство воздуха лазурно
И чела въ златѣ горъ горятъ.
Природѣ ужъ не страшны грозы,

Дымаютъ ароматомъ розы,
Пернатыхъ раздается хоръ;
Зефиры легки, насѣкомы
Цѣлуютъ злаковъ зыбки холмы,
И путникъ осклабляетъ взоръ.

Кто Сей, Который тучи гонитъ
По небу, какъ стада овновъ,
И перстомъ быстры рѣки водитъ
Между гористыхъ береговъ?
Кто море очертилъ въ предѣлы,
На шумны, яры волны бѣлы
Незримы наложилъ бразды?
Чьимъ маніемъ вѣтръ вземлетъ крыла,
Стихіевъ засыпаетъ сила,
Блескъ въ хаосѣ возникъ звѣзды?

И въ мигъ единый милліоны
Кто дланію возжегъ планетъ?
О, Боже! — се Твои законы,
Твой взоръ міры творитъ, блюдетъ.
Какъ сталью камень сыплетъ искры,
Такъ отъ Твоей струятся митры,
Въ мракъ солнцы, средь безмѣрныхъ мѣстъ.
Ты дхнешь: какъ прахъ, вновь сферы встанутъ;
Ты прервешь духъ: какъ злакъ, увянутъ;
Твои слѣды суть бездны звѣздъ.

О, вы, безбожники, не чтущи
Всевышней власти надъ собой,
Въ развратныхъ мысляхъ тѣхъ живущи,
Что случай все творитъ слѣпой,

Что умъ лишь вашъ есть царь вселенной!
Взгляните, въ буйности надменной,
На сей ревущій страшный мракъ,
На тѣ огнемъ блещащи рѣки,
И вѣрьте, дерзки человѣки!
Что все величье ваше—прахъ.

Но если вы и впрямъ всемощны,
Почто жъ вамъ грома трепетать?
Нѣтъ! Гордости пути порочны
Богъ правды долженъ наказать.
Гдѣ ваша мощь тогда, коварства,
Вновь созданны Цари и царства,
Какъ рокъ на васъ свой склонитъ перстъ?
Огонь и воды съединятся,
Земля и небо ополчатся,
И мечъ и лукъ сотрется въ персть.

Но тотъ, кто почитаетъ Бога,
Надежду на него кладетъ,
Сей не боится время строга;
Какъ холмъ средь волнъ, не упадетъ.
Пусть зѣльна буря устремится:
Душой всѣхъ превзойти онъ тщится,
Безстрашенъ, мужественъ средь бѣдъ;
И подъ всесильнымъ даже гнѣвомъ,
Подъ зыблющимъ, падущимъ небомъ, —
Благословя Творца, уснетъ.

Труба величья силъ верховныхъ,
Витія Бога и посолъ,
О, громъ! гроза духовъ тѣхъ гордыхъ,

Кѣмъ колебался звѣздъ престолъ!
Земли ты чрево растворяешь
И плодородьемъ міръ вѣнчаешь;
Но твой же можетъ бросить тулъ
И жупловъ тмы на князя ада.
Встань! грянь! — и въ слѣдъ его упада
По безднамъ возгрохочетъ гулъ.

(¹) Сочинено въ одно время съ предъидущею одою.
(²) Случается, что изъ земли, пробитой громовою стрѣлой, исторгаются источники водъ.

LIV.

ТЛѢНІЕ И НЕТЛѢНІЕ.

Прекрасный, лѣпый, лучезарный,
Кругомъ обтекшій витязь міръ,
Лучи метавшій жизнодарны
На понтъ, на землю, на эфиръ.
О, дивный побѣдитель мрака
Всѣхъ смертныхъ ужасовъ и страха!
Что, солнце, видъ твой поблѣднѣлъ?
Во мглу златыя скрылись латы,
За облакъ шлемъ огневласатый,
И нѣтъ въ твоемъ ужъ тулѣ стрѣлъ!

Лѣса и холмы отдаленны
Одѣлись темной синевой;
Долины злачны, холмъ зеленый
Подернулися блѣдной мглой;

Цвѣты въ безмолвьи преклоненны;
Росою плачутъ окропленны;
Сверкаютъ молніи вдали;
Ревъ слышенъ громовъ, вѣтровъ свисты.
Ужель природы осѣнистый
Сей образъ смерти, образъ тли?

Ужель и въ гробѣ созерцанный
Отечества спаситель, Вождь,
Герой въ блескъ лавровъ увѣнчанный —
Картина тлѣнія того-жъ?
И добродѣтель просвѣщенна,
И службой честь пріобрѣтенна,
И слава, позднихъ гулъ временъ,
И уваженье Царска рода,
И благодарность отъ народа,
И память вѣчная — все тлѣнъ?

Сей плачъ, сей стонъ и воздыханье
Толь множества печальныхъ лицъ,
Прощальныхъ гимномъ отпѣванье
И возведеніе зѣницъ
Къ творцу со пламенной мольбою,
Просящею душамъ покою
(Чрезъ что суть мертвы и живы
Въ вѣкъ, небо и земля въ сношеньѣ
Межъ собой), ужели тлѣнье?
И нѣтъ безсмертія? — Увы!

Нѣтъ! Есть благій Богъ и безсмертный,
Есть правда, и безсмертье есть.
Чрезъ промыслъ Свой Онъ неизслѣдный
Въ Свой вѣчный свѣтъ возводитъ перстъ.

Добро отъ злобы отдѣляя,
Ту въ тму, то въ солнцы помѣщая —
Всѣхъ зиждетъ Царствіе Небесъ.
Порокъ изъ праха не воспрянетъ,
А добродѣтель вѣчно станетъ
Пить свѣтъ и жизнь Творца съ очесъ.

Се тлѣнье есть, въ чемъ и нетлѣнье.
Отверсты вижу небеса:
Въ лазурномъ блещетъ отдаленьѣ
Непостижимая краса!
Не тамъ ли Божеска держава,
Жизнь вѣчная, блаженство, слава?
Восторгъ объемлетъ умъ и духъ!
Зрю невечерне солнце ново!
Гармоньи тихой внемлю слово, —
Вселенна преклонила слухъ:

«Гряди, о, добрый, доблій воинъ!
На вѣчно свѣтло торжество;
Ты царства *Моего* достоинъ,
Ты чтилъ и вѣрилъ въ Божество.
Полнъ къ человѣчеству любовью,
Не славился его ты кровью;
Разилъ враговъ, въ слезахъ ліясь,
Спасавъ отечество и Вѣру,
Къ Царю блюлъ долгъ, себѣ зналъ мѣру:
Въ безсмертьѣ внидь, Смоленскій Князь!»

LV.

НА СЧАСТЬЕ. (¹)

—

Всегда прехвально, препочтенно,
Во всей вселенной обоженно
И вождел́енное отъ всѣхъ,
О, ты, великомощно Счастье!
Источникъ нашихъ бѣдъ, утѣхъ,
Кому и въ ведро и въ ненастье,
Мавръ, Лопарь, пастыри, Цари,
Моляся въ кущахъ и на тронѣ,
Въ воскликновеніяхъ и стонѣ,
Въ сердцахъ ихъ зиждутъ алтари!

Сынъ время, случая, судьбины,
Иль недовѣдомой причины!
Богъ сильный, рѣзвый, добрый, злой!
На шаровидной колесницѣ,
Хрустальной, скользкой, роковой,
Во слѣдъ блистающей денницѣ
Чрезъ горы, степь, моря, лѣса,
Вседневно ты по свѣту скачешь,
Волшебною ширинкой машешь,
И производишь чудеса.

Куда хребетъ свой обращаешь,
Тамъ въ пепелъ грады претворяешь,
Приводишь въ страхъ богатырей;
Султановъ заключаешь въ клѣтку, (²)
На казнь выводишь Королей; (³)

Но если ты жъ, хотя въ издѣвку,
Осклабишь взоръ свой на кого:
Раба творишь Владыкой міру, ([4])
На мѣсто рубища порфиру
Ты возлагаешь на него.

Въ тѣ дни людскаго просвѣщенья, }
Какъ нѣтъ кикиморовъ явленья, } ([5])
Какъ ты лишь всѣмъ чудотворишь:
Дѣвицъ и дамъ магнизируешь, ([6])
Изъ камней золото варишь, ([7])
Въ глаза патріотизма плюешь,
Катаешь кубаремъ весь міръ;
Какъ рѣзвости твоей примѣровъ,
Полна земля вся кавалеровъ, }
И цѣлый свѣтъ сталъ Бригадиръ; } ([8])

Въ тѣ дни, какъ всюду скороходомъ
Предъ Русскимъ ты бѣжишь народомъ,
И лавры рвешь ему зимой,
Стамбулу бороду ерошишь,
На таврѣ ѣдешь чехардой,
Задать Стокгольму перцу хочешь,
Берлину фабришь ты усы,
А Темзу въ фижмы наряжаешь,
Хохолъ Варшавѣ раздуваешь,
Коптишь Голландцамъ колбасы; ([9])

Въ тѣ дни, какъ Вѣну ободряешь,
Парижу пукли разбиваешь,
Мадриту поднимаешь носъ,
На Копенгагенъ иней сѣешь,

Пучокъ подносишь Гданску розъ,
Венецьи, Мальтѣ не радѣешь,
А Греціи велишь зѣвать,
И Риму, ноги чтобъ не пухли,
Святыя оставляя туфли,
Царямъ претишь ихъ цѣловать;

Въ тѣ дни, какъ все вездѣ въ разгульѣ:
Политика и правосудье,
Умъ, совѣсть и законъ святой
И Логика пиры пируютъ,
На карты ставятъ вѣкъ златой,
Судьбами смертныхъ понтируютъ,
Вселенну въ трантелево гнутъ;
Какъ полюсы, меридіаны,
Науки, Музы, боги — пьяны,
Всѣ скачутъ, пляшутъ и поютъ;

Въ тѣ дни, какъ всюду Ерихонцы (10)
Не сѣютъ, но лишь жнутъ червонцы,
Ихъ денегъ куры не клюютъ;
Какъ вкусъ и нравы распестрились,
Весь міръ сталъ полосатый шутъ, (11)
Мартышки въ воздухѣ явились, (12)
По свѣту свѣтятъ фонари, (13)
Витійствуютъ уранги въ школахъ, (14)
На пышныхъ карточныхъ престолахъ } (15)
Сидятъ мишурные цари;

Въ тѣ дни, какъ мудрость среди троновъ (16)
Одна не мѣситъ макароновъ,
Не ходитъ въ кузницу ковать,
А развѣ временемъ лишь скучнымъ

Изволитъ Музъ къ себѣ пускать,
И перышкомъ своимъ искуснымъ,
Не ссоряся никакъ, ни съ кѣмъ,
Для общей и своей забавы,
Комедьи пишетъ, чиститъ нравы,
И припѣваетъ: хемъ, хемъ, хемъ! (16)

Въ тѣ дни, ни съ кѣмъ какъ несравненна,
Она съ тобою сопряженна,
— Ни въ сказкахъ складно разсказать,
Ни написать перомъ красиво, —
Изволитъ милость проливать,
Изволитъ царствовать правдиво,
Не жжетъ, не рубитъ безъ суда;
А развѣ кое-какъ вельможи,
И такъ, и сякъ, нахмуря рожи,
Тузятъ инова иногда;

Въ тѣ дни, какъ мещетъ всюду взоры
Она вселенной на ресоры,
И вѣситъ скипетры Царей,
Слѣды орловъ парящихъ видитъ
И пресмыкающихся змѣй;
Разя враговъ, не ненавидитъ,
А только пресѣкаетъ зло;
Безъ латъ богатырямъ и въ латахъ
Претитъ давить лимоны въ лапахъ,
А хочетъ, чтобы все цвѣло;

Въ тѣ дни, какъ скипетромъ любезнымъ
Она перунъ къ странамъ желѣзнымъ
И лиромъ за тридевять земель
Несетъ на лунно государство, (17)

И бомбы сыплетъ будто хмель;
Свое же ублажая царство,
Покоитъ, грѣетъ и живитъ;
Въ морозъ камины возжигаетъ,
Дрова и сѣно запасаетъ, ([18])
Бояръ и чернь благотворитъ;

Въ тѣ дни и времена чудесны
Твой и на меня всемѣстный
Простри, о надъ Царями Царь!
Простри, и удостой усмѣшкой
Презрѣнную тобою тварь;
И, если я не созданъ пѣшкой,
Валяться не рожденъ въ пыли,
Прошу тебя моимъ быть другомъ:
Песчинка можетъ быть жемчугомъ;
Погладь меня и потрепли.

Бывало, ты меня къ боярамъ
Въ любовь введешь: беру все даромъ,
На вексель, въ долгъ безъ платежа;
Судьи, дьяки и прокуроры,
Въ передней про себя брюжжа,
Умильные мнѣ мещутъ взоры,
И жаждутъ слова моего;
А я всѣхъ мимо по паркету
Бѣгу, носъ вздернувъ, къ кабинету,
И въ грошъ не ставлю никого.

Бывало, подъ чужимъ нарядомъ,
Съ красоткой чернобровой рядомъ,
Иль съ бѣленькой, сидя со мной,

Ты въ шашки, то въ картежъ играешь;
Прекрасною твоей рукой
Туза червоннаго вскрываешь,
Сердечной твой тѣмъ кажешь взглядъ;
Я къ кралѣ короля бросаю,
И ферзь къ ладьѣ я придвигаю,
Даю марьяжъ, иль шахъ и матъ. (19)

Бывало, милыя Науки
И Музы, простирая руки,
Позавтракать ко мнѣ придутъ,
И все мое усядутъ ложе;
А я, свирѣль настроя тутъ,
Съ ихъ каждой лирой то же, то же
Играю, что вчерась игралъ.
Согласна трель! взаимны тоны!
Восторгъ всѣхъ чувствъ! За васъ короны
Тогда бы взять не пожелалъ.

А нынѣ пятьдесятъ мнѣ било;
Полетъ свой счастье премѣнило;
Безъ латъ я горе–богатырь; (20)
Прекрасный полъ меня лишь бѣситъ,
Амуръ безъ перьевъ нетопырь,
Едва вспорхнетъ и носъ повѣситъ;
Сокрылся и въ игрѣ мой кладъ;
Не страстны мной, какъ прежде, Музы;
Бояре понадули пузы,
И я у всѣхъ сталъ виноватъ.

Услышь, услышь меня, о Счастье!
И солнце какъ сквозь бурь, ненастье,
Такъ на меня и ты взгляни;

Прошу, молю тебя умильно,
Мою ты участь премѣни:
Вѣдь всемогуще ты и сильно
Творить добро изъ самыхъ золъ;
Отъ Божеской твоей десницы
Гудокъ гудитъ на тонъ скрыпицы
И вьется локономъ хохолъ. (21)

Но, ахъ! какъ нѣкая ты сфера,
Иль легкій шаръ Монгольфіера,
Блистая въ воздухѣ, летишь;
Вселенна длани простираетъ,
Зоветъ тебя — ты не глядишь;
Но шаръ твой часто упадаетъ,
По прихоти одной твоей,
На пни, на кочки, на колоды,
На грязь и на гнилыя воды,
А рѣдко, рѣдко на людей.

Слети ко мнѣ, мое драгое,
Серебряное, золотое,
Сокровище и божество!
Слети, причти къ твоимъ любимцамъ!
Я храмъ тебѣ и торжество
Устрою, и вездѣ по крыльцамъ
Твоимъ разсыплю я цвѣты;
Возжгу куренья благовонны,
И буду ѣздить на поклоны,
Гдѣ только обитаешь ты;

Жить буду въ теремѣ богатомъ,
Возвышусь въ чинъ, и знатнымъ бракомъ
Горацію въ родню причтусь;

Перомъ моимъ славно-школярнымъ
Разсудка выше вознесусь
И, ставъ тебѣ неблагодарнымъ,
«*Беатусъ* — братъ мой, на волахъ
Собою самъ поля орющій,
Или стада свои пасущій!»
Я буду восклицать въ пирахъ.

Увы! еще ты не внимаешь,
О, Счастіе! моей мольбѣ,
Мои обѣты презираешь:
Знать, неугоденъ я тебѣ.
Но на софахъ ли ты пуховыхъ,
Въ тѣняхъ ли миртовыхъ, лавровыхъ,
Иль въ золотой живешь странѣ:
Внемли, шепни твоимъ любимцамъ,
Вельможамъ, Королямъ и Принцамъ:
Спокойствіе мое во мнѣ!

(¹) Сочинено въ Москвѣ въ 1780 году. Въ первомъ изданіи было прибавлено: «и на масляницѣ» — потому что, описывая разныя проказы того времени, авторъ хотѣлъ скрыть прямое свое намѣреніе. Онъ, по притѣсненію нѣкоторыхъ вельможъ, былъ тогда отлученъ отъ Тамбовскаго губернаторства и находился подъ отвѣтомъ въ Московскомъ Сенатѣ. Въ утѣшеніе себя и для шутки, онъ хотѣлъ посмѣяться надъ суетностію и непостоянствомъ свѣтской жизни.

(²) Тамерланъ, взявъ въ плѣнъ Султана Баязета, заключилъ его въ клѣтку.

(³) Карла I и Людовика XVI.

(⁴) Надиръ изъ разбойниковъ сдѣлался Шахомъ, повелителемъ Персіи, и Бонапарте изъ неизвѣстной фамиліи Императоромъ.

(⁵) Въ старинныя времена въ Россіи вѣрили существованію лѣшихъ, домовыхъ и кикиморъ: одни, по народнымъ разсказамъ, жили въ лѣсахъ, другіе въ конюшняхъ, а третьи проказничили въ избахъ за печьми.

(⁶) Въ 1786 году въ Петербургѣ магнетизмъ былъ въ большомъ употребленіи и славѣ. Г-жа К. занималась новымъ симъ открытіемъ и предъ всѣми въ таинственномъ снѣ дѣлала разныя прорицанія.

(⁷) Это относится до тѣхъ, которые вдались въ Алхимію. Одинъ изъ царедворцовъ того времени также впалъ въ сіе заблужденіе. На сей счетъ сама Императрица сочинила комедію.

(⁸) Въ прежнія времена награжденія орденами были очень рѣдки. Но съ 1782 г., когда учрежденъ Владимірскій орденъ, появилось много кавалеровъ; между тѣмъ многіе молодые люди, записанные въ службу съ ихъ дѣтства, отставлялись изъ Капитановъ гвардіи Бригадирами.

(⁹) Здѣсь и въ послѣдующемъ куплетѣ намекается на счастливыя военныя дѣйствія Россіи и политическіе выгодные союзы, въ которыхъ Императрица брала предъ всѣми перевѣсъ.

(¹⁰) Подъ названіемъ *Ерихонцовъ* разумѣются взяточники и лихоимцы.

(¹¹) Полосатый шутъ относится къ тоглашней модѣ носить полосатые фраки въ подражаніе Французамъ, позволившимъ себѣ всевозможныя нелѣпости и безвкусіе.

(¹²) Относится къ Мартинистамъ, которые увѣряли, что видѣли въ воздухѣ духовъ, съ коими бесѣдовали.

(¹³) Діогенъ ходилъ съ фонаремъ во время дня. Здѣсь же разумѣются софисты и лжемудрецы XVIII вѣка.

(¹⁴) Сказано о тѣхъ, которые по открытіи народныхъ училищъ бросились безъ знаній говорить рѣчи.

(¹⁵) Это метитъ на тѣхъ изъ господъ намѣстниковъ, которые, обольстясь ввѣренною имъ Монаршею властію, гордо и говорили, и поступали. Извѣстно, что Генералъ-Губернаторъ Кречетниковъ писалъ и печаталъ манифесты отъ своего лица.

([16]) Во время изданія Собесѣдника Императрица занималась сочиненіемъ подъ названіемъ *Разговоры Дѣдушкины* и по частямъ посылала статьи для печатанія въ Собесѣдникѣ. Дѣдушка этотъ при встрѣчѣ какого либо безпорядка всегда припѣвалъ: хемъ, хемъ, хемъ! Для обсуживанія сего сочиненія, прежде изданія онаго составлено было у Государыни общество подъ именемъ *Палаты съ чутьемъ;* въ числѣ членовъ Палаты былъ и Президентъ Академіи Наукъ. Присутствіе въ оной всегда было послѣ обѣда. Случилось, что Президентъ при вступленіи своемъ въ президентство говорилъ рѣчь, но только не имъ сочиненную. Императрица, для шутки, въ полномъ собраніи *Палаты съ чутьемъ* дозволила острому и забавному Льву Александровичу Нарышкину проговорить ту же рѣчь голосомъ Президента и съ его ухватками. Президентъ узналъ о томъ и обнаружилъ огорченіе; но это лишило его входа въ Палату съ чутьемъ, гдѣ сердиться не позволялось; впрочемъ Императрица, озабочиваясь, чтобъ Президенту не было скучно послѣ обѣда, пожаловала ему 25 т. рубл., для постройки дачи.

([17]) Ведетъ войну съ Швеціею и Турками. Швеція богата желѣзными рудами; а луна государственный гербъ Турціи.

([18]) Тогда на сборныхъ площадяхъ и при театрахъ сдѣланы были камины для согрѣванія людей, а для продовольствія обывателей устроивались не только хлѣбные, но дровяные и сѣнные запасные магазины.

Вообще въ 11, 12, 13 и 14 строфахъ описываются учрежденія Императрицы, что Она безъ суда никого не наказываетъ; вѣситъ силы другихъ державъ, защищая безсильныхъ отъ сильныхъ; поражаетъ оружіемъ враговъ, а свое царство устроиваетъ, заботясь, чтобъ Ея народу было и свѣтло и тепло. Въ 16 куплетѣ авторъ описываетъ подъ своимъ лицемъ нѣкоторыхъ сотоварищей своихъ по службѣ, которые бѣгали у вельможъ по паркету и никого не уважали.

([19]) Въ этомъ и слѣдующемъ куплетѣ авторъ шутитъ надъ своими успѣхами и неудачами въ любви.

(20) Императрица въ сочиненной Ею оперѣ *Горе-Богатырь* разумѣла въ то время зачинщика Шведской войны, Короля Густава III. — Война эта, хотя внезапно была объявлена, Россіи не повредила. Князь Потемкинъ отсовѣтовалъ играть эту оперу публично, оказавъ, что публичная шутка вызоветъ публичное же мщеніе, что непріятно будетъ переносить. По этой причинѣ опера сія была играна только въ Эрмитажѣ. Стихи въ ней писалъ Александръ Васильевичъ Храповицкій, бывшій при Императрицѣ Статсъ-Секретаремъ.

(21) Здѣсь выказываются обороты счастья, благопріятствовавшаго извѣстнымъ лицамъ, которыя очутились въ кругу, совершенно противуположномъ прежнему ихъ состоянію. Авторъ хотѣлъ показать, что свѣтское счастіе рѣдко благопріятствуетъ достойнымъ людямъ и подобно воздушному Монгольфьерову шару, упадающему куда случится.

Заключительная мысль этой оды, что счастіе каждаго состоитъ въ томъ, чтобъ не зависѣть отъ непостоянства счастія.

LVI.

КЛЮЧЪ. (1)

Сѣдящъ, увѣнчанъ осокою,
Въ тѣни развѣсистыхъ древесъ,
На урну облегшись рукою,
Являющій лице небесъ
Прекрасный вижу я источникъ.

Источникъ шумный и прозрачный,
Текущій съ горной высоты,
Луга поящій, долы злачны,

Кропящій перлами цвѣты,
О, коль ты мнѣ пріятенъ зришься!

Ты чистъ — и восхищаешь взоры,
Ты быстръ — и утѣшаешь слухъ;
Какъ серна скачуща на горы,
Такъ мой къ тебѣ стремится духъ,
Желаньемъ пѣть тебя горящій.

Когда въ дуги твои сребристы
Глядится красная заря,
Какіе пурпуры огнисты
И розы пламенны, горя,
Съ паденьемъ водъ твоихъ катятся!

Гора, въ день стадомъ покровенну,
Себя въ тебѣ, любуясь, зритъ;
Въ твоихъ водахъ изображенну
Дуброву вѣтерокъ струитъ,
Волнуетъ жатву золотую;

Багрянымъ брегъ твой становится,
Какъ солнце катится съ небесъ;
Лучемъ кристаллъ твой загорится,
Вдали начнетъ синѣться лѣсъ,
Тумановъ море разольется;

О! коль ночною темнотою
Пріятенъ видъ твой при лунѣ,
Какъ блѣдны холмы надъ тобою
И рощи дремлютъ въ тишинѣ,
А ты одинъ, шумя, сверкаешь!

Старая стихотворства страстью,
Къ тебѣ я прихожу, ручей!

Завидую піита счастью, (²)
Вкусившему воды твоей,
Парнасскимъ лавромъ увѣнчанну.

Напой меня, напой тобою!
Да воспою подобно я,
И съ чистою твоей струею
Сравнится въ пѣсняхъ мысль моя,
А лирный гласъ съ твоимъ стремленьемъ!

Да честь твоя пройдетъ всѣ грады,
Какъ эхо съ горъ сквозь лѣсъ дремучъ:
Творца безсмертной Россіяды,
Священный Гребеневскій Ключъ, (³)
Поилъ водой ты стихотворства.

(¹) Сочинено въ С.-Петербургѣ въ 1779 году; напечатано въ томъ же году въ С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ, въ другой разъ въ Собесѣдникѣ въ 1792 году, а третій въ 1 части въ 1798 году.

(²) Державинъ высоко чтилъ Михайла Матвѣевича Хераскова, сочинителя Россіяды.

(³) Ключъ въ подмосковскомъ селѣ Гребеневѣ, которое принадлежало Хераскову, гдѣ онъ сочинялъ свою поему, одушевленную чистою любовью къ отечеству.

LVII.

МЕРКУРІЮ. (¹)

Почто меня отъ Аполлона,
Меркурій! ты ведешь съ собой? (²)

Средь пышнаго торговли трона
Мнѣ кажешь ворохъ золотой?
Сбирать, завидовать, изъ млада
Я не привыкъ и не хочу.
Богатство ль старику награда?
Давно съ презрѣньемъ я топчу
Его всю прелесть равнодушно.

Коль я здоровъ, хлѣбъ-соль имѣю,
И даръ мнѣ данъ судьи, пѣвца,
И челобитчиковъ я смѣю
Встрѣчать съ передняго крыльца,
И къ небогатому богатый
За нуждою ко мнѣ идетъ,
За храмъ мои просты палаты,
За золото солому чтетъ: (3)
На что же мнѣ твоя излишность?

Но, ахъ! когда я сталъ послушенъ
Тебѣ, мой вождь и богъ златой!
То будь и ты великодушенъ,
И мой не отними покой;
Но хлопотать когда устану,
Весь день бывъ жертвой и игрой
Среброчешуйну океану:
Позволь, какъ грянетъ громъ, домой
Пришедшему отдать мнѣ Музу. (4)

Да вмѣсто висту и бостону,
Я съ ней на лирѣ порѣзвлюсь;
Монаршу, Божеску закону,
Суду и правдѣ поучусь;
Не дамъ волкамъ овечки скушать:

А ты, коль хочешь одолжить,
Приди моей сей пѣсни слушать,
Посеребрить, позолотить
Мою трубу Екатеринѣ.

(¹) Сочинено въ 1794 году.

(²) Въ 1794 году 1 Января Державинъ былъ опредѣленъ Президентомъ Коммерцъ-Коллегіи; онъ не искалъ и даже не желалъ сего мѣста. Онъ былъ уже Сенаторомъ и разбиралъ многіе третейскіе суды.

(³) Въ домѣ автора одна комната была убрана соломенными обоями, работы первой жены его.

—

Кромѣ собраній на литературныхъ бесѣдахъ, какія бывали въ домѣ автора и его друзей, близкіе пріятели и родственники автора съѣзжались къ нему и по другимъ днямъ. Домашній кругъ, гдѣ Державинъ укрывался отъ разновидныхъ суетъ на пути его свѣтской жизни, гдѣ онъ торжествовалъ побѣды, одержанныя имъ надъ завистію и коварствомъ, счастливый подъ лучами Великой Царицы, его покровительствующей, кругъ сей составился изъ людей съ разными талантами, умѣвшими чтить знаменитый даръ автора. Сотрудниками его по словесности были: И. И. Хемницеръ, В. В. Капнистъ, Н. А. Львовъ, А. С. Хвостовъ, Ю. А. Нелединскій, Н. С. Ермолаевъ и П. Л. Вельяминовъ. Нѣкоторые изъ нихъ, извѣстные сочиненіями своими, другіе по своему вкусу и знаніямъ, были строгими судьями сочинителей. Изъ молодыхъ людей, знакомыхъ автору и по любви ихъ къ словесности, или успѣхамъ въ искусствахъ, были тогда: А. Н. Оленинъ, Ф. П. Львовъ, Н. Н. Яхонтовъ и другіе. Изъ дамъ первая супруга автора, К. А. Державина, отличалась необыкновеннымъ искусствомъ въ рисованіи и въ дамскихъ рукодѣльяхъ, а А. П. Яхонтова, потомъ Козлянинова, въ лѣпной восковой работѣ, которую, подъ руководствомъ одного изъ домашнихъ художниковъ, произ-

водила она простою булавкой и перочиннымъ ножичкомъ при горящей свѣчкѣ.

Такимъ образомъ въ домашнемъ кругу Державина поселились: Словесность, Поэзія, Живопись, Архитектура, лѣпная работа и Музыка. Тутъ обыкновенно, или при соломенныхъ работахъ, въ которыхъ изобрѣтеніе и искусство далъ замѣняли блескъ золота, или, любуясь выдѣлкою восковыхъ лѣпныхъ изображеній, которыя замѣняли мраморъ, или при другихъ упражненіяхъ, гдѣ не было ни шумныхъ простыхъ разговоровъ, ни замысловатыхъ сплетней во вредъ другихъ, гдѣ въ присутствіи любезныхъ и давно знакомыхъ другъ другу женщинъ, чистая нравственность и милая откровенность руководствовали мыслію и словомъ всѣхъ и каждаго, — тутъ или занимались чтеніемъ какого либо новаго сочиненія автора, или его пріятелей, и обсуживали или разбирали труды молодыхъ людей, замѣчательныхъ способностями или пѣвали хоромъ и народныя и чужія пѣсни, въ продолженіе которыхъ часто воспламенялось поэтическое вдохновеніе Державина, обыкновенно тогда ходившаго скорыми шагами вдоль комнаты. При такомъ удачномъ стеченіи людей и обстоятельствъ, изъ этой дружеской и незатѣйливой бесѣды явились въ свѣтъ многія новыя произведенія, кромѣ тѣхъ, какія въ то время печатались въ Московскомъ журналѣ Н. М. Карамзинымъ. Не говоря уже о стихотвореніяхъ самого Державина, замѣтимъ, что и многіе другіе изъ участниковъ въ семъ собраніи дѣлались извѣстными. И. И. Хемницеръ обратилъ общее вниманіе на свои басни; В. В. Капнистъ на свои стихотворенія; А. Н. Оленинъ на свое рисовальное искусство и обширныя знанія въ древнихъ художествахъ разнаго рода; Н. А. Львовъ на остроумные литературные свои труды и на способности въ архитектурѣ при составленіи имъ плана разныхъ зданій и церкви во вкусѣ древнихъ храмовъ, построенной въ Могилевѣ по случаю свиданія Императрицы Екатерины съ Римскимъ Императоромъ Іосифомъ; Н. П. Яхонтовъ на сочиненную имъ музыку для

оперы Сильфъ, слова Н. А. Львова; А. П. Яхонтова на лѣпную восковую работу, которая и донынѣ удивляетъ въ Эрмитажѣ.

Словомъ сказать, каждый въ семъ кругу имѣлъ какое либо дарованіе, такъ, что тутъ піэса могла быть написана, музыка сочинена и разыграна безъ всякаго пособія постороннихъ лицъ. Для молодыхъ людей тутъ была школа не только словесности, но и свѣтскаго благороднаго обращенія; для людей пожилыхъ — самое пріятное провожденіе времени; для дамъ — обширное поле, гдѣ блисталъ утонченный вкусъ ихъ, а скромность и нѣжныя чувства брали власть надъ сердцами.

«Какъ не вспомнить о той быстрой молодости,» писалъ Ф. П. Львовъ, изъ записокъ котораго мы почерпнули это замѣчаніе, «которая протекала въ такомъ пріятномъ кругу. Это самое общество подало мысль Державину къ учрежденію *Бесѣды Любителей Русскаго Слова*, которая нѣсколько лѣтъ собиралась въ домѣ его, до самой кончины Державина.»

([4]) Въ царствованіе Императрицы Екатерины таможня открывалась по утреннему и закрывалась по вечернему выстрѣлу пушки. Авторъ здѣсь даетъ разумѣть, что онъ посвящаетъ словесности только время вечернихъ досуговъ.

LVIII.

НА УМѢРЕННОСТЬ. ([1])

—

Благополучнѣе мы будемъ,
Коль не дерзнемъ въ стремленье волнъ,
Ни въ вихрь, робѣя, не принудимъ
Близъ берега держать нашъ челнъ.
Завидѣнъ тотъ лишь состояньемъ,

Кто среднею стезей идетъ,
Ни благъ не восхищенъ мечтаньемъ,
Ни тмой не ужасаемъ бѣдъ;
Умѣренъ въ хижинѣ, чертогѣ,
Равенъ въ покоѣ и тревогѣ.

Собрать не алчетъ милліоновъ;
Не скалится на жирный столъ;
Не требуетъ ни чьихъ поклоновъ,
И не лощитъ ни чей самъ полъ;
Не влется въ душу къ Царску другу;
Не ловитъ таинствъ и не льститъ;
Готовъ на трудъ и на услугу,
И добродѣтель токмо чтитъ.
Хотя и Царь его ласкаетъ,
Онъ носа вверхъ не поднимаетъ;

Онъ видитъ, что и дубы мшисты
Крехтятъ, падутъ съ вершины горъ,
Перунъ дробитъ бугры кремнисты,
И пожигаетъ влажный боръ;
Онъ видитъ, съ бѣлыми горами
Вверхъ скачутъ съ шумомъ корабли,
Ревутъ, и черными волнами
Внутрь погребаются земли:
Онъ видитъ — и, Судьбѣ послушенъ,
Въ премѣнахъ свѣта равнодушенъ.

Онъ видитъ — и душей мужаясь,
Въ несчастіи надежды полнъ;
Подъ счастьемъ же, не утомляясь,
Въ безпечный не вдается сонъ;
Себя и ближняго покоя,

Чтитъ Бога, Вѣру и Царей;
Царствъ метафизикой не строя,
Смѣется, зря на пузырей,
Летящихъ флотомъ къ небу съ грузомъ,
И вольнымъ быть не мнитъ Французомъ.

Онъ вѣдаетъ: доколѣ страсти
Волнуются въ людскихъ сердцахъ:
Нѣтъ вольности, нѣтъ равной части
Царю въ вѣнцѣ, рабу въ цѣпяхъ;
Несетъ свое всякъ въ свѣтѣ бремя;
Другихъ всякъ жертва и тиранъ;
Течетъ въ свое природа стремя;
А сей законъ, коль вѣкъ ей данъ,
Коль ввѣкъ мы подъ страстьми стенаемъ,
Какихъ же дней златыхъ желаемъ?

Всякъ долгу рабъ. — Я не мечтаю
На воздухѣ о городахъ;
Всѣмъ счастливыхъ путей желаю
Къ Фортунѣ по льду на конькахъ.
Пускай Язонъ съ Колхиды древней (3)
Златое сбрилъ себѣ руно, —
Крезъ завладѣлъ чужой деревней, (4)
Марсъ откупъ взялъ (5) — мнѣ все равно!
Я незавидливъ на богатство
И царскихъ суммъ на святотатство. (6)

Когда Судьба качаетъ въ люлькѣ,
Благословляю часть мою;
Нѣтъ дѣлъ, — играю на бирюлькѣ, (7)
Средь Музъ съ Гораціемъ пою.
Но если бъ Царь гдѣ добрый, рѣдкой

Велѣлъ мнѣ грамотки писать,
Я бъ душу не вертѣлъ рулеткой,
А сталъ бы пнемъ, — и сталъ читать
Равно о людяхъ, о болванахъ,
О добродѣтеляхъ въ карманàхъ. (8)

А ежели бъ когда и скушно
Меня изволилъ онъ принять,
Любя его, я равнодушно
И горесть сталъ бы ощущать,
И шелъ къ нему, опять со вздоромъ, (9)
Суда и милости просить.
Равно, когда бъ и свѣтлымъ взоромъ
Со мной онъ вздумалъ пошутить,
И у меня просить прощенья:
Не заплясалъ бы съ восхищенья, (10)

Но съ разсужденьемъ удивлялся
Великодушію его.
Не вдругъ на похвалы пускался, (11)
А въ жарѣ сердца моего
Воспѣлъ его бы безъ притворства,
И въ сказочкѣ сказалъ подъ часъ:
«Ты громокъ браньми — для потомства,
Ты милъ щедротами — для насъ,
Но славы и любви содѣтель
Тебѣ — твоя лишь добродѣтель.»

Смотри и всякъ, хотя бъ чрезъ пашни
Фортуны сталъ кто впереди,
Не сплошь спускай златыхъ змѣй съ башни, (12)
И, глядя въ небо, не пади;
Держися лучше середины,

И ближнему добро твори;
Назавтра крѣпостей съ судьбины
Безсильны сами взять Цари.
Есть время, — сѣй; оно превратно:
Прошедше не придетъ обратно.

Хоть чья душа честна, любезна,
Хоть безкорыстенъ кто, уменъ;
Но коль умѣренность полезна
И тѣмъ, кто славою плѣненъ, —
Умѣй быть безъ обиды скроменъ,
Осанистъ, твердъ, но не гордецъ,
Рѣшимъ безъ скорости, спокоенъ,
Безъ хитрости ловецъ сердецъ;
Вздувъ въ ясномъ парусâ лазурѣ,
Умѣй ихъ не сронить и въ бурѣ.

---

(1) Сочинено въ Петербургѣ въ 1792 году.

(2) Относится къ Французской революціи, въ продолженіе которой мечтатели того времени искали такого государственнаго устройства, какого нѣтъ въ природѣ, ибо двухъ равныхъ предметовъ нѣтъ въ мірѣ.

(3) Здѣсь подразумѣвается Крымъ и Князь Таврическій, сдѣлавшій сіе пріобрѣтеніе необыкновеннымъ искусствомъ своей политики.

(4) Одинъ богатый и случайный человѣкъ неправильно пріобрѣлъ деревню, которая ходатайствомъ Державина по закону возвращена владѣльцу.

(5) Нѣкоторые изъ людей знаменитыхъ подвигами входили въ винные откупа.

(6) Послѣдняя Турецкая война стоила болѣе 60 мил. рублей, тогда какъ первая, подъ предводительствомъ Графа Румянцова, обошлась не болѣе 7 мил. рублей.

(7) Императрица была занята политическими и военными дѣлами въ послѣднюю Турецкую войну, неохотно

занималась гражданскими, такъ что авторъ, бывъ докладчикомъ, иногда недѣли по двѣ не входилъ съ докладами.

(8) Тутъ объясняетъ авторъ негибкость своего характера; онъ при докладахъ не вертѣлся на всѣ стороны, но читалъ, что было написано, не смотря на лица.

(9) Императрица иногда скучала, что авторъ обременялъ Ее докладами; но онъ, не смотря на то, желая доставить правосудіе и милость людямъ достойнымъ, возвращался съ тѣмъ же вздоромъ къ Монархинѣ. Такъ отмѣтилъ Державинъ; но въ запискахъ Храповицкаго мы находимъ другое объясненіе, почему Императрица отклонялась отъ докладовъ Державина. — Теща его любила вмѣшиваться въ дѣла изъ видовъ и пользовалась довѣрчивостію поэта.

(10) Случалось не рѣдко, что Императрица, признаваясь въ скоропостижномъ гнѣвѣ, просила у автора прощенья. Онъ не по своему выбору, а по собственному Ея приказанію, употребленъ былъ на производство важныхъ и весьма непріятныхъ дѣлъ, которыя лѣтъ по 20 лежали нерѣшенными.

(11) Императрица неоднократно просила автора, чтобъ онъ писалъ стихи, подобные *Фелицѣ;* но онъ съ одной стороны бывъ занятъ важными дѣлами, а съ другой въ самыхъ дѣлахъ видя пути коварные и хитрые, неохотно приступалъ къ стихотворнымъ мечтамъ золотаго вѣка; писалъ немного, и любилъ соединять поэзію съ мыслями нравоучительными, какъ и въ этой одѣ.

(12) Относится къ одному случайному царедворцу, бывшему прежде Графомъ, а потомъ и Княземъ, который иногда послѣ обѣда забавлялся, пуская бумажный змѣй съ Царскосельскихъ башенъ.

LIX.

КЪ ПЕРВОМУ СОСѢДУ. (¹)

Кого раскошными пирами
На влажныхъ Невскихъ островахъ,
Между тѣнистыми древами,
На муравѣ и на цвѣтахъ,
Въ шатрахъ Персидскихъ, златошвейныхъ,
Изъ глинъ Китайскихъ драгоцѣнныхъ,
Изъ Вѣнскихъ чистыхъ хрусталей,
Кого толь славно угощаешь
И для кого ты расточаешь
Сокровища казны твоей?

Гремитъ музыка; слышны хоры
Вкругъ лакомыхъ твоихъ столовъ;
Сластей и ананасовъ горы,
И множество другихъ плодовъ
Прельщаютъ чувства и питаютъ;
Младыя дѣвы угощаютъ,
Подносятъ вина чередой,
И Аліатико съ Шампанскимъ,
И пиво Русское съ Британскимъ,
И Мозель съ Зельцерской водой.

Въ вертепѣ мраморномъ, прохладномъ,
Въ которомъ льется водоскатъ,
На ложѣ розъ благоуханномъ,
Средь лѣни, нѣги и отрадъ,
Любовью распаленный страстной,
Съ младой, веселою, прекрасной

И нѣжной Нимфой ты сидишь:
Она поетъ, — ты страстью таешь:
То съ ней въ весельи утопаешь,
То, утомленъ весельемъ, спишь.

Ты спишь — и сонъ тебѣ мечтаетъ,
Что ввѣкъ благополученъ ты;
Что само Небо разсыпаетъ
Блаженства вкругъ тебя цвѣты;
Что Парка дней твоихъ не коситъ;
Что откупъ вновь тебѣ приноситъ
Сибирски горы серебра,
И дождь златый къ тебѣ лiется.
Блаженъ кто по утру проснется
Такъ счастливымъ, какъ былъ вчера!

Блаженъ, кто можетъ веселиться
Безпрерывно въ жизни сей!
Но рѣдкому пловцу случится
Безбѣдно плавать средь морей:
Тамъ бурны дышатъ непогоды,
Горамъ подобно гонятъ воды,
И съ пѣною песокъ мутятъ.
Петрополь сосны осѣняли;
Но, вихремъ пораженны, пали:
Теперь корнями вверхъ лежатъ.

Непостоянство доля смертныхъ;
Въ премѣнахъ вкуса счастье ихъ;
Среди утѣхъ своихъ несмѣтныхъ
Желаемъ мы утѣхъ иныхъ.
Придутъ, придутъ часы тѣ скучны,
Когда твои ланиты тучны

Престанутъ Граціи трепать;
И, можетъ быть, съ тобой въ разлукѣ,
Твоя ужъ Пенелопа въ скукѣ
Коверъ не будетъ распускать;

Не будетъ, можетъ быть, лелѣять
Судьба ужъ болѣе тебя,
И вѣтръ благопріятный вѣять
Во твой парнасъ: — береги себя!
Доколь текутъ часы златые
И не приспѣли скорби злыя,
Пей, ѣшь и веселись, сосѣдъ!
На свѣтѣ жить намъ время срочно;
Веселье то лишь непорочно,
Раскаянья за коимъ нѣтъ.

---

(1) Писано въ С.-п.-бургѣ въ 1780 году; напечатано въ Вѣстникѣ, потомъ въ 1782 въ Собесѣдникѣ.

По сосѣдству съ Державинымъ жилъ тогда на Сѣнной Курскій купецъ Михаилъ Сергѣевичъ Голиковъ, содержавшій въ то время въ С.-п.-бургѣ винные сборы; онъ жилъ весьма роскошно. Нѣкоторыми стихами Державинъ хотѣлъ обратить его къ умѣренности и осторожности.

LX.

КЪ ЛИРѢ. (1)

—

Звонкопріятная лира!
Въ древни златые дни міра
Сладкою силой твоей

Ты и боговъ и царей,
Ты и народы плѣняла.

Гласъ тихострунный твой, звоны,
Сердце прельщающи тоны
Съ дебрей, вертеповъ, степей
Птицъ созывали, звѣрей,
Холмы и дубы склоняли.

Нынѣ желѣзные ль вѣки?
Тверже кремней человѣки?
Сами не знаясь съ тобой,
Свѣтъ не плѣняютъ игрой,
Чужды красотъ доброгласья;

Доблестью чужды плѣняться,
Къ злату, къ сребру лишь стремятся,
Помнятъ себя лишь однихъ.
Слезы не трогаютъ ихъ.
Вопли сердецъ не доходятъ;

Души всѣ льда холоднѣе.
Въ комъ же я вижу Орфея?
Кто Аристонъ сей младой
Нѣженъ лицемъ и душой,
Нравовъ благихъ преисполненъ?

Кто сей любитель согласья!
Скрытый зиждитель ли счастья;
Скромный смиритель ли злыхъ?
Дней гражданинъ золотыхъ,
Истый любимецъ Астреи?

---

(1) Писано въ С.-п.-бургѣ въ 1794 году.

Ода сія относится къ Графу Зубову, въ послѣдствіи бывшему Свѣтлѣйшимъ Княземъ.

LXI.

ВЕЛЬМОЖА. (1)

Не украшеніе одеждъ
Моя днесь Муза прославляетъ,
Которое, въ очахъ невѣждъ,
Шутовъ въ вельможи наряжаетъ;
Не пышности я пѣснь пою;
Не истуканы за кристалломъ,
Въ кивотахъ блещущи металломъ,
Услышатъ похвалу мою.

Хочу достоинства я чтить,
Которыя собою сами
Умѣли титла заслужить
Похвальными себѣ дѣлами;
Кого ни знатный родъ, ни санъ,
Ни счастіе не украшали;
Но кои доблестью снискали
Себѣ почтенье отъ гражданъ.

Кумиръ, поставленный въ позоръ,
Несмысленную чернь прельщаетъ;
Но коль художниковъ въ немъ взоръ
Прямыхъ красотъ не ощущаетъ:
Се образъ ложныя молвы,
Се глыба грязи позлащенной!

И вы, безъ благости душевной,
Не всѣ ль, вельможи, таковы?

Не перлы Перскія на васъ,
И не Бразильски звѣзды, — ясны;
Для возлюбившихъ правду гласъ
Лишь добродѣтели прекрасны:
Онѣ суть смертныхъ похвала.
Калигула! твой конь въ Сенатѣ
Не могъ сіять, сіяя въ златѣ:
Сіяютъ добрыя дѣла.

Оселъ останется osломъ,
Хотя осыпь его звѣздами;
Гдѣ должно дѣйствовать умомъ,
Онъ только хлопаетъ ушами.
О! тщетно счастія рука,
Противъ естественнаго чина,
Безумца рядитъ въ господина,
Или въ шумиху дурака.

Какихъ не вымышляй пружинъ,
Чтобъ мужу бую умудриться, —
Не можно вѣкъ носить личинъ,
И истина должна открыться, (2)
Когда не свергъ въ бояхъ, въ судахъ,
Въ совѣтахъ царскихъ, сопостатовъ:
Всякъ думаетъ, что я Чупятовъ,
Въ Марокскихъ лентахъ и звѣздахъ. } (3)

Оставя скипетръ, тронъ, чертогъ,
Бывъ странникомъ, въ пыли и въ потѣ,
Великій Петръ, какъ нѣкій богъ,

Блисталъ величествомъ въ работѣ:
Почтенъ и въ рубищѣ герой!
Екатерина, въ низкой долѣ,
И не на Царскомъ бы престолѣ
Была великою женой.

И впрямь, коль самолюбья лесть
Не обуяла бъ умъ надменный:
Что наше благородство, честь,
Какъ не изящности душевны?
Я Князь — коль мой сіяетъ духъ;
Владѣлецъ — коль страстьми владѣю;
Бояринъ — коль за всѣхъ болѣю,
Царю, Закону, Церкви другъ.

Вельможу должны составлять
Умъ здравый, сердце просвѣщенно;
Собой примѣръ онъ долженъ дать,
Что званіе его священно,
Что онъ орудье власти есть,
Подпора царственнаго зданья.
Вся мысль его, слова, дѣянья
Должны быть — польза, слава, честь.

А ты, второй Сарданапалъ!
Къ чему стремишь всѣхъ мыслей бѣги?
На то ль, чтобъ вѣкъ твой протекалъ
Средь игръ, средь праздности и нѣги!
Чтобъ пурпуръ, злато всюду взоръ
Въ твоихъ чертогахъ восхищали,
Картины въ зеркалахъ дышали,
Мусія, мраморъ и фарфоръ?

На то ль тебѣ пространный свѣтъ,
Простерши раболѣпны длани,
На прихотливый твой обѣдъ
Вкуснѣйшихъ яствъ приноситъ дани,
Токай густое льетъ вино,
Левантъ — съ звѣздами кофе жирный,
Чтобъ не хотѣлъ за трудъ всемірный
Мгновенье бросить ты одно?

Тамъ воды въ просѣкахъ текутъ
И, съ шумомъ вверхъ стремясь, сверкаютъ;
Тамъ розы средь зимы цвѣтутъ,
И въ рощахъ нимфы воспѣваютъ,
На то ль, чтобы на все взиралъ
Ты окомъ мрачнымъ, равнодушнымъ,
Средь радостей казался скучнымъ,
И въ пресыщеніи зѣвалъ?

Орелъ, по высотѣ паря,
Ужъ солнце зритъ въ лучахъ полдневныхъ;
Но твой чертогъ едва заря
Румянитъ сквозь завѣсъ червленныхъ,
Едва по зыблющимъ грудямъ
Съ тобой лежащія Цирцеи
Блистаютъ розы и лилеи;
Ты съ ней покойно спишь,... а тамъ?

А тамъ — израненный герой,
Какъ лунь во браняхъ посѣдѣвшій,
Начальникъ прежде бывши твой,
Въ переднюю къ тебѣ пришедшій
Принять по службѣ твой приказъ,
Межъ челядью твоей златою,

Поникнувъ лавровой главою,
Сидитъ и ждетъ тебя ужъ часъ!

А тамъ — вдова стоитъ въ сѣняхъ, (*)
И горьки слезы проливаетъ,
Съ груднымъ младенцемъ на рукахъ
Покрова твоего желаетъ:
За выгоды твои, за честь
Она лишилася супруга;
Въ тебѣ его знавъ прежде друга,
Пришла мольбу свою принесть.

А тамъ — на лѣстничный восходъ
Прибрелъ на костыляхъ согбенный,
Безстрашный, старый воинъ тотъ,
Тремя медальми украшенный,
Котораго въ бою рука
Избавила тебя отъ смерти:
Онъ хочетъ руку ту простерти
Для хлѣба отъ тебя куска.

А тамъ — гдѣ жирный песъ лежитъ,
Гордится вратникъ галунами,
Заимодавцевъ полкъ стоитъ,
Къ тебѣ пришедши за долгами.
Проснися, Сибаритъ! — Ты спишь,
Иль только въ сладкой нѣгѣ дремлешь;
Несчастныхъ голосу не внемлешь,
И въ развращенномъ сердцѣ мнишь:

«Мнѣ мигъ покоя моего
Пріятнѣй, чѣмъ въ исторьи вѣки;
Жить для себя лишь одного,

Лишь радостей умѣть пить рѣки,
Лишь вѣтромъ плыть, гнесть чернь яриомъ;
Стыдъ, совѣсть — слабыхъ душъ тревога!
Нѣтъ добродѣтели! нѣтъ Бога!» —
Злодѣй, увы!... и грянулъ громъ.

Блаженъ народъ, который полнъ
Благочестивой вѣры къ Богу,
Хранитъ Царевъ всегда законъ,
Чтитъ нравы, добродѣтель строгу
Наслѣднымъ перломъ женъ, дѣтей,
Въ единодушіи — блаженство,
Во правосудіи — равенство,
Свободу — во уздѣ страстей!

Блаженъ народъ, гдѣ Царь главой,
Вельможи — здравы члены тѣла,
Прилежно долгъ всѣ правятъ свой,
Чужаго не касаясь дѣла;
Глава не ждетъ отъ ногъ ума,
И силъ у рукъ не отнимаетъ; ([5])
Ей взоръ и ухо предлагаетъ,
Повелѣваетъ же сама.

Симъ твердымъ узломъ естества
Коль Царство лишь живетъ счастливымъ, —
Вельможи! славы, торжества
Иныхъ вамъ нѣтъ, какъ быть правдивымъ,
Какъ блюсть народъ, Царя любить,
О благѣ общемъ ихъ стараться,
Змѣей предъ трономъ не сгибаться,
Стоять и — правду говорить.

О, Росской бодрственный народъ,
Отечески хранящи нравы!
Когда разслабъ весь смертныхъ родъ,
Какой ты не причастенъ славы?
Какихъ въ тебѣ вельможей нѣтъ? —
Тотъ храбрымъ былъ средь бранныхъ звуковъ,
Здѣсь далъ безстрашный Долгоруковъ
Монарху грозному отвѣтъ.

И въ наши вижу времена } (6)
Того я славнаго Камилла,
Котораго труды, война
И старость духъ не утомила.
Отъ грома звучныхъ онъ побѣдъ
Сошелъ въ шалашъ свой равнодушно,
И отъ сохи опять послушно
Онъ въ полѣ Марсовомъ живетъ.

Тебѣ, Герой! желаній мужъ!
Не роскошью вельможа славный,
Кумиръ сердецъ, плѣнитель душъ,
Вождь лавромъ маслиной вѣнчанный!
Я праведну здѣсь пѣснь воспѣлъ.
Ты ею славься, утѣшайся,
Борись вновь съ бурями, мужайся,
Какъ юный возносись орелъ.

Пари — и съ высоты твоей
По мракамъ смутнаго эѳира
Громовой пролети струей;
И, опочивъ на лонѣ мира,
Возвесели еще Царя.
Простри твой поздній блескъ въ народѣ,

Какъ отдаетъ свой долгъ природѣ
Румяна вечера заря!

(¹) Первыя мысли сей оды написаны были въ Саратовскихъ Колоніяхъ въ 1774 году, при горѣ Четалагаѣ, въ бытность тамъ Державина, во время Пугачевскаго возмущенія, и напечатаны подъ названіемъ *На знатность*, въ числѣ Четанскихъ одъ, въ особой книжкѣ въ 1777 году; но въ 1794 эта піеса совсѣмъ передѣлана и напечатана подъ названіемъ *Вельможи*, въ части изданія 1798 года.

(²) Когда авторъ былъ Статсъ-Секретаремъ при Императрицѣ, Она приказала ему просматривать Сенатскія меморіи и если что встрѣтится замѣчательное, докладывать Ей лично, ибо Генералъ-Прокуроръ былъ тяжко боленъ параличемъ, и не могъ исправлять своей должности. Важнѣйшія политическія обстоятельства и недостатокъ времени заставили въ послѣдствіи Императрицу приказать автору прочитывать сіи замѣчанія Оберъ-Прокурорами, дабы они, если найдутъ ихъ правильными, испрашивали отъ Сенаторовъ новыя резолюціи, и такимъ образомъ исправляли ходъ дѣлъ; если же на которыя замѣчанія не согласятся и останутся при своихъ мнѣніяхъ, тогда бы авторъ оставлялъ дѣло по ихъ мнѣніямъ, но только бы велъ у себя особую записку несогласіямъ голосовъ. Такъ почти цѣлый годъ дѣйствовалъ авторъ. Однажды, во время доклада его Государынѣ, Она сказала: «Нѣтъ, надобенъ мнѣ новый Генералъ-Прокуроръ по болѣзни стараго», и съ сими словами, быстро взглянувъ на автора, разговоръ прекратила. На другой день Князь Зубовъ присылаетъ автору записку, чтобъ онъ пріѣхалъ немедленно во дворецъ. Авторъ былъ нездоровъ и пріѣхалъ уже къ вечеру. Тутъ Князь Зубовъ съ довѣренностію сказалъ ему, что Государыня намѣрена стараго Генералъ-Прокурора уволить отъ службы, и на мѣсто его опредѣлить другаго: то кто бы по мнѣнію автора былъ способенъ къ тому. Державинъ отвѣчалъ просто, что выборъ сей зависитъ отъ Высочайшей воли. Гордый

царедворецъ не совсѣмъ былъ доволенъ такимъ отвѣтомъ, и велѣлъ Державину пріѣхать на другой день рано. На другой день онъ встрѣтилъ Державина тѣмъ, что Генералъ-Прокуроромъ опредѣленъ Графъ Самойловъ, и приказалъ явиться къ Императрицѣ. Государыня спросила Державина: «Записывалъ ли ты свои замѣчанія на Сенатскія меморіи, какъ Я тебѣ приказывала?» — «Записывалъ, Государыня.» — «Принеси ихъ ко мнѣ завтра.» — Приказаніе было исполнено. Императрица, оставивъ замѣчанія сіи нѣсколько дней у Себя, возвратила ихъ Державину, сказавъ: «Отдай ихъ новому Генералъ-Прокурору и объяви ему отъ Меня, чтобъ онъ поступалъ по нимъ, и во всѣхъ дѣлахъ совѣтовался съ тобою.» Такимъ образомъ авторъ нѣкоторое время былъ приглашаемъ по дѣламъ для совѣта, но въ послѣдствіи мѣра сія ослабѣла.

(³) Чупятовъ, Гжатскій купецъ, торговавшій при С.-п.-бургскомъ портѣ пенькою, имѣлъ несчастіе пострадать отъ пожара, и объявилъ себя банкротомъ; а для избѣжанія отъ преслѣдованій своихъ вѣрителей, притворился сумасшедшимъ и говорилъ, что Марокская Принцесса въ него влюблена, скоро выйдетъ за него замужъ, и прислала къ нему множество драгоцѣнныхъ вещей; но онѣ захвачены его недоброжелателями, а получилъ онъ только отъ ней ордена, и носилъ на себѣ разноцвѣтныя ленты и медали, присылаемыя отъ нѣкорыхъ насмѣшниковъ къ нему нарочно чрезъ почту.

(⁴) Полковникъ Костогоровъ оказывалъ многія услуги К. П., и былъ изъ числа людей, къ нему приближенныхъ. По непріятному стеченію обстоятельствъ, онъ, вступясь за начальника своего, вышелъ на поединокъ и былъ убитъ. Вдова его съ груднымъ ребенкомъ часто ходила къ К. П. по смерти мужа своего и просила помощи.

(⁵) Иногда люди сильные отнимаютъ у чиновниковъ возможность дѣйствовать по долгу ихъ званія. Авторъ извѣдалъ истину сію на опытѣ.

(⁶) Камиллъ, консулъ и диктаторъ Римскій, по миновоніи въ немъ нужды, слагалъ съ себя сіе достоинство и

жилъ въ деревнѣ. Это сравненіе относится къ Графу Румянцеву-Задунайскому, который, хотя въ это время и былъ въ званіи Фельдмаршала, но по дѣйствіямъ своихъ недоброжелателей ни чѣмъ не командовалъ и жилъ въ своихъ деревняхъ.

LXII.

КЪ К. А. ЛЬВОВУ. (¹)

Стократъ благословенъ тотъ смертный,
Кого не тяготитъ печаль,
Ни зависть потаеннымъ вздохомъ,
Ни гордость громогласнымъ смѣхомъ
Не жмутъ, не гонятъ отъ двора.

Сокрыта жизнь твоя въ деревнѣ
Течетъ теперь, о милый Львовъ!
Какъ свѣтлый межъ цвѣтовъ источникъ
Въ лѣсу дремучемъ. Пусть другіе,
Взмостясь, изъ терема глядятъ,

Какъ на златыя колесницы
Зѣваетъ чернь, какъ ратный строй
Въ глаза ей мещетъ блескъ отъ ружей,
И какъ она, волнамъ подобно,
Отъ бурь, отъ всадниковъ бѣжитъ;

Какъ витязи въ вѣкахъ позднѣйшихъ
Въ мѣди, иль мраморѣ себя
Со удивленьемъ созерцаютъ,
И плещутъ ужъ заранѣ въ длани,
Что ихъ народъ боготворитъ.

Но ты уменъ: ты постигаешь,
Что тотъ любимецъ лишь Небесъ,
Который подъ шумкомъ потока
Иль сладко спитъ, иль воспѣваетъ
О Богѣ, службѣ и любви.

Востокъ и Западъ разстилаютъ
Ему свой пурпуръ по путямъ,
Ему благоухаютъ травы,
Древесны помаваютъ вѣтви,
И свищетъ громко соловей.

За нимъ раскаянье не ходитъ
Ни между нивъ, ни по садамъ,
Ни по холмамъ, покрытымъ стадомъ,
Ни межъ озеръ и кущъ пріятныхъ;
Но всюду радость и восторгъ.

Труды крѣпятъ его здоровье;
Какъ воздухъ кровь его легка;
По утру, какъ зефиръ, летаетъ
Веселы обозрѣть работы,
А завтракать спѣшитъ въ свой домъ.

Тутъ нѣжна, милая супруга —
Какъ ленъ пушистъ, ея власы —
Снѣгоподобною рукою
Взявъ шито, брано, полотенцо,
Стираетъ потъ съ его чела;

Цалуя раскраснѣвши щеки,
На пяльцы посмотрѣть велитъ,
Гдѣ по соломѣ разной шерстью

Луга, цвѣты, пруды и рощи
Градской своей подругѣ шьетъ. (²)

«О, если бы, она вѣщаетъ,
«Могло искусство, какъ природа,
Вливать въ сердца свою пріятность:
Сіи картины наши сельски
Къ намъ нашихъ созвали бъ друзей!

«Моя подруга черноброва, (³)
Любезна, мила горожанка,
На нивахъ златомъ здѣсь плѣнившись,
Престала бъ наряжать въ шумиху
Свой въ градѣ храмовидный домъ».

«Ахъ, мила!» онъ отвѣчаетъ
Съ улыбкой и со вздохомъ ей —
«Ужель тебѣ то не извѣстно,
Что ослѣпленнымъ жизнью дворской
Природа самая мертва?»

(¹) Писано въ П.-бургѣ въ 1793 году.
(²) Супруга Львова была пріятельница первой женѣ Автора, и въ деревнѣ вышивали для ней по соломѣ кайму и картины для обоевъ П.-бургскаго ея дома.
(³) Говорится о первой женѣ Автора.

LXIII.

ПРОВИДѢНІЕ. (¹)

Изъ сада, и зимой цвѣтуща, (²)
Чертога вѣчныя весны,

Въ величествѣ земнаго Бога,
Екатерина, кинувъ взглядъ
На златобисерное небо,
На синюю Неву стоящу,
Готовую пуститься въ Бельтъ,
И обозрѣвъ вокругъ Петрополь,
Улыбкою, веснѣ подобной,
Даритъ отраду всѣмъ и жизнь;

И видя, что въ дали, въ томленьи,
Со льдами бьется человѣкъ,
Всесильный перстъ къ нему простерши,
Великъ его извлечь изъ волнъ,
Летятъ крылаты Серафимы,
Усердьемъ пламенные слуги,
И волю Божества творятъ:
Едва прошло одно мгновенье,
Уже изъ бездны водной, темной,
Изъятъ, исторгнутъ, извлеченъ.

На твердомъ берегѣ гранитномъ
Простертъ полмертвый, блѣдный трупъ,
Убогимъ рубищемъ одѣтый;
На посинѣлыхъ смерть устахъ,
И еле слышится дыханье:
Но, Провидѣніе и Благость!
Творите вы лишь чудеса.
Какъ отдыхаетъ злакъ отъ мраза,
Какъ изъ тумана всходитъ солнце,
Такъ возвращаете вы жизнь!

Ужъ теплота ліется въ жилахъ,
И внемлетъ ихъ біенье врачъ;

Ужъ по челу и по ланитамъ
Проникъ багряный огнь, — и грудь,
Какъ ссѣдшая морская пѣна,
Зефиромъ зыблется и дышетъ,
Являя чувствіе и жизнь:
Въ лицѣ прекрасномъ, юномъ, нѣжномъ,
Воскресли розы и лилеи,
И въ нихъ предстала дѣва намъ. (3)

Ведутъ ее передъ чертоги,
И вопрошаютъ съ высоты: (4)
«Кто ты? Зачѣмъ вдалась въ опасность?» —
Она отвѣтствуетъ, склонясь
(Въ очахъ ея видна невинность):
«Чтобъ искупить залогъ священный,
Родительскій послѣдній даръ, (5)
Я шла, на Бога уповая;
Я сира: мать, отецъ оставилъ....»
— «Но Я тебя воспріиму,»

Возвысила Свой гласъ Царица,
И бросила Свой свѣтлый взоръ.
Уже хитонъ, бѣлѣйшій снѣга,
И ферези драгія ей
Несутъ, — и на челѣ высокомъ
Златая лента возблистала,
Монистомъ грудь, — и въ даръ еще
Готовятъ ей богато вѣно; (6)
Въ дверяхъ женихъ, и смерть гдѣ злилась,
Тамъ торжествуетъ днесь любовь.

О, Провидѣніе! коль чудны
И благи суть твои пути!

Кто звалъ Императрицу съ трона (7)
И не велѣлъ смирять Ей Царствъ;
Взнесенны удержать перуны
Вѣсы остановить Ѳемиды,
И, опустя правленья руль,
Въ часы работы черпать воздухъ,
Чтобъ дѣву спасть? — Ты, Провидѣнье!
Въ Твоей рукѣ сердца Царей!

Ты возвратило мнѣ Плѣниру!
Тебя, всезряще Око, чту:
Когда пути мои невинны,
Когда я сердцемъ, духомъ чистъ,
И соблюсти обѣтъ мой Богу
И вѣрность сохранить Монарху
Дерзаю на извѣстный рокъ,
Теку противъ стремленья бурна:
Ты въ сѣни смертной мнѣ подпора,
А Ты, Екатерина, щитъ!

О, благодатная! коль можетъ
Творцу уподобляться тварь:
Всѣхъ болѣе имѣютъ право
Великіе на то Цари,
Когда они съ своихъ престоловъ
Громами ужасаютъ злобу,
Блаженствами дождятъ благихъ,
Отъ смерти къ животу возводятъ.
И Ты, днесь сироту ущедря,
Еще подобна Божеству.

---

(1) Сочинено въ С.-п.-бургѣ 1794 года марта 31.

Піэса сія написана на случай достопамятный. Въ последнихъ числахъ марта 1794 г. Императрица, оставивъ обыкновенные труды Свои въ кабинетѣ, вышла въ Эрмитажъ и взглянувъ на Неву, готовую вскрыться, увидѣла въ дали утопающаго человѣка и послала спасти его. Это была дѣвица: съ трудомъ привели ее въ чувство.

(²) Въ Эрмитажѣ есть зимній садъ.

(³) Это была бѣдная Охтенка.

(⁴) Императрица сама съ ней говорила съ балкона и спрашивала, для чего она рѣшилась переходить рѣку, когда она была опасна?

(⁵) Дѣвушка отвѣчала, что отецъ ея при смерти своей не оставилъ ни какого имѣнія, что мать ея умерла въ бѣдности и только благословила ея образомъ, который она и заложила для погребенія матери, а въ Великій Постъ, сколько могла, заработала, чтобы къ Свѣтлому праздникy выкупить образъ; почему и пустилась чрезъ Неву, надѣясь на Бога.

(⁶) Императрица, похваля ее за усердіе къ вѣрѣ и за благодарность къ родителямъ, приказала принесть ей всю одежду на приданое, сыскать изъ придворныхъ служителей жениха, и тутъ же ее помолвила, наградя всѣмъ нужнымъ для свадьбы и для заведенія дома.

(⁷) Въ то время готовилось въ Польшѣ возмущеніе противъ Россіи.

LXIV.

МОЙ ИСТУКАНЪ. (¹)

Готовъ кумиръ, желанный мною!
Рашетъ его изобразилъ: (²)
Онъ хитрою своей рукою
Меня и въ камнѣ оживилъ.
Готовъ кумиръ! — и будетъ чтиться

Искусство Праксителя въ немъ.
По мнѣ какою честью льститься
Въ безсмертномъ истуканѣ семъ?
Безъ славныхъ дѣлъ, гремящихъ въ мірѣ,
Ничто и Царь въ своемъ кумирѣ.

Ничто! и не живетъ тотъ смертный,
О комъ ни малой нѣтъ молвы;
Ни зломъ, ни благомъ не примѣтный,
Во гробѣ погребенъ живый.
Но ты, о звѣрскихъ душъ забава,
Убійство, я не льщусь тобой:
Батыевъ и Маратовъ слава
Во ужасъ духъ приводитъ мой;
Не лучше ли мнѣ быть забвенну,
Чѣмъ узами сковать вселенну?

Злодѣйства малаго мнѣ мало,
Большаго дѣлать не хочу;
Мнѣ скиптра Небо не вручало,
И я на Небо не ропщу.
Готовъ я управляться властью;
А если ею и стѣснюсь
Чрезъ зло: моей я низкой частью
Съ престоломъ свѣта не смѣнюсь.
Та мысль всѣхъ казней мнѣ страшнѣе:
Представить въ вѣчности злодѣя!

Злодѣй, который самолюбью
И тайной гордости своей
Всѣмъ жертвуетъ; его орудью
Преграды нѣтъ, алчбѣ цѣпей:
Внутрь совѣстью своей размученъ,

Внѣ съ радостью, губитъ другихъ;
Пусть дерзостью, удачей звученъ,
Но не великъ въ глазахъ моихъ.
Хотя бы богомъ былъ онъ злобнымъ,
Быть не хочу ему подобнымъ.

Легко зломъ міръ гремѣть заставить;
До Герострата только шагъ;
Но трудно доблестью прославить
И воцарить себя въ сердцахъ:
Вѣкъ должно — добрымъ быть намъ тщиться,
И плодъ намъ время дастъ одно;
На зло лишь только бы рѣшиться,
И вмигъ содѣлано оно,
Рѣдка на свѣтѣ добродѣтель,
И рѣдокъ благъ прямыхъ содѣтель.

Онъ рѣдокъ! — Но какая разность
Межъ славой доброй и худой?
Чтобъ имя пріобрѣсть намъ, знатность,
И той гремѣть, или другой,
Не все ль равно, когда лишь будетъ
Потомство наши знать дѣла,
И злыхъ и добрыхъ не забудетъ?
Ахъ, нѣтъ! — Природа въ насъ влила
Съ душей и отвращенье къ злобѣ,
Любовь къ добру, — и сущимъ въ гробѣ.

Мнѣ добрая пріятна слава;
Хочу я человѣкомъ быть,
Котораго страстей отрава
Безсильна сердце развратить;
Кого ни мзда не ослѣпляетъ,

Ни санъ, ни месть, ни блескъ порфиръ:
Кого лишь правда научаетъ;
Любя себя, любить весь міръ
Любовью мудрой, просвѣщенной,
По добродѣтели священной;

По ней, котора составляетъ
Вождей любезныхъ и Царей;
По ней, котора извлекаетъ
Сладчайши слезы изъ очей.
Эпаминондъ ли защититель,
Или благотворитель Титъ,
Сократъ ли, истины учитель,
Или правдивый Аристидъ:
Мнѣ всѣ ихъ имена почтенны
И истуканы ихъ священны.

Священъ мнѣ паче зракъ героевъ,
Моихъ любезныхъ согражданъ,
Предъ трономъ, на судѣ, средь боевъ
Душей великихъ Россіянъ;
Священъ! — Но если здѣсь я чести
Современныхъ не возвѣщу,
Бояся подозрѣнья въ лести:
То васъ ли, васъ ли умолчу,
О, праотцы, дѣлами славны,
Которыхъ вижу истуканы?

А если древности покровомъ
Кто предо мной изъ васъ и скрытъ,
Въ вѣнцѣ оливномъ и лавровомъ
Великій Петръ, какъ живъ, стоитъ;
Монархи мудры, милосерды,

За нимъ Отецъ Его и Дѣдъ;
Отечества подпоры тверды,
Пожарскій, Мининъ, Филаретъ ([3])
И ты, другъ правды, Долгоруковъ,
Достойны вѣчной славы звуковъ,

Достойны вы! — Но мнѣ ли права
Желать — быть-съ вами на ряду?
Чтò обо мнѣ разскажетъ слава,
Коль я безвѣстну жизнь веду?
Не спасъ отъ гибели я царства,
Царей на тронъ не возводилъ,
Не стеръ терпѣніемъ коварства,
Богатствъ моихъ не приносилъ
На жертву, въ подкрѣпленье трона,
И защитить не могъ закона.

Увы! — Почто жъ сему болвану
На свѣтѣ мѣсто занимать?
Дурную, лысу обезьяну
На смѣхъ ли дѣтямъ представлять,
Чтобъ видѣли меня потомки
Подъ паутиною въ пыли;
Рабы ступали на обломки
Мои, лежащи на земли? —
Нѣтъ! лучше быть отъ всѣхъ забвеннымъ,
Чѣмъ брошеннымъ и ввѣкъ презрѣннымъ.

Разбей же, мой второй создатель,
Разбей мой истуканъ, Рашетъ!
Румянцова лица ваятель ([4])
Себѣ мной чести не найдетъ:
Разбей!... или, постой немного:

Поищемъ, нѣтъ ли дѣлъ какихъ,
По коимъ бы, хотя не строго
Судя о качествахъ моихъ,
Ты могъ отвѣтствовать вселенной
За трудъ, надъ мною понесенной.

Поищемъ!... Нѣтъ. — Мои бездѣлки
Безумно столько уважать;
Дѣла обыкновенно мелки,
Чтобъ насъ заставить обожать;
Хотя бъ я съ плѣнныхъ снялъ желѣзы,
Законъ и правду сохранилъ,
Отеръ сиротски, вдовьи слезы,
Невинныхъ оправдатель былъ,
Органъ Монаршихъ благъ и міра, — (5)
Не стоилъ бы и тутъ кумира.

Не стоилъ бы: всѣ знаки чести
Дозволены самимъ себѣ;
Плоды тщеславія и лести,
Монархъ! постыдны и Тебѣ.
Желаетъ хвалъ благодаренья
Лишь низкая себѣ душа,
Живущая изъ награжденья:
По смерти слава хороша;
Заслуги въ гробѣ созрѣваютъ,
Герои въ вѣчности сіяютъ.

Но если дѣлъ и не имѣю,
За что бъ кумиръ мнѣ посвятить:
Въ достоинство вмѣнить я смѣю,
Что зналъ достоинства я чтить;
Что могъ изобразить Фелицу,

Небесну благость во плоти;
Что пѣлъ я Россовъ ту Царицу,
Какой другой намъ не найти
Ни днесь, ни впредь, въ пространствѣ міра:
Хвались моя, хвались тѣмъ, лира!

Хвались! — и образъ мой скудельной
Въ храмъ славы возноси съ собой:
Ты можешь быть столь дерзновенной,
Коль, тихой нѣкогда слезой
Ты взоръ кропя Екатерины,
Могла пріятною Ей быть;
Взносись и достигай вершины,
Чтобы на ней меня вмѣстить,
Завистниковъ моихъ къ досадѣ,
Въ Ея прекрасной колонадѣ! (6)

На твердомъ, мраморномъ помостѣ,
На мшистыхъ сводахъ межъ столповъ,
Въ мѣди, въ величественномъ ростѣ,
Подъ сѣнью райскихъ вкругъ деревъ,
Поставь со славными мужами!
Я стану съ важностью стоять;
Какъ отъ зарей всякъ день лучами,
Отъ свѣтлыхъ Царскихъ лицъ блистать, (7)
Недвижимъ вихрями, ни громомъ,
Подъ ихъ Божественнымъ покровомъ.

Прострется облакъ благовонный —
Коврами вкругъ меня цвѣты....
Постой, піитъ, восторга полный!
Высоко залетѣлъ ужъ ты:
Въ пыли валялись и Омиры;

Потомство — грозный судія:
Оно разсматриваетъ лиры;
Услышитъ гласъ и твоея,
И пальмы взвѣситъ, и перуны,
Кому твои гремѣли струны.

Увы! легко случиться можетъ,
Поставятъ и тебя льстецомъ:
Кого днесь тайно злоба гложетъ,
Тотъ будетъ завтра въявъ врагомъ.
Трясутъ и троны люди злые:
То, можетъ быть, и твой кумиръ
Черезъ рѣшетки золотыя
Слетитъ и разсмѣшитъ весь міръ,
Стуча съ крыльца ступень съ ступени,
И скатится въ древесны тѣни.

Почто жъ позора ждать такова?
Разбей, Рашетъ, мои черты!
Разбей!... Нѣтъ, нѣтъ! еще полслова
Позволь сказать себѣ мнѣ ты.
Пусть тотъ, кто съ бо́льшимъ дарованьемъ
Могъ добродѣтель прославлять,
Съ усерднѣйшимъ, чѣмъ я стараньемъ
Желать добро и исполнять,
Пусть тотъ, не медля, и рѣшится, —
И мой кумиръ имъ сокрушится.

Я радъ Отечества блаженству;
Дай больше Небо таковыхъ,
Россійской силы къ совершенству,
Сыновъ ей вѣрныхъ и прямыхъ!
Опредѣленія судьбины

Тогда исполнятся во всемъ:
Доступимъ міра мы средины;
Съ Гангеса злато соберемъ; (8)
Гордыню усмиримъ Китая,
Какъ кедръ, нашъ корень утверждая.

Тогда, каменосѣчецъ хитрый!
Кумиры твоего рѣзца
Живой струей испустятъ искры
И въ внучатахъ возжгутъ сердца.
Смотря на образъ Мараѳона,
Зальется Ѳемистоклъ слезой;
Отдастъ Арману Петръ полтрона, (9)
Чтобъ править научилъ другой;
Въ ихъ урнахъ Фениксы взродятся,
И въ слѣдъ ихъ славы воскрилятся.

А ты, любезная супруга!
Межъ тѣмъ возьми сей истуканъ;
Спрячь для себя, родни и друга,
Его въ серпяной твой диванъ;
И съ бюстомъ тамъ своимъ, мнѣ милымъ,
Предъ зеркаломъ ихъ въ рядъ поставь,
Во знакъ, что съ сердцемъ справедливымъ
Не скрытъ нашъ всѣмъ и видѣнъ нравъ.
Что слава? Счастье намъ прямое —
Жить съ нашей совѣстью въ покоѣ.

---

(1) Сочинено въ Петербургѣ въ 1794 году.

(2) Рашетъ, ваятель, сдѣлалъ изъ мрамора первый бюстъ автора съ непокровенною головою; второй былъ сдѣланъ въ шапкѣ и шубѣ съ портрета, писаннаго славнымъ Тончи; третій бюстъ былъ сдѣланъ уже въ ста-

рости Державина, въ обыкновенной домашней его одеждѣ, въ халатѣ и колпакѣ.

(³) Въ 1793 году, когда Польскій Король подписалъ договоръ съ Россіею, по силѣ котораго утверждалась зависимость Польши отъ Россіи, Императрица, обрадованная симъ политическимъ событіемъ, говорила о семъ автору, который ей сказалъ на то: «Счастливы Вы, Государыня, что у Короля Польскаго нѣтъ такихъ вельможъ, каковъ былъ Филаретъ; а если бъ былъ хотя одинъ подобный ему, то договоръ не былъ бы подписанъ.»

(⁴) Графа Румянцова-Задунайскаго статуя во весь ростъ, сдѣланная Рашетомъ по заказу Графа Петра Васильевича Завадовскаго, поставлена была у него въ домѣ въ знакъ уваженія и благодарности къ сему полководцу. Завадовскій служилъ въ канцеляріи Румянцова и писалъ донесенія о битвахъ, по которымъ и сдѣлался извѣстенъ Императрицѣ. Это было основаніемъ его счастія.

(⁵) Стихи сіи оправданы событіями. Державинъ освободилъ около полуторы тысячи человѣкъ плѣнныхъ поселенцевъ, захваченныхъ Киргизами; потомъ, служа сенаторомъ, старался по возможности давать истинную цѣну слезамъ вдовъ и сиротъ, что̀ извѣстно въ дѣлахъ по представленнымъ его мнѣніямъ. При торжествѣ же мира съ Турками, онъ читалъ у трона объявленіе о семъ событіи и о награжденіи отличившихся въ заслугахъ, и такъ былъ органомъ благъ и мира.

(⁶) Въ Царскосельскомъ саду, въ колоннадѣ, устроенной Камерономъ, между столбами установлены бюсты знаменитыхъ мужей; между ними находятся бюсты Ломоносова и Сумарокова, по назначенію Екатерины Великой.

(⁷) Въ Камероновой Колоннадѣ Императрица часто прогуливалась; подъ вечеръ бывали тутъ и небольшіе балы, составленные изъ приближенныхъ особъ ко Двору.

(⁸) Императрица одинъ разъ объяснилась при авторѣ: «Я не желала бы умереть прежде, пока не выгонимъ Турокъ изъ Европы, то есть, пока не доступимъ средины

міра, не учредимъ торга съ Индіею, не соберемъ золота съ Гангеса и не усмиримъ гордыню Китая.»

(9) Когда Петръ I былъ въ Парижѣ, то, увидѣвъ бюстъ Ришелье, обнялъ его и сказалъ: «Великій мужъ! еслибъ ты былъ у Меня, Я бы тебѣ отдалъ половину Моего царства, съ тѣмъ, чтобы ты научилъ Меня править другою.» Насмѣшники примолвили: «Тогда бы онъ отнялъ у тебя и другую!»

LXV.

ЛАСТОЧКА. (1)

О, домовитая ласточка!
О, милосизая птичка!
Грудь краснобѣла, касаточка,
Лѣтняя гостья, пѣвичка!
Ты часто по кровлямъ щебечешь,
Надъ гнѣздышкомъ сидя, поешь;
Крылышками движешь, трепещешь,
Колокольчикомъ въ горлышкѣ бьешь.
Ты часто по воздуху вьешься,
Въ немъ смѣлые круги даешь;
Иль стелешься долу, несешься,
Иль въ небѣ, простряся, плывешь.
Ты часто во зеркалѣ водномъ
Подъ рдяной играешь зарей,
На зыбкомъ лазурѣ бездонномъ
Тѣнью мелькаешь твоей.
Ты часто, какъ молнія, рѣешь
Мгновенно туды и сюды;

Сама за собой не успѣешь
Невидимы видѣть слѣды;
Но видишь тамъ всю ты вселенну,
Какъ будто съ высотъ на коврѣ;
Тамъ башню, какъ жаръ позлащенну,
Въ чешуйчатомъ флотъ тамъ сребрѣ;
Тамъ рощи въ одеждѣ зеленой,
Тамъ нивы въ вѣнцѣ золотомъ,
Тамъ холмъ, синій лѣсъ отдаленной,
Тамъ мошки толкутся столпомъ,
Тамъ гнутся съ утеса въ понтъ воды,
Тамъ ластятся струи къ брегамъ.
Всю прелесть ты видишь природы,
Зришь лѣта роскошнаго храмъ;
Но видишь и бури ты черны,
И осени скучной приходъ,
И прячешься въ бездны подземны,
Хладѣя зимою, какъ ледъ.
Во мракѣ лежишь бездыханна; —
Но только лишь прійдетъ весна,
И роза вздохнетъ лишь румяна,
Встаешь ты отъ мертваго сна;
Встанешь, откроешь зѣницы —
И новый лучъ жизни ты пьешь;
Сизы расправя косицы,
Ты новое солнце поешь.

Душа моя! гостья ты мира,
Не ты ли перната сія? —
Воспой же безсмертіе, лира!
Возстану, возстану и я;

Возстану — и въ безднѣ эфира
Увижу ль тебя я, Плѣнира?

(¹) Сочинено въ Петербургѣ въ 1794 году въ память первой жены автора, урожденной Бастидоновой. Она погребена въ Александро-Невской Лаврѣ, на Лазаревскомъ кладбищѣ. На памятникѣ ея начертана эпитафія, сочиненная Державинымъ:

Гдѣ добродѣтель? гдѣ краса?
Кто мнѣ слѣды ея примѣтитъ?
Увы!... Здѣсь дверь на небеса
Сокрылася, да солнце встрѣтитъ.

LXVI.

ПРИГЛАШЕНІЕ КЪ ОБѢДУ. (¹)

Шекснинска стерлядь золотая,
Каймакъ и борщъ уже стоятъ;
Въ графинахъ вина, пуншъ, блистая
То льдомъ, то искрами манятъ;
Съ курильницъ благовонья льются,
Плоды среди корзинъ смѣются,
Не смѣютъ слуги и дохнуть;
Тебя стола вкругъ ожидая,
Хозяйка статная, младая
Готова руку протянуть.

Прійди, мой благодѣтель давный, (²)
Творецъ чрезъ двадцать лѣтъ добра!
Прійди, — и домъ, хоть не нарядный,
Безъ рѣзьбы, злата и сребра,

Мой посѣти: его богатство —
Пріятный только вкусъ, опрятство,
И твердый мой, нельстивый нравъ.
Прійди отъ дѣлъ попрохладиться,
Поѣсть, попить, повеселиться
Безъ вредныхъ здравію приправъ.

Не чинъ, не случай и не знатность
На русскій мой простой обѣдъ
Я звалъ, — одну благопріятность;
А тотъ, кто дѣлаетъ мнѣ вредъ,
Пирушки сей не будетъ зритель.
Ты, Ангелъ мой благотворитель!
Прійди, и насладися благъ;
А вражій духъ да отженется,
Моихъ пороговъ не коснется
Ни чей недоброхотный шагъ!

Друзьямъ моимъ я посвящаю,
Друзьямъ и красотѣ сей день;
Достоинствамъ я цѣну знаю,
И знаю то, что вѣкъ нашъ тѣнь;
Что лишь младенчество проводимъ,
Уже ко старости приходимъ,
И смерть къ намъ смотритъ чрезъ заборъ:
Увы! то какъ не умудриться,
Хоть разъ цвѣтами не увиться
И не оставить мрачный взоръ!

Слыхалъ, слыхалъ я тайну эту,
Что иногда грустить и Царь;
Ни ночь, ни день покоя нѣту,
Хотя имъ вся покойна тварь.

Хотя онъ громкой славой знатенъ,
Но, ахъ! и тронъ всегда ль пріятенъ
Тому, кто вѣкъ свой въ хлопотахъ?
Тутъ зритъ обманъ, тамъ зритъ упадокъ:
Какъ бѣдный часовой тотъ жалокъ,
Который вѣчно на часахъ!

И такъ, доколь еще ненастье
Не помрачаетъ красныхъ дней,
И приголубливаетъ счастье,
И гладитъ насъ рукой своей;
Доколѣ не пришли морозы,
Въ саду благоухаютъ розы, —
Мы поспѣшимъ ихъ обонять.
Такъ! будемъ жизнью наслаждаться,
И тѣмъ, чѣмъ можемъ утѣшаться, —
По платью ноги протягать.

А если ты, иль кто другіе
Изъ званыхъ, милыхъ мнѣ гостей, (²)
Чертоги предпочтя златые
И яства сахарны Царей,
Ко мнѣ не срядитесь откушать:
Извольте мой вы толкъ послушать:
Блаженство не въ лучахъ порфиръ,
Не въ вкусѣ яствъ, не въ нѣгѣ слуха,
Но въ здравьи и спокойствѣ духа.
Умѣренность есть лучшій пиръ.

(¹) Писано въ Петербургѣ въ 1795 году.

(²) Этотъ призывъ относится къ Ивану Ивановичу Шувалову и покойному Графу Безбородко, которые въ этотъ день обѣдали у автора.

(⁵) Между прочими былъ званъ Князь П. А. Зубовъ и обѣщалъ пріѣхать, но незадолго предъ обѣдомъ прислалъ сказать, что не можетъ быть: слѣдующій куплетъ относится къ нему.

LXVII.

СОЛОВЕЙ. (¹)

—

На холмѣ, сквозь зеленой рощи,
При блескѣ свѣтлаго ручья,
Подъ кровомъ тихой майской нощи,
Вдали я слышу соловья.
По вѣтрамъ легкимъ, благовонным,
То свистъ его, то звонъ летитъ;
То шумомъ заглушаемъ воднымъ!
Вздыханьемъ сладостнымъ томитъ.

Пѣвецъ весеннихъ дней пернатый,
Любви, свободы и утѣхъ!
Твой гласъ отрывный, перекаты
Отъ грома къ нѣжности, отъ нѣгъ
Ко плескамъ, трескамъ и перунамъ,
Средь позднихъ, раннихъ красныхъ зарь,
Раздавшись неба по лазурямъ,
Въ безмолвіе приводятъ тварь.

Молчитъ пустыня, изумленна,
И ловитъ громъ твой жадный слухъ;
На крыльяхъ эха раздробленна
Плѣняетъ пѣснь твоя всѣхъ духъ.
Тобой цвѣтущій долъ смѣется,
Дремучій лѣсъ пускаетъ гулъ,

Рѣка бѣгущая чуть льется,
Стоящій холмъ чело нагнулъ,

И, свѣсь со скалы кремнистой,
Густокудрява мрачна ель,
Напѣвъ твой яркій, голосистой
И разсыпную, звонку трель,
Какъ очарованна, внимаетъ.
Не смѣетъ двинуться луна,
И свѣтъ свой слабо ниспускаетъ:
Восторга мысль моя полна!

Какая громкость, живость, ясность
Въ созвучномъ пѣніи твоемъ,
Стремительность, пріятность, каткость
Между колѣнъ и перемѣнъ!
Ты щелкаешь, крутишь, поводишь,
Журчишь и стонешь въ голосахъ;
Въ забвенье души ты приводишь,
И отзываешься въ сердцахъ,

О, если бы одну природу
Съ тобою взялъ я въ образецъ,
Воспѣлъ боговъ, любовь, свободу:
Какой бы славный былъ пѣвецъ!
Въ моихъ бы пѣсняхъ жаръ и сила
И чувства были, вмѣсто словъ;
Картину, мысль и жизнь явила
Гармонія моихъ стиховъ.

Тогда бъ, подобно Тимотею,
Въ шатрѣ Персидскомъ я возлегъ,
И сладкой лирою моею

Царево сердце двигать могъ:
То, вспламеня любовной страстью,
Къ Таисѣ бы его склонялъ;
То, возбудя грозой, напастью,
Копье ему на брань вручалъ.

Тогда бы я между прудами
На мягку мураву возсѣлъ,
И арфы съ тихими струнами
Пріятность сельской жизни пѣлъ;
Тогда бы Нимфа мнѣ внимала,
Боясь въ зерцало водъ взглянуть,
Сквозь дымку бы едва дышала
Ея высока, нѣжна грудь;

Иль храбрыхъ Россіянъ дѣлами
Плѣнясь бы, духомъ возлеталъ,
Героевъ полкъ надъ облаками
Въ сіяньѣ звѣздъ я созерцалъ:
О, коль бы ихъ воспѣлъ я сладко,
Гремя поэзіей моей
Отважно, быстро, плавно, кратко,
Какъ ты, о, дивный соловей!

---

(1) Сочинено въ Петербургѣ въ 1794 году.

LXVIII.

ПАВЛИНЪ. (1)

Какое гордое творенье,
Хвостъ пышно расширяя свой,

Чернозелены въ искрахъ перья
Со разсыпною бахрамой
Позать чешуйной груди кажетъ,
Какъ нѣкій круглый, дивный щитъ?

Лазурно-сизо-бирюзовы
На каждаго концѣ пера
Тѣнисты круги, волны новы
Струиста злата и сребра:
Наклонитъ — изумруды блещутъ!
Повернетъ — яхонты горятъ!

Не то ли славный царь пернатый? (¹)
Не то ли райска птица Жаръ,
Которой столь уборъ богатый
Приводитъ въ удивленье тварь?
Гдѣ ступитъ — радуги играютъ!
Гдѣ станетъ — тамъ лучи вокругъ!

Конечно, сила и паренье
Орлиныя въ ея крылахъ;
Гласъ трубный, лебедино пѣнье
Въ ея пресладостныхъ устахъ;
А пеликана добродѣтель
Въ ея и сердцѣ, и душѣ!

Но что за чудное явленье?
Я слышу нѣкій странный визгъ!
Сей Фениксъ опустилъ вдругъ перья,
Увидя гнусность ногъ своихъ.
О, пышность! какъ ты ослѣпляешь!
И баринъ безъ ума — павлинъ.

(¹) Сочинено въ Петербургѣ въ 1795 году.

(*) Царь пернатый-орелъ. Жаръ-птица по Русскому баснословію сіяетъ перьями.

LXIX.

БОГИНѢ ЗДРАВІЯ. (¹)

Здравья Богиня благая,
Вѣкъ ты со мною, Гигея, живи!
Въ дни живота моего
Мнѣ ты сопутницей будь!
Если обилье склабится смертнымъ;
Если гордятся они правовластнымъ
Блескомъ богатства;
Если любови страстны желанья стремятся
Къ сладкимъ утѣхамъ на лоно;
Если на отчи глаза
Слезы младенецъ нѣжны манитъ;
Ежели боги на насъ съ высоты
Дождь благодати кропятъ разновидный;
Если спокойство отшельныхъ,
Скромна насъ жизнь веселитъ....
Всякая радость съ тобой благовоннѣй цвѣтетъ
Если жъ, богиня, ты отступаешь:
Благо съ тобой все уходитъ отъ насъ.

(¹) Переведено въ 1795 г. съ нѣмецкаго перевода одного изъ древнихъ греческихъ писателей.

LXX.

ГОРѢЛКИ. (1)

—

На поприщѣ сей жизни склизкомъ
Всѣ люди бѣгатели суть:
Въ теченьи дальнемъ, или близкомъ
Они къ метѣ своей бѣгутъ,

И сильный тамо упадаетъ,
Свой кончить бѣгъ гдѣ не желалъ:
Лежитъ; но спорника, мечтаетъ,
Коль не споткнулся бы, догналъ,

Надеждой, самолюбья дщерью,
Весь возбуждается сей свѣтъ;
Всякъ рвенье прилагаетъ къ рвенью,
Чтобъ у переднихъ взять передъ.

Хоть дѣтской сей игрѣ, забавѣ,
И насмѣхается мудрецъ;
Но гордый духъ летитъ ко славѣ
И святъ ему ея вѣнецъ.

Сіе ристалище отличій,
Соревнованіе честей —
Источникъ и творецъ величій
И обожаніе людей.

Она изящнаго содѣтель;
Великолѣпенъ имъ сей свѣтъ:
Превозможенье, добродѣтель,
Лишь имъ крѣпится и растетъ.

О, вы, рожденные Судьбою
Вождями Росскимъ воямъ быть,
Примѣры подавать собою
И плески міра заслужить

Дерзайте! Рвеніе полезно,
Гдѣ предстоитъ вамъ славы видъ;
Но больше праведно, любезно,
Кто милосердьемъ знаменитъ.

Екатеринѣ подражая,
Ея стяжайте вы вѣнецъ:
Она, добротами плѣняя,
Царица подданныхъ сердецъ.

---

(1) Горѣлки—любимая русская простонародная игра. Стихотвореніе это написано по слѣдующему случаю. Однажды Державинъ въ Царскомъ Селѣ, докладывая по дѣламъ Императрицѣ, пробылъ у ней до 6 часа по полудни и, вышедши отъ Государыни для исполненія Ея повелѣній, пошелъ потомъ въ садъ, гдѣ и увидѣлъ Ее, сидящую въ задумчивости подъ тѣнію деревъ. Приближенные къ Ней старались развеселить Государыню и начали играть въ горѣлки. Товарищъ автора, Турчаниновъ, просилъ его убѣдительно по малочисленности кавалеровъ стать въ рядъ играющихъ, на что Державинъ и согласился, но, побѣжавъ за Великими Князьями, поскользнулся, упалъ и вывихнулъ ногу. Великіе Князья, Александръ Павловичъ и Константинъ Павловичъ, подняли его почти безъ чувствъ и сами отвели въ комнату, гдѣ старались подать ему всевозможную помощь. Въ продолженіе шести недѣль Державинъ не могъ выйти изъ комнаты и по этой причинѣ удалился отъ Двора и опредѣленъ въ сенаторы.

LXXI.

ХРАПОВИЦКОМУ. (1)

Товарищъ давній, вновь сосѣдъ, } (2)
Пріятный, острый Храповицкій!
Ты умный мнѣ даешь совѣтъ,
Чтобы Владычицѣ Киргизской
Я пѣсни пѣлъ
И лирой Ей хвалы гремѣлъ.

Такъ, такъ! за средственны стишки
Мониста, гривны, ожерелья,
Безцѣнны перстни, камешки
Я бралъ съ Нея бы за бездѣлья,
И былъ гудкомъ,
Давно Мурза съ большимъ усомъ.

Но ежели наложенъ долгъ
Мнѣ отъ Судебъ и вышня трона,
Чтобъ не лучистый милый богъ
Съ высотъ лазурна Геликона
Меня внушалъ,
Но я экстракты бъ сочинялъ;

Былъ чтецъ и пономарь Ѳемиды,
И Ей служилъ предъ алтаремъ, —
Какъ омофоромъ отъ обиды
Однихъ покрывъ, другихъ мечемъ
Своимъ страшитъ,
И счастье всѣмъ Она даритъ:

То какъ Я. . . . . оставить, (3)
Котораго весь міръ тѣснитъ?
Какъ Л. . . . . . . дать оправить, (4)
Который золотомъ гремитъ?
Боговъ пѣвецъ
Не будетъ никогда подлецъ.

Ты самъ со временемъ осудишь
Меня за мглистый ѳиміамъ;
За правду жъ чтить меня ты будешь:
Она любезна всѣмъ вѣкамъ;
Въ Ея вѣнцѣ
Свѣтлѣетъ Царское лице.

---

(1) Писано въ Петербургѣ 1793 года.

(2) Храповицкій, Александръ Васильевичъ, Статсъ-Секретарь, потомъ Сенаторъ, былъ товарищемъ Державина въ Экспедиціи Государственныхъ Доходовъ, а сосѣдомъ по комнатѣ въ Царскомъ Селѣ, въ то время, когда Державинъ былъ также Статсъ-Секретаремъ у Императрицы. Храповицкій былъ уважаемъ какъ искусный писатель и пріятный стихотворецъ. Онъ сочинилъ оперу: *Пѣснолюбіе,* въ которой много игривости и остроумія. Императрица по замѣчаніямъ его исправляла Свои оперы, а иногда поручала ему прибавлять къ нимъ куплеты.

(3) То есть, Генерала Якобія, бывшаго Генералъ-Губернаторомъ въ Сибири, котораго дѣло разсматривалъ Державинъ, и много способствовалъ къ его оправданію. Якобій, по недоброжелательству къ нему сильныхъ лицъ, былъ очерненъ клеветою. Даже Императрица почитала его преступникомъ, но, прочитавъ о немъ записку Державина, потребовала къ Себѣ все дѣло, которое по обширности привезли на возу. Сама разсматривала всѣ бумаги и, убѣдясь въ невинности Якобія, Сама возложила на него Александровскую ленту.

(4) То есть, какъ Логинова дать оправить. Логиновъ былъ откупщикъ и впалъ въ преступленія: дѣло его разсматривалось также Державинымъ.

LXXII.

УРНА. (1)

Сраженнаго косой Сатурна,
Кого средь воющихъ здѣсь рощъ (2)
Печальная сокрыла урна
Во мрачну, непробудну нощь?
Кому на ней чудесъ картина
Во мраморѣ изражена?
Крылатый жезлъ, котурнъ, личина,
Рѣзецъ и съ лирой кисть видна! (3)

Надъ кѣмъ сей мавзолей священный
Вкругъ отѣняетъ кипарисъ,
И лира гласы шлетъ плачевны?
Кто Меценатъ, иль Медицисъ (4)
Тутъ орошается слезами?
Чьи блѣдныя лица черты
Луной блистаютъ межъ вѣтвями?
Кто зрится мнѣ? — Шуваловъ, ты!

Ахъ, ты! — Могу ль тебя оставить
Безъ благодарной пѣсни я?
Тебя ли мнѣ, тебя ль не славить?
Я твой питомецъ и — судья. (5)
О, нѣтъ! — Ужъ Муза возлетаетъ

Моя ко облакамъ златымъ,
Въ слѣдъ выспреннихъ пѣвцевъ дерзаетъ
Воспѣть тебѣ надгробный гимнъ.

Смерть мужа праведна, — прекрасна!
Какъ умолкающій органъ,
Какъ лучъ послѣдній солнца ясна
Блистаетъ, тонетъ въ океанъ:
Подобно въ неизмѣрны бездны,
Отъ міра тлѣннаго спѣша,
Летитъ сквозь миріады звѣздны
Блаженная твоя душа;

Или, какъ странникъ, путь опасный
Прошедшій межъ стремнинъ и горъ,
Змѣй слыша свистъ, львовъ ревъ ужасный
Позадъ себя во тмѣ, и взоръ
Отъ зубъ ихъ отвратя, взбѣгаетъ
Съ весельемъ на высокій холмъ:
Отъ міра духъ твой возлетаетъ
Такъ къ вѣчности въ прекрасный домъ.

Коль тѣнь и прообразованье
Небеснаго сей дольный міръ,
Съ высотъ лазурныхъ восклицанье
И сладкое согласье лиръ
Я слышу; вижу: душъ блаженныхъ
Полки встрѣчать тебя идутъ!
Въ эѳирныхъ ризахъ, позлащенныхъ,
Торжественную пѣснь поютъ:

«Гряди къ намъ, новый неба житель!
И, отрясая прахъ земной,

Войди въ нетлѣнную обитель,
И съ высоты ея святой
Воззри на долъ твой смертный, слезный,
На жизнь твою и наконецъ
За подвиги твои полезны
Пріими возмездія вѣнецъ!

«Ты бѣдныхъ былъ благотворитель,
И — вѣчныхъ насладися благъ;
Ты просвѣщенья былъ любитель,
И — Божества сіяй въ лучахъ;
Ты поощрялъ пѣть славу Россовъ,
Ты чтилъ Петра, Елисаветъ: (6)
Внимай, какъ звучно Ломоносовъ
Здѣсь славу вѣчную поетъ!

Поэзіи безсмертно пѣнье
На небесахъ и на земли;
Тотъ будетъ гробъ у всѣхъ въ почтеньѣ,
Надъ коимъ лавры расцвѣли.
Науки сѣялъ благотворной
Рукой, и возвращалъ, любя:
Свѣтъ отъ лампады благовонной
Возблещетъ вѣчно чрезъ тебя.

Планета ты, что̀ съ солнца міра
Лучи бросала на другихъ;
Ты въ славѣ не являлъ кумира;
Ты видѣлъ смертныхъ, слышалъ ихъ. (7)
Картина ты, которой тѣни
Не рама въ золотѣ — хвала;
Великолѣпіе — для черни;
Для благородныхъ душъ — дѣла.

Но мраченъ, теменъ сердца свитокъ:
Въ немъ скрыты нашихъ чувствъ черты;
Оселокъ честности — прибытокъ:
На немъ блисталъ, какъ злато, ты. ([8])
Какъ полное мастикъ кадило,
Горя, другимъ ты запахъ далъ;
Какъ полное лучей свѣтило,
Ты дарованья озарялъ.

О, сколько юношей тобою ([9])
Познанія пріяли свѣтъ!
Какою пламенной струею
Сей свѣтъ въ потомство протечетъ!
Надъ царедворцевой могилой,
Надъ вождемъ молненосныхъ грозъ,
Когда раздастся вздохъ унылой —
Сверкнетъ здѣсь искра нѣжныхъ слезъ,

Стой, урна, вѣчно невредима,
Шувалова являя видъ!
Будь лирами піитовъ чтима:
Въ тебѣ предстатель ихъ сокрытъ.
Внуши, тверди его доброты
Сей надписью вельможамъ въ слухъ:
«Онъ жилъ для всенародной льготы
И покровительства Наукъ.» ([10])

([1]) Писано въ С.-п.-бургѣ 1797 года по случаю кончины Ивана Ивановича Шувалова.

([2]) Подъ видомъ Сатурна представляли время; а въ урнахъ древніе хранили прахъ сожженныхъ тѣлъ.

([3]) Крылатый жезлъ или Меркуріевъ кадуцей — знакъ наукъ. Котурнъ—обувь на высокихъ каблукахъ, употреб-

лялась Греками въ трагедіяхъ; въ личинахъ или маскахъ представлялись комедіи; рѣзецъ — орудіе ваятелей и кость, принадлежность живописцевъ, соединены здѣсь для показанія, что Шуваловъ былъ покровителемъ наукъ и художествъ.

(4) И Медицисъ, и Меценатъ были нѣкогда покровителями способностей и дарованій. Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, можно сказать, шелъ путями ихъ. Занимая степень вельможи, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ и Оберъ-Каммергеръ Шуваловъ былъ учредителемъ и Кураторомъ Московскаго Университета, первымъ директоромъ Академіи Художествъ, и пользовался особенною милостію Государыни Елисаветы Петровны.

(5) Подъ вѣдѣніемъ и начальствомъ Шувалова Державинъ воспитывался въ Казанской Гимназіи, которая подчинена была Московскому Университету; въ послѣдствіи же времени, когда уже Державинъ былъ сенаторомъ, И. И. Шуваловъ имѣлъ весьма значительную тяжбу съ Графомъ А. И. Пушкинымъ: обѣ тяжущіяся стороны положились на посредничество Державина и онъ кончилъ сіе дѣло миролюбно ко взаимному удовольствію обѣихъ сторонъ.

(6) Шуваловъ покровительствовалъ дарованіямъ и упражненіямъ въ словесности. Онъ былъ благодѣтелемъ и другомъ Ломоносова. Шуваловъ былъ въ перепискѣ и съ Вольтеромъ, которому, по соизволенію Императрицы Елисаветы, поручено было написать исторію Петра Великаго, а Ломоносову поручено было Шуваловымъ разсмотрѣніе Вольтерова труда, на который Ломоносовъ и представилъ свои замѣчанія.

(7) Шуваловъ выслушивалъ всякаго, и даже самыхъ бѣднѣйшихъ людей, къ нему приходившихъ: рѣдкое и высокое качество, трудное и для самаго исполнителя.

(8) Стремленіе къ прибытку обнаруживаетъ свойства человѣка такъ же, какъ на оселкѣ испытывается качество металла.

(9) Въ бытность Ивана Ивановича Шувалова Курато-

ромъ Московскаго Университета, это учебное заведеніе уже процвѣтало: многіе въ его время воспользовались симъ источникомъ просвѣщенія и съ отличіемъ служили государству; изъ числа ихъ извѣстенъ Князь Потемкинъ и другіе. Вообще изъ Университета выходили достойнѣйшіе чиновники.

(10) Во время Императрицы Елисаветы былъ весьма сильный вельможа, двоюродный братъ Ивана Ивановича Шувалова. Сей вельможа обязанъ былъ возвышеніемъ своимъ женѣ своей, Марьѣ Егоровнѣ, и, бывъ пристрастенъ къ любостяжанію, вошелъ въ разные откупа, таможенный, лѣсной, винный и другіе. За незначащее корчество по винному откупу закономъ опредѣлялась тогда жестокая пытка и ссылка на каторгу. Иванъ Ивановичъ, видя поступки брата своего, открыто дѣйствовалъ противъ него и въ то же время просилъ Императрицу объ отмѣнѣ вообще мучительнаго и безчеловѣчнаго учрежденія, отъ котораго столь много и часто проливалась кровь невинная. Онъ всячески домогался, чтобы смертной казни у насъ не было; имѣя же главною цѣлію истинную славу своего отечества, ни о чемъ такъ не заботился, какъ о распространеніи нравственнаго просвѣщенія. Академія Художествъ учреждена по его представленію и заботливости о пользѣ искусствъ.

LXXIII.

ОБЪ УДОВОЛЬСТВІИ. (1)

—

Прочь, буйна чернь, непросвѣщенна,
И презираемая мной!
Прострись вкругъ тишина священна!
Плѣнилъ меня восторгъ святой!
Высоку пѣснь и дерзновенну,

Неслыханну и невнушенну,
Я слабымъ смертнымъ днесь пою:
Всякъ преклони главу свою!

Сидятъ на тронахъ возвышенны
Надъ всей вселенною Цари;
Ужасной стражей окруженны,
Подъемля скиптры, судятъ при;
Но Богъ есть вышній и надъ ними:
Блистая молньями Своими,
Онъ свергъ гигантовъ съ горнихъ мѣстъ,
И перстомъ водитъ хоры звѣздъ.

Пусть занялъ юными древами
Тотъ область цѣлую подъ садъ;
Тотъ гордъ породою, чинами;
Предъ тѣмъ полки рабовъ стоятъ,
А сей звучитъ трубой военной;
Но въ урнѣ рока неизмѣрной,
Кто малъ и кто великъ, забвенъ;
Своимъ всякъ жребьемъ надѣленъ.

Когда мечъ острый, обнаженный,
Злодѣя надъ главой виситъ,
Обиліемъ отягощенный
Его столъ вкусный не прельститъ;
Ни нѣжной цитры гласъ звенящій,
Ни птицъ весеннихъ хоръ гремящій
Ужъ чувствъ его не усладятъ,
И крѣпка сна не возвратятъ:

Сонъ сладостный не презираетъ
Ни хижинъ бѣдныхъ поселянъ,

Ниже дубравъ не убѣгаетъ,
Ни низменныхъ, ни тихихъ странъ,
На коихъ по колосьямъ нивы
Подъ тѣнью облаковъ игривый
Перебирается Зефиръ,
Гдѣ царствуетъ покой и миръ.

Кто хочетъ только, что̀ лишь нужно,
Тотъ не заботится никакъ,
Что море взволновалось бурно;
Что, огненный вращая зракъ,
Медвѣдица низходитъ въ бездны; (²)
Что левъ, на сводъ несяся звѣздный,
Отъ гривы сыплетъ вкругъ лучи;
Что блещетъ молнія въ ночи;

Не безпокоится, что градомъ
На холмахъ виноградъ побитъ;
Что проливныхъ дождей упадомъ
Надежда, цвѣтъ полей не льститъ;
Что жретъ и мразъ, и зной жестокій
Поля, лѣса, а тамъ въ глубоки
Моря отломки горъ валятъ,
И рыбъ въ жилищахъ ихъ тѣснятъ.

Здѣсь тонетъ зиждущихъ плотину
Работниковъ и зодчихъ тма,
Затѣмъ, что стали Властелину
На сушѣ скучны терема;
Но и средь волнъ въ чертоги входитъ
Страхъ; грусть и тамъ Вельможъ находитъ;
Рой скукъ за кораблемъ жужжитъ,
И въ слѣдъ за всадникомъ летитъ.

Когда ни мраморы прекрасны
Не утоляютъ скорби мнѣ,
Ни пурпуръ, что̀, какъ облакъ ясный,
На свѣтлой блещетъ вышинѣ;
Ни грозды, сокомъ наполненны,
Ни вина, вкусомъ дра̀гоцѣнны,
Ни благовоньяароматъ
Минуты жизни не продлятъ:

Почто жъ великолѣпьемъ пышнымъ,
Удобнымъ зависть возраждать,
По новымъ чертежамъ отличнымъ
Огромны зданья созидать?
Почто спокойну жизнь, свободну,
Мнѣ всѣмъ пріятну, всѣмъ довольну,
И сельскій домикъ мой — желать
На свѣтлый блескъ Двора мѣнять?

(¹) Подражаніе Горацію (книги 3 ода 1); писано въ С.-п.-бургѣ 1798 года. Между одами Державина находится нѣсколько подражаній Горацію.

(²) Медвѣдица и Левъ имена созвѣздій, названныхъ такъ для отличія ихъ вида отъ прочихъ.

LXXIV.

НА ВОРОЖБУ. (¹)

Не любопытствуй запрещеннымъ
Халдейскимъ мудрованьемъ знать:
Какая есть судьба рожденнымъ,

И сколь намъ долго проживать?
Полезнѣе о томъ не вѣдать
И не гадать, что̀ будетъ впредь;
Ни лиха, ни добра не бѣгать,
А принимать, что̀ ни придетъ.

Пусть боги свыше посылаютъ
Жестокій зной, иль лютый мразъ;
Пусть бури грозы повторяютъ,
Иль грянетъ громъ въ послѣдній разъ:
Что нужды? — Будь мудрѣй, чѣмъ прежде;
Въ прокъ винъ не запасай драгихъ;
Обозрѣвай крилѣ надеждѣ
По краткости ты дней своихъ,

Такъ! время злое быстротечно
Летитъ межъ тѣмъ, какъ говоримъ;
Щипли жъ веселіе сердечно
Съ тѣхъ розъ, на кои мы глядимъ;
Красуйся дня сего благими;
Пей чашу радости теперь;
Не льстись горами золотыми
И будущему дню не вѣрь.

(¹) Подражаніе Горацію (кн. 1, ода 2); сочинено въ С.-п.-бургѣ 1798 года.

LXXV.

ПОХВАЛА СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ. (¹)

—

Блаженъ, кто, удалясь отъ дѣлъ,
Подобно смертнымъ первороднымъ,

Оретъ отеческій удѣлъ
Не откупнымъ трудомъ, — свободнымъ,
На собственныхъ своихъ волахъ;

Кого ужасный гласъ, отъ сна
На брань, трубы не возбуждаетъ,
Морская не страшитъ волна,
Въ судъ ябеда не призываетъ
И господамъ не бьетъ челомъ;

Но садитъ онъ въ саду своемъ
Кусты и овощи цвѣтущи,
Иль дикихъ древъ, кривымъ ножемъ,
Обрѣзавъ пни и, плодъ дающи,
Черенья прививаетъ къ нимъ;

Иль зритъ вдали ходящій скотъ,
Рычащій въ вьющихся долинахъ;
Иль перечищенную льетъ
И прячетъ патоку въ кувшинахъ,
Или стрижетъ своихъ овецъ;

Но осень, какъ главу въ поляхъ,
Гордясь, съ плодами возвышаетъ,
Какъ радъ, что рветъ ихъ на вѣтвяхъ,
Привитыхъ имъ, — и посвящаетъ
Даръ Богу, пурпура краснѣй.

На брегѣ ли въ травѣ густой,
Подъ дубъ ли древній онъ ложится:
Въ лѣсу гамъ птицъ, съ скалы крутой,
Журча, къ нему ручей стремится,
И все наводитъ сладкій сонъ.

Когда жъ гремящій въ тучахъ Богъ
Покроетъ землю всю снѣгами,
Звѣрей онъ ищетъ слѣдъ и логъ;
Тамъ зайца гонитъ, травитъ псами,
Здѣсь ловитъ волка въ тенета;

Иль тонкіе въ гумнахъ силки
На куропатокъ разставляетъ,
На рябчиковъ въ кустахъ пружки!
О, коль пріятну получаетъ
Награду за свои труды!

Но будетъ ли любовь притомъ
Со прелестьми ея забыта,
Когда прекрасная лицомъ
Хозяйка мила, домовита,
Печется о его дѣтяхъ?

Какъ ею, русскихъ честныхъ женъ
По древнему обыкновенью,
Весь бытъ хозяйскій снаряженъ!
Домъ теплъ, чистъ, свѣтлъ и къ возвращенью
Съ охоты мужа столъ накрытъ:

Бутылка добраго вина,
Въ прокъ пива русскаго варена,
Съ гренками коновка полна,
Изъ коей клубомъ лѣзетъ пѣна,
И се уже обѣдъ готовъ.

Горшокъ горячихъ, добрыхъ щей,
Копченый окорокъ подъ дымомъ:
Обсаженный семьей моей,

Средь коей самъ я господиномъ,
И тутъ-то вкусенъ мнѣ обѣдъ!

А какъ жаркой еще баранъ
Младой, къ Петрову дню блюденый,
Капусты сочныя качанъ,
Пирогъ, груздями начиненный,
И нѣсколько молочныхъ блюдъ:

Тогда-то устрицы, го-гу,
Всѣхъ мушелей заморскихъ грузы,
Лягушки, фрикасе, рагу,
Чѣмъ окормляютъ насъ Французы,
И ужъ ничто не вкусно мнѣ.

Межъ тѣмъ пріятно изъ окна
Зрѣть карду съ тучными волами: (²)
Кобылъ, коровъ, овецъ полна;
Дворъ рѣзвыми кишитъ рабами:
Какъ веселъ таковой обѣдъ! —

Такъ откупщикъ вчерась судилъ,
Сбираясь быть поселяниномъ;
Но правежемъ долги лишь сбрилъ,
Остался паки мѣщаниномъ,
А нынѣ деньги отдалъ въ ростъ.

(¹) Подражаніе Горацію, сочинено въ С.-п.-бургѣ 1798 г.

(²) Кардой называются въ низовыхъ губерніяхъ зимнія загороды для скота, куда пускаютъ его въ ясный день на вольный воздухъ.

LXXVI.

ПОХВАЛА ЗА ПРАВОСУДІЕ. ([1])

—

Кто сей изъ смертныхъ дерзновенной,
За правый судъ что̀ возжелалъ
Вѣнца отъ Истины священной
И лиры моея похвалъ?
Кто сей, стяжалъ который право
Людей сердечны сгибы знать:
Что̀ свято въ нихъ, и что̀ лукаво,
Во внутренности душъ читать?
Кто думаетъ на лица сильныхъ
Не зрѣть, и на мольбы друзей?
Отъ красоты очесъ умильныхъ
Щититься должности броней?
Кто блескомъ не прельстился злата,
Въ груди сіяющей звѣздой?
Кому взглядъ Царскій, ихъ палата,
Магнитной не были стрѣлой?
Кто забывалъ враговъ обиды,
Отъ мести отвращалъ свой взоръ?
Противны, благосклонны виды,
Кому не вкрались въ приговоръ?
Кто хладно зрѣлъ на пиръ, забаву,
Подъ сѣнью роскоши не млѣлъ,
Заслуживать мірскую славу
И презирать ее умѣлъ;
Здоровья не щадя, сквозь ночи
Просиживалъ за грудой книгъ;

Отеръ невинныхъ слезны очи,
И путь пресѣкъ ко злобѣ злыхъ?
Кто, слабость смертныхъ ощущая,
Соблюлъ законовъ строгій долгъ,
Себя во ближнемъ осуждая,
Былъ въ купѣ человѣкъ и Богъ?
Не онъ ли есть зерцало чести?
Не онъ ли образецъ судей?
Премудръ, и глухъ ко гласу лести,
Не проситъ похвалы ни чьей. —
Такъ, Князь! держись и ты сихъ правилъ, (2)
И вѣрь, что похвала — мечта:
Счастливъ, коль отличаетъ Павелъ
И совѣсть у тебя чиста!

---

(1) Сочинено въ С.-п.-бургѣ въ 1798 году.

(2) Князь Иванъ Андреевичъ Шаховской, бывъ при Императорѣ Павлѣ Генералъ-Аудиторомъ, долженъ былъ оканчивать военносудныя дѣла весьма скоро и даже въ срокъ. Въ семъ случаѣ требовалось особенной осмотрительности и благоразумія, чтобы выполнить долгъ справедливости и угодить скоростію въ исполненіи, почему и сказано авторомъ:

Счастливъ, коль отличаетъ Павелъ
И совѣсть у тебя чиста!

LXXVII.

БУРЯ. (1)

Судно, по морю носимо,
Рѣетъ между черныхъ волнъ;

Бѣлы горы идутъ мимо:
Въ шумѣ ихъ надеждъ я полнъ.

Кто изъ тучъ бѣгущій пламень
Гаситъ надъ моей главой?
Чья рука за твердый камень
Малый челнъ заводитъ мой?

Ты, Творецъ, Господь всесильный,
Безъ Котораго и власъ
Не погибнетъ мой единый,
Ты меня отъ смерти спасъ!

Ты мнѣ жизнь мою прибавилъ!
Весь мой духъ Тебѣ открытъ;
Въ сонмъ вельможъ меня поставилъ:
Будь средь нихъ мой вождь и щитъ.

(¹) Писано въ Петербургѣ въ 1794 году, въ воспоминаніе бури, претерпѣнной авторомъ въ 1785 году на Бѣломъ Морѣ, и на пожалованіе его въ 1793 году Сенаторомъ. Когда авторъ былъ Олонецкимъ Гражданскимъ Губернаторомъ, тогдашній Генералъ-Губернаторъ, по непріязни къ нему, воспользовался осеннимъ временемъ и прислалъ ему повелѣніе отправиться немедленно въ село Кемь, при Бѣломъ Морѣ, и по Высочайшему повелѣнію открыть тамъ городъ. Тамъ еще не было ни штатной команды, ни опредѣленныхъ судей; ни Присутственныхъ мѣстъ; проѣздъ въ сіе время сухимъ путемъ, особливо осенью, по непроходимымъ болотамъ, былъ крайне затруднителенъ и опасенъ, а моремъ по безпрерывнымъ осеннимъ бурямъ и по мелкости судовъ, какія тамъ употребляются, весьма ненадеженъ; но выполнить повелѣніе начальства было необходимо и авторъ его исполнилъ. Пріѣхавъ въ Кемь, онъ велѣлъ отыскать священника, ко-

тораго съ трудомъ нашли; приказалъ отслужить обѣдню, обойти селеніе со крестомъ и святою водою и наконецъ послалъ о томъ рапортъ по начальству. Отправясь обратно на шестивесельной рыбачьей лодкѣ, Державинъ намѣренъ былъ проѣхать въ Соловецкій монастырь, но поднялась ужасная буря и онъ, не доѣхавъ 15 верстъ до монастыря, долженъ былъ, при сильномъ вѣтрѣ, подъ громомъ и молніею, возвратиться и совершенно бы погибъ, если бы по волѣ Провидѣнія буря не занесла лодку за большой камень, при которомъ Державинъ и переночевалъ среди моря.

LXXVIII.

ХРАПОВИЦКОМУ. (1)

Храповицкій! дружбы знаки
Вижу я къ себѣ твои:
Ты ошибки, лесть и враки
Кажешь праведно мои;
Но съ тобой не соглашуся
Я лишь въ томъ, что я орелъ. (2)

А по твоему коль станетъ,
Ты мнѣ путы развяжи;
Гдѣ сводобно громъ мой грянетъ,
Ты мнѣ небо покажи;
Гдѣ я въ поприще пущуся
И препонъ бы не имѣлъ?

Гдѣ чертогъ найду я правды?
Гдѣ увижу солнце въ тмѣ?
Покажи мнѣ ты ограды

Хоть близъ трона въ вышинѣ,
Чтобъ гдѣ правду допущали
И любили бы ее.

Страха связаннымъ цѣпями
И рожденнымъ подъ жезломъ,
Можно ль орлими крылами
Къ солнцу намъ парить умомъ?
А хотя бъ и возлетали, —
Чувствуемъ ярмо свое.

Должны мы всегда стараться,
Чтобы сильнымъ угождать,
Ихъ любимцамъ поклоняться,
Словомъ, взглядомъ ихъ ласкать.
Рабъ и похвалить не можетъ:
Онъ лишь можетъ только льстить.

Извини жъ, мой другъ, коль лестно
Я кого гдѣ воспѣвалъ:
Днесь скрывать мнѣ тѣхъ безчестно,
Разъ кого я похвалилъ.
За слова — меня пусть гложетъ,
За дѣла — сатирикъ чтитъ.

---

(1) Сочинено въ С.-п.-бургѣ въ 1797 году.

(2) Храповицкій, Статсъ-Секретарь Императрицы Екатерины, а потомъ Сенаторъ, называлъ автора Юпитеровымъ орломъ, и однажды, въ порывѣ восторга, даже называлъ его и Зевесомъ. Въ это самое время молнія сверкнула съ ослѣпительнымъ блескомъ, ударилъ страшный громъ, и оба, поэтъ и его превозноситель, побѣжали въ бесѣдку укрыться отъ грозы. На другой день Державинъ написалъ Храповицкому:

«Какъ ты назвалъ меня Зевесомъ,
Отъ имя Божья грянулъ громъ,
Я въ страхѣ скрылся подъ навѣсомъ,
И бью тебѣ, мой другъ, челомъ,» и проч.

LXXIX.

КОЛЕСНИЦА. (¹)

Течетъ златая колесница
По расцвѣтающимъ полямъ;
Сѣдящій, правящій возница,
По конскимъ натянувъ хребтамъ
Блестящи вожжи, держитъ стройно,
Искусствомъ сравнивая ихъ,
И въ дальнемъ поприщѣ спокойно
Осаживая скокъ однихъ,
Другихъ же къ бѣгу побуждая,
Прилежно взорами блюдетъ;
Къ одной мѣтѣ ихъ направляя,
Грозитъ бичемъ, иль имъ ихъ бьетъ.
Животныя, отважны, горды,
Подъ хитрой ѣздока уздой
Лишенны дикія свободы
И сопряженны межъ собой,
Едину волю составляютъ,
Взаимной силою везутъ;
Хоть подъ ярмомъ себя считаютъ,
Но ставя славой общій трудъ,
Другой нагнувъ волнисты гривы,

Бодрятся, рѣзвятся, бѣгутъ,
Великолѣпный и красивый
Видъ колесницѣ придаютъ.
Возница вожжи ослабляетъ,
Смиренствомъ коней убѣдясь;
Вздремалъ, — и тутъ въ расплохъ мелькаетъ
Надъ ними черна тѣнь, віясь,
Коварныхъ врановъ, своевольныхъ:
Кричатъ и, потемняя путь,
Пужаютъ коней толь покойныхъ.
Дрожатъ, храпятъ, ушьми прядутъ,
И, стиснувъ сталь во рту зубами,
Изъ рукъ возницы вожжи рвутъ,
Бросаются, и прахъ ногами
Какъ вихорь подъ собою вьютъ;
Какъ стрѣлы, изъ лука пущенны,
Летятъ они во весь опоръ.
Отъ сна возницы возбужденный,
Поспѣшно открываетъ взоръ....
Уже колеса позлащенны
Какъ огнь, сквозь пыль кружась, гремятъ:
Ѣздокъ, ихъ шумомъ устрашенный,
Вращая поблѣднѣлый взглядъ,
Хватаетъ вожжи, но ужъ поздно:
Зоветъ по именамъ коней,
Кричитъ и ихъ смиряетъ грозно;
Но ужъ они его рѣчей
Не слушаютъ, не понимаютъ,
Не знаютъ голоса того,
Кто ихъ любилъ, кормилъ, — пыхаютъ
И звѣрски взоры на него

Бросаютъ страшными огнями.
Ужъ дымъ съ ихъ жаркихъ мордъ валитъ,
Со ребръ ліется потъ рѣками,
Со спинъ паръ облакомъ летитъ,
Со броздъ крова пѣна клубомъ
И волны отъ копытъ текутъ,
Уже, въ жару ярясь сугубомъ,
Другъ друга жмутъ, кусаютъ, бьютъ,
И по распутьямъ мчась въ разстройствѣ,
Какъ бы волшебствомъ обуявъ,
Рвутъ збрую въ злобномъ своевольствѣ,
И цѣли своея не знавъ,
Крушатъ подножье, ось, колеса:
Возница падаетъ подъ нихъ.
Безъ управленья, перевѣса,
И колесница въ мигъ,
Какъ лодка, бурей устремленна
Безъ кормщика, снастей, средь волнъ,
Разломанна и раздробленна
Въ ровъ мрачный вержется вверхъ дномъ.

Раззбруенные Буцефалы,
Томясь отъ жажды, отъ алчбы,
Чрезъ камни, пни, бугры, забралы
Несутся, скачутъ на дыбы
И, чтò ни встрѣтятъ, сокрушаютъ.
Отвсюду слышенъ вопль и стонъ;
Кровавы рѣки протекаютъ;
По стогнамъ мертвыхъ милліонъ!
И въ толь остервененьи лютомъ,
Всѣ силы сами потерявъ,

Сверкая по лѣсамъ грохочетъ,
Онъ рыщетъ, скачетъ, пищи хочетъ,
И межъ древесъ
Озѣтя агницу смиренну,
Прыгнувъ, разверзъ ужъ челюсть гнѣву...
Исчезъ! исчезъ.

Явись!
И быстъ.
Средь гладкихъ океана стклянымхъ,
Зарею утренней румяныхъ,
Спокойныхъ нѣдръ,
Голубосизый, солнцеокой
Усатый, тучный, рыбій князь,
Осетръ,
Изъ влаги появясь глубокой,
Пернатой лыстью вкругъ струясь,
Сквозь водну дверь глядитъ, гуляетъ...
Но тутъ ужасный звѣрь всплываетъ
Къ нему изъ безднъ:
Стремитъ въ свои водъ рѣки трубы, (²)
И какъ серпы занесъ ужъ зубы...
Исчезнь! исчезъ.

Явись!
И быстъ.
Съ долины мирныя, зелены
Въ полудни лебедь, вознесенный
Подъ облака,
Веселый гласъ свой ниспускаетъ.
Его долина, роща, холмъ,
Рѣка

Стократно эхомъ повторяетъ...
Но тутъ, какъ быстрый съ свистомъ громъ,
На рамена его сребристы
Орелъ прожорливый, когтистый
Упалъ съ небесъ:
Клюетъ, терзаетъ, бьетъ крылами,
И пухъ летитъ какъ снѣгъ полями...
Исчезнь! исчезъ.

Явись!
И бысть.
Спустилось солнце; вечеръ темный
Открылъ на небѣ милліоны
Горящихъ звѣздъ.
Огнисты, легки метеоры
Слетаютъ блещущимъ клубкомъ
Отъ мѣстъ
Превыспреннихъ, — и въ мракѣ взоры,
Какъ искры, веселятъ огнемъ:
Одна на домъ тутъ упадаетъ,
Раздута вѣтромъ, зажигаетъ,
И въ пламѣ городъ весь!
Столбомъ дымъ, жупелъ въ воздухъ вьется,
Пожаръ, какъ рдяны волны, льется...
Исчезнь! исчезъ.

Явись!
И бысть.
Торговый гость, смотря на счеты,
Отъ жажды къ злату и заботы
Хотя дрожитъ
Товарищей надъ барышами,

Въ паи дѣля товары ихъ;
Но бдитъ
И ползаетъ надъ чертежами
Всечасно странствіемъ морскихъ.
Въ очкахъ его всезряще око
Ужъ судно зритъ въ моряхъ далеко
Сквозь сладкихъ слезъ:
На немъ вздутъ парусъ, флагъ, дымъ, пламень,
Близъ пристани подводный камень...
Исчезнь! исчезъ.

Явись!
И бысть.
Оратай нивъ трудолюбивый,
Богобоязный, терпѣливый,
Проливъ свой потъ,
Ходя подъ зноемъ за сохою,
И тукомъ угобзя бразды,
Ждетъ годъ
Отъ брошенныхъ его рукою
Сѣмянъ собрать себѣ плоды.
Златымъ колосья сокомъ полны,
Уже колеблются, какъ волны,
И тѣнь небесъ
Его трудъ правый осѣняетъ;
Но градъ изъ тучи упадаетъ....
Исчезнь! исчезъ.

Явись!
И бысть.
Чета младая новобрачныхъ —
Въ златыхъ, блистающихъ, безмрачныхъ,

Цѣпяхъ своихъ —
Любви въ блаженствѣ утопаетъ;
Преодолѣвъ препятства всѣ,
Женихъ
Отъ радости въ восторгѣ таетъ,
И въ плѣнъ отдавшися красѣ,
Забывъ на ложѣ прежни скуки,
Въ уста ее цѣлуетъ, въ руки,
И средь завѣсъ
Коснулся ужъ забавъ рукою;
Но блещетъ смерть надъ нимъ косою...
Исчезнь! исчезъ.

Явись!
И бысть.
Отважный, дерзкій вождь, счастливый,
Чрезъ свой пронырливый, кичливый
И твердый духъ
Противны разметавъ знамены,
И на чело свое собравъ
Вокругъ
Съ народовъ многихъ лавръ зеленый,
И Царскія права поправъ,
Въ чаду властолюбивой страсти
У всей народной силы, власти
Взялъ перевѣсъ;
Гражданъ не внемлетъ добрыхъ стону,
Простеръ десницу на корону....
Исчезнь! исчезъ.

Не обавательный ль, волшебный,
Магическій, сей міръ, фонарь,

Гдѣ видны тѣни перемѣнны;
Гдѣ веселяся ими Царь,
Иль Магъ какой, волхвъ непостижный,
Въ своихъ намѣреньяхъ обширный,
Планетъ кругъ тайно съ высоты
Единымъ перстомъ обращаетъ
И земнородныхъ призываетъ
Мечтами быть, иль зрѣть мечты?

Почто жъ, о, смертный дерзновенный,
Невѣжда средь своихъ наукъ,
Летая мыслями надменный,
Иль ползая въ пыли, какъ жукъ,
Бѣжишь ты счастья за мечтами,
Толь преходящими предъ нами,
Бывъ гостемъ, позваннымъ на пиръ?
Не лучше ль блескомъ ихъ не льститься;
Но Зодчему Тому дивиться,
Кто создалъ столь прекрасный міръ?

Такъ будемъ, будемъ равнодушно
Мы зрительми Его чудесъ,
Что рокъ велитъ, творитъ послушно,
Забавой бывъ другихъ очесъ:
Пускай тотъ управляетъ нами,
Кто движетъ солнцами, звѣздами:
Онъ знаетъ ихъ и нашъ конецъ!
Велитъ — я возвышаюсь;
Речетъ — я понижаюсь.
Сей міръ мечты: ихъ Богъ творецъ!

(¹) Сочинено въ С.-п.-бургѣ въ 1804 году; напечатано

въ журналѣ: *Другъ Просвѣщенія* и потомъ въ изданіи 1808 года.

(²) Перестановка словъ, вмѣсто *Стремитъ въ свои трубы рѣки водъ*. — Поэтъ говоритъ о китахъ, набирающихъ въ ноздри и выкидывающихъ воду, подобно водометамъ.

LXXXI.

МУЖЕСТВО. (¹)

Что привлекательнѣй очамъ,
Какъ не огня во тмѣ блистанье?
Что восхитительнѣе намъ,
Когда не солнечно сіянье?
Что драгоцѣннѣй злата есть
Средь всѣхъ сокровищъ нашихъ тлѣнныхъ!
Межъ добродѣтелей отмѣнныхъ
Чья мужества превыше честь?

Въ лучахъ, занятыхъ отъ порфиръ,
Видалъ наперсниковъ я счастья;
Зрѣлъ удивляющія міръ
Могущество и самовластье;
Сребра зрѣлъ горы на столахъ,
Вельможъ надменность, роскошь, пышность,
Прельщающую сердце лишность;
Но умъ прямыхъ не зрѣлъ въ нихъ благъ.

При улыбаньи красоты,
Подъ сладкогласіемъ музыки,
Волшебныхъ игръ и дивъ мечты

Меня плѣняли пляски, лики;
Но посреди утѣхъ такихъ,
Какъ чувства въ нѣгѣ утопали,
Мои желанія искали
Какихъ-то общихъ благъ — моихъ.

Пальмиры пышной и Аѳинъ
Гдѣ были празднества, позоры,
Тамъ нынѣ средь могилъ, пустынь,
Слѣды звѣрей встрѣчаютъ взоры.
Увы! въ мѣста унынья, скукъ
Чтó красны зданья превратило?
Уединенье водворило
Чтò въ храмахъ вкуса и наукъ?

Не злымъ ли зубомъ стеръ ихъ Кронъ?
Не хищны ль варваровъ набѣги?
Нѣтъ! нѣтъ! Великихъ душъ уронъ,
Когда въ объятья вверглись нѣги,
Ко злату въ цѣпи отдались:
Вмигъ доблести презрѣнны стали,
Подъ тяжестью пороковъ пали,
Имперьи въ прахѣ погреблись.

О, если бъ храбрый Леонидъ
Понынѣ и Зиновія жили,
Не премѣнился бъ царствъ ихъ видъ;
Величія бъ примѣромъ были.
Но жаръ какъ духа потушенъ,
Какъ бѣдность пресмыкаться стала,
Увидѣли Сарданапала
На тронѣ съ прялицей межъ женъ.

Италіи честь, художествъ цвѣтъ,
Остатки древностей безцѣнны!
Безъ Римлянъ, побѣждавшихъ свѣтъ,
Гдѣ вы? гдѣ? — Галломъ похищенны! (³)
Безъ бодрственной одной главы,
Чѣмъ вознеслась Собійсковъ слава, (³)
Ставъ женъ Цитерою, Варшава
Ужъ не соперница Москвы.

Укрась чело кто звѣздъ вѣнцемъ
И обладателемъ будь міра,
Какъ радуга сіяй на немъ
Багряновидная порфира;
Но если духъ въ немъ слабъ, — полковъ,
Когортъ его всѣ громы мертвы;
Вожди безъ духа — страховъ жертвы
И суть рабы своихъ рабовъ.

Такъ доблесть, сердца правота,
Огонь души небесъ священный,
Простѣйшихъ нравовъ высота,
Духъ крѣпкій; сильный, но смиренный,
Творецъ величествъ на земли!
Тобою вои побѣждаютъ,
Судьи законы сохраняютъ,
Счастливо царствуютъ Цари.

Тобой преславный родъ Славянъ
Владыкой сдѣлался полсвѣта,
Господь осьми морей, тмы странъ;
Душа его, тобой нагрѣта.
Какихъ вновь дивъ не сотворитъ?

Тамъ Гермогенъ, какъ Регулъ, страждетъ;
Ильинъ, какъ Децій, смерти жаждетъ; (4)
Рязановъ Гаму замѣнитъ. (5)

Одушевляй Россійску грудь
Всегда, о, мужество священно!
Присутственно и впредь намъ будь
Во время скромно, время гнѣвно.
Взлетимъ коль оперенны мы
Твоими страшными крылами:
Кто встанетъ противъ насъ?—Богъ съ нами!
Мы вспѣнимъ Понтъ, тряхнемъ холмы!..

---

(1) Начато въ 1797 году, когда въ Павловскомъ случилась пустая тревога. Кончено въ 1804 году.

(2) Когда Италія была завоевана Французами, тогда Наполеонъ, прежній Консулъ Франціи, а потомъ Императоръ, приказалъ всѣ рѣдкія произведенія художествъ вывести въ Парижъ.

(3) Янъ (Хоанъ) Собіесскій, Король Польскій, спасъ Вѣну отъ осады Турокъ.

(4) Ильинъ, Флота Лейтенантъ, первый на брандерѣ зажегъ Турецкій флотъ подъ Чесмою; въ послѣдствіи Ильинъ былъ отставленъ и награжденъ пенсіею по 300 рублей въ годъ, что и составляло все его пропитаніе. По смерти Ильина сестра его осталась безъ куска хлѣба; но когда одинъ изъ учителей Кадетскаго Корпуса, Гераковъ, описалъ сей случай, свѣдѣніе о семъ дошло до Императора Александра, и тогда пенсія Ильина была пожалована сестрѣ его.

(5) Рязановъ, Оберъ-Прокуроръ Сената и Каммергеръ, по собственному желанію отправленъ былъ на корабляхъ Американской Компаніи въ качествѣ Русскаго Посланника въ Японію въ 1803 году, и объѣхалъ почти вокругъ свѣта; но на возвратномъ пути, по непріятностямъ, съ нимъ случившимся на одномъ кораблѣ, не вынесъ свое-

го положенія, и, не доѣхавъ до Петербурга, умеръ на дорогѣ.

LXXXII.

ДѢВА ЗА АРФОЮ. (¹)

Владѣющимъ твоимъ перстамъ,
О, дѣва! арфы надъ струнами,
Обезтѣлесенъ, обездушенъ,
Я будто истуканъ стою.
Царица жизни ты и смерти,
Силъ правишь тысячьми, какъ Магъ!

Благоговѣя, чуть шумитъ
Вкругъ воздухъ, на тебя приникши;
Ко пѣнью твоему прикованъ
Стоитъ, кружася въ вихрѣ, вѣкъ,
И тмы веселія въ безмолвьи
Природы всей къ тебѣ влечетъ.
Волшебница! одно твое воззрѣнье,
Одинъ твой звукъ — плѣнитъ всю тварь.

И звоны, полные души,
Со струнъ роскошно устремленны,
Какъ Серафимы вновь раждаясь,
Изъ неба порхаютъ, блестятъ;
И какъ, истекши изъ хаоса
И вихремъ зиждущимъ взнесясь,
Изъ мрака солнцы возсіяли:
Твоихъ такъ гласовъ токъ златый.

Пріятно, — какъ сребристый ключъ,
Журча, по камышкамъ катится;
Великолѣпно, важно, — вдругъ
Какъ грома съ облаковъ органы;
Стремительно — вдали съ утеса
Какъ шумный, пѣнистый потокъ;
Отрадно — какъ межъ липъ
Тѣнистыхъ, благовонныхъ,
И шепчущихъ осинъ
Влюбленны вѣтерки дыхаютъ;
Уныло, мрачно, тяжело, —
По мертвымъ дебрямъ какъ ужасный шорохъ ночи;
И вой, протяжно исчезая,
Влечется слезною Коцитовой волной.

Но, стой и мнѣ повѣдай, дѣва:
Въ связи ль съ духами ты небесъ?
И тотъ ли ихъ языкъ въ Едемѣ,
Музыка коимъ говоритъ?

Завѣса отъ очесъ упала!
Затворы слуха отперлись.
О, дѣва! — я дышу живѣе:
Иль огнь эѳирный, очищая,
Ужъ вихремъ выспрь меня несетъ?
Мелькаютъ сквозь небесъ раздранныхъ
Младыхъ духовъ мнѣ въ солнцахъ троны:
За гробомъ утрення заря!
Прочь, прочь, съ понятьемъ насѣкомыхъ,
Кощуны, прочь! — есть Богъ!

(1) Сочиненіе Шиллера, подъ именемъ *Лаура*, переведено съ нѣмецкаго въ 1806 году.

LXXXIII.

ОЛЕНИНУ. (1)

Обычьевъ Русскихъ, вида, чувства,
Моей поэзьи Изографъ,
Чьего и славный Бритъ искусства (2)
Не снесъ, красѣ возревновавъ; (3)
Въ чьемъ рашкулѣ, мѣлу, чернилахъ
Видна такъ жизнь, какъ въ пантомимахъ,
Оленинъ милый! вспомяни
Твое мнѣ слово — и черкни. (4)

Представь мнѣ воина, идуща
Съ прямымъ безстрашіемъ души
На явну смерть, и смерть несуща,
И словомъ Росса напиши:
Какъ ржетъ предъ нимъ Везувій ярый,
Надъ нимъ дождь искръ, громовъ удары,
За нимъ — скрылъ мракъ его стопы —
Лежатъ Иракловы столпы!

Тебѣ.... такъ! Россу только можно
Отечества представить духъ;
Услуги вѣрной ждать не должно
Отъ иностранныхъ слабыхъ рукъ.
И впрямь, огромность Исполина
Кто облечетъ, окромѣ сына

Его, и тѣломъ, и душой?
Намъ тѣсенъ всѣхъ другихъ покрой.

Когда Наука, иль Природа
Дадутъ и духъ, и умъ, и вкусъ,
Ни чинъ, ни должность, ни порода
Быть не претятъ друзьями Музъ.
И только ль въ полѣ на сраженьи,
И за зерцаломъ дѣлъ въ вершеньи
Сыновній нуженъ Царству жаръ?
Нѣтъ! проклятъ всякъ сокрывшій даръ.

Три дщери своего рожденья
Судили Небеса послать,
Чтобъ свѣтъ, красу и утѣшенье
На землю мрачну проливать.
Схватясь красавицы руками,
Съ улыбкой, тихими стопами
Проходятъ міръ.... и се въ нашъ вѣкъ
Пришли въ полночь, какъ Петръ предрекъ. (5)

Пусть духъ поэта сотворяетъ,
Вливаетъ живописецъ жизнь,
А чувства музыкантъ вдыхаетъ
Къ образованью ихъ отчизнъ;
И насъ коль геніи вдыхаютъ,
Отъ сна съ зарею возбуждаютъ, —
Не стыдно ль нѣгу обнимать?
Пойдемъ Сатурна побѣждать!

---

(1) Сочинено на Званкѣ въ 1804 году.

(2) Бритъ, или Англичанинъ.

(3) Авторъ, въ намѣреніи украсить изданіе своихъ сочиненій виньетками, рисованными А. Н. Оленинымъ, не

могъ отыскать такого художника, который бы вырѣзалъ ихъ на мѣди, почему и посылалъ первую часть своихъ сочиненій, гдѣ находилась ода «На взятіе Измаила», въ Англію. Картина представляла огнедышащую гору, на которую идетъ съ примкнутымъ штыкомъ русскій гренадеръ, поваливъ за собою столпы Геркулеса, съ надписью: Nec plus ultra. Въ Англіи, можетъ быть ревнуя военной нашей славѣ, выдрали сей рисунокъ, а сочинитель, не замѣтивъ сего недостатка, принялъ часть своихъ сочиненій обратно отъ коммиссіонера, и потому просилъ А. Н. Оленина вновь нарисовать прежній рисунокъ, написавъ къ нему сіи стихи.

(4) Оленинъ, любитель художествъ, искусный въ рисованіи, трудился надъ программами рисунковъ для первой части сочиненій автора.

(5) Петръ Великій сказалъ: «Науки и художества странствуютъ по всему свѣту: пріидетъ время, что онѣ посѣтятъ и насъ.»

LXXXIV.

КЪ СКОПИХИНУ. (1)

Не блещетъ серебро въ скупой
Землѣ, лежаще сокровеннымъ.
Скопихинъ! врагъ его ты злой, (2)
Употребленіемъ полезнымъ
Пока твоимъ не оцѣнишь,
Сіяющимъ не учинишь.

Безсмертно Мининъ будетъ жить,
Рѣшившійся своимъ имѣньемъ
Москву отъ плѣна свободить;

И тотъ Д......., что съ терпѣньемъ
Свой вѣкъ казну копилъ, и вдругъ (3)
Далъ милліоны для Наукъ.

О! если Ш........ къ днямъ
Своимъ еще прибавилъ вѣку:
То не по тѣмъ своимъ пирамъ,
Что были дивомъ человѣку, (4)
Гдѣ тысячи расточены,
Народъ, Цари угощены;

Гдѣ, какъ въ волшебныхъ нѣкихъ снахъ,
Зимой въ морозъ противъ природы,
Цвѣтущую весну въ садахъ,
Шумящія съ утесовъ воды
И звѣздъ разсыпавъ милліонъ,
Свой домъ представилъ раемъ онъ;

Нѣтъ, нѣтъ! не роскошью такой
Его днесь въ свѣтѣ прославляютъ;
Столы прошли, какъ сонъ пустой:
Ихъ гости скоро забываютъ;
Но тѣмъ обрѣлъ онъ всѣхъ любовь,
Что бѣднымъ далъ, больнымъ покровъ.

Сіи щедроты въ родъ и родъ,
Какъ солнечны лучи, не умрутъ,
Со дня ихъ на день блескъ течетъ:
Отъ Бельта до Амура будутъ
Съ почтеніемъ всѣ зрѣть на нихъ,
По сущность учрежденій ихъ.

Престань и ты жить въ погребахъ,
Какъ кротъ, въ ущельяхъ подземельныхъ,

И на чугунныхъ тамъ цѣпяхъ
Стеречь, при блескѣ искръ елейныхъ,
Висящи бочки серебра,
Иль лаять псомъ вокругъ двора.

Томимой скорбью водяной
Чѣмъ больше пьетъ, тѣмъ больше жаждетъ;
Вредомъ вредъ умножая свой,
Сугубой слабостію страждетъ,
Доколь, причину онъ бѣды,
Не выгонитъ изъ жилъ воды.

Лишаясь нѣкихъ пользъ своихъ,
Держа В.......... равенство
Въ торгу противу странъ чужихъ, (5)
Стяжалъ и честь, и благоденство;
Хоть часто чернь и злобный свѣтъ
И добродѣтель зломъ зоветъ.

Но, нѣтъ! Она въ себѣ одной
Всѣ блага смертныхъ заключаетъ;
Уча ихъ оцѣнять собой,
Тѣмъ лавръ и пальму доставляетъ,
Кто могъ безъ зависти терпѣть,
На злаго равнодушно зрѣть?

---

(1) Писано авторомъ на Званкѣ. Подражаніе Горацію.

(2) Подъ именемъ Скопихина разумѣлъ авторъ милліонщика С., не пожертвовавшаго ничего на какое либо извѣстное богоугодное заведеніе, по примѣру людей, менѣе его богатыхъ. Такія благодѣтельныя пожертвованія, хотя, кажется, и теряютъ со стороны скромности, съ которою должно быть неразлучно всякое доброе дѣло, но съ другой возвышаютъ достоинство учредителя не толь-

ко по той пользѣ, какую приносить подобное заведеніе, но и потому, что такимъ образомъ богатый человѣкъ какъ будто даетъ видимый отчетъ всему свѣту въ употребленіи достоянія, ввѣреннаго ему на время Промысломъ.

(³) Павелъ Григорьевичъ Демидовъ, въ 1803 году, пожертвовалъ знатный капиталъ въ пользу учебныхъ заведеній, имъ учрежденныхъ.

(⁴) Графъ Шереметевъ, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ, Оберъ-Гофмейстеръ и разныхъ орденевъ кавалеръ, первостепенный богачъ въ кругу россійскаго дворянства, на великолѣпныхъ своихъ пирахъ угощалъ въ Москвѣ и Государя и народъ; а въ 1803 году употребилъ до 2 мил. рублей на учрежденіе и содержаніе извѣстной Шереметевской Больницы въ Москвѣ.

(⁵) Владиміровъ, купецъ петербургскій, торговавшій въ царствованіе Императрицы Елисаветы, былъ весьма богатъ и для поддержанія цѣнъ на россійскіе товары, отпускаемые въ чужіе краи, не допускалъ русскихъ купцовъ продавать ихъ иностранцамъ низкими цѣнами, но скупалъ у нихъ товары, и такимъ образомъ держалъ ихъ въ настоящей цѣнѣ.

LXXXV.

КО ВТОРОМУ СОСѢДУ. (¹)

Не кость рѣзная Колмогоръ, (²)
Не мраморъ Тифды и Рифея, (³)
Не Невски зеркала, фарфоръ,
Не шелкъ Баки, ни глазумея
Благоуханные пары
Вельможей дѣлаютъ извѣстность,
Но нѣкій твердый духъ и честность,
А паче Музъ дары.

Почто же, мой второй сосѣдъ, (4)
Столь зданьемъ пышнымъ, столь отличнымъ,
Мнѣ солнца застѣняя свѣтъ,
Дворомъ межуешь безграничнымъ
Ты дому моего заборъ?
Уже ль полей, прудовъ и рѣчекъ,
Тмы скупленныхъ тобой мѣстечекъ,
Твой не насытятъ взоръ?

Въ тотъ мигъ, какъ съ пошвы до конька
И около, презрѣннымъ взглядомъ,
Мое строеніе слегка
Съ своимъ обозрѣвая рядомъ, (5)
Ты въ гордости своей съ высотъ
На низменны мои, мнишь, кровы
Навѣсить темный садъ кедровый
И шумны токи водъ:

Кто вѣсть, что Рокъ готовитъ намъ?
Быть можетъ, что сіи чертоги
Назначены тобой Царямъ, (6)
Жестоки времена и строги
Во стойлы конски обратятъ. (7)
За счастіе поруки нѣту,
И чтобъ твой Фебъ свѣтилъ вѣкъ свѣту,
Не бейся объ закладъ.

Такъ, такъ! — Но примѣчай, какъ день,
Увы! ночь темна затмѣваетъ;
Луну скрываетъ облакъ тѣнь;
Она растетъ, иль убываетъ:
Съ сумой не ссорься и тюрьмой. (8)

Хоть днесь къ звѣздамъ ты вьешишь стѣны,
Но знай: ты прахъ одушевленный,
И скроешься землей.

Надежнѣй гроба дома нѣтъ:
Богатымъ онъ отверстъ и бѣднымъ;
И Царь и рабъ въ него придетъ:
Къ чему жъ съ столь рвеньемъ ты безмѣрнымъ
Свой постоялый строишь дворъ?
И, ахъ! сокровища Тавриды
На баркахъ свозишь въ пирамиды
Средь полицейскихъ ссоръ? (9)

Любовь гражданъ и слава намъ
Лишь воздвигаютъ прочны домы:
Они, подобны небесамъ,
Стоятъ и презираютъ громы.
Зри, хижина Петра доднесь,
Какъ храмъ, нетлѣнна средь столицы! (10)
Святъ домъ, подъ кой народъ гробницы
Матвѣеву принесъ! (11)

Рабочихъ въ шумѣ голосовъ,
Машинъ во скрипѣ, во стенаньи,
Средь громкихъ пѣсенъ и пировъ
Трудись, сосѣдъ, и строй ты зданьи;
Но мой не отнимай лишь свѣтъ,
А то оставь молвѣ правдивой
Рѣшить: чей домъ скорѣй крапивой,
Иль плющемъ, заростетъ?

(1) Сочинено въ С.-п.-бургѣ въ 1792 году, во время постройки дома автора на р. Фонтанкѣ.

([2]) Городъ въ Архангельской губерніи, гдѣ жители занимаются рѣзьбою изъ слоновой и моржевой кости.

([3]) Рѣка Тивда, въ Олонецкой губерніи, гдѣ находится мраморная ломка.

([4]) Первый сосѣдъ автору былъ Голиковъ, жившій противъ него на Сѣнной Площади, а второй сосѣдъ, Полковникъ Гарновскій, на Фонтанкѣ.

([5]) Когда въ 1790 году Гарновскій и авторъ строили свои дома, первый домъ обширный и на богатую руку, а второй небольшой, укромный: тогда первому пріятно было чувствовать и давать чувствовать свое превосходство, въ которомъ онъ убѣждался и въ другихъ отношеніяхъ.

([6]) Гарновскій строилъ домъ въ надеждѣ, что онъ будетъ купленъ въ казну для котораго либо Великаго Князя, или Великой Княжны.

([7]) Гарновскій былъ изъ приближенныхъ людей Князя Потемкина, и чрезъ него переводились въ армію значительныя суммы. По образу жизни Гарновскаго и по неисправнымъ отчетамъ пали на него подозрѣнія въ незаконномъ употребленіи казенныхъ денегъ, и потому по восшествіи на Престолъ Государя Павла онъ былъ посаженъ въ крѣпость, домъ съ публичнаго торга купила казна, и въ немъ устроены были конно-гвардейскія конюшни.

([8]) За симъ несчастіемъ послѣдовало съ Гарновскимъ другое: Англійская Графиня Кингстонъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, завѣщала ему заочно значительное имущество; но когда блистательный его случай исчезъ, возникли по сему завѣщанію тяжбы съ наслѣдниками Графини. Гарновскій лишился всего завѣщаннаго наслѣдія и, бывъ выпущенъ изъ крѣпости, содержался въ городской тюрьмѣ подъ арестомъ.

([9]) Гарновскому поручено было построеніе Таврическаго дома, что нынѣ Таврическій дворецъ. По смерти Князя Потемкина, Г... началъ-было подъ разными пред-

логами перевозить въ свой новый домъ картины, мебели и даже матеріалы изъ Таврическаго, но наслѣдники Князя, и особливо Графъ Самойловъ, бывъ тогда Генералъ-Прокуроромъ, принятыми полицейскими мѣрами не допустили Гарновскаго пользоваться симъ новымъ пріобрѣтеніемъ.

([10]) Небольшой домикъ Петра Великаго на Петербургской Сторонѣ, первый, въ которомъ Онъ жилъ въ новой столицѣ, существуетъ донынѣ подъ особеннымъ каменнымъ навѣсомъ, заботливо сохраняемый, какъ святыня Отечества.

([11]) Матвѣевъ, приближенный бояринъ и другъ Царя Алексѣя Михайловича, убитый мятежниками въ Стрѣлецкомъ бунтѣ, былъ столько любимъ народомъ, что когда для построенія дома ему не доставало камня на фундаментъ, народъ собралъ камни съ могилъ отцевъ своихъ, и просилъ принять ихъ въ воспоминаніе общаго къ нему усердія.

LXXXVI.

ВРЕМЯ. ([1])

—

О Д......! Д......! какъ время
Быстро въ вѣчность все несетъ!
Будто море, смертныхъ племя —
За волной волна течетъ.
Ни поклоновъ счетъ молебныхъ,
Ни посты, ни тяжкій трудъ,
Старостью напечатлѣнныхъ
Лба морщинъ ужъ не сотрутъ,
Не удержатъ дней летящихъ,
Люту смерть не воспятятъ.

Такъ, мой другъ! Хотя адепты
Пьютъ безсмертья эликсиръ;
Въ ризы воздуха одѣты,
Ангельскій составятъ міръ;
Но до онаго мы время
Всѣ подъ плотію живемъ,
Носимъ разрушенья бремя
И конечно всѣ помремъ;
Лишь божественная искра
Вѣчно будетъ жить — нашъ духъ.

Духъ! — и тѣ дѣла не умрутъ,
Производятъ что добро:
Жить они за гробомъ будутъ,
Лавромъ намъ увьютъ чело.
Что жъ въ сей жизни потѐряемъ,
Что намъ сдѣлаютъ бѣды,
Если мы награды чаемъ
Тамъ за здѣшніе труды?
Только нужно запастися
Котомою добрыхъ дѣлъ.

Такъ, едина добродѣтель
Здѣсь и тамъ счастливитъ насъ!
Если совѣсть нашъ свидѣтель, —
Не ужасенъ смѐртный часъ,
Не ужасенъ ревъ гоненья,
И коварство не хитро.
Длинно время для терпѣнья,
Для веселія быстро.
Но премудрый проживаетъ
Равнодушно весь свой вѣкъ.

Имъ и время не владѣетъ,
Ниже злато, ни сребро;
Онъ порядку дѣлъ радѣетъ,
Любитъ общее добро;
Убѣгая пышныхъ вздоровъ
И блестящихъ мелочей,
Онъ во санѣ прокуроровъ,
Всѣхъ вельможъ, судей, Царей
Чтитъ лишь только человѣка,
И желаетъ самъ имъ быть.

Коль съ невинныхъ снялъ желѣзы,
Ускорилъ коль правый судъ,
Коль отеръ сиротски слезы,
Не бралъ лихвы, не былъ плутъ,
Дѣлалъ то̀, что дѣлать должно:
И безъ чина ты почтенъ.
Напротивъ, живя безбожно,
Всѣми временщикъ презрѣнъ:
Утѣсняя добродѣтель,
Самъ онъ тмитъ свой свѣтлый санъ.

---

(1) Сочинено въ С.-п.-бургѣ въ 1805 году.

LXXXVII.

ВЕСНА. (1)

Таетъ зима дыханьемъ Фавона,
Взгляда бѣжитъ прекрасной весны;

Мчится Нева къ Бельту на лоно;
Съ брега суда спущены.

Снѣгомъ лѣса не блещутъ, ни горы;
Стоговъ согрѣть не пышетъ огонь;
Ломятъ стада, играя, затворы;
Рыща, ржетъ на полѣ конь.

Нимфы въ лугу, подъ луннымъ сіяньемъ,
Ставъ въ хороводъ, вечерней зарей,
Въ пѣсняхъ поютъ весну съ восклицаньемъ;
Пляшутъ, топочутъ стопой.

Солнце лучемъ лиловымъ на взморье
Броситъ какъ огнь, Петрополь вкушать
Свѣжій зефиръ валитъ въ лукоморье:
Ѣдешь и ты тамъ гулять. (2)

Ѣдешь, — и зришь злакъ, небо, лѣсъ, воды;
Милу жену, вкругъ рощу сыновъ; (3)
Прелесть всю зришь съ собой ты природы,
Счастливъ симъ, счастливъ ты, Л.....!

Что жъ ты стоишь, такъ мало утѣшенъ?
Плюнь на твоихъ лихихъ сопостатъ!
Если прибытокъ оный безгрѣшенъ,
Ревель что далъ и Кронштадтъ: (4)

Выкати, дай, ты дай непремѣнно
Бочку скорѣй намъ устрицъ на столъ;
Портеръ, вино, что искрами пѣнно,
Каплетъ что златомъ какъ смоль,

Въ толстомъ стеклѣ что выжимки силы,
Въ сверткахъ травы, что слаще сота; (5)

Сокъ намъ подай, что молніей въ жилы,
Быстро летитъ что въ уста!

Выставь намъ все. — Такъ, время пріятно:
Должно твоихъ друзей угощать.
Дышатъ пока сады ароматно,
Розы спѣши собирать.

Видишь, мой другъ, и самъ ты вседневно,
Мигъ что одинъ несходенъ съ другимъ;
Въ мірѣ земномъ все видишь премѣнно:
Гладкій понтъ часто холмимъ.

Самый твой торгъ — имперій цвѣтъ, слава,(6)
Первый къ вреду, растлѣнію шагъ:
Блага лишь суть здоровье, забава,
Честность; все прочее прахъ.

---

(1) Сочинено на Званкѣ.

(2) Эта ода, подражаніе Гораціевой, обращена сочинителемъ къ Ѳ. П. Львову, его другу и родственнику. Сочинитель говоритъ здѣсь о вечерѣ 1-го Мая, когда весь городъ обращается на гулянье въ Екатерингофѣ, заведенное со временъ Петра Великаго.

(3) Ѳедоръ Петровичъ Львовъ служилъ тогда Директоромъ Канцеляріи Министра Коммерціи; у него было семь сыновей, коихъ авторъ называетъ рощею.

(4) Львовъ, бывъ неоднократно посыланъ для прекращенія тайнаго привоза иностранныхъ товаровъ, извѣстенъ по значительнымъ конфискаціямъ, и возбуждая зависть, озабоченъ былъ клеветою; почему и сказано выше: *Что жъ ты стоишь, такъ мало утѣшенъ?*

(5) Италіянскія сладкія вина обыкновенно привозятся въ тонкихъ полубутылкахъ, обвитыхъ сухою травой.

(6) Мысль поэта, что хотя народы посредствомъ торговыхъ сношеній просвѣщаются и знакомятся, но роскошь

торговая и страсти къ прибытку влекутъ постепенно къ порчѣ нравовъ, подобно какъ лѣтнее растеніе истощается въ цвѣтахъ и погибаетъ.

LXXXVIII.

ПАМЯТЬ ДРУГУ. (1)

Плакущія березы воютъ,
На черну наклоняся тѣнь;
Унылы вѣтры воздухъ роютъ;
Встаетъ туманъ по всякій день —
Надъ кѣмъ? кого сія могила,
Обросши павеликой вкругъ,
Подъ мѣдною доской сокрыла?
Кто тутъ? Не музъ ли, вкуса другъ?

Другъ мой! Увы! озлобясь, время
Его спѣшило въ гробъ сокрыть,
Что сѣя онъ познаній сѣмя,
Мнилъ вѣки пользой пережить;
Воздвигнувъ изъ земли громады
И зодчества блестя челомъ,
Трудился, чтобъ Полнощи чады
Искусствъ покрылися вѣнцомъ. } (2)

Встань, духъ Поэзьи Русской древней,
Съ кѣмъ вторя онъ Добрыню пѣлъ,
Межъ завтреней и межъ обѣдней,
Взмахнувъ крыла, въ свирѣль гремѣлъ, — } (3)
И лебедь солнца какъ при всходѣ,
Подъ красный вечеръ на водахъ,

Раздавшись кликами въ природѣ,
Вѣщай, тверди: тутъ Л..... прахъ.

Довольны ль эхомъ симъ, Хариты,
Чтобъ персть вамъ милую найти?
Таланты рѣдки, знамениты,
Вокругъ пестрѣютъ ихъ цвѣты:
Облаговоньте жъ возліяньемъ
Сердецъ вы друга своего;
Изящнымъ, легкимъ дарованьемъ
Теките, Музы! въ слѣдъ его. (4)

Но кто жъ моей гитары струны
На нѣжный будетъ тонъ спущать,
Фивейски молньи и перуны
Росой Тіиской упоять? (5)
Кто памятникъ надъ мной поставитъ, (6)
Подъ дубомъ тотъ сумрачный сводъ,
Въ которомъ могъ меня бы славить,
Играя съ громами, Эротъ?

Ужъ нѣтъ тебя! ужъ нѣтъ! — придите
Сюда вы, дружба и любовь!
Печаль и вздохи съедините!
Гдѣ скрытъ подъ пеленою Л.....,
Ахъ! плачьте, чада! плачьте, други!
Цѣлуй послѣдній разъ, краса!
Ужъ слезы Лизы и супруги, (7)
Какъ пламенна горитъ роса.

---

(1) Сочинено въ С.-п.-бургѣ въ 1804 году.

(2) Ода сія написана по случаю кончины одного изъ самыхъ искреннихъ друзей Державина, Тайнаго Совѣт-

язика Николая Александровича Львова. Онъ принадлежалъ къ немногимъ и отличнымъ людямъ, одареннымъ самымъ вѣрнымъ чувствомъ того изящества, которое съ быстротою молніи наполняя восторгомъ сердце, лучше высказывается слезой нежели словомъ. Съ симъ рѣдкимъ даромъ онъ былъ исполненъ ума и знаній, любилъ науки и художества и отличался возвышеннымъ вкусомъ, по которому ни какой недостатокъ и ни какое превосходство въ художественномъ или словесномъ произведеніи не могли отъ него укрыться. Люди, словесностью, художествами и искусствами занимавшіеся, часто прибѣгали къ его совѣтамъ и приговоръ его почитали закономъ. По части зодчества онъ извѣстенъ многими зданіями, съ Высочайшаго соизволенія имъ построенными, напр. церковь Борисоглѣбскаго монастыря въ Торжкѣ и другія. Нуженъ ли былъ садъ или загородный роскошный домикъ, сбирались ли дать великолѣпный праздникъ, или роскошный балетъ, хотѣли ли устроить обширное зданіе или сдѣлать какое нибудь значительное украшеніе, тамъ геній его обращалъ все въ чудесную прелесть. По части хозяйственной, въ государственномъ отношеніи, Н. А. Львовъ открылъ въ значительномъ количествѣ каменный земляной уголь въ Россіи, могущій замѣнить привозимый къ намъ изъ Англіи; но разработка сего угля не отвѣтствовала ожиданію. Онъ ввелъ землебитныя орудія, которыхъ образецъ донынѣ существуетъ въ Гатчинѣ; изобрѣлъ воздушные камины, и другія домашнія удобности.

(³) Онъ особенно любилъ Русскую поэзію и самъ писалъ стихи тѣмъ метромъ, какой существуетъ въ нашихъ простонародныхъ пѣсняхъ. Въ примѣръ довольно указать на прекрасный отрывокъ начатой имъ поэмы, подъ именемъ Добрыня, гдѣ онъ неподражаемъ въ игривости и простотѣ. Стихи сіи напечатаны были въ Другѣ Просвѣщенія и въ Русскомъ Вѣстникѣ въ Москвѣ. Время между заутрени и обѣдни употреблялось древними богатырями на совершеніе чудесныхъ подвиговъ. Извѣстно, что Илья Муромецъ между заутрени и обѣдни пріѣхалъ изъ Владиміра въ Кіевъ.

(4) Ни въ какомъ его твореніи не видно было принужденія и заботливаго труда. Казалось, сами музы водили рукой его. Въ Сѣверномъ Вѣстникѣ помѣщено путешествіе его на *Дудорову гору* въ стихахъ и въ прозѣ во вкусѣ извѣстнаго путешествія *Шапеля* и *Ботомона*, извѣстны также стихи его «Парисовъ судъ», «Куплеты для оперы *Сильфъ*» и проч. Самъ Державинъ исправлялъ и обработывалъ свои стихи, по его дружескимъ совѣтамъ, и не иначе печаталъ, какъ послѣ его одобренія.

(5) То есть, соединять высокое съ пріятнымъ или приближаясь къ поэтическому языку Ѳивскаго пѣвца Пиндара, умягчать Тіискимъ, или Анакреонтическимъ тономъ. Николай Александровичъ Львовъ переложилъ на русскій языкъ стихи Анакреона, по буквальному переводу съ греческаго извѣстнаго ученостію и знаніями Евгенія Болгара, Таврическаго Архіепископа, который перевелъ Виргилія на греческій языкъ. Буквальный переводъ Анакреона въ стихахъ былъ напечатанъ въ немногихъ экземплярахъ и остался библіографическою рѣдкостію.

(6) Львовъ былъ гораздо моложе Державина; въ одномъ письмѣ къ нему обѣщалъ соорудить ему памятникъ, но самъ скончался гораздо прежде. Державинъ пережилъ его 12-ю годами.

(7) Львовъ оставилъ по себѣ супругу, двухъ сыновей и трехъ дочерей, изъ коихъ старшая была Елисавета.

LXXXIX.

МОНУМЕНТЪ МИЛОСЕРДІЮ. (1)

Блажени милостивіи, яко тіи помилованы будутъ.

Слетаетъ съ неба лучъ въ полнощи,
На гробѣ теплится свѣча;

Благоухаютъ мѵрро̀й рощи;
Ліется съ горъ ручей журча;
Зефиры шепчутся съ цвѣтами;
Колеблется луна водами;
Чуть съ перепеломъ крастель въ ладъ
И соловей вдали мнѣ слышенъ:
Кому тутъ монументъ возвышенъ? —
Миръ праху твоему, мужъ святъ!

Не праведника ль спятъ тутъ кости,
Который сердоболенъ былъ,
Изъ зѣва ослѣпленной злости
Исторгъ невинность и сразилъ
Чудовище, алкавше крови?
Далъ къ человѣчеству въ любови
Примѣръ — и жизнь его̀ сберегъ. (2)
Сію вѣтвь миртову Царица,
Какъ древлѐ кротка голубица,
Законовъ принесла въ ковчегъ. } (3)

Но что по мраку за картина
Въ эѳирѣ развилася вкругъ?
Безмѣрна разныхъ лицъ долина,
Какъ звѣздъ, насѣялася вдругъ!
Тутъ, облеченное лучами,
Явилось Божество съ вѣсами,
И, мечъ и вѣтвь держа рукой,
Рекло: — гласъ громы повторили —
«Блажени милостивы были:
Помилованы будутъ Мной!»

Не страшный ль, грозный, неумытный,
Нелицемѣрный вижу судъ,

Предъ коимъ днешни, первобытны,
Отчетъ дать смертные идутъ?
Такъ! Вижу я Царей съ рабами:
Равно стоятъ передъ вѣсами;
Раскрыты совѣсти лежатъ.
И се зрю: Петръ, Елисавета
Съ Екатериной, въ блескѣ свѣта, (4)
Грядутъ съ улыбкой пальму взять;

Идутъ, и обращаютъ взоры
На тѣхъ вельможъ, вождей, судей,
Бесѣды коихъ, разговоры,
Ко сожалѣнію людей,
На милосердье Ихъ склоняли;
Которы Имъ совѣтъ давали:
Тотъ казнь, тотъ пытки истребить,
Тотъ тайны расклепать затворы,
Н.....! и тебя въ ихъ хоры
Велѣла Милость помѣстить. (5)

Почто жъ гремѣвшіе столь браньми
Вожди за облакомъ стоятъ?
Лице свое скрывая дланьми,
Глядѣть на лавры не хотятъ?
Почто вселенной побѣдитель,
Народовъ многихъ покоритель,
Отъ чашъ, наполненныхъ кровей,
Ему тѣнями подносимыхъ,
Съ стенаніемъ вокругъ ходимыхъ,
Отворотился, слыша: «Пей!

«Пей, пей! ты налилъ ихъ,» вѣщали.
Увы! почто же на гробахъ

Вождей мы зданья созидали,
Коль память золъ тягчитъ ихъ прахъ?
Не глупости ли знакъ тщеславной
И самый мавзолей тотъ славной,
Который обагренъ въ крови? (6)
У вѣчности свои суть правы.
Ахъ! такъ: Богъ истинныя славы —
Богъ милосердья и любви.

Прейдутъ куренія святыни,
И дни, и времена пройдутъ,
Разрушатся столпы, твердыни,
На царства царства упадутъ;
Поищутъ дивной пирамиды,
И не найдутъ, — а развѣ виды,
Иль мрачный въ ней звѣриный логъ.
Перунъ небесъ чему коснется, —
И мѣдь, и мраморъ расплывется:
Противится гордынѣ Богъ.

Такъ, вѣтви кротости святыя; (7)
Врата отверзшія темницъ,
Прогнавшія тѣнь Гарпьи злыя, (8)
Спокоившія вдовъ, дѣвицъ?
Что суть бичи предъ вами міра,
Коль ваша свѣтлая порфира,
Какъ теплотворный лучъ весны,
Полсвѣта миромъ оживляетъ;
Наукъ цвѣтами украшаетъ?
Тріумфъ вашъ — неба вышины!

Но если злоба ополчится
Нарушить сладкій нашъ покой:

Возставъ, Россія окружится,
Какъ тучей, чадъ своихъ стѣной.
Богъ милости предъ ней предъидетъ:
Онъ выше облакъ воды вздыметъ,
И съ шумомъ ихъ со всѣхъ сторонъ
Громъ броситъ на чело возницы,
На всадника, на колесницы:
И гдѣ грозившій Фараонъ?

---

(1) Сочинено въ С.-п.-бургѣ въ 1804 году; напечатано въ Петербургскомъ журналѣ.

(2) Ода сія написана авторомъ съ намѣреніемъ передать въ потомство благодѣтельный подвигъ мужа, способствовавшаго представленіемъ своимъ къ уничтоженію пытки въ Россіи. Егоръ Александровичъ Наумовъ, Генералъ-Маіоръ и Членъ Военной Коллегіи, бывъ въ чинѣ Подполковника Главнымъ Судьею въ С.-п.-бургской Государственной Конторѣ, показалъ высокое достоинство ума и сердца, основанное на силѣ опытовъ, и превозмогъ закоренѣлый обычай, облеченный въ законъ, вступясь за истязаемую невинность, и съ пожертвованіемъ себя, вооруженный одною правдою, нашелъ случай довести до свѣдѣнія Императрицы Екатерины о безполезности искать правды въ мукахъ подсудимаго, утвердивъ опытами свои доводы. Благодѣтельная Государыня вняла голосу истины въ представленіи Наумова и, не смотря на нѣкоторыхъ вельможъ, бывшихъ противнаго мнѣнія, дала прежде секретный указъ, а потомъ объявила открытый законъ, коимъ уничтожила пытки и пристрастные допросы.

(3) Указъ сей, положенный въ ковчегъ законовъ, поэтъ уподобляетъ миртовой вѣтви, которую голубица принесла Ною въ ковчегъ въ знакъ безопасности и спокойствія.

(4) Петръ III отмѣнилъ тайную канцелярію; Импе-

ратрица Елисавета уничтожила смертную казнь, а Екатерина уничтожила пытки.

(⁵) Т. е. Наумовъ! и тебя милость причислила въ свое общество.

(⁶) Авторъ давно желалъ оставить потомству память человѣколюбиваго подвига Наумова, но отлагалъ со дня на день свое намѣреніе. Когда же Графъ Николай Петровичъ Румянцевъ исходатайствовалъ у Императора Александра указъ о дозволеніи быть при гробѣ отца его, Фельдмаршала Графа Румянцева-Задунайскаго, погребеннаго въ Кіевѣ, двумъ отставнымъ штабъ-офицерамъ, на иждивеніи Графа, сына его: тогда авторъ, тронутый мыслію, что жертва милосердія къ ближнему есть памятникъ несравненно превосходнѣйшій всякаго другаго, поставленнаго честолюбіемъ, написалъ сію оду.

(⁷) Вѣтвями называетъ авторъ потомковъ отъ предковъ милосердыхъ и кроткихъ. Слѣдуя по стезямъ Екатерины Великой, Императоръ Александръ, въ первые года Своего царствованія, повелѣлъ тайныя дѣла, и даже о преступленіяхъ въ оскорбленіи Величества, производить обыкновеннымъ уголовнымъ порядкомъ.

(⁸) Подъ симъ авторъ разумѣлъ, что и названіе дѣлъ тайными было уничтожено.

XC.

ЛѢТО. (¹)

Знойное лѣто весна увѣнчала
Розовымъ, алымъ по кудрямъ вѣнцемъ;
Липова роща, какъ жаръ, возблистала
Вкругъ меда листомъ.

Желтые грозды, сквозь листъ продираясь,
Запахомъ рдянцемъ нимфъ сельскихъ манятъ;

Травы и нивы, косой озâряясь,
Какъ волны шумятъ;

Стклянныя рѣки лучемъ полудневнымъ,
Жидкому злату подобно текутъ;
Кравы и овцы, съ млекомъ накопленнымъ,
Подъ кущи бѣгутъ.

Сизые враны, орлы быстропарны,
Крылья спустивши, подъ хврастомъ сидятъ;
Тучная роскошь въ тѣни сокъ прохладный
Пьетъ, ищетъ отрадъ.

Видишь ли, Д........! всего изобилье? (²)
Самое благо быть можетъ намъ зломъ;
Счастье и нѣга разума крылья
Сплошь давятъ ярмомъ.

Въ домѣ живъ лѣтомъ, въ раю ты небесномъ,
Въ славномъ помѣстьѣ Сызранскомъ съ отцемъ, (³)
Мышлю, лѣниться пѣть въ хорѣ прелестномъ,
Цвѣсть Музъ подъ вѣнцемъ.

(¹) Писано въ деревнѣ автора Званкѣ въ 1805 году.

(²) Эта пiэса относится къ Ивану Ивановичу Дмитрiеву, извѣстному поэту, бывшему въ постоянной прiязни съ Державинымъ. Дмитрiевъ, также какъ и Державинъ, пламенно любилъ Русскую поэзiю и словесность и также служилъ правосудiю. Оба они были Министрами Юстицiи.

(³) Родовое имѣнiе Дмитрiева въ Сызранскомъ уѣздѣ.

XCI.

ОСЕНЬ. (¹)

—

На скирдахъ молодыхъ сидючи осень,
И въ поляхъ зря вокругъ годъ плодоносенъ,
Съ улыбкой свои всѣмъ дары даетъ,
Пестротой по лѣсамъ живо цвѣтетъ,
Взоръ мой дивитъ!

Разныхъ птицъ голоса, вьющихся тучи,
Шумъ сноповъ, бѣгъ телѣгъ, оси скрипучи,
Стукъ цѣпей по токамъ, въ рощахъ лай псовъ,
Жницъ съ знамемъ идущихъ гулъ голосовъ
Слухъ мой плѣнитъ.

Какъ милъ сей природы радостный образъ!
Какъ тварей довольныхъ сладостенъ возгласъ!
Гдѣ осень обилье рукою ведетъ;
Царямъ и червямъ всѣмъ пищу даетъ
Общій Отецъ.

Но что же вдругъ, Я.....! черныя бури, (²)
Грохоча такъ, кроютъ неба лазури?
Здѣсь тихій токъ съ ревомъ ростъ волна,
Тамъ въ блѣдныхъ туманахъ ржетъ намъ война:
Благъ ли Творецъ?

Ахъ! благъ всѣхъ Зиждитель, я слышу, Ты рекъ:
«Невѣжда продерзкій лишь ты человѣкъ,
Не видишь, не знаешь пользы своей;

Самъ часто своихъ ты ищешь сѣтей:
Хранитъ только Богъ.»

О! правда то, правда! — Смиримъ же предъ Нимъ
Нашъ глупый мы ропотъ, и волю дадимъ
Всемощной Десницѣ солнце водить;
Бѣгъ міра превратна станемъ сносить,
Чтящи свой рокъ.

Такъ если съ Урала златые ключи
Въ Царскій лилъ кладязь, ихъ самъ не пьючи, (³)
Я дни мнилъ Астреи, миръ и покой
Ввесть распрей въ вертепъ,—и съ чистой душой
Благъ всѣмъ желалъ;

Но то коль не надо, — оставимъ Судьбамъ
Премудрымъ — дать лучшій здѣсь жребій людямъ;
Сѣвъ, сами прикажемъ въ нашемъ гнѣздѣ,
Осени доброй намъ дать по трудѣ
Счастья покалъ.

(¹) Писано на Званкѣ.

(²) Ярцовъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, пріятель автора.

(³) Извѣстно, что въ Уральскихъ горахъ находятся богатые золотые рудника. Ярцовъ былъ директоромъ горныхъ заводовъ и жилъ въ Екатеринбургѣ. Онъ открылъ многіе золотые пріиски, умножилъ добываніе золота, а самъ скончался въ бѣдности.

XCII.

ЧЕТЫРЕ ВОЗРАСТА. (1)

—

Какъ свѣтятся блески
На розѣ росы;
Такъ милы усмѣшки
Невинной красы.
Младенческій образъ
Видъ въ каплѣ зари.

А быстро журчащій
Межъ розъ и лилей,
Какъ перломъ блестящій
По лугу ручей:
Такъ юности утро,
Играя, течетъ.

Рѣка жъ, или взморье
Полдневной порой
Какъ въ долъ, иль на взгорье
Несется волной:
Такъ мужество бурно
Страстями блеститъ.

Но озеро стклянно,
Утихнувъ отъ бурь,
Какъ тихо и важно
Чуть кажетъ лазурь:
Такъ старость подъ вечеръ
Стоитъ на клюкѣ.

Сколь счастливъ, кто въ жизни
Всѣ возрасты велъ,

Страшась укоризны,
Внутрь совѣсти золъ!
На западъ свой ясный
Онъ весело зритъ.

([1]) Писано на Званкѣ, напечатано въ изданіи 1808 года.

XCIII.

Г. ОЗЕРОВУ

НА ПРИПИСАНІЕ ЭДИПА. ([1])

—

Витія! кому Мельпомена,
Надѣвъ котурнъ, дала кинжалъ, ([2])
А Сѣверъ, какъ лавромъ, изъ клена
Вѣнцомъ зеленымъ увѣнчалъ
Блестяще чело!

О, ты, что собою представилъ
Софокла съ Оссіаномъ вдругъ, ([3])
Въ Эдипѣ, намъ въ Бардахъ прославилъ
Расиновъ, Кребильйоновъ духъ,
Дѣвъ слезъ ремесло! ([4])

Коль жалость и ужасъ вдыхаешь,
И жжешь ты хладныя сердца;
Съ гласъ токи, съ душъ вздохи сзываешь,
Напрасно чтишь во мнѣ пѣвца,
Но демственникъ ты. ([5])

Ты Музъ алтарей тѣхъ служитель,
Которыхъ чудотворный гласъ

Народной толпы просвѣтитель
Скорѣй чрезъ Театръ чѣмъ Парнассъ.
Ты огнь съ высоты,

Огнь, что изъ мрака сверкая,
Зміями рѣжетъ сквозь эѳиръ,
Но Лель съ струнъ Тіискихъ порхая,
Мой чуть звеня, какъ въ зной зефиръ,
На вѣжды сонъ льетъ.

Иль могъ коль съ Пиндаромъ геройство,
Съ Гораціемъ я сладость лить:
То можетъ во гробѣ потомство
И блескъ вельможъ мнѣ удѣлить:
Тамъ лавръ мой взраститъ.

(¹) Сочинено въ С.-п.-бургѣ въ 1805 году; напечатано въ изданіи 1808 года.

(²) Знаменитый нашъ драматическій писатель, Владиславъ Александровичъ Озеровъ, сочинитель трагедіи *Эдипа въ Аѳинахъ*, имѣвшей самый блистательный успѣхъ на сценѣ, въ 1804 году посвятилъ ее Державину. Авторъ отвѣчалъ ему сими стихами.

(³) Основаніе трагедіи *Эдипа* взято изъ Софокловой трагедіи: «Эдипъ въ Колоннѣ»; предметъ другой трагедіи Озерова, названной *Фингалъ*, взятъ изъ Оссіана.

(⁴) У Римлянъ были женщины, которыя при печальныхъ обрядахъ умѣли плакать; здѣсь же стихи относятся къ знаменитой трагической актрисѣ Семеновой, которой игра въ «Антигонѣ и Моинѣ» исторгала слезы зрителей.

(⁵) Демственникъ — пѣвецъ. *Демственное* церковное пѣніе дошло къ намъ изъ Греціи.

XCIV.

РАДУГА. (¹)

Взглянь, Апеллесъ! взглянь въ небеса!
Въ сумрачномъ облакѣ тамъ,
Видишь, какая изъ лентъ полоса,
Огненна ткань блещетъ очамъ,
Склонясь надъ твоею главою
Дугою!

Пурпуръ, лазурь, злато, багрянецъ,
Съ зеленью тѣнь, сліясь съ серебромъ,
Чудный, отливный, блещущій глянецъ
Сыплютъ вокругъ, тихимъ лучемъ
Зѣницъ къ утѣшенью сіяютъ,
Плѣняютъ!

Гдѣ красота, блескъ разноцвѣтныхъ
Камней драгихъ, свѣтлость порфиръ,
Прелести красокъ яркихъ, несмѣтныхъ,
Чѣмъ завсегда славится міръ,
Чѣмъ могутъ Монархи хвалиться,—
Свѣтиться?

О, Апеллесъ! взявши орудье,
Кисти свои, — дерзкой рукой
Съ разныхъ цвѣтовъ вмигъ полукружье
Сдѣлай, составь твердой чертой, —
Составь, и сзови зрѣть Аѳины
Картины.

Нѣтъ, Изографъ! хоть превосходишь
Всѣхъ мастерствомъ дивнымъ твоимъ;

Вижу, что средствъ ты не находишь
Съ мастеромъ въ томъ спорить такимъ,
Чей взглядъ все одинъ образуетъ,—
Рисуетъ.

Только одно солнце лучами
Въ капляхъ дождя, въ долъ отразясь,
Можетъ писать сими цвѣтами
Въ мракѣ и мглѣ, вѣчно свѣтясь.
Умѣй подражать ты ему:
Лей свѣтъ въ тму.

Зри, какъ оно лишь отвращаетъ
Свѣтлый свой взоръ съ облака вспять, —
Живость цвѣтовъ вмигъ исчезаетъ,
Краски картинъ тмятся опять:
Бѣги ты такого труда
Отъ стыда.

Можетъ ли кто въ свѣтѣ небесномъ
Чтиться равно Солнцу тому,
Въ сердцѣ моемъ мрачномъ, тѣлесномъ
Что озаривъ тяжкую тму,
Творитъ его радугой мира?
Пой, лира! —

Бога воспой, — смѣлымъ пареньемъ
Чистаго внутрь сердца взноси
Духъ мой къ Нему, утреннимъ пѣньемъ,
Чтобы Творецъ, внявъ съ небеси,
Вліялъ чувствъ моихъ въ глубину
Тишину.

Свѣтлая чтобъ радуга мира,
Въ небѣ явясь въ цвѣтѣ зарей,
Стала въ залогъ тихихъ дней міра,
Къ счастію всѣхъ царствъ и Царей.
Онъ всѣхъ ихъ одинъ просвѣтитъ,
Примиритъ.

(¹) Сочинено въ С.-п.-бургѣ, въ 1807 году.

XCV.

ГРАФУ СТЕЙНБОКУ. (¹)

Кого на брегѣ моря бурна
Близъ ветхихъ града стѣнъ, въ тѣни,
Жизнь не богата, но не скудна
Течетъ и онъ пріятно дни
Проводитъ, избѣжавъ столицы,
Желаніевъ своихъ въ границы
Умѣренность постановивъ,
А малый домикъ окруживъ
Свой садомъ, нивами, стадами,
Въ семьѣ, съ супругой и друзьями,
Ни чѣмъ внутрь сердца не смущенъ:
Тотъ мудръ и истинно блаженъ!

Такъ, милый Графъ! волненье Бельта —
Быстро текущихъ образъ лѣтъ;
Видъ Гапсаля — видъ тлѣнна свѣта, (²)
Что скоро рушится, падетъ;

Древесны тѣни, птичекъ пѣнья —
Спокойной совѣсти, смиренья
И добродѣтели удѣлъ.
Когда твой трудъ плодомъ поспѣлъ
И нивъ колосья золотые
Возблещутъ въ полѣ, и младые
Взыграютъ агнцы на лугу:
Что знатныхъ блескъ сихъ благъ въ кругу?

Ничто. — И такъ наскучатъ грады
И ихъ когда забавы намъ,
Пойдемъ искать утѣхъ, прохлады
Мы къ злачнымъ Волхова брегамъ, [3]
Или въ твоемъ помѣстьѣ новомъ, [4]
Во храмѣ возсѣдя Петровомъ,
Что въ честь Ему ты мнишь вознесть,
Велимъ хоръ Музъ къ себѣ привесть,
И Вѣрушку съ Люси такъ сладимъ,
Что пламенной ихъ пляской сгладимъ
Съ сѣдыхъ морщины нашихъ лбовъ,
Обрѣзавъ крылья у годовъ.

Часы веселія суть кратки;
Минута скуки — цѣлый вѣкъ:
Ахъ! для чего же люди падки
Къ заботамъ? — Страждетъ человѣкъ
Не для того ль, что ищетъ части
Своей всякъ въ гордости и власти;
Самъ мучась, мучитъ и другихъ
На счетъ крылатыхъ дней своихъ?
Престанемъ же къ звѣздамъ моститься;

А лучше съ серною льву рѣзвиться,
Съ державой яхонту блистать: (5)
Прійдетъ къ намъ зависть танцовать.

---

(1) Писано у Графа Стейнбока въ деревнѣ Линденъ, въ Гапсальскомъ уѣздѣ, въ 1806 году.

(2) Гапсаль, старинная Ливонская крѣпость, принадлежавшая нѣкогда Шведамъ. Нынѣ видны только ея развалины.

(3) Сельцо Званка на Волховѣ, принадлежащее автору, куда Графъ часто ѣзжалъ.

(4) Графъ Стейнбокъ, купивъ деревню Линденъ, намѣренъ былъ построить небольшой храмикъ въ ознаменованіе того мѣста, гдѣ отдыхалъ Государь Петръ Великій подъ деревьями, приставъ къ берегу съ своимъ галернымъ флотомъ во время войны съ Швеціею. Къ сожалѣнію Графъ не успѣлъ выполнить своего намѣренія.

(5) Стейнбокъ означаетъ по-русски серну, на каменистыхъ горахъ живущую. Держава означаетъ фамилію Державиныхъ, левъ — Львовыхъ, яхонтъ — Яхонтовыхъ, родственниковъ автора.

XCVI.

ЕВГЕНІЮ.

ЖИЗНЬ ЗВАНСКАЯ. (1)

—

Блаженъ, кто менѣе зависитъ отъ людей,
Свободенъ отъ долговъ и отъ хлопотъ приказныхъ.
Не ищетъ при дворѣ ни злата, ни честей,
И чуждъ суетъ разнообразныхъ?

Зачѣмъ же въ Петрополь на вольну ѣхать страсть,
Съ пространства въ тѣсноту, съ свободы за затворы,
Подъ бремя роскоши, богатствъ, сиренъ подъ власть
И предъ вельможей пышны взоры?

Возможно ли сравнять чтó съ вольностью златой,
Съ уединеніемъ и тишиной на Званкѣ?
Довольство, здравіе, согласіе съ женой,
Покой мнѣ нуженъ—дней въ останкѣ.

Возставъ отъ сна, взвожу на небо скромный взоръ:
Мой утренюетъ духъ Правителю вселенной;
Благодарю, что вновь чудесъ, красóтъ позоръ
Открылъ мнѣ въ жизни толь блаженной.

Пройдя минувшую и не нашедши въ ней,
Чтобъ черная змѣя мнѣ сердце угрызала,
О! коль доволенъ я, оставилъ что людей,
И честолюбія избѣгъ отъ жала!

Дыша невинностью, пью воздухъ, влагуросъ,
Зрю на багрянецъ зарь, на солнце восходяще;
Ищу красивыхъ мѣстъ между лилей и розъ,
Средь сада храмъ жезломъ чертяще;

Иль накормя моихъ пшеницей голубей,
Смотрю надъ чашей водъ, какъ вьютъ подъ небомъ круги;

На разноперыхъ птицъ, поющихъ средь сѣтей,
На кроющихъ, какъ снѣгомъ, луги;

Пастушьяго вблизи внимаю рога зовъ,
Вдали тетеревей глухое токованье,
Барашковъ въ воздухѣ, въ кустахъ свистъ со-
ловьевъ,
Ревъ кравъ, громъ желнъ, и коней
ржанье.

На кровлѣ жъ зазвенитъ какъ ласточка, — и
паръ
Повѣетъ съ дома мнѣ Манжурской, иль Левант-
ской,
Иду за круглый столъ: и тутъ-то растобаръ
О снахъ, молвѣ градской, крестьян-
ской,

О славныхъ подвигахъ великихъ тѣхъ мужей,
Чьи въ рамахъ по стѣнамъ златымъ блистаютъ
лицы,
Для вспоминанья ихъ дѣяній, славныхъ дней,
И для прикрасъ моей свѣтлицы, —

Въ которой по утру, иль въ вечеру, порой
Дивлюся въ Вѣстникѣ, въ газетахъ иль журна-
лахъ,
Россіянъ храбрости, какъ всякъ изъ нихъ герой,
Гдѣ есть Суворовъ въ Генералахъ;

Въ которой къ госпожѣ, для похвалы гостей,
Приносятъ разныя полотна, сукна, ткани,

Узорны образцы салфетокъ, скатертей,
Ковровъ и кружевъ, и вязани;

Гдѣ съ скотень, пчельниковъ и съ птичниковъ, прудовъ,
То въ маслѣ, то въ сотахъ зрю злато подъ вѣтвями,
То пурпуръ въ ягодахъ, то бархатъ-пухъ грибовъ,
Сребро, трепещуще лещами;

Въ которой, обозрѣвъ больныхъ въ больницѣ, врачъ
Приходить доносить о ихъ вредѣ, здоровьѣ,
Прося на пищу имъ: тѣмъ съ поливкой калачь,
А тѣмъ лекарствица, въ подспорьѣ;

Гдѣ также иногда по палкамъ, по костямъ,
Усастый староста, иль скопидомъ брюхатой,
Даютъ отчетъ казнѣ, и хлѣбу и вещамъ,
Съ улыбкой часто плутоватой; —

И гдѣ, случается, художники млады
Работы кажутъ ихъ на древѣ, на холстинѣ,
И получаютъ въ даръ подачи за труды,
А въ часъ и денегъ по полтинѣ;

И гдѣ до ужина, чтобы прогнать какъ сонъ,
Въ задорѣ иногда въ игры зѣло горячи,
Играемъ въ карты мы, въ ерошки, въ фараонъ,
По грошу въ долгъ и безъ отдачи.

Оттуда прихожу въ святилище я Музъ,
И съ Флаккомъ, Пиндаромъ, боговъ возсѣдши въ пирѣ;

Къ Царямъ, къ друзьямъ моимъ, иль къ небу
вознощусь,
Иль славлю сельску жизнь на лирѣ;

Иль въ зеркало временъ, качая головой,
На страсти, на дѣла зрю древнихъ, новыхъ
вѣковъ,
Не видя ничего, кромѣ любви одной
Къ себѣ, — и драки человѣковъ.

«Все суета суетъ!» я, воздыхая, мню;
Но бросивъ взоръ на блескъ свѣтила полудневна
«О, коль прекрасенъ міръ! Что жъ духъ мой
бременю?
Творцемъ содержится вселенна.

Да будетъ на земли и въ небесахъ Его
Единаго во всемъ вседѣйствующа воля!
Онъ видитъ глубину всю сердца моего
И строится моя Имъ доля.»

Дворовыхъ между тѣмъ, крестьянскихъ рой
дѣтей,
Сбираются ко мнѣ, не для какой науки,
А взять по нѣскольку баранокъ, кренделей,
Чтобы во мнѣ не зрѣли буки.

Письмоводитель мой тутъ долженъ на моихъ
Бумагахъ мараныхъ, пастухъ какъ на овечкахъ,
Репейникъ вычищать. Хоть мыслей нѣтъ боль-
шихъ:
Блестятъ и жучки въ епанечкахъ.

Бьетъ полдня часъ, рабы служить къ столу
бѣгутъ;

Идетъ за трапезу гостей хозяйка съ хоромъ.
Я озрѣваю столъ,—и вижу разныхъ блюдъ
Цвѣтникъ, поставленный узоромъ:

Багряна ветчина, зелены щи съ желткомъ,
Румяно-желтъ пирогъ, сыръ бѣлый, раки
красны,
Что смоль, янтарь, икра, и съ голубымъ перомъ
Тамъ щука пестрая — прекрасны!

Прекрасны потому, что взоръ манятъ мой,
вкусъ,
Но не обиліемъ, иль чуждыхъ странъ приправой,
А что опрятно все и представляетъ Русь:
Припасъ домашній, свѣжій, здравой.

Когда же мы Донскихъ и Крымскихъ кубки
винъ,
И липца, воронка и чернопѣнна пива
Запустимъ нѣсколько въ румяный лобъ хмѣ-
линъ, —
Бесѣда за сластьми шутлива.

Но, молча, вдругъ встаемъ:—бьетъ, искрами
горя,
Древъ Русскихъ сладкій сокъ до подвѣнечныхъ
бревенъ:
За здравье съ громомъ пьемъ любезнаго Царя,
Царицъ, Царевичей, Царевенъ.

Тутъ кофе два глотка; схрапну минутъ пятокъ;
Тамъ въ шахматы, въ шары, иль изъ лука
стрѣлами,

Пернатый къ потолку лаптой мечу летокъ,
И тѣшусь разными играми;

Иль изъ кристальныхъ водъ, купалень, между древъ,
Отъ солнца, отъ людей подъ скромнымъ осѣненьемъ,
Тамъ внемлю юношей, а здѣсь плесканье дѣвъ,
Съ душевнымъ нѣкимъ восхищеньемъ;

Иль въ стекла оптики картинныя мѣста
Смотрю моихъ усадьбъ; на свиткахъ грады, царства,
Моря, лѣса,—лежитъ вся міра красота
Въ глазахъ, искусствъ черезъ коварства;

Иль въ мрачномъ фонарѣ любуюсь, звѣзды зря
Бѣгущи въ тишинѣ по синю волнъ стремленью:
Такъ солнцы въ воздухѣ, я мню, текутъ, горя,
Премудрости ко прославленью;

Иль смотримъ, какъ вода съ плотины съ ревомъ льетъ,
И, движа машину, древа на доски дѣлитъ;
Какъ сквозь чугунныхъ паръ столповъ на воздухъ бьетъ,
Клокоча огнь, толчетъ и мелетъ;

Иль любопытны какъ бумажны руны волнъ
Въ лотки сквозь иглъ, колесъ, подобно снѣгу льются
Въ пушистыхъ локонахъ, и тмы вдругъ веретенъ
Маріиной рукой прядутся;

Иль какъ на ленъ, на шелкъ, цвѣтъ, пестрота и лоскъ,
Всѣ прелести, красы, берутся съ поль, Царицы;
Сталь жесткая, глядимъ, какъ мягкій, алый воскъ,
Куется въ бердыши Милицы,

И сельски ратники какъ, Царства ставъ щитомъ,
Бѣгутъ съ стремленьемъ въ строй во рыцарскомъ убранствѣ,
«За Вѣру, за Царя, мы,» говорятъ: «помремъ,
Чѣмъ у Французовъ быть въ подданствѣ!»

Иль въ лодкѣ вдоль рѣки, по брегу пѣшъ, верхомъ,
Качусь на дрожкахъ я сосѣдей съ вереницей;
То рыбу удами, то дичь громимъ свинцемъ,
То зайцевъ ловимъ псовъ станицей;

Иль, стоя, внемлемъ шумъ зеленыхъ, черныхъ волнъ,
Какъ дернъ бугритъ соха, злакъ травъ падетъ косами,
Серпами злато нивъ, — и ароматовъ полнъ,
Порхаетъ вѣтръ межъ Нимфъ рядами;

Иль смотримъ, какъ бѣжитъ подъ черной тучей тѣнь
По копнамъ, по снопамъ, коврамъ желтозеленымъ,
И сходитъ солнышко на нижнюю ступень
Къ холмамъ и рощамъ синетемнымъ;

Иль, утомясь, идемъ скирдовъ, дубовъ подъ
сѣнь;
На брегѣ Волхова разводимъ огнь дымистый;
Глядимъ, какъ на воду ложится красный день
И пьемъ подъ небомъ чай душистый.

Забавно! въ тмѣ челновъ съ сѣтьми какъ
рыбаки,
Лѣнивымъ строемъ плывъ, страшатъ тварь вла-
ги стукомъ;
Какъ парусы суда, и лямкой бурлаки
Влекутъ однимъ подъ пѣснью духомъ.

Прекрасно! тихіе, отлогіе брега
И рѣдки холмики, селеній мелкихъ полны,
Какъ, полосаты ихъ клоня поля, луга,
Стоятъ надъ токомъ струй безмолвны.

Пріятно! какъ вдали сверкаетъ лучъ съ косы,
И эхо за лѣсомъ подъ мглой гамитъ народа,
Жнецовъ поющихъ, жницъ полкъ идетъ съ
полосы,
Когда мы ѣдемъ изъ похода,

Стеклъ заревомъ горитъ мой храмовидный
домъ,
На гору желтый всходъ межъ розъ осіявая,
Гдѣ встрѣчу водометъ шумитъ лучей дождемъ,
Звучитъ музыка духовая.

Изъ жерлъ чугунныхъ громъ по праздникамъ
реветъ;
Подъ звѣздной молніей, подъ свѣтлыми древами

Толпа крестьянъ, ихъ женъ, вино и пиво пьетъ,
Поетъ и пляшетъ подъ гудками.

Но скучитъ какъ сія забава сельска намъ,
Внутрь дома тѣшимся столицъ увеселеньемъ,
Велимъ талантами родныхъ своихъ дѣтямъ
Блистать: музыкой, пляской, пѣньемъ.

Амурчиковъ, Харитъ плетень, иль хороводъ,
Занявъ у Таліи игру и Терпсихоры,
Цвѣточные вѣнки пастухъ пастушкѣ вьетъ:
А мы на нихъ и пялимъ взоры.

Тамъ съ арфы звучныя порывный въ души громъ,
Здѣсь *тихогрома*, съ струнъ смягченны, плавны тоны
Бѣгутъ, — и въ естествѣ согласія во всемъ
Даютъ намъ чувствовать законы,

Но нѣтъ какъ праздника, и въ будни я одинъ —
На возвышеніи сидя столповъ перильныхъ,
При гусляхъ подъ вечеръ, челомъ моихъ сѣдинъ
Склонясь, ношусь въ мечтахъ умильныхъ.

Чего въ мой дремлющій тогда не входитъ умъ?
Мимолетящи суть всѣ времени мечтанья:
Проходятъ годы, дни, ревъ морь и бурей шумъ,
И всѣхъ зефировъ повѣванья.

Ахъ! гдѣ жъ, ищу я вкругъ, минувшій красный день?
Побѣды слава гдѣ, лучи Екатерины?

Гдѣ Павловы дѣла? — Сокрылось солнце, — тѣнь! . . .
Кто вѣсть и впредь полетъ орлиный?

Видъ лѣта краснаго намъ Александровъ вѣкъ:
Онъ сердцемъ нѣжныхъ лиръ удобенъ двигать струны:
Блаженствовалъ подъ Нимъ въ спокойствѣ человѣкъ;
Но мещетъ днесь и Онъ перуны.

Умолкнутъ ли они? — Сіе лишь знаетъ Тотъ,
Который къ одному концу всѣ правитъ сферы;
Онъ перстомъ ихъ Своимъ, какъ строй какой ведетъ,
Ко благу общему склоняя мѣры.

Онъ корни помысловъ, Онъ зритъ полетъ всѣхъ мечтъ,
И поглумляется безумству человѣковъ:
Тѣхъ освѣщаетъ мракъ, тѣхъ помрачаетъ свѣтъ,
И днешнихъ и грядущихъ вѣковъ.

Грудь Россовъ утвердилъ, какъ стѣну, онъ въ отпоръ
Темиру новому подъ Пултускомъ, Прейсшлау;
Младыхъ вождей расцвѣлъ побѣдами тамъ взоръ,
А скрылъ орла сѣдаго славу.

Такъ самыхъ свѣтлыхъ звѣздъ блескъ меркнетъ отъ нощей
Что жизнь ничтожная? Моя скудельна лира!

Увы! и даже прахъ спахнетъ моихъ костей
Сатурнъ крылами съ тлѣнна міра.

Разрушится сей домъ, засохнетъ боръ и садъ,
Не воспомянется нигдѣ и имя Званки?
Но совъ, сычей изъ дуплъ огнезеленый взглядъ,
И развѣ дымъ сверкнетъ съ землянки.

Иль нѣтъ, Евгеній! ты, бывъ нѣкогда моихъ (²)
Свидѣтель пѣсенъ здѣсь, взойдешь на холмъ тотъ страшный,
Который, тощихъ нѣдръ и сводовъ внутрь своихъ,
Вождя, волхва гробъ кроетъ мрачный,

Отъ коего, какъ громъ, касается надъ нимъ
Съ булатныхъ ржавыхъ вратъ, и збруи мѣдной гулы
Такъ слышны подъ землей, какъ грохотомъ глухимъ
Въ лѣсахъ, трясясь, звучатъ стрѣлъ тулы.

Такъ! Развѣ ты, отецъ, святымъ твоимъ жезломъ
Ударивъ объ доски, заростши мхомъ, желѣзны,
И свитыхъ вкругъ моей могилы змѣй гнѣздомъ
Прогонишь блѣдну зависть въ бездны;

Не зря на колесо веселыхъ, мрачныхъ дней,
На возвышеніе, на пониженье счастья,
Единой правдою меня въ умахъ людей
Чрезъ Кліи воскресишь согласья.

Такъ! въ іпракѣ вѣчности она своей трубой
Удобна лишь явить то мѣсто, гдѣ отзывы

От лиры моея шумящею рѣкой
Неслись чрезъ холмы, долы, нивы.

Ты слышалъ ихъ—и ты, будя твоимъ перомъ
Потомковъ ото сна, близъ Сѣвера столицы,
Шепнешь въ слухъ страннику, вдали какъ тихій громъ:
«Здѣсь Бога жилъ пѣвецъ, Фелицы.»

(¹) Писано на Званкѣ въ 1807 году; напечатано въ Русскомъ Вѣстникѣ въ Москвѣ.

Въ этомъ замѣчательномъ стихотвореніи, посвященномъ другу автора, Преосвященному Евгенію Болховитинову, Викарному Архіерею Новгородскому, въ послѣдствіи бывшему Митрополитомъ Кіевскимъ, описана въ подробности жизнь Державина на Званкѣ, а читатель, любуясь картинами мирнаго счастія, съ удовольствіемъ слѣдитъ провожденіе времени философа-поэта.

(²) Преосвященный Евгеній часто посѣщалъ автора въ его лѣтнемъ уединеніи на Званкѣ и любилъ слушать, какъ повторялось эхо пушечныхъ выстрѣловъ, неоднократно отзываясь въ лѣсахъ по берегамъ Волхова.

(³) Въ деревнѣ автора, неподалеку отъ дома его, находится курганъ или холмъ, подобный многимъ другимъ, разсѣяннымъ въ сихъ мѣстахъ. Курганы сіи, по открываемымъ въ нихъ остаткамъ костей человѣческихъ, означаютъ могилы людей знаменитыхъ, доблестныхъ витязей древнихъ битвъ. По преданіямъ извѣстно, что одинъ изъ Новгородскихъ вождей почитался волхвомъ, отъ имени котораго и самая рѣка прозвана Волховомъ, и носилась молва, что онъ превращался въ крокодила и другихъ чудовищъ и губилъ людей, плывшихъ по рѣкѣ и по озеру Ильменю.

XCVII.

ИЗДАТЕЛЮ МОИХЪ ПѢСНЕЙ. (¹)

—

Пѣсней моихъ издаватель!
Другъ Сіонидъ и пѣвецъ!
Въ храмѣ искусствъ обитатель!
Если ихъ кисть и рѣзецъ
Тѣнь хоть едину въ картинѣ
Бога Творца изразятъ;
Въ мраморѣ ль, мѣди, холстинѣ
Хлора, Фелицу явятъ:
Сгложутъ, ли, Л......! черви въ могилѣ
Со мною тебя?

Сгложутъ, коль самыя Музы
Толь мечтаній рабы: —
Тлѣнна носящее узы
Смерти не уйдетъ татьбы.
Гдѣ, ахъ! завѣса Апелла?
Фидія Дій — прахъ и персть.
Гдѣ Иліонъ, Тиръ и Пелла?
Развѣ убѣгли съ ихъ мѣстъ?
Нѣтъ! тамъ, гдѣ башни неба касались,
Обломки лежатъ.

Но Меонидъ въ кругѣ міра
Въ словѣ безсмертномъ живетъ;
Громкая правдою лира
Духа печать, — не умретъ.
Геніи въ мракѣ такъ зримы,

Нищью какъ въ небѣ огни;
Памятны будутъ Зосимы: (²)
Въ духѣ Евгенья они
Прейдутъ къ потомству. — Солнце лучами
Проходитъ сквозь мракъ.

Такъ чрезъ тебя я прольюся
Цѣлаго свѣта вокругъ;
Въ книгахъ, какъ въ стеклахъ, возжгуся:
Узрятъ далече мой духъ:
Что жъ воспрещалъ ты Брамину
Сѣять въ Лапландцахъ лучи?
Жегъ ѳиміамъ, иль лучину,
Свѣтъ проливалъ онъ въ ночи.
Долгъ Саламандра жечь: долгъ поэта
Въ міръ правду вѣщать,

Шествуй со мною безстрашно
Ты въ проповѣдничій путь;
Бога вѣщай велегласно,
Въ пѣсняхъ созвучникъ мнѣ будь;
Всюду хвали добродѣтель,
Святость и истину славь;
Доблестей Россовъ свидѣтель,
Памятникъ вѣчный оставь
Въ звукахъ Багрима: то и во гробѣ
Насъ червь не сгрызетъ.

(¹) Сочинено въ С.-п.-бургѣ 1807 года.

(²) Зосимы, три Грека нынѣшняго времени, извѣстны многими пожертвованіями на пользу просвѣщенія. Они употребили значительныя суммы на изданіе многихъ греческихъ и другихъ древнихъ писателей; ими же изданы

въ свѣтъ многія сочиненія и переводы ученаго Архіепископа Евгенія Болгара.

XCVIII.

ЛЕБЕДЬ. (¹)

Необычайнымъ я пареньемъ
Отъ тлѣнна міра отдѣлюсь,
Съ душей безсмертною и пѣньемъ,
Какъ лебедь, въ воздухъ поднимусь.

Въ двоякомъ образѣ нетлѣнный,
Не задержусь въ вратахъ мытарствъ;
Надъ завистью превознесенный,
Оставлю подъ собой блескъ царствъ.

Да, такъ! Хоть родомъ я не славенъ;
Но, будучи любимецъ Музъ,
Другимъ вельможамъ я неравенъ,
И самой смертью предпочтусь.

Не заключитъ меня гробница,
Средь звѣздъ не превращусь я въ прахъ,
Но, будто нѣкая пѣвица,
Съ небесъ раздамся въ голосахъ.

И се ужъ кожа, зрю, перната
Вкругъ станъ обтягиваетъ мой;
Пухъ на груди, спина крылата;
Лебяжьей лоснюсь бѣлизной.

Лечу, парю, — и подъ собою
Моря, лѣса, міръ вижу весь;
Какъ холмъ, онъ высится главою,
Чтобы услышать Богу пѣснь.

Съ Курильскихъ островъ до Буга,
Отъ Бѣлыхъ до Каспійскихъ водъ,
Народы, свѣта съ полукруга,
Составившіе Россовъ родъ,

Со временемъ о мнѣ узнаютъ,
Славяне, Гунны, Скиѳы, Чудь,
И всѣ, что̀ бранью днесь пылаютъ,
Покажутъ перстомъ, — и рекутъ:

«Вотъ тотъ летитъ, что̀ строя лиру,
Языкомъ сердца говорилъ,
И проповѣдуя миръ миру,
Себя всѣхъ счастьемъ веселилъ.» (2)

Прочь съ пышнымъ, славнымъ погребеньемъ,
Друзья мои! Хоръ Музъ не пой! —
Супруга! облекись терпѣньемъ:
Надъ мнимымъ мертвецомъ не вой.

---

(1) Подражаніе Гораціевой одѣ XX, изъ книги II; сочинено въ С.-п.-бургѣ въ 1804 году.

(2) Въ бытность свою Министромъ Юстиціи, Державинъ по волѣ Императора Александра написалъ положеніе о примирительномъ третейскомъ совѣстномъ судѣ.

XCIX.

СРѢТЕНІЕ ОРФЕЕМЪ СОЛНЦА.

—

ГИМНЪ.

Оставь, багряный одръ, гряди,
О, златокудрый, вѣчно-юный
Богъ свѣта, дѣвъ Парнасскихъ вождь?
Гряди и приведи съ собою
Весны и лѣта ясны дни
И цвѣто-благовонну Флору,
И въ класахъ блещущу Цереру
И Вакха, гроздовъ подъ вѣнцомъ,
Да, въ срѣтенье Тебѣ исшедши,
Воскликнемъ гимнъ.

Вспылалъ румяный огнь въ водахъ,
Вздымились горы, засверкали!
Се зрю, се зрю, — грядетъ, грядетъ
И свѣтлое чело возноситъ
Изъ синихъ волнъ на небеса,
Ужъ тихой арфы тихи звуки
Бѣгутъ со струнъ лучами въ долъ;
Безмолвны наклонились кедры, —
Внимаетъ тварь!

Пришелъ, пришелъ любитель Музъ,
Олимпа Царь, источникъ знаній:
Сердецъ ему несемъ
Благоуханну дань.
Пріими и озари съ престола
Тебя поющихъ Піеридъ.

ДИѲИРАМБЪ.

Тяжелой съ неба стопой
Мракъ отступаетъ,
Тонетъ, блѣднѣетъ во мглѣ,
И съ роскошью лѣнь,
Тучныя вѣжди подъемля,
Вставъ, идутъ къ трудамъ,
Зрятъ честью плѣнны умы
Къ лаврамъ и славѣ,

Слава! что зрю въ восхищеньи?
Боги, богини и Фивъ:
Се они! — Сердце трепещетъ!
Очи летятъ на красы!
Льются съ раменъ волны златы,
Розы средь устъ и ланитъ!
Голуби, лебеди, пава,
Вѣщая птица при нихъ:
Слава! зрѣлъ свѣтлаго Фива!
Видѣлъ! — вѣрь мнѣ, потомство.

Слава! слава! Музы скорѣе
Теките, бѣгите ко мнѣ
Фива воспѣть. — Холмы и рощи,
Рѣки шумящи съ горъ слышу!
Прядаютъ звѣзды, громы гремятъ:
Пестрые тигры, львы желтогривы
Кротко у ногъ Фива легли;
Вьются орлы, Фиву въ вѣкъ слава!

C.

АРИСТИППОВА БАНЯ.

—

Что вы, Аркадскія утѣхи,
Темпейскій долъ, Гесперскій садъ,
Цитерски рѣзвости и смѣхи
И скрытыхъ тысячи прохладъ
Средь рощь и средь пещеръ тѣнистыхъ,
Между цвѣтовъ и токовъ чистыхъ, —
Предъ тѣмъ, гдѣ Аристиппъ (*) живетъ?—
Что вы! — Домъ полнъ его довольствомъ!
Свободой, тишиной, спокойствомъ,
И всѣхъ блаженствъ онъ чашу пьетъ!

Жизнь мудраго — жизнь наслажденья
Всѣмъ тѣмъ, природа что даетъ.
Не спать въ свой вѣкъ, и съ попеченья
Не чахнуть, коль богатства нѣтъ;
Знать малымъ пробавляться скромно,
Жить съ беззаконными законно;
Чтить доблесть, не любить порокъ;
Со всѣми и всегда ужиться,
Но только съ добрыми дружиться:
Вотъ въ чемъ былъ Аристипповъ толкъ!

Взгляните жъ на него. — Онъ въ банѣ! —
Се роскоши и вкуса храмъ!
Цвѣтъ розъ разсыпанъ на диванѣ;

(*) Греческій философъ, жившій за 400 лѣтъ до Рождества Христова.

Какъ тонка мгла, иль ѳиміамъ,
Завѣса вкругъ его сквозится;
Взоръ всюду изъ нея стремится,
Въ нее жъ чуть дуетъ вѣтерокъ;
Льетъ чрезъ каминъ, сквозь сводъ, въ купальню,
Въ книгохранилище и спальню,
Огнистый съ шумомъ ручеекъ.

Онъ нѣжится, — и Апеллеса
Картины вкругъ его стоятъ:
Сверкаютъ битвы Геркулеса;
Сократъ съ улыбкою пьетъ ядъ;
Звучатъ пиры Анакреона;
Видна и ссылка Аполлона,
Стада пасетъ какъ по землѣ,
Какъ съ Музами свирѣлку ладитъ,
Въ румянецъ розъ пастушекъ рядитъ:
Цвѣтетъ спокойство на челѣ;

Иль, миртъ подъ тѣнью, подъ луною,
Онъ зритъ, на чистомъ ручейкѣ
Наяды плещутся водою,
Шумятъ: ихъ хохотъ вдалекѣ
Погодкою повсюду мчится:
Отъ тѣлъ златыхъ кристаллъ златится,
И прелесть свѣтится сквозь мракъ. —
Все старцу изъ окна то видно;
Но нимфъ невинности нестыдно,
Что скрытый съ нихъ не сходитъ зракъ.

А здѣсь, въ сосѣдственномъ покоѣ,
Въ очкахъ друзей его соборъ,

Надъ книгой, видной на налоѣ,
Сидитъ, склоня думъ полный взоръ,
Стиховъ его занявшись чтеньемъ;
Младая дщерь на цитрѣ пѣньемъ
Между фіаловъ вторитъ ихъ. —
Гласъ мудрости живѣй несется,
Какъ дѣвъ онъ съ розовыхъ устъ льется,
Подобно медъ съ сотовъ златыхъ.

«О смертные!» — поетъ Арета (*) —
«Коль странники страны вы сей,
Вкушать спѣшите благи свѣта:
Теченье кратко нашихъ дней. —
Блаженство намъ даруетъ время;
Бываетъ и порфира бремя,
И не прекрасна красота.
Едино счастье въ томъ неложно,
Коль услаждать духъ съ чувствомъ можно,
А все другое — суета.

«Не въ томъ бѣда, чтобъ чѣмъ прельщаться;
Бѣда пороку сдаться въ плѣнъ.
Не должно мудрымъ называться,
Кто духа твердости лишенъ.
Но если тѣло услаждаемъ
И душу благостьми питаемъ,
Почто съ небесъ перуна ждать?
Для жизни человѣкъ родится;

(*) Дочь его, имъ воспитанная, была дивомъ красоты и добродѣтели своего времени.

Его стихія — веселиться;
Лишь нужно страсти побѣждать

«И въ счастіи не забываться,
Въ довольствѣ помнить о другихъ;
Добро творить не собираться,
А должно дѣлать, дѣлать въ мигъ.
Вотъ мудра мужа въ чемъ отличность!
И будетъ ли вредна тутъ пышность.
Коль мvро на браду занесъ,
И часъ въ домъ царскій призываетъ;
Но сирота пришелъ, рыдаетъ:
Онъ всталъ, — отеръ его токъ слезъ?

«Порочно ль и столовъ обилье,
Блескъ блюдъ, винъ запахъ, сладость яствъ,
Коль гонятъ прочь они унынье,
Крѣпятъ здоровье и пріятствъ
Живутъ душей друзьямъ въ досугахъ;
Коль тучный полкъ стоитъ въ прислугахъ
И съ гладу вкругъ не воютъ псы?
Себя лишь мудрый умѣряетъ
И смерть, какъ гостью, ожидаетъ, —
Крутя, задумавшись, усы.»

Но вдругъ вошли, пресѣкли пѣнье
Отъ Діонисья три жены,
Мужамъ рожденны на прельщенье:
Какъ нощь — власы, лицемъ — луны,
Какъ небо — голубые взоры;
Блескъ устъ, ланитъ ихъ — блескъ Авроры,
И холмы — въ даръ ему плодовъ

При персяхъ отдаютъ въ прохладу.
«Хвала Царю» рекъ «за награду;
Но выдьте вонъ: я философъ.» (*)

Какъ? — Нѣтъ, мудрецъ! скорѣй винися,
Что ты лишь слабостью не слабъ:
Безъ зубъ воздержностью не дмися.
Всякъ смертный искушенья рабъ.
Блаженъ и въ средственной кто долѣ
Возмогъ обуздывать по волѣ
Своихъ стремленье прихотей!
Но быть богатымъ, купно святу,
Такъ трудно, какъ орлу крылату
Иглы сквозь пролетѣть ушей.

CI.

Э Х О.

Касаюсь струнъ — и громъ за громомъ
Отъ перстовъ съ арфы въ слухъ летитъ;
Шумитъ, бушуетъ доломъ, боромъ,
Въ мглѣ шепчетъ съ тишиной и спитъ;
Но вдругъ, отдавшися отъ холма,
Возвратнымъ грохотаньемъ грома
Гремитъ и удивляетъ міръ:
Такъ ввѣкъ безсмертно эхо лиръ.

(*) Діонисій, Царь Сиракузскій, подарилъ Аристиппу трехъ красавицъ. Онъ привелъ ихъ къ себѣ и отпустилъ назадъ, не прикасаясь къ нимъ.

Ѳ, мой Евгеній! коль Нарцисомъ
Тобой я чтусь, — скалой мнѣ будь;
И какъ покроюсь кипарисомъ,
О мнѣ твердить не позабудь.
Пусть лирой я, а ты трубою
Играя, будемъ жить съ тобою
На Волховѣ, какъ чудный шумъ
Тмой гуловъ удивляетъ умъ.

Увы! лишь въ свѣтѣ вспоминаньемъ
Безсмертнымъ смертный человѣкъ:
Нарцисъ жилъ нимфы отвѣчаньемъ;
Чрезъ Музъ живутъ Піиты ввѣкъ.
Пусть въ персть тѣла ихъ обратятся,
Но вновь изъ персти возродятся,
Какъ ожилъ Пиндаръ и Омиръ
Отъ Данта и Петрарка лиръ.

Такъ, знатна часть за гробомъ мрачнымъ
Останется еще отъ насъ,
А паче свиткомъ безпристрастнымъ
О комъ воскликнетъ Кліинъ гласъ:
Тогда и Ѳивовъ разоритель
Той самой Званки былъ бы чтитель,
Гдѣ Фебъ бесѣдовалъ со мной.
Потомство воззвучитъ — съ тобой.

CII.

ЖИЛИЩЕ БОГИНИ ФРИГГІИ. (*)

—

ХОРЪ.

Боги любятъ добродѣтель,
Сердце вѣрное хранятъ. —
Благъ, щедротъ ихъ я свидѣтель;
За терпѣніе наградъ.

ПѢВЕЦЪ.

Брагге (**), духъ Поэзіи незримый,
Скальда (***), за руку схватя, повелъ
Чрезъ дремучій лѣсъ, непроходимый,
Въ хладны тундры (****), Сѣвера въ предѣлъ.
Сосны вкругъ его стояли снѣжны;
Висли вѣтви и листы предъ нимъ;
Заграждали стези, виды смежны,
И онъ небомъ видѣнъ былъ однимъ.

Боги любятъ добродѣтель,
Сердце вѣрное хранятъ. —
Благъ, щедротъ ихъ я свидѣтель;
За терпѣніе наградъ.

Брагге Скальда мчалъ сквозь дебри темны:
Въ ужасѣ безъ чувствъ Скальдъ трепеталъ,

(*) Фриггія, Скандинавская богиня премудрости, Царица неба и матерь всѣхъ боговъ.

(**) Браггe, геній поэтовъ, или Аполлонъ.

(***) Скальдъ, поэтъ.

(****) Тундры, трясины, или зыбучія болота.

Вои слыша волчьи, врановъ стоны,
И зря древъ съ вершинъ какъ огнь сверкалъ
Въ взорахъ синихъ рысей, пестроблѣдныхъ,
Злящихся втай на него напасть,
И медвѣдей изъ берлоговъ земныхъ
Разѣвавшихъ въявь кроваву пасть.

Боги любятъ добродѣтель,
Сердце вѣрное хранятъ. —
Благъ, щедротъ ихъ я свидѣтель,
За терпѣніе наградъ.

Но коль паче Скальдъ тѣмъ устрашился,
Что бывъ вихремъ, въ облакѣ несенъ;
Въ мигъ изъ лѣса въ зaмкѣ очутился,
Башнями, стѣнами окруженъ,
Гдѣ, чугунными драконы ртами
Огнь и громъ бросая, воздухъ жгли,
Скрежеталъ морозъ, стуча зубами
И пустынный градъ сей стерегли.

Боги любятъ добродѣтель,
Сердце вѣрное хранятъ. —
Благъ, щедротъ ихъ я свидѣтель,
За терпѣніе наградъ.

Ужъ не въ станѣ ль древнихъ Скандинавовъ,
Въ области Варяговъ, — думалъ Скальдъ, —
Бранныхъ средь племенъ Скиѳо-Славяновъ,
Гдѣ, о Скада! (*) высился твой градъ,
И твои молніеносны руки
Всей землѣ отколь бросали брань,

(*) Скада, богиня вреда, молніи и грома.

Рюрику сбирали славы звуки,
Кости царствъ и кровь Одину (*) въ дань.

Боги любятъ добродѣтель,
Сердце вѣрное хранятъ. —
Благъ, щедротъ ихъ я свидѣтель,
За терпѣніе наградъ.

Идетъ въ темные пѣвецъ проходы
Сквозь кругловерхихъ вратъ, межъ столповъ
Подъ граниты, мшисты, древни своды,
За скрыпучихъ ста дверей, замковъ,
За желѣзныя рѣшетки ржавы,
Дня гдѣ свѣтъ, ни солнца не блеститъ. —
«Ахъ! не Локке ль (**) подъ землей кровавый
Здѣсь свое оружіе хранитъ?»

Боги любятъ добродѣтель,
Сердце вѣрное хранятъ. —
Благъ, щедротъ ихъ я свидѣтель,
За терпѣніе наградъ.

«Не Тевтоновъ ли тамъ зрятся гряды
По стѣнамъ мечей, щитовъ, кольчугъ,
Ратоборны страшные наряды,
Потрясающіе умъ и духъ?» —
Возстаютъ ужъ быстрые Полканы,
Пѣши въ бубны рыцари стучатъ,
Копьями, сѣкирами въ грудь раны
Дать ему, главу срубить грозятъ!...

(*) Одинъ, главный богъ Скандинавовъ (Юпитеръ).
(**) Локке, богъ ада, или Плутонъ.

Боги любятъ добродѣтель,
Сердце вѣрное хранятъ. —
Благъ, щедротъ ихъ я свидѣтель,
За терпѣніе наградъ.

Скальдъ упалъ полмертвымъ; но незапно
Въ мрачный взоръ его проникнулъ лучъ:
Возвратился духъ его обратно.
Онъ взглянулъ и межъ полночныхъ тучъ
Сіянье зрѣлъ неизреченно
Неисчетныхъ тысящей лампадъ. —
«Зришь ли Царство» Брагге рекъ «священно,
Доблестей священныхъ вертоградъ?

Боги любятъ добродѣтель,
Сердце вѣрное хранятъ. —
Благъ, щедротъ ихъ я свидѣтель;
За терпѣніе наградъ.

«Травы, купины, древа пахучи,
И зимою здѣсь цвѣты цвѣтутъ;
Птицы райски день и ночь поющи;
Тоны мусикійски слугъ влекутъ
Къ чувствамъ кроткимъ, тихимъ, безмятежнымъ
Витязей младыхъ и юныхъ дѣвъ,
Къ подвигамъ клоня ихъ славнымъ, нѣжнымъ,
Здѣсь витаютъ съ агнцемъ вкупѣ левъ:

Боги любятъ добродѣтель,
Сердце вѣрное хранятъ. —
Благъ, щедротъ ихъ я свидѣтель;
За терпѣніе наградъ.

«Подъ небеесъ здѣсь вкругъ сапфирнымъ видомъ
Горы, зрѣлища, сады видны;
Сельски дѣвы часто хороводомъ
Съ Валками (*) златы проводятъ дни,
Важность съединяя съ утѣшеньемъ;
Словомъ: здѣсь всѣ счастливо живутъ, —
И цвѣты, какъ солнца свѣтлымъ зрѣньемъ,
Фриггіей животворясь, растутъ.»

Боги любятъ добродѣтель,
Сердце вѣрное хранятъ. —
Благъ, щедротъ ихъ я свидѣтель,
За терпѣніе наградъ.

— «Кто жъ та Фригге? гдѣ ея владѣнье,
Брагге?» Скальдъ спросилъ. — «Здѣсь она живетъ:
Мудрость царствуетъ въ уединеньѣ,
Образуетъ душъ изящныхъ въ свѣтъ,»
Такъ, во старца обратясь, съ смиреньемъ,
Скальду Стихотворства богъ сказалъ:
«Чрезъ путь трудный опытомъ, терпѣньемъ
Входятъ только смертные въ Валкалъ.» (**)

Боги любятъ добродѣтель,
Сердце вѣрное хранятъ. —
Благъ, щедротъ ихъ я свидѣтель,
За терпѣніе наградъ.

(*) Валки, Музы.
(**) Валкалъ, чертогъ блаженствъ, или рай храбрыхъ.

CIII.

НОВГОРОДСКІЙ ВОЛХВЪ ЗЛОГОРЪ. (*)

ХОРЪ.

Бояновъ послухъ, Скальдъ сѣдый!
На мрачномъ Волховѣ, лѣнивомъ
Возсядь — и въ гулѣ горъ игривомъ
На арфѣ древніе слѣды
Невой, Ильменемъ, Мшагой плывшихъ (**)
Изъ праха извлекавъ забвенья,
Потомкамъ позднимъ въ удивленья,
Грянь, пой дѣла намъ прошлыхъ лѣтъ,
Изъ тмы ихъ воскрешая въ свѣтъ.

СКАЛЬДЪ.

Внемлите! Съ южныя отчизны
Оденъ пришелъ на край нощной,
Съ нимъ Велесъ, Волхвъ Злогоръ, тризны
Вѣкъ въ памятѝ сдѣлавшись рѣкой,
Сталъ Волховомъ съ временъ тѣхъ зваться,
Могильны холмы омывать,
Сребристымъ зміемъ изгибаться,
Вкругъ враномъ и сычемъ летать.

Такъ онъ, изверженецъ изъ ада,
Всѣхъ козней демонскихъ соборъ,
Славяновъ сынъ, Славяна града
Колдунъ, слѣпившій черни взоръ

(*) Взято изъ Новгородскаго баснословія.
(**) Рѣки и озеро Новгородской губерніи.

Очарованьями, мечтами,
Во громы, въ молньи, въ вихри, въ дождь
Преображавшійся часами,
Былъ крокодилъ, волхвъ, князь, жрецъ, вождь.

Онъ невѣгласовъ вмѣсто Бога
Принудилъ силой, страхомъ чтить
Кумиръ Перуна Чернорога,
И кровь ему съ мольбой ихъ лить:
Но жертвъ ему не приносившихъ,
Самъ и чрезъ чадъ своихъ губилъ:
Шелонью, Ладогомъ топилъ.

ХОРЪ.

Бояновъ послухъ, Скальдъ сѣдый!
На мрачномъ Волховѣ, лѣнивомъ
Возсядь — и въ гулѣ горъ игривомъ
На арфѣ древніе слѣды
Изъ праха извлекавъ забвенья,
Потомкамъ позднимъ въ удивленья,
Грянь, пой дѣла намъ прошлыхъ лѣтъ,
Изъ тмы ихъ воскрешая въ свѣтъ.

СКАЛЬДЪ.

Злогора душу взяли черти;
Но слухъ такъ страшенъ былъ о немъ,
Что люди добрые, по смерти,
Въ гробъ положивши ницъ лицемъ,
Такъ спрятали его въ могилу,
Чтобъ имъ не вреденъ былъ тиранъ;
Осиновъ колъ ему вбивъ съ тылу,
Надъ нимъ насыпали курганъ.

Но онъ и по своей кончинѣ
Творилъ премножество проказъ,
Какъ переносится донынѣ
О немъ старухъ и бабъ разсказъ:
Плелъ басни, смуты, сѣялъ шашни,
Былъ женъ посадничьихъ дружокъ,
Леталъ въ повалуши ихъ, въ башни,
И внизъ и вверхъ, какъ голубокъ.

Въ куту кикиморой незримой
Сидѣлъ онъ часто на печи;
Весь ужинъ, къ вечеру хранимой,
Съѣдалъ, зубами скрипучи;
А по ночамъ, къ хозяйску диву,
Скакалъ на клячахъ по сту верстъ;
Коню жъ любимому плелъ гриву
И какъ трубу волнистый хвостъ.

ХОРЪ.

Бояновъ послухъ, Скальдъ сѣдый!
На мрачномъ Волховѣ, лѣнивомъ
Возсядь — и въ гулѣ горъ игривомъ
На арфѣ древніе слѣды
Изъ праха извлекавъ забвенья,
Потомкамъ позднимъ въ удивленья
Грянь, пой дѣла намъ прошлыхъ лѣтъ,
Изъ тмы ихъ воскрешая въ свѣтъ.

СКАЛЬДЪ.

Вадима въ бунтъ на Гостомысла
Всю чернь сей поджигалъ Злогоръ,
Вперяя противъ здрава смысла

Въ Варяговъ и Славянъ раздоръ;
Онъ тожъ не допущалъ Добрыню
Новогородцевъ окрестить,
На холмахъ водружать святыню
И идоловъ въ рѣкахъ топить;

Противился и Ярославу
Въ суды онъ Правду Русску ввесть,
И бабу злу, ягу лукаву,
Посадницу всѣмъ Мареу въ честь
На колымагѣ вскачь съ желѣзнымъ
Пестомъ велѣлъ возить на Вѣчь;
На Хутынѣ жъ огнемъ подземнымъ
Царя бѣгъ Грознаго сожечь.

И днесь на Званкѣ онъ проказитъ,
Тмы ночью дѣлая чудесъ:
Златой луной на Волховъ слазитъ,
Лучемъ въ немъ пишетъ горы, лѣсъ,
И лоснясь съ колкунами длинной
Какъ снѣгъ брадой, склонясь челомъ,
Дрожитъ въ струяхъ, иль въ холмъ могильной
Залегшій въ мракъ храпитъ какъ громъ.

CIV.

РИМСКОМУ НАРОДУ.

Куда, куда еще, мечи едва вложенны
Въ ножны, вы, обнажа, стремитесь вновь ярясь?

Поля ль отъ васъ, моря ль не много обагренны,
И мало ль ваша кровь лилась?

Нѣтъ, нѣтъ! Не Римъ, — ему враждебный и надменный
Низвергъ и превратилъ въ персть, пламень, Кароагенъ;
Ни вольный Бритовъ родъ, цѣпями отягченный,
Сквозь вратъ торжествъ веденный въ плѣнъ.

Такъ, такъ! Не отъ Пароянъ, но собственной враждою
Своей, крамолою падетъ вашъ славный градъ.
Ни волкъ, ни левъ, какъ вы, съ столь яростію злою
Своихъ собратьевъ не губятъ.

Что жъ за слѣпая месть и что за вышня сила,
Иль грѣхъ какой стремитъ васъ? Дайте мнѣ отвѣтъ. —
Но вы молчите! что? вашъ блѣдность зракъ покрыла!
Иль молній ужаснулъ васъ свѣтъ?

Се строгій Рима рокъ, се злоба звѣровидна;
Какъ заглушаетъ вашъ братоубійствомъ гласъ!
Съ тѣхъ поръ, какъ Ремова кровь пролита невинна,
Лежитъ проклятіе на васъ.

CV.

КЪ МЕРКУРІЮ.

—

Краснорѣчивый внукъ Атланта,
Меркурій! диκій нравъ смягчившій грубыхъ смертныхъ
И образъ давшій ихъ движенью тѣлъ красивый
По правиламъ Палестры!

Тебя, боговъ и Дія вѣстникъ,
Пою, обрѣтшаго выпуклозвонку лиру,
Въ уловкахъ хитраго, искуснаго все въ шуткахъ
Похитить, скрыть что хочешь.

Обманомъ нѣкогда изъ стада,
Бывъ юнъ еще, воловъ ты свелъ у Аполлона;
И онъ, коль не отдашь, грозилъ, но, стрѣлъ въ мигъ въ тулѣ
Не взвидѣвъ, разсмѣялся.

Ты щедраго въ пути Пріама
Былъ вождь, какъ онъ Пергамъ оставилъ, и сквозь станицъ
Прошелъ враговъ, избѣгнулъ лютыхъ стражей
Θессальскихъ и Атридовъ.

Вчиняя души благочестны
Въ селеньяхъ радости, и легкія ихъ стаи
Гоняя золотымъ жезломъ, ты всѣмъ пріятенъ
Богамъ небесъ и ада.

———

CVI.

КЪ КАЛЛІОПѢ.

—

Сойди ко мнѣ съ небесъ, Царица Калліопа!
И громкою трубой, иль нѣжнымъ звономъ струнъ
Отъ цитры Феба, иль когда предпочитаешь
Ты голосъ свой всему, — воспой безсмертну пѣснь.

Уже мнѣ слышится, или я, обаяясь
Прелестною мечтой, брожу въ густой чащи
Священныхъ рощъ, и шумъ прохладнаго зефира
И тихій внемлю токъ журчащаго ручья?

Такъ на горѣ, Вилькуръ, еще въ младенствѣ сущій,
За рубежемъ родной Апуліи моей
Игрою утомленъ, въ снѣ сладкомъ осѣненный
Таинственно вѣтвьми я былъ отъ голубей.

Всѣмъ населяющимъ вершины Ахероній,
Нависисты скалы лѣсныхъ Бантинскихъ дебрь,
И тучны пажити долинъ Низкоференскихъ,
Казалось жителямъ то нѣкимъ чудомъ, что

Не уязвляемый ни отъ медвѣдей лютыхъ,
Ни черноядныхъ змѣй, подъ злачнымъ лавромъ я
И миртовой въ тѣни почилъ священной рощи,—
Не безъ покрова, знать, боговъ былъ отрокъ смѣлъ.

Меня, любящаго струи и ваши пѣсни,
Ни съ Филиппинскихъ рать бѣжавшая полей,
Ни древо адское, ни волны Палинура
Не погубили моръ Сицильскихъ въ хлябяхъ ихъ;

Я вашъ, Камены, вашъ. — На холмы ли Сабински,
Въ прохладный ли Пренестъ, въ пологій ли Тибуръ,
Или въ приморскіе вхожу вертепы Байски,
Нигдѣ и ничего, бывъ съ вами, не страшусь.

Доколѣ вы со мной, пловцемъ пущусь охотно
Въ ярящійся Босфоръ, въ пѣски Ливійскія пѣшъ,
Британовъ къ странникамъ и Конокан свирѣпыхъ
Піющихъ конску кровь, Донъ скиѳскій посѣщу.

Вы, подвигъ Цезаря великаго окончить,
Какъ размышляетъ онъ въ пещерѣ Піеридъ,
И воинство свое шлетъ въ браняхъ утомленно
Во грады на покой, прохладой щедрите.

И днесь, блаженные ему совѣты, кротки
Вдохнувъ, ликуете. — Мы знаемъ, страшный громъ
Чей свергъ Титановъ полкъ; землей и моремъ бурнымъ
Кто правитъ Царствами и смертныхъ и боговъ.

Немалымъ ужасомъ Юпитера смутила
Самонадѣйная та буйна, юна рать,
Что, силясь мышцами, подъявъ братосодружно,
Лѣсистый на Олимпъ вскатить вверхъ Пеліонъ.

Но что возмогъ Пиѳей? что Мимъ ужасно-
мочный?
Что съ грознымъ станомъ могъ гигантскимъ
Порфирьенъ?
Что Редъ и Энцеладъ, надменно съ корней рвавши
И въ бѣшенствѣ своемъ бросавши дерева?

Противъ эгида что гремящаго Паллады?
И пламенный Вулканъ, Царица и Небесъ
Стояла Хера гдѣ, и не слагающій вѣкъ
Съ раменъ своихъ стрѣлогремящій свѣтлый
тулъ,

И моющій власы разсыпанны, златые,
Струящися въ ключахъ Кастальскихъ чистыхъ
водъ
И въ отчихъ родшися витающій дубравахъ
Ликійскихъ, Патерскій и Дельфскій Аполлонъ!

Лишенна падаетъ благоразумья сила
Подъ бременемъ своимъ; благоразумьемъ же
Мощь размѣряему возводятъ боги выше, —
Но ненавистна имъ возставшая на нихъ.

Свидѣтель словъ моихъ да будетъ Гигъ сто-
рукій
И непорочныя Діаны Оріонъ
Помысля на соблазнъ. Онъ скоро укрощеннымъ
Сталъ въ дерзости своей дѣвической стрѣлой.

На собственныхъ своихъ низвержена чудо-
вищъ,
Земля, стеня, скорбитъ о чадахъ тѣхъ ея,

Что сдхнуты молніей во мрачны бездны ада,
И Этна, брошенна на нихъ, еще горитъ.

Несчастіе стрещи опредѣленна птица
Рвать невоздержнаго не престаетъ до днесь
Титія печени, и влюбчива связуютъ
Пиритоя еще трехъ сотныхъ склепы узъ.

CVII.

ПОЛДЕНЬ.

Едва Кармилъ и Амморей,
Съ багряною зарей
Изъ утренніа мглы, какъ острова, взносились,
И розовымъ огнемъ ихъ чела золотились,
Рубинные ковры, восточный горизонтъ,
И искросребра ткань струила черный понтъ,—
Великолѣпный флотъ Хирамовъ изъ Офира
И чудный кораблецъ въ немъ краше, легче всѣхъ
На поднятыхъ крылахъ дыханіемъ зефира—
Къ Юдейскимъ берегамъ притекъ;—
Никавля въ немъ была, владычица Сидона,
Желавша видѣть Соломона!

Но солнце восходить какъ стало на зенитъ;
Ковыль вдали, пески и воздухъ зарябѣли,
Подзвѣздные орлы почить подъ хламомъ сѣли,
И въ глубину спустился китъ
На зыбкой отдыхать бездонной колыбели;
Въ коральныхъ теремахъ Сирены усмирѣли,

Пернаты онѣмѣли,
Прижалися, среди ихъ гнѣздъ,
Не могши жара снесть;
Лишь изъ лѣсныхъ трущобъ, чрезъ холмы, степи, логи,
Вскачь серны и единороги
Ихъ жажду утолить,
И вѣтвеглавые елени табунами
Къ потокамъ, къ студенцамъ, пробитыми тропами,
Бѣжали вереницей пить:
Тогда поморье Іоффійско
На разстояніе не близко
И Іорданскій брегъ покрытъ —
Сталъ дивнымъ поѣздомъ сей южныя Царицы:
Тма темъ кипитъ, блеститъ,
И всадникъ, и пѣшецъ, и конникъ, и возницы,
Въ путь движась, не щадятъ ни силы, ни труда.
Но часъ когда
Пришелъ полдневный,
Палъ прямостойно лучъ въ долъ, съ неба распаленный,
И все лице земли какъ угль разжегъ,
Никто ступить не могъ:
Змѣй вихрепламенный летѣлъ, и близкимъ ревомъ
Ужъ всѣхъ грозилъ истлить тлетворнымъ зѣвомъ;
Изъ пыли облако, какъ черна дыма сѣть,
Столбясь, крутясь, весь затѣняла свѣтъ.
Подъ кедры Божіи, Ливанскіе, подзвѣздны,

Царица скрылася въ Сіонскій садъ,
Въ святилище прохладъ,
Спокойства, тишины,
Гдѣ въ страшны глубины,
Средь высочайшихъ скалъ, нависнувшихъ надъ
бездны,
Изъ древъ сплетенна сѣнь, иль нѣкій дивный
сводъ,
Ущельемъ на гору всѣмъ отверзаетъ всходъ;
Куда ни вѣтръ не провѣваетъ,
Ни свѣта лучъ не проницаетъ;
Гдѣ вѣчно дерева, какъ дремлющи, стоятъ;
Въ потокѣ Кедрскомъ—тамъ свѣтило міра зрятъ,
Какъ блюдо круглое, пловущее, златое,
И синю, какъ въ окно, чуть-чуть, небесъ ла-
зурь;
Во время громовъ гдѣ и въ ужасъ бурь
Какъ дубы вержутся, бушуя пальмы гнутся,
Стократно гулы вкругъ глухіе раздаются;
А въ тишину, какъ нѣкій шопотъ, стонъ,
Отъ горлицъ воркованья;
То отъ долбленья жолнъ,
Отъ соловьевъ свистанья,
То отъ различныхъ голосовъ,
Звучащихъ средь лѣсовъ;
Какъ проѣзжаютъ тамъ мостъ каменнометаль-
ный
Тмой отголосковъ, эхъ, грохочутъ дебри дальны.
Порфироносица, проѣхавъ оный лѣсъ,
Или дремущихъ рощъ злачно-зелено море,
Главу взносящихъ до небесъ,

Пальмъ, нардовъ, кипарисовъ, певговъ,
Алоевъ, теревинѳовъ, кедровъ,
Носящихъ гроздъ и льющихъ ароматъ,
Узрѣла предъ собою вскорѣ —
Давидовъ градъ,
Который облакомъ со ската,
Отъ разноцвѣтныхъ плиноѳ стеклистыхъ, и
отъ злата,
На кровы съ крововъ, льющихъ блескъ,
Сіялъ — какъ бы пожаръ средь рѣкъ!

CVIII.

ЧЕЛОВѢКЪ.

ОДА.

—

Изъ нѣдръ глубокихъ водъ сребристыхъ
Латоны гордый сынъ грядетъ;
Съ власовъ румяныхъ и волнистыхъ
Сафиръ, лазурь и пурпуръ льетъ.
Лучи съ струями водъ смѣшались.
По грозной влагѣ разливались;
Блестятъ, какъ молніи во мглѣ,
Какъ огнь блистаетъ въ кристалѣ.

Сидя въ молчаніи глубокомъ,
Чело на длань я преклонилъ —
И мыслію, разсудкомъ, окомъ
Къ непостижимости парилъ;
Отъ ада къ небесамъ взвивался,

Какъ искра въ облакахъ терялся,
Какъ капля въ океанѣ водъ,
Какъ въ вѣчности протекшій годъ.

Природа вся еще дремала,
На лоно сна облокотясь,
Нева едва въ брегахъ мелькала,
Съ журчаньемъ тихимъ въ Бельтъ ліясь;
Струи, какъ вѣтерки клубились,
Въ пучину, не-хотя, стремились,
И въ чистый превратясь хрусталь—
Горятъ, какъ въ яркомъ горнѣ сталь.

Путемъ, лазурью покровеннымъ,
Фебъ гордый выше восходилъ;
Перстомъ румянымъ, позлащеннымъ
Небесны своды золотилъ;
Лучи въ окно ко мнѣ мелькали,
Огни на люстрѣ рисовали —
Тамъ яхонтъ, пурпуръ, тамъ коралъ,
И блескъ мгновенно исчезалъ.

Песчинка малая въ пучинѣ,
Гигантъ и карликъ — человѣкъ,
Воззри — и въ сей найдешь картинѣ
Свой краткій, преходящій вѣкъ:
Какъ солнце утромъ ты сіяешь,
Какъ тѣнь съ зарею исчезаешь;
Ты живъ, коль огнь свой свѣтъ ліетъ;
Ты мертвъ, когда перестаетъ!

Ты строишь, рушишь, созидаешь,
Какъ Богъ, всемощною рукой;

Міры десницей потрясаешь,
Громами правишь, тишиной;
Ты мыслью бездны проникаешь,
Ты персть, и съ перстью истлѣваешь;
Паришь подъ землю, къ солнцу, въ адъ—
Ты прахъ, ты мощный Энкеладъ!

Ты силою воображенья
Постигъ теченіе планетъ,
Исчислилъ мѣру ихъ движенья,
Обнялъ ихъ свойства, мракъ и свѣтъ. (*)

(*) Страница рукописи, содержащая остальные четыре стиха этой строфы и всю послѣднюю такъ пострадала отъ времени что, къ сожалѣнію, нѣтъ возможности хорошо разобрать написаннаго.

CIX.

ПРИНОШЕНІЕ. (¹)

МОНАРХИНѢ.

Что смѣлая рука Поэзіи писала,
Какъ Бога, истинну Фелицу во плоти
И добродѣтели Твои изображала,
Дерзаю къ Твоему престолу принести,
Не по достоинству изящнѣйшаго слога,
Но по усердію къ Тебѣ души моей.
Какъ жертву чистую, возженную для Бога,
Прими съ небесною улыбкою Твоей,
Прими и освяти Твоимъ благоволеньемъ,

И Музѣ будь моей подпорой и щитомъ.
Какъ мнѣ была и есть Ты отъ клеветъ спасеньемъ. (²)
Да веселясь она и съ бодрственнымъ челомъ
Пойдетъ сквозь тму временъ и станетъ средь потомковъ,
Суда ихъ не страшась, Твои хвалы вѣщать;
И алчный червь когда, межъ гробовыхъ обломковъ,
Оставшій будетъ прахъ костей моихъ глодать:
Забудется во мнѣ послѣдній родъ Багрима,
Мой вросшій въ землю домъ никто не посѣтитъ;
Но лира коль моя въ пыли гдѣ будетъ зрима,
И древнихъ струнъ ея гдѣ голосъ прозвенитъ,
Подъ именемъ Твоимъ громка она пребудетъ;
Ты славою, — Твоимъ я эхомъ буду жить,
Героевъ и Пѣвцовъ вселенна не забудетъ;
Въ могилѣ буду я, но буду говорить.

(¹) Первая часть сихъ сочиненій поднесена была Императрицѣ Екатеринѣ II самимъ авторомъ въ П.-бургѣ ноября 8-го дня 1795 г., и оставалась въ Ея кабинетѣ до Ея кончины, послѣдовавшей въ 6-й день ноября 1796 г. Книга сія не была издана въ свѣтъ при жизни Императрицы, потому что были люди, которые увѣрили Государыню, что въ стихахъ Державина много было сатирическихъ выраженій. По кончинѣ Императрицы, при Государѣ Павлѣ Петровичѣ, когда авторъ опредѣленъ былъ въ Совѣтъ, онъ чрезъ Статсъ-Секретаря Нелединскаго, въ 1798 г., получилъ свои сочиненія обратно. Впрочемъ многія изъ нихъ отдѣльно были уже извѣстны. Ода *Фелицѣ* была напечатана въ Собесѣдникѣ. Нѣкоторыя другія были напечатаны подъ названіемъ: «Одъ». Ода *на взятіе Измаила,* такъ же, какъ и поэтическое описаніе

праздника Князя Потемкина Таврическаго, были изданы особенно. Иванъ Ивановичъ Шуваловъ приказывалъ въ разныя времена печатать стихотворенія Державина въ Университетѣ. 1-я часть напечатана была въ 1798 г. и перепечатана въ 1808 г. въ С.-п.-бургѣ, съ прибавленіемъ трехъ послѣдующихъ частей; въ третью часть вошли анакреонтическія пѣсни Державина, изданныя отдѣльно еще въ 1804 году. Въ предисловіи къ изданію 1808 г. Державинъ объяснилъ причины, почему темныя мѣста остались безъ истолкованій; онъ предоставлялъ себѣ объяснить ихъ въ послѣдующее время, что̀ и исполнилъ въ 1809 г. въ деревнѣ своей Званкѣ, въ 150 верстахъ отъ С.-п.-бурга, находящейся при Волховѣ, близъ большой дороги, ведущей въ Москву.

(2) Одою къ Фелицѣ сочинитель навлекъ на себя неудовольствія многихъ вельможъ; но не смотря на сіе, принятъ былъ въ Статсъ-Секретари покойной Императрицы въ 1791 году декабря 12 дня.

(3) Предокъ Державина, Мурза Багримъ, выѣхалъ изъ Золотой Орды на службу къ Великому Князю Василью Темному; дѣти его были: Нарбекъ, Кеглъ, Акиноъ и Держава; отъ нихъ произошли фамиліи Нарбековыхъ, Кегловыхъ, Акинѳовыхъ и Державиныхъ.

CX.

ФЕЛИЦА. (1)

Богоподобная Царевна } (2)
Киргизъ-Кайсацкія орды, }
Которой мудрость несравненна
Открыла вѣрные слѣды
Царевичу младому Хлору

Взойти на ту высоку гору,
Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ,
Гдѣ добродѣтель обитаетъ!
Она мой духъ и умъ плѣняетъ:
Подай, найти ее, совѣтъ.

Подай, Фелица! наставленье:
Какъ пышно и правдиво жить,
Какъ укрощать страстей волненье,
И счастливымъ на свѣтѣ быть?
Меня твой голосъ возбуждаетъ,
Меня Твой Сынъ препровождаетъ;
Но имъ послѣдовать я слабъ:
Мятясь житейской суетою,
Сегодня властвую собою,
А завтра прихотямъ я рабъ.

Мурзамъ Твоимъ не подражая,
Почасту ходишь Ты пѣшкомъ,
И пища самая простая
Бываетъ за Твоимъ столомъ;
Не дорожа Твоимъ покоемъ,
Читаешь, пишешь предъ налоемъ, (3)
И всѣмъ изъ Твоего пера
Блаженство смертнымъ проливаешь;
Подобно въ карты не играешь,
Какъ я, отъ утра до утра;

Не слишкомъ любишь маскарады,
А въ клубъ не вступишь и ногой;
Храня обычаи, обряды,
Не донкишотствуешь собой;
Коня Парнасска не сѣдлаешь, (4)

Къ духамъ въ собранье не въѣзжаешь, (5)
Не ходишь съ трона на Востокъ;
Но, кротости ходя стезею,
Благотворящею душею,
Полезныхъ дней проводишь токъ.

А я, проспавши до полудни,
Курю табакъ и кофе пью;
Преобращая въ праздникъ будни,
Кружу въ химерахъ мысль мою:
То плѣнъ отъ Персовъ похищаю,
То стрѣлы къ Туркамъ обращаю;
То возмечтавъ, что я Султанъ,
Вселенну устрашаю взглядомъ;
То вдругъ прельщаюся нарядомъ,
Скачу къ портному по кафтанъ; (6)

Или, въ пиру я пребогатомъ,
Гдѣ праздникъ для меня даютъ,
Гдѣ блещетъ столъ сребромъ и златомъ,
Гдѣ тысячи различныхъ блюдъ —
Тамъ славный окорокъ Вестфальской,
Тамъ звенья рыбы Астраханской,
Тамъ пловъ и пироги стоятъ,
Шампанскимъ вафли запиваю,
И все на свѣтѣ забываю
Средь винъ, сластей и ароматъ;

Или, средь рощицы прекрасной
Въ бесѣдкѣ, гдѣ фонтанъ шумитъ,
При звонѣ арфы сладкогласной,
Гдѣ вѣтерокъ едва дышитъ,
Гдѣ все мнѣ роскошь представляетъ,

Къ утѣхамъ мысли уловляетъ,
Томитъ и оживляетъ кровь, —
На бархатномъ диванѣ лежа,
Младой дѣвицы чувства нѣжа,
Вливаю въ сердцѣ ей любовь;

Или, великолѣпнымъ цугомъ
Въ каретѣ Англійской, златой,
Съ собакой, шутомъ, или другомъ,
Или съ красавицей какой,
Я подъ качелями гуляю;
Въ шинки пить меду заѣзжаю;
Или, какъ то̀ наскучитъ мнѣ,
По склонности моей къ премѣнѣ,
Имѣя шапку на бекренѣ,
Лечу на рѣзвомъ бѣгунѣ; (7)

Или, музыкой и пѣвцами,
Органомъ и волынкой вдругъ,
Или, кулачными бойцами (8)
И пляской веселю мой духъ;
Или, о всѣхъ дѣлахъ заботу
Оставя, ѣзжу на охоту,
И забавляюсь лаемъ псовъ;
Или, надъ Невскими брегами
Я тѣшусь по ночамъ рогами
И греблей удалыхъ гребцовъ; } (9)

Иль, сидя дома, я прокажу,
Играя въ дураки съ женой;
То съ ней на голубятню лажу;
То въ жмурки рѣзвимся порой;
То въ свайку съ нею веселюся,

То ею въ головѣ ищуся;
То въ книгахъ рыться я люблю,
Мой умъ и сердце просвѣщаю:
Полкана и Бову читаю.
За Библіей, зѣвая, сплю. [10]

Таковъ, Фелица, я развратенъ!
Но на меня весь свѣтъ похожъ.
Кто сколько мудростью ни знатенъ,
Но всякій человѣкъ есть ложь.
Не ходимъ свѣта мы путями,
Бѣжимъ разврата за мечтами.
Между лѣнтяемъ и брюзгой, [11]
Между тщеславья и порокомъ,
Нашелъ кто развѣ не нарокомъ
Путь добродѣтели прямой?

Нашелъ: но льзя ль не заблуждаться
Намъ, слабымъ смертнымъ, въ семъ пути,
Гдѣ самъ разсудокъ спотыкаться
И долженъ въ слѣдъ страстямъ идти;
Гдѣ намъ ученые невѣжды,
Какъ мгла у путниковъ, тмятъ вѣжды;
Вездѣ соблазнъ и лесть живетъ;
Пашей всѣхъ роскошь угнетаетъ,
Гдѣ жъ добродѣтель обитаетъ?
Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ?

Тебѣ единой лишь пристойно,
Царевна! свѣтъ изъ тмы творить;
Дѣля хаосъ на сферы стройно,
Союзомъ цѣлость ихъ крѣпить;
Изъ разногласія согласье

И изъ страстей свирѣпыхъ счастье
Ты можешь только созидать.
Такъ кормщикъ, черезъ понтъ плывущій,
Ловя подъ парусъ вѣтръ ревущій,
Умѣетъ судномъ управлять.

Едина Ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого;
Дурачества сквозь пальцы видишь;
Лишь зла не терпишь одного;
Проступки снисхожденьемъ правишь;
Какъ волкъ овецъ, людей не давишь, —
Ты знаешь прямо цѣну ихъ:
Царей они подвластны волѣ,
Но Богу правосудну болѣ,
Живущему въ законахъ ихъ.

Ты здраво о заслугахъ мыслишь:
Достойнымъ воздаешь Ты честь;
Пророкомъ Ты того не числишь,
Кто только риѳмы можетъ плесть.
А что сія ума забава
Калифовъ добрыхъ честь и слава,
Снисходишь Ты на лирный ладъ:
Поэзія Тебѣ любезна,
Пріятна, сладостна, полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ.

Слухъ идетъ о Твоихъ поступкахъ,
Что Ты нимало не горда,
Любезна и въ дѣлахъ и въ шуткахъ,
Пріятна въ дружбѣ и тверда;
Что Ты въ напастяхъ равнодушна,

А въ славѣ такъ великодушна,
Что отреклась и Мудрой слыть.
Еще же говорятъ не ложно,
Что будто завсегда возможно,
Тебѣ и правду говорить.

Неслыханное также дѣло,
Достойное Тебя одной,
Что будто Ты народу смѣло
О всемъ, и въявь, и подъ рукой,
И знать и мыслить позволяешь, ([12])
И о Себѣ не запрещаешь
И быль, и небыль говорить;
Что будто самымъ крокодиламъ,
Твоихъ всѣхъ милостей Зоиламъ,
Всегда склоняешься простить.

Стремятся слезъ пріятныхъ рѣки
Изъ глубины души моей.
О, коль счастливы человѣки
Тамъ должны быть судьбой своей,
Гдѣ Ангелъ кроткій, Ангелъ мирный,
Сокрытый въ свѣтлости порфирной,
Съ небесъ ниспосланъ скиптръ носить!
Тамъ можно пошептать въ бесѣдахъ,
И казни не боясь, въ обѣдахъ
За здравіе Царей не пить;

Тамъ съ именемъ Фелицы можно ([13])
Въ строкѣ описку поскоблить,
Или портретъ неосторожно
Ея на землю уронить;
Тамъ свадебъ шутовскихъ не парятъ,

Въ ледовыхъ баняхъ ихъ не жарятъ, ([14])
Не щелкаютъ въ усы вельможъ;
Князья насѣдками не клохчутъ,
Любимцы въявь имъ не хохочутъ, ([15])
И сажей не мараютъ рожъ.

Ты вѣдаешь, Фелица! правы
И человѣковъ и Царей:
Когда Ты просвѣщаешь нравы,
Ты не дурачишь такъ людей;
Въ Твои отъ дѣлъ отдохновенья
Ты пишешь въ сказкахъ поученья, ([16])
И Хлору въ азбукѣ твердишь:
«Не дѣлай ничего худова, —
И самаго сатира злова
Лжецомъ презрѣннымъ сотворишь.»

Стыдишься слыть Ты тѣмъ Великой,
Чтобъ страшной, нелюбимой быть;
Медвѣдицѣ прилично дикой
Животныхъ рвать и кровь ихъ пить.
Безъ крайняго въ горячкѣ бѣдства
Тому ланцетовъ нужны ль средства,
Безъ нихъ кто обойтися могъ?
И славно ль быть тому тираномъ,
Великимъ въ звѣрствѣ Тамерланомъ,
Кто благостью великъ, какъ Богъ.

Фелицы слава — слава Бога,
Который брани усмирилъ, ([17])
Который сира и убога
Покрылъ, одѣлъ и накормилъ;
Который окомъ лучезарнымъ

Шутамъ, трусамъ, неблагодарнымъ
И праведнымъ Свой свѣтъ даритъ,
Равно всѣхъ смертныхъ просвѣщаетъ,
Больныхъ покоитъ, исцѣляетъ,
Добро лишь для добра творитъ;

Который даровалъ свободу
Въ чужія области скакать, (18)
Позволилъ Своему народу
Сребра и золота искать; (19)
Который воду разрѣшаетъ, (20)
И лѣсъ рубить не запрещаетъ; (21)
Велитъ и ткать, и прясть, и шить;
Развязывая умъ и руки,
Велитъ любить, торги, науки, (22)
И счастье дома находить;

Котораго законъ, десница
Даютъ и милости, и судъ. —
Вѣщай, премудрая Фелица!
Гдѣ отличенъ отъ честныхъ плутъ?
Гдѣ старость по міру не бродитъ?
Заслуга хлѣбъ себѣ находитъ?
Гдѣ месть не гонитъ никого?
Гдѣ совѣсть съ правдой обитаютъ?
Гдѣ добродѣтели сіяютъ? —
У трона развѣ Твоего!

Но гдѣ Твой тронъ сіяетъ въ мірѣ?
Гдѣ, вѣтвь небесная, цвѣтешь?
Въ Багдадѣ? Смирнѣ? Кашемирѣ?
Послушай, гдѣ Ты ни живешь:
Хвалы мои Тебѣ примѣтя,

Не мня, чтобъ шапки, иль бешметя
За нихъ я отъ Тебя желалъ.
Почувствовать добра пріятство
Такое есть души богатство,
Какого Крезъ не собиралъ.

Прошу великаго Пророка:
Да праха ногъ Твоихъ коснусь!
Да словъ Твоихъ сладчайша тока
И лицезрѣнья наслаждусь!
Небесныя прошу я силы,
Да ихъ простря сафирны крылы,
Невидимо Тебя хранятъ
Отъ всѣхъ болѣзней, золъ и скуки!
Да дѣлъ Твоихъ въ потомствѣ звуки,
Какъ въ небѣ звѣзды, возблестятъ!

(¹) Сочинено въ С.-п.-бургѣ въ 1782 году, напечатано въ первый разъ въ Собесѣдникѣ въ 1783 году.

(²) Здѣсь подъ видомъ Киргизской Царевны Фелицы представляется Императрица Екатерина. Извѣстно, что Она сочинила сказку о Царевичѣ Хлорѣ, котораго Фелица, то есть богиня счастія, сопровождала на гору, гдѣ растетъ роза безъ шиповъ, и была путеводительницею Хлора въ храмъ добродѣтели. Авторъ имѣлъ свои деревни въ Оренбургской губерніи, въ сосѣдствѣ Киргизской орды, которая числится въ подданствѣ Россіи.

(³) Въ то время Императрица занималась сочиненіемъ законовъ: Грамматою Дворянству, Уставомъ Благочинія и прочими учрежденіями.

(⁴) Императрица, хотя и занималась иногда сочиненіемъ оперъ и сказокъ, но стиховъ писать не умѣла и не писала; а когда надобны были стихи, то, давъ мысль, поручала написать ихъ Статсъ-Секретарямъ Елагину, Храповицкому и проч.

(⁵) Императрица не любила масоновъ, и не ѣзжала къ нимъ въ ложу, какъ дѣлали многіе знатные.

(⁶) Относится къ прихотливому нраву покойнаго Свѣтлѣйшаго Князя Таврическаго.

(⁷) Относится къ Графу Алексѣю Григорьевичу Орлову, который любилъ ристалища сего рода.

(⁸) Относится къ нему же, какъ до охотника до всякаго молодечества русскаго и до русскихъ пѣсень.

(⁹) Относится къ Семену Кирилловичу Нарышкину, бывшему тогда Егермейстеромъ. Онъ первый завелъ роговую музыку.

(¹⁰) Авторъ, служа при покойномъ Князѣ Вяземскомъ, читывалъ передъ нимъ разные романы, до которыхъ Князь былъ большой охотникъ. Случалось часто, что во время чтенія и тотъ, и другой дремали.

(¹¹) Въ сказкѣ Императрицы о Царевичѣ Хлорѣ вельможи Царевны Фелицы названы лѣнтяемъ и брюзгою. Сколько извѣстно, Она подъ сими именами разумѣла Князя Потемкина и Князя Вяземскаго, потому что первый, ведя жизнь роскошную, а второй, управляя Государственнымъ Казначействомъ, часто требовали денегъ.

(¹²) Императрица, подобно Императору Траяну, была снисходительна къ злореченію на Ея счетъ; можно много представить тому примѣровъ.

(¹³) Всѣ эти стихи напоминаютъ въ противоположность тѣ времена, когда и незначительные случаи были почитаемы преступленіями.

(¹⁴) Относится къ извѣстной забавной свадьбѣ Князя Голицына въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны: тогда построенъ былъ ледяной домъ со всѣми принадлежностями и даже были ледяныя пушки, изъ которыхъ стрѣляли во время свадебной церемоніи; за нею послѣдовалъ богатый маскарадъ.

(¹⁵) Относится къ тѣмъ временамъ русскаго Двора, въ которыя былъ обычай держать при Дворѣ разныхъ забавниковъ, отличавшихся веселыми, а часто и грубыми шутками.

([16]) Императрица Екатерина въ часы отдохновенія отъ дѣлъ забавлялась упражненіями, свойственными просвѣщенному Ея вѣку. Она писала шутливыя оперы и комедіи, какъ-то: *Обманщикъ Θедулъ съ дѣтьми, Недоумѣніе,* и проч. Для Великихъ Князей Александра и Константина сочинила особую азбуку съ разными нравоученіями и проч.

([17]) Сей куплетъ относится къ мирному времени по окончаніи первой Турецкой войны въ 1774 г. Въ теченіе сего времени возникли многія человѣколюбивыя учрежденія, какъ-то: Воспитательный Домъ, публичныя больницы и проч.

([18]) Относятся къ разнымъ мѣрамъ, принятымъ въ царствованіе Императрицы Екатерины къ народному благоденствію.

([19]) Императрица издала указъ о свободномъ промыслѣ пріисковъ золота и серебра во владѣніяхъ каждаго и представила таковые металлы въ собственность владѣльцу, тогда какъ прежде открытое золото и серебро должно было все поступать въ казну.

([20]) Императрица дозволила свободное плаваніе по морямъ и рѣкамъ для торговли.

([21]) Сняла запрещенную порубку лѣсовъ, бывшую прежде въ распоряженіи вальдмейстеровъ.

([22]) Разрѣшила свободное производство мануфактуръ и торговли, чего прежде безъ свѣдѣнія Мануфактуръ-Коллегіи нельзя было дѣлать.

Сказка «О Царевичѣ Хлорѣ» была поводомъ сочинителю написать оду Фелицѣ; Государыня любила умныя шутки, почему и написала сама: «Если авторъ и коснулся страстей нѣкоторыхъ особъ, къ Императрицѣ тогда приближенныхъ, то не по злорѣчію, а единственно въ общемъ видѣ человѣчества.»

При всемъ томъ авторъ, опасаясь, чтобъ не оскорбить кого лично, пригласилъ пріятелей своихъ: Николая Александровича Львова и Василья Васильевича Капниста, и прочелъ имъ свое сочиненіе. Они положили, чтобъ сихъ

стиховъ въ свѣтъ не выпускать; поэтому сія ода цѣлый годъ была въ неизвѣстности.

Въ одно утро автору понадобились нѣкоторыя бумаги, лежавшія въ его бюро, гдѣ сохранялась и эта піэса; разбирая ихъ, онъ выложилъ сію оду на столъ. Козодавлевъ (бывшій потомъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ) жилъ съ Державинымъ въ одномъ домѣ: войдя нечаянно въ комнату, увидѣлъ піэсу, прочелъ нѣсколько строкъ и просилъ автора неотступно повѣрить ему стихи сіи на часъ, чтобы только прочитать ихъ теткѣ его, г-жѣ Пушкиной, которая страстно любила стихотворство и предпочтительно поэзію Державина: такимъ образомъ Козодавлевъ получилъ ихъ съ обѣщаніемъ никому не показывать и часа черезъ два возвратилъ.

Нѣсколько дней спустя, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, покровитель автора Державина, подъ его начальствомъ нѣкогда воспитывавшійся въ Казанской Гимназіи, присылаетъ къ нему просить его къ себѣ. Державинъ пріѣхалъ къ Шувалову и нашелъ его въ большой заботѣ. Съ прискорбнымъ видомъ спросилъ Шуваловъ его, что дѣлать ему: отослать ли его стихи къ Князю Потемкину, который былъ тогда въ великой силѣ у Двора, и ихъ требовалъ, или не отсылать? — «Какіе стихи?» спросилъ авторъ. — «Мурзы къ Фелицѣ,» отвѣчалъ Шуваловъ. — «Какъ вы ихъ знаете? Развѣ они были у васъ?» — «Г. Козодавлевъ по дружеству далъ мнѣ ихъ.» — «Но какъ же Князь Потемкинъ узналъ о томъ?» — «Вчера обѣдали у меня Графъ Безбородко, Графъ Завадовскій, Стрекаловъ и другіе любители литературы; при разговорѣ, что у насъ еще нѣтъ легкаго и пріятнаго стихотворства, я прочелъ имъ стихи ваши, а Стрекаловъ, изъ подслуги Князю Потемкину, разсказалъ ему все, что тамъ сказано на его счетъ. Не переписать ли и выбросить тѣ куплеты, которые къ нему относятся?» Державинъ, подумавъ, сказалъ: «Позвольте отослать какъ они есть: если мы что выкинемъ, то покажемъ умыселъ на личное оскорбленіе Князя, что у меня и въ умѣ никогда не было; а стихи писаны шут-

ливо на счетъ всѣхъ слабостей человѣческихъ, и больше ничего.» Потомъ авторъ уѣхалъ домой, крайне озабоченный симъ случаемъ и, призвавъ къ себѣ искренняго своего друга, Львова, бывшаго домашнимъ человѣкомъ у Графа Безбородко, просилъ его развѣдать мнѣніе Графа о семъ предметѣ и на случай, если Императрица спроситъ о стихахъ, предупредить его, что ни какого оскорбительнаго умысла ни на чей счетъ тутъ не было, а стихи писаны изъ одной шутки, и для пріятелей оставлены безъ огласки, сдѣлались же извѣстными по одной нескромности Козодавлева.

Львовъ исполнилъ просьбу автора. Неизвѣстно, посылалъ ли Шуваловъ стихи къ Князю Потемкину; но нѣсколько времени сочиненіе это не доходило до свѣдѣнія Императрицы.

Въ 1783 г. опредѣлена была Княгиня Дашкова директрисою Академіи Наукъ, а Козодавлевъ Совѣтникомъ. Для распространенія русской словесности она издавала отъ Академіи журналъ. Козодавлевъ безъ авторскаго позволенія принесъ ей сіе сочиненіе для помѣщенія въ семъ журналѣ, называвшемся *Собесѣдникъ*. Княгиня приказала въ немъ помѣстить оное, и въ первое воскресенье (день, въ который она обыкновенно ѣзжала къ Императрицѣ съ докладомъ) поднесла Ей Собесѣдникъ, на первой страницѣ котораго помѣщены были стихи Фелицѣ подъ заглавіемъ: «Ода премудрой Киргизъ-Кайсацкой Царевнѣ Фелицѣ, писанная нѣкоторымъ Татарскимъ Мурзою, издавна въ Москвѣ поселившимся, и живущимъ по дѣламъ въ С.-п.-бургѣ. Переводъ съ Арабскаго языка.» Въ понедѣльникъ Императрица призываетъ Княгиню къ себѣ. Княгиня, войдя къ Государынѣ, увидѣла Ее въ слезахъ; книжка Собесѣдника была въ рукѣ Ея. «Откуда взято сіе сочиненіе и кто писалъ его?» спросила Императрица.— Княгиня, въ нерѣшимости, что̀ отвѣчать Государынѣ, нѣсколько замѣшалась; но Екатерина сказала: «Не опасайтесь; Я только васъ о томъ спрашиваю, кто бы такъ коротко могъ знать Меня и умѣлъ такъ Меня опи-

сать, что, видишь, я плачу!» Тутъ Княгиня назвала ей автора и говорила въ его пользу. Нѣсколько дней спустя, когда Державинъ обѣдалъ у начальника своего, Князя Вяземскаго, вскорѣ послѣ обѣда говорятъ ему, что почталіонъ принесъ ему письмо; Державинъ читаетъ надпись: «*Изъ Оренбурга отъ Киргизской Царевны къ Мурзѣ*»; развертываетъ пакетъ, и находитъ золотую табакерку, осыпанную бриліантами, и въ ней 500 червонныхъ; приходитъ къ Князю, спрашиваетъ, прикажетъ ли онъ принять присланный ему изъ Оренбурга подарокъ? Князь, взглянувъ на него сурово, спросилъ: «Какой?» Державинъ показываетъ подарокъ. — «Возьми, братецъ,» отвѣчалъ онъ, «когда жалуютъ.» Между тѣмъ Княгиня Дашкова увѣдомила автора, что она поднесла его сочиненіе Государынѣ; чрезъ нѣсколько дней приказано было сочинителя представить Ея Величеству; съ тѣхъ поръ Державинъ Ей сталъ извѣстенъ какъ *сочинитель*. — Фелица доставила ему извѣстность во всей Россіи.

Вскорѣ за симъ, какъ обыкновенно случается, авторъ понесъ неблаговоленіе своего начальника за то, что онъ не чрезъ него, а другимъ путемъ достигъ милостиваго воззрѣнія Императрицы, и нѣсколько выпутался изъ той зависимости, которая почти держитъ способнаго человѣка какъ бы за перегородкой.

CXI.

БЛАГОДАРНОСТЬ ФЕЛИЦѢ. [1]

—

Предшественница дня златаго,
Весення утрення заря,
Когда изъ понта голубаго
Ведетъ къ намъ звѣзднаго царя,
Румяный взоръ свой осклабляетъ

На чела горъ, на лоно водъ,
Багрянымъ златомъ покрываетъ
Поля, лѣса и неба сводъ.

Крылаты кони по эѳиру
Летятъ и разсѣкаютъ мракъ;
Любезное свѣтило міру
Пресвѣтлый свой возноситъ зракъ;
Бѣгутъ толпами тѣни черны:
Какое зрѣлище очамъ!
Тамъ блещетъ брегъ въ рѣкѣ зеленый;
Тамъ свѣтятъ перлы по лугамъ;

Тамъ степи, какъ моря, струятся,
Сѣдымъ волнуясь ковылемъ;
Тамъ тучи журавлей стадятся,
Волторнъ съ высотъ пуская громъ;
Тамъ небо всюду лучезарно
Янтарнымъ пламенемъ блеститъ:
Мое такъ сердце благодарно
Къ Тебѣ усердіемъ горитъ.

Къ Тебѣ усердіемъ, Фелица,
О, кроткій Ангелъ во плоти!
Которой разумъ и десница
Намъ кажутъ къ счастію пути.
Когда Тебѣ въ нелицемѣрномъ
Угодна слогѣ простота,
Внемли.... Но въ чувствіи безмѣрномъ
Мои безмолвствуютъ уста.

Когда поверхъ струистой влаги
Благопріятный дунетъ вѣтръ,

Попутны вострепещутъ флаги
И ляжетъ между водныхъ нѣдръ
За кораблемъ сребро грядою:
Тогда испустятъ гласъ пловцы,
И съ восхищенною душою
Вселенной полетятъ въ концы;

Когда небесный возгорится
Въ піитѣ огнь, онъ будетъ пѣть;
Когда отъ бремя дѣлъ случится
И мнѣ свободный часъ имѣть:
Я праздности оставлю узы,
Игры, бесѣды, суеты;
Тогда ко мнѣ пріидутъ Музы,
И лирой возгласишься Ты!

---

(1) Сочинено въ 1783 г., вскорѣ по полученіи подарка, и напечатано въ Собесѣдникѣ, въ томъ же году.

Стихи сіи написаны въ изъявленіе благодарности за милость. Въ послѣдней строфѣ сочинитель, имѣя въ виду, что нѣкоторыя въ то время извѣстныя особы почитали поэтовъ людьми лѣнивыми и неспособными къ дѣламъ, говоритъ:

«Когда небесный возгорится
Въ піитѣ огнь, онъ будетъ пѣть!»

CXII.

НА ОТСУТСТВІЕ

ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА

ВЪ БѢЛОРУССІЮ. ([1])

—

Не бряцай, печальна лира,
Громкой пѣсни ты въ сей часъ;
Благодѣтельница міра
Удалилася отъ насъ.
Музъ Богиня удалилась;
Изъ Петрополя сокрылась
Матерь отъ своихъ дѣтей:
Солнцу красному подобно,
Счастье, кажется, народно
Укатилося за ней.

Пусты домы, пусты рощи,
Пустота у насъ въ сердцахъ;
Какъ среди глубокой нощи,
Дремлетъ тишина въ лѣсахъ;
Вся природа унываетъ;
Мракъ боязни разсѣваетъ;
Ужасъ ходитъ по слѣдамъ;
Если бъ вѣтры не дышали
И потоки не журчали,
Образъ смерти зрѣлся бъ намъ.

Такъ, съ Тобою въ разлученьи,
Скорбью мы помрачены;
Лишь о насъ Твои раченьи —

Оживленье сей страны.
Мы уставы получаемъ:
Вновь блаженство почерпаемъ
Отъ премудрости Твоей;
Но оно съ Тобой намъ краше:
Возвратись, свѣтило наше!
Возвратися къ намъ скорѣй!

Человѣчество Тобою
Истина и совѣсть въ судъ
Сей начальствовать страною
Въ велелѣпіи грядутъ; (²)
Благодать на нихъ сіяетъ,
Памятникъ изображаетъ
Твой изъ радужныхъ лучей;
Злость поверженна скрежещетъ;
Въ узахъ ябеда трепещетъ;
Гласъ зоветъ Твоихъ людей.

Будь усердія свидѣтель!
Благодарность нашу зри!
Ежели за добродѣтель
Обожаемы Цари:
Зри Ты жертвы непорочны!
Алтари Тебѣ заочны
Въ сердцѣ тщимся созидать;
Въ души Твой законъ влагаемъ
И въ восторгѣ восклицаемъ:
Возвратися, наша Мать!

Возвратися — и уставы
Ты Собою освяти, (³)
Къ храму счастія и славы

Намъ являючи пути.
Возвратися! — Если жъ должно,
Продолжай путь неотложно
Къ утѣшенью странъ другихъ.
Пусть страны узрятъ иныя
Всѣ величества земныя
Въ добродѣтеляхъ Твоихъ;

Пусть и дальны зрятъ народы
Кротость Твоего лица,
Власть пріятнѣйшу свободы,
Привлекающу сердца;
Пусть Цари Тебѣ дивятся,
Мирно царствовать учатся,
Мирный Твой храня завѣтъ; (4)
И простря Европа длани,
Пусть Тебѣ, на мѣсто дани,
Благодарность принесетъ.

Намъ заря предвозвѣщаетъ
Съ утромъ солнца красоты:
Насъ надежда услаждаетъ,
Возвратишься скоро Ты;
Возвратишься, — и отраду
Принесешь Петрову граду,
И Твоимъ чертогамъ свѣтъ.
Простирая дѣтски руки,
Ждутъ Тебя младые Внуки,
Сынъ Тебя съ Супругой ждетъ.

Вспомни Ихъ любезны взоры,
И къ Тебѣ всѣ ласки Ихъ,
Ихъ улыбку, разговоры

Во объятіяхъ Твоихъ.
По Тебѣ Они скучаютъ;
«Гдѣ она? гдѣ?» вопрошаютъ:
«Возвратите намъ Ее.»
Ждутъ Тебя святые храмы
И курятся ѳиміамы
Ужъ во срѣтенье Твое.

О, пріятный вѣтръ полдневный!
Водъ прозрачныя струи!
Нивы злачны! лѣсъ зеленый!
Сладкопѣвны соловьи!
Дни веселы! воздухъ чистый!
Сельски нимфы голосисты!
И пріятная весна! —
Долгъ богинѣ отдавайте
И мѣста тѣ украшайте,
Гдѣ грядетъ теперь Она. (5)

---

(1) Сочинено въ 1780 году; напечатано въ первый разъ въ Собесѣдникѣ въ 1782 году.

(2) Здѣсь передано изображеніе барельефа, который былъ въ залѣ Общаго Собранія Сената, работы Рашета, по мысли Н. А. Львова. Державинъ служилъ тогда экзекуторомъ въ I-мъ Департаментѣ Сената. Ему поручено было украсить вновь передѣланную общую залу. Между лѣпной работы барельефъ занималъ первое мѣсто. Тутъ изображены были три добродѣтели: Истина, Человѣколюбіе и Совѣсть, которыхъ Минерва, въ лицѣ Императрицы, сводитъ въ храмъ правосудія; на нихъ сходитъ сіяніе и поражаетъ лучами злость и ябеду. Барельефъ этотъ былъ напоминаніемъ, что составленное Государынею Учрежденіе о Управленіи Губерній — основано на истинѣ, человѣколюбіи и совѣсти.

Князь Вяземскій былъ тогда Генералъ-Прокуроромъ; осматривая украшеніе залы, и увидѣвъ барельефъ, на которомъ Истина изображена была нагая, сказалъ: что соблазнительно видѣть ее господамъ Сенаторамъ, и для того приказалъ нѣсколько прикрыть ее, что̀ и было исполнено. Въ царствованіе Императора Павла Генералъ-Прокуроръ Князь Куракинъ велѣлъ сей барельефъ снять со стѣны и спрятать въ Архивъ.

(³) Въ отсутствіи Императрицы изъ П.-бурга повелѣно было Фельдмаршалу Князю Александру Михайловичу Голицыну ввести въ дѣйствіе новое учрежденіе о Управленіи Губерній.

(⁴) Тогда во всей Европѣ былъ миръ.

(⁵) Путешествіе Императрицы Екатерины совершалось въ Маѣ мѣсяцѣ.

CXIII.

НА ПРІОБРѢТЕНІЕ КРЫМА. (¹)

1.

Летитъ — и воздухъ озаряетъ,
Какъ вешне утро тихій понтъ!
Летитъ, — и отъ его улыбки
Живая радость по лугамъ,
По рощамъ и полямъ ліется!
Златыя Петрополя башни
Блистаютъ, какъ свѣщи; и токъ
Шумливый, бурный, токъ Днѣпровскій
Въ себѣ изображаетъ живо
Прекрасное лице его.

Не слыша громоваго треска,
Не видя молненной зари,

Пастухъ и земледѣлецъ въ пѣсняхъ
Средь хижинъ воспѣваетъ миръ. (²)
Отъ удовольствія сердечна
Струятся по ланитамъ слезы
У нѣжныхъ матерей и женъ:
Прижавъ онѣ къ грудямъ вѣрнѣйшимъ
Пришедшихъ въ домъ своихъ героевъ,
Въ восторгѣ вопрошаютъ: «Кто?

Который богъ, который ангелъ,
Который человѣковъ другъ,
Безкровнымъ увѣнчалъ васъ лавромъ,
Безъ брани вамъ трофеи далъ
И торжество?» — «Екатерина!
Та вѣнценосна добродѣтель,
То воплощенно божество,
Которое дождитъ блаженствы.» —
Они вѣщали такъ любезнымъ,
Повѣся громы на стѣнѣ.

Увидѣлъ Марсъ; нахмурилъ брови,
Скрежещетъ и кричитъ, ярясь:
«Какъ! миръ? — и безъ меня побѣды?
Я васъ....» — Но, будучи сраженъ
Вдругъ съ Сѣвера сіяньемъ кроткимъ,
Упалъ съ желѣзной колесницы;
Его паденье раздалося
Внутрь сердца Зависти, — и трость,
Водимая умомъ обширнымъ, (³)
Безсмертной пальмой обвилась.

Россія наложила руку
На Тавръ, Кавказъ и Херсонесъ, (⁴)

И, распустя въ Босфорѣ флаги,
Стамбулу флотами грозитъ;
Не подвиги Готфридовъ храбрыхъ,
И не Крестовы древни рати,—
Се мой теперь паритъ орелъ!
Магметъ, отъ ужаса блѣднѣя,
Заноситъ изъ Европы ногу
И — возрастаетъ Константинъ! (5)

Цирцея отъ досады воетъ; (6)
Волшебство все ея ничто;
Ахеянъ, въ тварей превращенныхъ,
Минерва вновь творитъ людьми:
Осклабясь, Пиѳагоръ дивится, (7)
Что мнѣніе его сбылося,
Что зритъ онъ преселенье душъ:
Гомеръ изъ стрекозы исходитъ
И громогласнымъ сладкимъ пѣньемъ
Не баснь, но истину поетъ.

Какая незабвенна слава!
Какая звучная хвала!
Екатеринина Держава
И мудрыя Ея дѣла
Кого и гдѣ не удивили?
Которые Цари достигли
Величества Ея добротъ?
На тронъ со кротостью вступила,
На тронѣ кротость воцарила, —
Чудесъ источникъ и щедротъ!

---

(1) Сочинено въ С.-п.-бургѣ въ 1784 году, напечатано въ томъ же году въ Собесѣдникѣ.

(²) Миръ заключенъ съ Оттоманскою Портою, и въ договорѣ присоединенъ къ Россіи Крымъ.

(³) Перо Графа Безбородко, водимое по совѣщанію съ Княземъ Потемкинымъ, доставило сію важную услугу государству. Кто знаетъ исторію Крымскихъ Татаръ и чтò терпѣла отъ нихъ Россія, тотъ почувствуетъ цѣну пріобрѣтенія Крыма.

(⁴) Въ то самое время обузданы Кавказскія орды и древній городъ Русскихъ Князей, завоеванный еще Владиміромъ, Херсонесъ, возвращенъ Россіи.

(⁵) Относится къ бывшей тогда всеобщей молвѣ, что Императрица предположила изгнать Турокъ изъ Европы и возстановить Греческое Царство, павшее со смертію Константина Палеолога. Послѣдній стихъ указываетъ на Великаго Князя Константина Павловича, котораго (какъ говорили) Государыня желала возвесть на Цареградскій Престолъ; на сей предметъ Онъ обучался и греческому языку.

(⁶) Относится къ извѣстной баснѣ о Цирцеѣ, оборотившей Грековъ въ свиней, а Минерва возвратила имъ прежній видъ.

(⁷) Авторъ касается Пиѳагоровой системы о переселеніи душъ: тогда, какъ извѣстно, полагали, что и стрекоза можетъ быть человѣкомъ послѣ смерти.

CXIV.

ВИДѢНІЕ МУРЗЫ. (¹)

На темноголубомъ эѳирѣ
Златая плавала луна:
Въ серебряной своей порфирѣ
Блистаючи съ высотъ, она

Сквозь окна домъ мой освѣщала,
И палевымъ своимъ лучемъ
Златыя стекла рисовала
На лаковомъ полу моемъ;
Сонъ томною своей рукою
Мечты различны разсыпалъ;
Кропя забвенія росою,
Моихъ домашнихъ усыплялъ;
Вокругъ вся область почивала,
Петрополь съ башнями дремалъ,
Нева изъ урны чуть мелькала,
Чуть Бельтъ въ брегахъ своихъ сверкалъ;
Природа въ тишину глубоку
И въ крѣпкомъ погруженна снѣ
Мертва казалась слуху, оку,
На высотѣ и въ глубинѣ;
Лишь вѣяли одни зефиры
Прохладу чувствамъ принося.
Я не спалъ, — и, со звономъ лиры
Мой тихій голосъ согласясь,
«Блаженъ,» воспѣлъ я: «кто доволенъ
Въ семъ свѣтѣ жребіемъ своимъ,
Обиленъ, здравъ, покоенъ, воленъ
И счастливъ лишь собой самимъ;
Кто сердце чисто, совѣсть праву
И твердый нравъ хранитъ въ свой вѣкъ,
И всю свою въ томъ ставитъ славу,
Что онъ лишь добрый человѣкъ;
Что карлой онъ и великаномъ,
И дивомъ свѣта не рожденъ,
И что не созданъ истуканомъ,

И оныхъ чтить не принужденъ;
Что все́ сего блаженства міра
Находитъ онъ въ семье́ своей;
Что не́жная его Пле́нира
И ве́рныхъ не́сколько друзей
Съ нимъ могутъ въ часъ уединенный
Де́лить и скуку, и труды! —
Блаженъ и тотъ, кому Царевны
Какой бы ни было орды,
Изъ теремовъ своихъ янтарныхъ, (2)
И сребророзовыхъ све́тлицъ,
Какъ будто изъ улусовъ дальныхъ,
Украдкой отъ придворныхъ лицъ, (3)
За росказни, за растабары,
За вирши, иль за что нибудь.
Исподтишка драгіе дары
И въ досканцахъ червонцы шлютъ; (4)
Блаженъ....» Но съ ре́чью сей внезапно
Мое все зданье потряслось:
Раздвиглись сте́ны, и стократно
Ярче́е молній пролилось
Сіянье вкругъ меня небесно;
Сокрылась, побле́днéвъ, луна.
Виде́нье я узре́лъ чудесно:
Сошла со облаковъ жена;
Сошла,—и жрицей очутилась,
Или богиней предо мной. (5)
Одежда бе́лая струилась
На ней серебряной волной;
Градская на главе́ корона,
Сіялъ при персяхъ поясъ златъ;

Изъ черноогненна виссона
Подобный радугѣ, нарядъ
Съ плеча десна́го полосою
Висѣлъ на лѣвую бедру; (6)
Простертой на алтарь рукою
На жертвенномъ она жару,
Сжигая маки благовонны,
Служила вышню Божеству.
Орелъ полунощный, огромный,
Сопутникъ молній торжеству,
Геройской провозвѣстникъ славы,
Сидя предъ ней на грудѣ книгъ,
Священны блюлъ ея уставы;
Потухшій громъ въ когтяхъ своихъ
И лавръ съ оливными вѣтвями
Держалъ, какъ будто бы уснувъ.
Сафиросвѣтлыми очами,
Какъ въ гнѣвѣ, илѣ въ жару, блеснувъ
Богиня на меня воззрѣла. (7)
Пребудетъ образъ ввѣкъ во мнѣ
Она который впечатлѣла! — (8)
«Мурза!» она вѣщала мнѣ:
«Ты быть себя счастливымъ чаешь,
Когда по днямъ и по ночамъ
На лирѣ ты своей играешь
И пѣсни лишь поешь Царямъ.
Вострепещи, Мурза несчастный!
И страшны истины внемли,
Которымъ стихотворцы страстны
Едва ли вѣрятъ на земли;
Одно къ тебѣ лишь доброходство

Мнѣ ихъ открыть велитъ. Когда
Поэзія не сумазбродство,
Но вышній даръ боговъ: тогда
Сей даръ боговъ кромѣ лишь къ чести
И къ поученью ихъ путей
Быть долженъ обращенъ, не къ лести
И тлѣнной похвалѣ людей.
Владыки свѣта люди тѣ же.
Въ нихъ страсти, хоть на нихъ вѣнцы;
Ядъ лести ихъ вредитъ не рѣже:
А гдѣ поэты не льстецы?
И ты Сиренъ поющихъ грому,
Во вредъ добродѣтели не строй:
Благотворителю прямому
Въ хвалѣ нѣтъ нужды никакой.
Хранящій мужъ честные нравы,
Творяй свой долгъ, свои дѣла,
Царю приноситъ больше славы,
Чѣмъ всѣхъ піитовъ похвала. —
Оставь нектаромъ наполненну
Опасну чашу, гдѣ скрытъ ядъ.» —
Кого я зрю столь дерзновенну
И чьи уста меня разятъ?
«Кто ты! Богиня, или жрица?»
Мечту стоящу я спросилъ.
Она рекла мнѣ: — «Я Фелица!»
Рекла — и свѣтлый облакъ скрылъ
Отъ глазъ моихъ ненасыщенныхъ
Божественны Ея черты;
Куреніе мастикъ безцѣнныхъ
Мой домъ и мѣсто то цвѣты

Покрыли, гдѣ Она явилась.
Мой Богъ! мой Ангелъ во плоти!...
Душа моя за ней стремилась,
Но я за Ней не могъ идти:
Подобно громомъ оглушенный,
Безчувственъ я, безгласенъ былъ;
Но. токомъ слезнымъ орошенный,
Пришелъ въ себя и возгласилъ:
«Возможно ль, кроткая Царевна!
И Ты къ Мурзѣ чтобъ Своему
Была сурова столь и гнѣвна,
И стрѣлы къ сердцу моему
И Ты, и Ты чтобы бросала,
И пламени души моей
Къ себѣ и Ты не одобряла?
Довольно безъ Тебя людей, } (9)
Довольно безъ Тебя поэту, }
За кажду мысль, за каждый стихъ,
Отвѣтствовать лихому свѣту,
И отъ сатиръ щититься злыхъ!
Довольно золотыхъ кумировъ,
Безъ чувствъ мои что пѣсни чли;
Довольно Кадіевъ, Факировъ,
Которы въ зависти сочли
Тебѣ ихъ неприличной лестью;
Довольно нажилъ я враговъ!
Иной отнесъ себѣ къ безчестью,
Что не дерутъ его усовъ;
Иному показалось больно,
Что онъ насѣдкой не сидитъ;
Иному — очень своевольно

Съ Тобой Мурза Твой говоритъ;
Иной вмѣнялъ мнѣ въ преступленье,
Что я посланницей съ Небесъ
Тебя быть мыслилъ въ восхищеньѣ
И лилъ въ восторгѣ токи слезъ;
И словомъ: тотъ хотѣлъ арбуза,
А тотъ соленыхъ огурцовъ;
Но пусть имъ здѣсь докажетъ Муза,
Что я не изъ числа льстецовъ;
Что сердца моего товаровъ
За деньги я не продаю,
И что не изъ чужихъ анбаровъ
Тебѣ наряды я крою;
Но, Вѣнценосна добродѣтель!
Не лесть я пѣлъ и не мечты,
А то, чему весь міръ свидѣтель:
Твои дѣла суть красоты. —
Я пѣлъ, пою и пѣть ихъ буду,
И въ шуткахъ правду возвѣщу;
Татарски пѣсни изъ-подъ спуду,
Какъ лучъ, потомству сообщу;
Какъ солнце, какъ луну, поставлю
Твой образъ будущимъ вѣкамъ;
Превознесу Тебя, прославлю;
Тобой безсмертенъ буду самъ!

(¹) Сочинено въ П.-бургѣ въ 1783 г. Мая 9 дня, напечатано въ первый разъ въ Собесѣдникѣ въ томъ же году.

(²) Въ Царскомъ Селѣ находится донынѣ одна комната Императрицы Екатерины, убранная вся янтарами, а другая была изъ розовой фольги съ серебряною рѣзьбою; въ третьей были арабески изъ перламутра.

(³) Императрица показывала видъ, будто бы не къ Ней относилась Ода къ Фелицѣ и подарокъ автору посланъ былъ безъ огласки.

(⁴) Въ старину въ Россіи табаку и табакерокъ не знали, а держали на мѣсто ихъ *досканцы*, небольшіе ящички и коробки, въ которыхъ сохраняли разныя мелочи, принадлежащія къ уборамъ.

(⁵) Вся сія картина, по самый стихъ

Держалъ, какъ будто бы уснувъ —

подлинный списокъ съ портрета Императрицы Екатерины, писаннаго Левицкимъ, по изобрѣтенію Н. А. Львова.

(⁶) Описаніе Владимірскаго ордена, который Императрица по написаніи Ею Учрежденія о Губерніяхъ, возложила на Себя, какъ награду за труды Свои, объявивъ Себя Гросмейстершею сего ордена.

(⁷) Авторъ представленъ былъ Императрицѣ въ воскресенье, въ Кавалергардской комнатѣ, при множествѣ зрителей. Государыня, подходя къ нему, въ нѣсколькихъ шагахъ остановилась и, окинувъ автора быстрымъ взоромъ, подала наконецъ ему руку. Сего величественнаго взора авторъ не могъ забыть никогда.

(⁸) Авторъ давалъ чувствовать Государынѣ, что и безъ Ея строгаго взора довольно ему гнѣва отъ тѣхъ, которымъ Она дарила экземпляры «Фелицы», подчеркнувъ тѣ строки, что̀ до кого относится. Ода къ Фелицѣ произвела разные толки: иные говорили, что она слишкомъ смѣло писана, а другіе что льстиво; почему Державинъ и повторилъ въ «Видѣніи Мурзы» нѣкоторые стихи изъ Фелицы, обративъ ихъ въ шутку надъ своими критиками:

«Иной отнесъ себѣ къ безчестью,
Что не дерутъ его усовъ...»

Наконецъ въ стихахъ:

И словомъ: тотъ хотѣлъ арбуза,
А тотъ соленыхъ огурцовъ...

авторъ напоминаетъ прихоти знатныхъ особъ, тогда жившихъ роскошно и съ большими причудами. Кому неиз-

вѣстно, что нарочные курьеры скакали по государству за капустою и солеными огурцами.

CXV.

НА ШВЕДСКІЙ МИРЪ. [1]

Ты шествуешь въ Петрополь съ миромъ, [2]
И лавры на главѣ несешь;
Ты провождаешься зефиромъ,
И Россамъ пальмы раздаешь.
Ты шествуешь! — Воззри, Царица!
На радостныя всюду лица,
На сонмы вкругъ Тебя людей:
Не такъ ли на Тебя взираютъ,
Какъ нѣжную весну встрѣчаютъ
Въ одеждѣ розовыхъ зарей?

Ты шествуешь и осклабляешь
Твой взоръ на нихъ какъ Божество;
Одной улыбкой составляешь
Восторгъ Ты нашъ и торжество:
Средь свѣтлаго вельможей строя
Въ Тебѣ царя, вождя, героя,
И мироносицу мы зримъ;
Ужъ изумленны наши взгляды
Въ Тебѣ читаютъ тѣ отрады,
Что миромъ мы получимъ симъ.

Какъ Царь, Ты наградишь заслуги;
Какъ матерь, призришь Ты сиротъ;

Лишенные дѣтей, супруги
Воскреснутъ отъ Твоихъ щедротъ;
Освободишь Ты заключенныхъ;
Обогатишь Ты разоренныхъ;
Незлобно винныхъ Ты простишь.
По нуждѣ Ты лила токъ крови,
Ты въ мирѣ будешь богъ любови,
И счастье наше обновишь.

Продлишь златые наши годы,
Продлишь всеобщій нашъ покой:
Безчисленны Твои народы
Воздремлютъ подъ Твоей рукой.
Отъ хижинъ даже до престола,
На холмѣ и въ срединѣ дола
Почіетъ бранный Россовъ духъ;
Всѣ будутъ счастливы Тобою:
Законовъ подъ одной чертою
Равенъ вельможа и пастухъ.

Прострешь Ты животворны длани
На тяжкій земледѣльцевъ трудъ;
Отпустишь неимущимъ дани,
Да нивы и луга цвѣтутъ;
Дохнешь въ вѣтрила корабельны,
Пошлешь избытки рукодѣльны,
И рѣки злата и сребра
Отъ Орма до Невы прольются;
Народы чужды къ намъ сберутся
Вкусить покоя и добра.

И се ужъ возвѣщаютъ громы
Событіе блаженныхъ дней;

По вѣтру трубный звукъ несомый
Сзываетъ тысящи людей:
Народъ колеблется, какъ волны;
Течетъ вездѣ, веселья полный;
Враговъ цѣлуетъ и друзей;
По стогнамъ гласы раздаются,
Въ домахъ нѣжнѣйши слезы льются,
Объемлютъ женъ, отцовъ, дѣтей.

О, вы, носящи душу львину!
Герои, любящіе бой!
Воззрите на сію картину,
Сравните вы ее съ войной:
Тамъ всюду ужасъ, стонъ и крики:
Здѣсь всюду радость, плескъ и лики;
Тамъ смерть, болѣзнь; здѣсь жизнь, любовь.
Я вижу убіенныхъ тѣни,
И слышу вамъ ихъ грозны пени;
Вы пролили невинну кровь!

Но, Вѣнценосна добродѣтель!
О, Ангелъ нашихъ тихихъ дней,
Екатерина! мы свидѣтель!
Не Ты виной была смертей;
Ты бранной не искала славы,
Ты наши просвѣщала нравы
И украшалась тишиной.
Слеза, щедротой извлеченно,
Тебѣ пріятнѣй, чѣмъ вселенна,
Пріобрѣтенная войной!

(¹) Сочинено въ 1790 году по случаю мира; тогда же напечатано особыми листками.

(²) Императрица прямо изъ Царскаго Села пріѣхала съ объявленіемъ мира въ П.-бургъ въ Казанскую соборную церковь и служила благодарный молебенъ.

Не ты виной была смертей, и проч.
Слеза, щедротой извлеченна,
Тебѣ пріятнѣй чѣмъ вселенна,
Пріобрѣтенная войной.

Послѣдній куплетъ относится къ тому, что бывшая война была объявлена Швеціею Россіи нечаянно, и что не Екатерина была причиною кровопролитія.

CXVI.

НА ВЗЯТІЕ ИЗМАИЛА. (¹)

—

О, коль Монархъ благополученъ,
Коль знаетъ Россами владѣть!
Онъ будетъ въ свѣтѣ славой звученъ,
И всѣ сердца въ рукѣ имѣть.
Ода Ломоносова.

Везувій пламя изрыгаетъ;
Столпъ огненный во тмѣ стоитъ;
Багрово зарево сіяетъ;
Дымъ черный клубомъ вверхъ летитъ;
Краснѣетъ понтъ, ревет громъ ярый,
Ударамъ въ слѣдъ звучатъ удары;
Дрожитъ земля, дождь искръ течетъ;
Клокочутъ рѣки рдяной лавы:
О, Россъ! таковъ твой образъ славы,
Что зрѣлъ подъ Измаиломъ свѣтъ!

О, Россъ! о, родъ великодушный!
О, твердокаменная грудь!

О, исполинъ, Царю послушный!
Когда и гдѣ ты досягнуть
Не могъ тебя достойной славы?
Твои труды — тебѣ забавы;
Твои вѣнцы — вкругъ блескъ громовъ:
Въ поляхъ ли брань? ты тмишь сводъ звѣздный;
Въ моряхъ ли бой? ты пѣнишь бездны!
Вездѣ ты страхъ твоихъ враговъ!

На подвигъ твой, Вождя велѣньемъ,
Ты идешь, какъ женихъ на бракъ.
Марсъ видитъ часто съ изумленьемъ,
Что и въ бѣдахъ твой веселъ зракъ:
Гдѣ вкругъ драконы мѣдны ржали,
Изъ трехъ сотъ жерлъ огнемъ дышали, (²)
Ты тамъ прославился днесь вновь.
Вождь рекъ: «Се стѣны Измаила!
Да сокрушитъ твоя ихъ сила!»....
И воскипѣла бранна кровь.

Какъ воды съ горъ весной въ долину
Низвержась, пѣнятся, ревутъ;
Волнами, льдомъ трясутъ плотину:
Къ твердынямъ Россы такъ текутъ.
Ничто имъ путь не воспящаетъ:
Смертей ли блѣдныхъ полкъ встрѣчаетъ,
Иль адъ скрежещетъ зѣвомъ къ нимъ:
Идутъ — какъ въ тучахъ скрыты громы,
Какъ двигнуты безмолвны холмы;
Подъ ними стонъ, — за ними дымъ.

Идутъ въ молчаніи глубокомъ;
Во мрачной, страшной тишинѣ;

Собой пренебрегаютъ, рокомъ;
Зарница только вышинѣ
По ихъ оружію играетъ,
И только ихъ душа сіяетъ,
Когда на бой, на смерть идетъ.
Ужъ блещутъ молніи крылами,
Ужъ осыпаются громами;
Они молчатъ, идутъ впередъ,

Не Бардъ ли древній, изступленный,
Волшебнымъ ихъ ведетъ жезломъ?
Нѣтъ! свыше пастырь вдохновенный
Предъ ними идетъ со крестомъ; (3)
Вѣнцы нетлѣнны обѣщаетъ,
И кровь пролить благословляетъ
За честь, за Вѣру, за Царя;
За нимъ вождей рядъ предъ полками;
Какъ бурныхъ дней предъ облаками,
Идетъ огнистая заря.

Идутъ. — Искусство зритъ заслугу,
И сколь ихъ духъ былъ тутъ великъ,
Вѣщаетъ слухъ земному кругу;
Но мнѣ ихъ раздается крикъ:
По лѣствицамъ на градъ, на стогны,
Какъ шумны волны черезъ волны,
Они возносятся челомъ;
Какъ уголь ихъ взоры раскаленны,
Какъ львы на тигровъ устремленны,
Бѣгутъ, стѣснясь, на огнь, на громъ.

О! что за зрѣлище предстало?
О, пагубный, о, страшный часъ!

Злодѣйство что ни вымышляло,
Поверглось, Россы, все на васъ!
Зрю камни, ядра, варъ и бревны.
Но чѣмъ Герои устрашенны!
Чѣмъ можетъ отраженъ быть Россъ? —
Тотъ лѣзетъ по бревну на стѣну;
А тотъ летитъ съ стѣны въ геенну;
Всякъ Курцій, Децій, Буарозъ! (4)

Всякъ помнитъ должность, честь и Вѣру,
Всякъ душу и животъ кладетъ.
О, Россы! нѣтъ вамъ, нѣтъ примѣру,
И смерть сама вамъ лавръ даетъ.
Тамъ въ грудь, въ сердца лежатъ пронзенны,
Безъ силъ, безъ чувствъ, полмертвы, блѣдны;
Но мнятъ еще стерть вражій рогъ:
Иной движеньемъ ободряетъ,
А тотъ съ побѣдой восклицаетъ:
Екатерина! съ нами Богъ!»

Какая въ войскахъ храбрость рьяна!
Какой великій духъ въ вождяхъ!
Въ одниxъ душа разсудкомъ льдяна:
У тѣхъ пылаетъ огнь въ сердцахъ.
Въ зимѣ рожденны подъ снѣгами,
Подъ молніями, подъ громами,
Которыхъ съ самыхъ юныхъ дней
Питала слава, вѣрность, Вѣра:
Гдѣ можно вамъ сыскать примѣра?
Не посреди ль стихійныхъ прей?

Представь: по свѣтлости лазуря,
По наклоненію небесъ,

Взошла чернобагрова буря
И грозно возлегла на лѣсъ;
Какъ страшна нощь, надулась чревомъ,
Дохнула съ свистомъ, воемъ, ревомъ,
Помчала воздухъ, прахъ и листъ;
Подъ тяжкими ея крылами
Упали кедры вверхъ корнями
И затрещалъ Ливанъ кремнистъ.

Представь послѣдній день природы,
Что пролилася звѣздъ рѣка;
На огнь пошли стѣною воды,
Бугры взвились на облака;
Что вихри тучи къ тучамъ гнали,
Что мракъ лишь молньи освѣщали,
Что громъ потрясъ всемірну ось,
Что солнце мглою покровенно,
Ядро казалось раскаленно:
Се видъ, какъ вшелъ въ Измаилъ Россъ!

Вошелъ! — не бойся, рекъ, — и всюды
Простеръ свой троегранный штыкъ:
Повергլись тѣлъ кровавы груды:
Напрасно слышанъ жалобъ крикъ;
Напрасно, бранны человѣки!
Вы льете крови вашей рѣки,
Котору должно бы беречь.
Но съ самаго вѣковъ начала
Война народы пожирала;
Священъ сталъ долгъ: рубить и жечь!

Тотъ мыслитъ овладѣть всѣмъ міромъ;
Тотъ не принять его оковъ:

Вселенной Царь сталъ врану пиромъ,
Герои — снѣдію волковъ.
Увы! палъ кринъ, и пали терны.
Почто жъ? — Судьбы Небесны темны. —
Я здѣсь пою лишь браней честь.
Насъ горсть,—но полкъ лежитъ предъ нами;
Насъ полкъ, — но съ тысячьми и тмами
Мы низложили городъ въ персть.

И се уже, шумя, стремится
Крававой пѣны полнъ Дунай;
Пучина черная багрится,
Спершись отъ труповъ, съ края въ край;
Уже блѣднѣюща Мармора
Дрожитъ пловуща къ ней позора,
Костры тѣлъ видя за костромъ!
Луна полна на башняхъ крови,
Поникли гордой Мекки брови;
Стамбулъ склонился внизъ челомъ.

О! ежели издревле міру
Побѣдъ славнѣйшихъ звукъ гремитъ,
И если приступъ славенъ къ Тиру:
Къ Измайлу больше знаменитъ.
Тамъ былъ вселенной покоритель,
Машинъ и башенъ самъ строитель:
Горой онъ море запрудилъ; (5)
А здѣсь Вождя родно велѣнье
Свершило храбрыхъ Россовъ рвенье:
Великій духъ былъ вмѣсто крылъ.

Услышь, услышь, о ты, вселенна!
Побѣду смертныхъ выше силъ;

Внимай, Европа удивленна!
Каковъ сей Россовъ подвигъ былъ.
Языки знайте, вразумляйтесь,
Въ надменныхъ мысляхъ содрогайтесь;
Увѣрьтесь, симъ, что съ нами Богъ;
Увѣрьтесь, что Его рукою
Одинъ попретъ васъ Россъ войною,
Коль встать изъ бездны золъ возмогъ!

Я вижу страшную годину: (6)
Его три вѣка держитъ сонъ;
Простертую подъ нимъ долину
Покрылъ вездѣ колючій тернъ;
Лице туманъ подернулъ блѣдный;
Ослабли мышцы удрученны;
Скатилась въ мракъ глава его;
Разбойники вокругъ суровы
Взложили тяжкія оковы;
Змѣя на сердцѣ у него.

Онъ спитъ! — и насѣкомы, гады
Румяный потемняютъ зракъ;
Войны опустошаютъ грады,
Раздоры пожираютъ злакъ;
Чуть зрится блескъ его короны;
Страдаетъ Вѣра и Законы,
И ты, къ отечеству любовь!
Какъ звѣрь, его Батый рветъ гладный; (7)
Какъ змѣй сосетъ, лжецарь коварный; (8)
Повсюду пролилася кровь!

Лежалъ онъ во своей печали,
Какъ темная въ пустынѣ ночь;

Враги его рукоплескали,
Друзья не мыслили помочь,
Сосѣди грабежемъ алкали;
Князья, Бояре въ нѣгѣ спали
И ползали въ пыли, какъ червь:
Но Богъ, но духъ его великій
Сотрясъ съ него бѣды толики:
Расторгнулъ левъ желѣзну вервь!

Возсталъ! — какъ утромъ холмъ высокой
Встаетъ, подъемляся челомъ
Изъ мглы широкой и глубокой,
Разлитой вкругъ его, — и громъ
Поверхъ главы въ ничто вмѣряя,
Ногами волны попирая,
Пошелъ; — и кто возмогъ противъ? —
Отъ шлема молніи скользили,
И океаны уступили,
Стопамъ его пути открывъ.

Онъ сильны Орды пхнулъ ногою:
Края Азійски потряслись;
Упали царства подъ рукою,
Цари, Царицы въ плѣнъ влеклись:
И побѣдителей разитель,
Монархій свѣта разрушитель,
Простерся подъ его пятой:
Въ Европѣ грады бралъ, трясъ троны,
Свергалъ Царей, давалъ короны
Могущею своей душой.

Гдѣ есть народъ въ краяхъ вселенны,
Кто бъ столько силъ въ себѣ имѣлъ:

Безъ помощи, отъ всѣхъ стѣсненный,
Яремъ съ себя низвергнуть смѣлъ,
И, вырвавъ бы вѣнцы лавровы,
Возвергъ на тѣхъ самыхъ оковы,
Кто столько свѣту страшенъ былъ?
О, Россъ! твоя лишь добродѣтель
Такихъ великихъ дѣлъ содѣтель;
Лишь твой орелъ луну затмилъ.

Лишь ты, простря твои побѣды,
Умѣлъ щедроты расточать;
Полякъ, Туркъ, Персъ, Пруссъ, Хинъ и Шведы
Тому примѣры могутъ дать.
На тѣхъ ты зришь спокойно стѣны,
Тѣмъ паки отдалъ грады плѣнны;
Тамъ унялъ прю, тутъ бунтъ смирилъ;
И сколь ты былъ ихъ побѣдитель,
Не меньше другъ, благотворитель:
Свое лишь только возвратилъ.

О, кровь Славянъ! сынъ предковъ славныхъ,
Несокрушаемый колоссъ!
Кому въ величествѣ нѣтъ равныхъ,
Возросшій на полсвѣтѣ Россъ!
Твои коль славны древни слѣды!
Громчай суть нынѣшни побѣды.
Зрю вкругъ тебя лавровый лѣсъ;
Кавказъ и Тавръ ты преклоняешь,
Вселенной на среду ступаешь (9)
И досягаешь до небесъ.

Уже въ Эвксинѣ съ полунощи
Межъ водъ и звѣздъ лежитъ туманъ:

Подъ нимъ плывутъ дремучи рощи; (10)
Средь нихъ, какъ горъ отломокъ льдянъ,
Иль мужа нѣка тѣнь сѣдая
Сидитъ, очами озирая:
Какъ полный мѣсяцъ щитъ его,
Какъ сосна, рында, обожженна, (11)
Глава до облакъ вознесенна, —
Орелъ надъ шлемомъ у него.

За нимъ златая колесница
По розовымъ летитъ зарямъ;
Сѣдящая на ней Царица,
Великимъ равная мужамъ,
Рукою держитъ крестъ одною,
Вожженный пламенникъ другою
И сыплетъ блески на Босфоръ;
Уже отъ сѣвернаго свѣта
Лице блѣднѣетъ Магомета
И мрачный отвратилъ онъ взоръ.

Не вновь ли то Олегъ къ Востоку
Подъ парусами флотъ ведетъ,
И Ольга къ древнему потоку
Занятый ею свѣтъ ліетъ?
Иль Россовъ идетъ духъ военный,
Христовой Вѣрой провожденный,
Ахеянъ спасть, Агарянъ стерть?
Я слышу — громы ударяютъ,
Пророки, камни возглашаютъ: (12)
То будетъ нынѣ, или впредь!

О, вы, что въ мысляхъ суетитесь,
Столь славный Россу путь претить,

Помочь врагу Христову тщитесь
И Вѣрѣ вашей измѣнить!
Чѣмъ столько поступать неправо,
Сперва изслѣдуйте вы здраво
Свой путь, цѣль Росса, судъ Небесъ;
Изслѣдуйте, и заключите:
Вы съ кѣмъ и на кого хотите?
И что вашъ Року перевѣсъ?

Ничто. Коль Россъ рожденъ Судьбою
Отъ варварскихъ хранитъ васъ узъ,
Темировъ попирать ногою,
Блюсть вашихъ отъ Омаровъ Музъ, (13)
Отмстить Крестовые походы,
Очистить Іордански воды,
Священный гробъ освободить,
Аѳинамъ возвратить Аѳину, (14)
Градъ Константиновъ Константину (15)
И миръ Афету водворить.

Афету миръ? — О, трудъ избранный,
Достойнѣйшій его дѣтей,
Великими людьми желанный! (16)
Свершишься ль ты средь нашихъ дней?
Доколь, Европа просвѣщенна!
Съ перуномъ будешь устремленна
На кровныхъ братіевъ своихъ?
Не лучше ль внутрь раздоръ оставить
И съ Россомъ грудь одну составить
На общихъ сопостатъ твоихъ!

Дай руку и — пожди спокойно:
Сіе и Россъ одинъ свершитъ;

За безпрепятствіе достойно
Тебя трофеемъ наградитъ.
Дай руку, дай залогъ любови,
Не лей твоей и нашей крови,
Да месть всѣмъ въ грудь намъ не взойдетъ.
Пусть только умъ Екатерины,
Какъ Архимедъ, создастъ машины, —
А Россъ вселенной потрясетъ.

Чего не можетъ родъ сей славный,
Любя Царей своихъ, свершить?
Умѣйте лишь, главы вѣнчанны!
Его безцѣнну кровь щадить;
Умѣйте дать ему вы льготу,
Къ дѣламъ великимъ духъ, охоту,
И правотой сердца плѣнить.
Вы можете его рукою
Всегда, войной и не войною,
Весь міръ себя заставить чтить.

Война, какъ сѣверно сіянье,
Лишь удивляетъ чернь одну:
Какъ свѣтлой радуги блистанье,
Всякъ мудрый любитъ тишину.
Что благовоннѣй аромата?
Что слаще меда, краше злата
И драгоцѣннѣе порфиръ?
Не ты ль, котораго всѣмъ взгляды
Ліютъ обиліе прохлады,
Прекрасный и полезный миръ?

Пріиди, о, кроткій житель Неба,
Эдемскій гражданинъ страны!

Прійди и, какъ сопутникъ Феба,
Духъ теплотворный, богъ весны,
Дохни вездѣ твоей душою!
Дохни, да расцвѣтетъ тобою
Рай сладости въ домахъ, въ сердцахъ!
Подъ сѣнію Екатерины
Вѣнчанны лавромъ исполины
Возлягутъ на своихъ громахъ.

Премудрость Царства управляетъ;
Крѣпитъ ихъ: Вѣра, правый судъ;
Ихъ трудъ и миръ обогащаетъ;
Любовію они цвѣтутъ.
О, полъ прекрасный и почтенный,
Кѣмъ Россы рождены, кѣмъ плѣнны!
И вамъ днесь предлежатъ вѣнцы.
Плоды побѣдъ суть звуки славы,
Побѣдъ основа тверды нравы,
А добрыхъ нравовъ вы творцы!

Когда на брани вы предметовъ
Лишилися любви своей,
И если безъ войны навѣтовъ
Полна жизнь наша слезъ, скорбей:
Утѣшьтесь!—вѣтры въ вѣтры дуютъ,
Стихіи межъ собой воюютъ;
Сей свѣтъ — училище терпѣть;
И брань коль возстаетъ судьбою,
Сынъ Россіянки среди бою
Со славой долженъ умереть.

А слава тѣхъ не умираетъ:
Кто за отечество умретъ:

Она такъ въ вѣчности сіяетъ,
Какъ въ морѣ ночью лунный свѣтъ.
Временъ въ глубокомъ отдаленьи
Потомство тѣхъ увидитъ тѣни,
Которыхъ мужественъ былъ духъ.
Съ гробовъ ихъ въ души огнь польется,
Когда по рощамъ разнесется
Безсмертной лирой дѣлъ ихъ звукъ.

(¹) Сочинено въ С.-п.-бургѣ 1791 г., по случаю пріѣзда Графа Валеріана Александровича Зубова съ извѣстіемъ о взятіи Измаила.

(²) Измаильская крѣпость была обороняема тремя стами пушекъ.

(³) Извѣстно, что полковой священникъ первый со крестомъ взошелъ на городскую стѣну.

(⁴) Всадникъ Курцій бросился въ бездну, чтобы утишить моровое повѣтріе въ Римѣ. Полководецъ Римскій Децій бросился въ первые непріятельскіе ряды смѣшать и побѣдить непріятеля. Вуврозъ, капитанъ французской службы, взобрался по веревкѣ во время бури на скалу въ 80 сажень вышиною и взялъ крѣпость. (Записки Герцога Сюлли кн. II часть VI.)

(⁵) Александръ Великій, отправясь для покоренія Персіи, когда затруднялся взять городъ Тиръ, лежащій при морѣ, то для подвезенія ближе стѣнобитныхъ машинъ, называемыхъ таранами, запрудилъ Тирскій заливъ и взялъ городъ приступомъ.

(⁶) Несчастное время ига Татарскаго продолжалось три столѣтія.

(⁷) Властитель Татарскій, Батый, былъ потомокъ Чингисхана.

(⁸) Лжедимитрій, выдававшій себя за Царевича Димитрія Ивановича.

(⁹) Византія или Константинополь почиталась древними за центръ земный.

(10) Суда подъ парусами.

(11) Рында, палица, орудіе древнихъ Княжескихъ молодыхъ царедворцевъ, которые и сами назывались Рындами.

(12) Въ Византіи находятся камни съ надписями древнихъ восточныхъ народовъ, которые пророчествуютъ о взятіи сѣверными народами Константинополя. Мистики находятъ о томъ пророчество и въ Священномъ Писаніи.

(13) Омаръ, зять Магомета, по завоеваніи Александріи, сжегъ славную тамошнюю библіотеку.

(14) То есть, городъ Аѳины возвратить богинѣ мудрости, называвшейся Минервою или Аѳиною, подъ именемъ которой разумѣется Императрица Екатерина.

(15) То есть, покорить Константинополь Державѣ Великаго Князя Константина Павловича: къ чему покойная Государыня обращала Свои виды, какъ выше сказано.

(16) Генрихъ IV и другіе великіе люди желали придумать систему о сохраненіи всегдашняго мира.

Сія ода была принята съ особеннымъ благоволеніемъ, Императрица пожаловала автору табакерку, осыпанную брилліантами, въ 2000 рублей. Въ Ключѣ Остолопова говорится, что Эминъ написалъ критику на сію оду и читалъ ее Державину въ Царскомъ Селѣ, но нигдѣ не напечаталъ ея, сколько авторъ ни убѣждалъ его.

CXVII.

ИЗОБРАЖЕНІЕ ФЕЛИЦЫ. (1)

Рафаэль! живописецъ славный,
Творецъ искусствомъ естества!
Рафаэль чудный, безприкладный,
Изобразитель Божества!
Умѣлъ ты кистію свободной

Непостижимость написать:
Умѣй моей богоподобной
Царевны образъ начертать.

Изобрази Ея мнѣ точно
Осанку, возрастъ и черты,
Чтобъ въ нихъ я видѣлъ и заочно
Ея и сердца красоты,
И духа чувствы возвышенны,
И разума Ея дѣла;
Фелица, Ангелъ воплощенный,
Въ твоей картинѣ бы жила!

Небесно-голубые взоры ([2])
И по ланитамъ нѣжна тѣнь,
Сквозь мракъ временъ, стихіевъ споры,
Блистали бы, какъ ясный день;
Какъ утрення заря весення,
Такъ улыбалась бы Она;
Какъ пальма, въ раѣ насажденна,
Такъ возвышалась бы, стройна.

Какъ пальма клонитъ благовонну
Вершину и лице свое,
Такъ тиху, важну, благородну
Ты поступь напиши Ее. —
Коричными чело власами,
А перломъ перси осѣни;
Премудрость и любовь устами,
Какъ розы дышутъ, изъясни.

Представь въ лицѣ Ея геройство,
Въ очахъ величіе души;

Премилосердо, нѣжно свойство
И снисхожденье напиши;
Не позабудь пріятность въ нравѣ
И кроткій гласъ Ея рѣчей;
Во всей изобрази ты славѣ
Владычицу души моей.

Одѣнь въ доспѣхи, въ брони златы, } (3)
И въ мужество Ея красы,
Чтобъ шлемъ блисталъ на Ней пернатый,
Зефиры вѣяли власы;
Чтобъ конь подъ Ней главой крушился
И бурно бразды опѣнялъ;
Чтобъ Нордъ сѣдый Ей удивился
И обладать собой избралъ.

Избралъ — и, падши на колѣна, (4)
Поднесъ бы скиптръ Ей и вѣнецъ,
Она, мольбой его смягченна
И ставъ владычицей сердецъ,
Безстрашно бъ узы разрѣшила
Издревле скованныхъ цѣпьми;
Свободой бы рабовъ плѣнила
И нарекла Себѣ дѣтьми. (5)

Престолъ Ея на Скандинавскихъ, (6)
Камчатскихъ и Златыхъ горахъ,
Отъ странъ Таймурскихъ до Кубанскихъ
Поставь на сорокъ двухъ столпахъ,
Какъ восемь бы зерцалъ стояли
Ея великія моря;
Съ полнеба звѣзды освѣщали,
Вокругъ багряная заря.

Средь дивнаго сего чертога
И велелѣпной высоты
Въ величествѣ, въ сіяньи Бога,
Ее изобрази мнѣ ты,
Чтобъ, сшедъ съ престола, подавала
Скрижаль заповѣдей святыхъ;
Чтобы вселенна признавала
Гласъ Божій, гласъ природы въ нихъ; (7)

Чтобъ дики люди, отдаленны, (8)
Покрыты шерстью, чешуей,
Пернатыхъ перьемъ испещренны,
Одѣты листьемъ и корой,
Сошедшися къ Ея престолу
И, кроткихъ внявъ законовъ гласъ,
По желтосмуглымъ лицамъ долу
Струили токи слезъ изъ глазъ;

Струили бъ слезы и, блаженство (9)
Своихъ проразумѣя дней,
Забыли бы свое равенство
И были всѣ подвластны Ей:
Финнъ въ морѣ, блѣдный, рыжевласый,
Не разбивалъ бы кораблей,
И узкоглазый Гуннъ жалъ классы
Среди сѣдыхъ, сухихъ зыбей. (10)

Припомни, чтобъ Она вѣщала
Безчисленнымъ Ея ордамъ:
«Я счастья вашего искала
И въ васъ его нашла Я вамъ:
Ставъ сами вы себѣ послушны,
Живите, славьтеся въ Мой вѣкъ,

И будьте столь благополучны,
Колико можетъ человѣкъ. [11]

«Я вамъ даю свободу мыслить
И разумѣть себя, цѣнить,
Не въ рабствѣ, а въ подданствѣ числить, [12]
И въ ноги Мнѣ челомъ не бить;
Даю вамъ право безъ препоны
Мнѣ ваши нужды представлять, [13]
Читать и знать Мои законы,
И въ нихъ ошибки замѣчать; [14]

«Даю вамъ право собираться,
И въ думахъ золото копить, [15]
Ко Мнѣ послами отправляться
И не всегда Меня хвалить;
Даю вамъ право безпристрастно
Въ судьи другъ друга выбирать,
Самимъ дѣла свои всевластно [16]
И начинать, и окончать.

«Не воспрещу Я стихотворцамъ
Писать и чепуху, и лесть,
Халдеямъ, новымъ чудотворцамъ,
Махать съ духами, пить и ѣсть; [17]
Но Я во всемъ, что лишь не злобно,
Потщуся равнодушной быть;
Великолѣпно и спокойно
Мои благодѣянья лить.»

Рекла, и взоръ бы озарился
Величествомъ Ея души,
Хаосъ на сѳеры бъ раздѣлился [18]

Ея рукою, — напиши;
Чтобъ солнцы въ путь свой покатились,
И тысящи вкругъ ихъ планетъ;
Изъ праха грады возносились,
Возстали Царства, — и былъ свѣтъ.

Изобрази мнѣ міръ сей новый
Въ лицѣ младаго лѣтня дня;
Какъ рощи, холмы, башни, кровы,
Отъ горняго златясь огня,
Изъ мрака возстаютъ, блистаютъ
И смотрятся въ зерцало водъ;
Всѣ новы чувства получаютъ
И движется всѣхъ смертныхъ родъ.

Представь мнѣ лучезарны храмы
И Ангеловъ поющихъ ликъ,
И благовонны ѳиміамы
Какъ облака бъ носились въ нихъ;
И чтобъ Царевна умиленна,
Вперя Свой взоръ на небеса,
Слезами зрѣлась окропленна, (19)
Блистающими какъ роса.

Какъ съ синей крутизны эѳира (20)
Лучамъ случится ниспадать:
Отъ Вседержителя такъ міра
Чтобъ къ Ней сходила благодать,
И въ видѣ счастія земнаго
Чтобъ сыпала предъ Ней цвѣты,
И купно вѣка бы драгаго
Катилися часы златы;

Чтобъ видѣлъ я въ рога зовущихъ
Тамъ пастуховъ стада на лугъ; (21)
На рощахъ липовыхъ, цвѣтущихъ,
Рои жужжащихъ пчелъ вокругъ;
Шумя, младыхъ бы класовъ волны
Переливались вѣтеркомъ,
Граненыхъ бриллiянтовъ холмы
Въ слѣдъ сыпались за кораблемъ;

Чтобы съ ристалища мнѣ громы
И плески доходили въ слухъ,
И вихремъ всадники несомы
Поспѣшно бъ натягали лукъ,
И стрѣлу, къ облакамъ пущенну,
Пересѣкали бы другой;
И всю въ стязаньѣ бы вселенну
Я предъ Фелицей зрѣлъ младой;

И зрѣлъ бы я Ее на тронѣ
Сѣдящу въ утваряхъ Царей,
Въ порфирѣ, бармахъ и коронѣ,
И взглядомъ вдругъ однимъ очей
Объемлющу моря и сушу,
Во всемъ владычествѣ своемъ,
Всему дающу жизнь и душу,
И управляющую всѣмъ;

Чтобъ свыше Ею вдохновенны
Мурзы, паши и визири,
Сѣдиной мудрости почтенны,
Въ диванѣ зрѣлись какъ Цари;
Законъ бы свято сохраняли
И по стезямъ бы правды шли,

Носить Ей скипетръ пособляли
И пользу общую блюли;

Она бъ предъ ними предсѣдала,
Какъ всемогущій Царь Царей,
Свои наказы подтверждала
Для благоденствія людей;
Рекла бъ: «Почто писать уставы,
Коль ихъ въ диванахъ не творятъ? (22)
Развратные вельможей нравы —
Народа цѣлаго развратъ.

«Вашъ долгъ Монарху, Богу, Царству
Служить и клятвой не играть;
Неправдѣ, злобѣ, мздѣ, коварству
Пути повсюду пресѣкать:
Пристрастный судъ разбоя злѣе;
Судьи враги, гдѣ спитъ законъ:
Предъ вами гражданина шея
Протянута безъ оборонъ.»

Представь, чтобъ гласъ сей, свѣтозарный
Какъ лучъ съ небесъ, проникъ сердца,
Извлекъ бы слезы благодарны,
И всѣ Монарха, и Отца,
И Бога бы въ Фелицѣ зрѣли,
Который праведенъ и благъ;
Изъ устъ бы громы лишь гремѣли,
Которы у Нея въ рукахъ.

Содѣлай, чтобъ судебны храмы
Ея лугами обросли,
Вѣсы бы въ нихъ стояли прямы,

И рѣдко къ нимъ бы люди шли;
Чтобъ совѣсть всюду предсѣдала
И обнимался съ ней законъ; (23)
Чтобъ милость истину лобзала,
И миру поставляла тронъ.

Представь, чтобъ всѣ Царевна средства
Въ пособіе Себѣ брала,
Предупреждать народа бѣдства
И сохранять его отъ зла;
Чтобъ отворила всѣмъ дороги
Чрезъ почту письма къ Ней писать; (24)
Велѣла бы въ свои чертоги
Для объясненья допускать;

Какъ молнія, Ея бы взоры
Сверкали быстро въ небесахъ,
Проникнуть мысли были скоры
И въ самыхъ скрытнѣйшихъ сердцахъ; (25)
Чтобъ издалече познавала
Она невиннаго ни въ чемъ;
Какъ Ангелъ бы къ нему блистала
Благоволенія лицемъ.

Дерзни мнѣ кистію волшебной
Святилище изобразить,
Гдѣ взора смертныхъ удаленной
Благоволитъ Фелица быть;
Гдѣ тайна перстомъ помаваетъ
И на уста кладетъ печать;
Гдѣ благочестье предсѣдаетъ
И долгъ велитъ страстямъ молчать. (26)

Представь ее облокоченну
На Зороастровъ истуканъ,
Смотрящу тамъ на всю вселенну,
На огнезвѣздный океанъ,
Вѣщающу: «О Ты, предвѣчный,
Который волею Своей
Колеса движешь быстротечны
Вратящейся природы всей!

«Когда Ты есть душа едина
Движенью сихъ огромныхъ тѣлъ:
То Ты жъ, конечно, и причина
И нравственныхъ народныхъ дѣлъ;
Тобою царства возрастаютъ,
Твое орудіе Цари;
Тобой они и померцаютъ —
Какъ блескъ вечерніа зари!

«Наставь меня, міровъ Содѣтель!
Да волѣ слѣдуя Твоей,
Тебя люблю и добродѣтель,
И зижду счастіе людей;
Да вѣкъ Мой на дѣла полезны
И славу ихъ я посвящу,
Самодержавства скиптръ желѣзный
Моей щедротой позлащу; (27)

«Да удостоена любови,
Надзрѣнія Твоихъ очесъ,
Чтобъ я за кажду каплю крови,
За всякую бы каплю слезъ
Народа Моего пролитыхъ,
Тебѣ отвѣтствовать могла,

И чувствъ души моей сокрытыхъ
Тебя Свидѣтелемъ звала.»

Представь, чтобъ тутъ кидала взоры
Со отвращеніемъ Она
На тѣ ужасны приговоры,
Гдѣ смерть написана, война,
Свинцова грифеля чертами,
И медленно бъ крѣпила ихъ, —
И тутъ же горькими слезами
Смывала бы слова всѣ съ нихъ; (28)

Но милости бъ опредѣляла
Она съ смѣющимся лицомъ,
Златая бы струя бѣжала
За скоропишущимъ перомъ,
И проливала бы съ престолу
Въ несчетныхъ тысящахъ прохладъ,
Какъ въ ясный день съ крутыхъ горъ долу,
Лучистый съ шумомъ водопадъ;

Чтобъ сей рѣкой благодѣяній
Покрылась вся Ея страна; (29)
Я зрѣлъ бы цѣпь пространныхъ зданій,
Гдѣ пользуетъ больныхъ Она,
Гдѣ бѣдныхъ пищей насыщаетъ,
Гдѣ брошенныхъ беретъ сиротъ,
Гдѣ ихъ лелѣетъ, возращаетъ,
Гдѣ просвѣщаетъ Свой народъ.

Представь мнѣ, въ мысли восхищенной,
Сходила бы съ небесъ Она;
Какъ солнце грудь, въ ткани зеленой,

Рукой метала сѣмена;
Какъ искры огненны, дождились
Златыя бъ зерна въ снѣдь птенцамъ:
Орлы младые разбудились
И воскрилялись бы къ лучамъ. (30)

Яви искусствомъ чудотворнымъ,
Чтобъ льды пріяли видъ лилей; (31)
Весна дыханьемъ теплотворнымъ
Звала бы съ моря лебедей,
Летѣли бъ съ крикомъ вереницы,
Звучали бъ трубы съ облаковъ:
Такъ въ царство бы текли Фелицы
Народы изъ чужихъ краевъ.

Не позабудь Ее представить,
Какъ, вмѣсто алтарей Себѣ,
Царя великаго поставить
Велѣла на мольбу Ордѣ; (32)
Какъ всюду раздалися клики
И громы свѣта по конецъ:
«Предсталъ намъ Зороастръ великій,
Воскресъ отечества отецъ!»

Изобрази и то въ картинѣ,
Чтобъ сей подобный грому кликъ,
Въ безмѣрной времени долинѣ,
Какъ будто бы катясь, затихъ:
Фелицы жъ славою удвоенъ,
Громчай въ потомствѣ возгласилъ:
«Великъ, кто алтарей достоинъ,
Но ихъ другому посвятилъ!» (33)

Представь, сей славой возбужденны
Чтобъ зрѣть Ее Цари пришли, (34)
И какъ бы древле, удивленны,
Въ Ней Соломона вновь нашли;
Народъ счастливый и блаженный
Великой бы Ее нарекъ;
Поднесъ бы титлы Ей священны;
Она бъ рекла: «Я человѣкъ.» (35)

Возвысь до облакъ лавръ зеленый,
И чтобъ онъ на поляхъ стоялъ;
Подъ нимъ бы, тѣнью прохлажденный,
Спокойно исполинъ дремалъ, (36)
Какъ мраморъ бѣла бъ грудь блистала,
Ланиты бы цвѣли зарей:
Фелица такъ бы услаждала
Полсвѣта подъ Своей рукой;

И, здравіе его спасая,
Безъ ужаса пила бы ядъ, (37)
Отъ твердости Ея смерть злая
Свой отвратила бъ смутный взглядъ;
Коса ея дала бы звуки,
Преткнувшись о великій духъ;
На небеса воздѣли бъ руки
Младенцовъ милліоны вдругъ;

Супруговъ чувства благодарны,
За оживленье ихъ дѣтей,
Какъ бы пылинки лучезарны
Огнистой отъ стекла струей
Отпрянувъ въ воздухѣ сверкали,
Являли бъ пламень ихъ сердецъ:

«Мы зримъ въ Фелицѣ,» восклицали:
«Твое подобіе, Творецъ!»

Изобрази ты мнѣ Царевну
Еще и въ подвигахъ другихъ:
Стоглаву гидру разъяренну
И фуріевъ съ земель Своихъ (38)
Чтобы гнала Она геройски;
Какъ мать, своихъ спасала бъ чадъ;
Какъ Царь, на гордость двигла войски;
Какъ Богъ, свергала злобу въ адъ.

На сребролунно государство
Простри крылатый, сизый громъ; (39)
Въ желѣзнокаменное царство
Брось молньи, — и поставь вверхъ дномъ;
Орелъ Царевнинъ бы ногою
Вверху рога луны сгибалъ,
Тогда жъ бы на землѣ другою
У гладна льва онъ зѣвъ сжималъ;

Чтобы Ея безстрашны войски,
Отъ колыбели до сѣдинъ,
Носили духъ въ себѣ геройскій,
И отрокъ, будто бъ исполинъ,
Врагамъ въ сраженіяхъ казался;
Ихъ плѣнникъ бы сказалъ о нихъ:
«Никто въ бою имъ не равнялся,
Кромѣ души великой ихъ.»

Чтобы вселенныя владыки
И всякъ ту истину узналъ:
Гдѣ войски Зороастръ великій

Образовалъ и учреждалъ,
И гдѣ великую въ нихъ душу
Великая Фелица льетъ, —
Тѣ войски горы, море, сушу
Пройдутъ, — и имъ препоны нѣтъ;

Чтобъ грозный полкъ ихъ представлялся
Какъ страшна буря въ далекѣ,
И Миръ въ порфирѣ приближался
Тогда бъ къ Царевниной рукѣ;
Она бъ его облобызала
И вѣтвь его къ Себѣ взяла;
«Да будетъ тишина!» сказала, —
И къ намъ бы тишина пришла;

Какъ Ангелъ въ синевѣ эѳира
И Милосердія въ лицѣ,
Со кротостью въ душѣ Зефира,
Съ сіяньемъ тихимъ звѣздъ въ вѣнцѣ,
Благолюбивая бъ Царевна
Въ день зрѣлась мирна торжества,
Душа моя бы восхищенна
Была дѣлами Божества;

Изъ устъ Ея текла бы сладость
И утѣшала стонъ вдовицъ;
Изъ глазъ Ея блистала бъ радость
И освѣщала бъ мракъ темницъ;
Рука Ея бы награждала
Прямыхъ отечества сыновъ;
Душа Ея въ себѣ прощала
Неблагодарныхъ и враговъ; } [40]

Пріятность бы сопровождала
Ея бесѣду, дружбу, власть;
Привѣтливость Ея равняла
Съ Монархомъ подданнаго часть; (41)
Повсюду Музы, въ восхищеньѣ,
Ей сыпали бъ цвѣты сердецъ, (42)
И самое недоумѣнье
Ей плесковъ поднесло бъ вѣнецъ.

Черты одной красотъ Ей ложно
Блюдися приписать въ твой вѣкъ;
Представь, каковъ, коль только можно,
Богоподобный человѣкъ!
Исполнь Ее величествъ, власти,
Безсмертныхъ мудрости даровъ,
Вдохни, вдохни Ей также страсти:
Щедроту, славу и любовь.

И славу моему ты взору
Ее представь, какъ бы въ ночи
Возжженну бриллiянтовъ гору,
Отъ коей бы лились лучи
И живо въ вѣчности играли;
На свѣтлу оной крутизну
Калифы многіе желали,
Ползли, скользили, — пали въ тму;

Какъ огненъ столпъ на понтѣ, взорамъ
Къ горѣ сей колебался бъ путь;
Фелица бы внушала Хлорамъ:
«Тамъ розы безъ шиповъ растутъ;»
Мурза бъ въ восторгѣ, въ удивленьѣ,
Подъ золотымъ Ея щитомъ,

Въ Татарскомъ упражнялся пѣньѣ
И восклицалъ открытымъ ртомъ:

«Бросай, кто хочетъ, остры стрѣлы
Отъ чистой совѣсти скользять; (43)
Имѣя сердце, руки бѣлы,
Мнѣ стыдно льстить, стыднѣе лгать;
Того стыднѣе — въ дни блаженны
За истину страшиться зла:
Моей Царевной восхищенный,
Я лишь Ея пою дѣла.»

Но что, Рафаэль? чтó ты пишешь? (44)
Кого ты, гдѣ изобразилъ?
Не на холстѣ, не въ краскахъ дышешь,
И не металлъ ты оживилъ:
Я въ сердцѣ зрю алмазну гору:
На немъ божественны черты
Сіяютъ изступленну взору;
На немъ въ лучахъ — Фелица, Ты!

---

(1) Сочинено въ П.-бургѣ въ 1789 году; напечатано тогда же.

Мысль къ сочиненію *Изображеніе Фелицы* внушена Державину подражаніемъ Ломоносова Анакреоновой одѣ *къ Живописцу:* «Мастеръ въ живописи первый» и проч. Ломоносовъ изобразилъ Императрицу Елисавету въ изображеніи Фелицы; Державинъ представилъ и черты и славныя дѣла Екатерины Великой.

(2) Сей куплетъ и слѣдующіе два изображаютъ взглядъ Императрицы, походку Ея, нравъ, голосъ и проч.

(3) Симъ изображается восшествіе на престолъ Государыни Екатерины, когда Она въ воинскомъ одѣяніи ѣхала на бѣломъ конѣ, предводительствуя гвардіею, и имѣя обнаженный мечъ въ рукѣ.

([4]) Сіи стихи относятся къ избранію и возведенію Ея на престолъ.

([5]) Государыня подтвердила Манифестъ о вольности дворянства, данный Ея Супругомъ.

([6]) Окружное описаніе границъ россійскихъ: 42 столпами изображены тогдашнія 42 губерніи.

([7]) Симъ изображается Наказъ о Составленіи Законовъ, данный Императрицею. Въ Сенатѣ на столѣ поставленъ былъ литой серебряный храмъ съ великолѣпною колоннадою, въ которомъ изображена была Государыня, сошедшая съ престола и жалующая Россіи, стоя на колѣнахъ. Наказъ писанъ весь собственною Ея рукою. Статуя Ея лита изъ золота.

([8]) Симъ изображается созывъ всѣхъ народовъ Россійской Имперіи, отъ коихъ были присланы депутаты, отъ дальнѣйшихъ краевъ Сибири, Камчадалы, Тунгузы, отъ каждой области по два человѣка, даже Якуты и проч.

([9]) Всякому дозволено было сообщать свои мысли и подавать мнѣнія, и такъ естественно всѣ были объяты мыслію о достоинствѣ таковаго законодательства, которое затмило прежнее положеніе.

([10]) Изображаются народы, составившіе Россію, которые постепенно подъ Россійскою державою сдѣлались изъ кочующихъ пахарями.

([11]) Императрица сказала въ Наказѣ своемъ, что Она не желала бы дожить до того, чтобы какой либо народъ былъ благополучнѣе Ея народа.

([12]) Императрица дала Указъ, чтобы челобитныя называть *просьбами*, и не называться *рабами*, а подданными.

([13]) Она позволила изъ губерній по надобностямъ пріѣзжать депутатамъ.

([14]) Позволила Губернскому Правленію созывать Палаты, и если примѣтятъ какіе недостатки или погрѣшности, представлять Ей.

([15]) Позволила дворянству и купечеству собираться, имѣть у себя собственную складочную казну и запретила депутатамъ говорить Ей похвальныя рѣчи.

([16]) Позволила гражданскія дѣла въ низшихъ и среднихъ мѣстахъ зачинать и окончательно рѣшать дворянамъ, гражданамъ и крестьянамъ избранными судьями изъ ихъ общества, а Палатамъ велѣла только ревизовать сіи дѣла по апелляціямъ: слѣдовательно они начинались и оканчивались ими самими.

([17]) Императрица смотрѣла снисходительно на всѣ секты, кромѣ тѣхъ, которыя могли быть вредными. *Махать,* выраженіе шуточное, значило волочиться.

([18]) Подъ симъ выраженіемъ разумѣется раздѣленіе Россіи на губерніи, въ которыхъ нѣсколькими судебными мѣстами управляли Губернскія Правленія, каждое въ своей сферѣ, такъ что не позволено было переносить дѣлъ изъ одной губерніи въ другую. Прежде сего выходила великая запутанность: равное мѣсто перевершало рѣшеніе другаго. Съ открытіемъ намѣстничествъ выстроились новые города, которыхъ прежде не было: для сего предмета на всякую губернію отпускалось каждый годъ 20 тысячъ рублей изъ казны.

([19]) Изображеніе благочестія, съ какимъ Государыня предстояла въ церкви и на молитвѣ.

([20]) Изображеніе благословенія Божія, снисходившаго на всѣ Ея начинанія.

([21]) Изображеніе сельскаго изобилія.

([22]) Сіи стихи напоминаютъ изреченіе Государя Петра Великаго, подтвержденное нѣсколько разъ Государыней.

([23]) Напоминается учрежденіе Совѣстнаго Суда.

([24]) Съ царствованія сей Государыни вошло въ обычай писать къ Ней письма чрезъ обыкновенную почту и Она нерѣдко допускала къ Себѣ для личнаго объясненія, когда кто просилъ Ее о томъ.

([25]) Здѣсь напоминается достопамятный случай съ Державинымъ. Онъ былъ утѣсненъ клеветою, удаленъ отъ Губернаторства и, отданный подъ слѣдствіе, въ Правительствующемъ Сенатѣ оправдался; когда же ему о томъ было объявлено, просилъ позволенія объясниться съ Императрицею. Въ Царскомъ Селѣ назначенъ былъ для

этого ему день и часъ. Державинъ предсталъ предъ Императрицей и благодарилъ за правосудіе. Государыня, подавъ руку, сказала: «не за что.» Потомъ спросила, о чемъ онъ хочетъ говорить съ Нею? Авторъ отвѣчалъ, что имѣетъ письменныя представленія, которыя оставилъ въ передней комнатѣ, о безпорядкахъ въ Губерніи. — «Для чего же», сказала Императрица: «не представили вы ихъ въ отвѣтахъ вашихъ въ Сенатъ?» — Было бы противъ законовъ: меня о томъ не спрашивали.» — «Для чего же ты прежде о томъ Мнѣ писалъ?» — «Писалъ потому, что Генералъ-Прокуроръ приказалъ мнѣ проситься въ Петербургъ чрезъ Генералъ-Губернатора; а какъ онъ мнѣ пріятель, то я и не могъ обратиться къ нему.» — «Но не имѣете ли вы чего строптиваго въ нравѣ вашемъ, что ни съ кѣмъ не уживаетесь?» — »Я служилъ съ солдатства Ваше Величество, и слѣдовательно умѣлъ повиноваться, когда дошелъ до настоящаго чина.» — «Но для чего же повздорилъ съ Тутолминымъ?» — «Для того, что онъ издаетъ свои законы, а я присягалъ исполнять только Ваши.» — «Для чего разошелся съ Вяземскимъ? — «Для того, что онъ сталъ смѣяться и притѣснять меня за написанную мною похвалу Фелицѣ.»—«Для чего же не поладилъ съ Г....?»—«Для того, что онъ не рачитъ о Вашихъ пользахъ, о чемъ и желалъ бы я представить находящіяся при мнѣ бумаги»—«Хорошо, послѣ: я дамъ тебѣ твое жалованье и опредѣлю тебя къ другому мѣсту.»

([26]) Въ семъ куплетѣ описывается кабинетъ Императрицы.

([27]) При печатаніи въ Москвѣ первой части въ 1798 году въ царствованіе Государя Павла I, цензура сихъ двухъ стиховъ не пропустила. Авторъ чрезъ Генералъ-Прокурора Князя Куракина просилъ доложить Императору, что ежели Императрица, бывъ Государыня Самодержавная, приняла мысль сію съ удовольствіемъ, то мысль эта не можетъ быть противна и Государю, разсыпавшему въ то время множество щедротъ и благодѣяній. Авторъ не получилъ ни какого отзыва на свое отно-

шеніе и неизвѣстно было, докладывалъ ли Генералъ-Прокуроръ о томъ Государю; почему онъ и внесъ сіи стихи въ нѣкоторые экземпляры собственною рукой.

([28]) Извѣстно всѣмъ, съ какимъ прискорбіемъ утверждала Государыня смертные приговоры.

([29]) Здѣсь изображается учрежденіе Ею народныхъ больницъ, богадѣленъ, сиротскихъ, воспитательныхъ домо́въ, послѣднихъ, до царствованія Ея въ Россіи не было.

([30]) Подъ видомъ орловъ изображается воспитаніе военнаго юношества. Кромѣ Кадетскаго Корпуса Ею учреждены Морской и Инженерный.

([31]) Относится къ вызову иностранныхъ колоній въ Саратовскія степи.

([32]) Изображается открытіе статуи Петра Великаго.

([33]) Стихи сіи относятся къ постановленію памятника Петру Великому, съ надписью: «Петру Первому Екатерина Вторая», что́ увеличило собственную славу Императрицы.

([34]) Относится къ свиданію Императрицы съ Римскимъ Императоромъ Іосифомъ II, съ Королемъ Польскимъ и прочими Владѣтелями и Князьями, которые пріѣзжали въ С.-П.-бургъ видѣть Екатерину.

([35]) Депутатская Коммисія поднесла Государынѣ чрезъ Сенатъ титлы Великой, Премудрой Матери Отечества; но Она не согласилась на принятіе ихъ.

([36]) Въ видѣ исполина представляется здѣсь пространная Россія, о благоденствіи которой Императрица прилагала всевозможное попеченіе.

([37]) Напоминается отважный поступокъ Государыни. которая для примѣра народу Сама надъ Собою сдѣлала первый опытъ прививанія оспы: съ сего времени сіе спасительное средство вошло въ обыкновеніе и въ Россіи.

([38]) Подъ стоглавою гидрою разумѣются внутренніе бунты, возбужденные разбойникомъ Пугачевымъ, а подъ фуріями моръ и голодъ, которые попечительными распоряженіями Императрицы были скоро прекращены.

([39]) Сребролуннымъ государствомъ названа Турція, а

желѣзнокаменнымъ царствомъ Швеція, которыя вдругъ возстали войною на Россію.

([40]) Многіе извѣстные недоброжелатели Государыни не были Ею преслѣдуемы.

([41]) Извѣстно, какъ милостиво Она обходилась съ окружающими Ее.

([42]) Игра словъ. Государыня въ свободные часы занималась театральными сочиненіями: изъ нихъ одна комедія, игранная съ величайшимъ успѣхомъ, называлась *Недоумѣнье.*

([43]) Авторъ имѣлъ, какъ и всякій имѣетъ, своихъ недоброжелателей, но, не желая ни какого мщенія, довольствовался тѣмъ, что хвалилъ Императрицу, не страшась зла за правду.

([44]) Послѣдняя строфа изображенія Фелицы заключается обращеніемъ къ Рафаэлю и объясненіемъ, что онъ преставитъ изображеніе Фелицы не на холстѣ, а на сердцѣ автора, чистомъ и твердомъ подобно алмазу.

CXVIII.

НА НОВЫЙ ГОДЪ. ([1])

Разсѣкши огненной стезею
Небесный синеватый сводъ,
Багряной облеченъ зарею,
Сошелъ на землю Новый Годъ;
Сошелъ, — и гласы раздалися,
Мечты, надежды понеслися
На встрѣчу божеству сему.

Гряди, сынъ вѣчности прекрасный!
Гряди, часовъ и дней отецъ!

Зоветъ счастливый и несчастный:
Подай желаніямъ вѣнецъ!
И самаго среди блаженства
Желаемъ блага совершенства,
И недовольны мы судьбой.

Еще вельможа возвышаться,
Еще сильнѣе хочетъ быть;
Богачъ богатствомъ осыпаться
И горы злата накопить;
Герой безсмертной жаждетъ славы,
Корысти льстецъ, Лукуллъ — забавы,
И счастія игрокъ въ игрѣ.

Мое желаніе: предаться
Всевышняго во всемъ судьбѣ,
За счастьемъ въ свѣтѣ не гоняться,
Искать его въ самомъ себѣ.
Меня здоровье, совѣсть права,
Достатокъ нужный, добра слава,
Творятъ счастливѣе Царей.

А если милой и пріятной
Любимъ Плѣнирой я моей, (2)
И въ свѣтской жизни коловратной
Имѣю искреннихъ друзей,
Живу съ моимъ сосѣдомъ въ мірѣ,
Умѣю пѣть, играть на лирѣ:
То кто счастливѣе меня?

Отъ должностей въ часы свободны
Пою моихъ я радость дней;
Пою Творцу хвалы духовны,

И добрыхъ я пою Царей.
Пріятны гласы становятся,
И слезы нѣжности катятся,
Какъ Россовъ Матерь я пою.

Петры, и Генрихи, и Титы,
Въ народныхъ вѣкъ живутъ сердцахъ;
Екатерины не забыты
Пребудутъ въ тысящѣ вѣкахъ.
Уже я вижу монументы,
Которыхъ свергнуть элементы
И время не имѣетъ силъ.

---

(1) Здѣсь должно разумѣть 1781 годъ. Стихи сіи въ первый разъ напечатаны въ С.-п.-бургскомъ Вѣстникѣ.

(2) Подъ именемъ Плѣниры авторъ во всѣхъ сочиненіяхъ своихъ разумѣетъ первую жену свою.

CXIX.

ОСЕНЬ ВО ВРЕМЯ ОСАДЫ ОЧАКОВА. (1)

Спустилъ сѣдой Эолъ Борея
Съ цѣпей чугунныхъ изъ пещеръ;
Ужасныя крилѣ расширя,
Махнулъ по свѣту богатырь;
Погналъ стадами воздухъ синій,
Сгустилъ туманы въ облака,
Давнулъ, — и облака разсѣлись,
Пустился дождь и восшумѣлъ.

Уже румяна Осеньноситъ
Снопы златые на гумно,
И роскошь винограду проситъ
Рукою жадной на вино;
Уже стада толпятся птичьи,
Ковыль сребрится по степямъ;
Шумящи красножелты листьи
Разстлались всюду по тропамъ;

Въ опушкѣ заяцъ быстроногій,
Какъ колпикъ посѣдѣвъ, лежитъ;
Ловецки раздаются роги,
И выжлятъ лай и гулъ гремитъ;
Запасшися крестьянинъ хлѣбомъ,
Ѣстъ добры щи и пиво пьетъ;
Обогащенный щедрымъ небомъ,
Блаженство дней своихъ поетъ;

Борей на Осень хмуритъ брови,
И Зиму съ Сѣвера зоветъ:
Идетъ сѣдая чародѣйка,
Косматымъ машетъ рукавомъ,
И снѣгъ, и мразъ, и иней сыплетъ,
И воды претворяетъ въ льды;
Отъ хладнаго ея дыханья
Природы взоръ оцѣпенѣлъ.

На мѣсто радугъ испещренныхъ
Виситъ по небу мгла вокругъ,
А на коврахъ полей зеленыхъ
Лежитъ разсыпанъ бѣлый пухъ;
Пустыни сѣтуютъ и долы,

Голодны волки воютъ въ нихъ;
Древа стоятъ, и холмы голы,
И не пасется стадъ на нихъ.

Ушелъ олень на тундры мшисты,
И въ логовище легъ медвѣдь;
По селамъ нимфы голосисты
Престали въ хороводахъ пѣть;
Дымятся сѣрымъ дымомъ домы,
Поспѣшно ѣдетъ путникъ въ путь,
Небесный Марсъ оставилъ громы,
И легъ въ туманы отдохнуть.

Россійскій только Марсъ, Потемкинъ, } (²)
Не ужасается зимы:
По развѣвающимъ знаменамъ
Полковъ, водимыхъ имъ, орелъ
Надъ древнимъ царствомъ Митридата
Летаетъ и темнитъ луну;
Подъ звучнымъ крылъ его мельканьемъ
То черпъ, то блѣдпъ, то рдянъ Эвксинъ.

Огонь, въ волнахъ неугасимый,
Очаковскія стѣны жретъ;
Предъ ними Россъ непобѣдимый
И въ мразъ зелены лавры жнетъ:
Сѣдыя бури презираетъ,
На льды, на рвы, на громъ летитъ,
Въ водахъ и въ пламѣ помышляетъ:
Иль умереть, иль побѣдить.

Мужайся, твердый Россъ и вѣрный,
Еще побѣдой возблистать!

Ты не наемникъ — сынъ усердный;
Твоя Екатерина мать,
Потемкинъ — вождь, Богъ — покровитель;
Твоя геройска грудь — твой щитъ;
Честь — мзда твоя, вселенна — зритель,
Потомство плесками гремитъ.

Мужайтесь, Росски Ахиллесы,
Богини Сѣверной сыны!
Хотя вы въ Стиксъ не погружались, (3)
Но вы безсмертны по дѣламъ.
На васъ всѣхъ мысль, на васъ всѣхъ взоры:
Дерзайте вашихъ въ слѣдъ отцевъ!
И ты спѣши скорѣй, Голицынъ! (4)
Принесть въ твой домъ съ оливой лавръ.

Твоя супруга златовласа, (5)
Плѣнира сердцемъ и лицомъ,
Давно желаннаго ждетъ гласа,
Когда ты къ ней пріѣдешь въ домъ;
Когда съ горячностью обнимешь
Ты семерыхъ своихъ сыновъ,
На матерь нѣжны взоры вскинешь,
И въ радости не сыщешь словъ;

Когда обильными рѣчами
Потомъ восторгъ свой изъявишь,
Безцѣнными побѣдъ вѣнцами
Твою супругу удивишь;
Геройскія дѣла разскажешь (6)
Ея ты дяди и отца,
И духъ, и умъ его докажешь,
И какъ къ себѣ онъ влекъ сердца.

Спѣши, супругъ, къ супругѣ вѣрной;
Обрадуй ты, утѣшь ее:
Она задумчива, печальна,
Въ простой одеждѣ, и, власы
Разсыпавъ по челу нестройно,
Сидитъ за столикомъ въ софѣ,
И свѣтлоголубые взоры
Ея всечасно слезы льютъ.

Она къ тебѣ вседневно пишетъ:
Твердитъ то славу, то любовь;
То жалостью, то нѣгой дышетъ,
То страхъ ея смущаетъ кровь;
То дядѣ торжества желаетъ,
То жаждетъ мужниной любви;
Мятется, борется, вѣщаетъ:
«Коль долгъ велитъ, ты лавры рви!»

Въ чертогѣ, вкругъ ея безмолвномъ, (7)
Не смѣютъ Нимфы пошептать;
Въ восторгѣ только Музы томномъ
Осмѣлились сей стихъ брящать.
Румяна Осень! радость мира!
Умножь, умножь еще твой плодъ!
Прійди желанна вѣсть! — и лира
Любовь и славу воспоетъ.

---

(1) Сочинено въ Тамбовѣ въ 1788 г.

(2) По распоряженію Князя Потемкина, Очаковъ былъ взятъ 6-го Декабря, въ самый жестокій морозъ.

(3) Ахиллесъ, по баснословному преданію, былъ погруженъ своею матерью въ волны Стикса, для безсмертія.

(4) Князь Сергѣй Ѳедоровичъ Голицынъ былъ тогда въ Очаковской арміи генераломъ, подъ командою Князя Потемкина.

(5) Кн. Варвара Васильевна Голицына, урожденная Энгельгардтъ, сестра Графини А. В. Браницкой и Княгини Т. В. Юсуповой.

(6) Князь Потемкинъ былъ ей дядя и любилъ ее какъ отецъ.

(7) Она жила тогда уединенно въ селѣ своемъ Зубриловкѣ, неподалеку отъ Тамбова, и нетерпѣливо ожидала извѣстія о мужѣ и о дядѣ изъ-подъ Очакова. Княгиня имѣла семерыхъ сыновей.

CXX.

НА СМЕРТЬ ГРАФИНИ РУМЯНЦОВОЙ. (1)

Не безпрестанно дождь стремится
На класы съ черныхъ облаковъ,
И море не всегда струится
Отъ премѣняемыхъ вѣтровъ;
Не круглый годъ во льду спятъ воды,
Не всякій день бурь слышенъ свистъ,
И съ скучной не всегда природы
Падетъ на землю желтый листъ:

Подобно и тебѣ крушиться
Не должно, Н....., всегда, — (2)
Готово ль солнце въ бездну скрыться,
Иль паки утру быть чреда.
Ты жизнь свою въ тоскѣ проводишь:

По Англійскимъ твоимъ коврамъ,
Уединясь, въ смущеньи ходишь, } (3)
И волю течь даешь слезамъ.

Престань! и равнодушнымъ окомъ
Воззри на оный кипарисъ,
Который на брегу высокомъ
На Невскія струи нависъ,
И мрачной тѣни подъ покровомъ
Во дремлющихъ своихъ вѣтвяхъ,
Сокрылъ недавно въ гробѣ новомъ
Румянцевой почтенный прахъ.

Румянцевой! — Она блистала
Умомъ, породой, красотой,
И въ старости любовь снискала
У всѣхъ любезною душой;
Она со твердостью смежила
Супружній взоръ, друзей, дѣтей;
Монархамъ осмерымъ служила, (4)
Носила знаки Ихъ честей,

И зрѣла въ торжествѣ и славѣ
И въ лаврахъ сына своего;
Не измѣнялась въ сердцѣ, нравѣ,
Ни для кого, ни для чего;
А доброе и злое купно
Собою испытала все,
И какъ вертится всеминутно
Людской фортуны колесо.

Воззри на памятникъ сей вѣчной
Ты современницы твоей;

Въ отраду горести сердечной,
Къ спокойствію души своей,
Прочти: «Сія гробница скрыла
Затмившаго мать лунный свѣтъ. (5)
Смерть добродѣтели щадила:
Она жила почти сто лѣтъ.»

Какъ солнце тускло ниспущаетъ
Послѣдніе свои лучи,
По небу, по водамъ блистаетъ
Румяною зарей въ ночи:
Такъ съ тихимъ вздохомъ, взоромъ яснымъ
Она оставила сей свѣтъ, —
Но именемъ своимъ прекраснымъ
Еще, еще она живетъ!

И ты, коль побѣдила страсти,
Которы трудно побѣдить;
Когда не ищешь высшей власти (6)
И первою въ вельможахъ быть:
Когда не мстишь, и совѣсть права,
Не алчешь злата и сребра:
Какого же, коль тѣломъ здрава,
Еще желаешь ты добра?

Одно лишь въ насъ добро прямое,
А прочее все въ свѣтѣ тлѣнъ:
Почіетъ чья душа въ покоѣ,
Поистинѣ тотъ есть блаженъ.
Престань же ты умомъ крылатымъ
По треволненію летать!
Съ убогимъ грузомъ, иль богатымъ,
Всякъ долженъ къ вѣчности пристать.

Пожди, — и сынъ твой съ страшна бою
Иль на щитѣ, иль со щитомъ,
Съ побѣдой, съ славою, съ женою,
Съ трофеями прiѣдетъ въ домъ;
И если знатности и злата
Невѣстка въ даръ не принесетъ:
Благими нравами богата,
Прекрасныхъ внучатъ приведетъ.

Утѣшься, — и въ объятьѣ нѣжномъ
Облобызай своихъ ты чадъ;
Въ семействѣ тихомъ, безмятежномъ,
Өессальскiй насаждая садъ,
Живи и расплождай науки!
Живи и обезсмерть себя;
Да громогласной лиры звуки
И Музы воспоютъ тебя!

Сѣдой соборъ Ареопага
На истину смотря въ очки,
На счетъ общественнаго блага
Не рѣдко ей давалъ щелчки;
Но въ вѣкъ тотъ Аристиды жили,
Сносили ссылки, казни, смерть.
Когда Судьбы благоволили,
Не должно ли и намъ терпѣть?

Терпи! — Самсонъ сотретъ льву зубы,
А Навинъ потемнитъ луну;
Румянцевъ молньи дхнетъ сугубы,
Екатерина — тишину;
Меня жъ ни что вредить не можетъ:

Я злобу твердостью сотру;
Враговъ моихъ червь кости сгложетъ, } (7)
А я піитъ — и не умру.

---

(1) Писано къ Княгинѣ Е. Р. Дашковой, въ 1787 г. въ Тамбовѣ. Подражаніе Гораціевой одѣ Non Semper imbres Кн. 2, ода 6.

(2) Княгиня Дашкова очень огорчилась женитьбою ея сына безъ позволенія не на богатой и знатной дѣвицѣ; напротивъ того въ свой долгій вѣкъ Гр. Румянцова умѣла съ терпѣніемъ и твердостію переносить много горестей.

(3) Княгиня Дашкова, любя англійскія издѣлія, убирала домъ свой коврами, мебелями и проч., выписываемыми изъ Англіи.

(4) Графиня Марья Андреевна Румянцова, дочь Русскаго Посла при Лондонскомъ и Парижскомъ Дворахъ, и внука знаменитаго Болярина Артемона Сергѣевича Матвѣева, была Фрейлиной при Петрѣ I, и оставалась при Дворѣ еще и при Императрицѣ Екатеринѣ, и такъ она служила восьми Монархамъ: Петру I, Екатеринѣ I, Петру II, Аннѣ, Елисаветѣ, Аннѣ Леопольдовнѣ, Петру III и Екатеринѣ II-й.

(5) Графъ П. А. Румянцовъ-Задунайскій — сынъ ея, правнукъ Матвѣева.

(6) Княгиня Дашкова, столь же исполненная честолюбіемъ, какъ знаніями и способностями, была покровительницею и Директоромъ двухъ Академій: Наукъ и Россійской.

(7) Тогда Державинъ подвергался гоненію; но переносилъ съ твердостію тягость своего положенія.

«Пожди, — и сынъ твой съ страшна бою
Иль на щитѣ, иль со щитомъ,
Съ побѣдой, славою, съ женою,
Съ трофеями пріѣдетъ въ домъ...»

Авторъ имѣлъ цѣлію — примирить сына съ матерью.

CXXI.

НА ВЫЗДОРОВЛЕНІЕ МЕЦЕНАТА. (¹)

Кровавая луна блистала
Чрезъ покровенный ночью лѣсъ,
На морѣ мрачномъ простирала
Столпомъ багровый свѣтъ съ небесъ,
По огненнымъ зыбямъ мелькая.
Я видѣлъ, въ лодкѣ нѣкто плылъ:
Тутъ вѣтеръ, страшно завывая,
Ударилъ въ лѣсъ — и лѣсъ завылъ;
Изъ безднъ возстали пѣнны горы;
Брега пустили томный стонъ;
Сквозь бурные стихіевъ споры
Зіяла тма со всѣхъ сторонъ.

Ко брегу лодка приплывала;
Приблизилась она ко мнѣ;
Тѣнь бѣлая на ней мелькала,
Какъ образъ мраморный во тмѣ.
Утихъ шумъ рощъ, умолкъ ревъ водный:
Лишь стонутъ въ тишинѣ часы;
Стремится потъ по мнѣ холодный,
И дыбомъ возстаютъ власы;
На брегъ изъ лодки вылѣзаетъ
Старикъ угрюмый и сѣдой,
И, озираясь, подпираетъ
Себя ужасною косой.

Тогда по брегу раздалися
Надгробный плачъ и вой людей;

Отвсюду къ старику сошлися
Безчисленны толпы тѣней;
Прискорбны, блѣдны и безгласны,
Онѣ, потупя взоры, шли;
Цѣпями Фуріи ужасны
Къ морскому брегу ихъ вели.
Старикъ кровавыми когтями
Къ себѣ на лодку ихъ влечетъ:
Богачъ и нищъ, рабы съ Царями,
Всѣ равно оставляютъ свѣтъ.

Ужъ въ лодкѣ многія мечтались
Знакомыя и мнѣ черты;
Другія къ оной приближались:
Межъ ихъ, Шуваловъ! былъ и ты. (2)
И ты, другъ Музъ, другъ смертныхъ роду,
Фаросъ младыхъ вельможъ и мой, (3)
И ты Коцита зрѣлъ ужъ воду;
Коса смертельна надъ тобой,
Разсѣкши мракъ густой, сверкала,
Подобно какъ Перунъ съ небесъ;
Эреба бездна ужъ зіяла,
И ногу въ вѣчность ты занесъ.

Болѣзнь и страхъ неизреченный
Тогда стѣснили грудь мою;
«Кѣмъ добродѣтели почтенны,
Кто родъ и санъ и жизнь свою
Старался тѣмъ единымъ славить,
Чтобъ ближнему благотворить,
Потомству храмъ Наукъ оставить,
Тому ли вѣкъ толь краткій жить?

Ужель врагъ чести и пороку,
И злой, и добрый человѣкъ,
Единому подвластны року?
О, Боже праведный!» — я рекъ.

Но вдругъ средь облака златаго,
На крыльяхъ утренней зари,
Во зракѣ божества младаго,
Котораго рабы, Цари,
Всѣ люди равномѣрно любятъ,
Но всѣ не равно берегутъ;
Котораго лѣнь, роскошь губятъ,
Крѣпятъ умѣренность и трудъ —
Здоровье, даръ Небесъ безцѣнный,
Слетѣло въ твой чертогъ, и взявъ
Въ златомъ сосудѣ сокъ врачебный,
Кропя тебя, рекло: «Будь здравъ!»

Ты здравъ! Хоръ Музъ, тебѣ любезныхъ,
Драгую жизнь твою любя,
На мѣсто кипарисовъ слезныхъ,
Вѣнчаютъ лаврами тебя.
Пріявъ одна трубу златую,
Другая строя лирный гласъ,
Та арфу, та свирѣль простую,
Воспѣли — и воспѣлъ Парнасъ:
«Живи, наукамъ благодѣтель!
Твоя жизнь вѣкъ цвѣсти должна!
Не умираетъ добродѣтель:
Безсмертна Музами она!»

Безсмертны Музами Периклы
И Меценаты вѣкъ живутъ:

Подобно память, слава, титлы
Твои, Шуваловъ, не умрутъ.
Великій Петръ къ намъ ввелъ науки,
А дщерь Его ввела къ намъ вкусъ;
Ты, къ знаньямъ простирая руки,
У ней предстателемъ былъ Музъ.
Досель гремитъ намъ въ Иліадѣ
О Несторахъ, Улиссахъ громъ:
Равно безсмертенъ въ Петріадѣ
Ты Ломоносовымъ перомъ.

(¹) Сочинено въ 1781 году въ Петербургѣ; напечатано въ С.-п.-бургскомъ Вѣстникѣ, потомъ въ Собесѣдникѣ.

(²) Здѣсь Меценатомъ Державинъ называетъ Ивана Ивановича Шувалова, одного изъ самыхъ приближенныхъ вельможъ при Дворѣ Императрицы Елисаветы Петровны. Шуваловъ былъ Оберъ-Каммергеромъ и Кураторомъ Московскаго Университета. Онъ покровительствовалъ Ломоносову и Сумарокову, и вообще наукамъ и художествамъ, и первый положилъ основаніе Академіи Художествъ.

(³) Фаросъ — сказано въ смыслѣ просвѣтитель. Казанская Гимназія, бывшая въ вѣдѣніи Московскаго Университета, находилась также подъ покровительствомъ Шувалова. Въ сей гимназіи воспитывались многіе молодые дворяне, которые потомъ достигли важнѣйшихъ мѣстъ въ государствѣ, какъ-то: Князь Потемкинъ, Василій Степановичъ Поповъ, самъ Державинъ, и проч.

CXXII.

НА КОВАРСТВО ФРАНЦУЗСКАГО ВОЗМУЩЕНІЯ
И
ВЪ ЧЕСТЬ КНЯЗЯ ПОЖАРСКАГО. (¹)

—

Доколь владычество и славу,
Коварство! будешь присвоять;
Вѣсы, кадило, мечъ, державу
Въ рукахъ злодѣйскихъ обращать?
Доколь ловитвой ухищренной
Яремъ накладывать вселенной
Тебѣ чрезъ наглость и чрезъ лесть?
За святотатственны обманы,
Доколѣ стяжутъ власть тираны,
Кумиры Божескую честь?

Кто возвращать возможетъ вѣки,
И зритъ дѣянье древнихъ лѣтъ,
Тотъ знаетъ, сколько человѣки
Тобою претерпѣли бѣдъ!
Лишь праотецъ въ Эдемъ явился,
Твоимъ пронырствомъ искусился,—
Исчезъ его блаженства садъ;
Сокрылося златое время
Съ тѣхъ поръ, какъ земнородныхъ племя
Вкусило твой тлетворный ядъ.

Лежатъ поверженныя царства
Мятежною твоей рукой;
Чужіе троны и начальства

Не разъ похищены тобой;
Не разъ народнымъ кровопійцамъ
И цѣлыхъ областей убійцамъ
Ты отверзало славы храмъ;
И Небу щедрому, благому,
Не разъ, въ покровъ ты дѣлу злому,
Курить дерзало ѳиміамъ.

Для властолюбія, богатства,
Для пагубныхъ твоихъ страстей,
Не разъ, преодолѣвъ препятства,
Достигло цѣли ты своей;
Не разъ ты честность очерняло:
Не разъ ты святость порицало,
И высило чрезъ нихъ твой рогъ;
Не уважаешь узъ ты крови,
Не чтишь ни дружбы, ни любови;
Корысть одна и ты — твой богъ!

Предусмотря свою выгоду,
И сдѣлать нужнымъ чтобъ себя,
Невинность, равенство, свободу,
Покой и счастье истребя,
Ты влило въ насъ свою отраву;
Любить прельстило злую славу
И буйную господства страсть;
Разбой вмѣняютъ тамъ въ геройство,
Жизнь безначальную въ спокойство,
Насиліе въ священну власть.

Твоя ужасна дальновидность,
И скрытый, мрачный твой совѣтъ
Тамъ ставятъ сѣти на невинность,

И слуха о тебѣ гдѣ нѣтъ.
Для бѣдныхъ, слабыхъ обороны
Уставлены суды, законы,
Взаимность, должность, клятвы, бракъ;
Но коль съ тебя личину,
Въ сію священну паутину
Лишь вязнетъ червь, а ты? — никакъ?

Возьмемъ же истины зерцало,
Посмотримъ въ немъ твоихъ путей;
Эхиднино раскроемъ жало,
Сокрытое въ груди твоей:
Изслѣдуемъ твои дѣянья,
Всѣ виды, козни и желанья,
И обнажимъ тебя всего:
Уже я зрю хамелеона,
Для пользъ твоихъ, для ближнихъ стона,
Въ изгибахъ сердца твоего.

Когда смѣешься — ты сирена;
Когда ты плачешь — крокодилъ;
Когда молчишь, тогда геенна
Кипитъ въ тебѣ всѣхъ адскихъ силъ.
Чудовище! пороки злые
За добродѣтели святыя
Умѣешь въ міръ ты выдавать;
Велишь слова твои лукавы
Небесной правды за уставы
Вселенной слѣпо обожать.

Велишь — и въ нѣдрѣ кроткой вѣры,
На мѣсто агнца въ алтаряхъ,
Съ мольбой и пѣньемъ изувѣры

Свою собратью жгутъ въ кострахъ.
Велишь — и бредни лжепророка
Повергли знатну часть Востока
Подъ любострастный Алкоранъ.
Европа ужаснулась кову,
Что за любовь открылъ Христову,
Въ Варѳоломеевъ день тиранъ.

Велишь — и Цезарь, прослезяся,
Знамена бунта развернулъ;
Велишь — и Неронъ, притворяся,
Смиренствомъ трона досягнулъ.
Исчадья гордости, распутства,
Посредствомъ твоего искусства
Даютъ себѣ нерѣдко блескъ.
Тотъ тмы гражданъ повергъ ко гробу,
Сей матерню пронзилъ утробу;
Но имъ гремитъ народовъ плескъ.

Разстриги, Кромвели, Надиры,
Вельможи злые и Цари,
Для хвалъ своихъ имѣютъ лиры,
Для обожанья алтари;
Чрезъ происки твои хвастливы,
Велики, мудры, справедливы
Являются вселенной всей;
Но гдѣ имъ истина коснется,
Завѣса лести раздерется,
Изъ бога вскроется — злодѣй.

Какъ острой сталью горорытство
Металловъ ищетъ въ нѣдрѣ горъ:
Такъ разумъ, людскость, любопытство

И любомудрый тонкій взоръ
Коварно сердце проницаетъ;
Его всѣ бездны развѣрзаетъ
И тайны явными творитъ,
А время на вѣсы все точно,
Что хвально вѣситъ, что порочно,
И безпристрастно насъ цѣнитъ.

О, ты, который властью, саномъ
Себя желаешь отличить,
И изъ пигмея великаномъ
Безсмертно въ лѣтописяхъ жить!
Хотя дѣла твои днесь громки;
Но если поздніе потомки
Путей въ нихъ правыхъ не найдутъ —
Не будешь помѣщенъ ты въ боги:
Несправедливыя дороги
Въ храмъ вѣчной славы не ведутъ.

Ведутъ не въ храмъ, — на мѣсто лобно
Онѣ содѣтелей неправдъ;
Души коварной чувство злобно,
Здѣсь дыба, а по смерти адъ.
Насильственно рѣки стремленье,
Войною странъ опустошенье,
Неправый судъ, огнь, гладъ, бунтъ, моръ!
Что слѣдъ вашъ? — плачъ и скорбь сердечна.
Что ваша слава! — клятва вѣчна,
Вы смрадный естества позоръ!

Обширный разумъ и надменный,
Могущій власть себѣ стяжать,
Могущій царствомъ дни блаженны

И злополучны даровать;
Могущій утѣснить природу,
Иль ей отдать ея свободу, —
Ты можешь самъ себя рѣшить:
Почтенну ль быть тебѣ съ Сократомъ,
Иль презрѣнну съ Геростратомъ?
Героемъ, иль злодѣемъ слыть?

Когда бы бурный Нилъ волною
Своихъ бреговъ не утучнялъ,
Благотворящею рѣкою
Его бы свѣтъ не нарицалъ;
Когда бъ Октавій козни злыя
Не премѣнилъ въ дѣла благія,
Поднесь бы Августомъ не слылъ:
И Петръ не назвался бъ Великимъ,
Когда бъ по подвигамъ толикимъ
Онъ Свой народъ не просвѣтилъ.

Доколь сіяніе короны
Страстямъ мрачить не возбранишь,
Священну вѣру и законы
И правый судъ не сохранишь;
Доколь не удалишь безчинность,
Доколь не защитишь невинность,
И съ лихвой мзду не пресѣчешь;
Доколѣ роскошь и пороки,
Какъ быстрые съ горы потоки,
Своимъ примѣромъ не прервешь;

Доколь, драконовъ сѣя зубы,
Ты будешь новыхъ змѣй раждать,
И ложной славы громки трубы

Въ свирѣльный гласъ не премѣнять;
Доколь моря, страны и грады,
Разбойничьей алчбы награды,
Чужое злато и сребро,
И лавръ не претворишь въ оливы;
Доколѣ не удобришь нивы
И міра не пожнешь добро;

Доколѣ не возлюбишь правды,
Сѣдинъ геройскихъ не почтишь,
Народу не подашь отрады,
И сирыхъ гласу не внушишь: —
Дотоль, о, смертный! сколь ни звученъ,
И сколь ты ни благополученъ,
Хоть славой до небесъ возникъ,
Хоть сѣлъ на тронѣ превысокомъ, —
Предъ любомудрымъ, строгимъ окомъ,
Еще, еще ты не великъ.

Не тронъ, но духа благородство
Даетъ велики имена;
Прямое духа превосходство
Лишь къ истинѣ любовь одна:
О ней лишь можетъ быть рачитель,
О благѣ общемъ попечитель,
Отцемъ отечества Монархъ;
Лишь ею вождь — героемъ чтится,
И богомъ — судія намъ зрится,
И солнцемъ міра — Іерархъ.

Пусть позлащенна мѣдь блистаетъ;
Но блещетъ ли она собой?
Пусть ухищреніе прельщаетъ;

Но чѣмъ? лишь истины корой.
Повергни испытать въ горнило, —
Померкнетъ вмигъ сіе свѣтило;
А злато завсегда равно.
И истина вовѣкъ сіяетъ:
Она едина составляетъ
Всѣхъ добродѣтелей зерно, —

Зерно безсмертія и корень,
Величія, добротъ вѣнецъ;
Природой храмъ ея построенъ
У насъ во глубинѣ сердецъ.
Когда есть долгъ у человѣка,
Ея въ немъ слышанъ гласъ отъ вѣка:
«Тебѣ данъ умъ — меня познать;
Словесность — разсказать другому;
Безсмертный духъ — коварству злому
Безъ ужаса противостать.»

О, коль видѣніе прекрасно! —
Блаженъ, кто идетъ правдѣ въ слѣдъ!
Ни что ему, ни что нестрашно,
И ни какой не смертенъ вредъ,
Стремится ль злость съ остервененьемъ, —
Онъ ограждается терпѣньемъ,
И непорочности щитомъ
Сжимаетъ зѣвъ ея кровавый;
Поносна смерть короной славы
Бываетъ въ подвигѣ такомъ.

Когда жъ въ сіи златые годы,
Въ сіи блаженны, рѣдки дни —
Какъ мыслить, говорить свободы

Законной мы не лишены;
Какъ разумъ съ истиной святою
Насъ милосердія стезею
Стремятся къ просвѣщенью весть;
Какъ всѣмъ оно не воспрещенно —
Паукъ дерзаетъ ухищренно
Вкругъ солнца паутину плесть: —

Увы? когда жъ, въ которы вѣки
Добра не угнетало зло?
Гдѣ тѣ велики человѣки,
Которыхъ сердце бы могло
Предусмотрѣть страстей всѣ виды!
Гдѣ Леониды, Аристиды?
Гдѣ тѣ Эпаминонды днесь?
Гдѣ тѣ Катоны, Сципіоны,
Которыхъ чрезъ временъ запоны,
Какъ огнь насъ, озаряетъ честь?

Гдѣ толь простыя, непритворны,
Прямыя, чистыя сердца,
Толь души тверды, благородны,
Достойныя изъ звѣздъ вѣнца?
Средь славныхъ подвиговъ и боевъ
Мы зримъ полки у насъ героевъ;
Но чтитъ ли ихъ взоръ мудреца?
Онъ ищетъ Росса справедлива,
Благочестива, терпѣлива,
Мужей великихъ образца;

Который бы въ бояхъ сражался,
Лишь спасть народъ, Царя отъ бѣдъ;
Перунами не возвышался,

Отнесъ къ другимъ весь звукъ побѣдъ;
Красой и златомъ не былъ плѣннымъ;
Простилъ убійцамъ обличеннымъ;
Сокрыту зависть наградилъ;
Не внявъ къ себѣ народа клику,
Избралъ достойнаго *Владыку*
И надъ собою воцарилъ;

Который, бывъ покоренъ волѣ
Избраннаго собой Царя,
Не возропталъ и въ низкой долѣ,
Его велѣнія творя,
Стократъ излилъ своей токъ крови,
Изсякъ къ отечеству въ любови,
Доволенъ, безъ наградъ, собой;
Царя творецъ и рабъ послушный,
Не ты ль, герой великодушный,
Пожарскій, мужъ великій мой?

Ты спасъ отъ расхищенья царство,
Ты власть Монаршу утвердилъ,
Ты свергъ любоначальствъ коварство,
Ты честь свою въ себѣ сокрылъ;
Ни колесницъ ты, ни трофеевъ,
Ни громкихъ хвалъ, ни мавзолеевъ
Во мзду не получилъ заслугъ;
Одна лишь персть твоя осталась,
Въ ней искра славы сохранялась,
Которая возжгла мой духъ.

Возстань, возстань на голосъ лиры,
Великая изъ мрака тѣнь!

И ночь когда скрываетъ міры,
Или когда сіяетъ день,
Носись надъ нашими главами,
Умъ гордый поражай громами,
Учи къ Царямъ благоговѣть,
Подпорой будь въ Европѣ троновъ:
Твой сильный гласъ, какъ Цицероновъ,
Заставитъ злобу оробѣть.

Возстань! мечтайся въ воображеньи,
Живи въ умѣ, теки въ крови,
Живи и дѣлай наставленьи
Въ прямой къ отечеству любви;
Въ любви, — что сваръ найдетъ въ дорогу,
Вѣрна Царю, народу, Богу,
Готова все сама терпѣть,
Готова въ бѣдствіяхъ мужаться,
Нарсесовъ славѣ удивляться,
О Велизаріяхъ жалѣть.

Пусть Катилины, Бедемары,
И Мирабо, и Лафайетъ,
Готовя скрытые удары,
Крамолами колеблятъ свѣтъ;
Пускай коварство Годунову
Возноситъ въ память башню нову
За тысячу его заслугъ;
А на твоей покрышкѣ гроба
Простую надпись лишь: *прочь злоба!*
Отечеству напишетъ другъ.

(¹) Сочинено въ Петербургѣ въ 1790 году.

Мысль о мятежахъ и смутахъ во Франціи соединялась въ умѣ Державина съ мыслью объ освобожденіи Франціи отъ безначалія.

CXXIII.

НА ПАНИХИДУ ЛЮДОВИКА XVI. (¹)

Звукъ слышу мусикійскій въ стонѣ,
Во мракѣ громъ, во блескѣ ликъ.
Здѣсь къ небу вознесенъ на тронѣ,
А тамъ — на плахѣ Людовикъ!
О, ужасъ! о, превратность міра!
О, оборотъ стыда, честей!
Попранна тамъ въ крови порфира,
А здѣсь приносятъ жертву ей! —
Кто жъ славы намъ прямой содѣтель?
Никто, никто, — лишь добродѣтель.

Лишь добродѣтель есть любезна
Плѣненныхъ истиной сердцамъ;
Въ чертогѣ, въ хижинѣ почтенна
Она вездѣ, по всѣмъ странамъ.
На тронѣ Филаретъ, въ темницѣ,
Какъ праведникъ, всегда почтенъ.
Въ пыли Отрепьевъ, въ багряницѣ,
Какъ извергъ, завсегда презрѣнъ.
Не тронъ, не подвиги чьи громки,
Чтутъ безпристрастные потомки, —

Лишь добродѣтель. Ей священный
Повѣренъ ключъ весть чести въ храмъ.

О, палачи Царя презрѣнны!
Отвѣтствуйте теперь вы намъ,
Отвѣтствуйте намъ, Петіоны:
Почто Монарха и отца,
Заслуги, Вѣру и Законы,
Попрали вы, о злы сердца?
Почто невиннаго убили
И вѣкъ пятномъ нашъ обагрили?

«Любовь къ отечеству велѣла,»
Вы ищете отвѣтъ намъ дать.
Она вдохнуть вамъ въ грудь умѣла,
Чтобъ руки на Царя поднять?
О ухищренье! о коварство!
Любовь къ отечеству кротка;
Она не разрушаетъ царство
И нѣжная ея рука
Всегда гражданъ щадить умѣла:
Главу ль ей отдѣлять отъ тѣла?

Давно надменья, властолюбья,
Сію личину знаемъ мы;
Ее и Кромвель бралъ въ орудья,
И ею Брутъ слѣпилъ умы.
Открыта днесь сердецъ ихъ склонность
И мнимыхъ цѣль геройскихъ дѣлъ;
Но пусть тотъ вѣру, сей же вольность
Какъ будто защищать хотѣлъ;
А вашей лютости звѣриной,
Цареубійцы! чтò причиной?

Тѣнь Людовика зрю стоящу,
Окровавленну средь васъ,

На лобномъ мѣстѣ возносящу
Послѣдній вамъ свой скорбный гласъ:
«Что дѣти, что народъ мой славный!
Что вамъ такое сдѣлалъ я?
Вы скиптръ вручили мнѣ державный:
Чѣмъ постыдилась власть моя?
Вы имя мнѣ Благаго дали,
Вы благости мои вкушали.

«Не я ли дверь отверзъ темницы
Гдѣ васъ томила строга власть?
Не я ли слезы стеръ вдовицы
И сирыхъ успокоилъ часть?
Не я ль не пролилъ капли крови
Во все владычество мое?
Но какъ отецъ, весь полнъ любови,
Всю жизнь мою, все бытіе
На ваши посвятивъ блаженства,
Искалъ вамъ благъ всѣхъ совершенства?

«Желали вы имѣть свободу,
Чтобы законы написать?
Я отдалъ всѣ права народу
И всю мою вамъ царску власть.
Желали, чтобъ я, снявъ корону,
Со всѣми вами равенъ былъ?
Ни слезъ не испустивъ, ни стону,
Я съ вами гражданиномъ слылъ.
Желали вы, чтобъ я судился?
И я предъ вами правъ явился,

«Желали вы.».... Но, тѣнь святая,
Довольно! скройся въ облакахъ?

Душъ нашихъ больше не смущая,
Живи, ликуй на небесахъ!
Твою невинность всякій знаетъ:
Вселенною оправданъ ты;
Потомство руки простираетъ
На гробъ; на образъ твой цвѣты
И мы съ слезами разсыпаемъ;
Твоихъ тирановъ проклинаемъ.

Греми, проклятіе! всемѣстно
И своды храма потряси,
И правосудіе Небесно
Скорѣй на злобу ниспроси!
Греми, о, Муза! и искусствомъ
Подвигни къ жалости сердца,
Наполнь однимъ Европу чувствомъ
Къ отмщенью Царскаго вѣнца!
Греми!—Но се ревутъ ужъ громы, (²)
На крылiяхъ орловъ несомы.

(¹) Сочинено въ С.-п.-бургѣ 1793 года; тогда же напечатано на особыхъ листкахъ.

(²) Авторъ здѣсь разумѣлъ Россійскія войска, предполагая, что для усмиренія народнаго безпокойства во Франціи они будутъ посланы, что̀ и сбылось при Государѣ Павлѣ, подъ предводительствомъ Генералиссимуса Суворова; но судьба остановила успѣхъ знаменитаго вождя.

CXXIV.

ПѢСНЯ БРАЧНАЯ
ЧЕТѢ ПОРФИРОРОДНОЙ. (¹)

—

Высоку пѣснь я возглашаю!
Тебѣ, Господь мой, посвящаю
И лиру, и перо мое?
Краснѣйшій всѣхъ сыновъ тѣлесныхъ,
Течетъ изъ устъ, очесъ небесныхъ,
Благоволенье всѣмъ Твое.

Самъ Богъ Тебя благословляетъ,
Величествомъ въ Тебѣ сіяетъ,
И при бедрѣ Твой сильный мечъ:
Блеснешь Ты имъ — и ополчишься,
Въ защиту правды устремишься
Невинныхъ стонъ и вопль пресѣчь.

Ты бросишь громы изъ десницы,
Отъ запада къ вратамъ денницы,
Покажешь чудеса, герой!
Разсыплешь изощренны стрѣлы,
Распространишь Твои предѣлы,
Попрешь враговъ своей ногой.

Престолъ Твой Богомъ утвердится,
Щедротой скипертъ позлатится,
Явишься Ты Царемъ сердецъ;
Ты добродѣтельныхъ возлюбишь,

Злодѣя добрымъ быть принудишь,
И будешь вдовъ, сиротъ — отецъ.

Во славѣ Богъ Тебя покажетъ,
Елеемъ радости помажетъ
Всѣхъ паче сверстниковъ Твоихъ:
Алое, смирна и кассія
Отъ ризы Твоея драгія
Польютъ здѣсь ароматы ихъ;

И мамонта костей бѣлѣе,
Прозрачнѣй, чище и свѣтлѣе
Созиждется Тебѣ чертогъ.
Но что? — Уже во храмъ священный
Вошелъ богъ, въ младость облеченный,
Плѣняетъ всѣхъ сердца восторгъ.

Мы видимъ: Дщерь Ему Царева
Предстала юна, лѣпа дѣва,
А съ Нею, какъ заря, любовь:
Въ монистахъ грудь Ея Офира
Дыханьемъ зыблется зефира
Во плѣнѣ золотыхъ оковъ.

Внемли, о Дщерь! и вразумися,
Отъ странъ Твоихъ Ты отрекися,
Отеческій Твой домъ забудь:
Монархъ красы Твоей желаетъ,
Къ Тебѣ Онъ руку простираетъ,
И Ты вѣрна Ему пребудь.

Тогда Тебѣ дщерь Тирска длани
Простретъ со многоцѣнны дани;

Народы славные почтятъ
Въ душѣ своимъ доблестей прекрасный,
Исшвенны на одеждахъ рясны
Красой вселенну удивятъ.

И се Чета въ лучахъ порфирныхъ
Грядетъ изъ храма въ звукахъ лирныхъ;
Вкругъ ближніе текутъ за Ней;
Идутъ въ чертогъ въ восликновеньи,
Въ весельи, въ славѣ, въ восхищеньи
Къ Царицѣ, матери Своей.

Да будетъ Ей соборъ державныхъ
Чадъ Вашихъ, вмѣсто предковъ славныхъ,
Поставленъ править сей народъ!
Вашъ памятникъ да вознесется;
Звѣздъ Вашимъ именемъ коснется,
И Васъ прославитъ въ родъ и родъ!

---

(1) Писано въ С.-п.-бургѣ въ 1793 году. Относится къ бракосочетанію Великаго Князя Александра Павловича. Заимствовано изъ 44 псалма. Музыка на сію оду сочинена придворнымъ капельмейстеромъ Сарти и была пѣта во время обѣденнаго стола во дворцѣ.

CXXV.

МОНУМЕНТЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО. (*)

—

Хотя смерть косу поднимаетъ
Равно и на Владыкъ земныхъ;
Но вѣчно память пребываетъ
Въ сердцахъ людскихъ Царей благихъ.

Твоя пребудетъ добродѣтель,
О Петръ! любезна всѣмъ вѣкамъ;
Храни, храни всегда, Содѣтель,
Его въ преемникахъ Ты намъ!

Неронъ, Калигула, Коммоды,
Когда на тронахъ гдѣ сидятъ,
Хоть поздніе ихъ помнятъ роды,
Но помнятъ, такъ какъ моръ и гладъ.

Твоя пребудетъ добродѣтель,
О Петръ! любезна всѣмъ вѣкамъ;
Храни, храни всегда, Содѣтель,
Его въ преемникахъ Ты намъ!

Пускай въ подсолнечную трубитъ
Тиранъ своимъ богатствомъ страхъ;
Когда кого народъ не любитъ,
Полки его и деньги — прахъ.

Твоя пребудетъ добродѣтель,
О Петръ! любезна всѣмъ вѣкамъ;

Храни, храни всегда, Содѣтель,
Его въ преемникахъ Ты намъ!

Когда Царя народъ прославитъ,
Вселенна подтверждаетъ то жъ;
Когда Царя ласкатель хвалитъ,
Потомство презираетъ ложь.

Твоя пребудетъ добродѣтель,
О Петръ! любезна всѣмъ вѣкамъ;
Храни, храни всегда, Содѣтель,
Его въ преемникахъ Ты намъ!

Вовѣкъ, вовѣкъ вы незабвенны,
Петра Великаго дѣла!
Петромъ бесѣды украшенны!
Петру дѣла Его хвала.

Твоя пребудетъ добродѣтель,
О Петръ! любезна всѣмъ вѣкамъ?
Храни, храни всегда, Содѣтель,
Его въ преемникахъ Ты намъ!

Кто былъ въ трудахъ неутомленный,
Прямой отечества Отецъ!
Великіе Цари вселенны!
Въ Петрѣ вашъ зрите образецъ.

Твоя пребудетъ добродѣтель,
О Петръ! любезна всѣмъ вѣкамъ
Храни, храни всегда, Содѣтель,
Его въ преемникахъ Ты намъ!

---

(1) Писано въ Петербургѣ въ 1776 году.

CXXVI.

ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ. (¹)

—

Россія, въ славу облеченна,
Куда свой взоръ ни обратитъ,
Вездѣ весельемъ восхищенна,
Вездѣ труды Петровы зритъ.

Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ Ты, Великій Петръ!

Онъ, древній мракъ нашъ побѣждая,
Науки въ полночь водворилъ;
Во тмѣ свѣтильникъ возжигая,
И въ насъ благіе нравы влилъ.

Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ Ты, Великій Петръ!

Какъ Богъ, великимъ провидѣньемъ,
Онъ все Собою озиралъ;
Какъ рабъ, неслыханнымъ раченьемъ,
Онъ все Собою исполнялъ.

Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ Ты, Великій Петръ!

Прошелъ землями и морями,
Учился Самъ, чтобъ насъ учить;
Искалъ бесѣдовать съ Царями,
Чтобъ послѣ всѣхъ ихъ удивить.

Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ Ты, Великій Петръ!

Ко скипетру рожденны руки
На трудъ несродный простиралъ;
Звучатъ доднесь по Свѣту звуки,
Какъ Онъ сѣкирой ударялъ.

Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ Ты, Великій Петръ!

Его младенчески забавы
Родили громы наконецъ;
А посреди военной славы
Онъ былъ Отечества Отецъ.

Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ Ты, Великій Петръ!

Лучи величества скрывая,
Простымъ Онъ воиномъ служилъ;
Вождей искусству научая,
Онъ Самъ полки на брань водилъ.

Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ Ты, Великій Петръ!

Вселенну храбрость устрашала,
Какъ Онъ противныхъ поражалъ;
Вселенну милость утѣшала,
Какъ Онъ плѣненныхъ угощалъ.

Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ Ты, Великій Петръ!

Владыка будучи полсвѣта,
Герой въ поляхъ и на моряхъ,
Не презиралъ давать отчета
Своимъ рабамъ въ своихъ дѣлахъ.

Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ Ты, Великій Петръ!

Вѣнцы, тріумфы, колесницы
Не для себя Онъ учреждалъ:
Отличность, блески багряницы
Заслугъ въ наградѣ полагалъ.

Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ Ты, Великій Петръ!

Былъ въ Вѣрѣ твердъ и ей послушенъ;
Пѣвецъ Онъ Самъ былъ алтарей;
Средь золъ, средь благъ великодушенъ,
Нелестный другъ Своихъ друзей.

Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ Ты, Великій Петръ!

Монархамъ возвращалъ короны,
Законы подданнымъ писалъ;
Что должны дѣлать милліоны,
Собой всѣмъ образъ подавалъ.

Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ Ты, Великій Петръ!

Чрезъ горы проточилъ Онъ воды,
На блатахъ грады насадилъ;
Довольство ввелъ въ Свои народы,
Съ Востокомъ Западъ съединилъ.

Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ Ты, Великій Петръ!

Онъ, истины любя уставы,
Хранилъ нелицемѣрный судъ;
Поднесь Его полезны правы
Ко благоденствію ведутъ.

Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ Ты, Великій Петръ!

Поднесь вселенну изумляетъ
Величіе Его чудесъ;
Премудрыхъ умъ не постигаетъ:
Не Богъ ли въ Немъ сходилъ съ небесъ?

Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ Ты, Великій Петръ!

О Россы, славой лучезарны!
О родъ героевъ и соборъ!
Петру вы будьте благодарны;
Да ввѣкъ Петру гремитъ вашъ хоръ!

Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ Ты, Великій Петръ!

(¹) Писано въ Петербургѣ въ 1776 году.

Пѣснь сія была въ великомъ употребленіи въ масонскихъ ложахъ, въ которыя авторъ былъ привлекаемъ неоднократно, но никогда въ нихъ не участвовалъ.

CXXVII.

ВОДОПАДЪ. (1)

Алмазна сыплется гора
Съ высотъ четыремя скалами; } (2)
Жемчугу бездна и сребра
Кипитъ внизу, бьетъ вверхъ буграми;
Отъ брызговъ синій холмъ стоитъ,
Далече ревъ въ лѣсу гремитъ.

Шумитъ, — и средь густаго бора
Теряется въ глуши потомъ;
Лучъ чрезъ потокъ сверкаетъ скоро;
Подъ зыбкимъ сводомъ древъ, какъ сномъ
Покрыты, волны, тихо льются,
Рѣкою млечною влекутся.

Сѣдая пѣна по брегамъ
Лежитъ клубами въ дебряхъ темныхъ;
Стукъ слышенъ млатовъ по вѣтрамъ;
Визгъ пилъ и стонъ мѣховъ подъемныхъ: } (3)
О, водопадъ! въ твоемъ жерлѣ
Все утопаетъ въ безднѣ, въ мглѣ!

Вѣтрами ль сосны пораженны? —
Ломаются въ тебѣ въ куски; } (4)
Громами ль камни отторженны? —
Стираются тобой въ пески;
Сковать ли воду льды дерзаютъ — (5)
Какъ пыль стеклянна ниспадаютъ.

Волкъ рыщетъ вкругъ тебя и страхъ,
Въ ничто вмѣняя, становится:
Огонь горитъ въ его глазахъ
И шерсть на немъ щетиной зрится;
Рожденный на кровавый бой,
Онъ воетъ, согласясь съ тобой.

Лань идетъ робко, чуть ступаетъ,
Внявъ водъ твоихъ падущихъ ревъ;
Рога на спину преклоняетъ
И быстро мчится межъ деревъ;
Ее страшитъ вкругъ шумъ, бурь свистъ
И хрупкій подъ ногами листъ.

Ретивый конь, осанку горду
Храня, къ тебѣ порой идетъ;
Крутую гриву, жарку морду
Поднявъ, храпитъ, ушьми прядетъ;
И подстрекаемъ бывъ, бодрится,
Отважно въ хлябь твою стремится. (6)

Подъ наклоненнымъ кедромъ внизъ,
При страшной сей красѣ природы,
На утломъ пнѣ, который свисъ
Съ утеса горъ на яры воды,
Я вижу — нѣкій мужъ сѣдой
Склонился на руку главой.

Копье, и мечъ, и щитъ великой,
Стѣна отечества всего,
И шлемъ, обвитый повеликой,
Лежатъ во мху у ногъ его:

Въ бронѣ блистая златордяной,
Какъ вечеръ во зарѣ румяной, — (7)

Сидитъ, и взоръ вперя къ водамъ,
Въ глубокой думѣ разсуждаетъ:
Не жизнь ли человѣковъ намъ
Сей водопадъ изображаетъ?
Онъ также благомъ струй своихъ
Поитъ надменныхъ, кроткихъ, злыхъ.

Не такъ ли съ неба время льется,
Кипитъ стремленіе страстей,
Честь блещетъ, слава раздается,
Мелькаетъ счастье нашихъ дней,
Которыхъ красоту и радость
Мрачатъ печали, скорби, старость?

Не зримъ ли всякій день гробовъ,
Сѣдинъ дряхлѣющей вселенной?
Не слышимъ ли въ бою часовъ,
Гласъ смерти, двери скрипъ подземной?
Не упадаетъ ли въ сей зѣвъ
Съ престола Царь и другъ Царевъ?

Падутъ, — и вождь непобѣдимый,
Въ Сенатѣ Цезарь средь похвалъ,
Въ тотъ мигъ, желалъ какъ діадимы,
Закрывъ лице плащемъ, упалъ;
Исчезли замыслы, надежды,
Сомкнулись алчны къ трону вѣжды!

Падутъ, — и несравненный мужъ
Торжествъ несмѣтныхъ съ колесницы,
Примѣръ великихъ въ свѣтѣ душъ,

Презрѣвшій прелесть багряницы,
Плѣнившій Велизаръ царей,
Въ темницѣ палъ, лишенъ очей.

Падутъ, — и не мечты прельщали,
Когда меня, въ цвѣтущій вѣкъ,
Давно ли города встрѣчали,
Какъ въ лаврахъ я, въ оливахъ текъ? ([8])
Давно ль? — Но, ахъ! теперь во брани
Мои не мещутъ молній длани!

Ослабли силы, буря вдругъ
Копье изъ рукъ моихъ схватила; ([9])
Хотя и бодръ еще мой духъ,
Судьба побѣдъ меня лишила.
Онъ рекъ, — и тихимъ позабылся сномъ,
Морфей покрылъ его крыломъ.

Сошла октябрска нощь на землю, ([10])
На лоно мрачной тишины;
Нигдѣ я ничего не внемлю,
Кромѣ ревущія волны,
О камни съ высоты дробимой,
И снѣжною горою зримой.

Пустыня, взоръ насупя свой,
Утесы и скалы — дремали,
Волнистой облака грядой
Тихонько мимо пробѣгали,
Изъ коихъ трепетна, блѣдна,
Проглядывала внизъ луна.

Глядѣла и едва блистала,
Предъ старцемъ преклонивъ рога,

Какъ бы съ почтеньемъ познавала
Въ немъ своего того врага,
Котораго она страшилась,
Кому вселенная дивилась.

Онъ спалъ, — и чудотворный сонъ
Мечты ему являлъ геройски:
Казалося ему, что онъ
Непобѣдимы видитъ войски; водитъ.
Что вкругъ его перунъ молчитъ,
Его лишь мановенья зритъ;

Что огнедышущи за перстомъ
Ограды въ слѣдъ его идутъ; [11]
Что въ полѣ гладкомъ, вкругъ отверстомъ,
По слову одному растутъ
Полки его изъ скрытыхъ становъ,
Какъ холмы въ морѣ изъ тумановъ;

Что только по травѣ росистой
Ночные знать его шаги;
Что утромъ пыль, подъ твердью чистой,
Ужъ поздно зрятъ его враги;
Что остротой своихъ зѣницъ
Блюдетъ онъ ихъ, какъ ястребъ птицъ;

Что положа чертежъ и мѣры,
Какъ волхвъ невидимый, въ шатрѣ, [12]
Тѣмъ кажетъ онъ въ долу химеры,
Тѣмъ въ тиграхъ агнцевъ на горѣ,
И вдругъ рѣшительнымъ умомъ
На тысячи бросаетъ громъ;

Что орлю дерзость, гордость лунну,
У черныхъ и янтарныхъ волнъ, (13)
Смирилъ Колхиду златорунну,
И бѣлаго Царя уронъ
Рая вечерня предъ границей (14)
Отмстилъ побѣдами сторицей;

Что, какъ румяной лучъ зари,
Страну его покрыла слава;
Чужіе Вожди и Цари,
Своя Владычица, Держава,
И всѣ вездѣ его почли,
Тріумфами превознесли;

Что образъ, имя и дѣла
Цвѣтутъ его средь разныхъ глянцевъ;
Что верхъ сребристаго чела
Въ вѣнцѣ изъ молненныхъ румянцевъ
Блистаетъ въ будущихъ родахъ,
Отсвѣчиваяся въ сердцахъ;

Кто зависть отъ его сіянья
Свой блѣдный потупляетъ взоръ,
Среди безмолвнаго стенанья
Ползетъ и ищетъ токмо норъ,
Куда бы отъ него сокрыться,
И что никто съ нимъ не сравнится.

Онъ спитъ, — и въ сихъ мечтахъ веселыхъ
Внимаетъ завыванье псовъ,
Ревъ вѣтровъ, скрипъ деревъ дебелыхъ,
Стенанье филиновъ и совъ,

И вѣщихъ гласъ вдали животныхъ,
И тихій шорохъ вкругъ безплотныхъ.

Онъ слышитъ: сокрушилась ель,
Станица врановъ встрепетала,
Кремнистый холмъ далъ страшну щель,
Гора съ богатствами упала,
Грохочетъ эхо по горамъ,
Какъ громъ гремящій по громамъ.

Онъ зритъ одѣту въ ризы черны
Крылату нѣкую жену,
Власы имѣвшу распущенны,
Какъ смертну вѣсть, или войну,
Съ косой въ рукахъ, съ трубой стоящу,
И слышитъ онъ: «проснись!» гласящу.

На шлемѣ у нея орелъ
Сидѣлъ съ перуномъ помраченнымъ,
Въ немъ гербъ отечества онъ зрѣлъ;
И, бывъ мечтой сей возбужденнымъ,
Вздохнулъ, и испустя слезъ дождь,
Вѣщалъ: «Знать, умеръ нѣкій вождь!

«Блаженъ, когда стремясь за славой,
Онъ пользу общую хранилъ,
Былъ милосердъ въ войнѣ кровавой
И самыхъ жизнь враговъ щадилъ:
Благословенъ средь позднихъ вѣковъ,
Да будетъ другъ сей человѣковъ!

«Благословенна похвала
Надгробная его да будетъ,
Когда всякъ жизнь его, дѣла,

По пользамъ только помнить будетъ;
Когда не блескъ его прельщалъ
И славы ложной не искалъ!

«О слава, слава въ свѣтѣ сильныхъ!
Ты точно есть сей водопадъ.
Онъ водъ стремленіемъ обильныхъ
И шумомъ льющихся прохладъ
Великолѣпенъ, свѣтлъ, прекрасенъ,
Чудесенъ, силенъ, громокъ, ясенъ;

«Дивиться вкругъ себя людей
Всегда толпами собираетъ;
Но если онъ водой своей
Удобно всѣхъ не напояетъ,
Коль рветъ брега и въ быстротахъ
Его нѣтъ выгодъ смертнымъ: — ахъ!

«Не лучше ль менѣе извѣстнымъ,
А болѣе полезнымъ быть;
Подобясь ручейкамъ прелестнымъ,
Поля, луга, сады кропить
И тихимъ въ далекѣ журчаньемъ
Потомство привлекать съ вниманьемъ?

«Пусть на обросшій дерномъ холмъ
Пріидетъ путникъ и возсядетъ,
И, наклонясь своимъ челомъ
На подписанье гроба, скажетъ:
«Не только славный лишь войной,
«Здѣсь скрытъ великій мужъ душой.»

«О! будь безсмертенъ, витязь бранный,
Когда ты весь соблюлъ свой долгъ!»

Вѣщалъ сѣдиной мужъ вѣнчанный,
И въ небеса воззрѣвъ, умолкъ.
Умолкъ, — и гласъ его промчался,
Гласъ мудрый всюду раздавался.

Но кто тамъ идетъ по холмамъ,
Глядясь, какъ мѣсяцъ, въ воды черны?
Чья тѣнь спѣшитъ по облакамъ
Въ воздушныя жилища, горны?
На темномъ взорѣ и челѣ
Сидитъ глубока дума въ мглѣ!

Какой чудесный духъ крылами
Отъ Сѣвера паритъ на Югъ?
Вѣтръ медленъ течь его стезями:
Обозрѣваетъ царства вдругъ;
Шумитъ, и какъ звѣзда блистаетъ,
И искры въ слѣдъ свой разсыпаетъ.

Чей трупъ, какъ на распутьи мгла, (15)
Лежитъ на темномъ лонѣ ночи?
Простое рубище чресла,
Двѣ лепты покрываютъ очи, (16)
Прижаты къ хладной груди персты,
Уста безмолвствуютъ отверсты!

Чей одръ — земля; кровъ — воздухъ синь;
Чертоги — вкругъ пустынны виды?
Не ты ли счастья, славы сынъ,
Великолѣпный Князь Тавриды?
Не ты ли съ высоты честей
Незапно палъ среди степей?

Не ты ль наперсникомъ близъ трона
У сѣверной Минервы былъ;
Во храмѣ Музъ, другъ Аполлона,
На полѣ Марса вождемъ слылъ;
Рѣшитель думъ въ войнѣ и мирѣ,
Могущъ — хотя и не въ порфирѣ?

Не ты ль, который взвѣсить смѣлъ
Мощь Росса, духъ Екатерины, (17)
И, опершись на нихъ, хотѣлъ
Вознесть твой громъ на тѣ стремнины,
На коихъ древній Римъ стоялъ
И всей вселенной колебалъ?

Не ты ль, который орды сильны
Сосѣдей хищныхъ истребилъ, (18)
Пространны области пустынны
Во грады, въ нивы обратилъ,
Покрылъ понтъ черный кораблями,
Потрясъ среду земли громами?

Не ты ль, который зналъ избрать
Достойный подвигъ Росской силѣ,
Стихіи самыя попрать
Въ Очаковѣ и въ Измаилѣ,
И твердой дерзостью такой
Быть дивомъ храбрости самой? (19)

Се ты, отважнѣйшій изъ смертныхъ!
Парящій замыслами умъ!
Не шелъ ты средь путей извѣстныхъ,
Но проложилъ ихъ самъ, — и шумъ

Оставилъ по себѣ въ потомки;
Се ты, о, чудный вождь Потемкинъ!

Се ты, которому врата
Торжественныя созидали;
Искусство, разумъ, красота
Недавно лавръ и миртъ сплетали;
Забавы, роскошь вкругъ цвѣли,
И счастье съ славой слѣдомъ шли. (20)

Се ты, небеснаго плодъ дара,
Кому едва я посвятилъ;
Въ созвучность громкаго Пиндара
Мою настроить лиру мнилъ;
Воспѣлъ побѣду Измаила,
Воспѣлъ.... Но смерть тебя скосила!

Увы! и хоровъ сладкій звукъ
Моихъ въ стенанье превратился;
Свалилась лира съ слабыхъ рукъ,
И я тамъ въ слезы погрузился,
Гдѣ бездна разноцвѣтныхъ звѣздъ
Чертогъ являли райскихъ мѣстъ.

Увы! и громы онѣмѣли,
Ревущіе тебя вокругъ;
Полки твои осиротѣли,
Наполнили рыданьемъ слухъ;
И все, что близъ тебя блистало,
Уныло и печально стало.

Потухъ лавровый твой вѣнокъ,
Гранена булава упала, (21)
Мечъ въ полножны войти чуть могъ, — (22)

Екатерина возрыдала!
Полсвѣта потряслось за Ней
Незапной смертію твоей!

Оливы свѣжи и зелены
Принесъ и бросилъ Миръ изъ рукъ;
Родства и дружбы, вопли, стоны
И Музъ Ахейскихъ жалкій звукъ
Вокругъ Перикла раздается:
Маронъ по Меценатѣ рвется,

Который почестей въ лучахъ,
Какъ нѣкій Царь, какъ бы на тронѣ,
На сребророзовыхъ коняхъ,
На златозарномъ фаэтонѣ,
Во сонмѣ всадниковъ блисталъ,
И въ смертный, черный одръ упалъ! ([23])

Гдѣ слава? гдѣ великолѣпье?
Гдѣ ты, о сильный человѣкъ?
Маѳусаила долголѣтье
Лишь было бъ сонъ, лишь тѣнь нашъ вѣкъ;
Вся наша жизнь не что иное,
Какъ лишь мечтаніе пустое.

Иль, нѣтъ! — тяжелый нѣкій шаръ,
На нѣжномъ волоскѣ висящій,
Въ который бурь, громовъ ударъ
И молніи небесъ ярящи
Отвсюду безпрестанно бьютъ
И, ахъ! зефиры легки рвутъ.

Единый часъ, одно мгновенье
Удобны царства поразить,

Одно стихіевъ дуновенье
Гигантовъ въ прахъ преобразить;
Ихъ ищутъ мѣста — и не знаютъ:
Въ пыли героевъ попираютъ!

Героевъ? — Нѣтъ! но ихъ дѣла
Изъ мрака и вѣковъ блистаютъ;
Нетлѣнна память, похвала
И изъ развалинъ вылетаютъ;
Какъ холмы, гробы ихъ цвѣтутъ:
Напишется Потемкинъ трудъ.

Театръ его былъ край Эвксина,
Сердца обязанныя — храмъ;
Рука съ вѣнкомъ — Екатерина;
Гремяща слава — ѳиміамъ;
Жизнь — жертвенникъ торжествъ и крови,
Гробница — ужаса, любови.

Когда багровая луна
Сквозь мглу блистаетъ темной нощи,
Дуная мрачная волна
Сверкаетъ кровью и сквозь рощи
Вкругъ Измаила вѣтръ шумитъ,
И слышенъ стонъ: что Турокъ мнитъ?

Дрожитъ, — и во очахъ сокрытыхъ
Еще ему штыки блестятъ,
Гдѣ сорокъ тысячъ вдругъ убитыхъ
Вкругъ гроба Вейсмана лежатъ; (24)
Мечтаются ему ихъ тѣни,
И Россъ въ крови ихъ по колѣни!

Дрожитъ, — и обращаетъ взглядъ
Онъ робко на окрестны виды:
Столбы на небесахъ горятъ
По сушѣ, по морямъ Тавриды! } (25)
И мнитъ, въ Очаковѣ что вновь
Течетъ его и мерзнетъ кровь. } (26)

Но въ ясный день, средь свѣтлой влаги,
Какъ ходятъ рыбы въ небесахъ, — (27)
И вьются полосаты флаги,
Нашъ флотъ на вздутыхъ парусахъ
Вдали бѣлѣетъ на Лиманахъ:
Какое чувство въ Россіянахъ?

Восторгъ, восторгъ они, а страхъ
И ужасъ Турки ощущаютъ;
Имъ мохъ и терны во очахъ,
Намъ лавръ и розы расцвѣтаютъ
На мавзолеяхъ у вождей,
Властителей земель, морей.

Подъ древомъ, при зарѣ вечерней,
Задумчиво Любовь сидитъ,
Отъ цитры вѣтерокъ весенней
Ея повсюду голосъ мчитъ;
Перлова грудь ея вздыхаетъ —
Геройскій образъ оживляетъ.

По утру солнечнымъ лучемъ
Какъ монументъ златый зажжется,
Лежатъ объяты серны сномъ,
И паръ вокругъ холмовъ віется,

Пришедши, старецъ надпись зритъ:
«Здѣсь трупъ Потемкина сокрытъ!»

Алцибіадовъ прахъ! — И смѣетъ
Червь ползать вкругъ его главы?
Взять шлемъ Ахилловъ не робѣетъ,
Нашедши въ полѣ, Ѳирсъ? — Увы!
И плоть, и трудъ коль истлѣваетъ:
Что жъ нашу славу составляетъ?

Лишь истина даетъ вѣнцы
Заслугамъ, кои не увянутъ;
Лишь истину поютъ пѣвцы,
Которыхъ вѣчно не престанутъ
Гремѣть перуны сладкихъ лиръ;
Лишь праведника святъ кумиръ!

Услышьте жъ, водопады міра!
О, славой шумныя главы!
Вашъ свѣтелъ мечъ, цвѣтна порфира,
Коль правду возлюбили вы;
Когда имѣли только мѣту,
Чтобъ счастіе доставить свѣту.

Шуми, шуми, о, водопадъ!
Касаяся странамъ воздушнымъ,
Увеселяй и слухъ, и взглядъ
Твоимъ стремленьемъ свѣтлымъ, звучнымъ,
И въ поздней памяти людей
Живи лишь красотой твоей!

Живи! — и тучи пробѣгали
Чтобъ рѣдко по водамъ твоимъ,
Въ умахъ тебя не затмѣвали

Разжженный громъ и черный дымъ;
Чтобъ былъ вблизи, вдали любезенъ
Ты всѣмъ; сколь дивенъ, столь полезенъ.

И ты, о водопадовъ мать!
Рѣка на Сѣверѣ гремяща, (28)
О, Суна! коль съ высотъ блистать
Ты можешь, — и отъ зарь горяща,
Кипишь и сѣешься дождемъ
Сафирнымъ, пурпурнымъ огнемъ:

То тихое твое теченье,
Гдѣ ты сама себѣ равна,
Мила, быстра и не въ стремленьѣ,
И въ глубинѣ твоей ясна,
Важна безъ пѣны, безъ порыву,
Полна, велика безъ разливу;

И безъ примѣса чуждыхъ водъ
Поишь златые въ нивахъ бреги;
Великолѣпный свой ты ходъ
Вливаешь въ свѣтлый сонмъ Онеги:
Какое зрѣлище очамъ!
Ты тутъ подобна небесамъ.

(¹) Написано въ П.-бургѣ въ 1791 году, въ 5-й день Октября, въ который скончался Князь Потемкинъ.

(²) Точное изображеніе водопада въ Олонецкой губерніи, называемаго *Кивачемъ*, находящагося въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Кончезерскаго чугуннаго завода. Онъ стремится съ высотъ между четырехъ гранитныхъ скалъ Авторъ здѣсь разумѣлъ также и четыре отдѣленія года протекаемыя временемъ.

(³) Кончезерскій заводъ отстоитъ около 40 верстъ отъ

водопада, но въ сильную погоду по вѣтру слышно бываетъ дѣйствіе заводскихъ машинъ, и шумъ сей, смѣшавшись съ шумомъ водъ, производитъ какой-то дикій звукъ, который Державинъ самъ слышалъ, тогда, какъ бывъ Губернаторомъ въ Олонецкой губерніи, видѣлъ сей водопадъ.

(4) Авторъ приказалъ на высотахъ водопада срубить сосну и бросить ее въ стремленіе водъ: въ нѣсколько минутъ выплыли изъ жерла одни обломки и щепы.

(5) Водопадъ сей не мерзнетъ никогда и водныя капли падаютъ какъ стеклянная пыль, въ которой отраженіе солнечныхъ лучей представляетъ чудесное зрѣлище.

(6) Здѣсь описываются свойства трехъ звѣрей, совершенно между собою различныя. Волкомъ изображается злоба, которая отъ ужаса стервенѣетъ; ланью изображается робость въ опасности; конемъ — гордость, или честолюбіе, которое отъ препятствій раздражается и растетъ.

(7) Подразумѣвается Фельдмаршалъ Графъ Румянцевъ-Задунайскій.

(8) За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ Фельдмаршалъ Графъ Румянцевъ, какъ воинъ и благоразумный правитель губерній, ему ввѣренныхъ, былъ почтенъ лаврами и оливами. Но въ послѣднюю тогда Турецкую войну онъ уже не командовалъ главною арміею, а оставался въ резервной, весьма малочисленной и напослѣдокъ, сложа съ себя начальство по своей просьбѣ, жилъ во время продолженія войны, какъ частный человѣкъ, въ 15 верстахъ отъ Яссъ въ Молдавской деревнѣ Стенки. Ф. П. Львовъ служилъ въ его канцеляріи и былъ очевидцемъ того философскаго духа, съ которымъ знаменитый полководецъ переносилъ болѣзни лѣтъ своихъ, занимаясь безпрестаннымъ чтеніемъ и рыбною ловлей.

(9) Бурею авторъ называетъ немилость Императрицы, которая отлучила Румянцова отъ должности Фельдмаршала. Государыня просила его пріѣхать въ столицу для нужныхъ Ей отвѣтовъ по причинѣ войны. Румянцевъ

отклонилась и по сей единственно причинѣ возложила Она общее управленіи арміи на Князя Потемкина.

([10]) Говорится о ночи, въ которую скончался Князь Потемкинъ.

([11]) Оградами названы карреи (carrés), или четвероугольные строи военныхъ отрядовъ, которые Графъ Румянцевъ употреблялъ съ большимъ успѣхомъ въ сраженіяхъ съ Турками.

([12]) Планы свои Румянцевъ располагалъ по ландкартамъ уединенно и въ великой тайнѣ. Онъ говаривалъ, что если бы рубашка могла узнавать его мысли, онъ бы ее сжегъ.

([13]) То есть побѣждалъ Пруссаковъ у Балтійскаго Моря, гдѣ, какъ извѣстно, добываютъ по берегамъ янтарь, а Турокъ у Чернаго побѣждалъ: первыхъ въ семилѣтнюю войну, а вторыхъ въ первую Турецкую.

([14]) Бѣлымъ Царемъ разумѣется Петръ I, понесшій уронъ близъ такъ называемыхъ *Рябыхъ Могилъ*, гдѣ Онъ былъ отрѣзанъ Турками. Подъ словомъ «границы вечерняго рая» разумѣется рѣка Прутъ, отдѣляющая Молдавію отъ сѣверныхъ областей.

([15]) Князь Потемкинъ, проѣзжая изъ Яссъ въ Николаевъ, умеръ на дорогѣ и тѣло его цѣлую ночь лежало въ степи, покрытое плащемъ.

([16]) Гусаръ, бывшій за нимъ, положилъ на глаза его двѣ денежки, чтобы закрыть ихъ.

([17]) Никто лучше не приноравливался къ обширнымъ видамъ Императрицы Екатерины, какъ великолѣпный *Князь Тавриды*. Всѣ его замыслы (какъ тогда увѣряла молва) простирались къ тому, чтобъ изгнать Турковъ изъ Европы, усмирить гордость Китайцевъ и установить торгъ съ Индіею.

([18]) По его видамъ истреблена Запорожская Сѣча, освобожденъ отъ Татаръ Крымъ; изъ нихъ первая разбоями, а послѣдніе незапными нашествіями вредили Россіи. Имъ населены Екатеринославская и Таврическая губерніи, тамошнія степи покрыты городами; на Черномъ Морѣ

основанъ флотъ. Онъ потрясалъ самый Константинополь симъ флотомъ, коимъ начальствовалъ тогда подъ его властію Адмиралъ Ушаковъ.

([19]) По взятіи Измаила сами солдаты удивлялись своей храбрости: когда во время приступа случилось, что лѣстницы, употребляемыя для всхода на валы, не доставали до края, то солдаты опирались на штыки и такимъ образомъ взлѣзли на страшный Измаильскій валъ и взяли крѣпость.

([20]) Среди войны и въ самыхъ неудачахъ пышность и роскошь окружали Князя Потемкина.

([21]) Вѣнокъ лавровый, изъ богатыхъ бриллiантовъ, былъ пожалованъ Императрицею Князю Потемкину за его побѣды; а булава, какъ жезлъ начальства, означала Гетманство, Императрицею ему ввѣренное.

([22]) Поэтическое изображеніе мира, только что начатаго предъ кончиною Князя Потемкина.

([23]) При погребеніи Принца Виртембергскаго, брата Маріи Өеодоровны, скончавшагося въ арміи, Князь Потемкинъ, вышедъ изъ церкви, такъ былъ тронутъ печальнымъ зрѣлищемъ, что забылся, и вмѣсто своего экипажа, сѣлъ на погребальную колесницу, на которой тѣло Принца было привезено въ церковь; опомнясь, онъ чрезвычайно оробѣлъ и всѣ окружающіе его съ того времени какъ будто предугадывали, что конецъ Князя близокъ.

([24]) Славный генералъ Вейсманъ, убитый въ первую Турецкую войну за Дунаемъ, погребенъ въ Измаилѣ, гдѣ 40 тысячъ гарнизона во время приступа пали подъ мечемъ Суворова.

([25]) Отъ пожаровъ, при взятіи крѣпостей и при пораженіи Турецкаго флота, являлось на небѣ зарево въ видѣ огненныхъ столповъ.

([26]) Очаковъ взятъ былъ 6-го Декабря въ такой жестокій морозъ, что даже кровь, текущая изъ ранъ, тотчасъ замерзала.

([27]) Въ тихій лѣтній день видны въ водѣ облака и кора-

бельные флаги, отъ чего и кажется, что рыбы какъ будто плаваютъ въ небѣ.

([23]) Суна, рѣка, протекающая въ Олонецкой губерніи, составляетъ водопадъ Кивачъ. Названа матерью водопадовъ по отношенію къ Императрицѣ, которая чрезъ сильныхъ людей, Ею возвышенныхъ, блистала и дѣлами, и побѣдами.

CXXVIII.

НА СМЕРТЬ БИБИКОВА. ([1])

Тебя ль оплакивать я долженъ,
О, Бибиковъ! какой ударъ! ([2])
Тебѣ ли кипарисны лозы
И мvро я на гробъ несу?
Едва успѣлъ тобой быть знаемъ,
Лишенъ тебя я рокомъ лютымъ,
Погибъ съ печали разумъ мой!
Твои достоинства лишь вспомню,
Сердечны разверзаю раны
И вновь терплю твою я смерть.

Твои заслуги и почтенье
Отъ всей къ тебѣ твоей страны
Уже столь громки и велики,
Что время ихъ не можетъ скрыть.
У всѣхъ, кто любитъ добродѣтель,
Въ сердцахъ твой образъ будетъ вѣченъ.
Внемли! — Тамъ Музъ несется стонъ; ([3])
На щитъ облегшися Беллона,

На лаврахъ Россъ, Минерва плачутъ,
На блеклыхъ миртахъ Гименей.

Не показать мое искусство,
Я здѣсь тебѣ стихи пою,
И риѳмъ здѣсь нѣтъ въ печальномъ слогѣ,
Но благодарности лишь знакъ. (4)
Усердное мое почтенье
И воздыханій чувство нѣжно
Я здѣсь изобразить хочу:
Пускай о томъ и всѣ узнаютъ,
Что, вмѣсто мавзолея вѣчна,
Я пролилъ слезы надъ тобой.

Иные чтутъ одну фортуну.
Смотря на выгоды свои,
И даръ поэзіи священной
Приносятъ только ей одной:
Но я предъ сей царицей міра
Моихъ цвѣтовъ не разсыпаю,
А сыплю ихъ на пепелъ твой;
Желаю только, чтобъ сказали:
«Онъ вѣрно любитъ добродѣтель,
Что пишетъ ей свои стихи.»

Но чтобъ мнѣ смерть твою прехвальну,
Герой! печальнѣе воспѣть,
Оттоль я собралъ черны тѣни,
Гдѣ въ подвигѣ погасъ твой вѣкъ.
Не лавръ исторгши у Пруссаковъ, (5)
Не побѣждаючи Сарматъ;
Но ставъ отечества щитомъ,
Крамолу ты разя, скончался.

О, коль такой конецъ прекрасенъ!
Онъ всѣхъ другихъ славнѣй побѣдъ.

Ты, зря на предстоящихъ слезныхъ,
Рекъ: «Жаль отца, жену и чадъ,
Но награждающа заслуги
Екатерина призритъ ихъ;
Отечество жалѣю больше!» (6)
И съ словомъ симъ сомкнулъ вздыханье;
Но твой и мертвый вскрытый взоръ
Еще показывалъ героя,
И молніей грозилъ ехиднѣ, —
И тутъ раздался страшный гулъ!

Пустыни вретищемъ покрылись,
Весна уныла на цвѣтахъ;
Казань вострепетала въ сердцѣ;
Потухъ горящій воевъ духъ;
Спѣшатъ писать увѣщеванья:
«Мужайтесь, бодрствуйте!» вѣщаютъ,
Но тщетно!... Нѣтъ уже тебя!
Разстроилось побѣдъ начало; (7)
Сильнѣе разлилася язва;
Скрѣпился въ злобѣ лютый тигръ.

Тогда цѣна твоя познались
Рыданьемъ сограждан твоихъ,
Успѣхомъ бунта и крамолы,
Паденьемъ скорымъ многихъ странъ.
«Блаженъ!» рекли Россійски вожди:
«Онъ въ лучши дни животъ оставилъ,
Когда о немъ жалѣютъ всѣ.» —

Славнѣйшій странъ опустошитель
Ведетъ проклятье за собою:
Защитникъ — славу и любовь.

О, ты, отечества ревнитель,
Ему до гроба вѣрный сынъ!
Прости, прости, что оставляю
Воспѣть тебѣ я Россовъ гимнъ.
Они, проливъ потоки слезны,
Поставятъ въ честь того трофей,
Кого желали зрѣть Цари (8)
Ихъ нѣкогда потомокъ поздній
Прочтетъ на мраморной гробницѣ
Сіи нелестныя слова:

«Онъ былъ искусный вождь во бранахъ,
Совѣта мужъ, любитель Музъ,
Отечества подпора тверда,
Блюститель Вѣры, Правдѣ другъ;
Екатериной чтимъ за службу,
За здравый умъ, за добродѣтель,
За искренность души его.
Онъ умеръ, тронъ обороняя:
Стой, путникъ! стой благоговѣйно!
Здѣсь Бибикова прахъ сокрытъ!»

---

(1) Написано въ 1774 году, въ Саратовской губерніи, при горѣ Чаталагаѣ.

(2) Генералъ Бибиковъ, Шефъ и Подполковникъ Измайловскаго полка, и разныхъ орденовъ Кавалеръ, бывъ начальникомъ войскъ, посланныхъ противъ Самозванца Пугачева, разбилъ мятежниковъ у крѣпости Татищевой и скончался въ пригородкѣ Бугульмѣ въ 1774 году.

(3) Бибиковъ любилъ науки и поэзію; подъ особеннымъ попеченіемъ его была въ Измайловскомъ полку школа, изъ которой вышли люди съ дарованіями.

(4) Державинъ свидѣтельствуетъ благодарность за то, что Бибиковъ, совсѣмъ его не зная, взялъ съ собою въ коммисію, по одной его просьбѣ о томъ безъ всякаго посторонняго ходатайства и потомъ дѣлалъ ему самыя важнѣйшія порученія.

(5) Бибиковъ служилъ со славой въ семилѣтнюю Прусскую войну и взялъ въ плѣнъ генерала Вернера.

(6) Послѣднія слова его при смерти.

(7) По смерти его генералъ Князь Голицынъ, находившійся при секретной коммисіи, Князь Щербатовъ и Казанскій Губернаторъ Брандтъ, не пошли другъ къ другу въ команду и перессорились; дали скопиться новымъ злодѣйскимъ силамъ и разстроили начало побѣдъ.

(8) Прусскій Король Фридрихъ Великій былъ отличнаго мнѣнія о военномъ достоинствѣ Бибикова, писалъ къ нему письмо, въ которомъ изъявлялъ желаніе его видѣть; письмо это напечатано въ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ того времени.

CXXIX.

ПРОГУЛКА ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ. (1)

—

Въ прекрасный майскій день,
Въ часъ ясныя погоды,
Какъ всюду длинна тѣнь,
Ложась въ стеклянны воды,
Въ ихъ зеркалѣ бреговъ
Изображала виды,
И какъ между столповъ

И зданіевъ Ѳемиды,
Сооруженныхъ ей
Героевъ Россикихъ въ славу,
При гласѣ лебедей,
Въ прохладу и забаву,
Вечернею порой
Отъ всѣхъ уединяясь,
Съ Плѣнирою младой
Мы, въ лодочкѣ катаясь,
Гуляли въ озеркѣ:
Она въ кормѣ сидѣла,
А по срединѣ я;
За нами въ слѣдъ летѣла
Жемчужная струя;
Кристаллъ шумѣлъ отъ веселъ.
О, сколько съ нею я
Въ прогулкѣ сей былъ веселъ!
«Любезная моя!»
Я тутъ сказалъ: «Плѣнира!
Тобой плѣненъ мой духъ:
Ты даръ всего мнѣ міра.
Взгляни, взгляни вокругъ
И виждь: красы природы
Какъ бы стеклись къ намъ вдругъ:
Сребромъ сверкаютъ воды,
Рубиномъ облака,
Багрянымъ златомъ кровы;
Какъ огненна рѣка,
Свѣтъ ясный, пурпуровый
Объялъ всѣ воды вкругъ;
Смотри въ нихъ: рыбъ плесканье,

Плывущихъ птицъ на лугъ
И крылъ ихъ трепетанье.

«Весна во всѣхъ мѣстахъ
Намъ взоръ свой осклабляетъ,
Въ зеленыхъ муравахъ
Ковры намъ подстилаетъ.
Послушай рога ревъ,
Тамъ эха хохотанье,
Тутъ шопоты ручьевъ,
Здѣсь розы воздыханье!
Се вѣтеръ помавалъ
Крылами тихо слуху.

«Какая пища духу!»
Въ восторгѣ я сказалъ:
Коль красенъ взоръ природы
И памятниковъ видъ,
Они гдѣ зрятся въ воды
И соловей сидитъ,
Гдѣ близъ и воспѣваетъ,
Заря розу, иль зарю!
Онъ будто изъявляетъ
И Богу, и Царю
Свое благодаренье:
Царю — за память слугъ,
Творцу — что влилъ стремленье
Къ любви всѣмъ тварямъ въ духъ.
И ты, сидя при розѣ,
Такъ, дней весеннихъ сынъ,
Пой, Карамзинъ! — И въ прозѣ
Гласъ слышенъ соловьинъ.»

([1]) Написано въ С.-п.-бургѣ въ 1791 году.

Державинъ и тогда еще провидѣлъ славу Карамзина. Въ послѣдствіи Карамзинъ читалъ въ его домѣ свою Исторію.

CXXX.

НА РОЖДЕНІЕ ЕЯ ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ ОЛЬГИ ПАВЛОВНЫ. ([1])

Едва исчезла темнота,
Лучи златые ниспустились,
Багрянцемъ облака покрылись:
Родилась красота.

Въ лилеи облеклася кровь,
Душа небесная во младость,
Унылое молчанье въ радость:
Родилася любовь.

Любовь! — любовь, или краса,
Иль Ольга къ намъ пришла вторая?
Минута свѣтлая, златая
Блаженнаго часа!

Какихъ не видимъ мы добротъ
Въ Твой славный вѣкъ, Екатерина?
Отъ Павла намъ — два исполина,
Маріи — сонмъ красотъ!

Какія громки имена
Въ задатокъ къ подвигамъ безсмертнымъ,
Къ побѣдамъ, милостямъ несчетнымъ
Въ грядущи времена!

Ужъ зрю я съ Сѣвера на Югъ
Свѣтильникъ Ольга возвращаетъ!
Какихъ чудесъ не обѣщаетъ,
Монархиня, Твой духъ?

Тамъ власть раздоръ Монаршу рветъ,
Тамъ Царь свободу угнетаетъ:
Тебя жъ народъ Твой обожаетъ
И матерью зоветъ.

Молитву шлемъ мы къ Небесамъ,
Да продолжатъ Твои намъ лѣта,
Къ отрадѣ и утѣхѣ свѣта
И въ образецъ Царямъ!

---

(1) Написано въ Царскомъ Селѣ въ 1792 году.

CXXXI.

НА ПОКОРЕНІЕ ДЕРБЕНТА. (1)

—

Герой, который мной воспѣтъ, (2)
Что счастья надѣленъ рукою,
И храбростью, и красотою
Въ любви и въ брани для побѣдъ!
Уже ты днесь не по фортунѣ,
По подвигамъ твоимъ почтенъ.

Едва оставилъ ты гражданъ,
Привязанныхъ къ Тебѣ любовью,
Ужъ мечъ твой обагрился кровью
Противныхъ Россамъ Персіянъ;
Но гордый врагъ простеръ лишь выю,
Ты подарилъ ему животъ! (3)

Екатеринины лучи
Умножилъ ты побѣдой новой;
Славнѣе тѣмъ вѣнецъ лавровой, } (4)
Что взялъ Петровы ты ключи. }
Въ столѣтнемъ старцѣ Дарій зрится, } (5)
А юный Александръ — въ тебѣ! }

О, радость! се валятъ ужъ къ намъ
Слоны, богатствомъ нагруженны,
Коврами Инда покровенны! (6)
Народъ по стогнамъ, по домамъ;
Сребро и золото ліется,
Какъ съ неба благотворный дождь!

Но знай: какъ свѣтлый метеоръ, (7)
Такъ блескъ тріумфовъ пролетаетъ:
Почти тогда жъ и исчезаетъ,
Коль скоро удивляетъ взоръ;
А добродѣтели святыя,
Какъ въ небѣ звѣзды, вѣкъ горятъ.

Но кто перунъ небесъ несетъ
И вдохновенъ душей Беллоны,
Кому чертежъ даютъ Платоны,
И кротости кто въ слѣдъ идетъ:

Тотъ можетъ многими путями
Войти Безсмертія во храмъ.

(¹) Сочинено въ С.-п.-бургѣ въ 1796 году.

(²) Графъ Валеріанъ Васильевичъ Зубовъ — въ одѣ «Красавцу».

(³) Графъ Валеріанъ Зубовъ даровалъ свободу плѣнникамъ, взятымъ въ Дербентѣ.

(⁴) Тѣ ключи Дербента, которые нѣкогда вручены Петру Великому.

(⁵) Ключи сіи поднесены были Графу Зубову, имѣвшему не болѣе 20 лѣтъ, столѣтнимъ Персомъ.

(⁶) Выше сказано, что Императрица имѣла намѣреніе учредить торговлю съ Индіею. Графу Зубову поручено было занять главныя мѣста чрезъ Персію до Тибета, оставить въ нихъ гарнизоны, потомъ обратиться съ арміею къ Анатоліи, взять Анапу, пресѣчь всѣ подвозы и сношеніе съ Константинополемъ; а Графу Суворову назначено было чрезъ горы и Адріанополь идти къ Турецкой столицѣ. Сама же Государыня готовилась на флотѣ осадить Константинополь. Планъ сей долженъ былъ исполниться въ 1797 году; но съ кончиною Императрицы виды сіи пресѣклись.

(⁷) Сіе предвѣстіе сбылось при смерти Императрицы, случившейся 1796 года 6 Ноября. Тогда же былъ замѣченъ пролетѣвшій свѣтлый метеоръ.

CXXXII.

НА ВЗЯТІЕ ВАРШАВЫ. (¹)

—

Пошелъ, — и гдѣ тристаты злобы? (²)
Чему коснулся — все сразилъ?

Поля и грады стали гробы;
Шагнулъ — и Царство покорилъ!
О, Россъ! о, подвигъ Исполина!
О, всемогущая Жена!
Безсмертная Екатерина!
Куда? и что еще? — Уже полна
Великихъ вашихъ дѣлъ вселенна.
Какъ ночью звѣздъ стезя, по небу протяженна,
Дѣяній вашихъ цѣпь въ потомствѣ возблеститъ
И мудрыхъ увидитъ.
Ужъ ваши имена,
Тріумфъ, побѣды, трудъ не скроютъ времена:
Какъ молньи быстрыя вкругъ міра будутъ течь.
Полсвѣта очертилъ блистающій вашъ мечь;
И славы громъ,
Какъ шумъ морей, какъ гулъ воздушныхъ спо-
ровъ;
Изъ дола въ долъ, съ холма на холмъ,
Изъ дебри въ дебрь, отъ рода въ родъ,
Прокатится, пройдетъ,
Промчится, прозвучитъ,
И въ вѣчность возвѣститъ,
Кто былъ Суворовъ!
По бранямъ — Александръ, по доблести —
Стоикъ;
Въ себѣ ихъ совмѣстилъ, и въ обоихъ великъ.

Черная туча, мрачныя крыла
Съ цѣпи сорвавъ, весь воздухъ покрыла;
Вихрь полуночный летитъ — богатырь!
Тма отъ чела, съ посвиста пыль!

Молньи отъ взоровъ бѣгутъ впереди,
Дубы грядою лежатъ позади.

Ступитъ на горы — горы трещатъ;
Ляжетъ на воды — воды кипятъ
Граду коснется — градъ упадетъ;
Башни рукою за облакъ кидаетъ;
Дрогнетъ природа, блѣднѣя, предъ нимъ;
Слабыя трости щадятся лишь имъ.
Ты ль Геркулесъ нашъ, новый, полночный,
Бурѣ подобный, быстрый и мочный?
Твой ли, Суворовъ! се образъ побѣдъ?
Трупы враговъ и лавры твой слѣдъ!
Кѣмъ ты, когда бывалъ побѣждаемъ?
Все ты, всегда, вездѣ превозмогъ!
Новый трофей твой днесь созерцаемъ:
Тронъ подъ тобой, корона у ногъ, —
Царь въ полону! — Ужасъ ты злобнымъ,
Кто былъ Царицѣ твоей непокорнымъ.

И се въ небесномъ вертоградѣ,
На злачныхъ вижу я холмахъ,
Благоуханныхъ рощъ въ прохладѣ,
Въ прозрачныхъ, радужныхъ шатрахъ,
Предъ сонмами блаженныхъ Россовъ,
Въ бесѣдѣ ихъ Вождей, Царей, —
Нашъ звучный Пиндаръ, Ломоносовъ
Сидитъ, и лирою своей
Безплотный слухъ ихъ утѣшаетъ;
Поетъ безсмертныя дѣла.
Уже, какъ молнія, пронзаетъ
Ихъ свѣтлу грудь его хвала;

Златъ медъ блеститъ въ устахъ пунцовыхъ,
Зари играютъ на щекахъ;
На мягкихъ, зыблющихъ, перловыхъ,
Они возлегши въ облакахъ,
Небесныхъ арфъ и дѣвъ внимаютъ
Поющихъ тихострунный хоръ.
Въ безмолвьи сладко утопаютъ,
И, склабя восхищенный взоръ,
Взираютъ съ высоты небесной
На храбрый, вѣрный свой народъ,
Что доблестью, другимъ безвѣстной,
Еще себѣ вѣнцы беретъ,
Еще на высоту восходитъ,
Всевышняго водимъ рукой.
Великій Петръ къ нимъ взоръ низводитъ,
И въ ревности Своей святой,
Какъ трубный громъ межъ горъ гремитъ:
Герой героямъ говоритъ:

«О, вы, сѣдящи въ сѣни райской!
Одѣньтесь въ свѣтлы днесь зари.
Возстань, великій мужъ, Пожарской!
И на Россію посмотри:
Ты усмирилъ ея крамолу,
Избралъ преемника престолу,
Разсадникъ славы насадилъ;
И се — рукой Екатерины
Твои теперь пожаты крины,
Которы сжать я укоснилъ.
Она нашъ Домъ распространила,
И славой всѣхъ насъ превзошла;

Строптиву Польшу покорила,
Которая твой врагъ была.» —

Прорекъ Монархъ и скрылся въ сѣнь.
Герои Росски всколебались;
Сѣдымъ челомъ приподнимались,
Чтобы узрѣть Варшавы плѣнъ.

Лежитъ измѣнница и взоры,
Потупя, обращаетъ вкругъ;
Терзаютъ грудь ея укоры,
Что раздражила кроткій духъ,
Склонилась на совѣтъ змѣиный,
Отвергла щитъ Екатерины,
Не могши дружбы къ Ней сберечь.
И се—днесь надъ Сарматомъ плѣннымъ,
Навѣсясь шлемомъ опереннымъ,
Всесильный Россъ занесъ свой мечь.

Сидитъ орелъ на гидрѣ злобной:
Подите, отнимите, львы!
Стремися съ фуріей, сонмъ грозной!
Герой, отъ Лены до Невы,
Возлегши на лавровомъ полѣ,
Ни съ кѣмъ не съединяясь болѣ,
Лишь мудрой правимый главой,
Щитомъ небеснымъ осѣняясь,
На Вѣру, вѣрность опираясь,
Одной васъ оттолкнетъ ногой.

О, стыдъ! о, срамъ неимовѣрный!
Быть Россу другомъ — и робѣть! (3)
Пожаръ тушить стараться зѣльный,

И бывъ въ огнѣ, охолодѣть!
Мнитъ защищать Монарши правы,
И за корысть лишь воевать;
Желать себѣ безсмертной славы,
И, не сражаясь, отступать;
Слыть недругомъ коварству злому
И чтить его внутрь сердца ядъ!

Но ты, народъ, подобно грому,
Котораго мечи въ дали звучатъ!
Доколѣ твердъ, единодушенъ,
Умѣешь смерть и скорби презирать,
Царю единому послушенъ,
И съ нимъ по вѣрѣ побораты,
По правдѣ будешь лишь войною:
Великій духъ! твой Богъ съ тобою!
На что тебѣ союзъ? — О, Россъ!
Шагни — и вся твоя вселенна.

О Ты, Жена благословенна,
У Коей сынъ такой колоссъ!
Къ толикимъ скиптрамъ и коронамъ,
Странамъ, владѣемымъ Тобой,
Со звукомъ, громомъ и со звономъ
Еще одну его рукой
Пріими корону принесенну,
И грудь, во браняхъ утомленну,
Спѣши спокойствомъ врачевать.
Твое ему едино слово
Отраду, духъ, геройство ново
И счастье можетъ даровать.

А ты, кому и Музы внемлютъ,
Младый наперсникъ, чашникъ, Кронь,
Предъ кѣмъ орелъ и громы дремлютъ
И вседробящій молній огнь!
Налей мнѣ кубокъ твой сапфирный,
Звѣздами, перлами кипящь,
Да нектаръ твой небесный, сильный,
На лоно нѣжныхъ Музъ клонящь,
На мѣсто громовъ, звуковъ бранныхъ,
Воспѣть меня возбудитъ миръ.

И се — уже въ странахъ кристальныхъ
Несусь, оставя дольній миръ;
Огнистый солнца конь крылатый
Летитъ по воздуху и ржетъ.
Съ ноздрей дымъ пышетъ синеватый,
Со удилъ пѣна клубомъ бьетъ;
Струями искры сыплютъ взоры;
Какъ овны, убѣгаютъ горы,
И въ Божескомъ восторгѣ семъ
Я вижу въ тишинѣ полсвѣта!

Живи, цвѣти несмѣтны лѣта,
О, Царствующая на немъ!
Кто лучшій столькихъ странъ владѣтель,
Какъ не въ коронѣ добродѣтель?

ХОРЪ.

Среди грому, среди звону
Торжествуй, прехрабрый Россъ!
Ты еще теперь корону
Въ даръ Монархинѣ принесъ.

Славься симъ Екатерина,
О, великая жена!

Гдѣ народъ какой на свѣтѣ,
Кто видалъ и кто слыхалъ,
Что въ единомъ Царство лѣтѣ
И съ Царемъ завоевалъ?
Славься симъ Екатерина,
О, великая жена!

Чти вселенна, удивляйся
Нашихъ мужеству людей;
Злоба въ сердцѣ содрогайся,
Зря въ насъ твердый щитъ Царей.
Славься симъ Екатерина,
О, великая жена!

Зависть, дерзость и коварство
Преклонись, нашъ видя строй!
Безпримѣрно Русско Царство,
И младенецъ въ немъ Герой.
Славься симъ Екатерина,
О, великая жена!

Царедворецъ, жившій нѣжно,
Просится на страшный бой;
Сноситъ трудъ и скорбь прилежно,
И на смерть идетъ стѣной.
Славься симъ Екатерина,
О, великая жена!

Пули, ядра, раны смертны,
За Царя пріемлетъ въ даръ;

Награжденья намъ безсмертны
Слово Царско, слава, лавръ.
Славься симъ Екатерина,
О, великая жена!

Я всему предпочитаю
За отечество лить кровь;
Я Плѣниру зыбываю
И пою къ нему любовь.
Славься симъ Екатерина,
О, великая жена!

Утѣшайся восхищеньемъ
Чадъ, о Матерь, таковымъ,
Ихъ нелестнымъ поклоненьемъ
Добродѣтелямъ Твоимъ.
Славься симъ Екатерина,
О, великая жена!

(¹) Сочинено въ П.-бургѣ 1794 года; напечатано на особыхъ листкахъ.

(²) Тристатами названы въ Святомъ Писаніи Египетскіе Вожди, гнавшіе Евреевъ при переходѣ ихъ чрезъ Чермное море шедшихъ. Первые стихи этой лирической піесы были посланы Державинымъ къ Суворову, тотчасъ по полученіи извѣстія о покореніи Варшавы.

(³) Король Прусскій, бывшій въ союзѣ съ Императрицею, приступивъ къ Варшавѣ съ Русскими войсками, вскорѣ отступилъ по политическимъ причинамъ, которыя тогда сблизили Пруссаковъ съ Французами.

CXXXIII.

НА КОНЧИНУ
ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ
ОЛЬГИ ПАВЛОВНЫ. (1)

Ночь лишь седьмую
Мрачнаго трона
Степень прешла,
Съ Росска Сіона
Звѣзду златую
Смерть сорвала.
Лучь, покатяся
Съ синяго неба,
Въ безднѣ погасъ!

Утренняя, ясна,
Тѣнь золотая!
Кратокъ твой блескъ.
Ольга прекрасна,
Ольга драгая!
Тѣнь твой былъ вѣкъ.
Что твое утро
Въ вѣчности цѣлой?
Менѣй, чѣмъ мигъ!

Юная роза
Лишь развернула
Алый шипокъ,
Вдругъ отъ мороза
Въ лонѣ уснула, —

Свянулъ цвѣтокъ:
Такъ и съ Царевной:
Нѣтъ ужъ въ ней жизни —
Смерть на челѣ?

Къ отчему лону,
Къ Матери нѣжной,
Къ Братьямъ, Сестрамъ,
Къ скипетру, трону,
Къ Бабкѣ любезной,
Къ вѣрнымъ рабамъ,
Милый младенецъ!
Ты ужъ съ улыбкой
Рукъ не простреть.

Ликъ полутонный,
Тихое пѣнье,
Мрачность одеждъ,
Вздохи и стоны,
Слезно теченье,
Въ дымѣ блескъ свѣчь,
Норда Царицы
Блѣдность, безмолвье — (²)
Страшный позоръ!

Гдѣ вы стѣснились?
Что окружили?
Чей видимъ трупъ?
Иль вы забылись,
Въ гробъ положили
Спящаго тутъ
Ангела въ тѣлѣ? —

Ольга прекрасна
Ангелъ былъ нашъ

Вижу въ сіяньѣ
Грады эѳира,
Солнцы кругомъ!
Вижу собранье
Горняго міра:
Ангеловъ сонмъ,
Руки простерши,
Ольгу пріемлютъ
Въ свѣтлый свой полкъ.

Вижу блаженну
Чистую душу
Всю изъ огня,
Въ свѣтъ облеченну:
Въ райскую кущу
Идетъ дитя;
Зритъ на Россію,
Зритъ на Петрополь,
Зритъ на родныхъ,

Зритъ на Піиту,
Жизнь и успѣнье
Кто ея пѣлъ,
Чей въ умиленье
Дождь на ланиту
Искрой летѣлъ;
Слышитъ звукъ лиры,
Томные гласы
Пѣсни моей.

Міра Содѣтель,
Святость и прочность
Царства суть чьи!
Коль добродѣтель
И непорочность
Слуги Твои,
Коихъ ко смертнымъ
Ты посылаешь
Стражами быть:

Даждь, да надъ нами
Ольги блаженной
Плаваетъ духъ;
Чтобъ, какъ очами,
Надъ полвселенной
Небо сей другъ
Зрѣлъ насъ звѣздами
Дланью багряной
Сыпалъ къ намъ свѣтъ;

Племя Петрово,
Екатерины
Здравьемъ чело,
Сѣнь бы лаврова,
Мирные крины —
Все намъ цвѣло;
Дни бы златые,
Сребряны росы
Съ облакъ лились;

Не было бъ Царства
Въ свѣтѣ другаго
Счастливѣй насъ;

Яда коварства,
Равенства злаго,
Буйства заразъ,
Вольности мнимой ([3])
Ангелъ хранитель,
Насъ ты избавь!

И средь эѳира,
Въ дебри тмозвѣздной,
Въ райской тиши,
Гдѣ днесь Плѣнира.
Другъ мой любезной,
Сердца, души
Въ ней половину,
Геній Россіи,
Призри мою!

([1]) Сочинено въ П.-бургѣ 1795 года.

([2]) Великая Княжна скончалась въ младенчествѣ трехъ лѣтъ. Императрица Сама была на ея погребеніи, одѣтая въ бѣлое платье съ распущенными волосами.

([3]) Тогда во Франціи провозглашали вольность и мнимое равенство.

CXXXIV.

ФЛОТЪ. ([1])

Онъ, бѣлыми взмахнулъ крылами
По зыблющей равнинѣ волнъ,
Пошелъ, — и слѣдомъ пѣна рвами,
И съ страшнымъ шумомъ искры, огнь,

Подъ нимъ въ пучинѣ загорѣлись:
Съ нимъ рядомъ тѣнь его бѣжитъ;
Ширинки съ шлемовъ распростерлись:
Горѣ предъ нимъ орелъ паритъ.

Водимъ Екатерины духомъ,
Побѣдъ и славы громкій сынъ,
Ступай еще, и землю слухомъ
Наполнь, о, Росскій исполинъ!
Ты смѣло Сциллы и Харибды
И свѣтъ весь прежде проходилъ:
То днесь препятствъ какіе виды?
И кто тебѣ ихъ положилъ?

Ступай — и стань средь Океана,
И брось твоихъ гортаней громъ:
Еропа, злобой обуянна,
И гидръ лилейныхъ блѣдный сонмъ (²)
Отъ грозъ твоихъ да потрясется:
Проснется Людвигъ звукомъ лиръ!
Та дщерью Божьей наречется,
Кто дастъ смущеннымъ царствамъ миръ.

(¹) Сочинено въ 1795 году по случаю отбытія эскадры для охраненія нейтральныхъ судовъ во время Французской революціи.

(²) Въ гербѣ Франціи бѣлыя лиліи: а сонмъ гидръ означаетъ революціонные клубы и собранія.

CXXXV.

НА КРЕЩЕНІЕ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА. (¹)

Блаженная Россія!
Среди твоихъ чудесъ
Отъ высоты святыя
Еще залогъ Небесъ
Пріими и веселися,
Сугубымъ блескомъ освятися!

Се нынѣ Духъ Господень
На Отрока сошелъ;
Прекрасенъ, благороденъ,
И какъ заря расцвѣлъ,
Онъ въ пеленахъ лучами:
Дитя равняется съ Царями

Родителямъ по крови,
По сану — исполинъ;
По благости, любови,
Полсвѣта Властелинъ:
Онъ будетъ, будетъ славенъ,
Душей Екатеринѣ равенъ!

(¹) Сочинено въ П.-бургѣ 1796 года. Многіе стихи сей оды истинно пророческіе. Замѣчательно, что ничто въ то время еще не подавало надежды на вступленіе на Престолъ третьяго сына Императора Павла; но поэтъ во всемъ уже предвидѣлъ властелина полсвѣта.

CXXXVI.

НА КОНЧИНУ ГР. ОРЛОВА. (1)

Что слышу я? Орелъ изъ стаи той высокой,
Котора въ воздухѣ плыла
Впреди Минервы свѣтлоокой,
Когда она съ Олимпа шла, —
Орелъ, который надъ Чесмою
Предъ флотомъ Россіянъ леталъ,
Внезапно роковой стрѣлою
Сраженный, съ высоты упалъ!

Увы! гдѣ, гдѣ его подъ солнцемъ днесь паренье?
Гдѣ по морямъ его слѣды?
Гдѣ бурно громовъ устремленье
И пламенны межъ тучъ бразды?
Гдѣ быстрыя всезрящи очи
И грудь отважности полна?
Все, все сокрылъ мракъ вѣчной ночи:
Осталась слава лишь одна!

(1) Сочинено въ П.-бургѣ въ 1796 году.
Графъ Ѳедоръ Григорьевичъ Орловъ въ Чесменской битвѣ находился на кораблѣ *Святой Евстафій*, во время самаго взрыва корабля; но Провидѣніе тогда чудесно спасло его.

CXXXVII.

ПАМЯТНИКЪ. [1]

Я памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный!
Металловъ тверже онъ и выше пирамидъ:
Ни вихрь его, ни громъ не сломитъ быстротечный
И времени полетъ его не сокрушитъ.

Такъ! Весь я не умру; но часть меня большая,
Отъ тлѣна убѣжавъ, по смерти станетъ жить,
И слава возрастетъ моя, не увядая,
Доколь Славяновъ родъ вселенна будетъ чтить.

Слухъ пройдетъ обо мнѣ отъ Бѣлыхъ водъ до Черныхъ.
Гдѣ Волга, Донъ, Нева, съ Рифея льетъ Уралъ;
Всякъ будетъ помнить то въ народахъ неисчетныхъ,
Какъ изъ безвѣстности я тѣмъ извѣстенъ сталъ,

Что первый я дерзнулъ въ забавномъ русскомъ слогѣ [2]
О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить,
Въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ
И истину Царямъ съ улыбкой говорить.

О, Муза! возгордись заслугой справедливой
И презритъ кто тебя, сама тѣхъ презирай;
Непринужденною рукой, неторопливой,
Чело твое зарей безсмертія вѣнчай.

(¹) Писано въ П.-бургѣ въ 1796 г. Подражаніе Горацію (книги 3 ода 30).

(²) Державинъ былъ первый изъ Русскихъ Писателей, сочинявшій лирическія піэсы въ забавномъ слогѣ. — Ломоносовъ и Пушкинъ также перелагали эту оду Горація.

CXXXVIII.

НА НОВЫЙ 1797 ГОДЪ. (¹)

Занесъ послѣдній шагъ и, въ вѣчность
Ступя, сокрылся прошлый годъ;
Пожрала мрачна неизвѣстность
Его стремленье, быстрый ходъ.
Гдѣ ризы свѣтлы, златозарны?
Гдѣ взоры голубыхъ очесъ? (²)
Гдѣ вѣкъ Екатерины славный?
Ужъ нѣтъ ихъ! — Въ высотѣ небесъ
Явился Новый Годъ намъ въ мірѣ
И Павелъ въ блещущей порфирѣ.

Онъ поднялъ скиптръ — и пробѣжала (³)
Струя съ небесъ во мракъ темницъ;
Цѣпь звучно съ узниковъ упала
И процвѣла ихъ блѣдность лицъ;
Въ объятьяхъ семьи восхищенныхъ
Облобызали возвращенныхъ
Сыновъ, и братьевъ, и мужей;
Плоды трудовъ, свой хлѣбъ насущный,
Узрѣлъ всякъ въ житницѣ своей —
Подобно, утра Царь воздушный,

Выходитъ солнце въ подвигъ свой:
Блеснетъ лишь посреди эѳира,
Бываетъ благодѣтель міра
Отрадой, свѣтомъ, теплотой.

Онъ принялъ мечъ — и лучъ горящій
Въ рукѣ Его увидѣлъ врагъ; (4)
Пронесся духъ животворящій
Въ градахъ, въ домахъ, въ полкахъ, въ судахъ.
Всѣхъ ранній пѣтелъ возбуждаетъ,
Отъ сна всякъ къ дѣлу поспѣшаетъ
И долгъ свой тщательно творитъ;
Всякъ движется, стремится, внемлетъ:
На стогнѣ крѣпко стражъ стоитъ,
Передъ зерцаломъ судъ не дремлетъ,
Скрываетъ злость главу свою
Подъ Царскимъ бдительнымъ призоромъ:
Орелъ съ высотъ такъ быстрымъ взоромъ
Шипящу въ муракѣ зритъ змію.

Возсѣлъ на тронъ — и освѣтилась (5)
Душа Его огнемъ щедротъ:
Сѣдина почестьми покрылась;
Сбираютъ бѣдныхъ, вдовъ, сиротъ;
Увѣчныхъ воевъ награждаютъ;
Прощенье недруги внимаютъ,
Заслуги получаютъ мзду.
Такъ Богъ въ величіи, во славѣ,
Во благовременну чреду,
Льетъ благодать Своей державѣ
Въ заряхъ, въ росахъ, въ дождяхъ, въ лучахъ;
Всѣ руки къ небу воздѣваютъ

И отъ него всѣ ожидаютъ
Себѣ возможныхъ твари благъ.

Россія лавромъ отягченну
Отъ браней вознеся главу,
Внимаетъ черезъ всю вселенну
Гремящую о Немъ молву:
Кто сей, щедрѣй Екатерины
И ревностнѣй еще Петра? (6)
Садить въ сердца блаженства крины,
Потоки злата и сребра
Воздержностью пролить желаетъ,
Собою роскошь истребляетъ?

Кто сей, по образу Атланта,
На рамена поднявшій свѣтъ,
Шагами твердыми гиганта
Неробко чести въ храмъ идетъ?
Грозитъ противнымъ не войною,
Но мирной, масличной лозою,
Нося при ней готовый громъ?
Онъ дерзкихъ взглядомъ усмиряетъ;
Христова Церковь Павла въ немъ (7)
Избранный тотъ сосудъ встрѣчаетъ,
Который миръ, любовь и свѣтъ,
Всѣ добродѣтели во нравы
И жажду неземныя славы
Въ благочестивы души льетъ;

Кто мудръ ума по просвѣщенью,
А сердцемъ больше щедръ и благъ; (8)
Атиллѣ въ слѣдъ, къ распространенью
Границъ, не ступитъ ни на шагъ.

Въ той истинѣ увѣренъ твердо,
Что царство не войной цвѣтетъ,
Онъ кровь народовъ милосердо
Своихъ и вражіихъ блюдетъ.
Водимый истиной святою,
Законовъ подъ одной чертою,
Полсвѣту скорый судъ даритъ, (9)
Обогатитъ торговлей грады,
Плодомъ, стадами вертограды,
Людьми пустыни заселитъ;

По долгу строгъ и правосуденъ,
Но нѣженъ, милостивъ душей;
На казнь жестоку медленъ, труденъ:
Ждетъ исправленія людей;
Виновныхъ милуетъ, прощаетъ,
Несчастныхъ слезы отираетъ,
Покоемъ жертвуетъ драгимъ,
Участвовать въ трудахъ Супругѣ (10)
И Сыновьямъ велитъ Своимъ;
Чистосердечья ищетъ въ другѣ, (11)
Блаженствомъ общимъ дорожитъ;
Народной споспѣшая льготѣ,
По доблести и по щедротѣ
Аврелій зрится въ Немъ и Титъ.

Лети, о, Новый Годъ! ты смѣло
Съ сей вѣстью Россиихъ въ слухъ сыновъ;
Свершай предположенно дѣло
Судьбами искони вѣковъ;
Спѣши во древнюю столицу,
Обрадуй тысячи сердецъ,

Надѣнь на Павла багряницу
И на главу его вѣнецъ
Взложи отъ камени честнаго,
Въ залогъ намъ вѣка золотаго;

Спѣши, укрась Его Супругу
Подобно почестью Царя,
Веселье лей земному кругу,
Какъ восходящая заря;
Намъ будущихъ вѣковъ блаженныхъ,
Обильныхъ, мирныхъ, несравненныхъ,
Начальникъ красный будь и вождь!
Да съ твоего отнынь полета
Во благовременьи намъ дождь
Весной прольется и средь лѣта,
И нѣдра напоивъ земли,
Произраститъ златыя нивы;
А вѣтры, парусъ вздувъ игривый,
Поставятъ въ пристань корабли;

Да мы, подъ Павловымъ владѣньемъ,
Еще свѣтлѣе процвѣтемъ,
И вѣкъ Его безсмертнымъ пѣньемъ
На лирахъ сердца воспоемъ;
Побѣды громки позабудемъ,
И всѣхъ земныхъ народовъ будемъ
Счастливѣй внутрь, а внѣ сильнѣй;
О бывшемъ не вздохнемъ блаженствѣ,
Коль будетъ духъ нашъ благъ полнѣй,
Коль преуспѣемъ въ совершенствѣ,
Въ дѣлахъ и мира, и войны;
Да здравье намъ цвѣтетъ Царево,

И Домъ Его, какъ райско древо,
Супруга, Дщери и Сыны!

А ты, о вождь полковъ нетлѣнныхъ,
Летѣлъ что средь небесныхъ силъ
Ко дню твоихъ торжествъ священныхъ,
Какъ Павелъ на престолъ всходилъ!
Храня Его твоей рукою,
Временъ впредь цѣпью золотою
Крылаты годы сопряги;
Веди Ихъ всѣхъ цвѣтовъ стезями
И счастье Россовъ береги,
Да съ вѣрными Себѣ сынами
Отецъ нашъ ввѣкъ не узритъ зла;
Но брань ли взникнетъ, иль коварство,
Вкругъ облесни мечемъ ты царство, —
И ихъ слѣды покроетъ мгла!

(¹) Сочинено въ С.-п.-бургѣ; напечатано тогда же въ Московскомъ Журналѣ.

(²) Напоминаніе о Екатеринѣ II, у которой были голубые глаза.

(³) Императоръ Павелъ при самомъ восшествіи на престолъ оказалъ великія милости народу: многихъ людей, и особливо содержавшихся за оскорбленіе Величества, освободилъ изъ тюремъ; набранныхъ по указу Екатерины рекрутъ возвратилъ въ домы; хлѣбъ, собранный изъ сельскихъ магазиновъ для Провіантскаго Департамента въ казну, приказалъ отдать обратно.

(⁴) Онъ вошелъ въ новое устройство военныхъ силъ. Должностные люди какъ военные, такъ и гражданскіе обязаны были являться къ должности весьма рано.

(⁵) Въ первые дни царствованія Государь сей оказалъ неимовѣрныя щедроты: кромѣ вещей и денегъ роздалъ до трехъ сотъ тысячъ душъ крестьянъ; заслуженныхъ

старцевъ покрылъ почестями; собралъ вдовъ и сиротъ, призрѣлъ ихъ и наградилъ, и пристроилъ увѣчныхъ инвалидовъ.

(6) Удивительная щедрость и неутомимая заботливость о дѣлахъ въ началѣ Его царствованія были душею управленія и открыли неожиданный источникъ радости и надежды, которыми питались люди того времени.

(7) Подъ видомъ избраннаго сосуда, т. е. Апостола Павла, поэтъ разумѣлъ Императора Павла. Въ то время господствовала секта Мартинистовъ или Мистиковъ. Люди, къ ней принадлежавшіе, увѣрили и себя и другихъ, что могли бесѣдовать съ духами. Многіе изъ нихъ, вооружась непонятными книгами, объясняющими и показывающими будто бы чудеса, вѣрою покровенныя, ходили изъ дома въ домъ, и по наклонности человѣческаго ума ко всему чудесному обращали на себя любопытное вниманіе людей, жаждущихъ чреэъестественныхъ качествъ и способностей. Одинъ изъ нихъ, котораго Императрица Екатерина удалила въ ссылку за открытыя его вредныя для Государства сношенія съ иностранными Мартинистами и Массонскими ложами, бывъ возвращенъ, непримѣтно вкрался въ уваженіе у Двора съ нѣкоторыми изъ своей собратіи; но однако жъ скоро уничтожили хитрости новыхъ проповѣдниковъ и удалили ихъ.

(8) Государь сей былъ весьма остраго ума, просвѣщенъ, крайне чувствителенъ и готовъ на добро.

(9) Скорое доставленіе правосудія, одушевленіе торговли, распространеніе городовъ, одобреніе хлѣбопашества, умноженіе скотоводства, населеніе степей, были предметами неусыпной Его дѣятельности; но самая быстрота, съ которой стремились распоряженія Правительства, не всегда увѣнчевала успѣхомъ великіе виды законодателя.

(10) Супругѣ своей Императоръ Павелъ поручилъ управленіе нѣкоторыми Богоугодными заведеніями. Сыновьямъ повелѣлъ быть Шефами полковъ. Старшаго Сво-

его Сына Александра облекъ въ званіе С.-п.-бургскаго Военнаго Губернатора.

(11) Государь сей желалъ всегда имѣть вокругъ Себя людей чистосердечныхъ, Ему сердцемъ преданныхъ, и особливо искалъ человѣка, который бы Ему говорилъ правду. Графъ Гудовичъ, нѣкогда приближенный къ Родителю Его, нарочно вызванъ былъ изъ деревни въ сей надеждѣ, но потомъ удаленъ.

Ода сія возвратила автору входъ за Кавалергардскую залу, котораго онъ на время былъ лишенъ.

CXXXIX.

НА КОНЧИНУ

ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II

И ВОСШЕСТВІЕ НА ПРЕСТОЛЪ

ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I. (1)

(Съ Еврейскаго.)

Простря крилѣ, Екатерина
Лишь вознеслася къ Богу въ свѣтъ,
Увы! упала съ насъ корона,
И Матери народовъ нѣтъ!
Защитницы нѣтъ, равной львицѣ,
И въ скорби лишь отрада намъ:

Что въ домъ Она Свой возвратилась,
Въ домъ Ангеловъ, вкусить Свой трудъ;
Что по Себѣ не только славу

Оставила, но Божій даръ,
Отца отечества намъ — Павла:
Коль львица мать была, — сынъ левъ!

Богъ силъ въ Тебѣ! рожденъ Ты мудрымъ:
На правдѣ утвердилъ Свой тронъ;
Щедротъ и милостей льешь рѣки;
Твой домъ — домъ мира; садъ — Сыны;
Златый вѣнецъ — Супруга, Дщери:
Се друга Божья, смертныхъ — часть!

На тронъ вступилъ Ты и мгновенно
Отеръ токъ слезъ со всѣхъ ланитъ;
Твой мечъ въ полкахъ несчетныхъ блещетъ
Для мира больше и для благъ,
Которы не изсякнутъ вѣчно.
Ясна заря — и вѣчеръ свѣтлъ.

Какъ новая звѣзда, возникнувъ,
Лучи пріятны льетъ очамъ;
Живущи на нее всѣ смотрятъ:
Такъ на Тебя, всемощный Царь,
Зритъ міръ, напастьми угнетенный,
И ждетъ, что усмиришь Ты зло.

Престолъ Твой окруженъ морями;
Межъ ихъ — языковъ тмы; мольба
Звучнѣй возносится, чѣмъ волны;
Воззри! Израильтяновъ родъ
Свои колѣна преклоняетъ:
Ты жертву ихъ пріими, какъ Богъ.

---

(1) Сочинено въ Шкловѣ въ 1799 году; въ первый разъ напечатана въ томъ же году на особыхъ листкахъ. Ода

сія сочинена была Шкловскими Евреями въ 1797 году, и поднесена ими Государю въ Москвѣ на Еврейскомъ языкѣ. Въ Лейпцигѣ переведена она была на Нѣмецкій языкъ, а съ Нѣмецкаго по буквальному переводу съ Еврейскаго подлинника переложена авторомъ на Русскій языкъ.

CXL.

НА РОЖДЕНІЕ
ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ
МИХАИЛА ПАВЛОВИЧА. (1)

Куда, силъ грозныхъ воевода?
Надѣвъ огнеперный шлемъ,
На бедро лучъ, съ небесна свода
Ты радужнымъ течешь путемъ?
Спустился, зрю на полвселенну,
На Павловъ и Маріинъ Домъ,
И къ Отроку новорожденну
Осклабленнымъ приникъ лицомъ.

«Азъ есмь,» вѣщалъ: «*кто равенъ Богу!*» (2)
Дитя! симъ именемъ зовись;
Стань браней, мира на дорогу;
Въ доспѣхи правды облекись;
Пріими духъ мужества, духъ силы,
Лучъ свѣта, званье, образъ мой,
И горняго паренья крилы:
Архангелъ я и пѣстунъ Твой.

«Избраньемъ древле Я корону
На Предка Твоего надѣлъ; ([3])
Недавно въ слѣдъ Отцу ко трону
Незримымъ спутникомъ летѣлъ; ([4])
Небесъ Имъ поборала сила:
Пріими!» — И лишь свершилъ онъ рѣчь,
Порфира Отрока покрыла
И препоясалъ молній мечъ. ([5])

Едва почули Громовержца
Перуны Росскіи въ пеленахъ,
На нѣжный гласъ сего младенца
Въ трехъ-сотныхъ отдались громахъ; ([6])
Россія блескомъ озарилась,
Усердія къ Царямъ полна:
Такъ свѣтлымъ токомъ слезъ покрылась,
Какъ сребрянымъ дождемъ луна.

«Подаждь, вселенной Вседержитель!»
Взываетъ къ звѣздной вышинѣ:
«Да юный молніи носитель
Михаилъ древній будетъ мнѣ! ([7])
Пресѣкъ нестройство тотъ, крамолу,
Началомъ славы былъ моей,
А Сей, подпорой ставъ престолу,
Да царствуетъ въ сердцахъ людей!»

Уже Хранителя небесна
Мой духъ вездѣ съ младенцемъ зритъ:
При люлькѣ, среди сна прелестна,
Надъ Нимъ, простря крилѣ, стоитъ;
Эѳирную приноситъ манну;
Играетъ солнечнымъ лучомъ,

И въ грудь, на подвиги избранну,
Вливаетъ Божій страхъ съ млекомъ:

То взводитъ онъ Его на гору,
То ходитъ съ Нимъ среди долинъ;
Его младому кажетъ взору
На высотѣ полетъ орлинъ:
Смотри, надъ доломъ какъ летая,
Онъ зритъ вкругъ змѣй и верженъ громъ,
А тамъ, любовью нѣжной тая,
Птенцевъ жметъ кокошь подъ крыломъ; —

Иль учитъ: «Ты порфиророденъ,
Прямой Твой долгъ есть долгъ Небесъ;
И міра Царь есть рабъ Господень:
Взыщи премудрости словесъ:
Священна доблесть — право къ власти;
Лишь правда — надъ вселенной Царь;
Благоволеньемъ къ смертнымъ части
Всевышній зиждетъ Свой алтарь.» —

Отца и Матери въ подобьи,
Бесѣдуетъ онъ часто съ Нимъ;
«Ищи» твердитъ ему: — «въ незлобьи
Ты образца дѣламъ Своимъ:
Престола хищнику, тирану
Прилично устрашать рабовъ;
Но Богомъ на престолъ воззванну
Любить ихъ должно, какъ сыновъ.» — (8)

Подъ кровомъ ангельскимъ, небеснымъ,
Отца и Матери рукой,
Расти, Дитя, расти прелестнымъ,

А возмужавъ, явись Герой!
Страна Твоя сильна, преславна,
Обширно поле, гдѣ парить;
Нѣтъ въ мірѣ Царства такъ пространна
Гдѣ бъ можно столь добра творить!

(¹) Сочинено въ С.-п.-бургѣ въ 1798 году, и тогда же напечатано.

(²) То есть, Азъ есмь Михаилъ: ибо Михаилъ, по Еврейски значитъ: *кто равенъ Богу?*

(³) Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ по выбору всего народа былъ избранъ на Царство.

(⁴) Императоръ Павелъ восшелъ на престолъ за два дни до празднованія Архангела Михаила.

(⁵) Въ самый день рожденія Великаго Князя Михаила Павловича Онъ былъ пожалованъ Фельдцейхмейстеромъ, какъ бы въ начальники молніи Россійскаго воинства.

(⁶) Рожденіе Императорскаго Сына обыкновенно возвѣщается тремя стами выстрѣловъ изъ пушекъ.

(⁷) Уподобленіе Царю Алексѣю Михайловичу, пресѣкшему неустройства и бывшему началомъ славы Россійской.

(⁸) Могъ ли авторъ вообразить, чтобы сочли этотъ стихъ предвѣщаніемъ несчастія ему? Ода сія написана была по желанію О. П. Козодавлева и Графа Завадовскаго, уговорившихъ автора. Когда разнесся слухъ объ ожидаемомъ несчастіи автору, всѣ отъ него отвратились какъ отъ чумы, безъ всякой другой причины. Въ одинъ день, когда Державинъ былъ съ супругой своей въ церкви на 1-й недѣлѣ Великаго Поста, въ половинѣ обѣдни, вдругъ входитъ въ церковь фельдъегеръ отъ Государя, и приближается прямо къ Державину съ пакетомъ на имя его. Супруга Державина, напуганная разными предвѣщаніями, каждую секунду считала часомъ, пока не былъ распечатанъ пакетъ; она только тогда отдохнула, когда по вскрытіи пакета увидѣла золотую табакерку, осыпан-

ную бриллiянтами, пожалованную за самые тѣ стихи, которые по общему предположенiю должны были погубить автора. Тутъ исчезли предвѣщанiя; перемѣнилось и холодное обращенiе царедворцевъ.

CXLI.

НА МАЛЬТIЙСКIЙ ОРДЕНЪ. (1)

—

Звучитъ труба; окрестны
Передаютъ другъ другу громъ;
Какъ рѣки, Рыцарей соборы
Лiются въ знаменитый сонмъ,
Шумитъ по шлемамъ лѣсъ пернатый,
Сребромъ и златомъ свѣтятъ латы,
Цвѣтъ радугъ въ мантiяхъ горитъ:
Хоръ свыше зритъ, какъ съ Геликона
Синклитъ, Царица, Царь, средь трона
Въ порфирѣ, въ славѣ предстоитъ. (2)

Клейноды вкругъ; въ нихъ власть и сила;
Вдали Европы блещетъ строй;
Стрѣлъ тучи Азiя пустила;
Идутъ Американцы въ бой;
Темнятъ крылами понтъ грифоны;
Льютъ огнь изъ мѣдныхъ жерлъ драконы; (3)
Полканы вихремъ пыль крутятъ;
Безмѣрныя поля, долины,
Обсѣкли вкругъ стада орлины (4)
И всѣ на Царскiй смотрятъ взглядъ.

Міровъ Владыкѣ лучезарныхъ
Такъ внемлютъ всѣ стихіи, тварь:
Въ могуществѣ Ему нѣтъ равныхъ.
Властитель душъ, любимый Царь
Речетъ — и флотъ сквозь волнъ несется!
Велитъ — и громомъ твердь трясется!
Тма всадниковъ чрезъ степь летитъ!
И гнѣвъ Его есть гнѣвъ вселенной.
Но лишь съ улыбкою священной
Простретъ Онъ длань, — и все молчитъ.

Кто сей, предъ важнымъ симъ соборомъ,
Въ благоговѣйной тишинѣ,
Предсталъ съ унылымъ, кроткимъ взоромъ?
Сонмъ нѣкихъ воевъ зрится мнѣ:
На нихъ кресты, а не эгиды!
Уже не Геральды ль то, Готфриды?
Не тѣни ль Витязей святыхъ?
Ихъ знамя! — Ихъ остатокъ славный
Пришелъ къ Тебѣ, о, Царь Державный!
И такъ вѣщалъ напасти ихъ:

«Безвѣрья гидра проявилась:
Родилъ ее, взлелѣялъ Галлъ;
Въ груди его, въ душѣ вселилась, —
И весь чудовищемъ онъ сталъ!
Растетъ — и тысячью главами
Съ несчетныхъ жалъ струитъ рѣками
Обманчивый по свѣту ядъ:
Народы, Царства заразились,
Развратомъ, буйствомъ помрачились,
И Бога быть уже не мнятъ.

«Нѣтъ добродѣтели священной,
Нѣтъ твердыхъ ей броней, щитовъ;
Не стало рыцарствъ во вселенной:
Присяжныхъ злобѣ нѣтъ враговъ;
Законы Царствъ, обряды Вѣры,
Святыня — почтены въ химеры;
Попранъ Христосъ и скиптръ Царей;
Европа вся полна разбоевъ;
Цареубійцъ святятъ въ героевъ:
Ты, Павелъ, будь спаситель ей!

«Мы гробъ Святый освободили,
Гостепріимствъ отверзли дверь;
Но насъ наслѣдія лишили,
И мы изгнанники теперь!
Пріими ты насъ въ Твое храненье!»
Рекли: печать и жезлъ правленья
Царю, преклоньшись, поднесли. (5)
Какъ лучъ сквозь мрака пробѣгаетъ,
Такъ рѣчь ихъ Царску грудь пронзаетъ:
Сердечны слезы потекли. (6)

«Живъ Богъ!» Царь рекъ—и мечъ полсвѣта,
Какъ быстры молньи, обнажилъ;
Крестообразно, въ знакъ обѣта,
Къ челу вознесъ и преклонилъ;
Мечи несчетны обнажились,
Къ престолу правды преклонились;
Разверзлось небо, и средь тучъ
Петра Онъ, Павла, Іоанна
Узрѣлъ звѣздами увѣнчанна.
Дающихъ знамя, щитъ и ключъ!

Орелъ, судьбой рожденный къ славѣ.
Въ гнѣздѣ съ улыбкой молньи зрящ.
Въ поляхъ какъ левъ, какъ агнецъ въ нравѣ,
Спокоенъ внутрь, внѣ все борящ;
Морей и бурей слышитъ свисты;
Онъ сноситъ зной и воздухъ льдистый,
Онъ выше всѣхъ себя вознесъ:
Такъ чьи жъ поддержитъ небо плечи?
Кто станетъ противъ адской сѣчи?
Одинъ безсмертный, твердый Россъ!

Одинъ!—Твоя лишь доблесть строга,
Твой сильный Царь, твой духъ, твой Богъ
Отдать безвѣстнымъ могутъ Бога,
Христу алтарь, Царямъ чертогъ; (8)
Во громы облеченный Ангелъ,
Во броню правды вѣрный Павелъ
И съ Нимъ Господня благодать
Удобны злобы стерть коварства,
Смятенны успокоить Царства,
И славный подвигъ твой вѣнчать,

Дерзай! — Ужъ, свыше вдохновенный,
Благословляетъ Сергій путь; (9)
Стихіи спутствуютъ смиренны;
Планеты счастливо текутъ;
Сквозь говоръ птицъ, сквозь звѣрско рева, } (10)
На бракъ готовясь, плачетъ дѣва; }
Сіяетъ Крестъ средь облаковъ;
Конь бѣлый всадникомъ блистаетъ; (11)
На небѣ Бардъ въ звѣздахъ читаетъ:
«Симъ побѣдишь твоихъ враговъ!»

Не змѣй ли страшный, протяженный,
Какъ съ горъ на долъ, съ долинъ на холмъ
Сомкнуты и сгибая члены!
Чешуйчатымъ блеститъ хребтомъ?
Нѣтъ! Полкъ твой такъ, сраженный къ бою;
Сверкающей вдали градою
Пойдетъ чрезъ горы и лѣса;
Столпъ огненный предъ нимъ предъидетъ, (12)
Пучина глубины раздвинетъ,
И обновятся чудеса.

Въ броню незриму облеченна,
Юдиѳь Олферна жнетъ главу;
Самсона мышца напряженна
Деретъ зубасту челюсть льву;
Бѣгъ солнца Навинъ воспрещаетъ,
Трудъ гласомъ грады сокрушаетъ;
Багритъ станъ ночью Гедеонъ;
Давидъ изъ пращи мещетъ камень;
Трясяся, Голіаѳъ туманенъ
Падетъ предъ нимъ, какъ страшный холмъ;

Иль Пересвѣтъ съ Гигантомъ къ бою, (13)
Какъ вихорь, на конѣ летитъ,
Крестъ въ лѣвой жметъ, копье десною,
И раздробляетъ вражій щитъ.
Вѣнцы нетлѣнные плетутся,
На челы вѣрныхъ воевъ вьются, (14)
И райска ихъ кропитъ роса;
Отступники, скрыпя зубами,
Кровь блѣдными изъ ранъ руками (15)
Отчаясь, мещутъ въ небеса.

И се Марiи подъ покровомъ,
Архангельскихъ подъ блескомъ крылъ, ([16])
Нашъ флотъ въ стремленьи быстромъ, новомъ,
На гордый наступаетъ Нилъ.
Со именемъ Цирцей волшебнымъ ([17])
И съ скопищемъ, Христу враждебнымъ;
Противу насъ не устоялъ.
Луна съ Крестомъ соединилась!
Вселенна чуду удивилась:
Знать всѣхъ нечестiй свыше Галлъ!

Денницу зрѣли: мудръ и славенъ
Въ сiяньи возносился онъ;
Рекъ «Вышнему я буду равенъ,
На Западѣ воздвигну тронъ.» —
Но гибельны пути лукавы....
Кто свѣта Царь? кто есть Царь славы?
Кто велiй Богъ! — «Единъ Трисвятъ!»
Воспѣла Херувимовъ сила
И грозны громы Михаила
Стремглавъ коварство свергли въ адъ.

Народы мiра! вразумитесь,
Зря гордыхъ сокрушаемъ рогъ,
И властолюбiя страшитесь;
Власть свыше посылаетъ Богъ.
Нѣтъ счастiя въ семъ мiрѣ чудномъ,
Прибыткомъ, любочестьемъ бурномъ,
Гдѣ вервь отъ якоря снята; ([18])
Въ одной лишь Вѣрѣ есть блаженство,
Въ законахъ — вольность и равенство;
А братство — во любви Христа.

Я рѣки обращу къ вершинамъ,
На крыльяхъ вѣтра вознесусь,
Велю молчать громамъ, пучинамъ,
Лучами съ солнцемъ подѣлюсь;
Но гдѣ предѣлъ ума паренью,
Пристанище къ отдохновенью? (19)
Кто вшелъ небесъ на вышину?
Никто, — лишь только Богомъ званный:
И я, чрезъ происки коварны,
Ни шага къ трону не шагну.

Довѣренность! ты столпъ правленья,
Ограда непорочныхъ душъ!
Съ тобой средь змѣй, стихіевъ прѣнья,
Покойно спитъ великій мужъ:
Снесись, о духъ, духъ благотворный!
Въ сердца людей, на Царски троны,
И воспрети лишь смертныхъ кровь.
Скажи: «Народъ безглавно тѣло:
Пещись о немъ Царей есть дѣло: (20)
Живитъ взаимна ихъ любовь.»

Но кто же сей любви нелестной,
Чтобъ всякъ другъ друга бремя несъ
Научитъ насъ? Отецъ небесной,
Нашъ Богочеловѣкъ Христосъ.
Въ трудахъ Онъ сущихъ успокоитъ,
Заблудшихся въ пути устроитъ,
Въ болѣзняхъ призритъ, исцѣлитъ,
Скорбящихъ посѣтитъ въ темницѣ,
Послѣдній лептъ отдастъ вдовицѣ:
Сіе сынъ Вѣры совершитъ.

Кто жъ горня Іерусалима
Наслѣдникъ сей и другъ Христовъ?
Въ комъ доблесть благодати зрима
И соподвижникъ кто Петровъ?
Не тотъ ли, сердца нѣжна свойства,
И чувства жалости, геройства
Въ святой душѣ чтó совмѣстилъ,
Отверзъ отеческія длани,
Пріемлетъ странниковъ безъ дани,
И душу рыцарствъ воскресилъ? (21)

Да препояшетъ радость холмы,
Да процвѣтетъ лице морей,
Да водворится счастье въ домы
Тобой, избранный изъ Царей!
Да отдадутъ скалы кремнисты
Обратно пѣсни голосисты,
И лучъ, преломшись отъ стекла,
Какъ въ воздухѣ ярчѣй несется, (22)
Да отъ избытка сердца льется
Такъ благодарность и хвала!

---

(1) Издано въ С.-п.-бургѣ 1798 г.; напечатано тогда же на особыхъ листкахъ.

(2) Въ семъ куплетѣ изображена точная картина великолѣпнаго пріема Императоромъ Мальтійскихъ Кавалеровъ, между коими правительствующимъ лицемъ былъ Графъ Литта. Кавалеры всѣхъ орденовъ и самъ Державинъ были въ мантіяхъ и въ шляпахъ съ перьями. Зрители были на хорахъ. Сенатъ и Синодъ по ступенямъ трона. Императоръ съ Императрицею на тронѣ въ полной Императорской одеждѣ. Подлѣ нихъ на столѣ лежали Царскія регаліи. По улицамъ ряды вóиновъ: между ними

авторъ воображаетъ видѣть и Азіятцевъ и Американцевъ изъ областей, подвластныхъ Россіи.

(³) Авторъ называетъ *огнедышущими драконами* пушки, а *грифонами* корабли, которыхъ парусы имѣютъ видъ крыльевъ.

(⁴) Подъ *стадами орлиными* разумѣется Русскій народъ.

(⁵) Мальтійскіе депутаты поднесли Императору корону, жезлъ и печать своего Ордена.

(⁶) Императоръ отъ умиленія прослезился.

(⁷) Императоръ, обнаживъ свой мечъ, ознаменовалъ себя имъ крестообразно въ знакъ обѣта, и, такъ сказать, присягнулъ въ вѣрности Ордену. Засимъ всѣ Мальтійскіе кавалеры, вынувъ свои мечи, преклонили оные къ подножію Престола.

(⁸) Авторъ полагалъ, что одно Русское воинство могло образумить Французскій народъ, что̀ и послѣдовало бы дѣйствительно, если бъ продолжился вѣкъ Екатерины или если бъ не перемѣнилось намѣреніе Государя Павла I, который, бывъ преклоненъ хитрою политикою Наполеона, старавшагося показывать величайшее уваженіе къ Русскому Императору, отозвалъ свои войска, бывшія не въ дальнемъ разстояніи отъ Парижа.

(⁹) Сергій, Радонежскій Чудотворецъ, бывшій игуменомъ въ Троицкомъ монастырѣ, благословивъ Великаго Князя Димитрія Донскаго, шедшаго на бой противъ Мамая, обѣщалъ ему побѣду.

(¹⁰) Наканунѣ сраженія съ Мамаемъ, нѣкто Волынецъ, бывшій въ войскѣ Князя Димитрія Ивановича, по дозволенію его дѣлалъ разныя замѣчанія знаменій будущей битвы, отходилъ въ уединенныя мѣста, гдѣ прислушивался къ пѣнію птицъ, или къ карканью вороновъ, къ вою волковъ, сбирающихся на трупы, и сквозь сей разнообразный шумъ отличая въ Татарской сторонѣ плачъ женщинъ, лишившихся мужей, а̀ на Россійской сторонѣ тихое рыданіе дѣвицы, идущей на бракъ, предвѣстилъ Великому Князю побѣду.

([11]) Георгій Побѣдоносецъ, какъ извѣстно, пишется на бѣломъ конѣ. Въ старинные годы, когда Русскіе относили все къ Вѣрѣ, были тверды въ Вѣрѣ и Вѣрою воспламенялись, они разсказывали по одержаніи побѣды, что не они собственно, а скачущій на бѣломъ конѣ воинъ, котораго будто бы видѣли, помогъ имъ побѣдить непріятеля.

([12]) Уподобленіе Израильтянамъ.

([13]) Александръ Пересвѣтъ, монахъ Троицкаго монастыря, убилъ Татарскаго великана Челубея.

([14]) По древнему сказанію Волынецъ сказывалъ также Великому Князю Димитрію, что видѣлъ многіе вѣнцы, плетущіеся для Россіянъ: это принималось во знаменіе, что многіе падутъ на брани.

([15]) Пишутъ, что Юліанъ, Императоръ Римскій, въ сраженіи съ Христіанами бывъ раненъ стрѣлою, и увидѣвъ Христа Спасителя на облакахъ, какъ повѣствуется въ Четь-Минеѣ, въ ожесточеніи отчаянія кидая кровь изъ раны къ небу, кричалъ: «Напейся, Галилеянинъ, крови моей.» Сія картина относится къ отчаянію того времени богоотступниковъ Французовъ.

([16]) Два Русскіе корабля, *Марія* и *Михаилъ*, были въ экспедиціи противъ Французовъ на моряхъ Египетскихъ.

([17]) Генералъ, называемый «Цирцей» (Circey), предводительствовалъ Французскимъ войскомъ, и какъ по баснословію Цирцея была волшебница, то поэтъ придаетъ ему тоже сверхъестественную силу, чтобъ придать еще болѣе блеска Русской побѣдѣ.

([18]) Авторъ хотѣлъ сказать, что когда сердце человѣческое не утверждено на добродѣтеляхъ Христіанскихъ, то человѣкъ чувствующій и мыслящій остается самъ себѣ загадкою, и не можетъ быть спокойнымъ.

([19]) Ни какое пареніе премудрости человѣческой безъ прибѣжища къ Богу не успокоитъ человѣка.

([20]) Безъ Царскаго попеченія о народѣ, и безъ довѣренности и любви народа къ Царю, ни какое Царство не твердо.

([21]) Императоръ Павелъ принималъ выходцевъ (эмигрантовъ) Французскихъ весьма милостиво и помогалъ имъ безъ всякой отъ нихъ заслуги. Онъ (какъ слышно было) намѣренъ былъ возстановить рыцарскіе ордена.

([22]) Сердечная благодарность за благодѣянія подобна лучу, отражающемуся отъ стекла.

CXLII.

НА НОВЫЙ 1798 ГОДЪ. ([1])

Младой сынъ солнца на подлунный,
Сей шаръ сошелъ небесъ тропой.
Кто вѣстьи, какіе жребьи чудны,
Изъ урны вынувъ роковой,
Онъ броситъ по лицу земному!
Гдѣ повелитъ ударить грому?
Гдѣ радугѣ изъ тучъ блистать?

Кто вѣсть, что тайно злоба люта
Предпринимаетъ средь коварствъ?
И близъ грядущая минута
Премѣной не чревата ль Царствъ?
Быть можетъ, горы провалятся,
На почвѣ ихъ моря явятся,
Для созерцанья новыхъ звѣздъ.

Кто вѣсть, что Гальскій Витязь Риму
Словами только вольность давъ, ([2])
Надѣть боялся діадиму;
Но что, гордыней обуявъ,

Еще на шагъ рѣшится смѣлый,
И какъ Сампсонъ, столпы дебелы
Сломивъ, падетъ подъ ними самъ?

Мы видимъ троны сокрушенны
И падшихъ съ нихъ земныхъ боговъ.
На ихъ развалинахъ рожденны,
Не расцвѣтутъ ли царства вновь?
Мы ведро зримъ по непогодѣ;
Блиставшій на своемъ восходѣ,
Не тмился ль часто въ полдень Фебъ?

Мы зрѣли подлость, ко престолу
Ползущую въ подобьи змѣй;
Главу склоняющую долу,
Но жалющу въ сердца людей;
Баконовъ и Мазепъ видали, (3)
Которые хулу сплетали
На благодѣтелей своихъ.

Но что! — Не такъ ли вѣкъ вратится
Въ добрѣ и злѣ тревожный свѣтъ?
Здѣсь свѣтелъ океанъ сей зрится,
Тамъ мраченъ, яръ, исполненъ бѣдъ;
Струя, въ пучинѣ погруженна,
Взбѣжавъ сверхъ волнъ, и освѣщенна,
Блеститъ зарницей вдругъ, какъ лучь! (4)

Но тотъ блаженнѣе, кто, въ тихомъ
Заливѣ совѣсти почивъ,
Не загруженъ добромъ, ни лихомъ,
Страстей вѣтрила опустивъ,

Ума на якорѣ глубокомъ
Сталъ въ челнѣ и спокойнымъ окомъ
На суету мірскую зритъ;

Предавшися Всевышней волѣ,
Свой вѣрно исполняя долгъ,
Славнѣйшей не завидитъ долѣ.
Онъ знаетъ, что даетъ то Богъ;
Что Богъ лишь свѣтомъ управляетъ:
Тѣхъ взводитъ, сихъ уничижаетъ;
Тѣхъ милуетъ, а сихъ казнитъ.

---

(1) Сочинено въ С.-п.-бургѣ по случаю открывшихся нѣкоторыхъ мятежей въ Польшѣ.

(2) Наполеонъ, покоривъ Италію, учредилъ тамъ республику, но потомъ, упоенный самовластіемъ, возвелъ себя въ санъ Императора, и въ то же время, какъ нѣкоторыхъ изъ Европейскихъ Королей лишилъ престоловъ, возвелъ на оные своихъ братьевъ.

(3) Баконъ писалъ смертный приговоръ благодѣтелю своему Графу Эссексу, а Мазепа, возведенный въ чинъ Гетмана Петромъ Великимъ, измѣнилъ Ему, предавшись Шведамъ.

(4) Человѣкъ изъ ничтожнаго состоянія иногда возвышается на верхъ шумной, но непрочной и кратковременной земной славы.

CXLIII.

АѲИНЕЙСКОМУ ВИТЯЗЮ. (1)

—

Сидѣвша объ руку Царя
Чрезъ поприще на колесницѣ, (2)
Державшаго въ свой десницѣ

Съ оливой громъ, иль чрезъ моря
Протекшаго въ вѣнцѣ Нептуна, (3)
Или съ улыбкою Фортуна
Кому жемчужный нектаръ свой
Носила въ чашѣ золотой —
Блаженъ! кто путь устлалъ цвѣтами
И окурилъ алоемъ вкругъ,
И лиры громкими струнами
Утѣшилъ, бранный славя духъ.

Испытывалъ своихъ я силъ
И пѣлъ могущихъ человѣковъ;
А чтобъ вдали грядущихъ вѣковъ
Ярчѣй ихъ въ мракѣ блескъ свѣтилъ,
И я не осуждался бъ въ лести,
Для прочности, къ ихъ громкой чести
Примѣшивалъ я правды гласъ;
Звучалъ моей трубой Парнассъ.
Но, ахъ! позналъ, позналъ я смертныхъ,
Что и великіе изъ нихъ
Не могутъ снесть лучей небесныхъ?
Мрачитъ богъ свѣта очи ихъ. (4)

Такъ пусть Фортуны чада,
Возлегши на цвѣтахъ,
Среди обилій сада,
Куреній въ облакахъ,
На мѣсто чиста злата.
Шумихи любятъ блескъ;
Пусть лира тароваta
Ихъ умножаетъ плескъ:
Я руки умываю

И лести не коснусь;
Власть сильныхъ почитаю, —
Боговъ въ нихъ чтить боюсь.

Я славить мужа днесь избралъ,
Который сшелъ съ театра славы, (5)
Который удержалъ тѣ нравы,
Какими древній вѣкъ блисталъ;
Не гордъ — и жизнь ведетъ простую,
Не лживъ — и истину святую,
Внимая, исполняетъ самъ;
Почтенъ отъ всѣхъ не по чинамъ;
Честь, въ службѣ снисканну свободой,
Не расточилъ, а пріобрѣлъ;
Онъ взглядомъ, мужествомъ, породой,
Заслугой, силою — Орелъ. (6)

Снискать я отъ него
Не льщусь ни хвалъ, ни уваженья;
Изъ одного благодаренья, (7)
По чувству сердца моего,
Я пѣснь ему пою простую,
Ту вспоминая быль святую,
Въ его какъ богатырски дни, (8)
Лѣтъ нѣсколько назадъ, въ тѣни
Премудрой той Жены небесной,
Которой бодрый духъ, младой, (9)
Садилъ въ Аѳинахъ садъ прелестной,
И вѣкъ катился золотой, —

Какъ мысль моя, подобно
Пчелѣ, полна отрадъ,
Шумливо, но незлобно

Облетывала садъ
Предметовъ ей любезныхъ
И, взявъ съ нихъ сокъ и цвѣтъ,
Искусствомъ струнъ священныхъ
Преобращала въ медъ:
Текли восторговъ рѣки
Изъ чувствъ души моей;
Всѣ были человѣки
Въ странѣ счастливы сей:

На бурномъ видѣлъ я конѣ
Въ ристаньи моего героя;
Съ нимъ братъ его, вся Троя, (10)
Полкъ витязей явились мнѣ!
Ихъ броня, шлемы позлащенны,
Какъ лѣсомъ, перьемъ осѣненны
Мнѣ тмили взоръ; а съ копій ихъ, съ мечей,
Сквозь пыль сверкалъ пожаръ лучей;
Прекрасныхъ въ слѣдъ Пентезилеѣ (11)
Строй дѣвъ ихъ украшали чинъ;
Вѣнцы, Ахилла мой бодрѣе
Низалъ на дротикъ исполинъ.

Я зрѣлъ, какъ жилистой рукой
Онъ шесть коней на ипподромѣ
Вмигъ осаждалъ въ бѣгу; какъ въ громѣ (12)
Онъ колесницы съ горъ, бедрой
Своей препнувъ склоненье, (13)
Минерву удержалъ въ паденьѣ;
Я зрѣлъ, какъ въ дымѣ предъ полкомъ
Онъ въ ранахъ свѣтелъ, бодръ лицомъ, (14)
Въ единоборствѣ хитръ, проворенъ, (15)

На огнескачущихъ волнахъ
Былъ въ мрачной бурѣ тихъ, спокоенъ,
Горѣла молнія въ очахъ.

Его покой — движенье,
Игра — борьба и бѣгъ; } ([16])
Забавы — пляска, пѣнье,
И сельскихъ тма утѣхъ
Для укрѣпленья тѣла.
Его былъ домъ — друзей:
Кто приходилъ для дѣла, —
Не запиралъ дверей;
Души и сердца пища
Его — несчастнымъ щитъ;
Не пышныя жилища:
Въ нихъ онъ былъ знаменитъ.

Я зрѣлъ въ Ареопагѣ сонмъ
Богатырей, ему подобныхъ, } ([17])
Сѣдыхъ, правдивыхъ, благородныхъ,
Вѣсы державшихъ, пальму, громъ.
Они, возсѣдши за зерцаломъ,
Въ великомъ дѣлѣ, или маломъ,
Не зря на власть, богатствъ покровъ,
Произрекали судъ боговъ;
А гдѣ рукой и руку мыли,
Желая сильному помочь, — } ([18])
Дьяки, взявъ шапку, выходили
Съ поклономъ отъ неправды прочь. } ([19])

Тогда не прихоть чли, — законъ;
Лишь благу общему радѣли;
Той подлой мысли не имѣли,

Чтобъ только свой набить мамонъ.
Вѣнцы стяжали, звуки славы,
А деньги берегли и нравы, ([20])
И всякую свою ступень
Не оцѣняли всякій день; ([21])
Хоть былъ и недругъ кто другъ другу, —
Усердіе вело, не месть:
Умѣли чтить въ врагахъ заслугу
И отдавать достойнымъ честь.

Тогда по счетамъ знали,
Что десять и что ноль; ([22])
Піявицъ унимали,
На нихъ посыпавъ соль;
Въ день ясный не сердились, ([23])
Зря на небѣ пятно;
Съ ладьи лишь торопились ([24])
Снять вздуто полотно;
Кубарить не любили
Дѣлъ со дня на другой; ([25])
Что можно, вмигъ творили,
Оставя свой покой.

Тогда Кулибинскій фонарь, ([26])
Что свѣтелъ издали, близъ теменъ,
Былъ не во всѣхъ мѣстахъ потребенъ;
Горѣлъ кристаллъ, горѣлъ отъ зарь; ([27])
Стоялъ въ столпахъ гранитъ средь дома: ([28])
Опрись на нихъ, и — не солома.
Въ Спартанской кожѣ Персовъ духъ
Не обаялъ сердца и слухъ; ([29])
Не по опушкѣ добродѣтель, ([30])

Не по ходулямъ великанъ: (31)
Такъ мой герой былъ благодѣтель
Не по улыбкѣ, по дѣламъ.

О, ты, что правишь небесами,
И маніемъ колеблешь міръ,
Подъемлешь скиптръ на злыхъ съ громами,
А добрымъ припасаешь пиръ,
Юпитеръ! О, Нептунъ, что бурнымъ,
Какъ скатертямъ, морямъ лазурнымъ
Разлиться по землѣ велѣлъ,
Брега поставивъ имъ въ предѣлъ!
И ты, Вулканъ, что предъ горнами
Въ днѣ ада молнію куешь!
И ты, о, Фебъ, что намъ стрѣлами
Златыми свѣтъ и жизнь ліешь!

Внемлите всѣ молитву
О, боги! вы мою:
Звѣрей, рыбъ, птицъ ловитву
И благодать свою
На нивы тамъ пошлите,
Гдѣ отставной герой
Мой будетъ жить. — Продлите
Вѣкъ, здравье и покой
Ему вы безмятежной.
И ты, о, милый Вакхъ!
Подъ часъ у Нимфы нѣжной
Позволь спать на грудяхъ.

---

(1) Сочинено въ С.-п.-бургѣ въ 1796 году.

Подъ именемъ «Аѳинскаго Витязя» авторъ разумѣлъ Графа Алексѣя Григорьевича Орлова.

(²) Императрица Екатерина въ сопровожденіи Графа Орлова слѣдовала изъ Петергофа въ Измайловскій полкъ, и потомъ въ Зимній Дворецъ, гдѣ и совершилось восшествіе Ея на Престолъ.

(³) Графъ А. Г. Орловъ былъ главнымъ начальникомъ флота, отправленнаго въ 1770 году въ Архипелагъ, по случаю войны съ Оттоманскою Портою.

(⁴) Какъ ни хвалили сочиненія автора, но многимъ они были не по сердцу, отъ чего и сносилъ онъ много непріятностей.

(⁵) Графъ былъ давно уже въ отставкѣ, когда эта иносказательная Ода была написана въ честь ему.

(⁶) Стихи изображаютъ личность Графа Орлова. Породы былъ онъ древней; ростомъ великъ, видомъ мужественъ; силу имѣлъ невѣроятную; заслуги его были отличныя. Храбрость была его свойствомъ; доказательствомъ тому сожженіе Турецкаго флота подъ Чесмою, и другія частныя событія. Взглядъ его былъ острый, орлиный.

(⁷) Державинъ былъ уже сенаторомъ и до отставнаго Графа Орлова не имѣлъ ни какого дѣла, но написалъ ему похвалу изъ одного чувства благодарности за то, что въ 1762 году, когда Графъ былъ гвардіи Преображенскаго полка маіоромъ, а Державинъ въ томъ же полку солдатомъ, тогда еще не имѣя никакого покровительства, и обиженный тѣмъ, что одного солдата моложе его произвели въ капралы, онъ пришелъ прямо къ Графу и, объявивъ ему дѣло, произведенъ былъ въ капралы. Событіе это случилось въ Москвѣ.

(⁸) Въ первое время царствованія Императрицы Екатерины, и Дворъ, и Сенатъ, и Гвардія наполнялись людьми извѣданной крѣпости духа, сколько было возможно.

(⁹) Императрица Екатерина одарена была особенно духомъ мужества. При восшествіи своемъ на Престолъ Сама командовала Гвардіею и въ первые годы царствованія, присутствуя раза три въ недѣлю въ Сенатѣ, слушала дѣла и въ общемъ совѣщаніи рѣшала оныя.

([10]) Въ 1765 или въ 1767 году была въ П.-бургѣ славная карусель, гдѣ Графы Орловы, родные братья, бывъ отличными ѣздоками, предводительствовали кадрилями и именно Графъ Григорій Григорьевичъ былъ первымъ въ кадрили Славянской, а Графъ Алексѣй Григорьевичъ въ кадрили Турецкой.

([11]) Пентизелея — Царица Амазонская; ей уподобляетъ авторъ тѣхъ дѣвицъ и дамъ, которыя были въ кадрили, ѣздили на колесницахъ и дротиками снимали вѣнцы.

([12]) Ипподромомъ называлось у Грековъ мѣсто ристалища. Графъ Орловъ имѣлъ такую силу, что останавливалъ шесть скачущихъ коней, запряженныхъ въ колесницѣ, которую схватывалъ за колесо.

([13]) Графъ Орловъ спасъ Императрицу Екатерину отъ неизбѣжной смерти, когда въ Царскомъ Селѣ на устроенныхъ деревянныхъ высокихъ горахъ катилась Она въ колесницѣ: мѣдное колесо колесницы выскочило изъ своей колеи, а Графъ Орловъ, стоя за колесницей, спустивъ на всемъ раскатѣ ногу на ту сторону, куда клонилась колесница, схватился рукой за перила, и удержалъ Императрицу отъ паденія.

([14]) Въ семилѣтнюю Прусскую войну Графъ Орловъ, бывъ весьма молодымъ офицеромъ, оказывалъ отличную храбрость, былъ тяжело раненъ и переносилъ страданія хладнокровно.

([15]) Графъ Орловъ былъ отличный борецъ, и особенно искусенъ въ кулачномъ бою.

([16]) Здѣсь описанъ образъ жизни Графа Орлова: онъ любилъ простой Русскій бытъ, пѣсни, пляску и другія народныя забавы, принималъ своихъ знакомыхъ и друзей бесъ всякихъ чиновъ — и всегда при случаѣ былъ готовъ къ благотворенію и не медлилъ благодѣтельствовать.

([17]) Въ Сенатѣ были люди духа твердаго, и дѣла отправляемы были со всевозможною справедливостію и безкорыстіемъ.

([18]) Понаровку въ дѣлахъ объясняетъ Русская пословица: «рука руку моетъ и сама бѣла быть хочетъ.»

(19) Въ инструкціи Оберъ-Секретарямъ сказано, чтобъ они объясняли Сенаторамъ законы, а когда ихъ не послушаютъ, то, не подписавъ опредѣленія, рапортовали бы Начальству, и потому при Петрѣ Великомъ нерѣдко случалось, что Оберъ-Секретари, увидѣвъ несправедливую резолюцію, данную Сенаторами, откланивались Сенаторамъ и выходили изъ Сената. Таковы были въ Греціи Аристиды.

(20) Въ началѣ царствованія Императрицы Екатерины соблюдаема была большая бережливость въ денежныхъ государственныхъ расходахъ. Князь Вяземскій, будучи Генералъ-Прокуроромъ, смотрѣлъ весьма рачительно и за расходами и за нравами.

(21) Въ прежнее время никто не смѣлъ требовать награды за заслуги. Авторъ, сочинивъ учрежденіе объ Экспедиціи Государственныхъ доходовъ и инструкцію о размежеваніи въ Саратовѣ земель, не былъ за сіе награжденъ и обиженнымъ себя не считалъ.

(22) Не употребляя никакихъ мудреныхъ выкладокъ и вычисленій, тогда считали на однихъ счетахъ, но знали цѣну вещамъ и деньгамъ.

(23) Когда во время кровопусканія надобно, чтобы піявицы отстали, на нихъ сыплютъ соль. Авторъ уподобляетъ піявицамъ лихоимцевъ. — Въ началѣ царствованія Екатерины строго наказывались должностные люди за взятки. Въ Калугѣ приличенный во взяткахъ Воевода былъ привязанъ на нѣсколько часовъ къ столбу.

(24) Въ прежнее время, когда не совсѣмъ давали волю страстямъ, разслабляющимъ сердце, онѣ не изнѣживали человѣка и не превращали его въ избалованнаго ребенка; совѣты, предостереженія объ угрожающихъ опасностяхъ выслушаемы были безъ досады; поступали такъ, какъ поступаютъ мореходцы при появленіи большаго пятна въ небѣ, шквала, или облака, называемаго *коровьимъ глазомъ;* тогда они заблаговременно подбираютъ паруса.

(25) Опыты показываютъ, что пересылка дѣлъ изъ однѣхъ рукъ въ другія, дѣлъ не оканчиваетъ, а умно-

жаетъ переписку; умножаетъ число чиновниковъ, требующихъ содержанія, и самое число нуждающихся.

([26]) Кулибинъ изъ простаго податнаго состоянія, безъ всякаго учебнаго пособія, показавшій отличныя дарованія въ Механикѣ и принадлежавшій потомъ Академіи Наукъ, изобрѣлъ фонарь, который, бывъ внутри составленъ изъ зеркальныхъ частицъ въ полукруглой впадинѣ, съ одною зажженною свѣчею въ срединѣ, производилъ чрезвычайный свѣтъ, но въ отдаленности и горизонтальною полосою; чѣмъ ближе кто подходилъ къ фонарю, свѣтъ уменьшался. Авторъ уподобляетъ сей фонарь тѣмъ, которые случайно содѣлались значащими людьми. Въ нѣкоторой отъ нихъ отдаленности многіе обыкновенно убѣждаются въ высокихъ ихъ качествахъ, которыя исчезаютъ при первомъ приближеніи и показываютъ, что отраженный отъ нихъ свѣтъ принадлежитъ частицамъ постороннимъ, ихъ окружающимъ, такъ же, какъ свѣтъ въ Кулибинскомъ фонарѣ отражался отъ приклеенныхъ частицъ зеркальныхъ.

([27]) Таковы не заемныя, но природныя дарованія.

([28]) Авторъ хотѣлъ сказать, что въ прежнее время люди государственные были люди твердые, а не такіе, которые существовали въ послѣдующее время и уподоблялись соломѣ, не могущей служить никакою опорой.

([29]) То есть: въ Русскомъ видѣ не управлялъ Французскій духъ.

([30]) Не лентами отличались достоинства, а дѣлами.

([31]) Не по чинамъ и титламъ познавали людей знаменитыхъ, но по извѣстному уму и по извѣстнымъ заслугамъ.

CXLIV.

НА ВОЗВРАЩЕНІЕ
ГРАФА ЗУБОВА ИЗЪ ПЕРСІИ. (¹)

—

Цѣль нашей жизни — цѣль къ покою;
Проходимъ для того сей путь,
Чтобы отъ мразу, иль отъ зною
Подъ кровомъ ночи отдохнуть.
Здѣсь намъ встрѣчаются стремнины,
Тамъ терны, тамъ ручьи въ тѣни;
Тамъ мягкіе луга, равнины,
Тамъ пасмурны, тамъ ясны дни;
Сей съ холма въ пропасть упадаетъ,
А тотъ взойти спѣшитъ на холмъ.

Кого же разумъ почитаетъ
Изъ всѣхъ, идущихъ симъ путемъ,
По самой истинѣ счастливымъ?
Не тѣхъ ли, что челомъ къ звѣздамъ
Превозносяся горделивымъ,
Мечтаютъ быть равны богамъ;
Что въ пурпурѣ и на престолѣ
Превыше смертныхъ возсѣдятъ?
Иль тѣхъ, что въ хижинѣ, въ юдоли,
Смиренно на соломѣ спятъ?

Ахъ, нѣтъ! Не тѣ и не другіе
Любимцы прямо суть Небесъ,
Которыхъ мучатъ страхи злые,
Прельщаютъ сны пріятныхъ грезъ;

Но тотъ блаженъ кто не боится
Фортуны потерять своей,
За ней на высоту не мчится,
Идетъ середнею стезей,
И слѣдъ во всякомъ состояньи
Цвѣтами усыпаетъ свой;

Кто при концѣ своихъ ристаній
Вдали зрѣть можетъ за собой
Аллею подвиговъ прекрасныхъ;
Давъ совѣсти своей отчетъ
Въ минутахъ свѣтлыхъ и ненастныхъ,
Съ улыбкою часы тѣ чтетъ
Какъ самъ благами насладился,
Какъ спасъ другихъ отъ бѣдъ, отъ нуждъ,
Какъ быть всѣмъ добрымъ торопился,
Раскаянья и вздоховъ чуждъ.

О, юный Вождь! Сверша походы,
Прошелъ ты съ воинствомъ Кавказъ, (2)
Зрѣлъ ужасы, красы природы:
Какъ, съ ребръ тамъ страшныхъ горъ ліясь,
Ревутъ въ мракъ безднъ сердиты рѣки;
Какъ съ челъ ихъ съ грохотомъ снѣга
Падутъ, лежавши цѣлы вѣки;
Какъ серны, внизъ склонивъ рога,
Зрятъ въ мглѣ спокойно подъ собою
Рожденье молній и громовъ. (3)

Ты зрѣлъ, какъ ясною порою
Тамъ солнечны лучи, средь льдовъ,
Средь водъ, играя, отражаясь,
Великолѣпный кажутъ видъ;

Какъ въ разноцвѣтныхъ разсѣваясь
Тамъ брызгахъ, тонкій дождь горитъ;
Какъ глыба тамъ сизоянтарна,
Навѣсясь, смотритъ въ темный боръ,
А тамъ заря златобагряна
Сквозь лѣсъ увеселяетъ взоръ.

Ты видѣлъ, Каспій, протягаясь, (4)
Какъ въ камышахъ, въ пескахъ лежитъ,
Лицемъ веселымъ осклабляясь,
Пловцевъ ко плаванью манитъ;
И вдругъ какъ бурей разсердяся,
Встаетъ въ упоръ ея крыламъ,
То скачетъ въ твердь, то въ адъ стремяся,
Трезубцемъ бьетъ по кораблямъ:
Столбомъ власы сѣдые вьются
И гласъ его гремитъ въ горахъ.

Ты видѣлъ, какъ во тмѣ сѣкутся
Съ громами громы въ облакахъ,
Какъ бездны пламень извергаютъ,
Какъ въ тучахъ роетъ огнь бразды,
Какъ въ воздухѣ пары сгараютъ,
Какъ свѣтятъ свѣчъ въ лѣсахъ ряды.
Ты видѣлъ, какъ въ степи средь зною
Огромныхъ змѣй стога кишатъ, (5)
Какъ блещутъ пестрой чешуею
И льютъ, шипя, другъ въ друга ядъ.

Ты домы зрѣлъ Царей, вселенну,
Въ низу, въ верху, ты видѣлъ все; (6)
Упадшу спицу, вознесенну,
Вертяще міра колесо.

Ты зрѣлъ—и какъ въ Вратахъ Желѣзныхъ, (7)
(О, вспомни ты о семъ часѣ!)
По духу войскъ, тобой веденныхъ,
По младости твоей, красѣ,
По быстромъ Персовъ покоренью
Въ тебѣ я Александра чтилъ!

О! вспомни, въ томъ какъ въ восхищеньи,
Пророча, я тебя хвалилъ:
«Смотри,» — я рекъ — «тріумфъ минуту,
А добродѣтель вѣкъ живетъ.»
Сбылось! — Игру днесь счастья люту
И какъ оно къ тебѣ хребетъ
Свой съ грозными смѣхомъ повернуло,
Ты видишь; видишь, какъ мечты
Сіянье вкругъ тебя заснуло,
Прошло, — остался только ты.

Остáлся ты! — и та прекрасна
Душа почтенна будетъ ввѣкъ,
Съ которой ты внималъ несчастна
И былъ въ Вельможѣ человѣкъ, (8)
Который съ сердцемъ откровеннымъ
Своихъ и чуждыхъ принималъ,
Старѣйшихъ вкругъ себя надменнымъ
Воззрѣніемъ не огорчалъ.
Ты былъ что есть, — и не страшися
Объятія друзей своихъ.

Прійди ты къ нимъ! иль уклонися
Познать премудрость царствъ иныхъ.
Учиться никогда не поздно:
Исправь поступки юныхъ лѣтъ; (9)

То сердце прямо благородно,
Что ищетъ надъ собой побѣдъ.
Смотри, какъ въ ясный день, какъ въ бурѣ
Суворовъ твердъ, великъ всегда! (10)
Ступай за нимъ! — Небесъ въ лазурѣ
Еще горитъ его звѣзда.

Кто былъ на тысячѣ сраженьяхъ
Непобѣдимъ, а побѣдилъ;
Нѣтъ нужды въ блескахъ, украшеньяхъ
Тому, кто царство покорилъ!
Умѣй лишь сдѣлаться извѣстнымъ
По добродѣтелямъ своимъ,
И не тужи по снамъ прелестнымъ,
Мечтавшимся очамъ твоимъ:
Они прошли и возвратятся;
Пройти вновь могутъ и пріити.

Какъ страннику въ пути встрѣчаться
Со многимъ должно и итти,
И на горахъ, и подъ горами
Роскошничать и гладъ терпѣть:
Бываетъ такъ со всѣми нами:
Премѣны рока долгъ нашъ зрѣть.
Но кто былъ мужественъ душою,
Шелъ равнодушнѣй симъ путемъ,
Тотъ ближе былъ къ тому покою.
Къ которому мы всѣ идемъ,

---

(1) Сочинено въ С.-п.-бургѣ въ 1797 году.

(2) Графу Валеріану Зубову поручено было Императрицею Екатериною привести въ исполненіе Ея обширные виды относительно Индійскаго торга и завоеванія Кон-

стантинополя. Смерть разрушила человѣческіе замыслы: при вступленіи на Престолъ Государя Павла Зубову повелѣно было возвратиться.

Къ сочиненію сей оды побудили автора слѣдующія обстоятельства. По удаленіи Зубова Кн. С. Ѳ. Г. упрекнулъ Державина, что онъ написалъ Зубову оду на взятіе Дербента, и сказалъ, что герой его уже не Александръ и что вѣроятно авторъ не найдетъ для себя выгоды льстить Зубову; но Державинъ отвѣчалъ Кн. Г., что чтить достоинствъ онъ никогда не перестанетъ, а льстить не можетъ никому. «Неправда,» отвѣчалъ Кн. Г., «и въ доказательство моего убѣжденія, вы нынѣ оды ему не напишете.» — «Пусть по вашему,» отозвался Державинъ, — но поѣхавъ домой, тотчасъ написалъ сію оду, которая ходила изъ рукъ въ руки, въ самое то время, когда Зубовъ былъ въ немилости.

(³) Дикія козы такъ высоко взбираются на скалы, что подъ ними ходятъ облака, гремитъ громъ и блещетъ молнія.

(⁴) Каспійское Море исполнено камышемъ и песками.

(⁵) Не доходя до Испагани, близъ Каспійскаго Моря есть степь, *Змѣинымъ Полемъ* называемая, по которой въ лѣтнее время иначе нельзя пройти, какъ ночью, когда змѣи уходятъ въ норы.

(⁶) Зубовъ взошелъ на высокую степень изъ весьма незнатнаго дворянства; слѣдовательно ему, какъ умному человѣку, извѣстенъ былъ и Дворъ, и народъ.

(⁷) Дербентъ у Персіянъ называется вратами желѣзными. Подъ симъ именемъ онъ завоеванъ былъ Александромъ Великимъ.

(⁸) Графъ Валеріанъ Зубовъ былъ человѣкъ снисходительный, и, что̀ въ знатномъ случается рѣдко, говорилъ съ откровеннымъ сердцемъ и выслушивалъ каждаго терпѣливо. Братъ его родной не могъ подражать ему въ семъ отношеніи: бывъ подверженъ на высотѣ круженію головы, онъ часто не видалъ людей, его окружающихъ, и не безъ затрудненія говорилъ съ ними.

(9) Онъ былъ очень расточителенъ и пристрастенъ къ женщинамъ.

(10) Суворовъ былъ тогда въ изгнаніи и жилъ въ своей деревнѣ въ Боровичахъ. Авторъ совѣтуетъ подражать ему, пророчествуя, что звѣзда счастія Суворова еще не угасла, какъ и сбылось, ибо Суворовъ, приглашенный Австрійскимъ Императоромъ къ командованію его арміею противъ Французовъ, сталъ предводителемъ вмѣстѣ и Австрійскихъ и Россійскихъ войскъ, одержалъ знаменитѣйшія побѣды и пожалованъ въ званіе Свѣтлѣйшаго Князя и Генералиссимуса.

CXLV.

КАПНИСТУ. (1)

Спокойства проситъ отъ небесъ
Застиженный въ Каспійскомъ Морѣ,
Коль скоро ни луны, ни звѣздъ
За тучами не зритъ и вскорѣ
Ждетъ корабельщикъ бѣдъ отъ бурь;
Спокойства проситъ Персъ пужливый,
Туркъ гордый, Россъ властолюбивый,
И въ ризѣ шелковой Манжуръ;

Покою, мой Капнистъ! покою, (2)
Котораго нельзя купить
Казной серебряной, златою,
И багряницей замѣнить.
Сокровищьми всея вселенной
Не можетъ отъ души смятенной
И самый Царь отгнать заботъ,
Толпящихся вокругъ воротъ.

Счастливъ тотъ, у кого на столъ,
Хоть не роскошный, но опрятный,
Родительскіе хлѣбъ и соль
Поставлены и сонъ пріятный
Когда не отнятъ у кого
Ни страхомъ, ни стяжаньемъ подлымъ:
Кто малымъ можетъ быть довольнымъ,
Богаче Креза самого.

Такъ для чего жъ въ толь краткой жизни
Метаться намъ туды, сюды,
Въ другія земли изъ отчизны
Скакать отъ скукъ или бѣды,
И чуждымъ солнцемъ согрѣваться? (3)
Отъ пепелища удаляться,
Отъ родины кто мнитъ:
Тотъ самаго себя бѣжитъ.

Заботы наши и бѣды
Вездѣ послѣдуютъ за нами,
На корабляхъ чрезъ волны, льды,
И конницы за тороками;
Быстрѣй оленей и погодъ,
Стадами облаки женущихъ,
Летятъ онѣ и всюду сущихъ
Терзаютъ человѣковъ родъ.

О! будь судьбѣ твоей послушнымъ,
Престань о будущемъ вздыхать;
Веселымъ нравомъ, равнодушнымъ
Умѣй и горесть услаждать.
Довольнымъ быть, неприхотливымъ,

Сіе-то, есть, что быть счастливымъ:
А совершенныхъ благъ въ сей вѣкъ
Вкушать не можетъ человѣкъ.

Вѣкъ Задунайскаго увялъ, (4)
Достойный въ памяти остаться;
Римникскаго печаленъ сталъ! (5)
Сей мужъ, рожденный прославляться,
Проводитъ нынѣ мрачны дни:
Чего жъ не приключится съ нами?
Что мнѣ предписано Судьбами,
Тебѣ откажутъ въ томъ они.

Когда въ Обуховкѣ стремятся (6)
Твоей стада, блея, на лугъ,
Съ зеленаго холма глядятся
Въ текущій сткляный Пселъ вокругъ; (7)
Когда волы и кобылицы,
Четвероместной колесницы
Твоей краса и честь плуговъ,
Блестятъ, и садъ твой — тмой плодовъ;

Когда тебя въ темнозелену,
Подругу въ пурпурову шаль
Твою я вижу облеченну,
И прочь бѣжитъ отъ васъ печаль;
Какъ вкругъ васъ радости и смѣхи,
Невинны сельскія утѣхи,
И хоры дѣвъ поютъ весну:
То скука васъ не шлетъ ко сну,

А мнѣ Петрополь населять } (8)
Когда велитъ Судьба съ Миленой }

Ко отрадѣ домъ дала и садъ
Сей жизни скучной, развлеченной,
И нѣкую поэта тѣнь,
Да правду возглашу святую:
Умѣй презрѣть и ты златую,
Злословну, площадную чернь. (9)

---

(1) Подражаніе Горацію, Кн. II, ода 6. Писано въ С.-п.-бургѣ въ 1797 году.

(2) Василій Васильевичъ Капнистъ, Статскій Совѣтникъ, своякъ автору и другъ его, извѣстенъ своими стихотвореніями.

(3) Капнистъ сбирался тогда въ чужіе краи.

(4) Незадолго предъ симъ временемъ Фельдмаршалъ Графъ Румянцовъ-Задунайскій скончался.

(5) Князь Суворовъ былъ тогда въ немилости.

(6) Названіе Малороссійской деревни, принадлежащей Капнисту.

(7) Названіе рѣки, протекающей въ деревнѣ Капниста.

(8) Подъ именемъ «Милены» авторъ разумѣлъ вторую жену свою.

(9) Златою и площадною чернію названы низкіе и подлые люди, богатые и бѣдные.

CXLVI.

ОРЕЛЪ. (1)

Носитель молніи и грома
Всесильнаго Петрова Дома!
Куда несешься съ высоты?
Принявъ Перуны въ когти мочны,

Куда паришь, Орелъ полночный!
И на кого ихъ бросишь ты?

Еще ль, по манію Беллоны,
Стремишься въ прахъ низвергнуть троны,
Брать царства, Королей плѣнить? —
Нѣтъ, нѣтъ! предъ Павла знаменами
Ты съ Росскими летишь полками
Престолы падши возносить.

Гряди спасать Царей, Суворовъ! (2)
Избавить царства отъ раздоровъ
И власть въ порфиру облещи;
Соименитому герою
Подобно, ты рожденъ Судьбою
Коварства узелъ разсѣщи. (3)

Гряди, Алкидъ! на гидру дерзку,
Смири ея ты лютость звѣрску,
Спаси отъ бѣдъ вселенну вновь:
Ужасно жалъ ея сверканье,
Тлетворно, пагубно дыханье,
И смертно ядовита кровь.

Но ты одѣтъ въ броню нетлѣнну,
Въ Надежду, Вѣру несомнѣнну,
Любовью выспренней горишь; (4)
Полкъ Ангелъ предъ тобой сомкнется —
И зло тебѣ не прикоснется;
Рога ты буйству сокрушишь,

Съ тобою Богъ идетъ—и Россы
Во знаменье побѣдъ, колоссы
Воздвигнутъ по твоимъ слѣдамъ; (5)

Слухъ пройдетъ въ позднее потомство:
«Тобой стеръ Павелъ вѣроломство
И скиптры возвратилъ Царямъ.»

---

(1) Писано въ С.-п.-бургѣ въ 1799 г. по случаю отбытія Графа Суворова-Рымникскаго въ Италію къ арміи противъ Французовъ.

(2) Когда по приглашенію Римскаго Императора Суворовъ призванъ былъ Государемъ Павломъ для командованія двумя Императорскими арміями, тогда представленный Государю Суворовъ, павъ на колѣни, сказалъ изъ псалма: *Господи, спаси Царя.* Государь ему отвѣтствовалъ: *Ты иди спасать Царей.*

(3) Авторъ уподобляетъ Александра Суворова Александру Великому, разсѣкшему Гордіевъ узелъ.

(4) Суворовъ былъ весьма благочестивъ и любилъ добро. Здѣсь предполагается, что онъ, сопровождаемый Христіанскими добродѣтелями — надеждой, вѣрою и любовью, сокрушитъ буйство.

(5) Перейдя Алпійскія горы, Суворовъ оставилъ незабвенную память побѣдъ своихъ и слѣды его славы выше всякихъ колоссовъ.

CXLVII.

НА ПОБѢДЫ ВЪ ИТАЛІИ. (1)

—

Ударь во сребряный, священный, (2)
Далеко звонкій, Валка! щитъ;
Да громъ твой, эхомъ повторенный, (3)
Въ жилищѣ Бардовъ восшумитъ. —
Встаютъ. Сто арфъ звучатъ струнами;
Предъ ними сто дубовъ горятъ; (4)

Отъ чаши круговой зарями
Сѣдыя чела въ тмѣ блестятъ.

Но кто тамъ бѣлыхъ волнъ туманомъ
Покрытъ по персямъ, по плечамъ,
Въ стальномъ доспѣхѣ свѣтитъ рдяномъ,
Подобно синя моря льдамъ?
Кто на копье склонясь главою,
Событье слушаетъ временъ? —
Не тотъ ли, древле что войною
Потрясъ Парижскихъ твердость стѣнъ? (5)

Такъ! Онъ плѣняется пѣвцами,
Поющими его дѣла,
Смотря, какъ блещетъ битвъ лучами
Сквозь тму временъ его хвала.
Такъ, онъ! — Се Рюрикъ торжествуетъ
Въ Валкалѣ звукъ своихъ побѣдъ, (6)
И перстомъ долу показуетъ
На Росса, что по немъ идетъ;

«Се мой,» гласитъ онъ «Воевода,
Воспитанный въ огняхъ, во льдахъ, (7)
Вождь бурь полночнаго народа,
Девятый валъ въ морскихъ волнахъ, (8)
Звѣзда прешедша міра тропы,
Которой слѣдъ огня черты, (9)
Мечь Павловъ, щитъ Царей Европы,
Князь славы — се, Суворовъ, ты! (10)

Се ты, вѣковъ явленье чуда!
Сбылось пророчество, сбылось! (11)
Лучъ, возсіявшій изъ-подъ спуда,

Герой мой, вновь свой лавръ вознесъ!
Уже вступилъ онъ въ славны слѣды,
Что древній витязь проложилъ;
Ужъ водитъ за собой побѣды
И лики сладкогласныхъ лиръ.

(¹) Писано въ С.-п.-бургѣ въ 1799 году, напечатано тогда же на особыхъ листкахъ.

(²) Древніе сѣверные народы возвѣщали войну и собирались на битву по ударенію въ щитъ. Валками назывались у нихъ военныя дѣвы или музы.

(³) Барды, пѣвцы сѣверныхъ народовъ, прославляли мужество и брани. Суворовъ любилъ читать поэмы Оссіана, посвященныя ему въ переводѣ Костровымъ.

(⁴) Сіи народы во время торжества побѣдъ своихъ зажигали дубы и вокругъ ихъ пили круговую чашу.

(⁵) По сказаніямъ историческимъ Варяги нѣкогда по рѣкѣ Сенѣ доходили до Парижа.

(⁶) Герои Варяго-Руссовъ, по народному баснословію, по смерти торжествовали побѣды въ Валгаллѣ, т. е. въ раю Скандинавовъ.

(⁷) Суворовъ, пріучая себя переносить военные труды, ходилъ въ самые знойные дни съ открытою головою, и окачивалъ себя всякое утро, лѣтомъ и зимою, холодною водою со льдомъ, а спалъ на соломѣ.

(⁸) Мореходцы замѣчаютъ, что девятый валъ есть самый сильный.

(⁹) Суворовъ, прошедшій съ оружіемъ многія страны, здѣсь уподобляется кометѣ, прошедшей тропики или пути солнечные.

(¹⁰) Графъ Суворовъ пожалованъ въ княжеское достоинство по переходѣ Альпійскихъ горъ.

(¹¹) Въ одѣ Зубову на прибытіе его изъ Персіи сказано было, что звѣзда Суворова еще не погасла.

CXLVIII.

НА ПЕРЕХОДЪ АЛЬПІЙСКИХЪ ГОРЪ. (¹)

—

Сквозь тучи вкругъ лежащи, черны,
Твой горній кроющій полетъ,
Носящи страхъ намъ, скорби зѣльны, (²)
Ты грянулъ наконецъ! — И свѣтъ,
Отъ молніи твоей горящій,
Сердца Альпійскихъ горъ потрясшій,
Струей вселенну пролетѣлъ;
Чрезъ неприступны переправы,
На высотѣ ты новой славы
Явился, сѣверный Орелъ!

О, радость! — Муза! дай мнѣ лиру.
Да вновь Суворова пою!
Какъ слышенъ громъ за громомъ міру,
Да слышитъ всякъ такъ пѣснь мою!
Побѣдъ его плѣненный слухомъ,
Лечу моимъ за нимъ я духомъ
Чрезъ долы, холмы и лѣса;
Зрю — близъ меня зіяютъ ады,
Надъ мной шумящи водопады,
Какъ бы склонились небеса.

Идетъ въ веселіи геройскомъ
И тихимъ маніемъ руки,
Повелѣвая сильнымъ войскомъ,
Сзываетъ вкругъ себя полки.
«Друзья!» онъ говоритъ «извѣстно,
Что Россамъ мужество совмѣстно;

Но нѣтъ теперь надежды вамъ.
Кто вѣрѣ, чести другъ нeложно,
Умреть иль побѣдить здѣсь должно.» —
«Умремъ!» — кликъ вторитъ по горамъ.

Идетъ, — о зрѣлище прекрасно,
Гдѣ прямо вѣрностью горя,
Готово войско въ брань безстрашно!
Встаетъ межъ ихъ любезна пря:
Всѣ движутся на смерть послушно,
Но не хотятъ, великодушно,
Итти за вождемъ назади;
Сверкаютъ копьями, мечами:
Какъ холмъ объемлется волнами,
Идетъ онъ съ шумомъ — впереди.

Ведетъ въ пути непроходимомъ,
По темнымъ дебрямъ, по тропамъ,
Подъ заревомъ, отъ молньи зримомъ,
И по бѣгущимъ облакамъ;
День — ночь ему среди тумановъ,
Ночь — день отъ громовыхъ пожаровъ;
Несется въ бездну по вервямъ,
По камнямъ лезетъ вверхъ изъ бездны;
Мосты ему — дубы зажжены;
Плыветъ по скачущимъ волнамъ.

Ведетъ подъ снѣгомъ, вихремъ, градомъ,
Подъ ужасомъ природы всей;
Встрѣчается спреди и рядомъ
На каждомъ шагѣ съ тмой смертей;
Отвсюду окруженъ врагами,
Водой, горами, небесами

И воинствомъ противныхъ силъ.
Вблизи падутъ со трескомъ холмы,
Вдали тамъ гулы ропчутъ, громы,
Скрежещетъ блѣдный голодъ въ тылъ.

Ведетъ — и нѣкая громада,
Гигантъ предъ нимъ возсталъ въ пути,
Главой небесъ, ногами ада
Касаяся, претитъ итти;
Со ребръ его шумятъ внизъ рѣки,
Предъ нимъ мелькаютъ дни и вѣки,
Какъ вкругъ волнующійся паръ:
Ни что его не потрясаетъ,
Онъ громъ и бури презираетъ;
Нахмурясь, смотритъ Сен-Готаръ.

А тамъ — волшебница сѣдая (3)
Лежитъ на высотѣ холмовъ;
Дыханьемъ солнце отражая,
Блеститъ вдали огнями льдовъ,
Которыми одѣта зрится:
Она на всю природу злится,
И въ страшныхъ инистыхъ скалахъ,
Нависнутыхъ снѣговъ слоями,
Готова задавить горами,
Иль въ хладныхъ задушить когтяхъ.

А тамъ — невидимой рукою
Простертое съ холма на холмъ
Чудовище, какъ мостъ длиною, (4)
Рыгая дымъ и пламень ртомъ,
Бездонну челюсть разверзаетъ,
Въ единый мигъ полки глотаетъ;

А тамъ — пещера черна спитъ (5)
И смертнымъ мракомъ взоры кроетъ;
Какъ бурею, гортанью воетъ:
Предъ ней Отчаянье сидитъ.

Пришедши къ чудамъ симъ природы,
Что бъ славный учинилъ Язонъ?
Составила бъ Медея воды,
А онъ на нихъ навелъ бы сонъ.
Но въ Россѣ нѣтъ коварствъ примѣра;
Крилѣ его суть должность, вѣра
И исполинской славы трудъ.
Корабль на парусахъ какъ въ бурю
По черному средь волнъ лазурю,
Такъ онъ летитъ въ опасный путь.

Ужъ тучи сопостатъ засѣли
По высотамъ, въ ущельяхъ горъ,
Ужъ глыбы, громы полетѣли
И освѣтили молньи взоръ;
Власы у храбрыхъ встали дыбомъ,
И къ сей отвагѣ, страшной дивомъ,
Склонился въ помощь сводъ небесъ.
Съ него зря бѣдствія толики,
Трепещетъ въ скорби Петръ Великій.
Гдѣ Россъ мой? — Слѣдъ и слухъ исчезъ.

Но что! Не духъ ли Оссіана, (6)
Пѣвца тумановъ и морей,
Мнѣ кажетъ подъ луной Морана,
Какъ шелъ онъ на Царя Царей? (7)
Нѣтъ, зрю — Массена подъ землею
Съ Рымникскимъ въ тмѣ сошлися къ бою: (8)

Чело съ челомъ, глаза горятъ;
Не громы ль съ громами дерутся?
Мечами о мечи сѣкутся,
Вкругъ сыплютъ огнь — хохочетъ адъ! (9)

Ведетъ туда, гдѣ вѣтръ не дышитъ
И въ высотахъ, и въ глубинахъ;
Гдѣ ухо льдовъ лишь гулы слышитъ,
Катящихся на крутизнахъ.
Ведетъ — и скрытъ ужъ въ мракѣ гроба,
Ужъ съ хладнымъ смѣхомъ шепчетъ злоба:
Погибъ средь дерзкихъ онъ путей!
Но Россу гдѣ и что преграда?
Съ тобою Богъ! — и горъ громада
Раздвиглась силою твоей.

Какъ левъ могущій, отлученный
Ловцевъ коварствомъ отъ дѣтей,
Забралъ препятствомъ раздраженный,
Бросая пламя изъ очей,
Вздымая страшну гриву гнѣвомъ,
Крутя хвостомъ, рыкая зѣвомъ,
И прескача преграды, вдругъ
Ломаетъ копья, луки, стрѣлы:
Чрезъ непроходны такъ предѣлы
Тебя, герой! провелъ твой духъ.

Или, Везувія въ утробѣ
Какъ споря океанъ съ огнемъ,
Спираютъ въ непрерывной злобѣ
Горящу лаву съ вѣчнымъ льдомъ,
Клокочутъ глухо въ мракѣ бездны;
Но хладъ прорветъ какъ сводъ желѣзный,

На воздухъ льется пламень, дымъ:
Таковъ и Россъ, средь горныхъ споровъ —
На Галла сталъ ногой Суворовъ,
И горы треснули подъ нимъ.

Дадите ль вѣру вы, потомки,
Толь страшныхъ одолѣнью силъ?
Дѣла героевъ древнихъ громки,
До волнъ Средьземныхъ доходилъ
Алкидъ, и знакъ свой тамъ поставилъ (10)
На то, чтобъ смертный трудъ оставилъ
И далѣ не дерзалъ бы взоръ;
Но, сильный Геркулесъ Россійскій!
Тебѣ столпы его знать низки:
Шагаешь ты чрезъ цѣпи горъ.

Идетъ, одѣтъ сѣдымъ туманомъ,
По безднамъ страшный исполинъ;
За нимъ летитъ въ доспѣхѣ рдяномъ
Во слѣдъ младой птенецъ орлинъ.
Кто витязь сей багрянородный,
Соименитый и подобный (11)
Владыкѣ Византійскихъ странъ?
Еще Россъ выше вознесется,
Когда и впредь не отречется
Несть Константинъ воинскій санъ.

Ужъ сыплются со скалъ безмѣрныхъ
Полки сквозь облаковъ, какъ дожды!
Ужъ мечутся въ враговъ надменныхъ:
Въ душахъ ихъ слава, Богъ и вождь;
Къ отечеству, къ Царю любовью,
Или врожденной бранной кровью,

Иль къ вѣрѣ вѣрой всякъ крылатъ.
Не могутъ счесть мои ихъ взоры,
Ни всѣхъ наречь: — какъ молньи скоры!
Вокругъ я блескомъ ихъ объятъ.

Не Гозано ль тамъ, Богомъ данный, (12)
Еще съ чудовищемъ въ рѣкѣ
На смертный бой, самоизбранный,
Плыветъ со знаменемъ въ рукѣ?
Копье и мечъ изъ твердой стали,
О чешую преломшись, пали:
Сталъ безоруженъ и одинъ.
Но, не уважа лютымъ жаломъ,
Разитъ онъ звѣря въ грудь кинжаломъ.
Нѣтъ, нѣтъ, се ты, Россіянинъ!

О, сколько храбрости Россійской
Примѣровъ видѣлъ уже свѣтъ!
Европа и предѣлъ Азійской
Тому свидѣтельства даетъ.
Кто хочетъ, стань на холмъ высоко
И кинь со мной въ долину око
На птицъ, на сей парящихъ станъ.
Зри: въ воздухѣ склубясь волнистомъ,
Какъ грудью бьетъ соколъ ихъ съ свистомъ:
Стремглавъ падетъ сраженный вранъ.

Такъ козни зла всѣ упадаютъ,
О Павелъ, подъ Твоей рукой!
Народы длани простираютъ,
Отъ бѣдъ спасенные Тобой.
Но были бъ счастливѣй стократно,

Коль знали бы цѣнить обратно
Твою къ нимъ милость, святость крылъ; (13)
Во храмѣ жъ славы письменами
Златыми, чтимыми вѣками,
Всѣмъ правда скажетъ: «Царь Ты силъ!»

Изъ мраковъ возстаютъ Стигійскихъ
Евгеній, Цезарь, Ганнибалъ; (14)
Проходъ чрезъ Альпы войскъ Россійскихъ
Ихъ души славой обуялъ.
«Кто, кто» вѣщаютъ съ удивленьемъ:
«Съ такою смѣлостью, стремленьемъ,
Прешелъ противъ природы силъ
И вражьихъ тмы попралъ затворовъ?
Кто больше насъ?» — Твой блескъ, Суворовъ!
Главы ихъ долу преклонилъ.

Возьми кто лѣтопись вселенной,
Геройскія дѣла читай;
Цѣня ихъ истиной священной,
Съ Суворовымъ соображай:
Ты зришь: тѣхъ слабость, сихъ пороки
Поколебали духъ высокій;
Но онъ изъ младости спѣшилъ
Ко доблести простерть лишь длани;
Куда ни посланъ былъ на брани,
Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ. (15)

О ты, страна, гдѣ были нравы,
Въ рукахъ оружье, въ сердцѣ Богъ!
На поприщѣ которой славы
Могущій Леопольдъ не могъ
Силъ капли поглотить силъ моремъ;

Гдѣ жизнь онъ кончилъ бѣдствомъ, горемъ!
Скажи, скажи вселенной ты,
Гельвеція! бывъ нашъ свидѣтель:
Чья Россовъ тверже добродѣтель?
Гдѣ больше духа высоты?

Промчи жъ, о Русса! ты Секванѣ
Скорѣй духъ Русскій, Павла мочь, (16)
Цареубійцъ въ вертепѣ, въ станѣ
Ближайшу возвѣщая ночь.
Скажи: въ рукахъ съ перуномъ Павелъ,
Или хранитель міра, Ангелъ,
Гремитъ, являя власть свою;
Престаньте нарушать законы
И не трясите больше троны,
Внемлите истину сію:

«Днесь звѣрство ваше стало наго.
Вы рветесь за прибытокъ свой, —
Воюетъ Россъ за обще благо,
За свой, за вашъ, за всѣхъ покой;
Вы жертва лжи и своевольства, —
Онъ жертва долга и геройства;
Въ васъ равенства мечта, — въ немъ чинъ;
Суля вы вольность, взяли дани, —
Въ защиту царствъ простеръ онъ длани;
Вы чада тмы, — онъ свѣта сынъ.»

Вамъ видимъ бѣгъ свѣтилъ небесныхъ:
Не правитъ ли ихъ умъ единъ?
Въ словесныхъ тваряхъ, безсловесныхъ,
У всѣхъ есть вождь, иль господинъ:
Стихіевъ разность, разнострастье,

Верховный умъ — ихъ всѣхъ согласье,
Монарша цѣпь есть цѣпь сердецъ.
Царь — мнѣній связь, всѣхъ дѣйствъ причина,
И кротка власть отца едина —
Живаго Бога образецъ.

Гдѣ жъ скрыта къ правдѣ сей дорога?
Гдѣ въ вольнодумномъ сердцѣ мнятъ:
«Нѣтъ Царской степени, нѣтъ Бога» —
Быть тщетно счастливы хотятъ.
Ищай себѣ въ народѣ власти,
Попри свои всѣхъ прежде страсти,
А бывъ глава, будь всѣмъ слугой.
Но гдѣ жъ, гдѣ ваши Цинциннаты? ([17])
Вы мните только быть богаты:
Корысти чуждъ прямой герой.

О, доблесть воиновъ избранныхъ,
Собравшихъ лавры съ тмы побѣдъ,
Безсмертной славой осіянныхъ,
Какой не видывалъ сей свѣтъ!
Вамъ предоставлено Судьбами
Рѣшить споръ ада съ небесами:
Собщать ли солнцу блескъ звѣздамъ,
Законамъ естества ль встать новымъ,
Стоять ли алтарямъ Христовымъ,
И быть, или не быть Царямъ?

По доблести — Царямъ сокровный;
По вѣрности — престоловъ щитъ;
По Вѣрѣ — камень царствъ угольный;
Вождь — знаньемъ браннымъ знаменитъ:
Въ которомъ мудрость съ добротою,

Терпѣнье, храбрость съ быстротою
Вмѣстились всѣхъ изящныхъ душъ!
Сражаясь Вѣры со врагами
И небо поддержавъ плечами,
Дерзай, великій Богомъ мужъ!

Дерзайте! вижу — съ вами ходитъ
Тотъ объ руку во всѣхъ путяхъ,
Что перстомъ круги звѣздны водитъ
И молнію на небесахъ.
Онъ рекъ — и тучи удалились;
Велѣлъ — и холмы уклонились;
Блеснулъ на вашихъ лучъ челахъ.
Пріятна смерть Христа въ любови,
И капли вашей святы крови:
Еще ударъ — и гдѣ нашъ врагъ?

Услышьте! вамъ сорлещутъ други,
Поетъ Христова Церковь гимнъ;
За ваши для Царей заслуги
Цари вамъ данники отнынь. (18)
Доколь течетъ прозрачна Рона,
Потомство поздно безъ урона
Узритъ въ ней вашихъ битвъ зари;
Отнынѣ горы ввѣкъ Альпійски
Пребудутъ Россовъ обелиски,
Дымящи холмы алтари.

---

(1) Сочинено въ Гатчинѣ въ 1799 году, напечатано тогда же на особыхъ листкахъ съ эпиграфомъ изъ Ломоносова:

Гдѣ только вѣтры могутъ дуть,
Проступятъ тамъ полка орлины.

CXLIX.

НА ВОСШЕСТВІЕ НА ПРЕСТОЛЪ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I. (¹)

—

Вѣкъ новый! Царь младый, прекрасный
Пришелъ днесь къ намъ весны стезей!
Мои предвѣстья велегласны
Уже сбылись, сбылись Судьбой.
Умолкъ ревъ Норда сиповатый,
Закрылся грозный, страшный взглядъ;
Зефиры вспорхнули крылаты,
На воздухъ вѣютъ ароматъ;
На лицахъ Россовъ радость блещетъ,
Во всей Европѣ миръ цвѣтетъ.

Желанный всѣми неба житель,
Ты, миръ! пришелъ къ намъ наконецъ;
Народовъ многихъ утѣшитель,
Отрада царствъ, покой сердецъ,
Пришелъ къ намъ, Ангелъ благодатный!
Коль шествіе Твое красно!
Коль намъ лучи твои пріятны!
Тобою все оживлено.
Се время намъ благопоспѣшно,
Се день спасенья и утѣхъ!

Уныла Муза, въ дни Борея
Дерзавшая вслухъ пѣсни пѣть,
Блаженству общему радѣя,
Уроки для Владыкъ гремѣть!

Передъ Царемъ, днесь благосклоннымъ,
Взявъ лиру, прахъ съ ней стряси,
И сердцемъ радостнымъ, свободнымъ
Вѣщай, греми, звучи, гласи
Того Ты на престолъ вступленье,
Кого воспѣлъ я въ пеленахъ. ([2])

Уже, какъ путникъ утомленный,
Прешедшій дальный, тѣсный путь,
На лугъ, древами осѣненный,
Возлегъ отъ зноя отдохнуть,
И внемля вѣтерковъ дыханье,
Шумъ быстрыхъ водъ, цвѣты вокругъ,
И нимфъ, и птицъ совосклицанье:
Такъ мой веселіемъ полный духъ,
Подъ скипетромъ Твоимъ покоясь,
Прохладой дышетъ и поетъ.

На темный, вижу, шаръ подлунный
Съ равнинъ небесныхъ, горнихъ мѣстъ
Овенъ младый, золоторунный, ([3])
Незапно вшелъ, и сталъ средь звѣздъ.
Не кротости ль символъ въ немъ зрится?
Не возрожденье ль прежнихъ благъ?
Екатерина воскресится
Знать Александра въ временахъ:
Такъ, такъ! Она во Внукѣ будетъ
Надъ нами царствовать вовѣкъ.

Осанка скромность и пріятность,
Ея въ Немъ видѣнъ духъ и умъ:
Усердье, ревность къ Нимъ и святость
Въ полсвѣтѣ воздвигаютъ шумъ.

«Смотри!» другъ другу всякъ вѣщаетъ:
«Не образъ ли Ея на Немъ?
Ужъ по законамъ обѣщаетъ
Онъ быть, по сердцу Ей, Царемъ.» ([4])
О, радость! духъ восторгъ объемлетъ:
Се вижу — въ облакахъ Она

Стоитъ въ порфирѣ и вѣщаетъ, ([5])
Сквозь дверь небесну долу зря:
«Се Небо нынѣ посылаетъ
Вамъ Внука Моего въ Царя.—
Внимать вы прежде не хотѣли,
И презрѣли Мою любовь;
Вы сами отъ себя терпѣли,
Я нынѣ васъ спасаю вновь »
Рекла, — и тѣнь Ея во блескѣ,
Какъ радуга, сокрылась въ свѣтъ.

Но что? Во плескахъ, восклицаньяхъ
Ликующей толпы людей,
Духъ погружается въ стенаньяхъ,
На тлѣнность зря мірскихъ вещей!
Такъ чтò престолъ, вѣнецъ, держава,
Власть, сила и сіянье благъ,
Когда спокойнаго нѣтъ нрава
И въ насъ свирѣпствуетъ нашъ врагъ?
Увы! на что полки и стѣны,
Коль насъ невинность не стрежетъ?

Народны вздохи, слезны токи,
Молитвы огорченныхъ душъ,
Какъ паръ возносятся высокій
И заражаютъ громъ средь тучъ:

Онъ вержется, падетъ мезапно
На горды зданіевъ главы.
Внемлите правдѣ сей стократно,
О, власти сильныя, и вы!
Внемлите — и тѣснить блюдитесь
Вамъ данный управлять народъ.

Нѣтъ, Ангелъ кротости и мира,
Любимый сынъ благихъ Небесъ!
Ты не таковъ; Твоя порфира
Отъ благодарныхъ нашихъ слезъ,
Какъ роза, окропясь росою,
Прекраснѣйшій раскинетъ цвѣтъ;
Благоухающій Тобою,
Намъ въ чувства сладость принесетъ.
Эдемъ въ Твоей узримъ Супругѣ (6)
И рай во Дщеряхъ и Сынахъ.

Не на словахъ Ты милосердье
Покажешь, на дѣлахъ Твоихъ;
Развратъ прогонишь, суевѣрье
Ты нравовъ чистотой святыхъ;
Посадишь мудрость Ты съ Собою,
Велишь ей научать Себя;
Пройдешь съ народною толпою, —
Проникнетъ правда до Тебя;
Ты въ мирѣ брань готовить станешь,
Войну обнимешь тишиной.

Твой домъ пребудетъ безопасенъ
И внѣ, и внутрь отъ всякихъ золъ;
Не златомъ, — доблестью прекрасенъ,
И твердъ на вѣрности престолъ.

Въ чертогахъ ужасъ да не кажетъ
Мечъ нагъ и лукъ съ стрѣлой въ рукахъ;
Любовь народная возляжетъ
На стражѣ при Твоихъ вратахъ;
Спокойный сонъ Твой оградится
Незыблемой стѣной сердецъ.

Не смѣютъ хитрость, лесть касаться
И разстилать Тебѣ сѣтей;
Ихъ жены, дѣти ополчатся
Для безопасности Твоей;
Доброта платится добротой,
А злоба злобѣ воздаетъ.
Твоею милостью, щедротой
Любимецъ Твой весь будетъ свѣтъ.
Какъ солнце, тронъ Твой утвердится;
Какъ небо, будутъ дни Твои.

Какъ тихія рѣки токъ чистый,
Они предъ нами потекутъ;
Сверкающи струи сребристы
Міръ въ удивленье приведутъ:
Блаженствомъ напоятся селы,
Богатствомъ — городовъ брега,
Въ далекіе пойдутъ предѣлы
Поля цвѣтущи и луга;
Любезно эхо пронесется
Въ неизмѣримости морей.

О, Боже! Ты внушилъ рыданье
И бѣдства наши прекратилъ:
Днесь тѣхъ же слезъ Ты изліянье
Пріими, какъ запахъ отъ кадилъ.

Отъ стоновъ — Ты велѣлъ быть грому,
Отъ радостей — лучи спусти,
И Августѣйшему Ты Дому
Печаль въ утѣхи обрати.
Какъ дождь сквозь солнце, да снисходитъ
Благословенье къ намъ Твое!

---

(1) Сочинено въ С.-п.-бургѣ въ 1801 году.

Государь Александръ пожаловалъ автору бриллiантовый перстень, цѣною въ пять тысячъ рублей. Ода сiя переведена была Княземъ Бѣлосельскимъ на Французскiй языкъ; потомъ перевели оную и на другiе языки.

(2) Сей стихъ относится къ одѣ на рожденiе Порфиророднаго Отрока.

(3) Овенъ, символъ кротости и небесный знакъ мѣсяца марта, въ который послѣдовало восшествiе на Престолъ Императора Александра.

(4) Въ Манифестѣ о восшествiи на Престолъ Императора Александра, Онъ обѣщалъ царствовать по законамъ и сердцу Екатерины.

(5) Тогда носился слухъ, будто бы Императрица Екатерина сдѣлала завѣщанiе, по коему Преемникомъ Престола Ея назначенъ былъ Внукъ Ея, Великiй Князь Александръ.

(6) Императрица Елисавета Алексѣевна была истинный Ангелъ кротости, которую по всей справедливости можно было уподобить Эдему.

CL.

НА КОРОНАЦІЮ ИМПЕРАТОРА. (¹)

Предвѣчный! силою Твоею
Да веселится Царь!
Да радостной Своей душею
Торжествъ ликуетъ среди зарь!
Желанія Его сердечны
Ты предварилъ и совершилъ;
Чело елеемъ благостыннымъ,
Главу сіяньемъ златовиднымъ
Монаршаго вѣнца покрылъ,
И ниспослалъ Ему дни здравы, долговѣчны.

Да распрострется громка слава
О немъ вездѣ Тобой:
Порфира, скипетръ, мечъ, держава,
Вся Царска сила, власть, рукой
Твоей на Немъ взложенна,
Какъ на небѣ свѣтилъ, звѣздъ сонмъ,
Тобой свой блескъ да получаетъ;
Твой взоръ Его благословляетъ,
И на Тебя надеждъ Онъ полнъ,
Да не позыблется и вся подъ Нимъ вселенна,

Да срѣтитъ длань вооруженна
Мечемъ, кто на Него! —
Какъ сильнымъ пещь огнемъ разженна,
Такъ гнѣвъ отъ взора Твоего
На нихъ дохнетъ—и, скрывъ ихъ тмою,
Такъ въ молніяхъ пожнетъ своихъ,

Что дымъ во слѣдъ лишь воскурится;
Потомство, племя истребится
И память даже вся о нихъ
Сотрется въ мигъ съ лица земли Твоей рукою!

Пусть затѣваетъ брань сосѣдство,
А злоба — тайны ковъ;
Но не успѣетъ ихъ злодѣйство,
Когда Самъ Богъ Тебѣ покровъ.
Поставилъ Онъ Тебя предметомъ
И цѣлію Своихъ очесъ;
Не двигнется Твоя держава,
Но паче возсіяетъ слава
Всѣхъ надъ Тобой Его чудесъ
И воспоемъ въ Тебѣ Царя надъ всѣмъ мы свѣтомъ.

(¹) Сочинено въ Москвѣ въ 1801 году; почерпнуто изъ 20 псалма. Ода сія не была поднесена.

CLI.

КЪ ЦАРЕВИЧУ ХЛОРУ. (¹)

Прекрасный Хлоръ! Фелицынъ Внукъ,
Сынъ матери премилосердной,
Сестеръ и братьевъ нѣжный другъ,
Супругъ супругѣ милой, вѣрной,
О Ты, чей ростъ, и взоръ, и станъ
Есть витязя, породы Царской,
Который больше другъ, чѣмъ Ханъ

Орды, страны своей Татарской!
Послушай, неба Серафимъ,
Ниспосланный счастливить смертныхъ,
Что пишетъ Солнцевъ сынъ, Браминъ,
Желая благъ тебѣ несмѣтныхъ:

Достигъ незапно громкій слухъ
До насъ, живущихъ въ Кашемирѣ,
Что будто Зороастровъ духъ
Воскресъ въ подлунномъ здѣшнемъ мірѣ,
И воплотясь въ Тебѣ, о Хлоръ!
Возсѣлъ на нѣкоемъ престолѣ,
Дабы расцвѣлъ добротъ соборъ
На немъ, неслыханныхъ дотолѣ.

Такъ точно, говорятъ: что Ты
Какой-то чудный есть владѣтель;
Души и тѣла красоты
Совокупя на добродѣтель,
Быть хочешь всѣхъ земныхъ владыкъ
Страшнѣй, не страхомъ, но любовью;
Блаженствомъ подданныхъ великъ,
Не покореньемъ царствъ и кровью.

Такъ шепчутъ: будто саму власть,
Въ Твоихъ рукахъ самодержавну,
Господства безпредѣльну страсть,
Ты чтишь за власть самоуправну;
Что будто мудрая та блажь
Нерѣдко въ умъ Тебѣ приходитъ,
Что Царь законовъ только стражъ,
Что онъ лишь въ дѣйство ихъ приводитъ
И ставитъ въ томъ въ примѣръ себя;

Что Ты живешь лишь для народовъ,
А не народы для Тебя,
И что не свыше Ты законовъ;
А тѣхъ пашей, эмировъ, мурзъ
Не любишь и не терпишь точно,
Что, сами ползая средь узъ,
Мухъ давятъ въ лапахъ полномочно
И бить себѣ велятъ челомъ;
Что Ты не кажешься имъ Богомъ,
Не ѣздя на Царяхъ верхомъ;
Сидишь и ходишь въ рядъ съ народомъ;
Что не стирая съ туфлей прахъ
У муфтьевъ, дервишей, имановъ,
Въ сѣдыхъ считаешь бородахъ
Ихъ гласъ за гласъ Ты Алкорановъ;
Что, чувствуя въ Себѣ одномъ
Ты власть Небесъ, а слабость смертныхъ,
Имъ разбирать себя судомъ
Велишь чрезъ гражданъ частныхъ, честныхъ;
Раздоры миромъ прекращать,
Закону съ совѣстью поладить,
И больше шерсть чтобъ не терять,
Овцамъ въ репейники не лазить. (²)

Еще толкуютъ тожъ: что гласъ
Къ Тебѣ народа тайно входитъ;
Что тысячью Ты смотришь глазъ
И въ шапкѣ невидимкѣ бродитъ
Вездѣ Твой духъ, — и на коврахъ
Летаетъ будто самолетахъ,
Въ чалмахъ, жупанахъ, чеботахъ,

А нужно гдѣ, то и въ жилетахъ,
Чтобъ какъ нибудь невинность спасть;
И словомъ: многими путями
Ты кротку простирая власть,
Какъ солнце, грѣешь міръ лучами;

И даже будто бы съ Собой
Даешь Ты случай всѣмъ встрѣчаться,
Писать на голубяхъ, съ Тобой (3)
Такъ-сякъ и лично объясняться;
И злость, и глупость на позоръ
Печатавъ, выставлять листами;
Молоть языкомъ всякій вздоръ
И въ лавкахъ торговать умами;
И будто Ты, увидя разъ
Лису, иль волка въ агнчей кожѣ,
Въ мигъ отъ Своихъ сгоняешь глазъ,
Хотя бъ ихъ зрѣлъ въ какомъ вельможѣ.

А наконецъ, хотя и Ханъ,
Но такъ Ты чудно, странно мыслишь,
Что будто на Себѣ кафтанъ
Народу подлежащимъ числишь; (4)
Пировъ богатыхъ не даешь,
Убранство, роскошь презираешь,
Въ чертогахъ низменныхъ живешь,
Царицу четверней катаешь, (5)
И ходя иногда пѣшкомъ,
Ты по садамъ цвѣты срываешь,
Но злата не соришь мѣшкомъ;
Торопишься въ дѣлахъ не скоро;
Такъ шьешь, чтобъ послѣ не пороть;

Мнишь, не доходомъ въ домѣ споро,
А гдѣ умѣренный расходъ. (6)

И подлинно, весьма чудесный
Бывалъ ли гдѣ такой Султанъ?
Да Оромазъ блюдетъ небесный
Тебя, гаремъ, сѣдой диванъ
И всю Твою орду Татарску!
Да ангелъ самъ Инсфендармасъ, (7)
Покрывъ главу крылами Ханску,
Съ своихъ Тебя не спуститъ глазъ,
И узелъ укрѣпитъ священный
На поясѣ Твоемъ всегда! (8)
Да ароматомъ растворенный
Твой огнь не гаснетъ никогда,
И я дивлюсь, и восхищаюсь
Лишь добродѣтелямъ Твоимъ,
Какъ той звѣздѣ, что̀ поклоняюсь
И коей подношу здѣсь гимнъ!
Въ хвалу Тебѣ, и въ присвоенье
Ея красотъ и всѣхъ потребъ,
Да имя, Хлоръ, Твое, правленье,
Напишется на доскѣ судебъ.

Когда же подлая и даже подкупная,
Прищуря мрачный взоръ, гдѣ зависть или злость,
На насъ прольетъ свой ядъ, — простимъ имъ грѣхъ, вздыхая:
Не прейдутъ бѣдные чрезъ Аримановъ мостъ. (9)

---

(1) Сочинено въ деревнѣ автора Званкѣ въ 1802 году; напечатано въ 1803 году на особыхъ листкахъ.

(²) Сей стихъ и предыдущіе относятся къ правиламъ третейскаго Совѣстнаго Суда, которыя въ то время, по порученію Государя Александра Павловича, были написаны Державинымъ, и Высочайше одобрены; но какъ все то, что отнимаетъ у многихъ способы къ терпимой и принятой въ обычай наживѣ, отличая одного предъ другими, возбуждаетъ пересуды и зависть: то и сіе образованіе примирительнаго суда не приведено въ дѣйствіе, и тяжущіеся остались, какъ обыкновенно водится, въ видѣ овецъ, которыя изъ репейника, не теряя шерсти, выйти не могутъ.

(³) Извѣстно, что въ Египтѣ посредствомъ голубей пересылаемы были письма изъ одного города въ другой. Симъ стихомъ изображается, что нерѣдко доходили къ Императору письма неизвѣстными путями, какъ бы приносимыя птицами.

(⁴) Александръ, присутствуя однажды въ Комитетѣ Министровъ, гдѣ былъ и Державинъ, сказалъ по случаю тробованія денегъ на нѣкоторые не весьма нужные расходы: «Деньги принадлежатъ не Мнѣ, но Государству.»

(⁵) Государь сей уклонялся отъ великолѣпія и роскоши, жилъ лѣтомъ близъ самаго города на Каменномъ Острову въ небольшомъ домѣ, и тѣмъ облегчалъ тѣхъ, которые обязаны были видѣть Его по службѣ. Самъ Онъ и Императрица ѣздили всегда съ однимъ лакеемъ, въ четыре лошади.

(⁶) Императоръ Александръ, при умѣренномъ расходѣ на Свой Дворъ, остатки отъ означенныхъ на оный суммъ употреблялъ на покупку крестьянъ отъ помѣщиковъ и приказывалъ причислять ихъ къ поселянамъ государственнымъ.

(⁷) Въ книгѣ Зендъ-Авеста, или въ законахъ, писанныхъ Зороастромъ, ангелъ Инсфендармасъ почитается покровителемъ всей Индіи.

(⁸) Брамины носили на поясахъ своихъ нѣсколько таинственныхъ узловъ, тщательно берегли и сохраняли ихъ,

наблюдали еще при томъ, чтобъ не угасалъ священный огонь.

(*) Ариманъ, злой духъ, по вѣрѣ Персовъ-идолопоклонниковъ. Они утверждаютъ, что послѣ смерти людей, души ихъ переходятъ чрезъ мостъ Аримана, и грѣшные свергаются съ моста въ бездонную бездну.

Четыре послѣдніе стиха написаны были потому, что тогда ходили по рукамъ оскорбительные стихи противъ автора.

CLII.

НАДГРОБНАЯ

ИМПЕРАТРИЦѢ ЕКАТЕРИНѢ II. (*)

Россія! се Екатерина,
Владычица твоя и Мать!
Ея вселенной половина
Души не возмогла вмѣщать.
Се въ гробѣ образецъ Царей!
Рыдай, рыдай, рыдай о Ней.

Се Та, что духъ вливала славы,
Героевъ сотворить могла,
Жестокіе смягчала нравы
И Ангелъ во плоти была!
Се въ гробѣ образецъ Царей!
Рыдай, рыдай, рыдай о Ней.

Се Та, что сгибъ сердецъ всѣхъ знала,
Плѣняла маніемъ очесъ,

Законы подданнымъ писала,
Европѣ судъ и перевѣсъ!
Се въ гробѣ образецъ Царей!
Рыдай, рыдай, рыдай о Ней.

Се Та, что скипетръ самовластья
Щедротой знала позлащать,
Свободу въ жизни, сладость счастья
Всѣмъ состояньямъ проливать!
Се въ гробѣ образецъ Царей!
Рыдай, рыдай, рыдай о Ней.

Се та, что и въ врагахъ почтенье
Къ Себѣ умѣла возбудить,
Въ друзьяхъ любовь и обоженье,
А вообще весь міръ дивить!
Се въ гробѣ образецъ Царей!
Рыдай, рыдай, рыдай о Ней.

(¹) Сочинено въ С.-п.-бургѣ во время кончины Императрицы, послѣдовавшей 1796 года Ноября 6 дня. Стихи сіи появились въ печати въ 1808 году.

CLIII.

НА КОНЧИНУ БЛАГОТВОРИТЕЛЯ. (¹)

Прежде неже умреши ты, добро твори другу.... и освяти душу твою, яко нѣсть во адѣ взыскати сладости.
Сирах. гл. 14, ст. 13, 16, 17.

И ты, нашъ Несторъ долголѣтный! (²)
Нить прервалъ нѣжныхъ чувствъ своихъ;

Сто лѣтъ прошли — и не примѣтны;
Погасло солнце дней твоихъ!
Глава сребрится сѣдинами,
И грудь хотя горитъ звѣздами,
Но протекла Невы струя:
Пресѣклась, Бецкій! жизнь твоя.

Пресѣклась жизнь, но справедлива
Хвала твоя не умерла:
Тѣхъ гробъ, тѣхъ персть краснорѣчива,
О коихъ говорятъ дѣла.
Воззримъ ли зданій на громады,
На храмы Музъ, на храмъ Паллады, (3)
На брегъ, на домъ Петровъ, на садъ:
И камни о тебѣ гласятъ!

Но коль живые монументы,
Краснѣйши памятниковъ сихъ,
Которыхъ сгладить элементы
Не могутъ дланью силъ своихъ,
Я вижу! Вижу въ человѣкахъ,
Въ различныхъ состояньяхъ, лѣтахъ,
Ты сколько обязалъ сердецъ!
Коликихъ счастья былъ творецъ! (4)

Тамъ зодчій зиждетъ храмъ молитвы,
Каменосѣчецъ — царскій зракъ,
Геройски живописецъ битвы
Одушевляетъ на стѣнахъ;
Тамъ жены, дѣвы благонравны,
Одежды въ даръ шьютъ доматканны
Мужьямъ и женихамъ своимъ,
И вѣрностью гордятся къ нимъ.

А тамъ, изъ праха извлеченный,
Чужую грудь младенецъ пьетъ, (5)
Убогій, нуждами стѣсненный,
Открытую казну беретъ:
Согбенны старцы и вдовицы,
Питаясь отъ твоей десницы, (6)
Отцемъ своимъ тебя зовутъ
И слезы о тебѣ всѣ льютъ.

Льютъ огнь сердецъ, и ты достоинъ,
Другъ человѣковъ, жертвы сей!
Мой лирный гласъ тебѣ настроенъ,
Чтобъ доблести воздать твоей:
Да имя, столь намъ драгоцѣнно,
Пребудетъ ввѣкъ благословенно,
И въ Россахъ да не умрешь ты, —
Еще произрастишь цвѣты

И болѣе плоды прекрасны,
Чѣмъ тѣ, ты кои самъ вкушалъ,
Когда художества изящны
И воспитанье насаждалъ;
Чтобъ въ родъ великія картины
Петровыхъ дѣлъ, Екатерины,
Отъ мраморовъ пускали шумъ
И двигли къ размышленью умъ!

На колесницѣ лучезарной
Когда надменный Фаэтонтъ,
Летя стезей небесъ янтарной,
На землю сыплетъ и на понтъ
Кровавы искры по аэру,
Гремитъ, трясетъ возженну сферу

И звучнымъ буйствомъ таковымъ
Вьетъ вихремъ за собою дымъ.

Тогда мужъ мудрый, благотворный,
Кротчайшу славу возлюбя,
На трудъ полезный, благородный
Свою всю жизнь употребя,
Сиротъ, науки лобызаетъ,
Приличнѣй жертвы посвящаетъ,
Чѣмъ горды божеству мечты:
Лучъ милости былъ, Бецкой, ты!

Кто въ браняхъ лилъ потоки крови,
Кто грады въ прахъ преобращалъ, —
Ты милосердья полнъ, любови,
Спасалъ, хранилъ, училъ, питалъ;
Кто блескъ любилъ, — ты устранялся;
Кто богатѣлъ, — ты ущедрялся;
Кто расточалъ, — ты жизнь берегъ;
Кто для себя, — ты жилъ для всѣхъ.

Сіе сравненье безпристрастно
Пускай прочтетъ твой самый врагъ, —
Увидитъ зрѣлище прекрасно
Въ твоихъ преклонныхъ даже дняхъ:
Какъ огнь лампады ароматный,
Горѣлъ, погасъ, пустилъ пріятный
Вкругъ запахъ ты. Послѣдній вздохъ
И мысль твоя — щедротъ былъ Богъ. (7)

Но коль несчастны человѣки!
Неблагодаренъ смертныхъ родъ!
То всѣ доказываютъ вѣки,

Что лишь за громомъ громъ идетъ.
Увы! когда въ предѣлахъ свѣта
Убійцъ бываетъ слава пѣта,
Тогда забытъ отецъ семействъ!
Исторія есть цѣпь злодѣйствъ.

Почій покойно, персть почтенна!
Мірская слава только дымъ;
Небесна истина священна
Надъ гробомъ вопіетъ твоимъ:
«О, смертные! добро творите
И души ваши освятите,
Доколѣ не прешли сей свѣтъ;
Безъ добрыхъ дѣлъ блаженства нѣтъ!»

---

(1) Сочинено въ П.-бургѣ въ 1795 году.

(2) Иванъ Ивановичъ Бецкій, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ и разныхъ орденовъ кавалеръ, былъ изъ числа приближенныхъ людей Императрицы Екатерины, и пользовался Ея милостями. Онъ жилъ около ста лѣтъ.

(3) Онъ былъ директоромъ всѣхъ казенныхъ строеній въ П.-бургѣ. По его проекту и подъ его надзоромъ построено на Васильевскомъ Острову великолѣпное зданіе для Академіи Художествъ, Эрмитажъ, монументъ Петру Великому, Невская набережная, славная рѣшетка около Лѣтняго Сада и проч.

(4) Онъ былъ директоромъ многихъ воспитательныхъ заведеній, которыя управляемы были по учрежденіямъ, имъ составленнымъ, и Высочайше конфирмованнымъ.

(5) Онъ учредилъ Воспитательные и Сиротскіе Домы, Ссудную Казну и другія Богоугодныя заведенія, которыя потомъ, подъ благотворительнымъ покровительствомъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, процвѣтали во все время Ея примѣрной Христіанской жизни.

(6) Сверхъ благотворительныхъ учрежденій, которыя

ему ввѣрены были отъ Правительства, онъ давалъ изъ собственныхъ доходовъ пенсіи многимъ бѣднымъ людямъ.

(7) Предъ кончиною своею онъ сдѣлалъ благотворительное завѣщаніе, которымъ подарилъ Воспитательному Дому, Академіямъ и нѣкоторымъ частнымъ людямъ до 700 тысячъ рублей.

CLIV.

НА СМЕРТЬ НАРЫШКИНА. (1)

Падущая съ небесъ рѣка!
Токъ свѣтлыхъ, безпрерывныхъ водъ!
Чья всемогущая рука,
О, время! о, минувшій годъ!
Твое теченье прекратила?
Какая мгла тебя сокрыла?
Гдѣ дѣлись дни, часы твои?
Гдѣ разновидныхъ дѣлъ струи?

Являло ль солнце красоту,
Блистало ль лаврами чело,
Когда побѣдъ на высоту
Всходилъ Алкидъ?—И все прошло! } (2)
Ужъ не на верхъ теперь Альпійскій
Орелъ склоняетъ свой полетъ,
Но въ долъ, подъ сосны Боровицки — (3)
Все вѣчности жерло пожретъ.

Чтò было, то не придетъ вспять;
Проходитъ что, то вмигъ пройдетъ;
Что будетъ впредь, — не можно знать;

И вотъ Нарышкина ужъ нѣтъ!
Нѣтъ въ домѣ семъ храмоподобномъ
Веселомъ, свѣтломъ, благовонномъ, [4]
Гдѣ жизнь цвѣла, довольствъ полна;
Но плачъ, и тма, и тишина.

Увы! вотъ тотъ зеленый дубъ, [5]
Вкругъ коего на дернѣ тѣнь,
Цвѣты и запахъ злачныхъ купъ
Граждавъ отвсюду въ ясный день,
Какъ птицъ, сзывали для витанья;
Гдѣ игры, шутки, рѣзвость, смѣхъ
И дружества рукоплесканье
Звучало по слѣдамъ утѣхъ.

Увы! вотъ тотъ чертогъ,
Гдѣ зодчества, убранства вкусъ [6]
Вели всѣхъ зрителей въ восторгъ,
И гдѣ подъ сладкимъ пѣньемъ Музъ
Козловскаго плѣняли звуки; [7]
Гдѣ ты гостей, простерши руки,
Безъ всякихъ сборовъ и суетъ,
За дружескій сажалъ обѣдъ.

Увы! вотъ тотъ изящный храмъ,
Гдѣ купольный, тмозвѣздный сводъ
Осіявалъ изъ разныхъ странъ
Сбиравшійся къ тебѣ народъ;
Гдѣ ты угощевалъ Фелицу,
И Лель своихъ во пляскахъ жертвъ
Въ цвѣточную вязалъ плѣницу,
Гдѣ ты.... Ахъ! ты лежишь тутъ мертвъ?

Ты мертвъ! — и все прошло? Нѣтъ живъ,
Ты живъ въ сердцахъ твоихъ друзей.
Хотя печальный гробъ, сокрывъ,
Тебя лишилъ ихъ въ жизни сей;
Но ласкъ твоихъ и угощеній
Живутъ лучи въ воображеньи,
Живешь въ слезахъ блестящихъ ихъ
Ты ввѣкъ.—Се бисеръ чадъ твоихъ!

Придите, дѣвы юны, нѣжны,
Три Граціи, отрасли его!
И трупъ облобызавъ священный,
Оставленное отъ него
Въ приданство перло вы возьмите:
Въ немъ кладъ блаженства вамъ сокрытъ;
Гласъ добродушія внемлите;
Се дѣдъ изъ гроба говоритъ:

«Дѣла великія дивятъ,
Но зависть ихъ вокругъ шипитъ,
И добродѣтели темнятъ
Прекрасный часто страсти видъ;
Но кто ни родомъ, ни богатствомъ,
Ни знатнымъ чиномъ, а пріятствомъ
Себѣ почтенье заслужилъ,
Тотъ въ жизни и по смерти милъ.»

Такъ, смертный! зиждетъ лишь отцовъ
Благословенье, чадъ ихъ домъ;
А матернихъ проклятье словъ
Преобращаетъ все вверхъ дномъ:
Не ставь слезъ сирыхъ за игрушку.
Чужихъ стяжаній не желай;

Брось бѣдному въ кошель полушку,
И отвори себѣ тѣмъ рай.

Проходитъ наша жизнь, какъ мигъ;
Но видны и по насъ слѣды
Дѣлъ нашихъ, добрыхъ или злыхъ,
Какъ въ морѣ за кормой бразды.
Поставимъ же себѣ предметомъ,
Чтобъ съ симъ разлука наша свѣтомъ,
Какъ прямовидность средь садовъ,
Была наполнена цвѣтовъ.

---

(1) Сочинено въ С.-п.-бургѣ въ 1799 году.

(2) Подъ именемъ Алкида авторъ разумѣлъ Суворова, который тогда послѣ побѣдъ въ Италіи возвращался въ П.-бургъ.

(3) Въ Боровичахъ была деревня Суворова, гдѣ онъ находился въ 1796 году. Левъ Александровичъ Нарышкинъ былъ пріятель Суворову; въ послѣдствіи времени внука Нарышкина вышла замужъ за сына Суворова.

(4) У Льва Александровича былъ на Мойкѣ, за Поцѣлуевымъ мостомъ, родъ загороднаго дома, гдѣ онъ въ лѣтнее время давалъ праздники.

(5) Въ саду, предъ самымъ крыльцомъ, стоялъ большой тѣнистый, окруженный цвѣтущимъ дерномъ, дубъ, подъ коимъ въ лѣтній жаркій день прохлаждались и веселились гости Нарышкина. Этотъ дубъ существуетъ и донынѣ. Въ семъ домѣ, принадлежавшемъ потомъ Барону Раллю, помѣщается теперь Демидовскій Домъ Призрѣнія Бѣдныхъ Трудящихся.

(6) Посреди дома была великолѣпная галлерея прекрасной архитектуры.

(7) Козловскій, придворный капельмейстеръ, по случаю разныхъ праздниковъ, сочинялъ музыку для Нарышкина.

CLV.

МАНЕВРЫ. (¹)

Громовой упряжи, тучъ молненныхъ Правитель,
На ржущихъ бурями летающій коняхъ,
О, Геній браней! богъ героевъ, покровитель,
Живущій мужества въ сердцахъ!
Изъ вьющихся круговъ съ жерлъ мѣдныхъ, дыма, треска,
Съ бѣгущаго струей по тыну ружей блеска,
Склони угрюмый, грозный взоръ
На лирный слабый голосъ мой.

Ты научилъ Петра потѣхами, въ дни млады,
Разсадникъ насадить перуновъ и побѣдъ;
Румянцева—въ степяхъ водить гремящи грады;
Суворова — во сердце вредъ
Врагу вносить, какъ громъ, какъ молніи, штыками;
Флотъ Чичагова спасть отъ трехъ силъ между льдами;
А Круза — паруса въ отпоръ
Поднять Петрополю стѣной.

Ты мужество вливалъ герою молодому,
Безмѣрны высоты и бездны проходить;
Зрѣть съ скалъ на колыбель почіющаго грому,
По молніямъ полки водить;
И грудь порфирну скрывъ, нетрепетно эгидомъ

Разить средь Альповъ змѣй, съ полуночнымъ
Алкидомъ,
Чтобъ, браннымъ Святославомъ ставъ,
Свой взять соименитый градъ.

Монарху Сѣвера, давъ орлій духъ и смѣлость,
Какъ въ выспренность взлетать, какъ ниспу-
скаться въ долъ,
Вдыхай, вдыхай Ему науки бранной зрѣлость,
Какъ охранять ей царствъ престолъ.
Онъ, воевъ храбрыхъ грудь сплотя во тверды
стѣны,
Искусствомъ кажетъ вмигъ волшебныя пре-
мѣны:
То ихъ дѣля, то ихъ смѣшавъ.
Зоветъ съ нихъ огнь, и смерть, и адъ.

Встань, Цезарь, Ганнибалъ, Карлъ, Фрид-
рихъ, изъ могилы!
И изумленный взоръ изъ мрака бросьте свой
На движущіяся фаланговъ Россихъ силы,
На сей блестящій, красный строй!
И въ томъ признайтесь вы безъ самолюбья
страсти:
Чтобы вселенную своей подвергнуть власти,
То Діевъ только сынъ возмогъ
И можетъ развѣ Русскій Царь.

Такъ Александромъ бывъ, будь побѣдитель
свѣта,
О, исполиновъ вождь! Но не чрезъ брань и кровь,
А милосердіемъ и мудростью одѣта

Пусть будетъ мочь твоя — любовь.
Какъ Зевсъ, держи перунъ, и имъ сверкай по небу;
Но благотворному подобясь больше Фебу,
Свѣти на свѣтъ, какъ свѣта Богъ,
Миря грозой мятежну тварь! (²)

(¹) Писано въ деревнѣ автора, Званкѣ, въ 1805 году; напечатано въ С.-п.-бургскомъ Журналѣ.

(²) Авторъ думалъ, что по силѣ и пространству Россійской Имперіи ей нѣтъ нужды въ новыхъ завоеваніяхъ, и остается только мирить всѣ другіе воюющіе европейскіе народы.

CLVI.

ПОХОДЪ ОЗИРИДА. (¹)

Алое облако сходитъ,
Свѣтъ озлащающе весь:
Оку и слуху низводитъ
Блески и звуки небесъ.
Что за видѣнье!
Чувствъ упоенье
Душу влечетъ!
Новый ли идетъ на землю то годъ?

Или толь свѣтлаго вида
Духъ созерцательный мой
Юнаго вновь Озирида
Видитъ, какъ идетъ войной
Въ бой на гіенну,

Миромъ вселенну
Всю побѣдить,
Дней въ ней златыхъ сады насадить?

Въ слѣдъ его Музы
Идутъ, поютъ;
Вязь цвѣтовъ, узы,
Легку кладутъ
Цѣпь на народы,
Царствъ на главы,
Пней хороводы
Кочки, совы
Вкругъ ихъ толпятся
Счастья въ залогъ;
Сонмомъ ложатся
Подлѣ у ногъ.

Или то Фивъ лучезарный,
Милый богъ свѣта идетъ!
Стрѣлъ за спиной быстропарный
Тулъ онъ гремящихъ несетъ:
Двурожецъ въ рукахъ,
Огнь быстрый въ очахъ,
Гнѣвъ на челѣ;
Ищетъ Тифона онъ страшнаго въ мглѣ,

Видитъ—и вмигъ натягаетъ
Вервью кленову стрѣлу;
Вержетъ — и рогъ содрогаетъ
Воетъ струна — и во мглу
Лучъ улетаетъ,
Свищетъ, сверкаетъ,

Съ трескомъ разитъ
Грудь остріемъ, — сталь чешуйна звенитъ,

Кровь по хрупчату
Вьется песку;
Злобу зубату,
Адску тоску
Льетъ князь тмы зѣвомъ;
Крылья и хвостъ
Бьетъ, — и пыль съ ревомъ
Когтьми деретъ;
Ядъ потаенно
Блещетъ, шипитъ.
Фивъ зритъ презрѣнно;
Лукъ лишь гремитъ.

Или то Царь златокудрый,
Доблій мой Вождь, полубогъ,
Рождшись что — Сѣвера бури,
Въ люлькѣ, морозы возмогъ,
Дунувъ зефиромъ.
Воззря сапфиромъ,
Вмигъ укротить,
Красное солнце къ веснѣ возвратить?

Вѣрно онъ, съ Фивомъ толь схожій
Пурпуромъ, свѣтлымъ лицомъ,
Ростомъ, осанкой пригожій,
Бѣлымъ на шлемѣ перомъ, —
Онъ, кому геньи
Всѣ въ восхищеньи
Слили дары,
Я кого пѣлъ, — днесь ставитъ шатры!

Даждь ему Небо
Злость побѣдить,
Дланями Феба
Міръ умирить,
Силы вѣсами
Царства сравнять,
Домъ свой лучами
Славы обнять!
Я Полимнію
Въ ликъ соглашу;
Пѣсньми Россію
Всю освѣщу.

(1) Писано въ С.-п.-бургѣ въ 1805 году. Сочинено по случаю отъѣзда Императора Александра въ армію.

CLVII.

ГЛАСЪ

САНКТПЕТЕРБУРГСКАГО ОБЩЕСТВА. (1)

Небесъ зерцало, въ коемъ ясный
Мы видимъ отблескъ Божества,
О, Ангелъ нашихъ дней прекрасный!
Благаго образъ Существа! } (2)
Который, какъ весна, сапфиромъ
Глядитъ на насъ, дышитъ зефиромъ
И багряницей зарь, цвѣтовъ,
Отъ дальнихъ странъ благоухаетъ,

Насъ помнитъ, любитъ, утѣшаетъ,
Взаимну въ насъ родя любовь!

Любовь любимаго народа,
Се перло Царскаго вѣнца!
Не санъ, не клятва, не порода
Творятъ отечества отца, —
Любовь. Она всѣ царства зиждетъ:
Велитъ горѣ — и съ мѣста идетъ;
Речетъ — и тихнетъ шумъ морей.
Ты зришь днесь самъ на ратномъ полѣ,
Чѣмъ всѣхъ Царей Ты въ свѣтѣ болѣ
И чѣмъ народъ Твой всѣхъ храбрѣй.

Странъ чуждыхъ хвально чтить искусство,
И, ихъ любя, благотворить;
Но Росса сердце, сына чувство,
Отецъ! чѣмъ можешь замѣнить? —
Пусть предаютъ полки тамъ грады;
Но мы, мы всѣ Тебѣ ограды: [3]
Ты только будь у насъ главой.
Какъ Богъ, въ подобьи исполина,
Шагни, — и свѣта половина
Другая будетъ подъ Тобой.

Мы слышимъ, полнъ къ Тебѣ любовью,
Летитъ тамъ Россъ на трубный гласъ,
И увѣньчался уже кровью,
Но дѣти есть еще у насъ:
Возьми ихъ всѣхъ и насъ на жертву,
И прежде Ты Россію мертву
Узришь всю трупомъ предъ Собой,
Чѣмъ измѣнимъ Тебѣ и Вѣрѣ;

Смѣняемъ Оримъ, польстя химерѣ,
Отцевъ съ доскою гробовой.

Пусть вождь, тиранъ тамъ гордый, бранный,
Средь хитростей своихъ, коварствъ,
Куетъ мечи и умыслъ тайный
Плететъ на плѣнъ сосѣднихъ царствъ;
Но Ты, владѣтель бывъ полсвѣта,
Благотворящая планета
Обширныхъ странъ и тмы сердецъ,
Не посягнешь безъ нуждъ на брани:
Тебѣ пріятнѣе нѣтъ дани,
Какъ миротворческій вѣнецъ.

Коль подвигъ славенъ, благороденъ,
Чтобы враждующихъ смирять!
Но коль великъ, благоподобенъ,
Чтобъ царства падши поднимать! —
Посредникъ плачущей Европы!
Отъ Чукчей въ знойны Еѳіопы,
Какъ огнь, сверкнетъ Твой славы громъ,
Мы видимъ: небо растворилось
И надъ Петрополемъ явилось
Царей сословье, звѣздный сонмъ.

Межъ ними Петръ, Екатерина.
(О, Россамъ радостный соборъ!)
«Благопріятна Намъ судьбина»
Петръ рекъ, къ нимъ осклабляя взоръ:
«Трудовъ Мы сколько прилагали,
Чтобъ Европейцы насъ узнали
И допускали въ ихъ союзъ:
Теперь Праправнукъ торжествуетъ,

Простоламъ равный вѣсъ даруетъ,
И бережетъ ихъ вѣсъ отъ узъ.»

Какъ святъ восторгъ душъ горнихъ, радость,
Что видятъ насъ на сей чредѣ!
Подруга истины есть храбрость,
Мзда добродѣтель по трудѣ.
Они насъ всѣ благословляютъ,
Во Александра духъ вливаютъ
Миръ общій, вѣчный, міру дать.
Цари колѣна преклоняютъ,
Народы, царства прибѣгаютъ
Стопы спасителя лобзать.

Россія нынѣ, какъ невѣста
Ждетъ съ брачнымъ жениха вѣнцемъ,
Повсюду ищетъ время, мѣста,
Чтобы навѣдаться о Немъ:
То клонитъ слухъ, то выситъ взоры,
То всходитъ на высоки горы
Зрѣть солнца своего восходъ,
Тебя такъ Сѣверъ ожидаетъ,
Твоей блескъ тѣни примѣчаетъ:
Прійди Свой радовать народъ!

Предстань, Любезнѣйшій, народу, } (4)
Какъ рекъ, любезному Тебѣ;
Воздвигни къ торжеству природу
Ты всю во срѣтенье Себѣ:
Ѳимьямы въ храмахъ воскурятся,
Чертоги славой озарятся,
И нашъ воспламенится духъ.
О, еслибъ въявь онъ засвѣтился!

Въ подобномъ блескѣ бъ Ты явился,
Какъ Тотъ, Кто правитъ солнцевъ кругъ.

(¹) Писано въ С.-п.-бургѣ въ 1805, напечатано въ первый разъ въ 1807 году.

(²) Сіи стихи были написаны по случаю Высочайшаго милостиваго рескрипта С.-п.-бургскому Военному Генералъ-Губернатору Вязмитинову, за усердные отзывы и добрыя желанія успѣховъ въ военныхъ дѣйствіяхъ Его Величества.

(³) Носился слухъ, будто бы Австрійцы добровольно сдавали города Французамъ.

(⁴) Въ рескриптѣ сказано было: *Любезному Моему народу*.

CLVIII.

ЭРОДІЙ

НАДЪ ГРОБОМЪ ПРАВЕДНИЦЫ. (¹)

Въ далекой, но единовѣрной, (²)
Паритъ Эродій мой, странѣ;
Унылый, жалобный, плачевной
Его кликъ огнь льетъ въ сердце мнѣ.
Что за восторгъ благочестивый,
О, врагъ зміевъ храмолюбивый!
Вздыхаетъ мнѣ сей твой полетъ?
Я вижу за волнами волны,
Славяно-Россовъ родъ сокровный,
Какъ сонмы водъ, течетъ въ твой слѣдъ.

Я вижу нѣкую, простую (³)
И неизвѣстну въ свѣтѣ весь, —

Надъ малой церковью тѣнь густую,
Вокругъ нависшій юный лѣсъ
Оливъ, миртъ, лавровъ благовонныхъ, —
И пѣсней сладостныхъ, духовныхъ
Тамъ тихій раздается стонъ;
Но златомъ не горда гробница. (4)
Се что? — Не скрыта ль тутъ Царица,
Сіявшая въ лучахъ коронъ?

Нѣтъ! — Ангелъ тутъ уснулъ тѣлесный,
Сотрясшій тлѣна суеты,
Добротъ прозябшій кринъ небесный
Души и тѣла красоты,
Предъ коимъ всѣ сіянья міра,
Богатства, почести, порфира,
Какъ предъ луною мрачна дебрь.
Зри: блещетъ весь, цвѣтетъ пустыня;
Почіетъ въ Богѣ тутъ богиня,
Жена, Сестра Монарха, Дщерь!

И запахъ льетъ ужъ лавръ зеленый
Во знакъ побѣды красотой;
Оливы — нравы что смиренны;
А мирты — что любви душой
Къ Супругу Своему горѣла,
Сердцами подданныхъ владѣла;
А тѣсный храмъ — чтобъ въ твердь неслись
Молитвы изъ него лишь вѣрныхъ,
Не слышались бы лицемѣрныхъ,
И волки съ агнцы не паслись. (5)

Прочь, Фурья зависти, отъ гроба (6)
Блаженной, и не смѣй взглянуть

Ты на него, когда внутрь злоба
Твою терзаетъ тайно грудь!
Вождь: Ангелъ, въ небо возносяся,
Со облакъ долу преклоняся,
Простивъ тебя, благословитъ;
На Матерь склабясь, Сестръ и Братьевъ,
Средь Бабки и Отца объятьевъ,
Отмщать за грѣхъ твой не велитъ.

Теките жъ къ праведницы гробу,
О, Влахъ и Сербъ, близнецъ Славянъ!
И, презря сокровенну злобу,
Ея лобзайте истуканъ,
Клянясь предъ Всемогущимъ Богомъ,
Симъ намъ и вамъ святымъ залогомъ,
Что нѣкогда предъ нимъ вашъ мечъ
Въ защиту Вѣры обнажится;
Чрезъ рвы и горы устремится
Васъ къ стаду нашему привлечь.

Какъ урны глиняны, скудельны,
На круговратной зиждясь дскѣ,
И зданья, буйно вознесенны
На рыхлосыпчатомъ пескѣ:
Такъ точно всѣ черезъ коварства
Распространившіяся царства
И козньми славныя страны
Въ коротко время разрушатся,
Страстьми своими сокрушатся,
И слѣдъ ихъ будетъ мѣстомъ тмы.

Займутъ престолъ Цари другіе;
Ихъ скиптры къ ихъ врагамъ прейдутъ;

Замышленные ковы злые
На ихъ самихъ главы падутъ;
Расторгнется и возмутится,
Въ пустыняхъ дикихъ водворится
Обманчивый, невѣрный родъ;
Но честь и вѣрность сохраняй,
По правдѣ, Вѣрѣ побораяй,
Великъ всегда, блаженъ народъ!

Великъ, кто на войнѣ кровавой
Стоялъ, неустрашимъ душой;
Одинъ противу тмы за славой
Лѣтелъ — и умеръ, какъ герой!
Великъ, кто въ узахъ и въ неволѣ
Былъ столь же твердъ какъ ратномъ полѣ,
И предъ тираномъ ницъ не легъ;
На даръ, на ласки негодуя,
Надъ гладомъ, жаждой торжествуя,
Отечеству быть вѣрнымъ могъ.

Вы видѣли при Остерлицахъ,
Въ чьихъ адъ и въ чьихъ былъ Богъ сердцахъ!
На вашихъ люта смерь границахъ,
Побѣду вѣся на вѣсахъ,
Едва ль кому вѣнецъ вручила;
Но Сѣвера не пала сила,
Ни Вѣра, ни любовь къ Царямъ;
Врожденно Русскимъ есть геройство,
И ваше намъ подобно свойство;
Однимъ бы солнцемъ грѣться намъ!

Не раздѣляетъ тѣхъ пространство,
Въ комъ кровь, и умъ, и духъ одинъ:

Славяно-Русско-С..... Царство
Одинъ со В..... исполинъ;
И праведны ли тѣ уставы,
Чтобъ насъ лишать одной державы?
Межъ братьевъ нерушимъ союзъ:
Гробъ А...... вкругъ цвѣтами
Осыпавъ и оплакавъ съ нами,
Еще ли вы средь чуждыхъ узъ?

По утру сребряно-огнисты
Какъ блещутъ капли на цвѣтахъ,
Ея духъ въ радугахъ, зрю, чистый,
Сверкнувъ М...... на поляхъ,
Сраженья мѣсто посѣщаетъ,
Надъ Россовъ тѣхъ костьми вздыхаетъ,
Кто мужественно пролилъ кровь,
И, осыпая ихъ росами,
Зритъ свѣтлыми на васъ зарями,
Что вы являли къ намъ любовь.

Мы не забудемъ благодарность
И чувствъ нѣжнѣйшей дружбы къ вамъ;
Ни время не затмитъ, ни дальность,
Благодѣяній вашихъ намъ:
Извѣстны матери, какъ въ раны
Ихъ чадъ вы тщились лить бальзамы
И огнь устъ влагой утолять;
Отцы — какъ души ободряли
Младыхъ героевъ, и внушали
За славу бѣдства презирать.

Храмъ, твердымъ мужемъ сооруженный,
И благочестія алтарь,

Правдивой Вѣрой озаренный!
Стой всѣхъ до померцанья зарь
Подобно неподвижну холму,
И къ святу Праведницы дому
Любящихъ святость собирай:
Ты жъ, стражъ его, Музъ другъ, М......!
О, житель В...... и сынъ Россій!
Единомысліе вперяй.

---

(1) Сочинено въ С.-п.-бургѣ въ 1807 году.

(2) Эродій или аистъ — символъ благочестія. Птица сія вьетъ гнѣздно на высокихъ деревьяхъ и на церквахъ; питается змѣями и потому названа врагомъ ихъ.

(3) Въ Венгріи неподалеку отъ одной маленькой деревни, у построенной небольшой церкви, обсаженной вокругъ оливами и миртами, погребена бывшая Россійская Великая Княжна Александра Павловна, супруга Палатина, Эрцъ-Герцога Австрійскаго.

(4) Эрцъ-Герцогиня погребена въ самомъ простомъ гробѣ, безъ всякаго великолѣпія.

(5) Подъ симъ стихомъ разумѣются два народа, Австрійцы и Венгерцы разныхъ исповѣданій. Венгерцы, приверженные къ Александрѣ Павловнѣ, послѣ смерти Ея часто приходили поклоняться Ея праху. Говорили тогда, что церковь нарочно была построена небольшая, чтобы Венгерцы не стекались въ нее въ значительномъ числѣ и не утверждались въ своей вѣрѣ.

(6) Носилась молва, что общая привязанность Венгерцовъ къ Эрцъ-Герцогинѣ возбудила опасеніе, чтобы, по участію Россіи въ супругѣ Палатина, Венгрія не отдѣлилась и не сдѣлалась особымъ королевствомъ, и что огорченія, претерпѣваемыя Эрцъ-Герцогинею въ семъ отношеніи, разстроили Ея здоровье, а наконецъ прекратили и жизнь Ея.

CLIX.

Х О Р Ы.

—

1.

НА ШВЕДСКІЙ МИРЪ.

—

Орлы и львы соединились: (2)
Героевъ храбрыхъ полкъ возросъ;
Съ громами громы помирились:
Поцѣловался съ Шведомъ Россъ.

Сіяньемъ, Сѣверъ, украшайся!
Блистай, Петровъ и Карловъ Домъ!
Екатерина, утѣшайся,
Подъ лаврами, оливъ плодомъ!

Да будетъ днесь благословенна
Двухъ Сѣверныхъ Державъ чета,
Союзомъ вѣчнымъ сопряженна,
И дружба ихъ вовѣкъ свята.

Сіяньемъ, Сѣверъ, украшайся!
Блистай, Петровъ и Карловъ Домъ!
Екатерина, утѣшайся,
Подъ лаврами, оливъ плодомъ!

Раздоръ и злоба, удалися:
По браняхъ царствуй, тишина;
Съ геройствомъ нѣжность обоймися,
И водворись въ зимѣ весна!

Сіяньемъ, Сѣверъ, украшайся!
Блистай, Петровъ и Карловъ Домъ!
Екатерина, утѣшайся,
Подъ лаврами, оливъ плодомъ!

(1) Сочинено въ С.-п.-бургѣ въ 1790 году.
(2) Орелъ, гербъ Россійской Имперіи, а левъ, гербъ Швеціи, означаютъ здѣсь Русскій и Шведскій народы.
(3) Потомство Петра Великаго и Карла XII.

CLX.

II.

НА КОРОНАЦІЮ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I. (1)

Что такъ орлы высокопарны
Подъ небомъ вьются? — Плескъ и звонъ!
Во храмѣ Божьемъ лучезарный
Блескъ видимъ Царскихъ двухъ коронъ.

Луна ли съ солнцемъ совмѣстились?
Въ плоти ль два Ангела явились?

Се Александръ, Елисавета,—
Красотъ возможныхъ образецъ!
Онъ — обладатель душъ, полсвѣта,
Она — владычица сердецъ.

Съ восторгомъ зритъ на нихъ Марія
И восхищенная Россія.

Съ восторгомъ зримъ и мы; сердечны
Молитвы льемъ предъ алтаремъ:
Да будутъ дни Ихъ свѣтлы, вѣчны,
И юнымъ славны мы Царемъ:

Какъ солнце, міръ обнявъ лучами,
Такъ Онъ, какъ Богъ, да правитъ нами!

(¹) Сочинено въ Москвѣ въ 1801 году.

CLXI.

III.

НА ТОТЪ ЖЕ СЛУЧАЙ.

Росскими летитъ странами
На златыхъ крылахъ молва;
Солнца новаго лучами
Освѣщается Москва.

Александръ, Елисавета!
Восхищаете Вы насъ.

Облеченныхъ во порфиру,
Видя въ Царскихъ Васъ вѣнцахъ,
Радость нашу кажутъ міру
Наши души на очахъ.

Александръ, Елисавета!
Восхищаете Вы насъ.

Если бъ можно было взоры
Кинуть въ наши Вамъ сердца,

Вы бы зрѣли чадъ соборы
Окружавшихъ Мать, Отца.

Александръ, Елисавета!
Восхищаете Вы насъ?

Коль Россія вся дивится
Вашимъ нравамъ и красѣ:
Свѣтомъ всѣмъ боготвориться
Должно Вамъ, коль любятъ всѣ.

Александръ, Елисавета!
Восхищаете Вы насъ.

Видимъ мы уже породу
Божеску изъ Вашихъ дѣлъ:
Отдаёте Вы свободу;
Страхъ и ужасъ отлетѣлъ.

Александръ, Елисавета!
Восхищаете Вы насъ.

Будьте, Ангелы, вѣкъ съ нами,
Знавъ сердцами обладать!
Ихъ обвивъ любви цвѣтами,
Вы могли насъ привязать.

Александръ, Елисавета!
Восхищаете Вы насъ.

CXLI.

НА ВСЕРАДОСТНОЕ РОЖДЕНІЕ
ГОСУДАРЫНИ ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ
ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ.

4-го Ноября 1806. (¹)

—

Склоненной лаврами главой
Воспрянь, Россія, отъ мечтаній,
И щитъ взложа на грудь, лукъ въ длани
Пріявъ, возстань, оставь покой,
И, доблести горя восторгомъ,
Или, водима правды Богомъ,
На брань, какъ на торжественъ пиръ!
Се счастлива межъ звѣздъ планета,
Родилася Елисавета, —
И мечъ твой дасть Европѣ миръ.

Когда Авроры алый перстъ
Востока отворяетъ двери,
И солнцевъ конь изъ синей дебри
Вмигъ скачетъ чрезъ безмѣрность мѣстъ:
Царь звѣздъ златитъ лице вселенны.
Такъ духъ мой, днемъ симъ возбужденный,
Зарю Царевны пѣть летитъ.
О свѣтлой радости и новой!
Дщерь соименную Петровой
Россіи Александръ даритъ!

Вообразивъ моей весны
Цвѣтущія, младыя лѣта,

Какъ скипетромъ Елисавета
Намъ разсыпала свѣтлы дни,
Какъ страху Божью поучались,
Мы въ правдѣ, Вѣрѣ укрѣплялись,
Любили съ трепетомъ Царей:
Мои обрадованны взоры
Поющихъ дѣвъ и юношъ хоры
Тамъ зрятъ средъ злачныхъ нивъ полей.

О, сколь красотъ, пріятствъ, добротъ!
Какіе честны, тверды нравы!
Любовь къ отечеству, духъ славы!
Россъ и тогда былъ Царствъ оплотъ:
Кто смѣлъ коснуться исполина?
Главу его Екатерина
Еще превыше вознесла.
Да будутъ дни благословенны
Такъ и рожденныя Царевны,
Чтобъ Отча въ Ней душа цвѣла,

Умъ кроткой Матери и нравъ,
Чтобъ Ангелъ въ Ней на свѣтъ явился,
Съ Маріей въ благости сравнился,
Сиротъ и вдовъ богиней ставъ.
Какіе раздаются клики,
Отъ Бельта до Камчатки лики,
При имени Елисаветъ!
Встрѣчая въ Ней прошедше время
Печать всѣхъ благъ, красу Эдема,
Силъ описать не достаетъ.

Пеленъ, Хариты, станьте вкругъ;
Премудрость, сядь близъ колыбели,

И вѣкъ се чтобъ Музы пѣли,
Вдыхайте Ей къ нимъ вкусъ и духъ;
А днесь была звѣздой чтобъ славы,
Какъ у Непрядвы и Полтавы
Мы стерли сопостатовъ рогъ.
Она лишь только улыбнется,—
Отъ Александра громъ прострется,
Предъидетъ Россамъ въ браняхъ Богъ.

(¹) Сочинено въ С.-п.-бургѣ въ 1806 году.

CXLIIII.

НА РОЖДЕНІЕ ЦАРИЦЫ ГРЕМИСЛАВЫ.

Л. А. Нарышкину.

Живи, и жить давай другимъ, } (²)
Но только не на счетъ другаго;
Всегда доволенъ будь своимъ,
Не трогай ничего чужаго:
Вотъ правило, стезя прямая,
Для счастья каждаго и всѣхъ!

Нарышкинъ! коль и ты привѣтствомъ
Къ веселью всѣмъ твой домъ открылъ,
Такимъ любезнымъ, скромнымъ средствомъ
Богатыхъ съ бѣдными сравнилъ:

Прехвальна жизнь твоя такая.
Блаженъ творецъ людскихъ утѣхъ!

Пускай богачъ тамъ, по разсчету
Назнача день, зоветъ гостей;
Златой родни, кліентовъ роту
Прибавить пышности своей;
Пускай они, предъ нимъ ставъ строемъ,
Кадятъ, вздыхаютъ — и молчатъ;

Но мнѣ пріятно тамъ откушать,
Гдѣ дружескій, незапный столъ; (3)
Гдѣ можно говорить и слушать
Тара-бара, про хлѣбъ и соль;
Гдѣ гость хозяина покоемъ,
Хозяинъ гостемъ дорожатъ;

Гдѣ скука и тоска забыта,
Семья учтива, не шумна;
Важна хозяйка, домовита, (4)
Досужа, ласкова, умна;
Гдѣ лишь пріязнью, хлѣбосольствомъ
И взоромъ ищутъ угождать.

Что нужды мнѣ, кто по паркету
Подъ часъ и кубари спускалъ;
Смотрѣлъ въ толкучемъ рынкѣ свѣту,
Народны мысли замѣчалъ
И могъ при случаѣ посольствомъ,
Перомъ и шпагою блистать! (5)

Что нужды мнѣ, кто все, зефиромъ
Съ цвѣтка лишь на цвѣтокъ летя,
Доволенъ былъ собою, міромъ,

Шутилъ, рѣзвился, какъ дитя;
Но если онъ съ толь легкимъ нравомъ
Всегда былъ добрый человѣкъ,

Всегда жилъ весело, пріятно
И не гонялся за мечтой;
Жалѣлъ о тѣхъ, кто жилъ развратно,
Плясалъ и самъ подъ тонъ чужой:
Хвалю тебя, — ты въ смыслѣ здравомъ
Пресчастливо провелъ свой вѣкъ.

Какой театръ, какъ всю вселенну,
Ядущихъ и ядому тварь,
За твой я вижу столъ вмѣщенну!
И ты сидишь, какъ Сирскій Царь,
Въ соборѣ цѣлыя природы;
Въ семьѣ твоей — какъ Авраамъ!

Оставя короли престолы
И ханы — у тебя гостятъ: (6)
Киргизцы, Нѣмчики, Моголы
Салму и соусы ѣдятъ: (7)
Какіе разные народы,
Языкъ, одежда, лица, станъ!

Какой предметъ, какъ на качеляхъ
Предъ домъ твой соберется чернь, (8)
На свѣтлыхъ праздничныхъ недѣляхъ,
Вертится въ воздухѣ весь день!
Покрыта площадь пестротою!
Чепцовъ и шапокъ милліонъ!

Какой восторгъ! — Какъ все играетъ,
Все скачетъ, пляшетъ и поетъ;

Все въ улицѣ твоей гуляетъ,
Кричитъ, смѣется, ѣстъ и пьетъ!
И ты, народной сей толпою
Такъ веселъ, гордъ, какъ Соломонъ!

Блаженъ и мудръ, кто въ ближнихъ ставитъ
Блаженство купно и свое,
Свою по вѣтру лодку правитъ,
И непорочно житіе
О камень золъ не разбиваетъ
И къ пристани безъ бурь плыветъ!

Левъ именемъ — звѣриный царь,
Ты родомъ — богатырь, сынъ барской;
Ты сердцемъ — стольникъ, хлѣбодаръ;
Ты должностью — конюшій Царской;
Твой домъ утѣхой расцвѣтаетъ
И всякъ подъ тѣнь его идетъ.

Идутъ прохладой насладиться,
Музыкой душу напитать;
То тѣмъ, то симъ повеселиться;
Въ бостонъ и въ шашки поиграть;
И словомъ: радость всю, забаву
Столицы ты къ себѣ вмѣстилъ.

Бывало, даже сами боги,
Наскуча жить въ своемъ раю,
Оставя радужны чертоги,
Заходятъ въ храмину твою:
О! если бъ ты и Гремиславу } (9)
Къ себѣ Царицу заманилъ, }

И Ей въ забаву, хоть тихонько,
Осмѣлился въ ушко сказать:
«Кто вѣкъ провелъ столь славно, громко, (10)
Тотъ можетъ въ праздникъ погулять,
И зрѣть людей блаженныхъ чувство
Въ Ея пресвѣтло рождество!»

Въ цвѣтахъ другой нѣтъ розы въ мірѣ: (11)
Такой Царицы міръ не зритъ!
Любовь и власть въ Ея порфирѣ
Благоухаетъ и страшитъ.
Такъ знаетъ царствовать искусство
Лишь въ Гремиславѣ — Божество.

---

(1) Сочинено въ П.-бургѣ въ 1796 году.

(2) Первый изъ сихъ стиховъ былъ пословицею Государыни Екатерины Великой и правиломъ Ея царствованія. Авторъ прибавилъ: *но только не на счетъ другаго*, подразумѣвая, чтобъ не безпрестанно заниматься войною.

(3) Левъ Александровичъ очень любилъ, чтобы къ нему пріѣзжали обѣдать незваные.

(4) Супруга его управляла домашнимъ хозяйствомъ и онъ получалъ отъ нея по рублю въ день на свои забавы.

(5) Онъ былъ весьма остроуменъ, смѣтливъ и еслибъ не вдался въ однѣ забавы, могъ бы быть хорошимъ министромъ или генераломъ.

(6) Посѣщавшіе Екатерину II, Императоръ Іосифъ, Короли Прусскій и Шведскій, Герцоги и Принцы и въ послѣднее время Графъ Д'Артуа, также и Ханы, и проч. пріѣзжавшіе въ столицу, у него бывали и обѣдывали.

(7) Сальма — Татарское блюдо.

(8) Предъ домомъ его на Святой обыкновенно ставили качели для народа; Левъ Александровичъ упрашивалъ, чтобъ качели были непремѣнно противъ его дома.

(9) Императрица названа здѣсь *Гремиславой* потому,

что название «Фелицы», употребляемое автором въ забавныхъ сочиненіяхъ, другіе стихотворцы уже употребляли во всякихъ сочиненіяхъ, гдѣ было какое нибудь отношеніе къ Государынѣ. Имя Екатерины авторъ употреблялъ только въ сочиненіяхъ важныхъ, а въ забавныхъ находилъ приличнѣе называть Императрицу иносказательными и аллегорическими именами.

Заманить Гремиславу на праздникъ авторъ совѣтовалъ въ день Ея рожденія, то есть: 21-го апрѣля, когда была писана сія ода.

([10]) Здѣсь выразилось какъ бы предчувствіе, что сей годъ былъ Ея послѣдній. Екатерина была уже при концѣ своего лучезарнаго поприща.

([11]) Поляки, по возвращеніи имъ Варшавы, выбили въ семъ году медаль, на одной сторонѣ которой изобразили портретъ Императрицы, а на другой розу съ иглами и съ надписью: «*Благоухаетъ и страшитъ*.»

CLXIV.

НА ОТПРАВЛЕНІЕ ВЪ АРМІЮ ФЕЛЬДМАРШАЛА ГРАФА КАМЕНСКАГО

НОЯБРЯ 1806 ГОДА. ([1])

—

Взлетѣлъ маститый Орлъ, паритъ,
Ширяется межъ звѣздъ крылами:
Свистъ бурь, блескъ молній подъ когтями, —
И змѣй, во мглѣ клубясь, шипитъ.
Оставшій мечъ Екатерины,
Булатъ, обдержанный въ бояхъ,
Каменскій! ты полки орлины
Ведешь на брань, — и Галлу страхъ.

Иди! иди! предходитъ Богъ
Передъ хоругвью Александра
И пламень жруща Саламандра
Онъ въ прахъ твоихъ повергнетъ ногъ.
Суворовъ былъ водимъ тожъ Богомъ
И разженялъ враговъ онъ тму:
Я, вдохновенный Музъ восторгомъ,
Побѣды предвѣщалъ ему.

Такъ, вышней силой я держусь: (²)
Ты именемъ и духомъ камень, (³)
Холодностью угасишь пламень;
Сразись! — и я не постыжусь.
Отечество стыдомъ не кроя
(Нашъ Царь его не долженъ несть),
Дерзай, мужъ, избранный въ героя,
Ты Россъ! — побѣда, или смерть!

Побѣда! — лавръ твой съ сѣдиной
Младымъ птенцамъ явитъ путь къ славѣ,
Лучъ Александровой Державѣ
И дастъ Европѣ онъ покой.
О, Россы! вы не посрамитесь:
Природный васъ днесь вождь ведетъ;
Во блескѣ новомъ вы явитесь:
Вѣнцы за правду Небо шлетъ.

(¹) Сочинено въ С.-п.-бургѣ въ 1806 году.

(²) Надпись на печати Державина, данная Государемъ Павломъ.

(³) Каменскій въ сраженіи былъ весьма холоденъ и не терялъ духа въ опасности.

CLXV.

ПЕРСЕЙ И АНДРОМЕДА. (¹)

Прикованна цѣпьми къ утесистой скалѣ,
Огромной, каменной, досягшей тверди звѣздной,
Нахмуренной надъ бездной,
Средь яра рева волнъ, въ ночи, во тмѣ, во мглѣ,
Напасти, Андромеда, жертва,
По вѣтру распустя власы,
Трепещуща, блѣдна, чуть дышаща, полмертва,
Лишенная красы,
На небо тусклый взоръ вперя, ломая персты,
Себѣ ждетъ скорой смерти;
Лія потоки слезъ, въ рыданіи стенетъ
И тако вопіетъ:

«Ахъ! кто спасетъ несчастну?
Кто гибель отвратитъ?
Прогонитъ смерть ужасну,
Которая грозитъ?

«Чье мужество, чья сила,
Чрезъ мечъ и крѣпкій лукъ,
Покой мнѣ возвратила
И оживила бъ духъ?

«Увы! мнѣ нѣтъ помоги,
Надеждъ, отрады нѣтъ;
Прогнѣвалися боги;
Скрежеща, рокъ идетъ.

«Чудовище.... Ахъ! вскорѣ
Сверкнетъ зубовъ коса.
О, горе мнѣ! о, горе!
Избавьте, Небеса!» —

Но Небеса къ ея моленію несклонны.
На скачущи вокругъ сѣдыя, шумны волны,
Змѣями молніи летя изъ мрачныхъ тучъ,
Жгутъ воздухъ, пламенемъ горючь,
И рдяньмъ заревомъ понтъ синій обагряютъ;
За громомъ громы ударяютъ,
Освѣчивая въ тмѣ бездонну ада дверь,
Изъ коей дивій волъ, иль преисподній звѣрь
Стальночешуйчатый, крылатый,
Сернокогтистый, двурогатый,
Съ наполненнымъ зубовъ ножей, разверстымъ ртомъ,
Стоящимъ на хребтѣ щетиннымъ тростникомъ,
Съ горящими, какъ угль, кровавыми глазами,
Отъ коихъ по водамъ огнь стелется струями,
Между раздавшихся воспѣненныхъ валовъ,
Какъ островъ между стѣнъ, межъ синихъ льда бугровъ
Возсталъ, плыветъ, на брегъ заноситъ лапы мшисты,
Колеблетъ холмъ кремнистый
Прикосновеніемъ однимъ.
Прочь ропщущи бѣгутъ гнетомы волны имъ.

Печальная страна
Вокругъ молчитъ;
Изъ облаковъ луна

Чуть-чуть глядитъ;
Чуть дышатъ вѣтерки;
Чуть слышенъ стонъ
Царевниной тоски
Сквозь смертный сонъ;
Никто ей не дерзаетъ
Защитой быть:
Чудовище зіяетъ,
Идетъ сглотить.

Но внемлетъ плачъ и стонъ Зевесъ
Вездѣ безъ помощи несчастныхъ.
Вскрылъ вѣжды онъ очесъ
И всемогущій скиптръ судебъ всевластныхъ
Подъялъ. — И се герой
Съ Олимпа на конѣ крылатомъ,
Какъ быстро облако, блестяще златомъ,
Летитъ на долъ, на бой,
Избавить страждущую дѣву.
Уже не внемлетъ онъ его гортани реву,
Ни свисту бурныхъ крылъ, ни зареву очей,
Ни ужасу роговъ, ни остротѣ когтей,
Ни жалу, издали смертельный ядъ точащу,
Все въ трепетъ приводящу;
Но свѣтлы звѣзды какъ чрезъ сине не борѣя,
Такъ стрѣлы быстрыя, копье стремитъ на змѣя.

Частая сѣча меча
Сильна могуща плеча,
Стали о плиты стуча,
Ночью блеща какъ свѣча,

Эхо за эхами мча,
Гулы сугубитъ, звуча.

Ужъ чувствуетъ Драконъ, что силъ его превыше
Небесна воя мочь:
Онъ становится будто тише
И удаляется коварно прочь;
Но, кольцами склубясь, вдругъ съ яростію злою,
О бездны оперпшись изгибистымъ хвостомъ,
До звѣздъ возставъ, какъ дубъ, вѣтвистою главою,
Онъ сердце раздробить рогатымъ адскимъ лбомъ
У витязя мечтаетъ;
Бросается, — и вспять отъ молній упадаетъ
Священнаго меча,
Чуть движа по землѣ свой трупъ, въ крови влача.
Отъ воя звѣря вкругъ вздрогнули черны враны:
Шумитъ ихъ въ дебряхъ крикъ; сокрыло море раны!
Но чермна кровь его по пѣннымъ водъ буграмъ,
Какъ рдяный блескъ видна пожара по снѣгамъ.

Вздохи и стоны Царевны
Сердца ужъ больше не жмутъ;
Трубятъ тритоны, сирены,
Музы и нимфы поютъ;
Вольность поютъ Андромеды,
Храбрость Персея гласятъ;
Плескъ ихъ и звукъ про побѣды
Холмы и долы твердятъ:

«Побѣда! побѣда!
Жива Андромеда!
Живи, о Персей,
Вѣкъ славой твоей!».—

Не зримъ ли образа въ Европѣ Андромеды,
Во Россѣ бранный духъ, Персея славны слѣды,
Въ губителѣ мы баснь живаго Саламандра,
Ненасытима кровью?
Во плоти божества — могуща Александра?
Полнъ милосердіемъ, къ отечеству любовью,
Онъ рекъ: «Когда еще злодѣю попущу,
Я Царства Моего пространна не сыщу,
И честолюбію вселенной не достанетъ.
Лети, орелъ! да громъ Мой грянетъ!» —

Грянулъ межъ Бельта заливовъ,
Вислы и Шпреи бреговъ;
Галлы средь жаркихъ порывовъ
Зрѣли, духъ Русскихъ каковъ!
Знайте, языки, страшна колосса:
Съ нами Богъ, съ нами; чтите всѣ Росса!

Весело Россъ проливаетъ
Кровь за законъ и Царя;
Страха въ бою онъ не знаетъ,
Къ нимъ лишь любовью горя.
Знайте, языки, страшна колосса:
Съ нами Богъ, съ нами; чтите всѣ Росса!

Россъ добродѣтель и славу
Чтитъ лишь наградой своей;

Трудъ и походы въ забаву;
Ищетъ побѣдъ, иль смертей.
Знайте, языки, страшна колосса:
Съ нами Богъ, съ нами; чтите всѣ Росса!

Жизнь тѣхъ прославимъ полезну,
Кто суть отчизны щитомъ:
Слава Монарху любезну!
Слава тебѣ, Бенингсонъ! ([2])
Знайте, языки, страшна колосса:
Съ нами Богъ, съ нами; чтите всѣ Росса!

Повѣся шлемъ на мечъ, имъ въ землю водруженной, ([3])
Предъ воинства лицемъ хвалу Творцу вселенной,
Колѣно преклоня, съ простертьемъ рукъ, воспѣлъ
На мѣстѣ брани вождь: — въ Россіи громъ взгремѣлъ!

([1]) Сочинено въ С.-п.-бургѣ въ 1806 году.

([2]) Бенингсенъ, Генералъ, командовавшій въ Прейсишъ-Ейлаускомъ сраженіи.

([3]) По одержаніи побѣды Бенингсенъ, воткнувъ шпагу въ землю и утвердивъ на барабанѣ крестъ, приказалъ въ виду арміи, стоявшей въ парадѣ, служить молебенъ и во все время служенія стоялъ на колѣнахъ.

CLXVI.

НА ВЫСТУПЛЕНІЕ КОРПУСА ГВАРДІИ ВЪ ПОХОДЪ. (¹)

—

Громовая стрѣла,
Лучъ молньи быстропарной,
Подобіе орла —
О, духъ Россіи бранной!
Простряся быстрыми крылами
Средь мразовъ, бурь, между снѣгами,
Лети предъ строемъ Александра,
Лети, и — грянь на Саламандра;

Греми, рази ехиднъ
Илектра на волнахъ;
Освободи Берлинъ,
Лежащій во зміяхъ,
Обвившихъ вкругъ его все тѣло.
Твое, тебя достойно дѣло
Плесть лавръ себѣ изъ новой славы,
Къ улыбкѣ Витязя Полтавы.

Такъ Петръ тронъ Прусскій взнесъ
И царствъ въ чреду поставилъ;
Знакъ перстомъ далъ съ небесъ,
Праправнукъ чтобъ избавилъ
Отъ жрущаго его дракона,
Открылъ въ немъ образъ Лаокона,
Но спасшагось стрѣлами Феба.
О, Россъ! будь громъ, падущій съ неба!

Ступай и побѣди
Никѣмъ непобѣдимыхъ;
Обратно не ходи
Безъ звѣздъ, на персяхъ зримыхъ.
Ты храбрыхъ цвѣтъ, могущъ, прекрасенъ,
Быть долженъ славой міру гласенъ,
Что чтишь друзей своихъ союзы,
Полкъ Александра — щитъ Медузы.

(1) Писано въ П.-бургѣ 1807 года.

CLXVII.

Атаману и войску донскому. (1)

Платовъ! Европѣ ужъ извѣстно,
Что силъ Донскихъ ты страшный вождь, (2)
Въ расплохъ, какъ бы колдунъ, всемѣстно
Падешь какъ снѣгъ ты съ тучъ, иль дождь;
По черныхъ вороновъ полету, (3)
По дыму, гулу, мхамъ, звѣздамъ,
По рыску волчью, видя мѣту,
Подходишь къ вражьимъ вдругъ носамъ
И зря на тускъ, на блескъ червонца, (4)
По солнцу, иль противу солнца,
Свой учреждаешь артаулъ
И тайный ставишь караулъ.

Въ травѣ идешь — съ травою равенъ; (5)
Въ лѣсу — и равенъ лѣсъ съ главой;

На конь вскокнешь — конь тихъ, не нравенъ,
Но вихремъ мчится подъ тобой;
По камню ль черну змѣемъ чернымъ
Ползешь ты въ ночь — и слѣду нѣтъ;
По влагѣ ль бѣлой гусемъ бѣлымъ
Плывешь ты въ день — лишь струйка слѣдъ;
Орломъ ли въ мглѣ паришь сгущенной —
Стрѣлу сѣчешь ей въ слѣдъ пущенной,
И, бросяя петли округъ шей,
Фазановъ удишь, какъ ершей. (6)

Разилъ ты Льва, Лунѣ гнулъ роги, } (7)
Ходилъ противу Солнца въ бой;
Медвѣдей, тигровъ средь берлоги
Могучей задушалъ рукой:
Почто жъ вепря щетиночерна, } (8)
Залегшаго въ лѣсахъ средь блатъ,
Съ клыковъ котораго кровь, пѣна
Течетъ, зловоніе и ядъ, —
Отъ рыла взрыты вкругъ могилы,
Отъ взоровъ пламенны свѣтилы
Край заревомъ покрыли весь, —
Арканомъ не схватилъ по днесь? (9)

Что жъ сталъ? — Борза ль коня не стало? (10)
Возьми коверъ свой самолетъ.
Ружейнаго ль снаряду мало?
Махни ширинкой — лѣсъ падетъ.
Запаса ли не видишь хлѣбна?
Гложи желѣзны просфиры.
Жупанъ ли, епанча ль потребна?
Самъ невидимкой все бери.

Сапогъ нѣтъ? Ступни самоходны,
Надѣнь перчатки самородны
И дуй на огнь, на мразъ, на гладъ:
Россійской силѣ нѣтъ преградъ.

Бывало, вѣдь и въ прежни годы
Взлетала саранча на Русь,
Многообразные уроды
Грозили ей налогомъ узъ.
Былъ грѣхъ: отъ сваръ своихъ кряхтѣли;
Теряли янствомъ и главы;
Но лишь на Бога мы воззрѣли,
Отъ сна вспрянули будто львы.
Былъ врагъ Чипчакъ — и гдѣ Чипчаки?
Былъ недругъ Ляхъ — и гдѣ тѣ Ляхи?
Былъ сей, былъ тотъ: ихъ нѣтъ; а Русь?...
Всякъ знай, мотай себѣ на усъ.

Да какъ же это такъ случалось?
Заботились, какъ днесь, Цари;
Премудро все распоряжалось,
Водили рать богатыри;
При Святославичѣ Добрыня
Убилъ дракона въ облакахъ; (11)
Чернецъ Донскаго — исполина
Татарскаго повергъ во прахъ; (12)
Голицынъ, Шереметевъ, Львовы
Крушили зубы въ дни Петровы;
Побѣдъ Екатерины лавръ:
Чесма, Кагулъ, Крымъ, Римникъ, Тавръ.

Неужъ-то Альпы въ мірѣ шашка?
Тамъ молньи Павла видѣлъ Галлъ:

На клячѣ бѣлая рубашка
Не разъ его въ усы щелкалъ;
Или теперь у Александра
При войскѣ нѣту молодца?
Съ крестомъ на адска Саламандра
Ужель не сыщется бойца?
Внемли же моему ты гласу:
Усердно помоляся Спасу,
Въ четыре стороны поклонъ —
И изъ ноженъ булатъ ты вонъ!

И съ свистомъ звонкимъ, молодецкимъ,
Разбойника сбрось соловья (13)
Съ дубовъ копьемъ вновь мурзавецкимъ,
И будь у насъ второй Илья;
И заперши въ желѣзной клѣткѣ,
Какъ желтоглазаго сыча,
Уранга, сфинкса на веревкѣ
Примчи, за плечьми второча;
Иль двадцать молодцовъ отборныхъ,
Лицемъ, лѣтами, ростомъ сходныхъ,
Пошли ты за себя за злымъ;
Двадцатый хоть прiѣдетъ съ нимъ.

Для лучшей храбрыхъ душъ поджоги,
Ты разскажи имъ Русску быль,
Что старики, бывъ въ службѣ строги,
Всѣ невозможности чли въ пыль;
Сжигали грады воробьями, (14)
Ходили въ лодкахъ по землѣ, (15)
Топили вражiй станъ прудами, (16)
Имѣли пищу въ киселѣ, (17)

вепря. Подъ симъ лютымъ звѣремъ здѣсь разумѣется непріятель, который въ укрѣпленномъ лагерѣ стоялъ всю зиму, окруженный артиллеріею.

(9) Арканъ — длинная веревка съ петлею, которую казакъ, по азіятскому обычаю, на всемъ скаку накинувъ на шею непріятеля, увлекаетъ въ плѣнъ.

(10) Въ этомъ куплетѣ изображаются всѣ недостатки, въ то время бывшіе въ Русской арміи, о которыхъ было писано отъ Императора Военному Министру Вязмитинову, и за что многіе провіантскіе и коммисаріатскіе чиновники подпали взысканію.

(11) По сказанію, сохранившемуся въ древней народной пѣснѣ, Добрыня, свойственникъ Великаго Князя Владиміра Святославича, убилъ змѣя Горынича.

(12) Въ войскѣ Димитрія Донскаго Чернецъ Ослабя, въ сраженіи при рѣкѣ Непрядвѣ, убилъ Татарскаго великана.

(13) Въ простонародныхъ сказкахъ упоминается, что Илья Муромецъ въ Муромецкомъ Лѣсу мурзавецкимъ копьемъ, то есть копьемъ, которое принадлежало Мурзѣ, убилъ Соловья Разбойника, устроившаго себѣ гнѣздо на 12 дубахъ.

(14) Великая Княгиня Ольга, какъ извѣстно изъ лѣтописцевъ, сожгла у Древлянъ городъ Коростенъ, велѣвъ привязать пуки соломы къ хвостамъ воробьевъ и зажечь. Птицы разнесли пламя на деревянныя кровли жилищъ.

(15) Великій Князь Олегъ по сухому пути перевозилъ войско на судахъ, велѣвъ поддѣлать подъ нихъ колеса и распустить парусы, и такимъ образомъ подступилъ подъ Константинополь. Петръ Великій съ войскомъ противъ Шведовъ также проѣхалъ на судахъ по сухому пути отъ Бѣлаго Моря къ Ладожскому Озеру.

(16) Во время мятежей, одинъ изъ Самозванцевъ засѣлъ въ Тулѣ, и такъ укрѣпился, что захватить его было невозможно: почему и запрудили рѣку, которая, потопивъ городъ, заставила Самозванца бѣжать оттуда.

(17) Во время княженія Великаго Князя Владиміра, Печенѣги осадили городъ Васильковъ, въ 35 верстахъ

отъ Кіева, и надѣялись принудить голодомъ сдаться. Жители, не имѣя ни какого способа къ спасенію города, прибѣгли къ хитрости: они насыпали въ колодези ржаной и овсяной муки и увѣрили непріятеля, что у нихъ неистощимый запасъ хлѣба. Тогда Печенѣги отступили.

([18]) Патріархъ Филаретъ и бывшіе съ нимъ Русскіе послы долгое время томились въ Польшѣ въ подземной темницѣ за то, что не согласились подписать граммату, по которой избирался на Русскій Престолъ сынъ Короля Сигисмунда, Владиславъ.

([19]) Крестница Державина, дочь покойнаго Графа Васильева, Марія Алексѣевна, вышла за Донскаго уроженца, Графа Орлова-Денисова, казачьяго полковника.

([20]) Они всѣ были Атаманы Войска Донскаго и отличные воины, въ особенности Денисовъ.

([21]) Въ древнихъ боярскихъ домахъ устраивалась всегда большая комната, по множеству иконъ называемая крестовою, гдѣ обыкновенно хозяинъ принималъ гостей.

CLXVIII.

СНИГИРЬ. ([1])

Что ты заводишь пѣсню военну
Флейтѣ подобно, милый снигирь? ([2])
Съ кѣмъ мы пойдемъ войной на гіенну? ([3])
Кто теперь вождь нашъ? кто богатырь?
Сильный гдѣ, храбрый, быстрый Суворовъ?
Сѣверны громы въ гробѣ лежатъ.

Кто передъ ратью будетъ, пылая,
Ѣздить на клячѣ, ѣсть сухари;
Въ стужѣ и въ зноѣ мечъ закаляя, ([4])

Спать на соломѣ, бдѣть до зари,
Тысячи воинствъ, стѣнъ и затворовъ,
Съ горстью Россіянъ все побѣждать?

Быть вездѣ первымъ въ мужествѣ строгомъ; (5)
Шутками зависть, злобу штыкомъ,
Рокъ низлагать молитвой и Богомъ; (6)
Скиптры давая, зваться рабомъ;
Доблестей бывъ страдалецъ единыхъ,
Жить для Царей, себя изнурять?

Нѣтъ теперь мужа въ свѣтѣ столь славна:
Полно пѣть пѣсню военну, снигирь!
Бранна музыка днесь не забавна:
Слышанъ отвсюду томный вой лиръ;
Львинова сердца, крыльевъ орлиныхъ
Нѣтъ уже съ нами! Что воевать?

---

(1) Сочинено въ П.-бургѣ 1800 года.

(2) У автора въ клѣткѣ былъ снигирь, выученный пѣть одно колѣно военнаго марша. Въ день погребенія Суворова Державинъ сопровождалъ печальное шествіе и возвратясь въ домъ свой, услышалъ, что птичка поетъ военную пѣснь. Это возбудило новое чувство прискорбія въ душѣ поэта и Державинъ написалъ сію оду въ память героя.

(3) Подъ видомъ гіенны авторъ понималъ мятежное звѣрство и своевольство Франціи, которую Суворовъ надѣялся усмирить.

(4) Суворовъ, воюя въ Италіи, въ жаркіе дни ѣздилъ въ одной рубашкѣ передъ войскомъ. Онъ обыкновенно довольствовался самою простою пищею, спалъ на соломѣ или на сѣнѣ, вставалъ съ зарею, а когда надобно было предупредить непріятеля, то до разсвѣта пѣлъ пѣтухомъ и нерѣдко давалъ приказы войску выступить съ первыми

пѣтухами. Онъ предводительствовалъ небольшимъ числомъ войскъ, но по любви и довѣренности ихъ къ нему, всегда побѣждалъ, не смотря на превосходство силъ непріятеля.

(5) Никто столько не отличался истиннымъ мужествомъ, какъ Суворовъ, и никто такъ не обезоруживалъ зависти шутками, какъ онъ. Въ сраженіяхъ онъ болѣе всего употреблялъ штыки; побѣда рѣшалась скорѣе и кровопролитіе прекращалось. Слабость и нерѣшительность только продолжаютъ войну.

(6) Самая замѣчательная черта въ свойствѣ Суворова благочестіе; онъ ничего не начиналъ, не призвавъ помощи Божіей.

CLXIX.

КЪ КАЛЛІОПѢ. (1)

—

Сойди, безсмертная, съ небесъ
Царица пѣсней, Калліопа!
И громкую трубу твою,
Иль лучше лиру нѣжно-звучну,
Иль, если хочешь, голосъ твой
Ты согласи со мной.

Ужъ, кажется, я слышу бѣгъ
Твоихъ по арфѣ рѣзвыхъ перстовъ,
Какъ гибкій при моряхъ тростникъ
Отъ порханья звенитъ зефировъ,
Далекимъ вторясь шумомъ волнъ:
Таковъ твоихъ струнъ звонъ.

Ужъ въ легкихъ сизыхъ облакахъ
Прекрасна дѣва съ неба сходитъ:

Смѣющійся въ очахъ сапфиръ,
Стыдливыя въ ланитахъ розы,
Багряную въ устахъ зарю,
Въ власахъ я злато зрю.

Во сладкомъ изступленьи семъ
Весь Сѣверъ зрится мнѣ Эдемомъ,
И осень кажется весной;
Въ кристальныхъ льдахъ зрю лѣсъ зеленый,
Въ тѣняхъ ночныхъ поля златы,
А по снѣгамъ цвѣты.

Во мглѣ темнозеленой, тамъ,
Я вижу, нѣкто древъ подъ сводомъ
Лѣпообразецъ, статенъ, младъ:
Вокругъ главы его сіяютъ
Струями межъ листовъ лучи;
У ногъ шумятъ ключи. (2)

Кто сей, къ которому идетъ
Толь весело любезна дѣва,
Какъ къ брату своему сестра,
Какъ къ жениху въ чертогъ невѣста?
Зрю сходство въ ихъ очахъ, чертахъ, (3)
Какъ будто въ близнецахъ.

Кто ты, божественна чета?
Какъ огнь со пламенемъ сближаясь,
Единъ составить хочешь лучъ!
Не ты ли свѣта богъ прекрасный
Пришелъ съ небесъ на землю вновь
Торжествовать любовь?

Уже согласіе сердецъ
На нѣжныхъ арфахъ раздается;
Безмолвно слушаетъ земля;
Склонились башни, рощи, горы,
Ревущій водометъ утихъ;
Стоитъ, — глядитъ на нихъ.

На мягкой шелковой травѣ,
Въ долинѣ, миромъ осѣненной,
Гдѣ шепчетъ съ розой чуть зефиръ,
Чуть синій ключъ, журча віется,
Чуть дышетъ воздухъ ароматъ,
Возлюбленны сидятъ.

Вокругъ ихъ страстныхъ горлицъ вздохъ,
Пѣснь лебедей вдали несется,
Обнявшися кусты стоятъ,
Роскошствуетъ во всемъ природа;
Все нѣжитъ, оживляетъ кровь,
Все чувствуетъ любовь.

Стрѣла ея средь ихъ сердецъ,
Какъ лучъ межъ двухъ холмовъ кристальныхъ,
По ихъ краямъ съ небесъ летя,
Сперва скользитъ, не проницаетъ;
Но отъ стекла въ стеклѣ блеститъ
И роза въ нихъ горитъ.

Съ Олимпа множествомъ очесъ
Сквозь твердь на нихъ янтарну смотритъ
Безсмертныхъ ликъ и мать боговъ,
Какъ водъ въ струяхъ звѣзда вечерня,

Съ высотъ любуется собой,
Въ нихъ видя образъ свой.

Все улыбается на нихъ,
Все пламень чистый, непорочный,
Въ сердцахъ ихъ нѣжныхъ и младыхъ
Родящійся, благословляетъ.
Всѣмъ добродѣтель въ нихъ видна,
Какъ въ воздухѣ луна.

Въ златой, блаженный, древній вѣкъ,
Въ красы земны облекшись боги,
Являлися между людьми,
Чтобъ въ образѣ царей, героевъ,
Устроивать блаженство ихъ
Примѣромъ дѣлъ благихъ.

Такъ, кажется, и въ нихъ боговъ,
Ихъ чадъ, или Монарховъ племя
Мой восхищенный видитъ духъ:
Онъ бодръ, — и броситъ громы въ злобу;
Она нѣжна, — и сотворитъ
Въ себѣ невиннымъ щитъ.

О, коль благословенъ тотъ вѣкъ,
Когда цвѣтущу, благовонну,
Подобны древу своему
Сіи младыя вѣтви будутъ!
Въ тѣняхъ ихъ опочіетъ миръ,
И гласъ раздастся лиръ.

Но не въ мечтѣ ль? иль въ явѣ я
Съ Діаной Аполлона вижу?
Нѣтъ, нѣтъ! — Се тотъ младой герой

Тотъ отрокъ мой порфирородный,
Я чье рожденье воспѣвалъ,
Возросъ и возмужалъ. (²)

Се Онъ, которому дары
Сносили геньи къ колыбели,
И надѣлили всѣмъ Его,
Чтобъ быть на тронѣ человѣкомъ,
А въ человѣкѣ Божествомъ,
Всѣхъ согрѣвать лучомъ.

Се Онъ съ избранною Своей!
Гордись моя, гордися, лира,
Пророчествомъ теперь твоимъ:
Уже оно почти сбылося;
Мой полубогъ почти ужъ богъ;
Онъ всѣхъ сердца возжогъ.

Россія! радостный токъ слезъ
Пролей, и возведи вкругъ взоры,
И вижди въ трофеяхъ у тебя,
Какъ садъ Екатерины племя
Цвѣтетъ! Да поднебесной всей
Онъ дастъ Царицъ, Царей!

Премудрость возлелѣетъ Ихъ;
Народы, утомясь раздоромъ, (⁵)
Упросятъ Ихъ собой владѣть. —
Пѣвица славы, Калліопа!
Останься въ звѣздной ввѣкъ странѣ:
Они здѣсь Музы мнѣ.

(¹) Сочинено въ Петербургѣ въ октябрѣ 1792 года по

случаю прибытія невѣсты Императора Александра Великой Княжны Елисаветы Алексѣевны.

(²) Такъ изображаютъ и Аполлона, когда онъ былъ въ видѣ пастыря на землѣ.

(³) Въ то время, когда женихъ съ невѣстою были сговорены, Они дѣйствительно были похожи другъ на друга.

(⁴) Здѣсь и далѣе напоминаются стихи Державина на рожденіе Великаго Князя Александра Павловича (см. «На рожденіе въ Сѣверѣ Порфиророднаго Отрока»).

(⁵) Относится къ бывшимъ тогда возмущеніямъ во Франціи.

CLXX.

РѢШЕМЫСЛУ. (¹)

Веселонравная, младая,
Нелицемѣрная, простая,
Подруга Флакова и дщерь
Природой даннаго мнѣ смысла!
Прійди ко мнѣ, прійди теперь,
О, Муза! славить Рѣшемысла.

Прійди, иль въ облакѣ спустися,
Или хоть въ санкахъ прикатися
На легкихъ, рѣзвыхъ, шестернёй,
Оленяхъ бѣлыхъ, златорогихъ:
Какъ ѣздятъ барыни зимой
Въ странахъ сибирскихъ, хладомъ строгихъ.

Прійди и на своей свирѣли
Не онаго пой мужа, древле
Служившаго Царицѣ той,

Которая въ здоровьѣ маломъ,
Блистала славой и красой
Подъ соболинымъ одѣяломъ; (²)

Но пой, ты пой здѣсь Рѣшемысла,
Великаго Вельможу смысла,
Наперсника Царицы сей,
Которая Сама трудится
Для блага области Своей,
И спать въ полудни не ложится; (³)

Которая законы пишетъ,
Любовію къ народу дышетъ,
Плѣнитъ сосѣдей безъ оковъ,
Военны отвращая звуки;
Даритъ и счастье и покровъ,
И не сидитъ поджавши руки.

Сея Царицы всепочтенной,
Великой, дивной, несравненной,
Сотрудниковъ достойно чтить;
Достойно честью и хвалами
Ея вельможъ превозносить,
И осыпать ихъ вкругъ цвѣтами.

Ты, Муза! съ самыхъ древнихъ вѣковъ,
Великихъ, сильныхъ человѣковъ
Всегда умѣла поласкать;
Ты можешь въ быляхъ, небылицахъ,
И въ басняхъ правду представлять:
Представь мнѣ Рѣшемысла въ лицахъ.

Скажи, скажи о семъ героѣ:
Каковъ въ войнѣ, каковъ въ покоѣ,

Каковъ умомъ, каковъ душой,
Каковъ и всякими дѣлами? —
Скажи и ничего не скрой:
Не хочешь прозой, такъ стихами.

Бывали прежде дни такіе,
Что люди самые честные
Страшилися безъ трона быть,
Любимцевъ царскихъ убѣгали
И не могли тѣхъ змѣй любить, (4)
Которыя ихъ кровь сосали.

А онъ, хоть выше всѣхъ главою,
Какъ лавръ цвѣтетъ надъ муравою;
Но всюду всѣмъ бросаетъ тѣнь:
Однимъ онъ милъ, другимъ любезенъ;
Едва прохаживалъ ли день,
Кому бы ни былъ онъ полезенъ.

Иной ползетъ, какъ черепаха,
Другому милъ топоръ да плаха;
А онъ паритъ какъ бы орелъ,
И все съ высотъ далече видитъ;
Онъ въ сердцѣ злобы не имѣлъ
И даже мухи не обидитъ.

Онъ сердцемъ Царскій тронъ объемлетъ,
Душой народнымъ нуждамъ внемлетъ
И правду между ихъ хранитъ;
Отечеству онъ вѣрно служитъ,
Монаршу волю свято чтитъ,
А о себѣ никакъ не тужитъ;

Не ищетъ почестей лукавствомъ,
Мздоимнымъ не прельщенъ богатствомъ,
Не жаждетъ тщетно санъ носить,
Но тщится тѣмъ себя лишь славить,
Что любитъ онъ добро творить
И можетъ счастіе доставить.

Закону Божію послушенъ,
Чувствителенъ, великодушенъ,
Не гордъ, не подлъ и не трусливъ,
Къ себѣ строжае, чѣмъ къ другому,
Къ поступкамъ хитрымъ не ревнивъ,
Идетъ лишь по пути прямому;

Не празденъ, не лѣнивъ, а точенъ;
Въ дѣлахъ и скоръ и безпороченъ,
И не кубаритъ кубарей,
Но столько же великъ и дома;
Въ деревнѣ хижинѣ своей
Какъ былъ когда метатель грома.

Глубокъ, и быстръ, и тихъ, и смѣтливъ,
При всей онъ важности привѣтливъ,
При всей онъ скромности шутливъ,
Въ миру онъ кажется роскошенъ;
Но въ самой роскоши ретивъ,
И никогда онъ не оплошенъ.

Хотя бы возлежалъ на розахъ,
Но въ буряхъ, знояхъ и морозахъ
Готовъ онъ съ лона нѣги встать;
Готовъ среди своей забавы

Внимать, судить, повелѣвать,
И молвіей летѣть въ храмъ славы;

Другъ честности и другъ Минервы,
Восшедъ на степень къ трону первый,
И безъ подпоръ собою твердъ;
Ходить умѣетъ по паркету,
И устремяся славѣ въ слѣдъ,
Готовитъ миръ и громы свѣту;

Безъ битвъ, безъ браней побѣждаетъ,
Искусство уловлять онъ знаетъ;
Своихъ, чужихъ сердца плѣнитъ.
Я слышу плескъ ему сугубый:
Онъ вольность плѣнникамъ даритъ,
Героямъ шьетъ коты да шубы. } (5)

Но Муза! вижу ты лукава,
Ты хочешь быть предъ свѣтомъ права;
Ты Рѣшемысловымъ лицомъ
Вельможей должность представляешь:
Конечно, ты своимъ перомъ
Хвалить достоинства лишь знаешь. (6)

---

(1) Сочинено въ 1782 году и напечатано въ Вѣстникѣ. Въ сказкѣ Императрицы Екатерины о Царевичѣ Февеѣ Рѣшемысломъ названъ ближній вельможа царя Китайскаго Таоау. Здѣсь Державинъ представилъ многія черты дѣлъ и характера Князя Потемкина.

(2) Во время Императрицы было обыкновеніе у знатныхъ и богатыхъ людей ложиться отдыхать подъ соболиными одѣяломъ. Императрица въ той же сказкѣ Сама шутила надъ этою нѣгой и роскошью.

(3) Императрица Екатерина обыкновенно вставала въ 6 часовъ по утру и въ полдень почти никогда не

ложилась отдыхать, а занималась какими нибудь пріятными упражненіями: сочиненіемъ комедій, разсматриваніемъ рѣдкостей, а въ послѣднее время отпечатываніемъ антиковъ на картузной бумагѣ, которые дарила приближеннымъ. Многіе изъ нихъ остались у Графини Браницкой.

(4) Сіи стихи и два слѣдующіе куплета представляютъ противоположность свойствъ: Герцога Бирона въ царствованіе Императрицы Анны и Князя Потемкина въ царствованіе Екатерины.

(5) Князь Потемкинъ, во время покоренія Крыма, отпустилъ всѣхъ Крымскихъ Татаръ, куда кто пожелалъ; и въ бытность Державина Статсъ-Секретаремъ у Императрицы, Она Сама сказывала ему, что отпущенныхъ Татаръ было болѣе 400 тысячъ кибитокъ, т. е. около двухъ милліоновъ душъ.

Князь Потемкинъ исходатайствовалъ войску покойную и широкую одежду, не пудрить солдатъ и отрѣзать косы, которыя они носили по примѣру войскъ Прусскихъ. Зимой въ морозы дозволено было солдатамъ носить коты и шубы.

(6) Державинъ въ то время не былъ еще знакомъ съ Княземъ Потемкинымъ и не могъ знать всѣхъ его достоинствъ, а роскошная жизнь Потемкина была всѣмъ извѣстна: поэтому никакихъ похвалъ прямо и не относилъ къ его лицу; но когда Княгиня Дашкова, бывъ директоромъ Академіи Наукъ, желала сдѣлать Потемкину привѣтствіе въ издаваемомъ ею журналѣ, »Собесѣдникъ,» и просила Державина написать что нибудь въ честь Князя Потемкина, Державинъ исполнилъ ея желаніе, похваливъ достоинство истиннаго вельможи въ лицѣ Рѣшемысла.

CLXXI.

ПАМЯТНИКЪ ГЕРОЮ. (1)

—

Всегда разборчива, правдива
Нигдѣ и никому нельстива,
О! строгаго Кунгдзея Муза, (2)
Которая его вдыхала
Играть на нѣжномъ звонкомъ кинѣ (3)
И трогать поученьемъ сердце!

Прійди и зря текущи годы —
Обратность вѣчную природы,
Что всходитъ и заходитъ солнце,
Что лѣто, осень прійдутъ паки,
А только къ намъ не возвратятся
Дѣла, содѣянныя нами.

Вождя при памятникѣ дивномъ
Возсядь и въ пѣніи унывномъ
Вѣщай: сей столпъ повергнетъ время,
Разрушитъ.—Кто жъ былъ полководецъ?
Куда его прошли побѣды?
Гдѣ мечъ его? гдѣ шлемъ? гдѣ образъ?

Увы! и честь сія героевъ,
Приступовъ монументы, боевъ,
Не суть ли знаки ихъ свирѣпства!
Развалины, могилы, пепелъ,
Черепья, кости имъ подобныхъ,
Не суть ли ихъ вѣнецъ и слава?

Ахъ, нѣтъ! Средь всѣхъ народовъ, вѣковъ,
Друзья, герои человѣковъ
Суть соль земли, во мракѣ звѣзды;
Чрезъ нихъ извѣстна добродѣтель;
Они великія зерцалы
Богоподобныхъ слабымъ смертнымъ.

Прямой герой страстьми недвижимъ,
Онъ строгъ къ себѣ и благъ ко ближнимъ;
Къ богатствамъ, титламъ, власти, славѣ, (4)
Внутри онъ сердца не привержевъ;
Сокровище его любезно —
Спокойный духъ и чиста совѣсть.

Въ терпѣньи твердъ и мудръ въ напасти,
Не рабствуетъ блестящей части;
Считаетъ тѣмъ себя довольнымъ,
Коль общихъ благъ гдѣ былъ споспѣшникъ:
Блаженъ, блаженъ еще стократно,
Что страсти могъ свои умѣрить!

Вѣсами ль гдѣ, мечемъ ли правитъ,
Ни тамъ, ни тутъ онъ не лукавитъ,
Его Царь — долгъ; его Богъ — правда;
Лишь Имъ онъ жертвуетъ собою;
Искусенъ, остороженъ, точенъ,
Рачителенъ, небыстръ ко славѣ;

Дѣлами исполнитель Вѣры;
Великодушія примѣры
Его всѣ мысли наполняютъ
И Богъ его благословляетъ . . . .

Побѣдою почти безъ крови,
Которой миръ даруетъ царствамъ.

Такого мужа обелиски
Не тѣмъ славны, что къ небу близки,
Не мраморомъ, не мѣдью тверды:
Пускай ихъ разрушаетъ время,
Но вовсе истребить не можетъ:
Живетъ въ преданьяхъ добродѣтель.

Строй, Муза, памятникъ герою,
Кто мужественъ и щедръ душою,
Кто больше разумомъ, чѣмъ силой,
Разбилъ Юсуфа за Дунаемъ, (5)
Далъ малой тратой много пользы.
Благословись, Репнинъ, потомствомъ!

---

(1) Сочинено въ С.-п.-бургѣ въ 1791 году, напечатано въ томъ же году на особыхъ листкахъ.

(2) Кунгдзеемъ называли Конфуція, знаменитаго Китайскаго мудреца и законодателя.

(3) Кинъ, Китайскій инструментъ, издающій очень пріятные и мелодическіе звуки.

«Памятникъ Герою» написанъ Державинымъ въ честь современнаго ему государственнаго человѣка, древняго и знаменитаго рода. Здѣсь не объясняется его имени, потому что въ одномъ изъ слѣдующихъ анекдотовъ можно видѣть жалкое непостоянство человѣческихъ свойствъ и измѣненіе въ нравѣ самаго твердаго человѣка.

(5) Вельможа, о которомъ здѣсь говорятъ, былъ утѣсненъ другими, его сильнѣйшими, и доколѣ былъ тѣсвимъ, обнаруживалъ необыкновенную кротость и терпѣніе, идучи путемъ службы твердо и съ совершеннымъ самоотверженіемъ. Но по перемѣнѣ обстоятельствъ присоединился къ обыкновеннымъ царедворцамъ. Эту истину поэтъ узналъ на опытѣ.

Императоръ Павелъ въ первое время Своего царствованія, показывая благосклонность къ Державину, велѣлъ засѣдать ему съ Членами Совѣта и, однажды призвавъ его по утру рано, сказалъ, что опредѣляетъ его въ Совѣтъ Правителемъ. Поэтъ, увлекаемый порывомъ благодарности, отозвался Государю, что ежели ему угодно любить правду, какъ любилъ ее Петръ Великій, то онъ употребитъ всѣ силы свои угодить Ему. Можетъ быть, это показалось смѣлостію, или Государь имѣлъ какое-нибудь особенное намѣреніе, какъ бы то ни было, въ слѣдъ за тѣмъ былъ данъ Совѣту указъ, въ которомъ авторъ назначенъ Правителемъ Канцеляріи.

Такой оборотъ былъ громовымъ ударомъ для Державина; онъ жестоко обманулся въ своемъ ожиданіи и предполагалъ объясниться съ Государемъ при первомъ удобномъ случаѣ. Въ дни присутствія Совѣта, собиравшагося каждую недѣлю во Дворецъ по четвергамъ, Державинъ съ прочими Членами приглашаемъ былъ на обѣдъ и ужинъ къ Императору. Эта милость возбуждала зависть. Въ наступившій четвергъ, въ присутствіи Совѣта, огорченный Державинъ въ недоумѣніи, сидѣть ли ему въ Совѣтѣ, гдѣ онъ какъ Сенаторъ и сидѣлъ наряду съ прочими членами, или сидѣть за особымъ столомъ какъ Правителю Канцеляріи, не рѣшился ни на то, ни на другое, и во все время засѣданія простоялъ на ногахъ. По окончаніи присутствія одинъ изъ Членовъ Совѣта, обратясь къ Державину, далъ приказаніе, чтобы онъ опредѣленіе Совѣта привезъ къ нему для поднесенія Государю. Такое приказаніе показалось страннымъ Державину, который имѣлъ дозволеніе самъ входить въ кабинетъ Императора и докладывать по дѣламъ. Но Члены Совѣта сказали ему, что нѣтъ инструкціи, какъ поступать Правителю Дѣлъ въ Совѣтѣ, что она существовала до первой Турецкой войны, но только для однихъ военныхъ дѣлъ: для чего и Совѣтъ былъ учрежденъ; а по окончаніи войны Императрица потребовала инструкцію къ Себѣ и хотя предполагала дать другую съ распространеніемъ и на часть гражданскую,

но не успѣла сего совершить, почему Члены Совѣта и не знали, какъ поступить въ семъ случаѣ.

Державинъ рѣшился довести отзывъ до свѣдѣнія Государя. Но въ первый слѣдующій день не могъ быть у Него. Между тѣмъ успѣли уже внушить Государю, что авторъ почитаетъ для себя унизительнымъ быть Правителемъ Канцеляріи Совѣта и сидѣть съ канцелярскими служителями.

На другой день Державинъ былъ у Государя принятъ весьма милостиво. «Повелѣніе Вашего Величества», говорилъ онъ, «исполнено; я былъ въ Совѣтѣ, но не знаю какъ мнѣ дѣйствовать, и чѣмъ заниматься, не имѣя на то инструкціи.» — «Дѣйствуй какъ твой предмѣстникъ, Самойловъ,» сказалъ Государь. — «Никакихъ дѣлъ его невидно,» отвѣчалъ Державинъ: «а извѣстно только то, что онъ вносилъ протоколы Совѣта къ Императрицѣ.» Тогда Императоръ сказалъ: «Я посмотрю и инструкцію дамъ.» Державинъ примолвилъ, что онъ не знаетъ, стоять ли ему, или сидѣть въ Совѣтѣ? Тутъ Государь разгнѣвался и не велѣлъ ему быть болѣе въ Совѣтѣ, а оставилъ его въ Сенатѣ по прежнему.

Прискорбно было Державину нести на себѣ гнѣвъ Государя. Вельможа, которому посвящены имъ стихи *Памятникъ Героя* былъ тогда у Двора въ большой силѣ. Посовѣтовали автору просить его помощи, тѣмъ болѣе, что сей вельможа принадлежалъ по правиламъ своимъ къ извѣстнымъ тогда мартинистамъ и славился примѣрною добротою. Державинъ къ нему поѣхалъ на другой же день весьма рано. Адъютантъ вельможи впустилъ его предъ самую спальню, въ которую двери завѣшены были сукномъ. «Кто пріѣхалъ?» спросилъ вельможа. — Адъютантъ отвѣчаетъ: «Державинъ.» — «За чѣмъ?» — «Не знаю.» — «Вели подождать.» Чрезъ часъ времени вышелъ вельможа и спрашиваетъ весьма гордо: «Чего вы отъ меня хотите?» — Державинъ весьма учтиво объявилъ ему обстоятельства и огорченіе свое, что невинно несетъ гнѣвъ Императора. Вельможа очень сурово сказалъ ему:

«Какое мнѣ до этого дѣло? Я въ это не войду; подите, сударь, отъ меня.» — Тутъ авторъ узналъ съ прискорбіемъ, что въ сановникѣ уважаемомъ счастіе у Двора успѣло истребить кротость и человѣколюбіе.

(⁶) Визиря Юсуфа разбилъ Князь Репнинъ въ отсутствіе Князя Потемкина за Дунаемъ и постановилъ предварительные пункты мира. Это стремленіе его выказать себя оскорбило Потемкина. Репнинъ, показывая, что изъ одной любви къ отечеству не выходилъ изъ долга службы, терпѣливо несъ уничиженіе отъ Князя и тѣмъ пріобрѣлъ приверженность масонской секты мартинистовъ, которыхъ тогда было очень много въ Москвѣ. Вотъ почему ода «Памятникъ» переведена на всѣ Европейскіе языки и напечатана разными чернилами: синими, черными, красными, въ досаду тому, кто не благоволилъ къ Репнину.

CLXXII.

ЛЮБИТЕЛЮ ХУДОЖЕСТВЪ. (¹)

Сойди, любезная Эрата!
Съ горы зеленой, двухолмистой,
Въ одеждѣ бѣлой, серебристой,
Украшенна вѣнцомъ и поясомъ изъ злата,
Съ твоею арфой сладкогласной! —
Сойди, утѣхъ соборъ,
И брось къ намъ нѣжно страстной
Съ улыбкою твой взоръ,
И царствуй вѣчно въ домѣ семъ
На берегахъ Невы прекрасныхъ!
Любителю наукъ изящныхъ,
Мы пѣснь съ тобою воспоемъ:

«Небеса внемлите
Чистый сердца жаръ
И съ высотъ пошлите
Пѣсень сладкій даръ.
О! мольба прилежна,
Какъ роса взнесись:
Къ намъ ты, Муза нѣжна,
Какъ зефиръ спустись!»

Какъ легкая серна
Изъ дола въ долъ, съ холма на холмъ
Перебѣгаетъ;
Какъ бѣлый голубокъ, она
То внизъ, то вверхъ, подъ облачкомъ
Перелетаетъ;
Съ небесныхъ, свѣтлыхъ горъ дорогу голубую
Ко мнѣ въ минуту перешла
И арфу золотую
Съ собою принесла;
Рѣзвилась вкругъ меня, ласкалася, смотрѣла
И, будто вѣтерочекъ, сѣла
На лонѣ у меня.
Тутъ вдругъ, веселый видъ на важный премѣня,
Небеснымъ жаромъ воспылала,
На арфѣ заиграла.

Ея бѣлорумяны персты
По звучнымъ бѣгаютъ струнамъ;
Взоръ черноогненный, отверстый,
Какъ молвія во слѣдъ громамъ,
Блистаетъ, жжетъ и поражаетъ
Всю внутренность души моей;

Томитъ, мертвитъ и оживляетъ
Меня пріятностью своей:

«Боги взоръ свой отвращаютъ
Отъ нелюбящаго Музъ;
Фуріи ему влагаютъ
Въ сердце черство грубый вкусъ,
Жажду злата и сребра.
Врагъ онъ общаго добра!

«Ни слеза вдовицъ не тронетъ,
Ни сиротъ несчастныхъ стонъ:
Пусть въ крови вселенна тонетъ,
Былъ бы счастливъ только онъ;
Больше бъ собралъ серебра.
Врагъ онъ общаго добра!

«Напротивъ того, взираютъ
Боги на любимца Музъ;
Сердце нѣжное влагаютъ
И изящный нѣжный вкусъ:
Всѣмъ душа его щедра.
Другъ онъ общаго добра!

«Отираетъ токи слезны,
Унимаетъ скорбный стонъ;
Сиротамъ отецъ любезный;
Покровитель Музамъ онъ;
Всѣмъ душа его щедра.
Другъ онъ общаго добра!» —

О, день! о, день благопріятный!
Несутся вѣтромъ голоса,
Курятся крины ароматны,

Склонились долу небеса:
Лазурны тучи, краезлаты,
Блистающи рубиномъ сквозь,
Какъ испещренный флотъ богатый,
Стремятся по эѳиру вкось;
И плавая туда,
Сюда,
Спускаются предъ нами.
На нихъ сидитъ небесныхъ Музъ соборъ,
Вкругъ геніевъ крылатыхъ хоръ,
Летатъ, вслѣдъ тянутся цѣпями,
Какъ бы весной
Разноперистыхъ птичекъ рой
Вьетъ воздухъ за собою
Кристальною струею
И провождаетъ къ намъ дѣвъ горнихъ красный ликъ!
Я слышу вдалекѣ тамъ рѣзкій трубный зыкъ;
Тамъ бубновъ громъ,
Тамъ стонъ
Волторнъ
Созвучно въ воздухъ ударяетъ;
Тамъ гласъ свирѣлей
И звонкихъ трелей
Сквозь ихъ изрѣдка пробѣгаетъ,
Какъ соловьиный свистъ, сквозь шумъ падущихъ водъ.
Отъ звука разныхъ голосовъ,
Встрѣчающихъ полубоговъ
На землю сходъ,
По рощамъ эхо, какъ хохочетъ,

По мрачнымъ, горнымъ дебрямъ
ропчетъ,
И гулъ глухой въ глуши гудетъ.
Я слышу, сонмъ небесныхъ дѣвъ
поетъ:

«Науки смертныхъ просвѣщаютъ,
Питаютъ, облегчаютъ трудъ;
Художества ихъ украшаютъ
И къ вѣчной славѣ ихъ ведутъ.
Благополучны тѣ народы,
Которы красотамъ природы
Искусствомъ могутъ подражать:
Какъ пчелы медъ съ цвѣтовъ сбирать!
Блаженъ тотъ мужъ, блаженъ стократно,
Кто покровительствуетъ имъ!
Вознаградятъ его обратно
Онѣ безсмертіемъ своимъ.» —

Наполнилъ грудь восторгъ священный,
Благоговѣйный обнялъ страхъ,
Пріятный ужасъ потаенный
Течетъ во всѣхъ моихъ костяхъ;
Въ веселья сердце утопаетъ,
Какъ будто бога ощущаетъ
Присутствующаго со мной!
Я вижу, вижу Аполлона
Въ тотъ мигъ, какъ онъ сразилъ Тифона
Божественной своей стрѣлой:
Зубчата молнія сверкаетъ,
Звенитъ въ рукѣ священный лукъ;
Ужасная змѣя зіяетъ

И вмигъ свой испущаетъ духъ,
Чешуйчатымъ хвостомъ песокъ перегребая
И черну кровь ручьемъ изъ раны испуская.
Я зрю сіе, и вмигъ себѣ представить могъ,
Что такъ невѣжество сражаетъ свѣта Богъ.

Полкъ блѣдныхъ тѣней окружаетъ
И ужасаетъ духъ того,
Кто кровью руки умываетъ
Для властолюбья своего;
И черный змѣй то сердце гложетъ,
Въ комъ зависть, злость и лесть живетъ,
И кто своимъ добромъ жить можетъ,
Но для богатства мзду беретъ.
Порокъ спокоенъ не бываетъ;
Нравъ варварскій его мятетъ,
Наукъ, художествъ не ласкаетъ
И свѣта свѣтъ ему не льетъ.
Какъ звѣрь, онъ ищетъ мѣста темна;
Какъ змѣй, онъ ползая шипитъ;
Душа, коварствомъ напоенна,
Глазами прямо не глядитъ.

«Черные мраки,
Злые призраки
Ужасныхъ страстей!
Бѣгите изъ града,
Скройтесь въ дно ада
Отъ нашихъ вы дней!
Свѣта перуны,
Лирныя струны,
Минервинъ эгидъ!

Сыпьте въ злость стрѣлы:
Брань за предѣлы
Отъ насъ да бѣжитъ!» —

Какъ солнце гонитъ ночи міракъ
И отъ его червлена злата
Румянится природы зракъ,
Веселорѣзвая Эрата!
Ты ходишь по лугамъ зеленымъ
И рвешь тогда себѣ цвѣты,
Свободнымъ духомъ, восхищеннымъ,
Поешь свои утѣхи ты;
Во слѣдъ тебѣ забавъ соборъ,
Пѣвицъ пріятныхъ хоръ,
Наяды пляшутъ и Фауны:
Составь же ты, прелестно божество!
И намъ теперя торжество,
Да сладкогласной лиры струны,
Твоею движимы рукой,
Возбудятъ всѣхъ ко пляскамъ предъ тобой!

Радостно, весело въ день сей
Вмѣстѣ сбирайтеся, други!
Бросьте свои недосуги,
Скачите, пляшите смѣлѣй!
Бейте въ ладоши руками,
Щелкайте громко перстами,
Черны глаза поводите,
Станомъ вы всѣмъ говорите!
Фертикомъ руки вы въ боки
Дѣлайте легкіе скоки;
Чоботъ о чоботъ стучите,

Съ наступью смѣлой свищите,
Молвьте: спасибо душею!
Мужу тому, что снисходитъ
Лаской, любовью своею,
Всѣмъ намъ веселье находитъ.
Здравствуй же, Музъ днесь любитель!
Здравствуй ихъ всѣхъ покровитель!» (²)

(¹) Сочинено въ 1791 г.; напечатано особымъ листкомъ.

(²) Любитель художествъ былъ Графъ Александръ Сергѣевичъ Строгоновъ. Ода сія писана на день рожденія его, 3-го января. У него было значительное собраніе картинъ; онъ принималъ благосклонно и покровительствовалъ всѣхъ упражняющихся въ художествахъ; въ послѣдствіи онъ былъ и директоромъ Академіи Художествъ. Подъ именемъ Музы авторъ разумѣетъ въ сихъ стихахъ первую свою супругу.

CLXXIII.

КАНТАТА. (¹)

Щедротъ источникъ, Россовъ радость,
Посланница и другъ Небесъ!
Которой льютъ уста намъ сладость,
А взоры — жизнь и свѣтъ очесъ!

Тобой блаженство мы вкушаемъ,
Тобой мы дышимъ и живемъ;
Тебѣ сердца мы посвящаемъ
И благодарну пѣснь поемъ.

О, наша мать! сердецъ Царица!
О, Ангелъ, а не человѣкъ!
О, кротка Сѣвера денница!
Сіяй и озаряй насъ ввѣкъ.

(¹) Сочинено въ С.-п.-бургѣ въ 1789 году на посѣщеніе Императрицею Анны Степановны Протасовой, Фрейлины Ея Величества.

CLXXIV.

НА МИРЪ 1807 ГОДА

ГОСУДАРЫНЯМЪ ИМПЕРАТРИЦАМЪ. (*)

Весна вѣнцомъ вѣнчалась лѣта;
Порхаетъ по цвѣтамъ зефиръ;
Сіяньемъ солнечнымъ нагрѣта,
Земля лобзаетъ сладкій миръ.
Кому жъ по Богѣ мы священный
Возжемъ благодаренья жаръ?
Не Вамъ ли, божества смиренны,
За сей намъ столь безцѣнный даръ?

По громамъ бисеры драгіе,
Отъ радугъ какъ въ дождяхъ блестятъ:
Елисавета и Марія
Такъ, кинувъ къ намъ веселый взглядъ,
Знать дали, что покой Европы
Возставилъ Александровъ мечь.

(*) Не была поднесена.

Какъ лучъ отъ Норда въ южны тропы,
Ихъ пробѣжала мирна рѣчь.

Но, Муза! коль бываетъ сладость,
По горечи, вкуснѣй устамъ,
А по печалямъ, если радость
Цвѣтетъ пріятнѣе сердцамъ:
То прежде дни представь бурливы,
Какъ въ бѣдствахъ подвизался Россъ;
Потомъ пой лавры и оливы,
Чѣмъ онъ главу свою вознесъ.

Корабль какъ въ пѣнномъ, шумномъ морѣ,
Подобно скорлупѣ въ волнахъ,
Носящійся стихіевъ въ спорѣ,
Тонувшій въ безднахъ, въ облакахъ,
Въ разверсты низвергаясь пасти,
Мракъ ада видитъ предъ собой,
Трескъ внемлетъ ребръ, дна, скрипы снасти
И съ мачтъ токъ молніевъ струей;

Иль какъ лѣсовъ въ трущобѣ львица,
Объемлема пожаромъ вкругъ,
Вздымая гриву, взоръ, чудится,
Внявъ древъ паденье, грохотъ, стукъ,
И что бѣжитъ къ ней ржущій пламень
На грудь, на чресла и на тылъ,
Стоитъ недвижима, какъ камень,
Но не теряетъ духа силъ:

Такъ въ тяжки оны дни Россія
Войной была окружена,
Какъ съ всей Европою Азія

Была на насъ ополчена:
Шли Галлы, Персы, Туркоманы,
Шелъ льстивый другъ, шелъ тайный врагъ,
Наполеономъ обаянный,
Къ намъ, взнесшимъ свой гигантскій шагъ.

И побѣдитель сей кичливый,
Какъ валъ, что изъ струи родясь,
Чѣмъ далѣй въ путь свой текъ строптивый,
Тѣмъ больше грознымъ становясь,
Такъ взросъ побочныхъ водъ приливомъ,
Что будто нѣкій страшный холмъ
Подъ тѣни своея нагибомъ
Блескъ солнца затмѣвалъ челомъ.

Унизя Рима и Германій
Такъ духъ, что, ими въявь и втай
Господствуя, не сыты длани
Простеръ и на полночный край.
И зрѣлъ ли онъ себѣ препону,
Коль могъ бы Вѣру колебнуть,
Любовь къ отечеству и къ трону?
Но онъ ударилъ въ Русску грудь.

О, Русска грудь неколебима,
Твердѣйшая горы стѣна!
Скорѣй ты ляжешь трупомъ зрима,
Чѣмъ будешь кѣмъ побѣждена!
Но разъ въ огняхъ, въ громахъ, средь бою
Въ крови тонувши ты своей,
Примѣры подала собою,
Что Россовъ въ свѣтѣ нѣтъ храбрѣй.

Врагъ, предъ собой скалу желѣзну
Узря, познавъ своихъ тлѣнъ силъ;
Вѣтвь дружбы мирную, зелену
Предъ Александромъ предложилъ.
Монархъ человѣколюбивый,
Чтобъ крови за корысть не лить,
На мѣсто лавровъ, взялъ оливы
И повелѣлъ спокойству быть.

Простите жъ, кротости богини,
Что я смущалъ Вашъ громомъ слухъ;
Благодѣянья и святыни
Вашъ паче услаждаютъ духъ.
Се зрю, Вы обратили взоры
На вдовъ убитыхъ, на сиротъ
И льете воиновъ на соборы
Увѣчныхъ — Вы дожди щедротъ.

Но миротворецъ, Царь державный,
Какъ пальмъ, Вамъ принесетъ вѣнецъ,
За даръ Его толико славный
Спокоивъ у Своихъ сердецъ,
Внушите мысль Ему охранну,
Къ геройству возбуждая духъ.
Врагъ примиренный, снесшій рану,
Не можетъ быть надежный другъ.

А вы, лишившіяся бранью
Отцовъ, супруговъ, братьевъ, чадъ!
Гордитесь той безцѣнной данью,
Что вамъ любезны кости спятъ
На полѣ незабвенныхъ боевъ.

Кто не умретъ? — смерть всѣхъ сразитъ;
Но Термопильскихъ духъ героевъ
Живетъ понынѣ — Леонидъ.

Пусть лесть гордыней ослѣпленна
Завоевателей трубитъ;
Но тихая свирѣль смиренна
Нравъ Ангельскій поетъ и чтитъ
Маріи днесь, Елисаветы,
И ждетъ, что Ихъ Супругъ и Сынъ
Не будетъ въ громы ужъ одѣтый,
Но миромъ міра Властелинъ.

Какъ съ Божьяго лица отливы
Блистаютъ въ милліонахъ звѣздъ,
Такъ позлатитъ Онъ грады, нивы
Опустошенныхъ злобой мѣстъ.
Вездѣ Ему душъ восхищенье
Изъ чувства истинна добра
Вслѣдъ воззвучитъ благословенье,
А не наемное — ура!

Поэзьи дальновидный геній
Грядущу мнѣ предрекъ судьбу,
Падетъ Европа на колѣни
Предъ тѣмъ, кто прекратитъ борьбу
И токъ прольетъ въ ней дней блаженныхъ.
Се ужъ паритъ Его Орелъ!
О, радость! въ тулѣ дѣвъ священныхъ
Зрю тучи сладкихъ сердцу стрѣлъ!

CLXXV.

НА ПАРЕНІЕ ОРЛА.

—

Воанергесъ! (*) орелъ, сынъ грома!
Не ты ль на высотахъ паришь
И сновъ святыхъ Патмосска холма
Видѣнья бытіемъ рѣшишь?
О, нѣтъ! Судебъ проречь не смѣя,
Что агнецъ одолѣетъ змѣя,
Въ тебѣ я зрю лишь духъ Петровъ.
Такъ! Онъ надъ Росскимъ войскомъ вьется;
Имъ громъ и лавръ вождю несется.
Се знакъ: мы побѣдимъ враговъ.

Мужайся, бодрствуй, Князь Кутузовъ!
Коль надъ тобой былъ зримъ орелъ:
Ты, вѣрно, побѣдишь Французовъ
И, Россовъ защитя предѣлъ,
Спасешь отъ узъ и всю вселенну,
Толь славой участь озаренну
Давно тебѣ судилъ самъ рокъ:
Смерть сквозь главу твою промчалась;
Но жизнь твоя цѣла осталась:
На подвигъ сей тебя блюлъ Богъ!

Въ покровъ Его предавшись сильный,
Тебѣ что̀ можетъ Люциферъ? —
Ты шелъ и пройдешь чрезъ ехидны,
Овномъ сбодется лютый звѣрь;

(*) Іоаннъ Богословъ.

Нога наступитъ Александра
На жруща пламемъ Саламандра.
Стратигъ ты молньи, Михаилъ!
Ты, подъ своимъ зря руководствомъ
Рать тверду духа превосходствомъ.
Сдхнешь Галловъ тмы; — съ тобой Богъ силъ!

CLXXVI.

ГЕВА.

Изъ опалаго неба,
Со Олимпа высоты,
Вижу, идетъ юна Геба,
Лучезарны красоты!
Изъ сосуда льетъ златаго
Въ чашу злату — снѣдь орлу.

Зоблетъ молній царь пернатыхъ,
Пукъ держа въ когтяхъ громовъ;
Вѣтръ съ раменъ его крылатыхъ
Вкругъ шумитъ межъ облаковъ;
Чернопламенныя очи
Мещетъ Геба на него,

И улыбкою Авроры
Бранный умягчая духъ,
Музъ его клоня на хоры
Нѣжимый, палимый слухъ.
Вьетъ орелъ гнѣздо на лонѣ;
Оперяются птенцы!

Что таинственна картина?
Что явленье дѣвы сей?
По челу — Екатерина;
По очамъ — огнь Павловъ въ Ней;
По душѣ Она — Марія,
Александръ, Елисаветъ.

Такъ! Она ему Сестрою,
Искренній Ея бывъ другъ,
Будетъ вѣрности душою
То творить, что и Супругъ,
И, Царю служа полсвѣта,
Будетъ подданныхъ примѣръ.

О, изящна добродѣтель!
О, великихъ образъ женъ!
Кто быть могши самъ владѣтель,
Но, ставъ волей униженъ,
Явилъ выше Царской власти,
Духъ — отечеству служить?

Симъ однимъ, Екатерина,
Именемъ Своимъ однимъ
Ты повергла исполина
Росса ко стопамъ Твоимъ.
Чѣмъ любовь твою заплатимъ? —
Лишь любовію одной.

Со Георгіемъ на брани,
Въ поприщѣ съ Тобой наукъ,
Мы сберемъ трофеевъ дани:
Грянетъ Александровъ звукъ!

Славься симъ, Екатерина!
Славься Россіянкой быть!

CLXXVII.

ШЕСТВІЕ ПО ВОЛХОВУ РОССІЙСКОЙ АМФИТРИТЫ.

Что сіяетъ отъ заката
Въ полночь полудневный свѣтъ?
Средь багряна, стекляна злата
Кто по Волхову плыветъ?
Полкъ тритоновъ трубитъ въ трубы;
Рыбъ на днѣ сребрится бѣгъ;
Пляшутъ холмы, скачутъ дубы;
Съ плескомъ рукъ бѣжитъ вслѣдъ брегъ
И шумятъ струи жемчужны?

Посидонъ ли съ Амфитритой
Озираетъ ходъ то рѣкъ,
Чтобъ, судами ставъ покрытой,
Онъ довольство всюду влекъ?
Иль Прекраса перевозитъ
Въ Выбутскъ Игоря въ ладьѣ,
Огнь къ себѣ любви въ немъ множитъ,
Жжетъ и сердце имъ свое?
Сколь красы съ геройствомъ дружны!

Нѣтъ! не древнихъ дивъ картина
Удивляетъ смертныхъ взглядъ;

Шествуетъ Екатерина
Со Георгомъ въ Петроградъ!
Ладогона зрю сурова:
Снѣго-блещущи власы
Онъ взбугря чела сѣдова,
Изъ-подъ длани на красы
Взоръ стремитъ звѣзды полночной.

«Какъ,» гласитъ «Екатерина!
Вновь мнѣ блещетъ Божество?
Имя, вѣсть о Ней едина
Мнѣ восторгъ и торжество!»
Рекъ — и взоръ къ прекрасной Дщери
Осклабляя, подалъ знакъ,
Чтобъ Ее весть понта въ двери, —
И Нева, преклонши зракъ,
Въ градъ ведетъ преузорочный.

Петрополь встаетъ на встрѣчу;
Башни всходятъ изъ-подъ волнъ.
Не Славянска внемлю Вѣчу,
Слышу Музъ Аѳинскихъ звонъ.
Вижу — мраморы, граниты
Богу вносятся на храмъ,
За заслуги знамениты,
Въ память вождямъ и Царямъ;
Зрю кумиры изваянны.

Вижу — Сѣвера столица,
Какъ цвѣтникъ межъ рѣкъ цвѣтетъ:
Въ свѣтѣ всѣхъ градовъ царица
И ея прекраснѣй нѣтъ!

Бельтъ въ безмолвіи зерцало
Держитъ предъ ея лицемъ,
Чтобы прелестьми блистало
И вдали народамъ всѣмъ,
Какъ румяный отблескъ зарный.

Вижу — лентіи летучи
Разноцвѣтны по судамъ;
Лѣсъ пришелъ изъ мачтъ дремучій
Къ камнетесаннымъ брегамъ;
Вижу — пристаней, цѣпь зданій,
Торжищъ, стогновъ чистоту,
Злачныхъ рощъ, путей, гуляній,
Блескъ, богатство, красоту,
Красотѣ Царя подобну.

Межъ народа тамъ Онъ зрится,
Какъ отецъ между дѣтей;
Но здѣсь молнія стремится
Отъ Его въ строяхъ мечей, —
И отзывъ Его перуна
Ужъ трясетъ среду земну. —
Онъ, избравъ днесь вождя бна
На рогатую луну,
Повелѣлъ вести брань злобну.

Фениксъ сей, изъ праха отча
Вставъ, паритъ во звѣздный кругъ;
Гордость, зависть, злоба, молча
Въ немъ признавъ воинскій духъ,
Защищать Стамбулъ престанутъ,
Въ Азію Махметъ уйдетъ;
Вновь Эллады лиры грянутъ,

И почтитъ тогда весь свѣтъ
Александра алтарями.

Но доколѣ совершится
Древній сей пророчій гласъ,
Норда Царь тѣмъ веселится,
Что межъ льдовъ растетъ Парнассъ;
Что художества, науки,
Расцвѣтавъ въ Его тѣни,
На Него простерши руки,
Славословятъ щедры́ дни
И вѣнецъ сулятъ съ звѣздами.

Но всѣхъ лучше украшеньевъ —
Милосердья алтари;
Духъ мой полнъ тамъ восхищеньевъ,
Гдѣ равны богамъ Цари:
Вижу — вдовъ, сиротъ притворы,
Рукодѣлья юношъ, дѣвъ,
За болящими призоры
И всѣхъ нивъ благихъ посѣвъ
Зрю Маріиной рукою!

Вижу — Домъ весь благодатный,
Братьевъ, Сестръ — Божествъ соборъ;
Тихій нравъ и, какъ пріятный
Лучъ, Елисаветинъ взоръ!
Поспѣшай къ намъ, Амфитрита!
Россовъ всѣхъ утѣшь сердца,
Да, душей орла, повита
Будетъ юна духъ птенца,
Намъ рожденнаго Тобою!

CLXXVIII.

ВЪ ПАМЯТЬ ДАВЫДОВА И ХВОСТОВА.

Вдыхавшая героямъ
Россійскимъ къ славѣ духъ!
Склони днесь къ струнамъ томнымъ,
О, Муза! ихъ твоимъ
И юныхъ двухъ, отважныхъ
Сподвижниковъ оплачь,
Что сквозь стихіевъ грозныхъ
И океанскихъ безднъ
Свирѣпыхъ и бездонныхъ,
Колумбу подражая,
Два разъ Титана въ слѣдъ
Прошли къ противоножнымъ.

Межъ горъ лазурныхъ, льдистыхъ,
Носящихся въ волнахъ,
И въ ночь, подъ влагой звѣздной,
По райнамъ, парусамъ
Блестящей, солнца тропы,
Преплывъ сквозь мразъ и жаръ,
Они какъ воскрыленны
Два орліи птенца,
Пущенные Зевесомъ,
Чтобъ, облетѣвъ вселенну,
Узнать ея среду,
Три удивляли свѣта.

Тамъ на летучихъ Этнахъ,
Иль въ челнахъ, морь средь нѣдръ;

Тамъ въ нарахъ, на еленяхъ,
Въ степяхъ на коняхъ, псахъ,
То всадниковъ, то пѣшихъ
Зимой средь дебрь и тундръ
Однихъ между злодѣевъ;
Ужъ ихъ погибшихъ чтутъ
Безъ пищи, безъ одежды
Въ темницахъ уморенныхъ;
Но вдругъ воскресшихъ зрятъ
Вездѣ, какъ бы безсмертныхъ.

И Финнъ, и Галлъ былъ зритель
Безстрашья ихъ въ бояхъ,
Когда они сражались
За Вѣру, за Царя,
За отчество любезно;
Но благовѣнью въ нихъ
Всякъ къ родшимъ удивлялся,
Коріолановъ зрѣвъ;
Всякъ ждалъ: насъ вновь прославятъ
Грейгъ, Чичаговъ, Синявинъ,
Крузъ, Сакенъ, Ушаковъ
Въ моряхъ великимъ духомъ.

Но мудрыхъ разсужденье
Коль справедливо то,
Что блескъ столицъ и прелесть
Достоинствамъ прямымъ
Опаснѣй, чѣмъ пучины
И камни подъ водой:
Такъ красны струи невски,
Средь тихихъ вашихъ нѣдръ,

Въ насмѣшку бурамъ грознымъ
И страшнымъ океанамъ,
Пожрать не могшимъ ихъ,
Вы, вы ихъ поглотили!

Увы! въ семъ мірѣ чудномъ
Одинъ небрежный шагъ —
И твердые колоссы
Преобращаетъ въ персть.
Родители! ахъ, вы,
Внуша гласъ скучной лиры,
Не рвитеся безъ мѣръ;
Но будьте, какъ прохожій,
Что на цвѣтахъ блескъ росъ
Погасшимъ зрѣлъ, — и ихъ
Вслѣдъ запахъ обоняйте.

Жизнь наша — жизни вѣчной
Есть искра, иль струя;
Но тѣмъ она вѣкъ длится,
Коль благовонье льетъ
За добрыми дѣлами.
О, такъ! — исполнимъ долгъ
И похвалы за гробомъ
Услышимъ коль своимъ,
Чего желать намъ больше?
Въ пыли и на престолѣ
Прославленный герой
Главъ злыхъ вѣнчанныхъ выше.

Хвостовъ! Давыдовъ! будьте
Вѣкъ славными и вы.

Межъ нами ваша память,
Какъ гулъ, не пройдетъ вмигъ.
Хоть рокомъ своенравнымъ
Вы сѣсть и не могли
На колесницу счастья;
Но вашихъ похожденій звукъ,
Духъ Куковъ и Нельсоновъ
И умъ Невтона звѣздна,
Какъ Александровъ вѣкъ,
Не позабудутъ Россы.

CLXXIX.

НА ОТЪѢЗДЪ ИМПЕРАТОРА

7 декабря 1812.

Сбылись моихъ надеждъ пророчественны сны:
Россія Францію, а съ ней Европу побѣдила. —
На верхъ какой теперь мы славы взнесены!
Спокойство можетъ дать вселенной наша сила.
Пусть Греціи Александръ великъ слыветъ войной;
Но міръ кто умиритъ, тотъ болѣе душой!

CLXXX.

НА ПОБѢДУ

АЛЕКСАНДРОМЪ I-мъ НАПОЛЕОНА

ПОДЪ ЛЮЦЫНЫМЪ.

Впервый изъ пращи вергнулъ громъ
Ты собственной Твоей рукою
На Голіаѳа шлемъ кичливый,
О, кроткій сѣверный Давидъ! —
И Филистимлянинъ туманный
На прахѣ блѣдный, обуянный,
Средь войскъ, какъ дубъ въ лѣсу, лежитъ.

Взноси скорѣе шагъ другой
И, мечъ твой изъ ноженъ извлекши,
Взмахни, да отъ него отблещетъ
По небосклону молній свѣтъ,
И трупъ безглавый, отдѣленный,
Въ крови гиганта погруженный,
Какъ островъ въ море поплыветъ;

Да, зря чудовище у ногъ
Поверженно Твоихъ, воскликнетъ
Побѣдну пѣснь Тебѣ Европа,
Спасенная отъ узъ Тобой,
И дерзки Наполеонисты
Отъ золъ — къ Тебѣ, Твоей защиты
Пріидутъ искать, младой герой!

CLXXXI.

НА ПОБѢДУ ПРИ ЛЕЙПЦИГѢ.

—

Твоя побѣдная десница
Высоко славой вознеслась!
Надменный Запада денница,
Тобой змѣй раненый, віясь
Въ ужасныхъ кольцахъ пресмыкаетъ,
За Рейнъ путь кровью уливаетъ
И зѣвомъ міръ еще страшитъ.
Но кто Богъ велій, какъ Богъ неба;
Главу во правду, шлемъ въ блескъ Феба,
Облекъ Тебя Онъ Вѣры въ щитъ.

И сталъ Ты бичъ непобѣдимыхъ,
Какъ Богъ величія въ лучахъ!
Нѣтъ стѣнъ Тебѣ неизложимыхъ:
На мѣсто страха — всѣмъ Ты благъ,
И сердца — кротость, добродѣтель
Твоя — такихъ чудесъ содѣтель,
Не видывалъ сей міръ какихъ!
Враги безъ боя отдаются;
Силъ горсть Твоихъ — врагъ съ тмой дерутся:
Подъ Кульмомъ мы плѣнили ихъ.

Такъ, Ты днесь въ образецъ вселенны
Творишь, Избранникъ! чудеса:
Монархъ, въ невинность облеченный,
Къ Себѣ склоняетъ Небеса. —
Мужайся! и ревнуй ихъ волѣ:

Не будетъ съ дней Твоихъ ужъ болѣ
Персъ, Грекъ и Римъ великимъ чтимъ
За покореніе вселенны;
Корсъ зломъ затмится погребенный,
Какъ солнцемъ ночь, лучемъ Твоимъ!

CLXXXII.

НА ВЫСОЧАЙШЕЕ ОТБЫТІЕ
ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ
ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ
КЪ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ
ВЪ ЗАГРАНИЧНУЮ АРМІЮ,

20 декабря 1813.

Ужъ двадцать лѣтъ, какъ украшаешь
Ты Росска трона вышину,
Ужъ двадцать лѣтъ изображаешь
Щедроту, кротость, тишину.
Кто зрѣлъ лице Твое сурово?
Кому рекла обидно слово?
Виною чьихъ была Ты слезъ?
Во храмѣ ль Ты — благочестива,
Въ чертогахъ ли — ласкорѣчива.
Твой свѣтлый взглядъ есть взглядъ Нэбесъ.

Но днесь отъ насъ Ты отъѣзжаешь,
Все наше сердце рвешь съ Собой;

Такъ въ слѣдъ Свой души увлекаешь,
Какъ солнце птицъ парящихъ рой,
Въ иной предѣлъ катяся свѣта.
Нашъ духъ тамъ, гдѣ Елисавета!
И чѣмъ воздать за цѣпь цвѣтовъ,
Твоимъ Супругомъ намъ сплетенну,
Владѣньемъ кроткимъ наложенну,
Какъ не любовью за любовь?

Гряди жъ, Жена благословенна!
Воззванна нѣжностію въ путь,
Усердіемъ препровожденна,
Обнять героя бранну грудь,
И подъ трудомъ главу склоненну,
Безсмертнымъ лавромъ осѣненну,
На лонѣ нѣги умасти!
Согласье Ваше намъ пріятно;
Но возвратись скорѣй обратно
И намъ на Сѣверѣ свѣти.

Такъ, если Мать, родство драгое
Спѣшишь зрѣть душъ восторгъ Ты ихъ,
То вспомнь и божество другое,
Другую Мать, другихъ родныхъ,
Тебя любящу полвселенну.
Ты, кою жизнь намъ дать блаженну
Въ залогъ низслали Небеса,
Явись скорѣй съ Своимъ Супругомъ,
За миръ земнымъ воспѣта кругомъ,
Желанный плодъ намъ принеся,

Да, видя странъ другихъ народы
Въ Васъ благотворну имъ чету,

Передадутъ изъ рода въ роды
Монарховъ Россиихъ красоту,
И возгремятъ ихъ всюду клики,
Что только таковы владыки
Царствъ могутъ счастье созидать,
Что благостью, умомъ, геройствомъ,
Любовью, правотой, спокойствомъ
Умѣютъ подданныхъ плѣнять!

CLXXXIII.

НА ОТБЫТІЕ
ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЫСОЧЕСТВЪ
ВЕЛИКИХЪ КНЯЗЕЙ
НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА
и
МИХАИЛА ПАВЛОВИЧА
изъ Петербурга къ армiи, 5-го февраля 1814.

—

Птенцы, спорхнувшіе съ гнѣзда
Полсвѣтнаго Петрова Дома,
Орлы младые, вожди грома!
Ужель пришла и Вамъ чреда
Парить, шириться въ поднебесной
И молніей дракона жечь?

Но Вы едва суть оперенны,
Съ крылъ льетъ чуть лоскъ на раменахъ:

Почто же, въ бурю устремленны,
Вы рѣете на явный страхъ,
Оставя блещущихъ слезами
Нѣжнѣйшу Матерь и Сестру,

И Домъ любящій Васъ, и слугъ,
Усердьемъ коихъ и раченьемъ,
Примѣромъ родшей и ученьемъ
Вы Свой питали юный духъ,
Чтить добродѣтель навыкая
И бремена какъ царствъ носить?

Постойте! — Иль породѣ сроку
Боговъ для возмужанья нѣтъ? —
Коль такъ, не устрашаясь року,
На исполинскій мчитесь слѣдъ,
Да будетъ Братъ Вашъ въ томъ свидѣтель,
Колико Вамъ любезна честь!

Летите подъ Его надзоръ
И, славными Его путями
Обвивъ челъ Вашихъ верхъ звѣздами,
Дивите тожъ Царей соборъ,
Какъ Онъ, дивя, исторгъ Европу
И всю подсолнечну отъ узъ.

Летите — и съ Невы до Сены
На поприще толь многихъ царствъ,
Окинувъ окомъ перемѣны
Боренья правды и коварствъ,
Воспользуйтесь урокомъ рѣдкимъ,
Нужнѣйшимъ для владыкъ земныхъ,

Что тотъ, кто не позналъ правдиво
На самыхъ опытахъ дѣла,
Не можетъ править царствъ счастливо,
Не знавъ цѣны добра и зла;
Путь Демона и Генья видя,
Познайте, Богу какъ служить.

И будутъ всѣ благословенны
Шаги стопъ Вашихъ въ семъ пути;
Мольбой Маріи споспѣшенны,
Колико славны, столь святы!
Да Вы, Небесъ намъ подъ покровомъ,
Во здравьи возвратитесь вспять!

CLXXXIV.

НА ПОКОРЕНІЕ ПАРИЖА.

Сердце плѣняюща лира!
Геній восторга! взносись
И, обтекая вкругъ міра,
Свѣтлый твой голосъ возвысь.
Пой Того крѣпость, мощь львину,
Агнца Кто кротость явилъ
И другую половину
Свѣта — Парижъ покорилъ!

Милостью больше, чѣмъ гнѣвомъ,
Въ славѣ блестящъ тамъ, какъ Богъ,
Препровожденный вшелъ Небомъ
Въ древній Бурбоновъ чертогъ;

Духъ къ нимъ народа любовью
Возжегши, ихъ воскресилъ;
Бѣдства Московски не кровью,
Благомъ злодѣямъ отмстилъ.

Здравъ, Александръ,
Царь будь Царей,
Что безъ наградъ
Твердой Твоей
Свергъ злость Ты душой,
Доблесть вознесъ,
Прямо герой!
Славься симъ днесь! (*)

Слава Тебѣ днесь какая
Въ мірѣ обширномъ звучитъ,
Счастьемъ что, сладостьми рая
Вкругъ доблесть духъ Твой поитъ.
Взглянешь на грады, — спасенны;
Храмы ль зришь, — жертвы курятъ;
Дѣти ль отцамъ возвращенны, —
Всѣ ихъ спасителя чтятъ.

Сколько жъ отрадно, пріятно
Быть Россіяниномъ днесь!
Что Ты насъ такъ благодатно
Славой и честью вознесъ.
Вся насъ теперя вселенна
Своей ужъ защитой чтетъ;

(*) Подобные стихи пѣты были въ Парижѣ Французами въ честь нашего Государя, при вступленіи Его въ сію столицу.

Европа узъ свобожденна
Хвальными пѣснями поетъ.

Здравъ, Александръ,
Царь будь Царей,
Что безъ наградъ
Твердой Твоей
Свергъ злость Ты душой,
Доблесть вознесъ,
Прямо герой!
Славься симъ днесь!

Сладкія слезы восторга
Съ радостныхъ льются очесъ:
Ангела ль кротка, иль Бога,
Сына ль, любимца ль Небесъ
Зримъ въ Тебѣ, иль исполина.
Маньемъ смирилъ что руки
Міръ весь? — Петръ, Екатерина
Столько ль, какъ Ты, велики?

Мудростью, правдой, геройствомъ
Чудный стяжалъ Ты вѣнецъ.
Съ богоподобнымъ къ намъ свойствомъ,
Царь возвратись и Отецъ
Къ Матери нѣжной скорѣе
Въ славѣ побѣдныхъ лучей;
Солнце весной какъ свѣтлѣе,
Дай жизнь Россіи такъ всей.

Здравъ, Александръ,
Царь будь Царей,
Что безъ наградъ

Твердой Твоей
Свергъ злость Ты душой,
Доблесть вознесъ,
Прямо герой!
Славься симъ днесь!

CXXXLV.

НА ВОЗВРАЩЕНІЕ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА 13 іюля 1814.

—

Ты возвратился, благодатный,
Нашъ кроткій Ангелъ, лучъ сердецъ!
Твой возсіялъ намъ зракъ прекрасный,
Монархъ, отечества Отецъ!
Внемли жъ усердья клики звучны:
О, сколько мы благополучны,
Отца въ Монархѣ зря!
Ура! ура! ура!

Ты мужества явилъ примѣры;
Россію твердой спасъ душой;
Защитникъ былъ святыя Вѣры
И доблестьми прямой герой;
Явилъ дѣла великодушны.
О, сколько мы благополучны,
Отца въ Монархѣ зря!
Ура! ура! ура!

Ты возвратился, Царь нашъ милый,
И счастье наше возвратилъ;

Прогнавъ отъ насъ тѣ дни унылы
И страхъ, который насъ томилъ,
Что были мы съ Тобой разлучны.
О, сколько жъ мы благополучны,
Отца въ Монархѣ зря!
Ура! ура! ура!

CLXXXVI.

НА СРѢТЕНІЕ
ПОБѢДИТЕЛЯ, СВОБОДИТЕЛЯ И ПРИМИРИТЕЛЯ ЕВРОПЫ,
ВЕЛИКАГО И СВЫШЕ БЛАГОСЛОВЕННАГО,
ОТЦА ОТЕЧЕСТВА,
АЛЕКСАНДРА I,
іюля 1814 года.

Внемлите, царства! поднимитесь
И князи (*) вратъ градскихъ, скорѣй! —
Раздайтесь стогны, разступитесь
Отъ гласа радости моей:
Возстань, срѣтай, о Сѣверъ бранный!
Се въ лавръ и пальмы увѣнчанный
Великій Александръ идетъ,
Не царствъ вселенной покоритель,
Но ихъ отъ узъ освободитель,
Царь славы, Царь сердецъ грядетъ!

(*) Портики, или надвратные переклады.

Такъ! мужеству ль Его дивиться?
Изгналъ Онъ твердостью враговъ!
Великодушію ль чудиться?
Онъ местью ихъ не пролилъ кровь!
Красѣ ль, щедротѣ ль поклоняться?
Се, плѣнны Имъ благотворятся
Безмездно царства и Цари!
Иль ублажать Его смиренье?
Онъ Богу только въ прославленье
Творилъ добро, смирялъ царствъ при!

На лоно отчее, на гнѣзды,
Подъ сѣни рощъ и тихихъ селъ
За Нимъ орлы, — въ ихъ персяхъ звѣзды
Изъ молніевъ вѣнцы вкругъ челъ, —
Парятъ и кроютъ свѣтъ крылами:
Европа плескомъ и хвалами
Ихъ твердый духъ и нравы чтитъ,
И съ сожалѣньемъ благодарнымъ
За Царевождемъ лучезарнымъ
И мысль, и взоры въ слѣдъ стремитъ.

Гряди, избранный Небесами,
Великія свершивъ дѣла:
Твой подвигъ тысячью вѣками
И честь Твою не скроетъ мгла.
Се громъ за громомъ, по эѳиру
Катясь, благовѣствуетъ міру,
Что шествуетъ къ дѣтямъ Отецъ.
Спускаясь солнце въ понтъ, дивится,
Что градъ Петровъ свѣтлѣе зрится
Отъ пламени къ Нему сердецъ!

На вышнія Россія горы,
Толпясь, съ поспѣшностью течетъ,
Чтобъ на героя бросить взоры
Вдали, на блескъ Его побѣдъ:
Какъ громовержною рукою,
Но больше мудрою главою
Ужасны силы Онъ истнилъ
И пламемъ жрущаго дракона
Низвергъ съ похищеннаго трона,
Царей и царства свободилъ.

По неизмѣрному пространству
Рѣкъ за-Рифейскихъ и степей,
Кавказскихъ, Таврскихъ ордъ подданству,
Гдѣ сильныхъ тысячи Князей,
Въ подвижныхъ и недвижныхъ градахъ, (*)
Живя край свѣта дней въ прохладахъ,
Молвятъ въ пирахъ народовъ ихъ:
«Хвала полночному Давиду,
Что не далъ Галламъ насъ въ обиду!»
И огнь изъ чашъ ихъ пьютъ златыхъ.

На Терекѣ, Уралѣ, Донѣ,
Летучи тучи-Казаки,
Сѣдыхъ, сухихъ морей на лонѣ
Разсыпавъ бурные полки,
Какъ вихрь, въ кругахъ вертясь, кружатся,
Учить сыновъ и внуковъ тщатся,
Какъ всякъ изъ нихъ сто Галловъ свергъ;
Молніеносны стѣны ратны,

(*) Улусы, или кочевыя селенія, переносящіяся съ мѣста на мѣсто.

Звукъ трубъ и флейтъ сливъ въ громъ пріятный,
Торжествъ ихъ плещутъ средь утѣхъ.

Но коимъ свѣтится восторгомъ
Сиротъ порфироносна Мать,
Насъ наградивша Полубогомъ,
Того не можно описать!
Зрѣть Сына въ славѣ — сердца сладость!
Ея всѣмъ Ангельская радость
Видна на взорахъ и устахъ.
Цари велики, какъ зарницы
Въ понтъ съ неба зря, — въ немъ зря ихъ лицы,
Съ Ней не сравняются въ лучахъ.

И ты, о, древняя Камена! (*)
Сѣдой сребрящася главой,
Не чая быть ужъ столь блаженна,
Чтобъ гласъ еще возвысить свой,
Въ хвалу тобой дивъ предреченныхъ,
Узря ихъ нынѣ совершенныхъ,
Удвой, удвой твоихъ струнъ кликъ;
Звучи: «Кто Богъ нашъ, какъ Богъ велій!»
Тобой воспѣтый въ колыбели —
Днесь болѣй всѣхъ земныхъ Владыкъ!

О, диво мыслямъ непонятно!
О, благость щедрыхъ къ намъ Небесъ!
Величіе невѣроятно,
Какимъ въ толь кратки дни вознесъ
Россію Царь Благословенный?

(*) Муза.

Нашъ мечъ, въ ножны Имъ не вложенный,
Едва сверкнулъ съ своихъ жилищъ, —
Уже на Эльбѣ и на Рейнѣ
Гремитъ, блеститъ, разитъ на Сейнѣ
И передъ Нимъ простертъ Парижъ!

Парижъ! сынъ истый Вавилона,
Кумиръ народовъ и Царей,
Гдѣ Бога, Вѣры и Закона
Никто не чтилъ, кромѣ страстей; (*)
Въ которомъ Корсъ, пришлецъ надменный,
Мечтавъ ось обращать вселенны,
Россію ни во что вмѣнялъ:
Какъ ураганъ, вздымалъ волнъ холмы;
Какъ Люциферъ, металъ въ твердь громы;
Но Александръ предсталъ, — онъ палъ!

Гиганты міра! научитесь
Примѣромъ симъ. — О, царствъ главы!
Превыше мѣръ не возноситесь
И съ Богомъ не равняйтесь вы,
На скиптръ опрясь свой исполинскій!
Предъ Нимъ ничтожны вы и низки,
Коль правда, вѣра не за васъ:
Онѣ однѣ твердыня трона. —
Гдѣ блескъ меча Наполеона?
Предъ солнцемъ правды онъ погасъ.

Объемлетъ умъ благоговѣйно
Мой ужасъ, радость и восторгъ;
На стогнѣ молится смиренно,

(*) Шатобріанъ, стран. 35 и 36.

Зрю, Александръ! — и, свѣта богъ
Какъ, взглядомъ тму Онъ освѣщаетъ,
Врагамъ щедротою отмщаетъ
И прахъ Лудовика святитъ!
Во изумленьи, золъ столица,
Склоня колѣна, горды лица,
Токъ умиленныхъ слезъ струитъ!

Какіе клики, разговоры,
Племенъ различныхъ торжество!
Какіе радостные взоры
На ихъ блаженства божество!
Ливанъ тамъ храмы изливаютъ;
Тамъ дѣвы, юноши бросаютъ
Къ стопамъ Спасителя цвѣты!
Когда, какой и гдѣ властитель
Толикихъ душъ былъ вдругъ плѣнитель?
Онъ Ангелъ былъ и красоты!

Онъ Геній, съ Небеси низсланный!
Маріей кроткою рожденъ,
Чтобъ ввѣкъ былъ Миротворецъ славный
И сыномъ Божьимъ нареченъ:
Онъ громы утишилъ военны,
Воздвигнулъ троны низложенны,
Безъ пользъ Своихъ плѣнилъ сердца.
На Геликонѣ я двухолмномъ
Лиръ очарованъ всюду звономъ
Съ конца Европы до конца!

Тамъ обнимаются супруги,
Сыны, и братья, и сестры;
Мечи куются — въ сельны плуги;

Станъ кроютъ — скатерти ковры;
Поля, бывъ труповъ мертвыхъ полны,
Струятся класами, какъ волны;
Пестрѣетъ лугъ въ рѣкахъ и брегъ;
Стада на пажитяхъ тучнѣютъ;
Попутны вѣтры въ парусъ вѣютъ, —
И всѣмъ златой катится вѣкъ.

Текутъ дни райскіе, незлобны;
Сопразднуетъ народамъ тварь!
И все сіе богоподобный
Даруетъ миролюбный Царь!
А ты, о, бичъ и царствъ воитель,
Желавшій Свѣта быть властитель!
Взгляни черепьевъ на костры:
Вела тебя гдѣ слава мнима,
Тамъ дымомъ твердь до днесь мрачима
И рдѣютъ кровію зари.

Надъ пеплами тамъ клятвы воютъ;
На Небо стоны вопіютъ;
Въ могилѣ черви прахъ твой взроютъ,
Какъ въ жизни совѣсть враны рвутъ.
Почто же было такъ трудиться,
Чтобъ быть тебѣ великимъ мниться?
Великимъ злоба не творитъ.
Сія есть существу благому
И слава, но не духу злому
Безсмертіе принадлежитъ.

Но отвратимъ скорѣй зѣницы
Съ позорища кровей и слезъ;
Злой демонъ счастья съ колесницы

Упалъ, — и слухъ о немъ исчезъ.
Пойдемъ же и простремъ мы длани,
Сердца повергнемъ вмѣсто дани,
Любовію къ Отцу горя;
Хваля ко брани исхожденье,
Восхвалимъ днесь и возвращенье
Благословеннаго Царя.

Пойдемъ и сопряжемъ съ любовью
Надежду нашу на Того,
Кто Самъ сожертвовалъ намъ кровью:
Мы все получимъ отъ Него:
Онъ храбрости воздастъ усердье,
Явитъ терпѣвшимъ милосердье,
Невинныхъ узы перерветъ,
Созиждетъ домы разоренныmъ,
Дастъ правосудье притѣсненнымъ,
Всѣхъ благочестьемъ превзойдетъ.

И мы Его душею полны,
Пойдемъ Его добротъ во слѣдъ;
Покажемъ, что Его достойны,
Что насъ счастливѣй въ свѣтѣ нѣтъ;
Стопы Его облобызаемъ
И въ Немъ съ горячностью познаемъ
Царя — ревнителя Христа.
Въ восторгахъ сильныхъ тихнетъ радость;
Отъ гуслей не ліется сладость;
Я полонъ чувствъ — молчатъ уста!

Но чту себя и тѣмъ счастливымъ,
Что нѣчто въ славу Его пѣлъ,

Что сердцемъ вѣщимъ, справедливымъ
Тотъ днесь тріумфъ запечатлѣлъ,
О коемъ предвѣщалъ я прежде:
Се царства въ сбывшейся надеждѣ
Пришли стопы Его лобзать!
Меня народы не забудутъ:
Хвалы мои Ему ввѣкъ будутъ
Моря и горы повторять.

CLXXXVII.

НА ВОЗВРАЩЕНІЕ ПОЛКОВЪ ГВАРДІИ.

Безсмертной, громкой чада славы,
Которы за Россію кровь
Толь храбро лили у Полтавы,
Какъ и подъ Кульмомъ нынѣ вновь!
Такъ! вамъ герои хвалъ достойны,
Петра и Александра войны,
Побѣдна рать Царя,
Ура! ура! ура!

Вы, ваше твердое геройство
И грудь, незыблему ничѣмъ,
Не зря на вражье превосходство,
На мѣсто поставляли стѣнъ,
И бывъ какъ холмы неподвижны,
Во браняхъ клали души львины.
Побѣдна рать Царя!
Ура! ура! ура!

Гордитесь сладостной молвою,
Не ложной честью таковой,
Что такъ служа Царю-Герою,
Какъ вы̄, сталъ всякъ изъ васъ герой.
Мы, подвиги чтя ваши бранны,
Цѣлуемъ ихъ, цѣлуемъ раны.
Побѣдна рать Царя!
Ура! ура! ура!

CLXXXVIII.

НА ВОЗВРАЩЕНІЕ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ ИЗЪ ЧУЖИХЪ КРАЕВЪ,

30 ноября 1815.

—

Небесъ благихъ планета,
О, Ангелъ тихихъ дней!
О, солнце, кѣмъ нагрѣта
Грудь у Россіи всей!
Сіяніемъ честей
И славою одѣта!
Всечтимая душей,
Хвала Тебѣ, Елисавета!

И Ты, внемля съ полсвѣта
Подвластныхъ гласъ людей,
Какъ въ гимнахъ царствъ днесь пѣта,

О, нѣжныхъ Мать дѣтей!
Зри, что ихъ всѣхъ очей
Ты съ Александромъ мѣта
Въ гармоніи лучей.
Хвала Тебѣ, Елисавета!

Такъ, Ты въ дни золъ навѣта,
Какъ дождь лила огней
Съ небесъ на насъ комета,
И ползъ какъ страшный змѣй,
Всѣмъ твердостью Твоей
Была лучемъ совѣта
И дивомъ для мужей.
Хвала Тебѣ, Елисавета!

И впредь, о, цвѣтъ лилей!
Будь утѣшеньемъ свѣта
Намъ доблестью Твоей.
Хвала Тебѣ, Елисавета!

CLXXXIX.

ХОРЫ,

ПѢТЫЕ ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ БЕСѢДЫ ЛЮБИТЕЛЕЙ РУССКАГО СЛОВА,

30 декабря 1815.

НАЧАЛЬНЫЙ.

Взведи окрестъ твой взоръ, Россія,
И виждь среди твоихъ трофей —

Твой Царь, смиря страны чужія,
Приноситъ миръ душѣ твоей
И хочетъ *благомъ Онъ заняться*
Своихъ дѣтей; Своимъ добромъ (*)
О, радость! будемъ утѣшаться
Въ Монархѣ мы Отцемъ!

Какъ въ небѣ свѣтится планета,
Съ сіяніемъ сліясь зарницъ,
Такъ славой многихъ царствъ одѣта,
Въ кругу родныхъ Царей, Царицъ
Не можетъ Мать налюбоваться
На Сынѣ доблестей вѣнцемъ.
О, радость! будемъ утѣшаться
Въ Монархѣ мы Отцемъ!

Зря Мать, Царицу и Супругу
И благодатнаго Царя,
Да прозвучитъ земному кругу
Хоръ Музъ нашъ, ревностью горя,
Что къ намъ благоволятъ склоняться
Они, какъ Фебъ съ небесъ лицемъ.
О, радость! будемъ утѣшаться
Въ Монархѣ мы Отцемъ!

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ.

Внуши, Творецъ! моленье
Душъ Россихъ и сердецъ;
Пошли благословенье
На насъ, щедротъ Отецъ!
Чтобъ здравье, дни и слава

(*) Подлинная слава Государей.

Того Царя цвѣли,
Чья мудрость, мечъ, держава
Отечество спасли;
Да Матерь и Супруга,
Весь Домъ Его и родъ,
Какъ солнце, жизнь намъ льетъ
И въ Новый Годъ съ небесна круга!

CXC.

НА ТОРЖЕСТВО,

БЫВШЕЕ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ 18 МАРТА 1816,

НА ПАМЯТЬ ВЗЯТІЯ ПАРИЖА.

Воспоминаніе Парижскаго плѣненья
Представя Александръ на Невскихъ берегахъ,
Неизреченный духъ влилъ въ Россовъ восхищенья,
Что далъ имъ торжество незримо зрѣть въ вѣкахъ.

Казалось, неба сводъ, полкъ Ангеловъ склонились,
Чтобъ зрѣть Царей, Царицъ, ликъ пастырей, войскъ строй;
Но паче красотѣ души того дивились,
Кто въ благочестьи семъ былъ истинный герой.

За зло не воздалъ зломъ, не мстилъ страдальца кровью;
Но прахъ его почтя, платилъ врагамъ любовью.
Се образъ доблестей, который, какъ гора,
Вѣкъ будетъ славой рость, какъ звѣзды, не увянетъ. —
Ни что такъ радовать Тебя, Монархъ! не станетъ,
Какъ память сладкая содѣланна добра.

CXCI.

НА ПОБѢДЫ ЕКАТЕРИНЫ II-й НАДЪ ТУРКАМИ 1772 ГОДА.

Со ужасомъ молвѣ вселенная внимаетъ,
Какъ падшу Грецію Минерва подымаетъ.
Не можетъ скрыться врагъ въ пустыняхъ и горахъ.
Побѣда на земли, побѣда на моряхъ!
Дрожитъ Дунайскій брегъ, трепещутъ Дарданеллы,
Колеблется Востокъ и южные предѣлы.
Вездѣ Твои орлы, Монархиня, парятъ;
Вездѣ Твой громъ гремитъ и молніи горятъ;

Отсюду Божій внукъ (*), лучъ царствъ земныхъ темнѣетъ,
Отсюду Мустафа въ Сералѣ цѣпенѣетъ:
Въ началѣ счастливыхъ, торжественныхъ судьбинъ,
Голицынъ утѣснивъ, повергъ Тебѣ Хотинъ;
Съ стремленьемъ сильный вихрь во слѣдъ его пустился:
Румянцевъ, какъ перунъ, по Туркамъ разразился;
Какъ древле Юпитеръ гигантовъ поразилъ,
Такъ подъ Кагуломъ онъ визиря разгромилъ.
Упадши гордыя предъ Панинымъ Бендеры
Сомнительнымъ вѣкамъ оставили примѣры:
Быть долженъ Геркулесъ, чтобъ стерть толь твердый градъ,
Который защищалъ всей злобой—злобный адъ.
Что сдѣлать грозные возмогутъ элементы?
Россійскимъ флотомъ вмигъ флотъ Агарянов стертый
Исчезнулъ при Чесмѣ, и свѣту показалъ,
Что влагой и огнемъ — Орловъ повелѣвалъ!
Вступилъ лишь въ Херсонесъ, пошелъ лишь Долгоруковъ,
Единой славою его гремящихъ звуковъ
Отверзлась Перекопь, пришелъ въ подданство Крымъ,
И вѣки что творятъ, то лѣтомъ онъ однимъ.
Екатеринѣ, знать, положено судьбами,

(*) Такъ называли себя нѣкоторые Султаны.

Чтобъ не стеналъ Босфоръ Мегмета предъ рабами!
Гряди, гряди, о рокъ! — и орлею рукой
Возстань, Палеологъ, поверженный луной!

CXCII.

НАДПИСИ.

—

1.

КЪ ПОРТРЕТУ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.

Кто Царь сей — межъ Царей? — чья блещетъ такъ порфира?
По бронѣ Александръ, по взору Аполлонъ;
Летятъ за Нимъ орлы — какъ на побѣду міра!
Такъ! вѣрно побѣдитъ, но благостію — Онъ!

2.

КЪ ПОРТРЕТУ

ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ.

Какъ лилія весной и роза среди лѣта,
Въ уединеніи благоуханье льетъ:
Такъ скромностью Своей сердца къ Себѣ влечетъ,
Умомъ и красотой — владычица полсвѣта.

3.

КЪ ПОРТРЕТУ
ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ
КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА.

Сбери Рафаэль огнь — съ очей Его души:
Россіи Марса напиши!

4.

КЪ ПОРТРЕТУ КНЯЗЯ КАНТЕМИРА.

Старинный слогъ его достоинствъ не умалитъ:
Порокъ, не подходи! сей взоръ тебя ужалитъ!

5.

НА ГРОБЪ ШЕЛИХОВА. (*)

Колумбъ здѣсь русскій погребенъ:
Преплылъ моря, открылъ страны безвѣстны;
Но зря, что все на свѣтѣ тлѣнъ,
Направилъ паруса во океанъ небесный.

6.

КЪ ПОРТРЕТУ
ПРЕОСВЯЩЕННАГО ИННОКЕНТІЯ ПСКОВСКАГО,
СКОНЧАВШАГОСЯ 20 ЯНВАРЯ 1799.

Витія! о тебѣ не возгласимъ похвалъ:
Гласъ краснорѣчія для праведника малъ.

(*) Рыльскаго именитаго гражданина, обошедшаго свѣтъ и покорившаго Россіи нѣсколько дикихъ острововъ въ Сѣверной Америкѣ, 1794 года.

7.

КЪ ГРОБНИЦѢ ВЕЛЬМОЖИ И ГЕРОЯ.

Въ семъ мавзолеѣ погребенъ
Примѣръ сіянія людскаго,
Примѣръ ничтожества мірскаго,
Герой — и тлѣнъ.

8.

КЪ ПОРТРЕТУ М. М. ХЕРАСКОВА.

Любимецъ Русскихъ Музъ (въ немъ нашъ Виргилій цвѣлъ)
Монарховъ подвиги, дѣла героевъ пѣлъ:
Се видъ его лица, души — стихи свидѣтель,
А жизни — добродѣтель.

9.

НА КОМЕДІЮ: НЕДОУМѢНІЕ,

сочиненную Екатериною II, 1789.

Какое восхищенье!
Какой восторгъ сердецъ!
И самое *Недоумѣнье*
Даетъ Тебѣ вѣнецъ.

CXCIII.

ПОСВЯЩЕНІЕ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ.

—

Монархъ! спокойствомъ Ты мою ущедрилъ
лиру —
Я кринъ цвѣтовъ ея дерзнулъ принесть предъ
тронъ:
Ты, обоняя ихъ, внушишь яснѣе міру,
Что и при бурныхъ дняхъ Ты музамъ Апол-
лонъ.

CXCIV.

ЭПИТАФІЯ СУПРУГѢ.

—

Гдѣ добродѣтель? гдѣ краса?
Кто мнѣ слѣды ея примѣтитъ!
Увы! се дверь на небеса....
Сокрылась тамъ — да солнце встрѣтитъ!

CXCV.

ПОСЛѢДНІЕ СТИХИ ДЕРЖАВИНА,

писанные на аспидной доскѣ, хранящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

—

Рѣка временъ въ своемъ стремленьи
Уноситъ всѣ дѣла людей

И топитъ въ пропасти забвенья
Народы, царства и Царей.
А если что и остается
Чрезъ звуки лиры и трубы,
То вѣчности жерломъ пожрется —
И общей не уйдетъ судьбы.

(Далѣе еще двѣ строки, которыхъ нельзя разобрать.)

CXCVI.

ГИМНЪ ЛИРОЭПИЧЕСКІЙ

НА ПРОГНАНІЕ ФРАНЦУЗОВЪ ИЗЪ ОТЕЧЕСТВА.

ПОСВЯЩЕНЪ ВО СЛАВУ ВСЕМОГУЩАГО БОГА, ВЕЛИКАГО ГОСУДАРЯ, ВѢРНАГО НАРОДА, МУДРАГО ВОЖДЯ И ХРАБРАГО ВОИНСТВА РОССІЙСКАГО.

Благословенъ Господь нашъ Богъ,
На брань десницы ополчивый
И подъ стопы намъ подклонивый
Враговъ надменныхъ дерзкій рогъ.
Возстань, тимпанница царева,
Священно-вдохновенна дѣва! (1)
И гусли взявъ въ багряну длань,
Брось персты по струнамъ — и грянь,
И пой побѣды звучнымъ тономъ
Царя Славянъ надъ Авадономъ. (2)

Что жъ въ сердцѣ чувствую тоску
И грусть въ душѣ моей смертельну?
Разрушенну и обагренну
Подъ пепломъ въ дымѣ зрю Москву.
О страхъ! о скорбь! Но свѣтъ съ Эмпира
Объялъ мой духъ, — отблещетъ лира;
Восторгъ плѣнитъ, живитъ, бодритъ
И тлѣнъ земной забыть велитъ.
«Пой!» миръ гласитъ мнѣ горній, дольній —
«И оправдай судьбы Господни.»

Открылась тайнъ священныхъ дверь!
Исшелъ изъ безднъ огромный звѣрь, (3)
Драконъ, иль демонъ зміевидный: (4)
Вокругъ его ехидны
Со крыльевъ смерть и смрадъ трясутъ,
Ногами солнце прутъ;
Отенетяя вкругъ всю ошибами сферу,
Горящу въ воздухъ прыщутъ сѣру,
Холмятъ дыханьемъ понтъ,
Льютъ ночь на горизонтъ
И движутъ ось всея вселенны.
Бѣгутъ всѣ смертные смятенны
Отъ князя тмы и крокодильныхъ стадъ.
Они ревутъ, свистятъ и всѣхъ страшатъ;
А только Агнецъ бѣлорунный, (5)
Смиренный, кроткій, но челоперунный,
Возсталъ на Сѣверѣ одинъ, —
Исчезъ змѣй-исполинъ!

Что се! Стихіевъ ли борьба?
Брань съ свѣтомъ тмы? добра со злобой?

Иль такъ рожденный утробой
Коварствъ, крамола, лесть, татьба
Въ адъ сверглись громомъ съ княземъ бездны,
Которымъ трепеталъ сводъ звѣздный,
Лишались солнца ихъ лучей;
Отъ пламенныхъ его очей
Багрѣли горы, рдѣло море
И слѣдъ его былъ плачъ, стонъ, горе!

Иль Галлъ творецъ то злыхъ чудесъ:
Похитившій у вѣтра крылы,
У доблести, у Вѣры силы,
Скиптръ у Царей, громъ у Небесъ;
У правосудія законы;
Убивъ народовъ милліоны,
Изгнавъ къ отечеству любовь,
Растлилъ всѣхъ духъ, оподлилъ кровь,
Ставъ хищна рабъ Наполеона, —
Возмнилъ быть Царь вселенной трона?

Такъ — онъ, то Галлъ, съ своимъ вождемъ
Навергнувъ на Царей яремъ
И всю почти плѣня Европу,
Далъ страшному Атропу (6)
Не разъ ея же кровью пиръ;
Прервалъ звукъ нѣжныхъ лиръ,
Пресѣкъ спокойствіе, торги, трудъ сельскій, мирный
И, въ блескъ разбойника порфирный
Одѣвъ, возвелъ на тронъ, —
То былъ Наполеонъ.
Онъ вѣтви ссѣкъ лилей несчастныхъ

И, въ замыслахъ своихъ ужасныхъ
Превозносясь, какъ нѣкій дивій Гогъ, (7)
Въ гордынѣ мнилъ, что все творить возмогъ.
Но, на спокойну зря Россію,
Что передъ нимъ одна не клонитъ выю,
Вспылалъ, простеръ завистну длань —
И дхнулъ изъ зѣва брань.

Уже, какъ смрадныхъ тучи пругъ,
Его летящи легіоны
Затмили свѣтъ, иль быстры волны
Какъ рѣкъ пяти (8) шумящихъ вдругъ
Чрезъ Нѣманъ прорвались преградный.
Самъ онъ, какъ тигръ на трупы гладный,
Предспѣющій своей молвѣ,
Шагнулъ къ Днѣпру, шагнулъ къ Москвѣ.
Кровавы вслѣдъ моря струились
И заревы по небу рдились.

Въ стремленьѣ быстръ, въ бою жестокъ,
Уже своей побѣдой длился,
Что мы (съ насмѣшкою хвалился)
Бѣжимъ его и праха ногъ: (9)
Что быстрый полкъ его, орлиный
На домъ Петра, Екатерины (10)
Возсядетъ скоро средь столицъ
И вкуситъ онъ отъ Царскихъ лицъ
По жатвѣ звучной, громкой славы,
Въ Петрополѣ, въ Москвѣ забавы. (11)

Уже блаженствъ своихъ съ одра
Россія внемлетъ гласъ Царя,
Зовущаго на ополченье. (12)

О, радостно видѣнье!
Такъ май, блеетя своимъ лицомъ,
Сквозь тучь чрезъ тихій громъ
Скликаетъ сонмъ съ полей, съ лѣсовъ къ себѣ
пернатый.
Различно племя, въ разны латы
Облекшись, Россій родъ
Какъ исполинъ встаетъ;
Идетъ на брань единодушно,
Монарху своему послушно,
За тронъ Его за Вѣру умереть.
Нигдѣ сей ревности подобной нѣтъ!
И старцы, дѣти, жены, дѣвы,
Богатства всѣ свои въ сокровища Царевы
Отдавъ, идутъ въ Господень храмъ
Взнесть душъ ихъ ѳиміамъ.

Держай твердь, море, землю, адъ
И равновѣсье межъ мірами,
Дышай зефирами, громами
И все въ единъ вмѣщаяй взглядъ,
Воззрѣвъ на лесть Наполеона,
На святость Александра трона,
Въ ночь темныхъ тучь себя облекъ
И тихимъ гуломъ грома рекъ:
«Полна нечестья Галловъ мѣра,
Спасаетъ Россовъ тепла вѣра!»

И бысть. — Молебныхъ капля слезъ,
Упадши въ чашу правосудья,
Всей стратегистики (13) орудья,
Какъ прахъ, взметнула до небесъ. —

Раздвиглись Чермна Моря волны,
И Фараонъ, гордыней полный,
Ступилъ въ невлажный понтъ ногой.
Морскихъ звѣрей, чудовищъ строй
Хотя сей дерзости глумились,
Но будто бы боясь — странились,

И отверзали сами путь:
А онъ, чтобъ паче страхъ вдохнуть,
Со всадники, со колесницы,
Какъ бы закрывъ зѣницы,
Безстрашно вшелъ во сердце водъ
И гналъ Іаковль родъ,
Избранный искони и ввѣкъ хранимый Богомъ,
Тѣсня его поспѣшнымъ ходомъ;
Но Богъ воззрѣлъ на Нордъ:
Слился двухолмный понтъ —
И съ шумомъ поглотилъ тирана.
Слѣдъ сталъ его лишь влага слана;
Лишь выплывалъ тамъ щитъ, тамъ тулъ, тамъ бронь,
Тамъ съ всадникомъ выказывался конь,
Блестѣла чуть въ зыбяхъ порфира. —
Не честолюбья ли то образъ міра
И гибели надменныхъ силъ?
Се Богъ какъ ихъ казнилъ!

Но ужасъ духъ еще объялъ!
Царь Сиріи, властитель міра,
Явя въ себѣ торжествъ кумира,
Безумнымъ вдругъ животнымъ сталъ, (14)
И на стѣнѣ предъ всѣхъ очами

Писала длань ([15]) огня чертами,
Что скоро власть Царя пройдетъ,
Который правды не блюдетъ.
Всевышній управляетъ царства,
Даетъ ([16]), отъемлетъ за коварства.

Не видимъ ли и въ наши дни
Мы сихъ чудесъ въ Наполеонѣ?
На зыблемомъ возсѣдши тронѣ,
Не возлюбилъ онъ тишины,
Но злобу злобами умножа,
Спокойны царства востревожа,
Во храмы запустѣнье внесъ,
Святыхъ не пощадилъ тѣлесъ ([17]),
Полъ нѣжный, посрамленный,
Заставилъ въ тайнѣ лить токъ слезный, —

И Богъ сорвалъ съ него Свой лучъ:
Тогда средь бурныхъ, мрачныхъ тучь,
Неистовой своей гордыни,
И домы благостыни,
Смердя своими надписьми ([18]),
А алтари коньми ([19])
Онъ поругалъ. — Тутъ всѣ въ немъ чувства
закричали,
Огнями надписи вспылали,
Изслали храмы стонъ —
И обезумѣлъ онъ.
Симъ предузнавъ свое онъ горе,
Что царство пройдетъ его вскорѣ,
Не могъ уже въ Москвѣ своихъ снесть золъ,
Рѣшился убѣжать, зажегъ, ушелъ, —

Вторымъ ставъ Навходоносоромъ,
Кровавы угли вкругъ бросая взоромъ,
Лилъ пѣну съ челюстей какъ вепрь
И ринулся въ мракъ дебрь.
Но, Муза! таинственный глаголъ
Оставь, — и возгреми трубою,
Какъ твердой грудью и душою
Россъ, ополчась. на Галла шелъ;
Какъ Западъ съ Сѣверомъ сражался,
И громъ о громы ударялся,
И молньи съ молньями сѣклись,
И небо и земля тряслись
На Бородинскомъ полѣ страшномъ,
На Малоярославскомъ, Красномъ. (20)

Тамъ штыкъ съ штыкомъ, рой съ роемъ пуль,
Ядро съ ядромъ и бомба съ бомбой,
Жужжа, свища, сшибались съ злобой,
И мечъ о мечъ звуча, слалъ гулъ;
Тамъ всадники, какъ вихри бурны,
Темнили пылью сводъ лазурный;
Тамъ блѣдна смерть съ косой въ рукахъ
Скрежещуща, въ единый махъ
Полки, какъ класы, посѣкала
И трупы по полямъ бросала;

Тамъ рвали другъ у друга громъ, (21)
Осмькратъ спирали градъ челомъ
И царство поборали царствомъ
Зла генія коварствомъ,
Который, такъ какъ жгущій Эвръ (22)

Смотря на древній кедръ,
Стоящій на челѣ святой горы Синайской,
Всѣхъ прохлаждавшій тѣнью райской,
Преклонשимся лицомъ.
Надъ осьмъ морей стекломъ,
Простертъ бывъ на полсвѣтѣ корнемъ,
Цвѣлъ въ покровительствѣ Господнемъ;
Но Эвръ его давно сносить не могъ;
Рѣшился съ высоты низринуть въ логъ:
Напалъ, иглъ нѣсколько сшибъ зѣвомъ,
Но стебля сбить не могъ всѣхъ силъ набѣгомъ.
Вздохнулъ впервый на неуспѣхъ
И съ срамомъ вспять побѣгъ.

Бѣжитъ; — и пламеннымъ мечемъ
Его въ тылъ Ангелъ погоняетъ,
Отвсюду ужасомъ смущаетъ,
Слѣдъ сѣетъ огненнымъ дождемъ.
Встревоженный, взъяренный, блѣдный
Онъ съ трескомъ въ воздухъ мещетъ стѣны,
Съ Кремлевскаго ихъ рвавъ холма;
Съ чела его въ мракъ искръ косма
Сквозь дыма сыплясь, какъ комета,
Окровавляла твердь полсвѣта.

Бѣжитъ, — и нѣсколько полковъ,
Летящихъ воздуха волнами,
Онъ видитъ тѣней предъ очами
Святыхъ и нашихъ праотцовъ,
Которы въ звѣздномъ челъ убранствѣ,
Безмѣрной высоты въ пространствѣ.
Какъ воющей погоды стонъ,

«Наполеонъ! Наполеонъ!» —
Ліютъ въ слухъ жалобы — «изъ злости
Ты наши двигалъ прахъ и кости!» (23)

Бѣжитъ, — и зритъ себя вокругъ
Онъ тысячи невинныхъ вдругъ
Замученныхъ и убіенныхъ,
Имъ не запечатлѣнныхъ, (24)
Что полумертвымъ взоромъ зрятъ,
Съ устъ посинѣлыхъ хладъ,
Дыхавъ, со всѣхъ сторонъ кричатъ ему съ укорой:
«Ты, ты предвременной и скорой
Насъ смертію посѣкъ,
Когда на брани текъ.
И се, — наполненну слезами
Семействъ и нашими кровями,
Обвиту жалами шипящихъ змѣй,
Ту чашу (25) смертну, въ жизни что своей
Ты наполнялъ безперестанно,
Желалъ и требовалъ несыто, жадно
Еще, еще себѣ кровей,
Пріими теперь — и пей!» —

Бѣжитъ, — себя самъ упреждавъ;
За скорыми его шагами
Лишь поспѣваетъ смерть прыжками,
Тѣлъ груды по странамъ бросавъ;
Тамъ мѣдные лежатъ драконы,
На кони навалены кони
И колесницы другъ на другъ.
Великаго здѣсь вождя духъ,

Искусство, смѣльство видно бранно,
Что онъ бѣжитъ лишь безпрестанно!

Бѣжитъ, — хотя и жажды полнъ
Къ сокровищамъ неоцѣненнымъ,
Въ чертогахъ, въ храмахъ похищеннымъ;
Но ихъ и всѣхъ кидаетъ онъ,
Друзей, больныхъ безъ сожалѣнья.
Сей геній — ищетъ лишь спасенья!
Его страшитъ и вѣтровъ свистъ,
И скрипъ деревъ, и падшій листъ,
Въ сердечныхъ отзываясь нѣдрахъ,
Какъ страшный громъ во мрачныхъ дебряхъ.

Бѣжитъ, — и самъ себя внутрь рветъ,
Что сильно Россъ его женетъ;
Но кажетъ, будто бы безстрашно
Онъ шествуетъ обратно.
Такъ волкъ въ лѣса бѣжитъ назадъ,
Бывъ прогнанный отъ стадъ,
Оставя добычу и рыщетъ хоть скочками,
Но въ задъ озрясь, стуча зубами,
Огнь сыплетъ изъ очей;
Иль Аспидъ, лютый змѣй,
Бѣжитъ такъ съ поль, коль Сѣверъ дуетъ
И Афра за собою чуетъ:
То вверхъ главу, то внизъ клоня, ползетъ,
Шипитъ, крутитъ хребетъ, хвостъ въ кольца вьетъ;
И сколько змѣй сей ни ужасенъ,
Но поползокъ его тѣмъ паче страшенъ,

Что дымъ струится въ немъ и смрадъ,
А воздухъ дышетъ ядъ!

Бѣжитъ, — и видитъ наконецъ,
Что за его всѣ злодѣянья
Готовитъ небо наказанья
И падаетъ съ него вѣнецъ;
Что ставъ предъ собственнымъ ужъ взоромъ
Кладбищнымъ рать его позоромъ —
Отъ глада, ранъ и мраза мретъ.
О ужасъ! Галлъ здѣсь Галла жретъ! (26)
Но съ сердцемъ Бонапартъ желѣзнымъ
И симъ смѣется бѣдствамъ слезнымъ! (27)

Бѣжитъ, — но сорока двухъ лунъ
Ужъ данный срокъ на возвышенье,
Еще пяти — на оскверненье (28)
Ему прошелъ; уже перунъ
Предвѣчнаго виситъ закона
Поверхъ главы Наполеона:
Еще немного — онъ падетъ,
И сонмъ тѣхъ царствъ, что съ нимъ идетъ
Вдругъ на него весь обратится; (29)
Содомъ, Гоморъ съ нимъ вспепелится.

О! такъ, таинственныхъ числъ звѣрь, (30)
Въ плоти седьмглавый Люциферъ,
О десяти рогахъ вѣнчанный, (31)
Дни кончитъ смрадны.
Сей мнимый геній, Царь Царей,
Падетъ злый вождь вождей. —
Судьбы небесныя издревле непреложны:

Враги Христовы суть ничтожны. —
Отъ нихъ намъ Вѣра — щитъ;
Онъ праведныхъ хранитъ. —
Кто жъ щитъ даетъ сей царствъ въ отпору?
Царь, не причастный Вельфегору. ([32])
Такъ! Александровъ гласъ нашъ духъ вознесъ:
Прибѣгъ Онъ въ храмъ — и сталъ безстрашнымъ Россъ.
Упала демонская сила
Рукой избранна Князя Михаила. ([33])
Сей мужъ лишь Гога могъ потрясть,
Россію Вѣрой спасть. ([34])

Какая честь изъ рода въ родъ
Россіи, слава незабвенна,
Что ей избавлена вселенна
Отъ новыхъ Тамерлана ордъ! —
Цари Европы и народы!
Какъ бурны вы стремились воды,
Чтобъ поглотить край Росса весь;
Но, буйные! гдѣ сами днесь?
Почто вы спяща льва будили,
Чтобы узналъ свои онъ силы?

Почто вмѣщались въ сонмъ вы злыхъ
И, съ нами разорвавъ союзы,
Грабителямъ поверглись въ узы
И сами укрѣпили ихъ?
Гдѣ царственны, народны правы?
Гдѣ, гдѣ Германски честны нравы?
Друзья мы были вамъ всегда;

За васъ сражались иногда;
Но вы, забывъ и клятвы святы,
Ползли грызть тайно наши пяты.

О, новый Вавилонъ, (35) Парижъ!
О, градъ мятежничьихъ (36) жилищъ,
Гдѣ Бога нѣтъ, окромѣ злата,
Соблазновъ и разврата;
Гдѣ самолюбью на алтарь
Все, все приносятъ въ даръ!
Бывъ чуждыхъ царствъ не сытъ, ты шелъ съ Наполеономъ,
Неизмѣримымъ небосклономъ
Россіи повратить,
Полсвѣта огорстить.
Хоть прелестей твоихъ уставы
Давно ужъ чли вѣнцемъ мы славы;
Но не довольствуясь слѣпить умомъ,
Ты мнилъ попрать насъ и мечемъ,
Забывъ, что сѣверныя силы (37)
Всегда на Западъ ужасъ наносили;
Гдѣ жъ Мамелюкъ твой, гдѣ Элитъ?
О, вѣчный Сенѣ стыдъ!

Такъ, дерзка Франція! и вы,
Съ ней шедшія на насъ державы!
Не страшенъ намъ вашъ ковъ коварный,
Коль члены мы одной главы.
Отъ хижинъ, церкви до престола
И дѣти всѣ до нѣжна пола (38)
Суть Царски витязи у насъ.
Вы сами видѣли не разъ,

Какъ велъ отецъ дѣтей ко брани, (39)
Какъ сами шли безстрашно къ казни. (40)

А ваша гдѣ надменность словъ
И похвальбы Наполеона,
Что къ обладанью Росска трона
Не мечъ онъ несъ, а пукъ оковъ?
Гдѣ на монетѣ, имъ тисненной, (41)
Тотъ царь Москвы, тотъ царь вселенной,
Кто произнесъ толь дерзку рѣчь,
Что онъ, поколь наверхъ свой мечъ
Петрова не положитъ гроба,
Не дастъ покою намъ?... О злоба! (42)

Но духъ Петровъ, сквозь звѣздну мглу
Съ улыбкой внявъ сію хулу,
Геройской кротости въ незлобьи
Вспарилъ орла въ подобьи, (43) —
И грянулъ Бородинскій громъ.
Съ тѣхъ поръ Наполеонъ
Упалъ въ душѣ своей, какъ духъ Сатанаила,
Что древле молньей Михаила
Палъ въ озеро огня,
И тамъ стеня,
Мертвъ въ помыслахъ лежитъ ужасныхъ
Подъ ревомъ волнъ, искръ смрадныхъ, страшныхъ;
А если онъ когда еще и живъ,
То только тѣмъ, что, взоры искосивъ
На Сѣверъ съ зависти и злости,
Грызетъ свои, бѣснуясь, ссохши кости,

На славу Александра зря,
Всѣмъ милаго Царя.

Лежитъ! — о радость! о восторгъ!
Кавказъ и Тавръ встаютъ мнѣ выше,
Евксинъ и Бельтъ шумятъ мнѣ тише:
Мы побѣдили! Съ нами Богъ!
Вселенна знай и всѣ языки,
Коль благъ Богъ въ браняхъ намъ Великій!
Внемли, врагъ скрытый, намъ хвалу;
Гладь, змѣй, языкъ свой о пилу; (44)
Кричи: что Рейнски страшны силы
Ихъ съ Нѣмана по Обь — могилы! (45)

Такъ, щитъ намъ Богъ: мы страшны Имъ;
Его мы волей торжествуемъ;
Ему побѣды вописуемъ;
Имъ Русскій Царь непобѣдимъ, —
Будь одного Его держава;
Славянъ всегда наслѣдье — слава.
Не блещутъ доблести безъ бѣдъ
И превосходствъ нѣтъ безъ побѣдъ.
Богъ посѣтилъ насъ, — Богъ прославилъ,
Всѣхъ выше царствъ земныхъ поставилъ.

Хвала Ему! Хвала, Творецъ,
Тебѣ! Изъ глубины сердецъ
Благодареніе приносимъ;
Молебны чувства взносимъ
Тебѣ въ пространны небеса
За явны чудеса,
Которыми Ты насъ возвысилъ непостижно,

Изъ всѣхъ земныхъ державъ такъ дивно,
Что честью превознесъ
И славой до небесъ:
Отечество мы оградили,
Царя и Вѣру защитили
Отъ угрожавшихъ рабственныхъ оковъ;
Не зря на лесть и на соблазнъ даровъ,
На ужасы и самой смерти,
Галлъ не возмогъ насъ предъ собой простерти;
И симъ ужаснымъ бѣдствомъ Россъ
Еще превыше взросъ.

О Россъ! о доблъственный народъ,
Единственный, великодушный,
Великій, сильный, славой звучный
Изящностью своихъ добротъ!
По мышцамъ ты неутомимый,
По духу ты непобѣдимый,
По сердцу простъ, по чувству добръ,
Ты въ счастьи тихъ, въ несчастьи бодръ,
Царю радушенъ, благороденъ;
Въ терпѣньи лишь себѣ подобенъ.

Красуйся жъ и ликуй, герой,
Что въ нынѣшнемъ ты страшномъ бѣдствѣ
Въ себѣ и всемъ твоемъ наслѣдствѣ
Далъ свѣту духъ твой знать прямой!
Лобзайте родши чадъ, ихъ — чада,
Что въ васъ отечеству ограда
Была взаимна отъ враговъ;
Цѣлуйте, дѣвы, жениховъ,

Мужей супруги, сестры братья,
Что былъ всякъ твердъ среди несчастья.

И вы, Гесперья, Альбіонъ, (46)
Внемлите: палъ Наполеонъ. —
Безъ насъ вы рано, или поздно,
Но понесли бы грозно,
Какъ всѣ несутъ, его ярмо, —
Ужъ близилось оно;
Но мы, какъ холмы, бывъ внутрь жупломъ наполненны,
На насъ налегшій облакъ черный
Сдержавъ на раменахъ,
Огнь дхнули, — палъ онъ въ прахъ.
Съ гиганта ребръ въ Версальи трески,
А съ нашихъ рукъ вамъ слышны плески:
То въ общемъ, славномъ торжествѣ такомъ
Не должны ли и общихъ хвалъ вѣнцомъ
Мы чтить героевъ превосходныхъ,
Душею Россовъ твердыхъ, благородныхъ?
О, какъ мнѣ милъ ихъ взоръ, ихъ слухъ!
Плѣненъ мой ими духъ!

И се, какъ въявѣ вижу сонъ,
Ношуся внѣ предѣловъ міра,
Гдѣ въ голубыхъ поляхъ эѳира
Витаетъ вождей Россскихъ сонмъ.
Межъ ими тамъ въ бесѣдѣ райской
Рымникскій, Таврскій, Задунайской
Между собою говорятъ:
«О, какъ вѣнецъ свѣтлѣй стократъ,

Что данъ не царствъ за расширенье,
А за отечества спасенье.

«Мамай, Желковскій, Карлъ, путь святъ
Къ безсмертью подали прямому:
Петру, Пожарскому, Донскому,
Кутузову днесь — Бонапартъ.
Доколь Москва, Непрядва и Полтава
Течь будутъ, ихъ не умретъ слава. —
Какъ воинъ, что въ бою не палъ,
Еще хвалъ вѣчныхъ не стяжалъ;
Такъ громокъ странъ пусть покоритель,
Но лишь великъ ихъ святъ спаситель.»

По правдѣ, вѣчности лучей
Достойны войны нашихъ дней.
Смоленскій Князь, вождь дальновидный, (47)
Не зря на толкъ обидный,
Великій умъ въ себѣ являлъ,
Безъ крови поражалъ
И въ бранной хитрости противника безъ лести
Превысилъ Фабія онъ въ чести.
Витгенштейнъ легче бить (48)
Умѣлъ, чѣмъ отходить
Средь самыхъ пылкихъ, бранныхъ споровъ.
Бывъ смѣлъ какъ левъ, быстръ какъ Суворовъ.
Вождь не предзримый, громъ какъ съ облаковъ
Слеталъ на вражій станъ, натылъ—Платовъ.(49)
Но какъ исчислить всѣхъ героевъ,
Живыхъ и падшихъ съ славою средь боевъ?
Почтимъ Багратіоновъ прахъ, — (50)
Онъ живъ у насъ въ сердцахъ!

Се бранныхъ подвиговъ вѣнецъ!
И разность межъ Багратіономъ
По смерти въ чемъ съ Наполеономъ?
Не въ чувствѣ ль праведныхъ сердецъ?
Для нихъ не больше ль знаменитый
Слезой, чѣмъ клятвами покрытый:
Такъ! мѣрилъ мѣрой кто какой,
И самъ возмѣренъ будетъ той.
Намъ правда Божія явила,
Какая Галловъ казнь постигла.

О, полный чудесами вѣкъ!
О, міра колесо превратно!
Давно ль страшилище ужасно
На насъ со всей Европой текъ!
Но гдѣ днесь добычи богаты?
Гдѣ мудрые вожди, тристаты?
Гдѣ побѣдитель въ торжествахъ?
Гдѣ геній блещущій въ лучахъ?
Не здѣсь ли имъ урокъ въ ученье,
Чтобъ царствъ не льститься на хищенье?

О такъ! блаженство смертныхъ въ томъ,
Чтобъ дѣйствовать всегда во всемъ
Лишь съ справедливостью согласно,
Такъ мыслить безпристрастно,
Что мы чего себѣ хотимъ,
Того желать другимъ.
Судьбы Всевышняго, отнявъ скиптръ у Бурбо-
новъ,
По чертежу своихъ законовъ
Взявъ червя изъ червей,

Въ санъ облекли Царей.
Долгъ былъ его, — къ чему былъ званный;
Но онъ, нечестьемъ обуянный,
Дерзнулъ Господню волю пренебречь,
Не стерть токъ слезъ, судъ правый не изречь
И быть отрекся миролюбнымъ,
Великимъ, но склоня свой слухъ ко трубнымъ
Онъ гласамъ, мнилъ быть и судьбѣ
Царь, Богъ, — и се не бѣ!

Не бѣ. — Но Ты, Монархъ, блистай
Твоей небесной красотою;
То кротостью, то правотою
Владѣй, плѣняй и успѣвай
Лукъ налящать Твой крѣпкій, сильный,
Чрезъ всѣ Твои страны обширны
Ко ужасу Твоихъ враговъ,
И грозный строй Твоихъ полковъ,
Какъ туча мольями чревата,
Кругомъ возляжетъ царства свята.

Югъ, Западъ, Сѣверъ и Востокъ
Подъ Твой покровъ прострутъ ихъ длани,
Уйдетъ вражда, умолкнутъ брани,
Въ пшеницѣ не взростетъ порокъ;
Цари придутъ къ Тебѣ на сонмы,
Чтобъ миромъ умирить ихъ громы
И скромну власть Твою почтутъ;
Объиметъ совѣсть — правый судъ;
Всѣмъ чувство въ грудь польется ново
И Царство снидетъ къ намъ Христово.

Печалью мрачныя главы
Лучемъ возблещутъ вновь Москвы,
Вновь внидетъ благолѣпье въ храмы,
Съ обѣтомъ ѳиміамы
Возжгутся наши и сердца,
Не забывать Творца —
Отца отечества несмѣтны попеченьи
Скорбей прогонятъ нашихъ тѣни;
Художествъ сонмъ, наукъ,
Торговъ, лиръ громкихъ звукъ, —
Всѣ возвратятся въ ихъ жилищи;
Свое и чудно племя пищи
Придутъ, какъ подъ смоковницей, искать,
И словомъ: бывъ градовъ всѣхъ русскихъ мать,
Москва по прежнему возстанетъ,
Изъ пепла зданьемъ велелѣпнымъ станетъ,
Какъ Фениксъ, снова процвѣтать,
Вѣнцемъ средь звѣздъ блистать.

И сей прелестный градъ Петровъ
Отъ удовольствіевъ сердечныхъ,
Отъ радостей невинныхъ, честныхъ,
Да съ тѣмъ сравнится, съ облаковъ
Что снидетъ душъ святыхъ въ ограду,
Въ блаженство, въ сладость и въ прохладу,
Гдѣ съ камней, стѣнъ драгихъ лучи
Подъ гусльми взблещутъ и въ ночи;
Зной вздремлетъ древъ подъ осѣненьемъ, —
Освѣтитъ Царь Своимъ все зрѣньемъ.

И изъ страны Россійской всей
Печаль и скорби изженутся,

Въ ней токи крови не прольются,
Не канутъ слезы изъ очей;
Отъ солнца пахарь не сожжется,
Отъ мраза бѣдный не согнется;
Сады и нивы плодъ дадутъ,
Моря чрезъ горы длань прострутъ,
Ключи съ ключами сожурчатся,
По рощамъ пѣсни отгласятся.

Но, солнце! мой вечерній лучъ!
Уже за холмы синихъ тучъ
Спускаешься ты въ темны бездны,
Твой тускнетъ блескъ любезный,
Среди лиловыхъ мглистыхъ зарь —
И мой ужъ гаснетъ жаръ;
Холодна старость — духъ, у лиры — гласъ отъемлетъ,
Екатерины Муза дремлетъ:
То юнаго Царя,
Днесь въ слѣдъ орловъ паря,
Предшествующихъ благъ видѣнья,
Что мною въ день Его рожденья
Предречено, достойно пѣть
Я не могу; младымъ пѣвцамъ гремѣть
Мои ввѣряю ветхи струны,
Да черплютъ съ нихъ въ свои сердца перуны
Толь чистыхъ, ревностныхъ огней,
Какъ пѣлъ я трехъ Царей.

(¹) У Давида и Соломона были хоры пѣвцовъ, между которыми и *Тимпанницы* дѣвы. Здѣсь дѣва разумѣется то же, что Муза.

(²) *Авадонъ* по-Еврейски, а по-Гречески *Аполлѵонъ*, значитъ истребитель. (Апокалипсисъ глава 9, стихъ 11.)

(³) *Звѣрь исходитъ отъ бездны.* (Апокалипсисъ гл. 11, ст. 7 и гл. 13, ст. 1.)

(⁴) *Змій древній, нарицаемый діаволъ.* (Апокалипсисъ гл. 11, ст. 9.) — Подъ видомъ змѣя здѣсь разумѣется коварство.

(⁵) *Змій съ агнцемъ брань сотворитъ, и агнецъ побѣдитъ его.* (Апокалипсисъ гл. 17, ст. 14.) — Здѣсь подъ видомъ Агнца представляется Христіанская кротость и имѣетъ отношеніе къ тому, что царствующій Императоръ вступилъ на престолъ подъ знакомъ Овна.

(⁶) *Атропъ,* парка или смерть.

(⁷) *Гогъ,* слово Еврейское, значитъ противоборника Христу. (Апокалипсисъ гл. 20, ст. 7, и у Пророка Іезекіиля гл. 38, ст. 2 и гл. 39, ст. 11.)

(⁸) Наполеонъ пятью колоннами, болѣе нежели въ 500,000 человѣкъ, перешелъ пограничную рѣку Нѣманъ. Реляція отъ 17 іюня.

(⁹) Въ письмахъ въ Парижъ и бюллетеняхъ тщеславился Наполеонъ такимъ образомъ.

(¹⁰) Слухъ носился, что такъ отзывался онъ Послу нашему въ Парижѣ.

(¹¹) Нѣкоторыя Парижскія дамы, по увѣренію Наполеона, писали къ Петербургскимъ Французскимъ торговкамъ, чтобъ онѣ къ Петрову дню приготовили имъ платья для бала въ Петергофѣ.

(¹²) Манифестъ объ ополченіи 6 іюля 1812 года.

(¹³) *Стратегистика,* слово Греческое, значитъ военный обманъ или хитрость, которою Французы столь много превозносились.

(¹⁴) У Пророка Даніила гл. 4, ст. 10, сказано о Навуходоносорѣ: *траву яко волъ ядеше.*

(¹⁵) У Даніила же гл. 5, ст. 5, при пиршествѣ Валтасара: *Въ той часъ изыдоша персты руки, человѣчи и писаху.*

(¹⁶) Тамъ же гл. 4, ст. 22: *Владѣетъ Вышній царствомъ человѣческимъ, и ему же восхощетъ, дастъ е.*

([17]) Смотри Сѣверной Почты № 94, статью изъ Москвы о неистовствѣ Французовъ.

([18]) Слухъ носился, что Наполеонъ въ Москвѣ своими надписями богоугодныя заведенія присвоилъ своей матери.

([19]) Смотри Сѣверной Почты № 78, статью изъ Твери.

([20]) При сихъ мѣстахъ три славныя побѣды рѣшили участь не токмо Россіи и Европы, но, такъ сказать, цѣлой вселенной.

([21]) Въ реляціи отъ 27 августа видно, что батареи при Бородинѣ переходили нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки.

([22]) *Эвръ*, Африканскій полуденный палящій вѣтръ.

([23]) Видно изъ письма Доктора Рокруа къ Доктору Граю, что Наполеона не только сны, но и привидѣнія ужасали.

([24]) *Да дастъ имъ начертаніе на руцѣ или на челахъ ихъ*. (Апокалипсисъ гл. 13, ст. 16.) — Наполеонъ принятыхъ въ свою службу клеймилъ или печаталъ своимъ именемъ. (См. журналъ *Сынъ Отечества* № 4, стр. 168.)

([25]) *Чашею, ею же черпа, черплите ей сугубо*. (Апокалипсисъ гл. 18, ст. 6.)

([26]) Сіе видно изъ Сѣверной Почты въ № 99.

([27]) Въ томъ же письмѣ Доктора Рокруа къ Граю видно, что когда Наполеону предсказывали о подобныхъ ужасныхъ картинахъ, то онъ улыбался.

([28]) 42 мѣсяца нѣкоторые разумѣютъ 42 мѣсяца его, можетъ быть политической жизни по сей 1812 годъ; а другіе 42 мѣсяца принимаютъ въ прямомъ смыслѣ время его успѣховъ по Испанскую войну, и объясняютъ оные числомъ звѣринымъ, какъ ниже видно. — Касательно же 8 мѣсяцевъ, то оные полагаютъ со дня вступленія его въ Россію, съ іюня по ноябрь мѣсяцъ.

([29]) *Сіи возненавидятъ и запустѣвшу сотворятъ ю, и сожгутъ ю огнемъ*, то есть Вавилонъ. (Апокалипсисъ гл. 17, ст. 16.)

([30]) *Число звѣрино* 666. (Апокалипсисъ гл. 13, ст. 18.) Видно изъ исчисленія Дерптскаго Профессора Гецеля въ письмѣ къ Военному Министру Барклаю де Толли,

отъ 22 іюня 1812 года, что въ числѣ 666 содержится имя *Наполеона*, какъ и приложенный при семъ Французскій алфавитъ то доказываетъ.

a. b. c. d. e. f. g. h. i. k. l. m. n. o. p. q. r. s.
1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10 20. 30. 40. 50. 60. 70. 80. 90.
t. u. v. w. x. y. z.
100. 110. 120. 130. 140. 150. 160.

L e N a p o l e o n
20. 5. 40. 1. 60. 50. 20. 5. 50. 40.
E m p e r e u r
5. 30. 60. 5. 80. 5. 110. 80.
} 666.

Q u a r a n t e d e u x
70. 110. 1. 80. 1. 40. 100. 5. 4. 5. 110. 140.
} 666.

(31) *Имѣетъ седмь главъ и роговъ десять.* (Апокалипсисъ гл. 17, ст. 3. Подъ главами разумѣются здѣсь семь Королей, поставленныхъ Наполеономъ, какъ-то: *Неаполитанскій, Вестфальскій, Виртембергскій, Саксонскій, Голландскій, Испанскій, Баварскій;* а подъ рогами, десять народовъ, ему подвластныхъ, а именно: *Австрійскій, Прусскій, Саксонскій, Баварскій, Виртембергскій, Вестфальскій, Италіянскій, Испанскій, Португальскій, Польскій*, какъ въ Манифестѣ отъ 3 ноября 1812 г. явствуетъ.

(32) *Вельфегоръ идолъ,* — разумѣется здѣсь Наполеонъ, которому Государь не причастился, или союзникомъ не былъ.

(33) *Возстанетъ Михаилъ Князь Великій.* (У Пророка Даніила гл. 12, ст. 1.) — Замѣчательно, что Фельдмаршалъ Кутузовъ, при порученіи ему въ предводительство арміи, какъ бы нарочно, пожалованъ Княземъ, чтобы сблизиться съ Священнымъ Писаніемъ; впрочемъ онъ избранъ былъ общимъ голосомъ въ начальники всеобщаго ополченія.

(34) По нѣкоторымъ извѣстіямъ видно благочестіе Князя Кутузова, что онъ предъ Бородинскимъ сраженіемъ предъ иконою Божіей Матери съ Генералами въ виду всего войска присягнулъ, чтобы ни шагу съ мѣста не отступать.

(35) *Вавилонъ великій мати любодѣйцамъ и мерзостямъ земскимъ.* (Апокалипсисъ гл. 17, ст. 5 и гл. 18. ст. 2, 3.)

Разврать, соблазнъ, нечестіе и самое безбожіе Французскаго народа, не упоминая о бывшихъ въ последнюю революцію, видны въ Исторіи самыхъ давнихъ вѣковъ Христіанства. Ихъ упрекаютъ, что они еще во время обладанія Испаніею и Франціею Готѳами при Королѣ Вамбо, совокупясь съ нѣкоторымъ похитителемъ престола, Павломъ Грекомъ, какъ нынѣ съ Бонапартомъ, поругали Христіанскую Вѣру разными безчиніями; во время четвертаго Крестоваго похода въ Константинопольскомъ Софійскомъ Соборѣ плясали съ распутными дѣвками, изъ коихъ одна припѣвала сквернословную пѣсню. — Тожъ и въ лучшіе дни своего просвѣщенія при Людовикѣ XIV и въ Голландіи, какія Французы дѣлали жестокости и варварства, того безъ омерзѣнія къ нимъ напомянуть не можно. — Потомство и о нынѣшнихъ поступкахъ ихъ въ Москвѣ не лучше отзовется.

(36) Якобинцы.

(37) Извѣстно по Исторіи, что всегда сѣверные народы одолѣвали западныхъ, — и самый Римъ палъ отъ нихъ.

(38) Двѣнадцатилѣтнія даже дѣти тайно отъ своихъ родителей убѣгали въ ополченіе, какъ-то сынъ покойнаго Тайнаго Совѣтника Муравьева, и проч.

(39) Генералъ Раевскій выводилъ впередъ на сраженіе своихъ дѣтей.

(40) Когда по оклеветаніи нѣкоторыхъ крестьянъ во убійствѣ Французовъ приговорены они были къ казни, то они, простясь между собою, выходили безъ всякой робости подъ ружейные выстрѣлы, ознаменовавъ себя только крестнымъ знаменіемъ. (См. журналъ *Сынъ Отечества* № 6 стр. 244.)

(41) Увѣряютъ нѣкоторые, что будто въ Москвѣ выбита была, по приказанію Наполеона, монета или медаль, на которой изображенъ его портретъ съ надписью: «*Мой міръ и моя воля.*»

(42) Отзывъ Наполеона въ разговорахъ о мирѣ при вступленіи въ Россійскія границы.

(43) Извѣстно, что при Бородинскомъ сраженіи, при осмотрѣ Россійской арміи Княземъ Кутузовымъ, видѣнъ

былъ парящій надъ его главою орелъ. (Сѣверная Почта № 71.

([44]) Нѣкоторые скрытные недоброхоты, при полученіи извѣстій о побѣдахъ, хотя показывали радость, но всегда предвѣщали ужасы отъ Рейнскаго Союза.

([45]) *Нѣманъ*, извѣстная пограничная рѣка; а *Обь*, протекающая въ Сибири, куда отсылаются преступники.

([46]) *Гесперія* и *Альбіонъ*, древнія имена Испаніи и Англіи.

([47]) Изъ реляціи отъ 23 августа видно, что Князь Кутузовъ предсказалъ, съ котораго мѣста Наполеонъ атаковать его будетъ, и что, вступивъ въ Москву, онъ его истребитъ. (См. Сѣверную Почту № 70 и 75.)

([48]) Въ одномъ донесеніи Графа Витгенштейна видно, что легче ему было побѣждать Французовъ, нежели отъ нихъ ретироваться.

([49]) Никто столько не безпокоилъ Наполеона, какъ сей Генералъ своими казаками, такъ что Французы названій ихъ боялись. (Журналъ *Сынъ Отечества* № 9 стран. 128.)

([50]) Багратіонъ получилъ тяжкую рану при Бородинѣ, отъ которой скончался.

ПРИМѢЧАНІЯ

къ № V, на стран. 19,

ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ ХРИСТОСЪ.

([1]) Іоанна гл. 1, ст. 18. *Сый въ лонѣ отчи.*

([2]) Тамъ же. *Бога никто же видѣ, нигдѣ же.*

([3]) Къ Коринѳян. первое Послан. Павла гл. 12, ст. 3. *Никто же можетъ рещи Господа Іисуса, точію Духомъ Святымъ.*

([4]) Къ Коринѳян. второе Послан. гл. 12, ст. 2. *Восхищена бывша до третіяго небесе.*

([5]) Послан. первое Іоан. Богосл. гл. 2, ст. 27. *Помазаніе еъ васъ пребываетъ, и оно учитъ вы о всемъ.*

([6]) Мато. гл. 18, ст. 2. *Лице его яко солнце.* — Марка гл. 9, ст. 3. *Ризы блестящи яко снѣгъ.*

([7]) Іоан. гл. 20, ст. 27. *Принеси руку и вложи въ ребра моя.*

([8]) Іоан. гл. 4, ст. 13. *Никто же взыде на небо, токмо сшедый съ небесе.*

([9]) Іоан. гл. 14, ст. 2. *Въ дому Отца моего обитель многи суть.*

([10]) Іоан. гл. 6. ст. 51. *Азъ есмь хлѣбъ животный.* — Тамъ же гл. 7, ст. 37. *Аще кто жаждетъ, да пріидетъ ко мнѣ, и піетъ.*

([11]) Іоан. гл. 10, ст. 9. *Азъ есмь дверь, мною аще кто внидетъ, спасется.*

([12]) Царица Никавля и она же Сивилла Савская, увидя въ Іерусалимѣ у Соломона негніющее древо, на коемъ около тысячи лѣтъ послѣ распятъ Христосъ, въ изступленіи возгласила: *Се древо, на немъ же Богъ облеченный плотію умретъ въ воскресеніе.* — Также Эрнерейская, Куманская и прочія Сивиллы и Трисмегистъ въ Египтѣ предвѣщали о Христѣ. (См. Лактанція въ 4 кн.) — Магъ Сирійскій Валаамъ 4 книги числъ Моисея гл. 24, ст. 17, сказалъ: *Возсіяетъ звѣзда отъ Іакова и возстанетъ человѣкъ отъ Израиля.* — Пророкъ Аввак. гл. 3, ст. 1. *Господи, услышахъ слухъ твой и убояхся,* и проч.

([13]) Іоан. гл. 38, ст. 7. *Возгласиша мя гласомъ веліимъ вси Ангели мои.*

([14]) Даніилъ гл. 2, ст. 34. *Отторжеся камень отъ горы безъ рукъ, и удари тѣло въ нозѣ желѣзны и скудельны, и истни ихъ до конца.*

([15]) Дан. гл. 3, ст. 92. *И зракъ четвертый подобенъ Сыну Божію.*

([16]) Псалмъ 177, ст. 25 и 26. *О Господи, поспѣши же.* — *Благословенъ грядый во имя Господне.* — И прочіе Пророки предвѣщали о Мессіи или Помазанникѣ Божіемъ, Христѣ.

([17]) Мато. гл. 2, ст. 2. *Видѣхомъ бо звѣзду Его на востоцѣ и пріидохомъ поклонитися Ему.*

([18]) Луки гл. 2, ст. 7. *И положи Его въ яслѣхъ.*

([19]) Пс. 113, ст. 5. *И тебѣ Іордане, яко возвратился еси вспять.*

([20]) Іоан. гл. 1, ст. 29. *Св. агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра.*

([21]) Іоан. гл. 3, ст. 5. *Аще кто не родится водою и духомъ не можетъ внити въ Царствіе Божіе.*

([22]) Іоан. гл. 9, ст. 6. *Помаза очи бреніемъ слѣпому.* — и Луки гл. 7, ст. 22. *Слѣпіи прозираютъ, хроміи ходятъ, прокаженніи очищаются, глусіи слышатъ, мертвіи возстаютъ, нищіи благовѣствуютъ.* О сихъ чудесахъ Іисуса доносилъ и Понтійскій Пилатъ Императору Тиверію.

([23]) Матѳ. гл. 8, ст. 26. *Тогда возставъ запрети вѣтромъ и морю, и бысть тишина велія.*

([24]) Матѳ. гл. 8, ст. 32. *И рече (бѣсамъ): идите.*

([25]) Іоан. гл. 11, ст. 43. *И воззва: Лазаре, гряди вонъ.*

([26]) Матѳ. гл. 17, ст. 1 и 2. *И возведе ихъ на гору высоку едины и преобразися предъ нимъ.*

([27]) Тамъ же, ст. 2. *Се явистася имъ Моисей и Илія,* (изъ коихъ вторый по преданію Святыя Церкви живъ и донынѣ).

([28]) Тамъ же, ст. 5. *Гласъ изъ облака глаголя: сей есть Сынъ мой возлюбленный.*

([29]) Исаія гл. 53, ст. 12. *И со беззаконными вмѣнися.* — Матѳ. гл. 27, ст. 38. *Тогда распяша съ нимъ два разбойника: единаго одесную, и единаго ошуюю.*

([30]) Матѳ. гл. 27, ст. 30. *Пріяша трость, и біяху по главѣ его.*

([31]) Лука гл. 23, ст. 34. *Отче, отпусти имъ: не видятъ бо, что творятъ.*

([32]) Ко Евреямъ послан. гл. 2, ст. 14. *Да смертію упразднитъ имущаго державу смерти.*

([33]) Луки гл. 23, ст. 46. *И сія рекъ издше.*

([34]) Матѳ. гл. 27, ст. 51 и 52. *И земля потресеся, и каменіе распадеся.* — По описаніямъ путешественниковъ, и нынѣ видима разсѣлина въ каменной горѣ Голгоѳѣ.

([35]) Апокалипсисъ гл. 3, ст. 20. *Се стою при дверехъ и толку.*

(36) Іоан. гл. 4, ст. 24. *Духъ есть Богъ.* — И его же первое послан. гл. 1, ст. 5. *Богъ свѣтъ есть.*

(37) Іоан. гл. 1, ст. 14. *И слова плоть бысть.*

(38) Бытія кн. 1, гл. 1, ст. 3. *И рече Богъ: да будетъ свѣтъ, и бысть свѣтъ.*

(39) Ко Евр. гл. 2, ст. 8. *Вся покорилъ еси подъ нозѣ его.*

(40) Бытія гл. 1, ст. 26. *И рече Богъ: сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобію.*

(41) Бытія гл. 2, ст. 7. *И созда Богъ человѣка, персть вземъ отъ земли, и вдуну въ лице его дыханіе жизни.*

(42) Тамъ же, гл. 3, ст. 5. *И рече змій: и будете яко Бози.*

(43) Тамъ же, ст. 20. *Яко земля еси, и въ землю отъидеши.*

(44) Къ Римлян. гл. 8, ст. 22. *Вѣмы бо, яко вся тварь съ нами совоздыхаетъ.*

(45) Къ Колоссаямъ гл. 1, ст 20. *И тѣмъ примирити всяческая къ себѣ.*

(46) Послан. второе къ Коринѳ. гл. 5, ст. 4. *Воздыхаемъ, да пожерто будетъ мертвенное животомъ.* — И къ Колоссаямъ гл. 3, ст. 5. *Умертвите уды ваша яже на земли.*

(47) Послан. второе къ Коринѳ. гл. 12, ст. 9. *Сила бо моя въ немощи совершается.*

(48) Къ Галат. гл. 4, ст. 4 *Егда же пріиде кончина лѣта, посла Богъ Сына своего единороднаго.*

(49) Вечерняя пѣснь Св. Софронія, Патріарха Іерусалимскаго: *Пришедше на западъ солнца, видѣвше свѣтъ вечерній.*

(50) Іоан. гл. 1, ст. 12. *Даде имъ область чадомъ Божіимъ быти.*

(51) Матѳ. гл. 11, ст. 25. *Яко утаилъ еси сія отъ премудрыхъ и разумныхъ, и открылъ еси та младенцемъ.*

(52) Ко Евреямъ гл. 12, ст. 2. *Взирающіе на начальника вѣры и совершителя Іисуса.*

(53) Первое послан. къ Тимоѳ. гл. 3, ст. 16. *Богъ явися во плоти.*

(54) Іоан. гл. 14, ст. 6. *Никто же пріидетъ къ Отцу, токмо мною.*

(55) Тамъ же, ст. 10. *Яко Азъ во Отцѣ, и Отецъ во мнѣ.*

(56) Ко Евр. гл. 8, ст. 6. *И лучшаго завѣта есть ходатай.*

(57) Исаія гл. 53, ст. 11. *И грѣхи ихъ той понесетъ.*

(58) Къ Колоссаямъ гл. 1, ст. 20. *И тѣмъ примирити всяческая къ себѣ.*

(59) Къ Галат. гл. 6, ст. 7. *Богъ поругаемъ не бываетъ.*

(60) Матө. гл. 11, ст. 29. *Научитеся отъ мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ : и обрящете покой душамъ вашимъ.*

(61) Матө. гл. 5, ст. 44. *Любите враги ваша.*

(62) Матө. гл. 25, ст. 35 и 36. *Взалкахся бо, и дасте ми ясти* и проч.

(63) Ко Евр. гл. 5, ст. 10. *Нареченъ отъ Бога Первосвященникъ, по чину Мелхиседекову.*

(64) Къ Евр. гл. 7, ст. 27. *Единою (жертвою) себе принесъ.*

(65) Дѣян. Апост. гл. 2, ст. 3. *И явишася имъ раздѣлени языцы яко огненни.*

(66) Исаія гл. 42, ст. 3. *Трости сокрушены не сотретъ.*

(67) Къ Римлян. гл. 2, ст. 1. *Имже бо чудомъ судиши друга, себе осуждаеши.*

(68) Матө. гл. 4, ст. 19. *Грядита по мнѣ, и сотворю вы ловца человѣкомъ.*

(69) Дѣян. Апост. гл. 17, ст. 22. *Ставъ же Павелъ посредѣ Ареопага.* — Тамъ же, гл. 18, ст. 4. *Стязашеся же на сонмищахъ* (или въ синагогахъ).

(70) Іоан. гл. 1, ст. 3. *Вся тѣмъ быша : и безъ него ни что же бысть, еже бысть.* — Къ Ефес. гл. 4, ст. 10. *Сшедый и восшедый превыше всѣхъ небесъ, да исполнитъ всяческая.* — Къ Колосс. гл. 1, ст. 18. *Яко да будетъ во всѣхъ той первенствуя.*

(71) Іоан. гл. 4, ст. 23 и 24. *Егда истинніи поклонницы поклонятся Отцу духомъ и истиною.*

(72) Исаія гл. 11, ст. 4. *И духомъ устенъ убіетъ нечестиваго.*

(73) Къ Галат. гл. 3, ст. 13. *Христосъ искупилъ насъ отъ клятвы законныя.*

(74) Іоан. гл. 1, ст. 5. *Свѣтъ во тмѣ свѣтится, и тма его не объятъ.*

([75]) Второе послан. къ Корино. гл. 4, ст. 3. *Благовѣствованіе наше въ гибнущихъ есть покровено.*

([76]) Іоан. гл. 1, ст. 18. *Единородный Сынъ, сый въ лонѣ Отчи.*

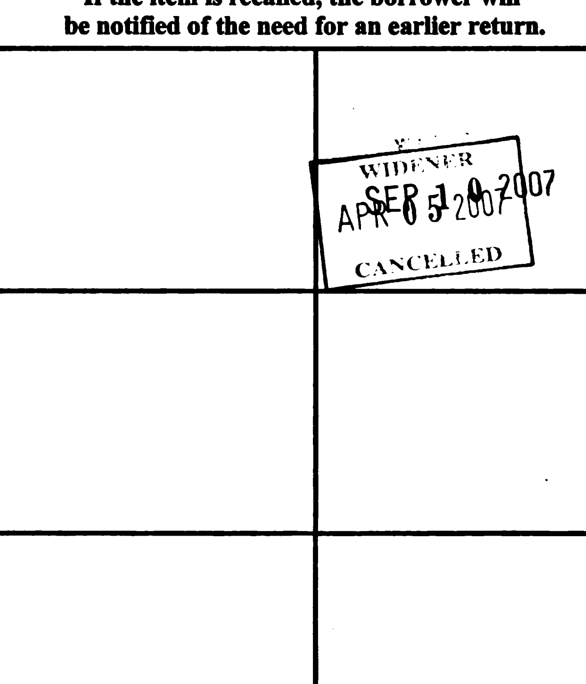
([77]) Мато. гл. 6, ст. 33. *Ищите прежде Царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ.*

([78]) Послан. второе къ Корино. гл. 6, ст. 16. *Вы есте церкви Божи жива.*

([79]) Пс. 6. *Слезами моими постелю омочу.*

([80]) Послан. второе Павла къ Тим. гл. 3, ст. 16. *Всяко писанье богодухновенно и полезно есть къ ученію.*

([81]) Мато. гл. 26, ст. 7. *Приступи къ нему жена стклянницу міра имущи многоцѣннаго.*


WIDENER
SEP 1 0 2007
APR 0 5 2007
CANCELLED